

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

ГАЙВОРОНСКИЙ Игорь Дмитриевич

Образ власти в каролингской литературе VIII-IX веков

Специальность: 07.00.03 – «Всеобщая история»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

**Научный руководитель –
д.и.н., проф. Прокопьев А.Ю.**

Санкт-Петербург – 2016

Оглавление

Оглавление	2
Введение	4
Глава 1. Каролингские авторы и их сочинения.....	56
1.1. Эпоха Карла Великого: Павел Диакон, анналистика и наследие Алкуина	57
1.2. Эпоха Людовика Благочестивого: труды Тегана и Астронома.....	70
1.3. «Истории» Нитхарда и анналистика	76
1.4. Литература 840-890-х годов: поэма, зеркало, «деяния»	83
Глава 2. Докаролингские представления о власти.....	96
2.1. Христианский элемент концепции власти раннего Средневековья ..	97
2.2. Германское начало раннесредневековой монархии	148
2.3. Перспективы рецепции римского образа власти	166
2.4. Выводы	173
Глава 3. Рождение образа власти эпохи Каролингов (конец VIII – начало IX веков)	176
3.1. Исторические условия	177
3.2. Возникновение христианнейшей династии: «Деяния мецских епископов» Павла Диакона	184
3.3. На пути к идее христианской империи	195
3.4. Идея христианской империи: наследие Алкуина	217
3.5. Императорская власть в представлении Карла Великого	249
3.6. Образ франкского монарха в церемониале	260
3.7. Выводы	265
Глава 4. Триумф христианского элемента: образ монарха в правление Людовика Благочестивого (814-840 гг.)	268
4.1. Новые вызовы для правящего дома и новые тенденции в каролингской литературе	269
4.2. Образ монарха в сочинениях Тегана и Астронома.....	291
4.3. Выводы	306
Глава 5. Трансформация образа власти в период распада Франкской империи (840-887 гг.).....	309
5.1. Смена приёмов конструирования	312
5.2. Противостояние Карла Лысого и Лотаря в «Историях» Нитхарда..	335
5.3. Образ правителя в каролингской анналистике 870-880-х годов	363
5.4. Выводы	387
Глава 6. Проблема германского элемента	397
6.1. «Аахенская» идея империи	399
6.2. Германская ипостась власти в каролингской литературе	409
6.3. В поисках франкского предания: «Деяния Карла Великого» Ноткера Заики как альтернатива хаосу эпохи	421
6.4. Судьба каролингских представлений о власти в конце IX-X веках	437
6.5. Выводы	449
Заключение.....	451

Список сокращений.....	469
Источники	469
Литература	476

Введение

Актуальность темы. Интерес к проблеме власти в Средние века был велик в исторической науке ещё в XIX веке: в то время поиск национальных корней представителями философской и исторической мысли европейских держав порождал анализ той роли, которая играла власть в генезисе национальных государств. На качественно новый уровень изучение проблемы власти вышло с середины прошлого столетия: дискуссия среди немецких, французских и англоязычных историков порождает сборники и монографии, освещающие самые разные аспекты феномена власти, включая её этику и образы¹. Связано это было с зарождением новых методологий истории – исторической антропологии и новой социальной истории: согласно воззрениям этих исследовательских школ, объектом изучения должны стать не обобщённые «структуры» и абстрактные социальные институты, а люди, социальные группы и корпорации, их составляющие².

В конце 90-х годов прошлого столетия и в течение первого десятилетия XXI века в связи с рецепцией европейских методологических концепций (прежде всего, антропологического подхода и новой социальной истории) проблема власти активно изучается в России, итогом чего

¹ См., напр.: *Herrschaft und Staat im Mittelalter* / Ed. H. Kampf. Darmstadt, 1956; *Kerner M. Ideologie und Herrschaft im Mittelalter*. Darmstadt, 1982; *Althoff G. Inszenierte Herrschaft. Geschichtsschreibung und politisches Handeln im Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003; *Arnold D. Johannes VIII.: Päpstliche Herrschaft in den karolingischen Teilreichen am Ende des 9. Jahrhunderts*. Berne, 2004; *Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013; *Lachaud F. L'Ethique du pouvoir au Moyen Age: L'office dans la culture politique (Angleterre, vers 1150-vers 1330)*. Paris, 2010; *Pichon B., Barat C. La puissance royale: Image et pouvoir de l'antiquité au moyen age*. Rennes: PU Rennes, 2012; *Charlemagne. Empire and society* / Ed. J. Story. Manchester, 2005; *Aspects of Power and Authority in the Middle Ages (International Medieval Researches)* / Ed. B. Bolton, C.E. Meek. Turhout, 2008; *Haripzanov I.H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877)*. Leiden; Boston, 2008. *Authorities in the Middle Ages: Influence, Legitimacy, and Power in Medieval Society (Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture)* / Ed. S. Kangas, M. Korpiola, T. Ainonen. Berlin, 2013.

² См.: *Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter*. Darmstadt, 1990; *Press V. Das alte Reich. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, 2000; *Moraw P. Gesammelte Beiträge zur Deutschen und Europäischen Universitätsgeschichte. Strukturen – Personen – Entwicklungen (Education and society in the Middle Ages and Renaissance. Bd. 31)*. Leiden, 2008.

становятся солидные коллективные компендиумы и фундаментальные труды³. Возник даже особый термин – «потестарная имагология», обозначающий дисциплину, изучающую образы власти⁴. В частности, исследование власти и социальных элит стало характерным почерком Санкт-Петербургской школы медиевистики, ведущие специалисты которой успешно разрабатывают проблему власти в своих областях⁵. Таким образом, тема предложенного диссертационного исследования неизбежно будет находиться в русле повышенного (и продолжающегося повышаться) интереса современной историографии к средневековому феномену власти.

Изучение образа власти особенно актуально на материале обозначенной эпохи средневековой истории – Каролингской, которая привлекала и будет продолжать привлекать взоры медиевистов. Именно VIII-IX века положили начало процессам, сыгравшим ключевую роль в становлении средневековой цивилизации: взаимодействие христианской, германской и римской культур дошло до стадии полноценного синтеза, возникли первые контуры феодального общества, христианство стало господствующей религией на большей части континента, а структура монархии приобрела очертания, которые в целом сохраняются на протяжении X-XV веков.

Поэтому не менее интересен вклад сложившегося в эпоху Каролингов образа правителя в представления о власти эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Еще Ж. Флори отметил, что монархическая этика VIII-IX столетия, «распавшись», в дальнейшем стала основой идеологии «божьего

³ См., напр.: *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время* / Под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008; *Власть и образ: очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010.; *Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М., 2009.

⁴ *Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология?* // *Власть и образ: очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. С. 5-37.

⁵ *Прокопьев А.Ю. История гроба как история власти* // *Старая Европа. Очерки истории общества и культуры. Памяти А.Н. Немилова* / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2007. С. 166-185; *Федоров С.Е. Liber Regalis и английские королевские инсигнии* // *Власть и образ: очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 159-175.

мира» и рыцарской этики Средневековья⁶. Этот интересный тезис – еще одно подтверждение актуальности каролингских образов государей в деле изучения медиевальных представлений о власти. Между тем, проблема образа власти эпохи Каролингов, представлений о ней, свойственных этой эпохе, на данный момент изучены недостаточно хорошо. Помимо ставших уже классическими трудов В. Бергеса и Х.Х. Антона, посвящённых «зерцалам князей» (Führstenspiegel)⁷, не так давно вышла монография русско-американского историка И.Х. Харипжанова, посвящённая «символическому языку» власти в каролингский период франкской истории⁸. Однако если первые два исследователя ограничились только одним жанром каролингской литературы – зеркалами – то И.Х. Харипжанов сконцентрировался на изучении материальной культуры, символического и актового материала: монет, монограмм, титулов и формул, почитав материал нарративных источников «вторичным». Проблема образа власти в каролингской литературе, под которой мы понимаем всю совокупность *повествовательных источников* эпохи, ранее не ставилась в исторической литературе.

Суммируя всё вышесказанное, становится предельно ясна высокая актуальность такой постановки темы, как «Образ власти в каролингской литературе VIII-IX веков». **Объектом исследования** будут выступать повествовательные (нарративные) источники Каролингской эпохи, для общей характеристики которых мы также будем использовать такие синонимичные термины, как «каролингская литература» или «литература «каролингского возрождения». **Предмет исследования**, которым является образ власти в каролингской литературе, требует дополнительного пояснения. Под образом власти в эпоху Каролингов мы понимаем, во-первых, образ верховной светской власти, то есть, прежде всего, образ монарха. Однако в исследуемый период этот образ мог существовать в

⁶ Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб., 1999. С. 86-161.

⁷ Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart, 1992; Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006.

⁸ Haripzanov I.H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston, 2008.

различных вариациях: а) образ конкретного исторического государя, воплощённый каролингскими авторами, что было характерно для анналов, биографий и исторических сочинений; б) образ абстрактно-идеального монарха, трансцендентный образец для подражания, характерный для «королевских зеркал» и, иногда, наставительных писем; в) кроме этого, в периоды кризиса «больших» жанров литературы (биографий, историй, зеркал), частым явлением был не целостный образ правителя, а образ *желаемой практики действий монарха*, который создавали каролингские анналисты и историки с помощью определённых акцентов и риторических приёмов. Их задачей стало не целенаправленное создание образа, «имагинарного»⁹, а сохранение в памяти потомков деяний того или иного правителя. Тем самым они создавали образ в глазах потомков, под влиянием чего, во многом, оказались и современные исследователи, характеризуя описанные ими представления о власти как «образ власти». Потому более корректно было бы назвать такие «потестарные» построения франкских анналистов их *представлениями о власти*.

Необходимо также подчеркнуть, что в данной работе *термин «образ власти» является исключительно рабочим, аналитическим или обобщающим и не претендует на аутентичность*¹⁰. В повествовательных источниках

⁹ История «имагинарного» по Ж. Ле Гоффу - это «история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью». См.: *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков / Пер. с фр. Д. Савосина. М., 2012. С. 9.

¹⁰ Также стоит упомянуть такие термины как *христианская монархия* и *христианская империя*, использовавшиеся в ряде предыдущих работ автора диссертации. Если под «христианской империей» справедливо следует понимать державу, созданную Карлом Великим и основанную на христианских принципах, то под «христианской монархией» – качество Франкского королевства, которое оно приобрело с крещением Хлодвига. Одновременно, «христианскую монархию» можно понимать как универсальную характеристику базирующихся на христианстве идей королевской власти, развивавшихся в Каролингской державе в VIII-IX вв. Однако в данном исследовании эти термины используются крайне редко по причине их расплывчатости. Сам термин «монархия», греческий по-происхождению, был введён в средневековый контекст лишь в конце XIII века писателем Данте Алигьери, в качестве характеристики уже формы правления. См.: *Гайворонский И.Д.* Христианская монархия первых Каролингов в трудах ее идеологов и политическая реальность // Проблемы истории и культуры средневекового общества: тезисы докладов XXIX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых

каролингского времени практически не использовалось такое понятие как «королевская власть» (*regalis potestas*): франкские хронисты и историки предпочитали говорить о короле (*rex*), затем описывая его конкретные добродетели и задачи¹¹.

В целом же на протяжении исследования понятия «образ власти», «образ монарха», «представления о власти», «концепция власти» (в которую действительно вырастали многие идеи каролингских авторов) и «политическая теология»¹² будут использоваться как синонимичные, кроме специально оговариваемых случаев. Иными словами, предметом данного исследования является вся совокупность представлений о государе в литературе Каролингской эпохи¹³.

Хронологические рамки работы охватывают период франкской истории с середины VIII до конца IX века. Кроме того, в главе 2, дающей обзор концепций власти, существовавших до эпохи Каролинги, автор затрагивает более ранние исторические эпохи. В последней главе, описывая дальнейшую судьбу каролингского образа государя, затрагиваются идеи

ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2010. С. 144–147; *Гайворонский И.Д.* Христианская монархия Каролингов во второй половине IX в.: образ в литературе и истоки его формирования // *Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 12 / Под ред. Л. Н. Черновой.* Саратов, 2013. С. 14–25; Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова. М., 1999.

¹¹ Термин «королевская власть» (*regalis potestas*) употреблялся лишь автоарми королевских зеркал, которые представляют собой вспомогательный материал диссертации, о чём будет сказано ниже. Епископ Иона Орлеанский и архиепископ Ремийский использовали данное словосочетание с целью разграничения власти короля и «священной власти понтифика» (*auctoris sacra pontificum*). Кроме того, авторы анналов довольно часто использовали термин *regnum* (королевство), подразумевавший территорию, на которой распространяется власть короля. См.: *Jonae. Opusculum de institutione regia* // *Migne J.P. Patrologia Latina. T.106. Paris, 1864. P. 279-306*; *Hincmar. De Ordine Palatii epistola* / *Texte latin traduit et annote par M. Prou* // *Bibliothèque de l'école des hautes études. Paris, 1885. P. 2-97*; *Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. Regna and Gentes: The Relationship Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Leiden; Boston, 2003.*

¹² Термин, введённый в западную медиевистику Э.Х. Канторовичем и означающий конструирование идей власти с помощью инструментария теологии. См.: *Канторович Э.Х. Два тела короля* / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М., 2014.

¹³ Понятия «монарх» (несмотря на его греческое происхождение), «государь» и «правитель» будут использованы в диссертации в качестве синонимичных понятиям «король» и «император», поскольку многие Каролинги объединяли последние два титула, и выделять значимость какого-то из них (титулов) в ряде случаев нецелесообразно.

власти X столетия. **Географические границы** исследования охватывают территорию Франкского королевства под властью династии Каролингов в 751-843 годах и земли отдельных каролингских королевств в 843-900 годах, с незначительным акцентом на событиях, источниках и писателях, относящихся к Западно-франкскому королевству.

Степень изученности проблемы. Зарубежная историография.

Ещё до того, как в раннее Новое время правители дома Каролингов стали затрагиваться в исторических трудах, они получили первое осмысление ещё в период Средних веков и в эпоху Возрождения. Первоначально, в X-XII веках каролингские монархи лишь едва заметно фигурировали на страницах французских и немецких хроник, своими царствованиями «предваряя» события времени, непосредственно описываемого хронистами¹⁴. Как правило, сведения о правлении каролингских династов в хрониках Высокого Средневековья становились результатом компиляции собственно франкских источников: самым ярким примером этого является «Хроника» *Адемара Шабаннского (989-1034 гг.)*¹⁵. Лишь в XII веке о каролингском имперском наследии, востребованном в Германии с момента восстановления империи Оттонами, начинают упоминать идеологи монархии: говоря о *translation imperii*, *Оттон Фрейзингенский (1112-114 – 1158 гг.)* включает в этот процесс империю франков, получившую императорское достоинство из Византии¹⁶.

¹⁴ См., напр., хроники Видукинда Корвейского, Адемара Шабаннского, Первые Мецские и Хильдесхаймские анналы: *Widukindi monachi Corbeiensis rerum gestarum Saxoniarum libri tres* / Recognovit P. Hirsch // SS rer. Germ. Bd. 60. Hannover, 1935. S. 25-27; *Ademar de Chabannes. Chronique* / Publiee d'après les manuscrits par J. Chavanon. Paris, 1897; перевод на рус. язык: Адемар Шабаннский. Хроникон / Пер. с лат. А. Банникова, А. Слёзкина и Г. Шмидта. СПб., 2015; *Annales Mettensis priores* / Primum recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. Hannover et Lipsia, 1905. S. 9-19.

¹⁵ *Ademar de Chabannes. Chronique* / Publiee d'après les manuscrits par J. Chavanon; О сочинении Адемара подробнее см.: *Landes R. Relics, Apocalypse, and the Deceits of History: Ademar of Chabannes, 989—1034*. Cambridge, 1995; *Grier J. Adémar de Chabannes, Carolingian musical practices, and «Nota Romana»* // *Journal of the American Musicological Society*. 2003. Vol. 56. P. 43-98.

¹⁶ *Otonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus* / Recognovit A. Hofmeister // MGH. SS rer. Germ. Hannover, 1912. S. 7.

Непрерывность Империи подкрепляется включением персоны Карла Великого в идеологическую стратегию Штауфенов: в 1166 году при содействии антипапы Пасхалия III крупнейший представитель династии Каролингов был причислен к лику святых¹⁷. Между тем, во Франции XII века образы монархов-Каролингов – главным образом, Карла Великого и Людовика Благочестивого – получают отражение в местном эпосе и, в частности «героических песнях» (*chanson des gestes*): Карл и окружающее его дворянство предстают образцовыми христианскими рыцарями, защитниками королевства и веры от смутьянов и неверных¹⁸. Кроме того, сами Капетинги регулярно актуализировали «каролингское наследие», активно ища, с целью собственной легитимации, браков с потомками Карла Великого: например, Филипп-Август (1180-1223 гг.) был женат на Изабелле де Ино, происходившей от дочери Карла Лотарингского (953 – ок. 993 гг.) Эрменгарды¹⁹.

В Германии в XIII веке с падением Штауфенов и кризисом Империи каролингское наследие становится менее актуальным, образ единственного монарха этой династии, о котором остались воспоминания в кругах интеллектуалов и народа – Карла Великого - сохраняется в «замковых легендах»: однако, например, в легенде Вальзеберга Карл вытесняет из народного создания самого «спящего Гonenштауфена» Фридриха II²⁰. К западу же от Рейна Карла из французской монархической легенды

¹⁷ *Weinfurter S.* Stauferreich im Wandel. Ordnungsvorstellungen und Politik in der Zeit Friedrich Barbarossas. Stuttgart, 2002; *Laudage J.* Friedrich Barbarossa. Eine Biographie. Regensburg, 2009; *Görich K.* Friedrich Barbarossa: Eine Biographie. München, 2011.

¹⁸ См., напр.: *La Chanson de Roland* (1090) // *Orbis Latinus* [Электронный ресурс] URL: http://www.orbilat.com/Languages/French/Texts/Period_02/1090-La_Chanson_de_Roland.htm (дата обращения: 08.10.2015); *Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel* / Hrsg. E. Koschwitz. Heilbron, 1880; *Gautier L.* Les Epopées francaises. V.2. Paris, 1878.

¹⁹ *Фавтье Р.* Капетинги и Франция / Пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2001. С. 78.

²⁰ *Глогер Б.* Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Пер. с нем. А. Беленькой. СПб., 2003. С. 253.

окончательно вытесняет Святой Людовик (1226-1270 гг.), утвердившийся во Франции в роли идеального христианского короля²¹.

Лишь в начале XVI века в связи с новой консолидацией Империи под властью Габсбургов Карл Великий «возвращается»: кисть Альбрехта Дюрера (1471-1528 гг.) представляет Карла не только по-гуманистически внушительного и сильного государя, но и как главу Священной империи, увешанного имперскими инсигниями: короной (Reichskrone), державой (Reichsapfel) и мечом (Reichsschwert)²².

Тем не менее, все эти образы каролингских правителей, конструируемые в Средние века и в эпоху Ренессанса, являются лишь плодом идеологических исканий, имевших место то во Французском королевстве, то в Империи. К ним примыкают многочисленные генеалогические спекуляции на тему родства дворянских домов с домом Каролингов, среди которых самой известной является спекуляция герцогов Гизов, возводивших свою фамилию к Карлу Великому и являвшихся родственниками Каролингского дома в действительности²³. В силу объективных причин – отсутствия каких-либо зачатков исторического метода – образы правителей-Каролингов не становятся в XI-XVI веках предметом изучения.

Вторая половина XVI – первая половина XX вв.

Сама по себе светская власть начала вызывать интерес интеллектуалов уже в раннее Новое время, когда стала предметом исторического и философского осмысления, а не предметом духовно-церковных и генеалогических спекуляций. С появлением идей *Жана Бодена (1529/1530 –*

²¹ См., напр.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Матузовой. М., 2001; *Pinoteau H.* Saint Louis: son entourage et la symbolique chrétienne. Paris, 2005.

²² Albrecht Durer. Emperor Charlemagne and Emperor Sigismund // Web Gallery of Art [Электронный ресурс]. URL: http://www.wga.hu/html_m/d/durer/1/08/2empero.html (дата обращения: 08.10.2015). См. также: *Fillitz H.* Die Insignien und Kleinodien des Heiligen Römischen Reiches. Wien; München, 1954.

²³ *Goyau G.* House of Guise // The Catholic Encyclopedia. Vol. 7. New York, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07074a.htm> (дата обращения: 08.10.2015); *Pigaillem H.* Les Guises. Paris, 2012.

1596 гг.)²⁴ и Шарля Монтескье (1689-1755 гг.), создавшими теории ограничения власти государства естественным правом и законами, можно говорить о появлении интереса к теме образа власти среди представителей исторической мысли. Тогда же была предпринята первая попытка определить место власти Каролингской династии в историческом развитии Франции и Европы: оба эрудита помещали Франкскую монархию VIII-IX веков у фундамента Французского государства²⁵.

В XVIII веке с приходом эпохи Просвещения с её верой в мощь разума и стремлением к изживанию феодальных предрассудков и институтов, проблема власти в раннее Средневековье приобрела особую остроту. Во *французской историографии* разгорелась дискуссия между «германистами» и «романистами», обосновывавшими роль того или иного элемента (франко-германского или же галло-римского) в складывании Французского государства эпохи Средневековья. В этих условиях история франков и её Каролингский период впервые оказываются в центре внимания исследователей прошлого.

Конец XVII-XVIII века ознаменовались активизацией в эрудитской среде Франции дворянских идеологов: А. де Буленвилье (1658-1722 гг.) и Ф.-Д. Монлозье (1755-1838 гг.), принадлежа к разным поколениям, доказывали схожий тезис: французская монархия и французское дворянство родились после франкского завоевания Галлии, и имеют германо-франкские корни. Следовательно, статус завоевателей обосновывает право монарха и дворянства господствовать над всем остальным населением, состоящем из

²⁴ Современные историки рассматривают политические концепции Ж. Бодена в контексте идей власти ренессансной и конфессиональной эпох, когда были популярны постулаты власти абсолютной, ограниченной, однако, божественными законами. См.: Couzinet M.-D. Jean Bodin. Paris, 2001; Opitz-Belakhal C. Das Universum des Jean Bodin. Staatsbildung, Macht und Geschlecht im 16. Jahrhundert. Frankfurt/M: Campus Verlag, 2006; Demelemestre G. Les deux souverainetés et leur destin. Le tournant Bodin-Althusius. Paris, 2011.

²⁵ Bodin J. Les six livres de Republic. Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Paris: Librairie générale française, 1993; Montesquieu C. De l'esprit des lois / Ed. V. Goldschmidt. T.1. Paris, 1993.

потомков завоеванных галло-римлян²⁶. Однако лагерь историков, выделявших германский элемент Франкской монархии в качестве доминирующего, уже тогда был неоднороден: упоминавшийся Ш. де Монтескье а также аббат *Габриэль Бонно де Мабли (1709-1785 гг.)* настаивали на том, что во франко-германских институтах, пришедших в Галлию вместе с завоеванием, был заложен элемент «народовластия», затем нарушенный монархией Каролингов²⁷.

Параллельно, уже в первой половине XVIII века возникли первые ростки концепции «романизма»: согласно воззрениям *Жан-Батиста Дюбо (1670-1742 гг.)*, Франкская монархия также была результатом завоевания, однако не представляла собой прогрессивный элемент: ключевую роль в истории Франции, по мнению Ж.-Б. Дюбо, всегда играло третье сословие, состоявшее из потомков завоеванных галло-римлян²⁸. Апогея эта идея идеологов нарождавшейся буржуазии достигла в концепции «оппозиции рас», предложенной *Огюстеном Тьерри (1795-1856 гг.)* в его «*Заметках по истории Франции*»: монархия Каролингов не только была результатом франкского завоевания, но и представляла собой элемент, чуждый потомкам галло-римлян, поэтому и распалась вскоре после смерти Карла Великого (768-814 гг.)²⁹. Критика этого взгляда была осуществлена *Франсуа Гизо (1787-1874 гг.)* во втором томе лекционного курса «*История цивилизации во Франции*»³⁰. Согласно концепции Ф. Гизо, говорить о противоречиях между франками и гало-римлянами в IX веке некорректно: Карл Великий объединил в одно целое то, что мог собрать воедино лишь подлинный государственный гений. Каролингская монархия же заняла своеобразный «вакуум»,

²⁶ *Boulainvilliers H.* Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Michigan, 1727; *Montlosier F.-D. de R.* De la Monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours. 7 vv. Paris, 1814-1824.

²⁷ *Montesquieu C.* De l'esprit des lois / Ed. V. Goldschmidt. T.1; *Abbe de Mably.* Observations sur l'histoire de France. Geneve, 1756.

²⁸ *Dubos J.-B.* Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T.1. Paris, 1742.

²⁹ *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France. P., 1859. P. 107.

³⁰ *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France: Depuis La Chute de L'Empire Romain. T 2. Paris: HACHETTE LIVRE-BNF, 2013.

образовавшийся после кризиса позднеантичных порядков, ещё сохранявшихся в меровингскую эпоху³¹.

С этого момента корректно говорить об интересе к каролингскому феномену власти собственно исторической науки. Одновременно, фундаментальный труд Ф. Гизо является важным звеном в переходе от методологии романтизма, сформировавшейся в эпоху Реставрации к позитивистскому периоду в развитии исторической науки, первыми методологиями которой были романтизм и позитивизм. Вместе с тем, можно определить главную черту в изучении проблем власти в XIX веке: наличие интереса именно к политическим институтам каролингской монархии, к структуре и природе власти, а не её идеологии.

Однако в своем курсе лекций Ф. Гизо все же предпринял попытку оценить взгляды на власть ряда каролингских интеллектуалов. В лекции «о состоянии умов во Франкской Галлии V-VIII веков» французский историк проанализировал видение Алкуином власти Карла Великого. Согласно Ф. Гизо, именно Алкуин внедряет христианскую концепцию власти, которая будет доминировать в каролингских представлениях о власти вплоть до конца правления Людовика Благочестивого. Центральный образ этой концепции – Карл как библейский Давид, наделенный христианскими добродетелями, создающий мировую христианскую империю и надзирающей за распространением в ней истинной веры. Рассмотрено у Ф. Гизо и отношение к власти франкских королей каролингского интеллектуала более позднего периода – Хинкмара Реймского. В своём трактате «О дворцовом порядке» Хинкмар предлагает новую концепцию королевской власти, основанную на идее служения христианского монарха церкви Западно-франкского королевства, возглавляемой епископатам³².

Структуре и практики власти Каролингской эпохи был посвящён 6-й том *«Истории институтов древней Франции»* Нюма-Дени Фюстеля де

³¹ Ibid.

³² Ibid.

Куланжа (1830-1889 гг.). Продолжая традицию романизма и, одновременно воплощая в своём труде тягу европейских историков второй половины XIX века к изучению права, Н.-Д. Фюстель де Куланж видел в каролингском период сосуществование двух начал власти «публичного» и «частного». Меровинги были представителями частного начала, рассматривая Франкское королевство как свою личную собственность. Карл Великий же предпринял попытку возродить публичную власть примерно в том виде, в котором она существовала в римский период, то есть восстановить государство. Однако этот проект разбился об интересы земельных магнатов, которые не желали подчиняться верховной королевской власти и ко времени Карла Лысого взяли её под свой контроль³³.

Интерес к административному аппарату каролингской монархии и политическим институтам сохранялся в историографии Франции во многом и в первой половине XX столетия. Под влиянием набиравшей силу в Европе «исторической социологии» началось смещение акцентов в сторону изучения взаимодействия власти и общества. Так, *Фердинанду Лоту (1866-1952 гг.)*, удалось подробнейшим образом изучить политическую историю каролингской эпохи, проследить эволюцию социальной структуры каролингского общества³⁴. Его хрестоматийный труд *«Последние Каролинги»*³⁵ является подлинно энциклопедическим описанием периода 954-987 годов, раскрывает противоречия между Каролингами, Робертинами и Оттонами, роль королевской власти в них, поднимает вопрос о причинах падения династии потомков Карла Великого. Работа Ф. Лота по праву имеет статус академического труда, использующегося во французских университетах при изучении средневековой истории.

Однако в 20-30-е годы XX века уже проявились новые тенденции в подходе к проблеме власти в каролингский период: возникает интерес к

³³ *Фюстель де Куланж*. История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. Петроград, 1916.

³⁴ *Lot. F.* La France des origines a la guerre de cent ans. Paris, 1941; *Lot. F.* Naissance de la France. Paris, 1948.

³⁵ *Лот Ф.* Последние Каролинги. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.

династическим проблемам истории Каролингов, к теме не противоречия, а *взаимодействия* между королевской властью и аристократией. Одним из первых, кто стал рассматривать власть Каролингов в контексте власти внутри королевской семьи, был *Франсуа Луи Гансхоф (1895-1980 гг.)*. В своей статье «*Конец правления Карла Великого*» историк показал, что крах семейного уложения *Divisio Regnorum* означал и крах политической системы эпохи Карла³⁶. Такое видение проблемы свидетельствовало о свежем на тот момент взгляде на раннесредневековую власть как совокупность практик внутри «большой» королевской семьи. Написавший в том же году монографию «*Изучение рождения территориальной власти во Франции (IX-X вв.)*» бельгийский специалист *Жан Дондт* также находился в русле новой тенденции рассматривать отношения между королём и знатью как попытку выгодного взаимодействия; Ж. Дондт подчёркивал: отношения между королевской властью и аристократией в Каролингское время – главный инструмент преобразования Франкского государства³⁷.

Также, именно в первой половине XX века во французской историографии появился пример исследования политических идей каролингского времени: *Жан Ревирон* первым предпринял попытку изучить наследие епископа Ионы Орлеанского, издав в 1930 году трактат «О королевском служении»³⁸. В своей работе Ж. Ревирон охарактеризовал Иону Орлеанского как апологета теократических идей, концепции подчинения короля воле епископов³⁹. Изучались и совсем другие аспекты эпохи, такие как экономика и общество: свою роль в актуализации Каролингской эпохи во франкоязычной историографии сыграл бельгийский исследователь *Анри Пиренн (1862-1935 гг.)*, в статье «*Магомет и Карл Великий*» показавший

³⁶ *Ganshof F. L.* La fin du règne de Charlemagne, une decomposition // *Revue suisse d'histoire*. 1948. P. 433–451.

³⁷ *Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècles). Bruges, 1948.

³⁸ De institutione regia // *Reviron J.* Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia*: étude et texte critique. Paris, 1930.

³⁹ *Reviron J.* Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia*: étude et texte critique.

связь образования империи Каролингов с прекращением средиземноморской торговли⁴⁰. Наконец, свой вклад в изучение каролингских сюжетов внёс и знаменитый *Марк Блок (1886-1944 гг.)*, который в своей главной работе «*Феодальное общество*» (1939-40 гг.) включил каролингскую эпоху в состав «первого феодального периода» IX-X веков⁴¹. Говоря о природе власти монархов этого времени, М. Блок подчеркивал, что ипостась короля как «священной особы» была следствием понимания социально-политической роли монарха как «вождя народа» - *thiudans*⁴². В другой своей монографии - «*Короли-чудотворцы*», увидевшей свет уже после смерти автора, М. Блок более чётко очертил роль VIII-IX веков в процессе эволюции сакральности королевской власти в Средние века: по мысли М. Блока, в каролингское время вокруг власти монарха была создана атмосфера почти религиозного поклонения, выражавшаяся, прежде всего, в ритуале миропомазания⁴³. Однако М. Блок не придаёт особого значения литературным «формулам вежливости», использовавшимся франкскими авторами, в частности Хинкмаром: для него они – лишь свидетельство знания писателями латинской литературы, сама же попытка Каролингов возродить римскую имперскую традицию власти, по мнению историка, была поверхностной⁴⁴.

В деле изучения проблемы власти Каролингской эпохи XIX – первая половина XX веков явились очень плодотворным временем для *немецкой историографии*. Первая половина позапрошлого столетия отметилась интересом к истории государства и права, и именно в этом контексте рассматривалась монархическая власть Каролингской эпохи. Основатель германской школы права *Карл Фридрих Эйхгорн (1781-1854 гг.)* создал первый фундаментальный труд по теме - «*Немецкую историю государства и права*», в которой затронул юридическую сторону каролингской монархии:

⁴⁰ *Pirenne H. Mahomet et Charlemagne*. Paris, 1937.

⁴¹ *Блок М. Феодальное общество*. М., 2003. С. 67-68.

⁴² Там же. С. 374.

⁴³ *Блок М. Короли-чудотворцы* / Пер. с фр. В. Мильчиной. СПб., 1998. С. 139.

⁴⁴ Там же. С. 137-138.

каролингские капитулярии и кодификацию обычного права в виде «варварских правд»⁴⁵.

Во второй половине XIX века на волне создания единого Немецкого государства и подъёма националистических настроений, интерес к каролингской монархии и проблеме власти значительно усилился. Именно в этом русле была написана работа *Георга Вайтца (1813-1886 гг.) «История немецкого государства»*. Изучая каролингский период, Г. Вайтц уделил основное внимание идеям единой империи, сильной монархической власти; несомненной заслугой немецкого историка стала постановка вопроса о взаимодействии в структуре каролингской власти, государства и права римских и германских элементов⁴⁶. Продолжал традиции немецкой академической школы права берлинский исследователь *Хайрих Бруннер (1840-1915 гг.)* в книге *«История немецкого права»* выделив в истории немецкой монархии «франкский период», во время которого власть столкнулась с проблемой кодификации права различных германских племён⁴⁷. Общей чертой всех этих трудов стало обусловленное «этатистским духом» немецкой историографии стремление поместить франкскую монархию у истоков немецкого государства.

Своеобразным итогом предвоенного периода существования немецкой школы права стала фундаментальная работа *Георга фон Белова (1858-1927 гг.) «Немецкое государство в Средние века»*, вышедшая в 1914 году. В ней ведущий историк права первой четверти XX века тщательно проработал концепцию истоков распада империи Карла Великого: по мнению Г. Фон Белова, причиной её крушения было естественное противоречие между централизованной монархией Каролингов и стремящейся к сепаратизму земельной аристократией⁴⁸. Однако Г. фон Белов, более интересуясь соотношением королевской власти и территориально-

⁴⁵ *Eichhorn K.F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 1 Göttingen, 1843.

⁴⁶ *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3. Kiel, 1860.

⁴⁷ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig, 1906.

⁴⁸ *Below G.* Der deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.

правовых структур раннефеодальной эпохи, оценивал каролингскую империю более критически, чем его предшественники: как структуру, неспособную устоять перед естественным развитием политико-правовых отношений того времени⁴⁹.

Позитивную роль империи Каролингов видел *Вильгельма фон Гизебрехта (1814-1889 гг.)*. Им были достигнуты первые серьёзные успехи в освещении политической деятельности каролингских монархов. Вместе с тем, в работе «*Карл Великий*» В. фон Гизебрехтом был поднят вопрос о неизбежности распада Франкской империи в связи с противоречием между единой монархией Каролингов и частными устремлениями местных сеньоров⁵⁰.

Особняком стояли исследования по экономической истории Каролингов, очень часто затрагивающие вопросы, связанные с властью. Так, один из отцов основателей марксистской исторической методологии *Фридрих Энгельс (1820-1895 гг.)* в работе «*Франкский период*» поднял вопрос зависимости политики королей из династии Меровингов и Каролингов от развития экономики и, в частности, феодального землевладения. По мысли Ф. Энгельса, сила и успех королевской власти базировались на земельных пожалованиях феодалам, которые, нуждаясь в земле, поддерживали династию. Когда же земельный фонд иссякал, крупные феодалы способствовали смене династии, что и произошло в 751 году⁵¹. Экономические отношения как решающий фактор в определении политики династии рассматривались *Альфонсом Допшем (1868-1953 гг.)* в его труде «*Экономическое развитие в эпоху Каролингов*» (1914 г.). Однако если Ф. Энгельс считал хозяйство этого периода раннефеодальным и натуральным по

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Giesebrecht W. Karl der Grosse. Leipzig, 1885.

⁵¹ Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 510-516.

своей природе, то А. Допш выдвинул тезис о товарном характере каролингской экономики⁵².

Нельзя не отметить, что в конце XIX века в немецкой исторической науке существовала тяга не только специализированным исследованиям по истории государства, права и экономике, но и к написанию общих трудов, главным из которых явился трёхтомник *Карла Лампрехта (1865-1915 гг.) «История германского народа»*. В первой книге, включавшей рассмотрение каролингского этапа немецкой истории, автор проследил эволюцию франкских социальных и политических институтов⁵³. В сфере изучения монархии в каролингский период основной акцент К. Лампрехта был сделан на то, что система власти, имевшая место в середине VIII – IX веков, была создана в Галлии и Германии именно династией Каролингов; в эту систему уже входили отношения между королём и его прямыми вассалами, которые затем и привели к распаду Франкской империи. Также К. Лампрехт попытался рассмотреть образ власти Карла Великого в контексте немецкой истории. Для него Карл – тот государь, который связал светские и духовные интересы в такое прочное единство, что разорвано оно было только в течение длительно борьбы, начавшейся при Григории VII и закончившейся при Лютере. Отождествляя монархию Карла Великого и собственные представления этого монарха о своей власти, К. Лампрехт утверждал, что держава Карла после коронации 800 года принимает характер «церковного государства», основанного, по мнению историка, на идеях, высказанных в книге Августина «О граде Божьем», которые Карл переработал, приспособив к реалиям своей эпохи⁵⁴.

Многие аспекты взаимоотношения светской власти и церкви, представления клира об образцовом правителе были также затронуты в книге историка церкви *Альберта Хаука (1854-1918 гг.)*⁵⁵.

⁵² Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. Weimar, 1921.

⁵³ Lamprecht K. Deutsche Geschichte. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1912.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Т. 2. Leipzig, 1912.

Вопросы, связанные с королевской властью эпохи Каролингов, поднимались в немецкой историографии не только в рамках специализированных и общих трудов. Среди немецких историков уже в первой половине XIX века существовал интерес к конкретным идеологам королевской власти эпохи Каролингов. Свидетельством этого стала книга *Фредерика Лоренца «Алкуин»*: в этом первом посвящённом йоркскому дьякону исследовании немецкий историк поставил вопрос о влиянии политически идей Алкуина политику Карла Великого, рассмотрел алкуиновские представления о власти и идеальном правителе⁵⁶. Согласно Ф. Лоренцу, Алкуин был главным политическим советником Карла, видевшим его как «нового Давида», способного создать христианскую империю. Именно императором видел Алкуин своего государя, поэтому и вдохновил его на восстановление на престоле папы Льва III (795-816 гг.), а также был, вместе с Карлом, автором проекта коронации 800 года⁵⁷.

Исследование событийной канвы отдельных царствований отдельных взятых монархов династии Каролингов началось в связи с основанием в 1819 году проекта сбора немецких источников – «Исторические памятники Германии» (*Monumenta Germaniae Historica*, далее - MGH). В 1826 году был основан одноимённый институт, который возглавил *Георг Генрих Пертц* (1795-1876 гг.), специализировавшийся как раз на каролингских хрониках. С середины XIX по начало XX века институт MGH осуществил издание всех основных нарративных источников, которое сопровождалось критическими предисловиями и комментариями таких специалистов как Г.Г. Пертц, Г. Вайц, *Фридрих Курце*, *Эрнст Мюллер*, *Бернард фон Симсон* (1840-1915 гг.), *Освальд Холдер-Эггер* (1851-1911 гг.)⁵⁸ и многих других. Фактически именно

⁵⁶ В работе использовано британское издание. См.: *Lorenz F. The Life of Alcuin*. London, 1837.

⁵⁷ Ibid. P. S. 196-217.

⁵⁸ См., напр.: *Waitz G. Praefatio // Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover, 1883. S. V-X; *Kurze F. Praefatio // Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover, 1895. S. V-XIX;

благодаря работе этих историков огромная масса каролингских памятников была введена в научный оборот. Большой вклад в изучение литературы и писателей каролингского времени внёс стоявший особняком *Макс Манициус (1868-1933 гг.)*, на страницах первого и второго томов крупного труда «*История латинской литературы в Средние века*» описавший происхождение, содержание и особенности большинства каролингских повествовательных источников⁵⁹.

Тем не менее, немецкие историки XIX - начала XX века, как и французские коллеги, в целом тяготели к изучению политических институтов каролингского времени, *природы и структуры* власти, а не её образа.

Поражение Германии в Первой Мировой войне, национальный кризис и приход к власти нацистов в очередной раз подогрели интерес к средневековой истории. Монархия Каролингов стала рассматриваться такими историками, как *Ганс Науман (1886-1951 гг.)*, *Мартин Линтцель (1901-1955 гг.)* и *Карл Эрдман (1898-1945 гг.)* в качестве фактора консолидации германского народа и германского духа, однако не без издержек: действия Карла Великого против саксов рассматривались как геноцид братского арийского народа⁶⁰. Тем не менее, нацистская историография сыграла крупную роль в эволюции немецкой исторической науки: она спровоцировала изучение социальной истории, в которой в 30-е годы значительная роль отводилась «вождям» немецкого народа, в том числе Карлу Великому и его преемникам из рода Каролингов. Самого Карла

Holder-Egger O. Prefatio // *Einhardi Vita Karoli Magni* / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover; Lipsia, 1911. S. V-XXIX.

⁵⁹ *Manitius M.* *Geichichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. Bd. 1-2. Munchen: C.H. Beck, 1911.

⁶⁰ В частности, *Людвиг Квидде* озглавил свою статью «Карл Великий – мясник саксов?». См.: *Quidde L.* *Karl der Grosse – der Sachsenschlächter?* // *Pariser Tageblatt*. Jg. 3. Nr. 491 vom 17. April 1935. S. 4. См. также: *Hampe K., Naumann H., Aubin H., Lintzel H., Baethgen F., Brackmann A., Erdmann C., Windelband W.* *Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher*. Berlin, 1935 122 S.

историки нацистского времени видели, прежде всего, германским королём, а не христианским и даже не германо-римским императором⁶¹.

В контексте же нашего исследования наиболее важным достижением историографии 30-х представляется её интерес к теме взаимоотношений короля и знати. Революционной стала концепция молодого, 36-летнего историка *Герда Телленбаха (1903-1999 гг.)*, ставшего автором термина «имперская аристократия» (Reichsadel): по его мнению, Каролинги сами формировали слой высшей знати, который поддерживал монархов во всех начинаниях⁶². К концу 1950-х годов Г. Телленбах продолжал успешно оперировать своей концепцией, став ведущим специалистом в ФРГ по теме отношений между короной и знатью, создавшим собственную исследовательскую школу⁶³.

Продолжалось изучение юридических основ Каролингской монархии. В вышедшей в 1933 году работе *Хайриха Миттайса (1889-1952 гг.)*, в которой исследовались правовые аспекты взаимоотношения короны, знати и церкви в каролингский период⁶⁴. Между тем, ещё в конце 20-х годов появились первые исследования, посвящённые идеям и репрезентации королевской власти в каролингский период. Первопроходцем стал *Эрнст Перси Шрамм (1894-1970 гг.)*, опубликовавший в 1928 году свою главную книгу «*Немецкие императоры и короли на изображениях своего времени. 751-1152 гг.*»⁶⁵. По мнению исследователя, изучившего материал королевской иконографии, каролингские монархи видели свою власть как личное служение.

⁶¹ Goetz H.-W. Moderne Mediävistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung. Darmstadt, 1999.

⁶² Tellenbach G. Königtum und stämme in der werdezeit des deutschen reiches. Weimar: H. Böhlau nachfolger, 1939.

⁶³ Tellenbach G. Vom Karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Herrschaft und Staat im Mittelalter / Ed. H. Kampf. Darmstadt, 1956. S. 191-242.

⁶⁴ Mitteis H. Lehnrecht und Staatsgewalt – Untersuchungen zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte. Köln: Bohlaus, 1958.

⁶⁵ Schramm P.E. Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit 751–1152. München: Prestel, 1983.

Ключевую роль в деле исследования идей власти каролингского периода в довоенное время сыграла вышедшая в 1938 году монография Вильгельма Бергеса (1909-1978 гг.) «Княжеские зеркала Высокого и Позднего Средневековья»⁶⁶. Несмотря на то, что работа была посвящена зеркалам XII-XV веков, во введении В. Бергес коснулся каролингских памятников. Историк утверждал, что между классическими зеркалами XII века (такими как «Policraticus» Иоанна Солсберийского) и зеркалами каролингской эпохи, большинство из которых были основаны на учении Псевдо-Киприана Карфагенского, отсутствует преемственность. Корни идей власти XII века стоит искать не в каролингской политической этике, а в борьбе и синтезе римских правовых традиций и традиции германского обычного права, наиболее ярко представленного норвежскими и испанскими зеркалами⁶⁷. Несмотря на это скептическое по отношению к каролингским зеркалам утверждение, вклад В. Бергеса в изучение проблемы сложно переоценить: именно он, наряду с П.Э. Шраммом, по-настоящему поднял тему образа власти Каролингской эпохи.

Таким образом, старая немецкая историография не отставала от своих конкурентов к западу от Рейна: активно велось изучение политико-правовой сущности власти во Франкском королевстве VIII-IX веков, были подняты вопросы влияния церкви на власть и взаимоотношения короля и аристократии.

Поскольку тема Каролингской империи, стоявшей у истоков большинства институтов средневековой Европы, а значит, и всей западной цивилизации, обречена была носить своеобразный «интернациональный» оттенок, определённые успехи в изучении темы власти в VIII-IX веках были достигнуты *англоязычной историографией* конца XIX - первой половины XX века. Закономерной чертой изучения каролингских сюжетов в недрах молодой американской исторической науки являлся интерес к одному из

⁶⁶ Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart, 1992.

⁶⁷ Ibid. S. 3-22.

прародителей «англосаксонского мира» - просветителю Британии и Франкии Алкуину Йоркскому.

Одним из первых подробно исследовал представления Алкуина о Карле Великом как о «новом Давиде» А.Ф. Уэст в работе «Алкуин и подъём христианских школ» (первое издание вышло в 1892 году)⁶⁸. Как и в упоминавшейся книге Ф. Лоренца, именно Алкуин, по мнению А.Ф. Уэста, вдохновил Карла на поход за Альпы в 800 году и спасение папы от группировок римской знати⁶⁹. Похожих взглядов, с ещё большим акцентом на формируемый Алкуином образ монарха, придерживался автор вышедшей в 1909 году книги «Письма Алкуина» Ральф Барлоу Пэйдж: для Алкуина и его современников Карл Великий – пророк-священник и король-воин. Его деятельность охватывает все насущные вопросы своего времени: распространение христианства среди язычников, наставление поданных в постижении истинной веры, забота о мире в королевстве, законодательная и судебная стези⁷⁰. В 1922 году в серии «Католические мыслители» вышла книга Эзель Мари Вильмот-Бакстон «Алкуин»⁷¹, во многом подытожившая историю изучения личности йоркского пастыря как отдельного действующего лица Каролингской эпохи. В этом биографическом исследовании Алкуин также предпосылает Карлу концепцию власти христианской империи, являясь душой и двигателем политики монарха⁷². Однако ни один из упомянутых исследователей творчества Алкуина не касался в своих работах позднекаролингского времени, что делает их использование в рамках настоящей диссертации довольно ограниченным.

Вторая половина XX – начало XXI вв.

Накопив багаж фактов и различных концепций, западная историография, изучающая проблему власти в Каролингскую эпоху, была готова к переворотам в исторической науке во второй половине XX столетия.

⁶⁸ West A.F. Alcuin and the rise of the Christian schools. New York, 1912. P. 81-86.

⁶⁹ Ibid. P. 81-86.

⁷⁰ Page R.B. The Letters of Alcuin. New Yor: The Forest press, 1909. P. 41.

⁷¹ Wilmot-Buxton E.M. Alcuin. New York, 1922.

⁷² Ibid. P. 162-171.

Своеобразным «рубежным» трудом, обозначившим *переход от исследования структур и институтов власти к её образу, репрезентации и идеологии*, стала работа немецко-американского исследователя Эрнста Германа Канторовича (1895-1963 гг.) «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии»⁷³. Анализируя соотношение образов Бога и короля, Э.Г. Канторович приходит к выводу от теоцентричности каролингских монархов как государей, воплощающий на земле образ Бога, в то время как епископ является викарием Христа, Сына Божьего, то есть обладает более низким статусом, чем светский правитель⁷⁴. Одновременно у Каролингов было и второе «тело» - человеческое, природное, в котором они были «новыми Давидами», продолжателями священного *regnum Davidicum*⁷⁵. Кроме того, Э.Г. Канторовичем был введён в западную медиевистику термин «политическая теология», означающий конструирование идей власти с помощью инструментария теологии. Стоит отметить, что интерес к образу средневековых правителей появился у Э.Г. Канторовича ещё во время его немецкой молодости, когда была написана работа «Император Фридрих Второй» (1928 г.): однако в ней Каролинги были лишь упомянуты, но как первые основатели «германского рейха», средневековый расцвет которого приходится на времена Штауфенов⁷⁶.

Немалое влияние на поворот к изучению образов власти оказывал проникавший с середины XX века в историческую науку *структурализм*⁷⁷. Трактовка идеологии и политической этики как систем «знаков» и «правил», «понятийных систем» способствовало новому взгляду на каролингские зеркала, который предложил Ханс Хуберт Антон (р. 1936 г.). Именно он стал первым историком, сделавшим идеи власти в литературе эпохи Каролингов предметом специального исследования. В вышедшей в 1964 году

⁷³ Канторович Э.Х. Два тела короля / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной.

⁷⁴ Там же. С. 153.

⁷⁵ Там же. С. 157.

⁷⁶ Kantorowicz E.H. Kaiser Friedrich der Zweite: Hauptband. Stuttgart, 2010.

⁷⁷ Подробнее об основах структурализма см.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. А. А. Холодовича. М., 1977; Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.

монографии «*Княжеские зеркала раннего и высокого Средневековья*» историк попытался поставить вопрос об общей традиции зеркал в первые два периода Средних веков⁷⁸. Согласно Х.Х. Антону, королевские зеркала зародились во времена Каролингов как трактаты-наставления, инициатива которых чаще всего исходила от их авторов, желавших внушить монархам важность этических норм, основанных на христианских ценностях. Именно политическая этика была фундаментом каролингских зеркал: основана она была сформировавшихся в Ирландии в VI-VII веках идеях Псевдо-Киприана Карфагенского, в которых церкви и, в частности, епископам, отводилась ключевая, наставническая по отношению к королям роль⁷⁹. В самом начале каролингской эпохи сами фигуры франкских государей вдохновляли авторов зеркал на написание своих трактатов: таковыми, притягательными для создания политико-этических шаблонов, были фигуры Карла Великого и Людовика Благочестивого⁸⁰. Однако позднее, во времена кризиса каролингского мира, инициативу окончательно взяли в свои руки образованные клирики, ключевой фигурой среди которых являлся Хинкмар Реймский, в своих, адресованных королям Карломану и Карлу III наставительных сочинениях («О дворцовом порядке» и «О королевской персоне и королевском служении») переработавший идеи «псевдокиприанизма»⁸¹. Вслед за Антоном тему зеркал поднял историк права *Герард Тейеркауф (1933-2014 гг.)*, поставив, тем не менее, «зеркала» в один ряд с юридическими памятниками. Однако в его работе зеркала эпохи Каролингов трактовались именно как юридические источники: рассмотрением самого образа идеального монарха эпохи Г. Тейеркауф не занимался⁸².

⁷⁸ Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006. 504 s.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Anton H.H. Fürstenspiegel des Hohen und Frühen Mittelalters. Forschungsbericht. Universität Trier. URL: <http://www.ahf-muenchen.de> (дата обращения: 24.03.2015).

⁸¹ Ibid.

⁸² Theuerkauf G. Lex, Speculum, Compendium iuris. Rechtsaufzeichnung und Rechtsbewußtsein in Norddeutschland vom 8. bis zum 16. Jahrhundert // Forschungen zur deutschen Rechtsgeschichte. 1968. №6. Köln: u. a., 1968.

Каролингские сюжеты и проблематика власти данной эпохи затрагивалась и в рамках более традиционного, воспитанного ещё позитивизмом XIX века *изучения и издания каролингских памятников*. Важным этапом в опубликовании и изучении источников, раскрывающих тему власти и ключевых монархов эпохи, стал выход с 1952 по 1973 годы работ историков разных поколений - *Вильгельма Ваттенбаха (1819-1897 гг.)*, *Вильгельма Левисона (1876-1947 гг.)* и *Хайнца Лёве (1913-1991 гг.)* - под общим названием *«Исторические источники средневековой Германии»*, второй том которых включал критический разбор всех известных нарративных источников каролингского времени⁸³. Суть этого проекта заключалась в новом критическом переиздании источников, с более подробными биографиями авторами и событийными справками о жизни монархов и других исторических персонажей, феномены власти отдельных представителей рода Каролингов в труде не рассматривался.

В 1950-х - начале 1970-х в немецкой историографии продолжало развиваться уходящее корнями в XIX век политико-государственное направление, также затрагивавшее проблемы власти в Каролингскую эпоху. Х. Миттайс в выдержавшей несколько изданий работе *«Немецкая история правовых идей»* продолжал развивать традицию изучения государства и права средневековой Германии, в том числе VIII-IX веков⁸⁴. Однако с начала 70-х годов перевес получают структуралисты, наряду с которыми формируются новейшие подходы к работе с историческим материалом.

Ключевой момент в изучении темы власти Каролингской эпохи наступил в 1980-е годы – именно с этого момента можно отсчитывать современный этап изучения темы (до начала 2010-х годов). Распространение *антропологического подхода, новой социальной истории и постмодернистской историософской концепции* породило огромное количество работ по каролингской истории, посвящённых самой разной

⁸³ Wattenbach-Lewison-Lowe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 2. Weimar, 1953

⁸⁴ Mitteis H. Die Rechtsidee in der Geschichte. Muchen, 1957.

тематике: административному аппарату, двору, семейно-династическим отношениям, идеям власти, элите, традиции памяти.

Увлечённая перечнем всех этих сюжетов, немецкая историография вступила в пору одного из самых жарких концептуальных споров, разгоревшимся в научных кругах и на немецком телевидении между двумя крупнейшими специалистами по раннесредневековой немецкой истории – *Йоханессом Фридом (род. в 1942 г.)* и *Гердом Альтхоффом (род. в 1943 г.)*.

Оба историка внесли очень весомый вклад в изучение Каролингской эпохи. Й. Фрид, изучавший различные проблемы – от королевской власти и дипломатии до вопросов микроистории и каролингской культуры – стал автором самого обширного и свежего на сегодняшний день исследования по личности и эпохе Карла Великого⁸⁵. Его подход к повествовательным текстам, между тем, наполнен скепсисом: по мнению Й. Фрида, текст – это конструирование реальности, а не её отражение. Изучая повествовательный источник, историк может узнать лишь то, что желает сказать ему автор, а за пределами этого авторского видения никакой другой реальности нет. Необходимо отметить, что на построения Й. Фрида значительное влияние оказал лингвистический метод, восходящий к психологу Ж. Пиаже и философу Л. Гольдману – *метод контекстуального анализа*, являющийся одной из основ сформулированной ими *генетической эпистемологии*: с помощью этого метода анализируется не только индивидуальность автора, но и окружающие его «контексты», представляющие собой независимые факторы⁸⁶.

Иной позиции придерживается Г. Альтхофф. По его мнению, любой источник отражает реальность, к которой мы можем «пробраться» сквозь

⁸⁵ *Fried J. Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie. München, 2014; см. также: Fried J. The Frankish kingdoms, 817-911: The East and middle kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 142-168; Fried J. Das Mittelalter. Geschichte und Kultur. München: Beck. 2008.*

⁸⁶ См.: *Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2003; Goldmann L. Epistémologie et philosophie. Paris, 1970.*

авторское видение⁸⁷. Вклад оппонента Й. Фрида в раннесредневековые и каролингские сюжеты является не меньшим: как ученик Г. Телленбаха и *Карла Шмитта (1888-1985 гг.)*, Г. Альтхофф сформировал собственное видение проблем взаимоотношений короля и знати: по его мнению, каролингская и оттоновская знать были частью большой королевской семьи, будучи связанными с персоной монарха своеобразным «пактом дружбы»⁸⁸. Связано это было с тем, что, по мнению историка, родоплеменные племенные связи между монархом и знатью продолжали сохраняться в VIII-X веках⁸⁹.

В стороне от спора между Й. Фридом и Г. Альтхоффом остался *Отто Герард Эксле (род. в 1939 г.)*, взгляд которого на проблему интерпретации исторических источников (в частности, нарратива каролингского времени), является, по нашему мнению, наиболее интересным. О.Г. Эксле ввёл в оборот понятие «схемы интерпретации действительности» («интерпретационной схемы») – системы нравственных категорий и литературных приёмов, которую использовали средневековые авторы, чтобы описать (точнее – «отобразить») окружающую их действительность⁹⁰. По мнению О.Г. Эксле, поняв схему интерпретации действительности, предложенную тем или иным средневековым писателем, мы сможем приблизиться к пониманию самой этой действительности⁹¹.

⁸⁷ Althoff G. *Adels- und Königsfamilien im Spiegel ihrer Memorialüberlieferung. Studien zum Totengedenken der Billunger und Ottonen.* München, 1984.

⁸⁸ Althoff G. *Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde.* Darmstadt, 1997.

⁸⁹ Althoff G. *Inszenierte Herrschaft. Geschichtsschreibung und politisches Handeln im Mittelalter.* Darmstadt, 2003; Althoff G., Keller H. *Die Zeit der späten Karolinger und der Ottonen: Krisen und Konsolidierungen 888–1024.* Stuttgart, 2008; Althoff G. *Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter.* Darmstadt, 2013.

⁹⁰ Эксле О.Г. Схемы истолкования социальной действительности в раннее и высокое Средневековье в аспекте истории знания // *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья.* М., 2007. С. 24.

⁹¹ Oexle O. G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulf // *FMSSt* 1. 1967. S. 250-364; Эксле О.Г. «Образ человека» у историков // *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья* / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. С. 304-334; Эксле О.Г. Схемы истолкования социальной действительности в раннее и высокое Средневековье в аспекте истории знания // *Действительность и знание: очерки социальной истории*

Продолжается начатое В. Бергесом и Х.Х. Антоном исследование влияния более древних традиций власти на образ монарха и его сакральность в каролингское время. Оригинальный взгляд на сакральность франкских королей предложил *Франц-Рейнер Эркенс* (род. в 1952 г.): по его мнению, островные - ирландские политико-теологические идеи, базировавшиеся на концепции Псевдо-Киприана, и англосаксонская трактовка миссии монархов как новых Давидов – активно проникали на континент, становясь основой идей власти эпохи Меровингов и Каролингов⁹².

Актуальность конструирования мифов в средневековой истории, в том числе, мифов власти, было затронуто в сборнике памяти *Герда Вольфганга Вебера* (1942-1998 гг.), ещё раз подчеркнув тему образа власти актуальной для немецкой медиевистики⁹³. Сочетание разных традиций в идеях и практике власти Каролингов отмечается в недавних работах *Ахима Томаса Хака* (род. в 1967 г.) и *Стефана Вайнфюртера* (род. в 1945 г.)⁹⁴.

Помимо интереса к проблемам исторических документов, власти и элиты, в конце 80-х – начале 90-х в медиевистике ФРГ всё чаще делался акцент на влиянии эпохи Каролингов и, в частности, времени Карла Великого, на ход не только и не столько немецкой, сколько общеевропейской истории. В работах *Карла Фердинанда Вернера* (1924-2008 гг.) и *Дитера Хэггерманна* очень рельефно проступило всеевропейское значение каролингской цивилизации⁹⁵. Кроме того, К.Ф. Вернер отметил и

Средневековья / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. С. 23-95; *Эксле О.Г.* Формы социального поведения в средние века. Согласие - договор – индивид / Пер. с нем. Н.Ф. Ускова // *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени)*. М., 2000. С. 5-27.

⁹² *Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen* / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin, 2005; *Erkens F.-R.* Herrschersakralität im Mittelalter: von den Anfängen bis zum Investiturstreit. Stuttgart, 2006.

⁹³ *Weber G.W.* Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichts mythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neu zeit / Intr. by M.C. Ross. Trieste, 2001.

⁹⁴ *Hack A.T.* Alter, Krankheit, Tod und Herrschaft im frühen Mittelalter. Das Beispiel der Karolinger. Stuttgart, 2009; *Weinfurter S.* Karl der Grosse: der heilige Barbar. Munchen, 2013.

⁹⁵ *Häggemann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. Berlin, 2000; *Werner K.-F.* Karl der Große oder Charlemagne - Von der Aktualität einer überholten Fragestellung // Vorgelegt von Horst Fuhrmann am 17. Februar 1995. München: Beck, 1995.

изучением нобилитета, настаивая на существовании в эпоху Каролингов, во взаимоотношениях короны и знати, античного понятия «общего дела» (*res publica*)⁹⁶. Продолжается и традиция изучения церковной истории VIII-IX веков, в контексте которой *Вилфрид Хартманн* (род. в 1942 г.), написавший также биографии Карла Великого и Людовика Немецкого (843-876 гг.), говорит о представлениях о миссии монарха в среде клира⁹⁷.

В целом же, в немецкой, как и в англоязычной и французской, всё более укрепляется развиваемая Й. Фридом и разделявшаяся таким известным британским медиевистом, как сэр *Рис Давис* (1938-2005 гг.), концепция, согласно которой в Средние века нельзя говорить о государстве и политике, поскольку в ту историческую эпоху взаимодействие внутри элиты строится на личных отношениях между королём и знатью, а средневековую власть скорее стоит определять понятием «господства», «первенства» или «верховенства» (*Herrschaft, lordship*)⁹⁸. *Юрген Ханнинг*, например, подчёркивает идеи компромисса и согласия как генеральную линию во взаимоотношениях короля и знати в раннее Средневековье⁹⁹.

Нельзя обойти вниманием и французскую историографию начала XXI столетия. Если во второй половине прошлого века второе (*Ж. Дюби, 1919-1996 гг.*) и третье (*Ж. ле Гофф, 1924-2014 гг.*) поколения историков «Школы Анналов» в целом не испытывали интереса к Каролингской эпохе, высказывая всё больший скепсис в отношении успешности и значимости каролингской «попытки организации германского мира» и всё более тяготея к изучению периода Капетингов¹⁰⁰, то сейчас ситуация изменилась.

⁹⁶ *Werner K.-F. Naissance de la noblesse. Paris, 2012.*

⁹⁷ *Hartmann W. Kirche und Kirchenrecht um 900: Die Bedeutung der spätkarolingischen Zeit für Tradition und Innovation im kirchlichen Recht. Hannover, 2008; Hartmann W. Ludwig der Deutsche. Darmstadt, 2002; Hartmann W. Karl der Große. Stuttgart, 2010.*

⁹⁸ *Fried J. Das Mittelalter. Geschichte und Kultur; Davies R. Lords and Lordship in the British Isles in the Late Middle Ages. Oxford, 2009.*

⁹⁹ *Hanning J. Consensus fidelium. Frühfeudale Interpretation des Verhältnisses von Königtum und Adel am Beispiel des Frankenreiches. Stuttgart, 1982.*

¹⁰⁰ См., напр.: *Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987-1460 / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М., 2000; Ле Гофф Ж. Цивилизация*

Например, один из ныне ведущих французских медиевистов, *Пьер Рише* (род. в 1921 г.), посвятил ряд монографий культурным и политическим аспектам каролингской истории: исследовав как семейно-династическую практику Каролингов, так и культуру «каролингского ренессанса», П. Рише пришёл к выводам об крупном значении VIII-IX веков не только для французской, но и европейской истории, озаглавив свою ключевую работу «*Каролинги: фамилия, которая создала Европу*»¹⁰¹. Актуальна во Франции и тема отношений между королём и знатью в VIII-IX веках: главным специалистом в этой области сейчас является *Режин Лё Ян* (род. в 1945 г.). Исследовательница стоит на позициях, близких её немецким и американским коллегам: при Каролингах во взаимодействии короны и нобилитета преобладал вектор сотрудничества, а главным способом раздела власти между королём и знатными семьями выступал брак¹⁰².

Акценты на изучении семьи, династии, знати их взаимодействий в раннее Средневековье, в том числе, в эпоху Каролингов, являются одними из самых популярных тем в *англо-американской медиевистике*, которая по степени активности разработки каролингских сюжетов уже составила конкуренцию немецкому учёному сообществу, оставив далеко позади французскую историческую мысль. Ещё в 1960-е годы вышли и практически сразу получили главные работы англо-немецкого исследователя *Вальтера Ульманна* (1910-1983 гг.). В монографиях «*Рост папской власти в Средние века*» и «*История политических идей: Средние века*» историк, уделив значительное место Каролингской эпохи, показал противоречивость практики и идеологии власти в VIII-IX веков: в работах В. Ульманна

средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. М., 1992; *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. СПб., 2003.

¹⁰¹ *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris, 2012; см. также по теме «каролингского ренессанса»: *Riché P., Verger J.* Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge. Paris, 2006.

¹⁰² *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIème-Xème siècle). Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995; *Le Jan R.* La société du haut Moyen Âge. VI-IX siècle. Paris, 2006.

Каролинги, хотя и пытались опираться на христианскую традицию власти, действовали исходя из решения текущих политических задач¹⁰³.

Основную проблематику работ англоязычных историков также составляют взаимодействие династии и знати и всех связанные с этим социальные практики. Наиболее интересны в этом плане работы *Джэнет Нельсон*, *Мэтью Иннза* и *Розамунда МакКиттерик*, которые считаются признанными специалистами по Каролингам. Американская медиевистка Д. Нельсон, первоначально обратив внимание на политическую историю каролингского времени, пришла к выводам о решающей роли согласия между королём и аристократией для поддержания стабильности в раннесредневековых королевствах¹⁰⁴. Она же написала одну из самых полных политических биографий Карла Лысого (843-877 гг.)¹⁰⁵, начав также применять антропологический подход в отношении каролингской литературы: исследовательница сосредоточила своё внимание на личности анналиста, его предпочтениях в источниках и стиле, на том, как эти факторы влияли на структуру и текст памятников¹⁰⁶. Отметила Д. Нельсон и роль двора, придворного окружения, ритуалов, а также идеи империи в Каролингскую эпоху¹⁰⁷.

Вместе с тем не ослабевает интерес к институциональным вопросам, теме государства и власти в эпоху Каролингов. В повлиявшей на последующую историографию работе *Мэтью Иннза «Государство и общество в раннее Средневековье»*, М. Иннз отметил, что политика

¹⁰³ Ullmann W. The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Power. London, 1962; Ullmann W. History of Political Thought: The Middle Ages. London, 1970.

¹⁰⁴ Nelson J. Legislation and Consensus in the Reign of Charles the Bald // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society / Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill, P. Warwald, D. Bullough, R. Collins, eds. London: Blackwell, 1983. P. 202-227; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 110–141;

¹⁰⁵ Nelson J. Charles the Bald. London: Routledge, 1992.

¹⁰⁶ Nelson J. Public Histories and Private History in the Work of Nithard // Speculum. № 60/2. 1985. P. 251-293; Nelson J. The Annals of St. Bertin. Manchester, 1991. P. 7-19;

¹⁰⁷ Nelson J. Kingship and empire in the Carolingian world // Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge: Cambridge University press, 1994. P. 52-87.

Каролингов представляла собой комплекс связей между местными и центральными элитами, клубок практик, конфликтов и личных взаимодействий¹⁰⁸. Его позицию развил и дополнил *Стюарт Аирли*, подчеркнув, как и Д. Нельсон, роль двора и ассамблей знати в VIII-IX веках¹⁰⁹.

Наряду с изучением проблемы власти, современная англо-американская историография активно изучают культуру каролингского времени, в том числе литературу «каролингского ренессанса», акцентируя внимание как на индивидуальных чертах отдельных авторов, так и на свойственных эпохе Каролингов общих традициях создания текстов¹¹⁰. Особенно ярко это проявилось в книге Р. МакКиттерик *«История и память в Каролингском мире»*, где были подняты такие темы, как историческая память эпохи Каролингов, взгляд франкских авторов на прошлое и настоящее¹¹¹. Всё более каролингская цивилизация рассматривается англоязычными историками не как феномен, который можно разложить на отдельные аспекты, а как поистине «тотальный дом», в котором власть, общество и культура существовали в неразрывной связке – данный тезис, безусловно, крайне важно учитывать при написании данной работы¹¹². Одновременно, в коллективном труде *«Каролингский мир»* был озвучен и доказан тезис о противоречивости всей эпохи правления потомков Карла Великого: период был рассмотрен как «рубежный» между временем постримским и эпохой

¹⁰⁸ Innes M. *State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400-1000*. Cambridge, 2006.

¹⁰⁹ Airlie S. *The Aristocracy in the Service of the State in the Carolingian Period* // *Staat im frühen Mittelalter. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters* №11 / Hrsg. W. Pohl, H. Reimitz and S. Airlie. Vienna, 2006. S. 93–111.

¹¹⁰ Innes M., McKitterick R. *The Writing of history* // *Carolingian Culture: Emulation and Innovation* / Ed. R. McKitterick. New York, 1993. P. 193-220; Innes M. *Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society* // *Past and Present*. № 158, 1998. P. 3-36.

¹¹¹ McKitterick R. *History and memory in the Carolingian World*. New-York: Cambridge University Press, 2004.

¹¹² McKitterick R. *Carolingian culture: emulation and innovation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 209–211; *Charlemagne. Empire and society* / Ed. J. Story. Manchester, 2005; Costambeys M., Innes M., MacLean S. *The Carolingian world*. New York, 2011.

Классического Средневековья, в противовес традиционной точке зрения об однозначно фундаментальном для Средневековья характере Каролингской цивилизации. Изучение же королевской власти каролингского периода выдаёт её противоречивый характер: власть монархов-Каролингов в разные периоды то выступает как сильный инструмент политики, то представляет собой довольно хрупкую конструкцию¹¹³.

Не прекращается в англосаксонской историографии и изучение правовых аспектов каролингской монархии: данное направление активно разрабатывается в рамках новой дисциплины - юридической антропологии. К её сторонникам в США следует отнести *Джоффри Козиоля*, в монографии «*Политика памяти и идентичности в королевских дипломах эпохи Каролингов*» делающего акцент на изучении правовых реалий, юридической практики, а не формальных правовых норм¹¹⁴. К этому исследовательскому направлению примыкает и польский медиевист *Кароль Модзелевский*, затронувший в работе «*Варварская Европа*» кодификацию германский правд в каролингское время¹¹⁵. Касаясь темы польской историографии, необходимо упомянуть одного из нынешних исследователей образа власти периода Каролингов – *Войцеха Фальковского*, автора статьи «*Каролингские княжеские зеркала*». Сосредоточившись на изучении именно каролингских зеркал, этот исследователь не имел сомнений в том, что анализирует сочинения, стоявшие у истоков жанра средневековых *specula principis*. Одним из первых В. Фальковский отметил, что политические, культурные и социальные сдвиги влияли на содержание каролингских зеркал, в том числе, свою роль в этом сыграли идеи Псевдо-Киприана, обосновывающие могущество церкви в тот период¹¹⁶.

¹¹³ Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. P. 430-435.

¹¹⁴ Koziol G. The Politics of Memory and Identity in Carolingian Royal Diplomas: The West Frankish Kingdom (840-987). Turnhout, 2012.

¹¹⁵ Modzelewsky K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 56 – 59.

¹¹⁶ Falkowski W. The Carolingian *speculum principis* – the birth of a genre // Acta Poloniae Historica. 2008. №98. P. 5-27.

Поднимаются вопросы, близкие к теме представленной диссертации. В уже упомянутой выше книге *Ильдара Гарипжанова «Символический язык власти в Каролингском мире»* в центре внимания русско-американского исследователя оказывается репрезентация власти в материальной культуре и семиотической системе эпохи: на монетах, печатях, в литургии и официальной титулатуре. Информацию, передаваемую всеми этими источниками, историк называет «системой кодов», с помощью которой каролингские монархи осуществляли коммуникацию со своими подданными, прежде всего, элитой¹¹⁷. Однако по отношению к разным слоям элиты, знати, Каролинги использовали разную систему кодов: франкскую, римскую, христианскую. Выбор монархов зависел от аудитории, с которой требовалось установить символическую связь, и, что гораздо более важно в рамках представленной диссертации, от конкретных исторических обстоятельств¹¹⁸. Так, И. Гарипжанов, убедительно показывает, как епископат подчинил Карла Лысого своим интересам с помощью утверждения формулы «король Божьей милостью», поскольку благодать (*gratia*) может быть дарована государю только через посредничество церкви¹¹⁹. Однако И. Гарипжанов, проведя кропотливую работу с избранной им источниковой базой, проигнорировал нарративные памятники, посчитав поиск в них представлений о власти нецелесообразным, поскольку, по его мнению, данный вид источников является «вторичным» по отношению к главным, «первичным» свидетельствам эпохи – материальной культуре и системе знаков¹²⁰.

Отечественная историография

Во второй половине XIX века, столетия, когда русская историческая наука начала методологически и идейно оформляться, были предприняты первые попытки изучения каролингского материала. Внимание русских исследователей было приковано, в основном, к политическим и правовым

¹¹⁷ *Haripzanov I.H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). P. 1-42.

¹¹⁸ P. 261-318.

¹¹⁹ P. 305-318.

¹²⁰ P. 13-27.

проблемам. Важно отметить, что как в XIX, так и позже специальных исследований каролингских текстов под углом зрения изучения образа власти не писалось. Причины этого заключались, главным образом, в социально-политическом, а, позднее, в советское время, в экономическом крене в ученой среде, который определял набор интересующих историков проблем, среди которых проблеме идей и образа власти места не отводилось. Первым исследовать каролингский материал, правда с итальянским региональным акцентом, начал *Пётр Николаевич Кудрявцев (1816-1858 гг.)*, написавший книгу «*Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом*»¹²¹ и статью «*Каролинги в Италии*», опубликованную в журнале «*Отечественные записки*»¹²². Некоторых аспектов истории феодального порядка во Франкском королевстве и его влияния на лангобардов коснулся *Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925 гг.)*¹²³. Что касается тематики государства и власти, то первым к ней обратился византинист *Василий Григорьевич Васильевский (1838-1899 гг.)*. В своём курсе лекций истории западного Средневековья, историк уделил много места административному аппарату, церкви и культуре каролингской империи, настаивая на том, что именно императорская коронация Карла Великого способствовала обособлению романо-германского мира от греко-славянского¹²⁴. Взаимоотношениям первого императора франков и христианской церкви посвятил своё исследование *архиепископ Владимирский Алексей*¹²⁵.

Весомый вклад в изучение как государства и власти, так и экономики в эпоху Каролингов внесли в начале XX столетия *Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863-1942 гг.)* и *Анатолий Алексеевич Спасский (1866-1916*

¹²¹ Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом. М., 1850.

¹²² Кудрявцев П.Н. Каролинги в Италии // Отечественные записки. 1857. М., 1857.

¹²³ Виноградов П.В. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880; Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910.

¹²⁴ Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 311-465.

¹²⁵ Алексей (Дородницын А.Я.), архиепископ Владимирский и Шуйский. Церковно-законодательная деятельность Карла Великого. М., 1889.

22.). Оба этих историка, опубликовавшие свои работы примерно в одно и то же время (1904 и 1910 гг. соответственно), развили тезис немецких коллег о неизбежности распада империи Карла Великого, её искусственности в условиях развития феодализма, в рамках которого землевладельцы, соединяя в себе материальное могущество и правовой статус «государей в собственных вотчинах», не желали подчиняться сильной монархической власти¹²⁶. Одновременно, Д.М. Петрушевский был одним из первых русских медиевистов, поднявшим тему природы и репрезентации власти Каролингов: согласно идее Дмитрия Моисеевича, высказанной им в *«Очерках из истории средневекового общества и государства»*, Карл Великий во Всеобщем капитулярии (802 г.) выступал в качестве наместника Бога на земле, царя-первосвященника по образу и подобию ветхозаветных и восточных монархов. Франкская монархия, таким образом, представляла собой, по мнению Д.М. Петрушевского, теократию¹²⁷.

Менее радикальный взгляд на природу Каролингской империи высказал автор первого и пока единственного исследования на тему идей империи и образа власти при Каролингах – Андрей Сергеевич Вязигин (1867-1919 гг.). В работе *«Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого»* историк связал монархические идеи эпохи Карла с позднеантичными идеями христианской империи, в частности, идеями блаженного Августина (354-430 гг.) и римских пап об императоре как защитнике церкви, карателе еретиков и отступников, и, наконец, ответчике перед Богом на грядущем Страшном суде¹²⁸.

Русские медиевисты изучали и литературное наследие каролингской эпохи, касаясь, в том числе, жанров, в которых восхвалялись монархи того периода: среди таких исследователей, бывших, одновременно, популяризаторами Средневековья и источников этой эпохи, следует

¹²⁶ Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. СПб., 2006. С. 141-172; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб., 2003. С. 322-414.

¹²⁷ Там же. С. 386-387.

¹²⁸ Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912.

выделить *Михаила Матвеевича Стасюлевича (1926-1911 гг.)* и *Леонида Николаевича Беркута (1879-1940 гг.)*¹²⁹. Кроме того, на рубеже XIX-XX веков русские популяризаторы средневековой истории создали несколько биографических зарисовок личности Карла Великого, в которых, однако, поднимались вопросы, в той или иной мере связанные с государством и властью в каролингское время¹³⁰. Настоящим прорывом в изучении каролингской литературы в дореволюционной историографии были изданные лишь недавно работы *Бориса Исааковича Ярхо (1889-1942 гг.)*. Сосредоточившись на изучении поэзии «каролингского возрождения», русский историк выделил цель, содержание и периодизацию литературного движения каролингской эпохи. В вопросе влияния различных литературных традиций на образ действительности и власти в памятниках эпохи, Б.И. Ярхо отметил влияние как изящной античной словесности, зародившейся в Придворной Академии и составлявшей основы высокой метрической поэзии, так и городской итальянской, франкской дружинной и библейской культур, породивший народный, ритмический стих¹³¹.

Перемены 1917 года, при всём «крене» новой, советской историографии в сторону изучения социально-экономических сюжетов, не означали прекращения изучения вопросов, связанных со средневековой властью и государством. Напротив, данная тема переживает «второе рождение» в исторической науке Советского Союза, правда, в основном, во второй половине столетия. До начала 1960-х годов экономические штудии, были, бесспорно, преобладающими. Так, *Николай Павлович Грацианский (1886-1945 гг.)*, начав изучение каролингского материала ещё в 1913 году с написанием монографии «*Крепостное крестьянство на поместьях*

¹²⁹ *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Ч. 1-2. СПб., 1885-1886; *Беркут Л.Н.* Карл Великий и франкская образованность и литература его времени. Историографический этюд. Варшава, 1912.

¹³⁰ *Мельгунов С.П.* Карл Великий. М., 1890; *Русова С.Ф.* Карл Великий. Харьков, 1901; *Розенберг Ф.А.* Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. СПб., 1912.

¹³¹ *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М., 2010. С. 20-45.

аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным полиптика аббата Ирминона)» до своей смерти являлся ведущим специалистом по аграрной и правовой истории каролингского периода, считавшейся в советской историографии едва ли не самой важной частью раннефеодального периода истории Средних веков¹³². Однако и в рамках социально-экономического подхода, со свойственной марксизму-ленинизму остротой, затрагивались проблемы государства и власти. Во втором номере журнала «Средние века» за 1946 год были опубликованы две статьи, посвящённые франкской практике иммунитетов: *Данила Сергеевича Граменицкого (1887-?)* и *Н.С. Михаловской*. Оба историка пришли к выводу, что раздача короной иммунитетных грамот, направленная на приобретение союзников среди светских и церковных феодалов, на деле обернулась сепаратизмом вотчинников и выходом их из-под контроля центральной власти уже после смерти Карла Великого¹³³.

Концептуальное оформление идея раннефеодального государства эпохи Каролингов получила в 1960-70-х годах в работах *Александра Иосифовича Неусыхина (1898-1969 гг.)* и *Александра Рафаиловича Корсунского (1914-1980 гг.)*: согласно их концепции, развивавшей тезисы Ф. Энгельса, Каролингская монархия являлась государством эксплуататорского класса – класса феодалов – созданным для подавления эксплуатируемого населения – зависимого крестьянства. Причина силы королевской власти в каролингский период заключалась в том, что правящая династия, раздававшие свои земли в форме бенефициев и феодов, оказалась выгодна знати (особенно мелкой и средней) в тот исторический отрезок¹³⁴.

¹³² *Грацианский Н.П.* Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным полиптика аббата Ирминона). Харьков, 1913; *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

¹³³ *Граменицкий Д.С.* К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века. Вып. 2. М; Л. 1946. С. 135-153; *Михаловская Н.С.* Каролингский иммунитет // Средние века. Вып. 2. С. 154-189.

¹³⁴ *Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 211-374; *Корсунский А.Р.*, Образование раннефеодального государства в Западной Европе, М., 1963; *Корсунский А.Р.*

Ещё одной чертой восприятия раннего Средневековья и Каролингской эпохи советской исторической наукой был систематический перевод источников, в том числе и интересующих нас повествовательных. Руководителю крупного проекта *«Памятники средневековой латинской литературы» Михаилу Леонович Гаспарову (1935-2005 гг.)* отечественная медиевистика обязана многочисленными переводами источников, в том числе большинства памятников каролингской поэзии и прозы, снабжённых критическими комментариями¹³⁵.

С прекращением в конце 1980-х идеологического надзора над исторической наукой и распадом СССР Каролингская эпоха на какое-то время перестала серьёзно интересовать медиевистов. Лишь в 1995 году давний ученик Н.П. Грацианского и талантливый популяризатор различных исторических эпох *Анатолий Петрович Левандовский (1920-2008 гг.)* опубликовал книгу *«Карл Великий»*, в которой затронул тему влияния идей Августина и, в частности, сочинения *«De Civitate Dei»*, на политическую деятельность монарха, назвав Карла «зодчим Града Божьего»¹³⁶. В 2000 году каролингских идей власти коснулся *Василий Дмитриевич Балакин (род. в 1951 г.)*. В статье о средневековой идее римской империи историк-германист высказал мысль о существовании в Средние века двух имперских идей: аахенской (германской), исходившей, первоначально, из столицы Карла Великого, и римско-куриальной, сформулированной римскими папами. История Священной Римской империи, таким образом, являлась борьбой между двумя этими концепциями¹³⁷. 2001 году обозначил пик интереса

Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе // V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10-14 августа 1970 г. М., 1970.

¹³⁵ Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков / Под ред. М. Грабарь-Пассек и М. Гаспарова. М., 1970. Переиздание корпуса каролингских источников осуществлено в 2006 году. См.: Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М., 2006.

¹³⁶ Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. М., 1995. С. 123-129.

¹³⁷ Балакин В.Д. Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репниной и В.И. Уколовой. Вып. 2. М., 2000. С. 14-35.

русского медиевистического сообщества к личности Карла Великого: Институт Всеобщей истории РАН выпустил сборник *«Карл Великий: реалии и мифы»*¹³⁸. В частности, вошедшая в данный компендиум статья *Елены Владимировны Булдаковой* была посвящена влиянию философии Аврелия Августина на политику Меровингов и Каролингов¹³⁹. Кроме того, королевская власть эпохи Каролингов изучается и в ставшем уже давно популярным на Западе контексте взаимоотношений с аристократией. Данном вопросу была посвящена диссертация *Алексея Юрьевича Карачинского*, в которой автор показал, в том числе, роль тираноборческих идей епископов в действиях отдельных каролингских монархов¹⁴⁰.

Современный этап изучения Каролингской эпохи и, в частности, проблем власти, начался в российской исторической науке в 2000-е годы и связан, прежде всего, с именами двух специалистов – историка из Москвы *Александра Ивановича Сидорова* и петербургского исследователя *Дмитрия Николаевича Старостина* (род. в 1967 г.). Большинство работ А.И. Сидорова посвящены исторической мысли каролингского времени: исследуя различные исторические памятники VIII-IX веков, московский учёный приходит к выводу о существовании различных форм осмысления прошлого и настоящего в литературе «каролингского ренессанса»¹⁴¹. Вопросы власти также находятся в сфере интересов А.И. Сидорова: в статье «Ближний круг франкского короля в первой половине IX века...» историк поднимает вопрос

¹³⁸ Карл Великий. Реалии и мифы. М., 2001.

¹³⁹ Булдакова Е.В. Некоторые философские принципы св. Августина и государственная политика Меровингов и Каролингов // Карл Великий. Реалии и мифы. С. 75-93.

¹⁴⁰ Карачинский А.Ю. Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX-X вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2003.

¹⁴¹ Сидоров А.И. Историки и их источники: о некоторых вопросах историописания в Каролингскую эпоху // Historia animate. Ч. 3. М., 2004. С. 6-21; Сидоров А.И. К вопросу о культуре чтения в каролингскую эпоху // Мир истории и история мира в раннесредневековой Европе. Иваново, 2005. С. 73-86; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.

о ближайшем окружении монархов и его влияния на политическую практику Каролингов¹⁴².

Сфера научных интересов Д.Н. Старостина связана, прежде всего, с вопросами власти в меровингский и каролингский периоды. В своей кандидатской диссертации, защищённой в 2008 году и посвящённой эпохе Меровингов, петербургский историк рассмотрел проблему представлений о короле в контексте романо-германского синтеза¹⁴³. В работах, охватывающих каролингский период, Д.Н. Старостин, используя широкий спектр источников - жития, анналистику, биографии – доказывает особую роль семейных разделов королевства и семейно-клановой сущности каролингской системы власти¹⁴⁴. Также крайне интересным является взгляд Д.Н.

¹⁴² Сидоров А.И. Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. Сборник статей. М., 2000. С. 80-102; см. также: Сидоров А.И. Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. М., 2011.

¹⁴³ Старостин Д.Н. Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 2008. (на правах рукописи); Старостин Д.Н. Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 2008; Старостин Д.Н. Regnum и stirps regia: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI - первой половины VII вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени, 2010. V. 8. P. 104-123; Старостин Д.Н. Григорий Турский и наследие позднеантичного историописания // Локальные исторические культуры / Под ред. М. С. Бобковой, А. И. Сидорова. М., 2011. С. 124-143; Старостин Д.Н. Австразия в системе власти королевства франков (по материалам «Истории» Григория Турского) // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб., 2012. С. 33-38.

¹⁴⁴ Starostine D. "...in die festivitatis - Calendar and the Ritual Structuring of Time and Space in the Middle Ages". PhD. Ann Arbor: University of Michigan, 2002. P. 143-217; Старостин Д.Н. Между Меровингами и Каролингами: представления о власти и смена исторической перспективы в позднемеровингский период по материалам исторических сочинений и житий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 1. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 156-168; Старостин Д.Н. Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 101-109; Старостин Д.Н. Историописание Каролингской эпохи: Идеология и политические реалии // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб., 2009. С.

Старостина на проблему восприятия античного наследия в Каролингскую эпоху, рассмотренную на примере реформы календаря: по мнению историка, оно воспринималось Карлом Великим творчески и перерабатывалось в соответствии с франкскими реалиями¹⁴⁵.

Таким образом, мы можем выделить следующие итоги обзора изучения проблемы власти и её образа в Каролингскую эпоху в зарубежной и отечественной историографии.

Во-первых, в эпоху «старой историографии» историки каролингской эпохи накопили огромный фактический материал, относящийся, прежде всего, к политической истории, структуре власти и имперским институтам. Образование такого массива информации стало важнейшим фактором последующего изучения темы власти и её идей в Каролингскую эпоху. Однако самым главным достижением периода, охватывающего XVIII – середину XX века является введение в оборот подавляющей части каролингских источников, включая весь корпус повествовательных памятников.

Во-вторых, к началу второй половины XX века достижения ведущих историков предшествующего периода вкупе с началом складывания постиндустриального общества, и, как следствие, появления новых исторических методологий, подготовили почву для развёртывания изучения

409-412; *Старостин Д. Н.* Королевство франков и средневековые Франция и Германия // Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009. С. 107-121; *Старостин Д.Н.* Битва при Тертри (687) и ее отражение в историографии в эпоху Каролингов // 4-е международные чтения "Мир и война: культурные контексты социальной агрессии". СПб., 2010; *Старостин Д.Н.* Проблемы семьи и династии во франкском королевстве эпохи Каролингов // К 400-летию дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы. Сборник материалов международной научной конференции СПб., 2013. С. 48-58; *Старостин Д.Н.* Регино Прюмский и формирование территориальных княжеств в королевстве франков IX в. // Актуальные проблемы современной науки. 2013. V. 1. Ставрополь, 2013. Р. 99-108; *Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д.* Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. С. 72-82; *Старостин Д.Н.* Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 52-58.

¹⁴⁵ *Старостин Д.Н.* Античное наследие в раннем средневековье: пример реформы календаря // Вестник древней истории. 2008. №1. С. 174-184.

идей власти, взаимодействия короля и знати, семейно-династических аспектов. С появлением понятия «имагинарного», осознанием современными историками «дистанции», отделяющей автора источника от исследователя наших дней, появление работы, освещающей рождение и развитие образа власти в литературе ключевой эпохи европейского Средневековья – Каролингской – является лишь вопросом времени.

Основной **источниковой базой** подобного исследования, как уже ранее упоминалось, являются повествовательные источники, обозначаемые в работе термином «литература». При этом, наиболее перспективными в исследовательском плане жанрами автору видятся анналы, биографии, «деяния» (*gesta*) и «истории», а не зеркала (*speculum*). Данный выбор обусловлен тем, что в перечисленных жанрах фигуры монархов династии Каролингов являются реальными историческими лицами, действуют в историческом контексте¹⁴⁶. В этих условиях, когда под пером авторов источников короли обретают букет определённых черт и обязанностей, рождённые таким путём образы монархов наиболее полно отражают представления власти в конкретные отрезки каролингской истории. Также не стоит забывать, что исторические и биографические сочинения каролингского времени методом умолчаний и опущений способны трактовать ту или иную персону, что делает их использование в контексте проблемы образа власти ещё более актуальным¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Помимо перечисленных, описывают и трактуют конкретную деятельность отдельных монархов и другие жанры литературы: прежде всего, хроники. Кроме того образы и деяния многих династов могут быть отражены и в видениях, житиях, *memoria* и многих других источниках. Но если Каролингская эпоха не оставила хроник в том виде, в котором они сложились ко времени Высокого Средневековья, то вторая группа источников не содержит того объёма фактического материала (в данном случае факт как результат труда автора), который могут дать анналы, биографии и «деяния».

¹⁴⁷ В тоже время нельзя не отметить, что первичные представления о власти монарха, образа королевской власти, содержатся в теологической литературе. По отношению к ней нарративные источники и каролингское историописание в частности являются своего рода «вторичными». Однако автор не избрал теологические источники в качестве объекта исследования по двум причинам: 1) наличие в них слишком обобщённого, оторванного от контекста образа идеального монарха (что относится и к зеркалам); 2) сложность анализа, требующего богословского образования. Об образе власти в каролингской теологии и экзегетике подробнее см.: *Reviron J. Les Idées politico-religieuses d'un évêque du*

Иными словами, *идеализированный монарх в контексте описываемых автором источника событий*, по нашему мнению, полнее отражает представления эпохи об образцовом монархе, поскольку подвергается идеализации, воздействию дидактики и топосов во время или после того, как действовал в реальных обстоятельствах, которые, во многом, и определяют применение к портрету монарху конкретных шаблонов и топосов. *Государь «королевских зеркал», напротив, заранее идеален и схематичен* и, как мы увидим далее, мог состоять из одних и тех же компонентов на протяжении целого столетия. Бесспорно: и в зеркале отражаются реалии эпохи, но степень такового отражения несоизмеримо ниже, в нарративных памятниках.

Следующей проблемой является отбор конкретных памятников из огромной массы сочинений IX века. На этом этапе основная задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы выбрать именно те источники, которые являются для данной эпохи ключевыми. А поскольку полтора века «общеевропейской» Каролингской эпохи делятся на более короткие временные отрезки, задача заключается в том, чтобы выбрать источники, ярче всего характеризующих каждый из этих отрезков. Исходя из этого, для подробного изучения были отобраны следующие памятники:

1) «Деяния мецских епископов» (liber de episcopis Mettensibus) Павла Диакона¹⁴⁸, Продолжатели Фредегара (Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii)¹⁴⁹ и Анналы королевства франков (Annales Regni Francorum)¹⁵⁰ (конец VIII – начало IX веков – эпоха Карла Великого);

IXe siècle: Jonas d'Orléans et son De Institutione regia: étude et texte critique; Study of the Bible in the Carolingian Era / Ed. C.M. Chazelle, A.T. Edwards. Turnhout, 2003.

¹⁴⁸ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1829. S. 260-270.

¹⁴⁹ Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH SS rer. Germ. T.2. Hannover, 1888. S. 168-193.

¹⁵⁰ Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH SS rer. Germ. Hannover, 1895. S. 1-178.

2) «Деяния Императора Людовика» (*Gesta Hludivici imperatoris*) Тегана Трирского¹⁵¹, «Жизнь императора Людовика» (*Vita Hludovici imperatoris*) Астронома¹⁵² (814-840 гг. – правление Людовика Благочестивого).

3) «Четыре книги истории» (*Nithardi Historiarum Libri IV*) Нитхарда¹⁵³, Фульдские (*Annales Fuldensis*)¹⁵⁴, Бертинские (*Annales Bertiani*)¹⁵⁵ и Ведастинские анналы (*Annales Vedastini*)¹⁵⁶, «Деяния Карла Великого» (*Gesta Karoli Magni*) Ноткера Заики¹⁵⁷ (840-880-е гг. – эпоха распада Франкской империи и образования отдельных каролингских королевств).

Эти источники по праву можно считать ключевыми среди всего массива нарративных памятников каролингского времени: анналистика, истории и биографии были удостоены институтом MGH публикации в одно и то же время: в последней четверти XIX – начале XX века и сразу начали позиционироваться как основные источники по истории эпохи Каролингов¹⁵⁸.

Помимо перечисленных памятников в работе будут использоваться другие известные повествовательные источники эпохи, в частности: трактаты «О королевском служении» (*Opusculum de institutione regia*) Ионы Орлеанского¹⁵⁹ и «О дворцовом порядке» (*De ordine palatii*) Хинкмара

¹⁵¹ Thegan. *Gesta Hludowici imperatoris*. Astronomus. *Vita Hludovici imperatoris* // MGH SS rer. Germ. Hannover, 1995. S. 167-278.

¹⁵² Ibid. S. 279-555.

¹⁵³ Nithardi *Historiarum Libri IV* / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti *rhythmus de pugna fontanetica* // MGH SS rer. Germ. Hannover, 1907. S. 1-50.

¹⁵⁴ *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus* / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH SS rer. Germ. Hannover, 1891. S. 1-138.

¹⁵⁵ *Annales Bertiani* / Recensuit G. Waitz // MGH SS rer. Germ. Hannover, 1883. S. 1-154.

¹⁵⁶ *Annales Xantenses et Annales Vedastini* / Recognovit B. de Simson // MGH SS rer. Germ. Hannover et Lipsia, 1909. S. 40-82.

¹⁵⁷ Notker der Stammler. *Taten Kaiser Karls des Grossen* / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH SS rer. Germ. N. S. Berlin, 1959. S. 1-93.

¹⁵⁸ См., напр.:

¹⁵⁹ *Jonae. Opusculum de institutione regia* // *Migne J.P. Patrologia Latina*. T.106. Paris, 1864. P. 279-306.

Реймсского¹⁶⁰, сочинение Эйнхарда «Жизнь Карла Великого» (*Vita Karoli Magni*)¹⁶¹, а также ряд произведений каролингской поэзии, среди которых самые важные – поэма «Карл Великий и папа Лев» (*Karolus Magnus et Papa Leo*)¹⁶² и «Вальтарий» (*Waltharius*)¹⁶³. Также будут привлекаться источники другого типа, прежде всего, актовые и юридические: письма Алкуина¹⁶⁴ и законодательные документы эпохи Карла Великого¹⁶⁵, без которых понимание образа власти Каролингской эпохи было бы неполным.

Автор ставит перед собой следующую основную **цель**: изучить процесс формирования и трансформации образа власти в повествовательных источниках Каролингской эпохи, а также истоки и движущие силы этого процесса.

Задачи исследования:

1) Определить образ власти, создаваемый автором каждого из перечисленных источников, его структуру, основные элементы и центральную идею.

2) Определить, какое влияние на формирование конкретных представлений о власти оказывали следующие факторы:

а) принадлежность автора к той или иной социальной группе, внутри которой такой образ власти мог быть востребован;

¹⁶⁰ Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annote par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P., 1885. P. 2-97.

¹⁶¹ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // *MGH SS rer. Germ.* Hannover; Lipsia, 1911. S. 1-40.

¹⁶² *Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa*. Turici: Typis Orellii et sociorum. 1832.

¹⁶³ Waltharius, Lateinisch/Deutsch / Ed. Gregor Vogt-Spira // *Bibliotheca Augustana* [Электронный ресурс]. Stuttgart, 1994. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Waltharius/wal_txt0.html (дата обращения: 27.06.2015).

¹⁶⁴ *Alcuini sive Albini epistolae* / Recensvit E. Dvemmmler; edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi // *MGH. Epistolae Karolini aevi*. T.2 Berolinus, 1895. S. 1-488.

¹⁶⁵ *Capitulare Saxonicum* // *MGH. Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 75-76; *Capitulare Aquisgranense A. 802* // *MGH. Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 90-96; *Divisio Imperii A. 806*. // *MGH. Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 140-143.

б) исторические обстоятельства, сделавшие конкретный образ власти актуальным в конкретный исторический период. Добавим, что стремление изучить последний упомянутый фактор исходит из нашей убеждённости в том, что каролингские авторы были хорошо осведомлены об основных семейно-династических и церковных перипетиях, имевших место во франкском мире. Данный отправной тезис пройдёт серьёзную проверку в ходе диссертационного исследования¹⁶⁶;

в) наконец, *предшествующая письменная традиция*, на которую опирался конкретный автор при создании образа правителя. Установление степени её влияния на конкретного автора будет способствовать решению нашей следующей задачи:

3) Выявить авторские позиции в отношении предшествовавшей литературы: в какой степени тот или иной каролингский писатель был готов использовать имевшиеся в его распоряжении древние книги, следовать уже апробированным шаблонам, созданным предшествующей литературой. Это означает, одновременно, определить и *метод создания автором «интерпретационной схемы»*. При решении этой задачи, следует чётко понимать, что авторитет древних книг, их авторов был невероятно высок среди средневековых писателей и, в частности, в кругу каролингских книжников¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Точка зрения о зависимости трансформаций каролингских образов власти от социально-политических изменений в каролингском обществе уже была высказана нами в ряде статей. См., напр.: *Гайворонский И.Д.* Рождение образа власти в эпоху Карла Великого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы, теории и практики. 2015. №5 (55). Часть II. Тамбов: Грамота, 2015. С. 37-40; *Гайворонский И.Д.* Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). М., 2013. С. 47–51; *Гайворонский И.Д.* К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). М., 2013. С. 608–612.

¹⁶⁷ А.Н. Немилов связывает это с феноменом ностальгии по «золотому веку» в Средние века, когда для подтверждения каких-либо теологических или этических идей не могло быть иного авторитета, кроме авторитета прошлого. См.: *Немилов А.Н.* Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979. С. 4. См. также: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб, 2007. С. 113.

4) На основе решения трёх предыдущих задач проследить трансформацию представлений о власти в эпоху Каролингов и её связь с изменениями в системе власти, в обществе и внешними обстоятельствами. Во избежание вопросов о правомерности поиска «представлений о власти целой эпохи», подчеркнём, что речь идёт о взглядах на проблему образцового государя, бытовавших лишь в среде каролингской интеллектуальной элиты, способной читать и писать. По верному замечанию Т. Куна, в эпохи, подобные Средневековью и раннему Новому времени, лишь этот узкий круг учёных людей мог быть носителем подобных идей¹⁶⁸. Необходимо особо подчеркнуть: идеи власти, сформулированные каролингскими авторами, должны рассматриваться нами не как разрозненные, не связанные друг с другом метафизические представления, а идеи, рождавшиеся и развивавшиеся в рамках отдельных периодов каролингской истории. Иными словами, образы правителей будут рассматриваться нами в контексте отдельных этапов истории Каролингского дома.

3) Определить степень распространения и взаимодействия в образах каролингских монархов трёх *концепций власти: христианской, римской и германской*. Выяснить, можно ли говорить о *трёх элементах образа власти* или же только о следах влияния на каролингские представления о правителе трёх крупнейших традиций. Выбор именно этих трёх концепций представляется нам несомненным: ещё с XIX века не только средневековые институты власти, но и сама европейская цивилизация Средних веков рассматривалась как синтез трёх культур¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ, 2009. С. 46. Подробнее о складывании интеллектуальной элиты каролингского времени см. в главе 1.

¹⁶⁹ Ещё Г. Вайтц ставил вопрос о влиянии римского и германского элементов на институты власти и права Каролингской империи. В. Бергес поднял вопрос о влиянии ирландской христианской традиции на политические идеи каролингских зеркал, внедрение германского элемента (в виде обычного права) в образы власти относя уже к истории Высокого Средневековья, в частности, Кастильского и Арагонского королевств. Тезис о роли христианских, римских и германских представлений о власти был

4) Определить, как согласуется эволюция образа власти эпохи Каролингов с общим развитием литературы «каролингского возрождения», а именно, как отражались спекуляции на тему власти и развитие властной доктрины на эволюции литературной традиции «каролингского ренессанса».

Работа основывается на комбинации **методологических принципов**. В их числе: постулаты, выработанные «новой социальной историей» во второй половине XX в. и теми направлениями в интеллектуальной жизни послевоенной Европы, которые сегодня именуются общим названием «неомарксизма» (в том виде, в котором он сложился к концу XX века¹⁷⁰). Важнейшим тезисом, которым оперирует новая социальная история, является утверждение о необходимости изучения не политических институтов и социальных структур, а взглядов на них тех самых людей, которые эти институты и структуры составляли¹⁷¹. Иными словами, необходимо предпринять попытку посмотреть на средневековые реалии (в нашем случае - каролингские) глазами самих действующих лиц. В данном контексте изучение образа власти, создаваемого франкскими авторами, становится весьма перспективным.

апробирован в нескольких статьях автора данной работы. См.: *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3; Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. S. 1-19; Гайворонский И.Д. Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). С. 47–51; Гайворонский И.Д. К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 608–612. Более подробный разбор возникновения и эволюции римских, христианских и германских представлений о правителе см. в главе 2.*

¹⁷⁰ *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2011. С. 15.

¹⁷¹ Основой новой социальной истории заложил специалист по Австрии XIII в. *Отто Бруннер (1898-1982 гг.)*, критиковавший предшествующую историческую науку за использование модернизированных терминов по отношению к явлениям Средневековья. В области изучения знати традиции нового подхода продолжили уже упоминавшиеся Г. Телленбах и Г. Альтхофф, окончательно же принципы новой социальной истории сформулировали *Фолькер Пресс (1939-1993 гг.)* и *Петер Морав (1935-2013 гг.)*, поставившие вопрос о сословном обществе Германии в раннее Новое время. См.: *Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. Darmstadt, 1990; Press V. Das alte Reich. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 2000; Moraw P. Gesammelte Beiträge zur Deutschen und Europäischen Universitätsgeschichte. Strukturen – Personen – Entwicklungen (Education and society in the Middle Ages and Renaissance. Bd. 31). Leiden, 2008.*

В свою очередь, «неомарксистский» подход помогает ответить на вопрос о происхождении идей власти, высказываемых теми или иными интеллектуалами: так называемый «политический марксизм» подразумевает, что отношения собственности, различные в каждом регионе (в этом контексте интересующим нас регионом является Каролингская империя) порождают специфические социальные конфликты и способы «политического кооперирования»¹⁷². Их отражением в нашем случае являются образы правителей.

Кроме того используются подходы из области «социальной антропологии», который *Р. Стагнер* обозначил как «альтроцентризм»: при изучении отдалённых эпох, современному историку следует абстрагироваться от собственных мировоззренческих установок и окружающих его структур и концептов, чтобы услышать голоса «других»¹⁷³ - в контексте нашего исследования под «другими» подразумеваются, конечно, каролингские писатели. Именно в качестве «другого», жившего в совершенно иной системе нравственных координат человека, должен воспринимать средневекового автора исследователь нашего времени.

Сочетание перечисленных принципов и подходов позволит применить в диссертационной работе следующие исследовательские методы:

1) *Метод системного анализа*, позволяющий рассматривать образ монарха, предлагаемый конкретным автором эпохи Каролингов, как систему представлений, литературных топосов и рефлексий автор на события эпохи.

2) *Сравнительно-исторический метод*, который будет заключаться в сопоставлении представлений об образцовом правителе разных авторов каролингской эпохи, а также сравнении каролингских и более ранних, античных и раннесредневековых концепций власти, которые, в свою очередь, оказывали огромное влияние на образ власти каролингского периода.

¹⁷² *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 15.

¹⁷³ *Stagner R.* Egocentrism, ethnocentrism, and altrocentrism: factors in individual and intergroup violence // *International Journal of Intercultural Relations*. 1977. Vol.1. P. 9-29.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое в отечественной историографии исследование образа власти на протяжении всей Каролингской эпохи и первое в истории изучения этого исторического периода исследование представлений о власти на материале повествовательных источников. В представленной работе впервые предпринимается попытка рассмотреть динамику трансформаций каролингского образа государя и связать её с опорой франкских авторов на предшествующие концепции власти и их реакцией на политические и социальные процессы, протекавшие в землях, находившихся под властью дома Каролингов.

Научно-практическая значимость работы. Предлагаемая диссертация может быть использована в разработке как общих, так и специальных курсов по истории Средних веков в высшей школе. Это касается, в первую очередь, разделов общего курса «История Средних веков», читаемого в рамках направления 07.00.03 «Всеобщая история», посвящённых источникам раннего Средневековья и развитию Западной Европы в каролингский период, в которых речь идёт, соответственно, об источниках эпохи Каролингов и роли Империи Карла Великого в формировании феодального общества и средневековой цивилизации. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при подготовке к семинарским занятиям, а также стать основой для отдельного, специального курса по проблемам власти и её образа в Каролингскую эпоху.

Апробация работы. Ряд проблем, поднимаемых в диссертации, рассматривались в рамках 20 (двадцати) научных статей, в том числе, опубликованных в журналах из перечня ВАК. Основные тезисы работы ежегодно озвучивались в рамках научных конференций.

Структура работы. Работа состоит из введения, основной части, включающей 6 (шесть) глав, в которых на материале повествовательных источников исследуется проблема образа власти Каролингской эпохи. В заключении подводятся итоги проведённого исследования, в конце работы

помещены списки сокращений, источников и использованной научной литературы.

Глава 1. Каролингские авторы и их сочинения

Обозначив круг источников и, перечислив ключевые памятники, которые будут нами рассмотрены, нельзя не остановиться подробно на авторах этих сочинений, обстоятельствах создания ими основных литературных памятников и их источниковедческом обзоре. Нас будет интересовать несколько ключевых аспектов в характеристике каролингских авторов и их сочинений:

1) Личность, жизненный путь автора и, что является самым важным, степень его вовлечённости в жизнь королевства и соприкосновения с особой монарха;

2) Исторические обстоятельства, на фоне которых возник повествовательный источник, потенциальное влияние этих обстоятельств на содержание памятника;

3) Конкретные обстоятельства появления источника, его внешняя и внутренняя критика. Заметим, однако, что большая часть внутренней критики того или иного литературного памятника, необходимой нам в процессе исследования каролингских образов власти, будет осуществлена нами в соответствующих главах, чтобы не нарушать логическую связанность и композиционную целостность диссертационного исследования.

Рассмотрение основных произведений каролингской литературы¹⁷⁴, затрагивающих тему власти, в таком ракурсе, поможет, на наш взгляд, максимально точно определить их ценность для данного исследования. Одновременно, в данной главе литература «каролингского возрождения» будет определённым образом сгруппирована: в процессе её развития будет выделено несколько отдельных этапов, что в дальнейшем поможет лучше понять динамику трансформаций каролингского образа власти. В основу

¹⁷⁴ Необходимо также оговориться, что в связи с тем, что предметом настоящего исследования является образ правителя, представления о власти – один из аспектов политической мысли Каролингской эпохи – мы намеренно не ставим цели, разбирая тот или иной источник, исследовать вопрос о степени достоверности приведённых в нём фактов, кроме тех случаев, когда того требует специфика исследуемого сюжета.

дробления литературного движения эпохи Каролингов на этапы будет положен хронологический принцип: авторы и их труды будут группироваться либо по правлениям отдельных монархов, либо уместаться в более крупные временные отрезки.

1.1. Эпоха Карла Великого: Павел Диакон, анналистика и наследие Алкуина

Карл Великий (768-814 гг.) принял королевство, в котором существовали хорошие предпосылки к развитию культуры, прежде всего, письменной. От Пипина Короткого Карлу достался курс на улучшение качества образования духовенства (позднее закреплённый «Всеобщим увещанием» 789 года¹⁷⁵), ряд монастырских центров, в которых теплились семена просвещения, и продолжение христианизаторских усилий миссионеров к востоку от Рейна, начатых благодаря усилиям Винфрида Бонифация (672/673 – 754 гг.). Всё это предопределило роль христианства и христианской мудрости как основы каролингской культуры.

Однако и роль самого Карла Великого в «подстёгивании» культурного движения во Франкском королевстве чрезвычайно велика¹⁷⁶. Уже в середине 770-х годов амбициозный король начинает поиск учёных по всему миру, первоначально приглашая специалистов из недавно подчинённой лангобардской Италии: автора «Истории» этого народа Павла Диакона, автора очень популярного в то время пособия по грамматике Петра Пизанского, а также патриарха Аквилеи и достаточно одарённого поэта Павлина. Пробыв при дворе Карла около 10 лет, они привносят во Франкию

¹⁷⁵ Admonitio Generalis. 789. m. Martio 23. // MGH. Capitularia regum Francorum. T.1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 52-62.

¹⁷⁶ Подробнее см.: *Ярхо Б.И.* Условия развития поэзии Каролингского Возрождения // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат., введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 19-52; *Гаспаров М.Л.* Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 3-21; *Brown G.* The Carolingian Renaissance // Carolingian culture: emulation and innovation. P. 1-51; *Contreni J.G.* The Carolingian Renaissance: education and literary culture // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 709-757; *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian World; *Riché P., Verger J.* Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge.

итальянский метрический стих и первые ростки педагогики. Но уже в начале 80-х годов итальянский культурный «десант» начинает сменяться англосаксонским и готским: ко двору прибывают будущий духовный и интеллектуальный лидер королевства Алкуин и ироничный гот Теодульф, становящиеся, наряду с франками Ангильбертом и Эйнхардом (ок. 770 – 840 гг.), ключевыми действующими лицами в рождающемся в те годы интеллектуальном придворном кружке – Дворцовой Академии (*Academia Palatina*). Очевидно, что Карл Великий преследовал чёткую цель, приглашая всех их во Франкию: помочь, прежде всего, самому себе, своему франкскому окружению, знати и духовенству, познать мудрость века, обучиться тому, что позволяет называться людьми, наделёнными интеллектом - античным наукам¹⁷⁷. Все эти каролингские «гуманисты» - поэты и риторы - в тот период развивают тему власти и государя в русле наставительных писем (как Алкуин, которого к этому обязывало положение ближайшего наставника) и королевских панегириков (Теодульф, Ангильберт).

Параллельно зарождается и «низовое» культурное движение, связанное с рождением в монастыре Лорш династической анналистики – каролингского летописания, не только фиксирующего важнейшие события прошлого и настоящего, но и прославляющего деяния новой династии. Начинается ведение крупных Анналов королевства франков, где-то, вероятно, ближе к концу века возникает хроника «Продолжателей Фредегара». Авторы и той и другой хроники, мы, к сожалению, не знаем¹⁷⁸. То есть, наряду с именитыми писателями, приглашёнными из других земель или воспитанных уже в стенах Академии (как Ангильберт и Эйнхард), на ниве анналистики действуют и безымянные авторы, внёсшие, тем не менее, не меньший, если не больший вклад в создание образа власти эпохи.

Всем им выпало творить в яркую и насыщенную событиями эпоху: военная эпопея расширения Франкского королевства до пределов крупной

¹⁷⁷ Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 27.

¹⁷⁸ Подробнее см. ниже и в главе 3.

полиэтнической христианской державы, распространение истинной веры среди язычников саксов, борьба с рядом мятежных областей, защита христианства внутри и вне государства, борьба за чистоту веры с Византией и еретиками, восстановление Империи и союз с папством – всё это не могло не наложить печать на их видение настоящего и, самое главное, власти человека, стоящего в центре всех перечисленных процессов – великого короля и императора Карла.

Первым, кто в своём творчестве затронул тему династии Каролингов и её монархов, был, как ни странно, представитель недавно завоёванного народа – лангобард *Павел Диакон* (ок. 720-799 гг.).

Итало-германский интеллектуал прожил весьма насыщенную жизнь. Родившись в 720-е годы в местечке Чивидале в графстве Фриуль, в знатной лангобардской семье, Павел впервые «всплывает» при дворе короля Ратхиза (744-749, 756-757 гг.) в Павии. Там, под руководством своего наставника Флавиана, будущий лангобардо-франкский историк изучает латинские и греческие языки, богословие и право. Позднее, уже после прихода к власти Дезидерия (756-774 гг.), он оказывается при дворе взявшего в жёны королевскую дочь Адальперту герцога Беневентского Арихиза, своего брата, где осуществляет первую пробу пера. Затем он по неясным причинам уходит в монастырь Чивате близ Милана, переселяясь, затем, в Монте-Кассино. Антифранкское восстание 776 года Арихиза приводит к плену герцога, что заставляет Павла, долго раздумывавшего об освобождении брата, обратиться к Карлу Великому с просьбой об освобождении родственника. В обмен на свободу Арихиза, Павел в 782 году отправляется ко двору франкского короля, с которым связан следующие четыре года жизни лангобардского писателя. Верно сослужив Карлу «службу пером», Павел в 787 году возвращается в Монте-Кассино, где умирает в 799 году¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Neff K.* Die Gedichte des Paulus Diaconus. Kritische und erklärende Ausgabe. München, 1908; *Ярхо Манитиус М.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1-2. München, 1911. S. 257-272; *Wattenbach-Lewison-Lowe.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 2; *Goffart W.* The Narrators of Barbarian (A.D. 550-800).

Помимо ряда эпитафий, панегирических стихов обеим королевским фамилиям, обширного комментария к Уставу святого Бенедикта, наконец, «Истории лангобардов», Павел Диакон проявляет себя уже как писатель эпохи «каролингского возрождения», причём самый первый в этом ремесле. По заказу Карла он пишет сборник проповедей – Гомилиарий, комментарий к грамматике Доната и книгу «*Деяния мецских епископов*» (784 г.), которая и подвергнется нашему анализу¹⁸⁰.

«Деяния» Павла Диакона были написаны при дворе Карла Великого, а значит, уже несли на себе отпечаток персоны франкского монарха и идейный климат придворного сообщества Каролингской монархии. Этот дошедший до нас целиком труд был написан Павлом по непосредственному заказу Карла Великого и рассказывал историю Мецской епископской кафедры, от начала христианской эры и заканчивая эпохой Карла. Хотя в конце сочинения упомянуто поручение Карла составить эпитафии на могилах ряда членов королевской семьи¹⁸¹, автор не обозначает в начале текста никаких целей: задача Павла Диакона ясна из названия и темы.

Однако повествование лангобардского историка по мере своего развития вышло за пределы рамок, заданных номинальной тематикой произведения: после рассказа о жизни епископа Арнульфа, речь идёт уже о королях династии Каролингов, описываются их деяния и доблести – разворачивается уже не житийное повествование о деяниях мецских епископов, а священная генеалогия рода Пипинидов-Арнульфingов, где

Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988; *Сидоров А.И.* Отвзук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 36-38.

¹⁸⁰ *Neff K.* Die Gedichte des Paulus Diaconus. Kritische und erklärende Ausgabe; *Ярхо Б.И.* Павел Диакон // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 135-136. «Деяния мецских епископов» впервые были опубликованы в 1613 году. Полноценное издание было осуществлено институтом MGH под редакцией Г. Пертца. См.: *Сидоров А.И.* Отвзук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 38; *Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus* // MGH. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1829. S. 260-270.

¹⁸¹ *Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus* // MGH. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1829. S. 260-270.

правлящая фамилия представляется потомками епископов города Мец¹⁸². Историография уже давно и совершенно справедливо рассматривает эти сведения Павла Диакона в контексте более глобального явления: поиска домом Пипинидов предков именно среди святых¹⁸³.

Сам по себе текст «Деяний», хотя и выдержан в последовательно повествовательном, почти «позитивистском» ключе, изобилует чудесами и историями дидактической направленности, что характерно для житийной литературы раннего Средневековья¹⁸⁴. Очевидно, что работая над своим сочинением, Павел Диакон опирался на традиции именно христианской литературы: этому способствовал и его монашеский сан и атмосфера христианского просвещения при дворе Карла Великого.

Безусловно, как христианский, житийный дух «Деяний мецских епископов», так и раскрытие в них темы Каролингской династии, делает это сочинение крайне актуальным для нашего исследования.

¹⁸² Ibid. S. 264; подробнее о связи Каролингов и Мецской кафедры см.: *Oexle O.G.* Die Karoliger und die Stadt des heiligen Arnulf // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 1. S. 250-364.

¹⁸³ См.: *Oexle O.G.* Die Karoliger und die Stadt des heiligen Arnulf // *Frühmittelalterliche Studien*. S. 250-364; *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age: d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques.

¹⁸⁴ Подробнее о латинской и средневековой агиографии см.: *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age: d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Roma, 1988; *Prinz F.* Hagiographie und Kultpropaganda. Die Rolle der Auftraggeber und Autoren hagiographischer Texte des Frühmittelalters // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. №103. 1992. S. 174–194; *Heffernan T.J.* Sacred Biography: Saints and Their Biographers in the Middle Ages. Oxford, 1992; *Nahmer D.* Die lateinische Heiligenvita. Eine Einführung in die lateinische Hagiographie. Darmstadt, 1994; *Becht-Jördens G.* Biographie als Heilsgeschichte. Ein Paradigmenwechsel in der Gattungsentwicklung. Prolegomena zu einer formgeschichtlichen Interpretation von Einharts Vita Karoli. // *Quaerite faciem eius semper*. Studien zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum. Dankesgabe für Albrecht Dihle zum 85. Geburtstag aus dem Heidelberger Kirchenväterkolloquium / Hrsg. A. Jördens. Hamburg, 2008. S. 1–21; *Mariković A., Vedriš T.* Identity and alterity in Hagiography and the Cult of Saints. Zagreb, 2010. Об образе власти во франкских житиях см.: *Старостин Д.Н.* Между Меровингами и Каролингами: представления о власти и смена исторической перспективы в позднемеровингский период по материалам исторических сочинений и житий // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2. История. 2008. Вып. 1. С. 156-168.

Автор следующего источника, который будет рассмотрен в данной работе, к сожалению, неизвестен. Речь идёт о крупнейшей хронике¹⁸⁵ эпохи Карла Великого – *Анналах королевства франков*¹⁸⁶.

Долгое время считалось, что автором этой хроники, охватившей 741-829 годы, был будущий автор «Жизни Карла Великого» Эйнхард. Связь между составлением Больших Анналов и биографом монарха видел их издатель Ф. Курце¹⁸⁷, а также трио специалистов по теме в составе В. Ваттенбаха, В. Левисона и Х. Лёве¹⁸⁸. Однако современная историческая наука делит Анналы на четыре основных фрагмента: за 741-795, 796-807, 808-820 и 821-829 годы, авторство каждого из которых исследователи пытаются установить отдельно¹⁸⁹. Однако лишь касательно авторства последней, четвёртой, секции, Б. Шольц высказал предположение, что её автором был аббат Сен-Дени Хильдуин¹⁹⁰. Однако эта часть была написана уже в правлении Людовика Благочестивого и не представляет для нас особого интереса, в силу того, что правление сына Карла Великого богато на другие повествовательные источники.

Непосредственно в правление Карла были составлены три первые части Анналов. Первая из них, охватившая 741-795 годы, начала

¹⁸⁵ Предупреждая возможные замечания о правомерности использования более позднего понятия «хроника» применительно к раннесредневековым анналам, подчеркнём, что данное слово используется исключительно в качестве синонимичного понятию «анналы», дабы не перегружать текст статьи повторами. То же относится и к понятию «летопись».

¹⁸⁶ Издание Анналов королевства франков было осуществлено в конце XIX века, в 1895 году, когда институт Monumenta Germaniae Historica особенно активно публиковал средневековые и, в частности, каролингские источники. См.: *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. S. 1-178.

¹⁸⁷ *Kurze F. Praefatio // Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. S. V-XIX.

¹⁸⁸ *Wattenbach-Lewison-Lowe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*. H. 2. S. 254-256.

¹⁸⁹ См.: *Scholz B. Carolingian chronicles: Royal Frankish annals and Nithard's Histories*. P. 2-6; *Петрова М.С. Литературные и исторические источники Эйнхарда // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М., 2005. С. 207-208.*

¹⁹⁰ *Ibid.* P. 6.

составляться не ранее 787 года¹⁹¹. Вероятно, её автором была группа лиц, входивших в королевскую капеллу¹⁹². Вторая часть составлялась уже погодно, скорее всего, одним автором, также клириком, служившим в дворцовой капелле и приближенным к особе монарха¹⁹³. Наконец, третья секция была также велась по годам неким новым летописцем, при этом, довольно образованным, о чём свидетельствует более богатый язык фрагмента¹⁹⁴.

По стилю *Annales Regni Francorum* представляют собой классические для раннего Средневековья погодные записи. Автор в них абсолютно обезличен: ни его присутствие в тексте, ни, тем более, какая-либо точка зрения на происходящее в Анналах не наблюдается. Следовательно, разговор о целях повествования не имеет смысла: задача летописца очевидна из самого содержания произведения: рассказать о событиях своего времени. Однако в реализации этого авторского плана присутствуют очевидные акценты.

В первую очередь авторы *Анналов* королевства франков описывают события, разворачивающиеся вокруг франкских королей: Пипина Короткого и Карла Великого. События эти – военные походы (в первую очередь), дипломатические переговоры и взаимоотношения с церковью¹⁹⁵. Анналисты практически не отходят от этой схемы, что позволило исследователям средневековых *анналов* сделать обоснованный вывод, что именно при Каролингах *анналистика* становится королевской, «династической», становясь на службе восхваления правящего дома¹⁹⁶. Р. МакКиттерик ещё

¹⁹¹ Ibid. P. 5.

¹⁹² Ibid. P. 5.

¹⁹³ Ibid. P. 5.

¹⁹⁴ Ibid. P. 5.

¹⁹⁵ *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. S. 1-178.

¹⁹⁶ *Prou M. Annales* // *La Grande Encyclopedie inventaire raisonne des sciences, des letters et des arts par une societe de savants et de gens de lettres*. T. 3: *Animisme* - Arthur. Paris, 1885. P. 21; *Bemont C. Annals* // *The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information*. Vol. 2: *Andros to Austria*. Cambridge, 1911. P. 61. Характерно, что,

более усилила акцент, высказав мнение, что *Анналы* создавались именно с целью прославления монархов династии Каролингов¹⁹⁷. Соглашаясь с такой позицией, добавим: своеобразная «монархоцентричность» каролингской анналистики делает её исследование очень актуальным в контексте нашей работы.

Невозможно оставить без внимания другую хронику этого периода, а именно, «*Хронику Продолжателей Фредегара*»¹⁹⁸, которая также будет проанализирована нами в главе 3. Задуманная как продолжение меровингской *Хроники Фредегара* (она будет затронута нами во второй главе), эта летопись долгое время считалась составленной вскоре после смерти Пипина Короткого в 768 году, то есть позиционировалась как более ранний источник по сравнению с *Большими Анналами*¹⁹⁹. Однако поскольку никаких других указаний на это, кроме хронологии событий в самой хронике, нет, недавно Р. МакКитерик высказала точку зрения, согласно которой «*Хроника продолжателей Фредегара*», как и *Малые Лоршские анналы*²⁰⁰, была составлена как раз на основе *Анналов Королевства франков*, то есть уже к концу правления Карла Великого²⁰¹.

Что касается содержания «*Продолжателей Фредегара*», то основной акцент в повествовании, был также сделан на деяниях правителей из дома Каролингов, причём как майордомов, так и королей. В данной хронике также освещены, в основном, военные и околоцерковные мероприятия франкских

например, в англоязычной исследовательской традиции за *Annales regni Francorum* закрепилось название «*Royal Frankish annals*», т.е. «*Королевские анналы*», подчёркивающее их направленность и заказчика.

¹⁹⁷ McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity. P. 31.

¹⁹⁸ Были изданы в 1888 году в рамках опубликования трудов Фредегара (прежде всего, его «*Хроники*») под общей редакцией В. Ваттенбаха. См.: *Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. T.2. S. 168-193.

¹⁹⁹ См., напр.: Wattenbach W. Prefatio // *Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. T.2. S. VII-VIII; Wallace-Hadrill D.S. *The Long Haired Kings and Other Studies in Frankish History*. New York 1962.

²⁰⁰ Сокращённые *Анналы* – переработанная версия *Annales Regni Francorum*, составленная уже после смерти Карла Великого. См.: Петрова М.С. Литературные и исторические источники Эйнхарда // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 210.

²⁰¹ McKitterick R. *History and Memory*. P. 100.

государей, а основным персонажем из числа представителей новой династии, является Пипин Короткий, который представлен не только защитником Римской церкви от лангобардов, но и неутомимым воителем²⁰². Излишне будет говорить, что такое видение «продолжателя» роли Каролингов в делах королевства франков может снабдить нас ценными сведениями о представлениях анналистов об образцовом монархе.

Представления о необходимом франкскому обществу христианском короле талантливо развил один из ключевых культурных, церковных и политических деятелей эпохи Карла Великого – *Алкуин Йоркский* (ок. 735-804 гг.), без разбора идейного наследия которого бессмысленно говорить об образе монарха в каролингский период средневековой истории.

Вся жизнь Алкуина – это непрерывный труд на ниве христианского просвещения, и в этом отношении уроженец нортумбрийского города Йорка представляет собой настоящий монолит, образец пастыря эпохи «массированного наступления» христианства на территорию язычества, тьмы и невежества. Родившись около 735 года, Алкуин получил блестящее классическое и богословское образование в Йоркской епископальной школе под руководством епископа Экберта и его преемника Эльберта. С последним Алкуин совершил две поездки в Рим, и во время второй познакомился в Парме с Карлом Великим. Карл сразу приблизил Алкуина ко двору. В дальнейшем клирик, имевший сан дьякона, прославился основанием Придворной Академии и многих общеобразовательных школ на территории Франкского королевства. В структуре *Academia Palatina* Алкуин был признанным лидером, считавшегося в кругах франкских «гуманистов» образцом интеллектуала, сочетавшего в себе знание античных наук и безупречную религиозность²⁰³. В 796 году Алкуин покинул двор и поселился

²⁰² *Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 168-193.*

²⁰³ В «Стихе к королю Карлу» Теодульф называет Алкуина «славой наших поэтов» (*Flaccus, nostrorum gloria vatum*). См.: *Theodulfus. Versus ad Karolem regem / Ed. E. Dümmler. 130 // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. Berlin, 1881. URL:*

в подаренном ему Карлом монастыре святого Мартина в Туре, где им был основан скрипторий и школа по образцу Йоркской. В Туре Алкуин посвятил последние годы жизни сбору и переписыванием древних книг.

Проявил себя Алкуин и как богослов, причём активный защитник ортодоксального вероисповедания. Ключевым этапом теологической карьеры стал догматический диспут 792 года в Регенсбурге, на котором он разбил главного апологета адоптианства - испанского епископа Феликса Урхельского²⁰⁴. Характерно мнение А.Ф. Уэста, который считал, что именно Алкуин был автором «*Libri Karolini*» - сборника решений Франкфуртского синода 794 года, осудившего как иконоборчество на Востоке, так и официальную византийскую форму его искоренения²⁰⁵.

Исследователи выделяют ещё одну сферу деятельности Алкуина – политическую. Со времён первых работ о Флакке Альбине, его называли едва ли не главным не только духовным, но и политическим советником Карла Великого²⁰⁶. Современные исследователи несколько более осторожны в своих выводах. Делая акцент на том, что в конце VIII века Алкуин удаляется от двора в Тур, имея возможность влиять на действия Карла только через письма, нынешние историки акцентируют внимание на роли Алкуина скорее как «духовного отца» и наставника Карла, своеобразного «гуру» в глазах монарха²⁰⁷.

Литературное наследие Алкуина - это теологические, философские и педагогические труды, а также переводы и поэтические произведения.

http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015).

²⁰⁴ См., напр.: *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 304-308.

²⁰⁵ *West A.F.* Alcuin and the rise of the Christian schools. New York, 1912.

²⁰⁶ См.: *Lorenz F.* The Life of Alcuin. London, 1837; *West A.F.* Alcuin and the rise of the Christian schools; *Page R.B.* The Letters of Alcuin; *Wilmot-Buxton E.M.* Alcuin. New York, 1922. Подробные разбор точек зрения исследователей на политическую роль Алкуина см в параграфе 3.4.

²⁰⁷ См.: *Garrison M., Nelson J.L., Tweddle D.* Alcuin and Charlemagne: the Golden Age of York. York, 2001; *Bullough D.A.* Alcuin: Achievement and reputation. Leiden: Brill Academic Pub, 2004; *Springsfeld K.* Karl der Große, Alcuin und die Zeitrechnung // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2004. №27. Lubeck, 2004. S. 53–66; *Depreux P.* Alcuin, de York à Tours. Ecriture, pouvoir et réseaux dans l'Europe. Rennes, 2005.

Особняком стоят его дидактические работы и обширная корреспонденция, включающая 312 писем²⁰⁸. Разбор специфики каждого сегмента алкуиновского наследия – задача титаническая, и в цели данной работы не входит. Отметим лишь, что уже классик историописания времён перехода от романтизма к позитивизму – Ф. Гизо – оставил нам довольно подробное описание литературных и научных штудий Алкуина²⁰⁹. В рамках данного исследования наибольший интерес представляет обширная корреспонденция Алкуина, а именно, его письма к различным монархам, прежде всего – представителем семьи Каролингов.

Весь корпус алкуиновской корреспонденции был издан институтом MGH под общей редакцией Э. Двеммлера²¹⁰. Из 312 писем 41 Алкуин адресовал различным коронованным особам Франкии и Британии, из них 38 – Карлу Великому и его детям. Понятное дело, что такой объём требует от нас определённой выборки, и поскольку переписка Алкуина с Карлом на данный момент исследована достаточно хорошо, мы остановимся на следующих письмах: монарху одного из англосаксонских королевств Оффе Мерсийскому²¹¹ и Карлу Юному, наследнику Франкской державы²¹². Кроме этого, будет проанализировано одно их самых ярких писем, из адресованных Карлу Великому – послание 796 года по случаю победы над аварами²¹³.

Все они были написаны в одном временном отрезке – в 780-790-х годах, в разгар военно-христианизаторской эпопеи Франкского королевства, защищавшего и распространявшего христианскую веру в Европе. Это, разумеется, наложило значительный отпечаток на их содержание: послания Алкуина к королям полны дидактики, основанной, разумеется, на христианской этике. Множество отсылок к Библии выдают в Алкуине

²⁰⁸ Page R.B. The Letters of Alcuin. P.7.

²⁰⁹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 2. С. 122-141.

²¹⁰ Alcuini sive Albini epistolae / Recensvit E. Dvemmmler; edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. S. 1-488.

²¹¹ Ibid. Ep. 64. S. 107.

²¹² Ibid. Ep. 188. S. 315-316.

²¹³ Ibid. Ep. 121. S. 175-178.

хорошего знатока Писания и экзегета – данные черты в тот период активно культивировались в интеллектуальном мире Европы и, в частности, в Придворной Академии и монастырских просветительских кругах Франкии²¹⁴. По всей видимости, Алкуин, несмотря на скромность и самоуничижение, периодически заметные в интитуляциях²¹⁵ (часть автографа письма, в которой указывается адресант), ощущал себя духовным наставником всех знакомых ему правителей.

Таким образом, письма Алкуина, являвшегося ключевой фигурой христианского просвещения в частности и «каролингского возрождения» в целом, а также духовным пастырем и тонким политическим советчиком Карла Великого и всей «королевской корпорации» Европы, представляют собой важнейший источник по политической теологии Каролингской эпохи.

Исследуя след, который оставила фигура Карла Великого в представлениях о правителе в период его правления, нельзя обойти вниманием двух ключевых поэтов Придворной Академии – *Теодульфа* (750/760 – 821 гг.) и *Ангильберта* (740/750-814 гг.).

Родившись в промежутке между 750 и 760 годами, Теодульф происходил из септиманских готов. Оказался будущий епископ Орлеана при дворе Карла, вероятно, за свою эрудицию и поэтические таланты. Оказавшись в конце 780-х в Придворной Академии, Теодульф вступил на путь, типичный для каролингского интеллектуала: стал видным ритором дворцового «гуманистического» кружка, одновременно приняв духовную должность: епископа Орлеана и аббата Флёри. Во всех этих ролях Теодульф оставался последовательным сторонником распространения просвещения среди франков, контролируя создание школ при монастырях в качестве *missus dominici*. С именем Теодульфа связывают участие во Франкфуртском

²¹⁴ Study of the Bible in the Carolingian Era.

²¹⁵ Например, в одном из писем Карлу Великому Алкуин называет себя «ничтожнейшим из ничтожных». См.: Alcuini sive Albini epistolae / Recensvit E. Dvemmler; edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 257. S. 414.

синоде 794 года с последующим написанием *Libri Carolini*²¹⁶, и поездку в Рим в 800 году с целью суда над папой Львом III (795-816 гг.). В Академии Теодульф прославился своей ироничностью и даже получил почётное прозвище Пиндар.

Однако после смерти Карла Великого положению гота-интеллектуала перестало быть столь прочным: в 817 году ему приписывают участие в мятеже Бернарда Италийского против своего приёмного дяди Людовика Благочестивого²¹⁷. В рамках присуждённого императором наказания, Теодульф становится монахом Анжерского монастыря. Как и все мятежники, был амнистирован в 821 году, но умер по дороге в Орлеан²¹⁸.

Ангильберт (род. между 740 и 750 годами), будущий муж дочери Карла Берты и отец Нитхарда, оказался при дворе по протекции Алкуина, став его лучшим учеником. За свои поэтические таланты этот франкский интеллектуал получил самое звучное (после Карла-Давида, разумеется) прозвище в Академии – Гомер. Но, как и в случае с Теодульфом, деятельность Ангильберта вышла за рамки литературной: он принимал участие в воспитании среднего сына Карла – Пипина Италийского, был видным членом придворной капеллы. Как и многие каролингские риторы, Ангильберт завершил свой путь на поприще настоятеля – на этот раз Карл вверил своему коллеге по академии северо-франкский монастырь Сен-Рикье, где Гомер пробудет до самой своей смерти²¹⁹.

Оба автора прославились именно поэтическими произведениями, преуспев в крайне интересном для нас жанре – королевском панегирике, то

²¹⁶ Freeman A. Theodulf of Orleans and the Libri Carolini // *Speculum*. V. 32. 1957. №4. P. 663–705.

²¹⁷ Подробнее см. в параграфе 4.1.

²¹⁸ Подробнее о Теодульфе см.: *Banuard L.* Théodulfe, évêque d'Orléans et Abbé de Fleury-sur-Loire. Paris, 1860; *Ярхо Б.И.* Теодульф, архиепископ Орлеанский (?-821) // *Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо.* С. 138-139; *Kränzle A.* Theodulf. // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*. Bd. 11. Herzberg, 1996. S. 1003–1008.

²¹⁹ См.: *Wattenbach W.* Angilbert // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Bd. 1. Leipzig, 1875, S. 459; *Ярхо Б.И.* Ангильберт, аббат монастыря св. Рихария // *Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо.* С. 131; *Bautz F.W.* Angilbert // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*. Bd. 1. 1975. № 2. Hamm, 1990. S. 175.

есть хвалебном слове государю. Не трудно догадаться, что адресатом выступал Карл Великий, что ещё более усиливает для нас ценность таких сочинений, как *«Послание к королю»* (796 г.) Теодульфа и *«Эклога к королю Карла»* Ангильберта. Оба произведения написаны античным метром и рисуют образ идеального монарха. Если Теодульф, посвящая свой панегирик победе Карла над аварами, создал в большей степени образ завоевателя, государя и главы семейства, то Ангильберт нарисовал портрет покровителя наук. Оба автора успешно применяют вергилианские, античные поэтические приёмы, создавая, тем не менее, истинно христианские по духу стихотворения²²⁰. В обоих случаях на творчество этих писателей влияло два фактора: царившая в Академии атмосфера «республики учёных» и триумфальный фон внешних и внутренних побед. Таким образом, традиция величавых панегириков королю была одновременно частью придворного этикета и закономерной реакцией на успешную политику Карла Великого.

Сочинения Теодульфа и Ангильберта органично дополняют картину жанрово разнообразной литературы эпохи Карла Великого и, несомненно, помогут нам увидеть представления о монархе, бытовавшие в различных слоях интеллектуальной элиты Франкского королевства в конце VIII – начале IX веков.

1.2. Эпоха Людовика Благочестивого: труды Тегана и Астронома

По общему мнению историков, с приходом к власти Людовика Благочестивого этическая и культурная атмосфера при дворе кардинально поменялась: на смену ведущего светский образ жизни придворного сообщества, ядром которого была Академия, пришла группа монахов-

²²⁰ Theodulfus. Versus ad Karolem regem / Ed. E. Dümmler // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015). Angilberti ecloga sacra ad Carolum Magnum // B2FIND [Электронный ресурс]. URL: <http://b2find.eudat.eu/dataset/539438c5-6229-5d48-905e-0d0a0e82b3f7> (дата обращения: 27.06.2015).

аскетов: предстоятель Аннианский Бенедикт, священник Элизахар и, конечно же, архиепископы Агорбард Лионский и Эбо Реймский²²¹.

После отъезда из Аахена ключевых интеллектуалов времён Карла Великого из числа переживших своего патрона – Теодульфа и Эйнхарда - Academia Palatina прекращает своё существование. В этих условиях культурная жизнь сосредотачивается в монастырях. Светские школы при них, между тем, закрываются: отныне в них готовят лишь будущих представителей духовенства, обучая их, кроме грамматики, второй части «art liberales»: арифметике, геометрии, астрономии и, прежде всего, церковному пению. Из высших наук ключевой становится теология. Ключевыми писателями, задававшими тон в богословских штудиях, в тот период являлись аббат Фульды Храбан Мавр, а также Агобард и епископ Орлеанский Иона (ок. 760 – 843/844 гг.)²²².

Но если Иона стал автором одного из первых каролингских зеркал, нарисовавшего короля идеального, но вырванного из исторического контекста, то *Тегана Трирского* (790-е – ок. 848 гг.) и загадочного *Астронома* можно по праву считать авторами не только нарративных источников, но и первых каролингских биографий, представлявших собой, фактически, исторические сочинения.

Автор «*Деяний императора Людовика*» Теган Трирский был первым, кто решился описать жизнь царствовавшего императора. Детали биографии этого писателя, известны, тем не менее, плохо: принадлежал он, предположительно, к знатному франкскому роду, владения которого располагались между Маасом и Мозелем или на среднем Рейне. Родился

²²¹ Ярхо Б.И. Условия развития поэзии Каролингского Возрождения // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат., введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 19-52; Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 3-21; McKitterick R. History and memory in the Carolingian World; Riché P., Verger J. *Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge*.

²²² Подробнее о нём и другом знаменитом писателе эпохи Людовика, Эйнхарде, см. в главах 4-5. О изменениях в придворном окружении нового императора подробнее см. параграф 4.1.

Теган в 90-х годах VIII века, учился в школе Лоршского монастыря, где помогал составлять грамоты. При архиепископе Трира Хетти (занимал должность в 814-847 гг.) молодой Теган, неустанными трудами приобретший известность и авторитет, был рукоположен в сан хорепископа – так во Франкском королевстве именовался помощник архиепископа, имевший в своей юрисдикции сельскую округу. В 820-х годах автор «Деяний» тесно общался с Валафридом Страбоном²²³, что, несомненно, наложило отпечаток на мировоззрение трирского клирика. После 842 года Теган занимал должность пастора в двух церквях городка Бонн: св. Кассия и св. Флоренция, подчинённых архиепископу Кёльна, что говорит об известности и позитивном имидже Тегана сразу в обоих крупнейших архиепископствах. Скончался писатель и духовный деятель Трира предположительно около 848 года²²⁴.

«Деяния»²²⁵ представляют собой памятник, написанный еще при жизни Людовика Благочестивого, в промежутке между осенью 836 года и зимой 837/838 годов²²⁶. Источники, которыми пользовался Теган при написании «Деяний», точно не известны. Между тем, Б. Симсон высказал предположение, что трирский клирик использовал «Деяния мецских

²²³ Валафрид Страбон (808/809 – 849 гг.) – один из ключевых деятелей «второго поколения» писателей «каролингского ренессанса», автор предисловия к «Жизни Карла Великого» Эйнхарда и ряда стихотворений на религиозные и практические темы. Учился у Веттина в Райхенау и Храбана в Фульде. В 829-838 гг. исполнял ответственную миссию – воспитания принца Карла, будущего Карла Лысого. См: *Wesseling K.G. Walafrid Strabo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 13, Bautz, 1998. S. 169–176; Fees K. War Walafrid Strabo der Lehrer und Erzieher Karls des Kahlen? // Studien zur Geschichte des Mittelalters. Jürgen Petersohn zum 65 / Hrsg. P. Wiegand. Stuttgart, 2000. S. 42–61.*

²²⁴ См.: *Trempe E. Thegan und Astronomus, die beiden Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840). Oxford, 1990. P. 691-700; McKitterick R. Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge, 1994. P. 209–211; Trempe E. Thegan // Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 1-52; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 128-130.*

²²⁵ Как и рассматриваемое ниже сочинение Астронома «Жизнь императора Людовика», «Gesta» были неоднократно издаваемы институтом MGH. Последнее издание под редакцией Эрнста Трэмпса было выпущено в 1995 года. См.: *Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 167-277; 279-555.*

²²⁶ Там же. С. 134.

епископов» Павла Диакона или написанную им же «Генеалогию дома Каролингов»²²⁷. А.И. Сидоров добавляет к этому, что Теган, весьма вероятно, пользовался официальной анналистикой²²⁸. Кроме этого, полное сходство некоторых деталей в описании внешности Людовика с деталями внешнего облика его отца Карла Великого наводит на мысль, что Теган был хорошо знаком с текстом «Жизни Карла Великого» Эйнхарда. Жанром «Деяний» можно считать биографию с элементами дидактической прозы.

В своём сочинении Теган охватывает временной отрезок, начиная от детства Людовика и заканчивая событиями 835-836 годов. Рисуя панораму «деяний» своего государя, Теган в целом придерживается хронологического принципа: последовательно рассказывает о событиях царствования Людовика. При этом, несмотря на то, что хорепископ не стесняется писать о тяжёлых моментах, таких, как войны императора с сыновьями, какая-либо, даже малейшая критика действий Людовика, сомнения в его правоте, в сочинении отсутствуют. У Тегана Людовик – избранник Господа, Который является, наряду с людьми, полноценным действующим Лицом²²⁹. В «Деяниях императора Людовика» довольно много библейских цитат и реминисценций, среди которых одной из самых ярких является идея Тегана о том, что Людовик превосходил остальных сыновей Карла Великого уже тем, что был младшим из них – явная отсылка к сюжету о Каине и Авеле (Быт. 4)²³⁰. Таким образом, Теган всецело полагается на христианскую традицию при построении как сюжета, так и своих рассуждений. Последние играют важную роль в тексте: помимо собственно перечисления фактов, в «Деяниях» очень много дидактики. Она у трирского клирика носит, в том числе, острый, полемический характер: таковыми являются его выпады против Эбо

²²⁷ *Simson B. Über Thegan den Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 10. Göttingen, 1870. S. 338.*

²²⁸ *Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 136.*

²²⁹ *Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 167-277.*

²³⁰ *Ibid. S. 178.*

Реймского, основная вина которого, по мнению Тегана, заключалась в том, что он занял архиепископскую кафедру, будучи незнатного происхождения²³¹.

Так или иначе, основным персонажем, вокруг которого построено всё повествование и идея произведения – рассказать о деяниях великого короля – является императора Людовик, что закономерно актуализирует «Gesta» для данного исследования.

Вторым важнейшим источником эпохи 814-840 годов является книга «Жизнь императора Людовика», написанная анонимным автором, именуемым Астрономом.

Мы располагаем скудными сведениями о загадочном Астрономе: он, безусловно, принадлежал к духовенству; однако неизвестно, был ли он клириком или очередным «придворным» монахом. Кроме этого, Аноним, очевидно, обладал обширными познаниями в астрономии (откуда и прозвище) и медицине²³². Около 814 года он оказался при дворе Людовика, затем, скорее всего, до 842 года находился при дворе Карла Лысого. Возможно, будучи подле Людовика Благочестивого, он был придворным капелланом и оставался при дворе до самой смерти императора²³³. Так или иначе, Астроном явно был приближённым к монарху лицом, о чём говорит масса подробностей, упомянутых им в «Vita» - деталей, в курсе которых могла быть только очень близкая к Людовику персона²³⁴.

²³¹ Ibid. S. 204-26, 226-228.

²³² Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 100-101.

²³³ Wattenbach-Lewison-Lowe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 3. S. 335.

²³⁴ Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 279-555. Подробнее о писателе см.: Guizaut F. Vie de Louis le Debonnaire, par l'Anonyme dit l'Astronome // L'Antiquité Grecque et Latine du Moyen Age [Электронный ресурс]. URL: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/nithard/anonyme.htm> (дата обращения: 12.06.2015); Bouillet M.-N., Chassang A. L'Astronome (auteur) // Dictionnaire universel d'histoire et de géographie / Par M.N. Bouillet. Paris, 1878 // Gallica: bibliotheque numerique [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4849m#> (дата обращения: 12.06.2015); Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 83; Tremp E. Astronomus // Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 53-155; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 99-103.

Сочинение Астронома – самая полная биография благочестивого императора и крупнейший повествовательный источник начала 840-х годов. Она была написана в 842 году, в самый разгар так называемой «Войны трёх братьев» (840-843 гг.), разгоревшейся между Лотарем с одной стороны и коалицией Карла Лысого и Людовика Немецкого с другой²³⁵. В качестве источников для своего труда Астроном, в той части, где рассказывается о жизни Людовика до восшествия на престол, использовал повествование некоего Адемара, вероятно, полководца Людовика в испанских войнах²³⁶. Также, совершенно очевидно, что во второй части произведения автор использовал сведения Анналов королевства франков, и, вероятно, «Историю» Нитхарда²³⁷. Источником Астронома служили и его личные наблюдения, о чём писатель прямо говорит в начале своего труда: *«Далее я описал время до начала его правления, дополнив повествование благородного Адемара, благочестивого монаха, который был его ровесником и одноклассником, а затем, поскольку я участвовал в дворцовых делах, рассказал о том, что смог увидеть и услышать»*²³⁸.

Цель написания «Vita» автор чётко обозначает в самом начале повествования: поведать о деяниях почившего императора²³⁹. Эту задачу Астроном выполняет невероятно добросовестно: рассказ о жизни Людовика ведётся, начиная с его детства и молодости (с особенным акцентом на события в Аквитании, переписанные у загадочного Адемара). Во всех красках описывается всё правление, взаимоотношения с сыновьями и церковью, личные качества императора и его смерть²⁴⁰. Однако своим трудом

²³⁵ Подробнее см. в главе 5.

²³⁶ *Tremp E. Astronomus // Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 75.*

²³⁷ *Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 108-118.*

²³⁸ *Использован перевод А.В. Тарасовой. См.: Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. с лат. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С.38. Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 284.*

²³⁹ *Ibid. S. 280.*

²⁴⁰ *Ibid. S. 279-555.*

Астроном, очевидно, ставил и дидактические цели²⁴¹, стремясь не только рассказать о жизни Людовика, но и запечатлеть на пергаменте пример образцового правителя своего времени. Показателен один из приёмов Анонима, часто используемый авторами житий святых: главным противником Людовика выступают не конкретные политические противники, а сам дьявол, вступающий в противоборство с «воином Христа» Людовиком²⁴². Именно христианская концепция добродетелей, почерпнутое из житий и Библии видение мира отличают стиль Астронома. Несомненно, написание биографии Людовика именно в таком ключе было связано не только с принадлежностью Анонима к духовенству, но и с волнующими событиями той эпохи: в условиях внутридинастических войн автор «Жизни императора Людовика» стремился праведную, соответствующую христианским нормам линию поведения, которая, по его мнению, воплощалась в «благочестивейшем из императоров»²⁴³.

Таким образом, именно Астроном, как и его современник Теган, наиболее полно отразили представления об образцовом монархе своего времени, что объясняет наш выбор в пользу именно этих источников эпохи Людовика Благочестивого.

1.3. «Истории» Нитхарда и анналистика

С распадом Франкской империи в 840-843 годах каролингская литература начинает сосредотачиваться в отдельных королевствах: Срединном (будущей Лотарингии), Восточно- и Западно-франкском. Именно последнее будет наиболее богато на выдающихся писателей в целом и идеологов королевской власти в частности. Однако что касается анналистики, то она отнюдь не сосредотачивалась исключительно на западе

²⁴¹ «Жизнеописание Людовика» должно было служить примером всякому доброму христианину (правда, умеющему читать, что уже само по себе указывало на его возможное социальное положение), наставлять его в вере и добродетелях, ориентируясь на подражание». См.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 107.

²⁴² Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 380.

²⁴³ Ibid. S. 242.

франкского мира: самые яркие центры летописания возникли в Фульде и Майнце, где под руководством Храбана Мавра началась вестись восточнофранкская хроника.

Однако самое яркое и единственное историческое сочинение родилось именно при дворе Карла Лысого. Речь идёт о «Четырёх книгах истории» графа-аббата *Нитхарда* (ок. 790 – ок. 845 гг.), внебрачного сына Берты и Ангильберта²⁴⁴.

Несмотря на принадлежность в королевской семье, об авторе «Историй» не так много известно. Нитхард родился в последнее десятилетие VIII века, и вследствие родства с Ангильбертом, вплоть до смерти Карла Великого его судьба связана с императорским двором. Возможно, он был удален от него в начале правления Людовика Благочестивого. Это вполне вероятно, поскольку придирчиво следивший за моральным обликом своих приближенных Людовик не мог смотреть на бастарда без подозрения. После этого Нитхард, предположительно, оказался в монастыре Сен-Рикье, где аббатом как раз был Ангильберт. Здесь Нитхард получил престижный титул графа-аббата. Возможно, он принимал участие в войнах Людовика с сыновьями в качестве *missus*. В начале 840-х он оказывается при дворе Карла Лысого, который поручает Нитхарду написать историю своего времени. Будучи непосредственным очевидцем «войны трех братьев», Нитхард участвует в боевых действиях и дипломатических миссиях²⁴⁵. Погиб он, как

²⁴⁴ Изданы в серии MGH под редакцией Г. Пертца и Э. Мюллера в 1907 году. См.: Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 1-50.

²⁴⁵ О Нитхарде и его сочинении подробнее см.: Muller E. Prefatio // Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS. rer. Germ. S. V-XIV; Chisholm H. Nithard // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/biography/Nithard> (дата обращения: 02.03.2015); Brunhölzl F. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1. München, 1975, S. 399–402; Nelson J. Public Histories and Private History in the Work of Nithard // Speculum. № 60/2. 1985. P. 251-293; Bossuat R., Gasparri F. Nithard // Dictionnaire des lettres françaises, T. 1: Moyen Âge / Ed. R. Bossuat, L. Pichard et G. R. de Lage. Paris, 1992. P. 1105-1107; Goetz H.-W. Nithard // Lexikon des Mittelalters. Bd 6. München/Zürich, 1993. S. 1201; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 154-158; Cawley C. Family of Nithard // Medieval Lands Project. 2015 [Электронный ресурс]. URL:

предположил Ф.Л. Гансхоф, 15 мая 845 года, когда норманны напали на Сен-Рикье, придав его разграблению²⁴⁶.

На сегодняшний момент большинство историков согласны с точкой зрения упомянутого французского исследователя: скорее всего, труд Нитхарда сохранился целиком²⁴⁷; лишь Д. Нельсон высказала альтернативное мнение²⁴⁸. Состоит сочинение Нитхарда из четырех книг, первые две из которых были написаны 841 году²⁴⁹. Третья и четвертая были завершены, предположительно весной 842 и весной 843 годов соответственно²⁵⁰. По жанру «Истории» представляют собой памятник исторической мысли (по нашему мнению, самый яркий в ряду каролингских исторических сочинений). Поскольку это произведение было написано по прямому заказу монарха – Карла Лысого – очевидно, что «Истории» испытали на себе отпечаток не только мировоззрения и эрудиции Нитхарда, но и предпочтений его патрона, ещё только начинавшего своё царствование.

Нитхард, как и многие каролингские анналисты и биографы до этого, использует хронологический принцип подачи материала: последовательно рассказывая сначала о царствовании Людовика Благочестивого, затем – о «войне братьев». Основными событиями, излагаемыми Нитхардом, являются войны, дипломатические переговоры и своеобразные «военные советы», которые держат короли со знатью и епископами.

В центре исторического повествования графа-аббата находится борьба коалиции младших сыновей императора – Карла Лысого и Людовика

http://fmg.ac/Projects/MedLands/FRANKISH%20NOBILITY.htm#_Toc371156055 (дата обращения: 12.06.2015).

²⁴⁶ *Ganshof F.-L.* Note critique sur la biographie de Nithard // *Melanges Paul Thomas*. Brugge, 1930. P. 335-344.

²⁴⁷ *Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // *La storiographia altomedievale*. V. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo). P. 655.

²⁴⁸ По её мнению дошедший до нас список второй половины X века содержит незавершенное сочинение. См.: *Nelson J.* Public Histories and Private History in the Work of Nithard // *Speculum*. № 60/2. 1985. P. 253.

²⁴⁹ *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 167.

²⁵⁰ Там же. С. 169.

Немецкого – против стремящегося к захвату всей власти во франкских землях Лотаря, старшего среди Каролингов на момент смерти Людовика Благочестивого. Первые обладают всеми необходимыми монархам добродетелями, второй – воплощает все пороки мира. Несмотря на такую типичную для христианства и Средневековья антитезу, в сочинении Нитхарда практически отсутствует отсылки к Библии, религиозным текстам и вообще апелляция к божественному. В этом смысле сын Карла Великого предстаёт, наверное, первым чисто светским автором «каролингского возрождения» - несмотря на свою «полудуховную» должность графа-аббата. Ценностный ориентир, за торжество которого борются «правильные» короли – Карл и Людовик – это «общее дело», *res publica* – согласие между всеми силами в королевстве²⁵¹.

Поэтому очевидно, что Нитхард в своём повествовании отразил стремление определённых кругов франкской элиты к примирению и компромиссу в условиях кровопролитной внутрисемейной войны. В этом смысле его видение наилучшего варианта политической практики монархов в 840-842 годах не менее интересно, чем целостные образы христианские государей предшествующего периода.

После Нитхарда франкская литература, в общем и целом, бедна на крупные прозаические произведения, особенно описывающие реальные исторические события. В монастырях действуют ученики Храбана Мавра – третье поколение деятелей «каролингского ренессанса», а также Седулий Скотт и его ирландская община. Сфера их интересов – религиозная поэзия. Однако не прекращается франкская анналистика, которая в 870-х годах переживает своеобразный «второй расцвет». Наиболее интересными анналами этого периода являются Фульдские, написанные в

²⁵¹ Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 1-50.

Восточнофранкском королевстве, а также Бертинские и Ведастинские, ведшиеся в западной части франкского мира²⁵².

Фульдские анналы получили свое название по своей первой части, которая писалась в аббатстве Фульда, и охватывают большой хронологический период – с 680 по 901 годы. Первая часть, описывающая события от Карла Мартелла до 838 является компиляцией из других более ранних хроник, включая *Анналы королевства франков*. Вторая (838-863 годы) составлена помощником Храбана Мавра фульдским монахом Рудольфом, который писал её сначала в своём монастыре, затем – в Майнце, куда перебрался вместе с Храбаном, получившим сан архиепископа этой епархии. Остальные части – третья и четвёртая - *Фульдских анналов* доводят повествование до 887 и 901 годов соответственно.

Именно последние два сегмента, написанные учеником Рудольфа монахом *Мегинхардом* (ум. в 888 г.), и посвященные событиям 864-887 годов, будут интересовать нас. Мегинахрд, вероятно, имел хорошее образование, был знаком с трудами Гая Саллюстия Криспа (86 – 35 или 34 до н.э.), хорошо разбирался в богословских вопросах.

Необходимо также отметить, что большая часть второй, а также третья и четвёртая части *Фульдских анналов* были написаны в Майнце (куда перебрался в 841 году Рудольф) под руководством архиепископа Храбана, долгое время бывшего духовным лидером Восточнофранкского королевства, то есть игравшего роль, сходную с ролью Хинкмара Реймсского на западе франкского мира. Затем анналистикой руководил архикапеллан Майнца Лиутберт, авторитетный прелат. Очевидно, что летописание в Восточной

²⁵² Как и в случае с *Анналами королевства франков*, издание этих хроник занимался институт MGH, а редактором выступали такие специалисты, как Ф. Курце, Г. Вайтц и Б. Симсон. См.: *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus* / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 1-138; *Annales Bertiani* / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. 1-154; *Annales Xantenses et Annales Vedastini* / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. 40-82.

Франкии активно приветствовалось монархами этой части каролингского мира²⁵³.

Анналы монастыря Сен-Бертен (Бертинские анналы) – продолжение *Анналов королевства франков* – уже успели стать хрестоматийным источником по изучению франкской истории 830-882 годов. Первая часть анналов охватывает период с 830 по 835 годы, однако её автор неизвестен. Вторая часть, написана епископом Труа Пруденцием (настоящее имя – Галиндо, происходил из Испании), который был капелланом Карла Лысого. Повествует этот сегмент о событиях 836-862 годов. Третья, которая и будет интересовать нас, написана крупнейшим политическим деятелем эпохи, автором «*De ordine palatii*» *Хинкмаром Реймским (806-882 гг.)*.

Его повествование носит подробный характер, однако имеет четкую политическую направленность; как считала А.Д. Люблинская, рассказ архиепископа приближается «по форме скорее к тенденциозным политическим мемуарам, чем к анналам»²⁵⁴. Как и в случае с двумя первыми частями анналов, источниками для которых служили не только собственные сведения анналистов, но и конкретные документы (например, «Видение» английского короля за 839 год и Мерсенский договор 870 года), в основу части, написанной Хинкмаром, возможно, легла его личная документация, в том числе и подложная²⁵⁵.

²⁵³ Kurze F. Praefatio // *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze* // MGH. SS rer. Germ. S. V-XIII; Schlager P. Rudolf of Fulda (1912) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/13218a.htm> (дата обращения: 12.06.2015); Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. С. 86; Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 460; Reuter T. The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories. V. II. Manchester, 1992. P. 1-14; Staab F. Klassische Bildung und regionale Perspektive in den Mainzer Reichsannalen (sog. Annales Fuldenses) als Instrument der geographischen Darstellung, der Bewertung der Regierungstätigkeit und der Lebensverhältnisse im Frankenreich // Gli umanesimi medievali: atti del II congresso dell'Internationale Mittellateinerkomitee. Florenz, 1998. S. 637–668.

²⁵⁴ Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. С. 86.

²⁵⁵ Там же. С. 86. Подробнее о Бертинских анналах см.: Abbé C. Dehaisnes. Les Annales de Saint-Bertin et de Saint Vaast. Paris, 1871 // Gallica: bibliotheque numerique [Электронный

Ведастинские анналы - хроника, по значению сопоставимая с анналами Бертинскими - была написана в монастыре святого Веста (Сен-Васт), находящемся недалеко от Арраса, неким тамошним монахом. Хронологически этот памятник охватывает 874-900 годы. Автор анналов в основном повествует о событиях, происходивших в Нейстрии и Австразии. Причем до 882 года материал хроники монастыря Сен-Васт является чем-то вроде извлечений из Сен-Бертенских анналов. Далее это уже самобытный источник, хоть и сухой и со значительным числом грамматических ошибок²⁵⁶.

Все три памятника каролингской анналистики отличаются характерными для жанра особенностями: акцентом на военно-дипломатические и церковные аспекты, позитивном образе монархов, упоминанием природных явлений. Однако определённые особенности всё же присутствуют: если Фульдские анналы в записях за 870-е годы полемически заострены в пользу восточной ветви Каролингов, то часть Бертинских, написанная Хинкмара свою пристрастность по отношению к западно-франкским королям демонстрирует в разных формах: как одобрением, так и умолчанием в тех местах, где это необходимо²⁵⁷.

При этом Ведастинские анналы, напротив, являются самыми «сухими» и лишёнными династической ангажированности; вероятно,

ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k215043h> (дата обращения: 01.05.2015); Ott M. St. Bertin (1907) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02522b.htm> (дата обращения: 01.05.2015); Waitz G. Prefatio // Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. V-X; Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. С. 86; Nelson J. The Annals of St. Bertin. Manchester, 1991. P. 7-19.; Бертинские анналы (Annales Bertiani). Часть 1 (2006) // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text1.phtml?id=657 (дата обращения: 01.05.2015).

²⁵⁶ Подробнее см.: Abbé C. Dehaisnes. Les Annales de Saint-Bertin et de Saint Vaast // Gallica: bibliotheque numerique [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k215043h> (дата обращения: 01.05.2015); Simson B. Prefatio. II. Annales vedastini // Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. VIII–XVI; Сидоров А.И. Ведастинские анналы (1999) // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/09/1/historiki2.htm#111> (дата обращения: 26.03.2015).

²⁵⁷ Подробнее см. в параграфе 5.3.

сказалось географическое положение этого центра летописания – «на отшибе» Западной Франкии, во Фландрии. Сухость приобретают и Фульдские анналы – начиная с 882 года, когда, по мнению Ф. Курце, у них сменился автор, несмотря на то, что предыдущий, Мегинхард, умрёт только в 888 году²⁵⁸. Однако по нашему мнению, сухость обрёл, в силу определённых причин, именно слог Мегинхарда, о чём подробнее будет сказано в главе 5. Язык всех трёх памятников в целом схож: наибольшей чёткостью слога отличаются Фульдские и Ведастинские анналы, в то время как фрагмент Сен-Бертенской хроники, написанный Хинкмаром, довольно пространен.

Безусловно, не только личности анналистов, которые были либо монахами (Мегинхард, аноним из Сен-Вааста), либо высокопоставленными духовными лицами (Пруденций, Хинкмар) повлияли на содержание источников, но и постоянно меняющаяся политическая конъюнктура, заставлявшая авторов акцентировать внимание на одних моментах и замалчивать, либо, наоборот, риторически заострять другие. Поэтому видение франкскими анналистами королевской власти в один из самых острых для династии период – 870-880-е годы – крайне интересно для реконструкции эволюции представлений о монархе в Каролингскую эпоху.

1.4. Литература 840-890-х годов: поэма, зеркало, «деяния»

Помимо нарративных источников, описывающих собственно историю франкских королевств в указанные годы, вторая половина IX века отметилась и менее «историческими» произведениями: речь идёт о поэме «Вальтарий», зеркале «О дворцовом порядке» Хинкмара и «Деяниях Карла Великого» Ноткера Санкт-Галленского. Первый памятник в этом перечне – одна из редких для этого периода эпических поэм, однако сам по себе жанр каролингской поэмы начался не с «Вальтария», а с сочинения начала IX века – эпоса *«Карл Великий и papa Лев»*.

²⁵⁸ Kurze F. Praefatio // Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. XII.

Эта поэма, не сохранившаяся, вероятнее всего, целиком²⁵⁹, делится на три части: первая восхваляет Карла Великого и рассказывает об основании Аахена как новой столицы, вторая повествует о королевской охоте, третья – о встрече Карла с папой Львом III²⁶⁰. Авторство поэмы, несмотря на активную дискуссию в историографии, на сегодняшний день так и не установлено. Немецкий исследователь О. Шаллер назвал автором Эйнхарда²⁶¹, итальянский историк Ф. Стелла - Модуина²⁶², а российский специалист М.Л. Гаспаров – Ангильберта (на основании того, что этот поэт носил прозвище Гомер, а значит, был способен написать эпическое произведение)²⁶³. Однако, несмотря на разброс мнений, показателен один факт: все предполагаемые авторы принадлежат к ближайшему, притом, франко-германскому окружению Карла, что будет особенно отмечено нами в главе 6. Пока лишь заметим, что наиболее здравую точку зрения предложила Д. Нельсон, посчитавшая, что такую поэму мог написать, по сути, любой из советников Карла Великого²⁶⁴.

²⁵⁹ Петрова М.С. Примечания к поэме «Карл Великий папа Лев» // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 178-187.

²⁶⁰ Последнее немецкое издание увидело свет в Падерборне в 1966 году Х. Бойманном, Ф. Брунгольцом и В. Винкемльманом. См.: Karolus Magnus et Leo Papa. Ein Paderborner Epos von Jahre 799 / Ed. H. Beumann, F. Brunhölzl, W. Winkelmann. Paderborn, 1966. Российское билингвовое издание было подготовлено М.С. Петровой в рамках издания книги Эйнхарда и ряда ключевых памятников эпохи Карла Великого. См.: Карл Великий и папа Лев. III, vv. 1-176 / Пер. Е.В. Заруцкой и Н.П. Клещевой; под ред. М. Петровой // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 164-177. Кроме того, русский перевод второй части поэмы была издана в серии «Памятники латинской литературы», а затем переиздана в рамках публикации труда Б.И. Ярхо «Поэзия Каролингского Возрождения». См.: Ангильберт. Карл Великий и папа Лев // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 163-168; Ангильберт. Охота Карла Великого (799). Из поэмы «Карл Великий и папа Лев» // Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат., введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 163-168.

²⁶¹ Schaller O. Die deutsche Literatur des Mtttelalters // Verfasserlexikon. 1983. №4. S. 1041-1045.

²⁶² Stella F. Autore e attribuzioni del «Karolus Magnus et Leo Papa» // Vorabend der Kaiserkrönung: Das Epos «Karolus Magnus et Leo Papa» und der Papstbesuch in Paderborn 799 / Ed. P. Godman, J. Jarnut und P. Johanek. Berlin, 2002. S. 19-33.

²⁶³ Гаспаров М.Л. Ангильберт // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 162.

²⁶⁴ Nelson J. England and the Continent in the Ninth century: IV, Bodies and Minds // Transactions of the Royal Historical Society. 2005. №15. P. 1-27.

Касательно датировки в последние годы наметилось куда большее согласие: Д. Хэгерманн останавливается на времени вскоре после 800 года²⁶⁵, а Г. Мэйр-Хартинг прямо указывает на 802 год и переезд двора в Аахен²⁶⁶. И лишь А. Шерер высказал предположение, что поэма была издана уже после смерти Карла²⁶⁷. Так или иначе, в настоящей момент уже отброшена традиционная точка зрения, согласно которой поэма была написана в 799 году в Падерборне во время, собственно, встречи папы и короля, отчего и получила своё второе название – «падерборнский эпос»²⁶⁸.

Итак, перед нами поэма, написанная вскоре после 800 года, автором, принадлежавшим к «франкскому окружению» императора Карла. Такая постановка проблемы логично объясняет содержание и особенности текста: в поэме Карл Великий (именно в ней он впервые получает это прозвище) предстаёт непревзойдённым христианским императором, наделяемым лучшими качествами и интеллектуальной мощью. Под его чутким руководством возводится новая столица империи, второй Рим – Аахен, а сцена охоты высвечивает центральное положение монарха в структуре семьи и двора. Поэма написана латинским метром и содержит отсылки как к христианской (Карл наделён библейскими добродетелями и именуется Давидом), так и к античной (Бог называется Громовержцем, Аахен – просто Городом, по аналогии с Римом) письменным традициям²⁶⁹. Очевидно, что автор (или авторы?) поэмы находились в русле поэтической традиции Придворной Академии, идеалом видя своего загадочного коллегу-интеллектуала Коридона – по меткому выражению Б.И. Ярхо «священника, играющего на античной свирели», то есть ориентируясь на сочетание в

²⁶⁵ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes.

²⁶⁶ Mayr-Harting H. Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800 // The English Historical Review. 1996. №111. P. 1113–1133.

²⁶⁷ Scharer A. Charlemagne's Daughters // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. S. Baxter, C. E. Karkov, J. L. Nelson, D. Pelteret. Farnham, 2009. P. 269–282.

²⁶⁸ Karolus Magnus et Leo Papa. Ein Paderborner Epos von Jahre 799 / Ed. H. Beumann, F. Brunhölzl, W. Winkelmann.

²⁶⁹ Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa. P. 24-26.

поэзии античной формы и христианского содержания²⁷⁰. Поэтому сочетание христианских и античных элементов в образе Карла Великого в «падерборнском эпосе» представляет для нас значительный интерес в свете изучения образа власти в начале IX века.

Как франкский, исходящий из германской части Империи, взгляд на власть поэма «Карл Великий и папа Лев», несомненно, интересна. Однако в наибольшей степени отразила германские представления о мире и доблести поэма, непосредственно относящаяся к интересующей нас в данном параграфе половине IX века, - «Вальтарий»²⁷¹.

Далеко не все исследователи поддерживают точку зрения о написании поэмы неким Геральдом именно в каролингское время. Традиционный взгляд на авторство «Вальтария» выразил Д. Шаллер, высказавшись за кандидатуру Эккехарда I (910-973 гг.), монаха и аббата Санкт-Галленского монастыря, посвятившего поэму своему учителю Геральду²⁷². Более молодой поэму считал Н. Фикерман, приписывая её как раз некому клирику Геральду, посвятившему его майнцскому архиепископу Эркамбальду (ум. в 1021 году)²⁷³. По мнению Ж.-Р. Циммермана, Геральд входил в ближайшее окружение духовного главы Майнца²⁷⁴.

Точка зрения о датировки поэмы второй половиной IX века утвердилась именно в отечественной историографии, благодаря издателю

²⁷⁰ Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения. С. 33-34.

²⁷¹ Waltharius, Lateinisch/Deutsch / Ed. Gregor Vogt-Spira // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Waltharius/wal_txt0.html (дата обращения: 27.06.2015). Издание в русском переводе выполнено М.Л. Гаспаровым в серии «ПСЛЛ». Геральд. Вальтарий // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 444-462.

²⁷² Schaller D. Beobachtungen und Funde am Rande des Waltharius-Problems // Borgolte M., Spilling H. Litterae Medii Aevi. Festschrift für Johanne Autenrieth. Sigmaringen: Thorbecke, 1988, S. 135-144.

²⁷³ Fickermann N. Zum Verfasserproblem des Waltharius // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1959. №81. S. 267-273.

²⁷⁴ Zimmerman J.-R. Les Vosges: Merveilles de la nature, de Saverne au Ballon d'Alsace, des Mille-Etangs au Donon. Paris, 2009.

«Памятников средневековой латинской литературы» М.Л. Гаспарову²⁷⁵ и затем была воспроизведена составителем «Словаря античности» историком из ГДР Й. Ирмшером²⁷⁶. Согласно этой точке зрения, поэма была латинское адаптацией древнегерманской эпической песней и была записана человеком, близким к каролингскому двору (какого из франкских королей, не ясно). В поэме, по образному выражению М.Л. Гаспарова, «одетой в вергилианские стихи»²⁷⁷, заметны реалии именно IX века²⁷⁸, а также отразилось знание автором античных поэтов: Вергилия, Стация, Пруденция²⁷⁹.

С последней позицией стоит скорее согласиться: «Вальтарий», если он был действительно написан во второй половине IX века, находился в русле каролингской дружинной поэзии, написанной как изящным метром²⁸⁰, так и грубым ритмическим стихом²⁸¹, и вполне соотносился с тенденцией перелагать на латынь франкский фольклор, как это сделал Ноктер Заика, о чём речь пойдёт ниже. Сюжет «Вальтария» довольно прост: король гуннов идёт походом на Бургундию и Франкию, которые заключают с ним мирные договоры. На службу к кагану поступает франкский вельможа Вальтер, славный своей удачей и отвагой. Однако, влюбившись в дочь гуннского короля Хундегунду, он решает бежать на родину. На пути он встречает старых товарищей: короля Бургундии Гюнтера и франкского воина Хагена,

²⁷⁵ Гаспаров М.Л. Геральд // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 442-444.

²⁷⁶ Словарь Античности / Сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. В.И. Горбушина и др. М., 1989. С. 92-93.

²⁷⁷ Гаспаров М.Л. Геральд // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 442.

²⁷⁸ Там же. С. 444.

²⁷⁹ Словарь Античности / Сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. В.И. Горбушина и др. С. 93.

²⁸⁰ Поэзия эпохи Каролингов подразделялась на восходящую к античной литературе метрическую (основанную на долготе гласных, чередовании долгих и кратких слогов) и ритмическую или тонико-силлабическую (основанной на счёте слогов и расположении ударений в стихе), происхождение которой также относится к Античности, однако этот тип относится к более грубой, «низовой» культуре. Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения. С. 45-76, 78-93; Godman P. Poetry of the Carolingian Renaissance. Norman, 1985; Godman P. Poets and emperors: Frankish politics and Carolingian poetry. Clarendon, 1987; Bullough D.A. Carolingian Renewal: Sources and Heritage. Manchester, 1991.

²⁸¹ О городской поэзии каролингской Италии и дружинном стихосложении подробнее см.: Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения. С. 51-52.

осуждающих его поступок, заключающийся в разрыве уз верности своему господину. Однако поединок между тремя воинами демонстрирует доблесть Вальтера и заканчивается мирным застольем²⁸².

В поэме отражены чисто германские добродетели: воинская доблесть, идея личной преданности вождю. Это, как и присутствие в поэме пусть и легендарных, но монархов, делает её интересным источником в свете поиска германского элемента в каролингских представлениях о власти.

Между тем, во второй половине IX века бытовали не только и не столько памятники, порождённые «низовой», франко-германской воинской культурой. Продолжала сохраняться традиция *speculum principes* - «королевского зеркала» - которую уверенно поддержал уже неоднократно упоминаемый нами *Хинкмар Реймский*. В 870-880-е годы он написал три сочинения, близкие к жанру *Fuhrstespiegel* – «О личности короля и королевской службе», «Наставление королю Людовику» и трактат «*О дворцовом порядке*»²⁸³. Именно последнее произведение, законченное в Хинкмаром в Эперне в 882 году, за несколько месяцев до смерти прелата, является наиболее концептуально целостным и интересным для нашего исследования.

Хинкмар был весьма разносторонним политическим и религиозным деятелем своего времени. Еще в юном возрасте, будучи простым монахом аббатства Сен-Дени, он заслужил доверие императора Людовика Благочестивого. Учитель Хинкмара, аббат Хильдуин, в период политической борьбы внутри Каролингской семьи, оказался на стороне придворной партии графа Валы, которая выступила против императора Людовика²⁸⁴. После поражения Валы, Хинкмар отправился в изгнание вслед за Хильдуином.

²⁸² Waltharius, Lateinisch/Deutsch / Ed. Gregor Vogt-Spira // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Waltharius/wal_txt0.html (дата обращения: 27.06.2015).

²⁸³ Первое критическое издание (на латинском и французском языках) было подготовлено М. Пру в 1885 году. См.: Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliothèque de l'école des hautes études. P. 2-97.

²⁸⁴ Подробнее см. в параграфе 4.1.

Набольшее влияние Хинкмар приобрел при короле западных франков Карле Лысом, который сделал его своим первым советником²⁸⁵. В течение почти сорока лет Хинкмар Реймский был главным действующим лицом политической и религиозной жизни Западно-франкского королевства, был в центре всех значительных политических коллизий и церковных споров. Энергичный, честолюбивый и гибкий, но, в тоже время, преданный своему делу, он сделал свою архиепископскую кафедру доминирующей над всеми другими, благодаря чему Реймс фактически стал центром каролингского правительства²⁸⁶. Именно при Хинкмаре этот город сделал заявку на то, чтобы на всём протяжении Средневековья выступать в качестве духовной столицы Французского королевства.

Противники Хинкмара, в частности, Лотарь, несмотря на утверждение его в должности Львом IV, пытались покончить с архиепископом, используя старое «дело» Эбо Реймского²⁸⁷. Однако все закончилось подтверждением Бенедиктом III (855-858 гг.) назначения Хинкмара, а в 863 году Николай I (858-867 гг.) условием благоволения папского престола Хинкмару объявил безоговорочное подчинение архиепископа Риму²⁸⁸.

В догматической сфере Хинкмар сыграл ключевую роль в дискуссии о предопределении, разгоревшейся в 848-869 годах. Этот богословский спор берёт своё начало в 848 году, когда на синоде в Майнце был осужден аббат Фульдского монастыря Готшалк (по происхождению - саксонец). Уже с детства этот человек прославился бунтарским характером. Будучи сыном рыцаря, он был отдан в Фульдский монастырь, однако с первого момента

²⁸⁵ *Prou M.* Introduction // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P. VIII.

²⁸⁶ *Ibid.* P. VIII.

²⁸⁷ Эбо Реймский – архиепископ Реймса в 818-840 гг., один из организаторов смещения Людовика Благочестивого с престола. С 836 года франкское духовенство не оставляло попытки сместить Эбо за участие в свержении императора, незнатное происхождение и крутой нрав. Эти попытки увенчались его в 840 году заменой его на Хинкмара. Подробнее см.: *Kirsch J.P.* Hincmar (1910) // *The Catholic Encyclopedia* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (05.06.2015).

²⁸⁸ *Ibid.*

пребывания там стремился вырваться из оков монашеской жизни. В 16 лет Готшальк попросил монастырские власти о даровании ему свободы. Совет епископов решил избавить Готшалька от монашеского бремени, однако суровый аббат обратился к императору, и тот предписал сделать юношу бенедиктинцем²⁸⁹. Невзгоды ранних лет повлияли на мировоззрение монаха. Готшальк, ставший чуть ли не раннесредневековой предтечей Жана Кальвина, был сторонником идеи, что и праведники, и грешники предопределены всемогущим Господом к своей участи и в настоящем, и в будущем. Фульдский клирик был послан в Реймс к Хинкмару, который добился его вторичного осуждения на соборе в Кьерси-на-Уазе в 849 году, а затем, предварительно приказав высечь, заточил Готшалька в тюрьму при монастыре Отвилье. Казалось бы, итогом спора стала защита Хинкмаром на соборе в Кьерси в 853 году своих тезисов о предопределении²⁹⁰, которые, однако, подверглись осуждению епископом Труа Пруденцием и архиепископом Лиона Ремигием. Папство же в лице Николая I было склонно занять сторону архиепископа Лионского, являвшегося главным соперником Хинкмара: в 855 году Ремигий созвал собор в Валансе, на котором осудил тезисы Хинкмара. Карл Лысый (843-877 гг.) также поддержал точку зрения противников Хинкмара²⁹¹. После того, как на церковном синоде в Тузи Хинкмар в очередной раз неудачно защитил свои тезисы, споры между франкскими клириками по вопросу о предопределении начали постепенно стихать.

Хинкмар Реймский, будучи фактически правой рукой Карла Лысого, стремился к созданию прочного союза между короной и церковью, причем под чутким руководством последней. Как отмечает Р.Ю. Виппер, Хинкмар «выступил с учением, что король – лишь орудие в руках церкви,

²⁸⁹ *Марджори Р.* Европа в Средние века. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 139-140.

²⁹⁰ Тезисы Хинкмара о предопределении можно кратко охарактеризовать следующим образом: Христос совершил искупительную жертву во имя спасения всех людей, часть из которых уже избрана к спасению; предопределённых же к вечному осуждению нет.

²⁹¹ *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2. С. 235-237.

направляющей его к истинной цели; без руководства этой чрезвычайной силы, которая налагает на короля особый долг, он – такой же человек, как и все другие»²⁹². Это очень важный мотив: мы ещё столкнемся с ним в «*De ordine palatii*». При этом реймский архиепископ подразумевал под церковью именно церковь галло-франкскую, а не Римскую в лице папы.

Именно поэтому Хинкмар периодически конфликтовал с папством, как, например, в 862-865 годах, когда его усилиями на Суассонском соборе 862 года епископ этого города Ротгад был лишен сана (конфликт был из-за того, что Ротгад лишил места некоего священника в своей епархии). Николай I занял сторону Ротгада и на соборе 865 года восстановил его в сане, осудив поведение Хинкмара, после чего всесильный, казалось бы, архиепископ вынужден был отступить²⁹³.

Хинкмар сыграл решающую роль в разрешении конфликта между Карлом Лысым и Людовиком Немецким в 858-860 годах, затем был противником принятия своим королем императорского титула, а после смерти Карла в борьбе за единство Западно-франкского королевства выступлениями на синодах и письмами пытался предотвратить распад державы. Вторжение норманнов в 882 году заставило его удалиться в Эперне, где он и умер 21 декабря того же года²⁹⁴.

Хинкмар задумал «*De ordine palatii*»²⁹⁵ как послание юному королю Карломану (879-884 гг.) и его советникам, чтобы монарх смог правильно

²⁹² *Brunner P.Ю.* История средних веков: Курс лекций. СПб.; Минск, 2001. С. 164.

²⁹³ *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2. С. 218-219.

²⁹⁴ *Kirsch J.P.* Hincmar (1910) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (05.06.2015).

²⁹⁵ Подробнее о Хинкмаре и его трактате см.: *Prou M.* Introduction // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P.: F. Wieweg, libraire-editeur, 1885. P. I-XLI; *Kirsch J.P.* Hincmar (1910) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (05.06.2015). The Cambridge history of medieval political thought c. 350 – c. 1450. / Ed. by J. H. Burns; *Lepree J. F.* Sources of spirituality and Carolingian exegetical tradition. New York, 2008; Вербин В. М., Старостин Д. Н. Архиепископ Реймский Хинкмар и его трактат «Об управлении дворцом» // Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда / Пер. с лат. А. Банникова, В. Вербина и Г. Шмидта; Вербин В.М., Гайворонский И.Д. Взгляды Хинкмара на природу

управлять государством²⁹⁶. Структурно трактат делится на два разных блока: первый – это наставления Хинкмару королю, где архиепископ рассказывает, каким качествами должен обладать истинный монарх, и какие обязанности ему вверены²⁹⁷. Вторая часть посвящена устройству королевского дворца, описанию обязанностей дворцовых сановников, а также функционированию таких органов, как *placita generale* – общих собраний франкской элиты²⁹⁸.

В рамках данного исследования наиболее интересна первая часть трактата, где Хинкмар описывает свои взгляды на образ идеального монарха. Содержание её пронизано христианской этикой, библейскими, причём как ветхо-, так и новозаветными реминисценциями и отсылками. Данный факт может означать, что христианская концепция власти оказалась весьма живуча в непростых условиях конца IX века: политическая теология, отражённая в «*De ordine palatii*», являлась как плодом личных убеждений Хинкмара, так и реакцией на распад каролингского мира, попыткой найти ключ к спасению рушившейся христианской державы.

Последним источником, который подвергнется в работе подробному разбору, станет уникальный памятник – «*Деяния Карла Великого*» Ноткера из Санкт-Галлена, прозванного Заикой (ок. 840-912 гг.)²⁹⁹.

Ноткер родился в Тюргау в 840 году в знатной дворянской семье, представителями которой занимали должности сотников и фогтов. Осиротевши, он был взят на воспитание Адальбертом, отцом своего будущего учителя, вассалом небезызвестного Керольда, полководца Карла Великого³⁰⁰. Затем, вслед за приемным отцом, Ноткер стал облатом Санкт-

власти короля // Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда / Пер. с лат. А. Банникова, В. Вербина и Г. Шмидта.

²⁹⁶ Hincmar. *De Ordine Palatii* epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P. 2-4.

²⁹⁷ Ibid. P. 1-31.

²⁹⁸ Ibid. P. 33-97.

²⁹⁹ Латинский и немецкий тексты были изданы в «новой серии» MGH в 1959 году под общей редакцией Х.Ф. Хэфеле. См.: *Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen* / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH SS rer. Germ. N.S. S. 1-93.

³⁰⁰ Ibid. S. 48.

Галленского монастыря. Его опекунами были сын Адальберта Веринберт, а затем талантливые учителя Изо, комментатор античных текстов и Марцелл, специалист в области музыки. Свое великолепное образование Ноткер получил под руководством именно этих людей. Он успел побывать переписчиком, библиотекарем, учителем монастырской школы. Именно здесь, в Санкт-Галленской обители, Ноткер мог соприкоснуться с устной франкской культурой. Исследователи предлагают разные трактовки преданий, которые собирал Ноткер: одни называют их продуктом народной, «низовой» среды, пополнявшейся выходцами из крестьян и рядовых воинов³⁰¹, другие считают, что собранные санкт-галленским монахом истории, напротив, бытовали внутри элиты³⁰²; однако обе группы сходятся на том, что они были продуктом именно германо-франкской устной культуры³⁰³.

Основная заслуга Ноткера – вклад в латинскую поэзию, а именно, разработка жанра секвенций. Кроме того, к своим секвенциям он писал музыку, оставив по не краткий учебник, базировавшийся на наследии Боэция. Его учениками были епископ Соломон Констанцкий и Вальдо Фрейзингенский. Литературное наследие Ноткера включает также поэтико-прозаическое житие святого Галла, сборник формул для епископа Констанцкого, эпистолярный блок и два исторических сочинения – «*Continuatio breviarum Erchanberti*» - краткие сводки о событиях 840-881 годов

³⁰¹ Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо; Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 3-21; Dunne M., McEvoy J.J. History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. Dublin, 2002. P. 10; Lake J. Richer of Saint-Remi. Washington, 2013. P. 183.

³⁰² Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // The Uses of the Past in the Early Middle Ages / Ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge, 2000. P. 227-249; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 264-265.

³⁰³ Подробнее о дискуссии см. в параграфе 6.4.

и «Деяния Карла Великого», которые и будут предметом нашего рассмотрения³⁰⁴.

В таком сочинении, как «Gesta» Ноткера, крайне сложно выделить сюжетную целостность. Начав с патетического пассажа о становлении новой, Франкской империи во главе с Карлом, идущей на смену Римской, Ноткер далее повествует в духе не связанных друг с другом историй, своеобразных «анекдотов» о давно почившем правителе, ироничных или устрашающих, но всегда поучительных. Именно в таком ключе санкт-галленский монах создаёт образ Карла Великого, способного за всем уследить, всё узнать, всех наградить и наказать³⁰⁵. Очевидно, что на создание Ноткером такого сборника дидактических рассказов о Карле повлияла среда, в которой жил инок: монастырь, бывший приютом для выходцев из самых разных слоёв: от воинской элиты до мелких *milites* и крестьян, собирал внутри себя предания о давних временах.

Таким франкским преданием была легенда (или легенды) о Карле, которые записал в виде латинского текста Ноткер, услышав их, возможно, от Веринберта или его отца Адальберта, лично знакомого с Керольдом – военачальником времён Карла, который хорошо знал все предания о великом короле. Помимо этого можно предположить, что образ всемогущего императора мог быть ответом Ноткера на происходившие в стране неурядицы и отражать ностальгические настроения в среде народа по славным временам процветания Империи при её основателе³⁰⁶. Так или иначе, во всех указанных аспектах «Деяния Карла Великого» авторства

³⁰⁴ См.: *Kampers F., Löffler K.* Notker (1911) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11125b.htm> (дата обращения: 05.06.2015); *Halphen L.* Le moine de Saint-Gall // RH. №128, 1918. P. 260-298; *Haefele H.F.* Einleitung // Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. S. VII-XLVI; *Гаспаров М.Л.* Ноткер Заика // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 417-419; *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // Past and Present. P. 3-36; *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 226-228.

³⁰⁵ Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH SS rer. Germ. N.S. S. 1-93.

³⁰⁶ Подробнее см. в параграфе 6.4.

Ноктера приобретают огромную важность для определения образа власти в конце IX века.

Проведённый выше обзор авторов «каролингского ренессанса» и их трудов показывает, что многообразие избранных нами источников открывает простор для ответа на большинство вопросов, заявленных во вводной части настоящего исследования. Указанная выборка демонстрирует как разнообразие и неоднородность литературы эпохи Каролингов, так и плюрализм подходов к проблеме власти среди франкских писателей исследуемой эпохи.

Отсюда проистекает убеждённость автора работы: рассмотрение именно этих памятников, принадлежащих, порой, к совершенно разным жанрам, способно отразить эволюцию образа власти в повествовательных источниках Каролингской эпохи.

Глава 2. Докаролингские представления о власти

Образ власти, сложившийся в эпоху Каролингов, как мы уже убедились, опирался на богатое наследие прошедших веков, предшествующую письменную традицию, уходящую корнями в прошлое европейской цивилизации. Рисуя литературные портреты каролингских государей, создавая образы их власти, франкские писатели активно пользовались приёмами, методами и даже полноценными сюжетами, рождёнными раннесредневековой и античной литературой.

Поскольку одной из целей диссертации является выявить случаи и закономерности использования и переработки каролингскими авторами концепций власти, сформулированных авторами раннего Средневековья и Античности, целесообразно осветить путь эволюции образа власти в эпоху, предшествующую каролингской. Поскольку такой хронологический отрезок представляется весьма неопределённым и потенциально может вывести нас далеко за пределы Европы, что значительно осложнит установление связи каролингской письменной традиции с её истоками, необходимо рассматривать эволюцию образа власти, имевшую место в предкаролингскую эпоху, в определённом, уже апробированном нами контексте.

Сложившиеся в IX веке вариации образа франкского государя, базировались на трёх основных элементах: христианском, античном и германском. Именно эти элементы, взятые по отдельности или в определённых комбинациях, представляли собой стержни образов власти, созданных отдельными каролингскими авторами. Вводя в своё сочинение один из этих элементов или сразу несколько, франкский книжник IX столетия непременно обращался к наследию предков, а именно к авторитету древней литературы, письменной традиции прошедших веков. Используя в качестве источника вдохновения христианских авторов поздней античности или же библейские сюжеты, он наполнял своё сочинение христианским духом. Подражая текстам классической римской античности, он делал свой опус неотличимым по стилю от произведений крупнейших римских

историков «золотого века» Республики и Империи. Создавая сборник устных преданий франков, он делал доступным читающей аудитории германо-франкское фольклорное наследие.

Задача представленной главы состоит в том, чтобы проследить генезис трёх указанных элементов концепции власти, начавшийся и продолжившийся в эпохи, предварявшие каролингскую. Рождение и развитие христианского, германского и античного элементов образа правителя, рассмотренные в сопровождающем их историческом контексте, станет предметом данной части диссертационного исследования. При этом каждый из трёх элементов будет рассмотрен нами по отдельности и в динамике своего развития. Важно заметить, что, поскольку христианская, германская и античные традиции изображения правителя имеют разный исторический возраст, для каждого из трёх элементов существуют свои хронологические рамки. Это обуславливает несколько «плавающий» хронологический характер первой главы, который, однако, абсолютно оправдан избранным нами делением каролингской традиции создания образа государя на три элемента.

2.1. Христианский элемент концепции власти раннего Средневековья

Поскольку христианство было основой средневековых представлений об окружающем мире, Боге, человеке и власти, не вызывает сомнений, что наш анализ должен начаться с рассмотрения христианского образа власти, начиная с его генезиса и заканчивая периодом поздних Меровингов. Кроме этого, христианский элемент значительно повлиял как на Каролингское Возрождение в целом, так и на генезис каролингского образа власти, однозначно доминируя на первом этапе его становления, являясь основообразующим элементом королевских зеркал раннего Средневековья³⁰⁷. В дальнейшем же христианская компонента хотя и потеряла своё доминирующее значение, сохранила место во франкской

³⁰⁷ См., напр.: *Эксле О.Г.* «Образ человека» у историков // *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья*. С. 313.

литературе, перекочевав затем во французскую и являясь основным элементом жизнеописаний монархов в эпоху Классического Средневековья³⁰⁸.

Задолго до того, как появилось послание апостола Павла к римлянам – основной текст для понимания христианского видения светской власти – в иудейской культуре уже сложились определённые традиции изображения правителя. Жизнеописания древнееврейских царей, запечатлённые *книгами Царств*³⁰⁹, явились главным опытным полем для конструирования образа ветхозаветного царя.

Ещё до того, как евреи обрели своё царство, Господь указал на *Авраама* и *Моисея* как прародителей народа, избранного Богом повелевать другими племенами Синайского полуострова: согласно книге Бытия, покорному воле Яхве Аврааму, который уже был готов принести в жертву сына Исаака, Господь дал следующий завет: «*благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу*

³⁰⁸ См., напр.: Anton H.H. Fürstenspiegel des Hohen und Frühen Mittelalters. Forschungsbericht. Universität Trier. URL: <http://www.ahf-muenchen.de> (дата обращения: 28.05.2015); Schmidt H.-J. Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014); Anton H.H. Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin: Walter de Gruyter, 2005. S. 270-330; Falkowski W. The Carolingian *speculum principis* – the birth of a genre // Acta Poloniae Historica. 2008. №98. P. 5-27.

³⁰⁹ Во избежание исторической неточности следует оговорить принципы цитирования текста Священного писания. В данной работе используется русский синодальный перевод Библии, однако состав данной редакции отличается от тех редакций, которые использовались отцами церкви в начале нашей эры и, позднее, франкскими авторами. До 380-х годов в ходу была Септуагинта – «текст семи старцев» – однако после её критики Иеронимом и другими церковными авторитетами в V в., церковь инициировала составление текста, который впоследствии, в конце XVI в., получит название Вульгаты. Таким образом, если для эпохи Евсевия Кесарийского, которая будет рассмотрена нами ниже, при цитировании Писания характерно использование Септуагинты, то для каролингского времени – Вульгаты. При *первом упоминании* в тексте диссертации книг Царств и других частей Библии, в примечаниях будет указываться номер книги в Септуагинте и Вульгате. В случаях, когда расхождение с синодальным переводом отсутствует, номера книг в Септуагинте и Вульгате указываться не будут. См.: Septuaginta: Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 2006; британское издание, в котором указаны разночтения с современными редакциями: The Septuagint with apocrypha: english / Ed. L.C.L. Brenton. London, 2010; Biblia Sacra juxta Vulgatam Clementinam. Editio electronica / Praep. a M. Tveddale. Londini: M. Bozovic et aliorum, 2005.

моря; и овладеет семя твоё городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт. 22:16-18). Позднее завет Сущего был передан Моисею, который хоть и не был царём, но уже обладал харизматической властью, достаточной для того, чтобы народ еврейский подчинялся ему: *«...умножая умножу семя ваше, как звезды небесные, и всю землю сию, о которой Я сказал, дам семени вашему, и будут владеть [ею] вечно»* (Исх. 32:12). Данным заветом, явленным пророкам напрямую от Бога, устанавливалась определённая система отношений между Господом и богоизбранным народом: процветание евреев было обещано в обмен на их неукоснительное следование Божьим установлениям.

Уже основатель Дрнееврейского царства *Саул (вторая половина XI века до н.э.)* являлся носителем черт, необходимых идеальному ветхозаветному правителю. Как и все цари Израиля, Саул – тот инструмент, посредством которого Яхве устанавливает господство и процветание богоизбранного народа. Этот монарх получает власть непосредственно от Бога, которая сообщается ему через помазание священным елеем (1Цар. 10:1)³¹⁰. Указанный сакральный акт совершает не просто представитель жречества, а пророк Самуил (1Цар. 10:1), что сразу придаёт власти Саула высший сакральный смысл. Производя ритуал, библейский старец передаёт царю волю Господа: *«...ты будешь царствовать над народом Господним и спасёшь их от руки врагов их»* (1Цар. 10:1). Кроме этого, Самуил даёт понять подданным государя, что отныне они связаны взаимной ответственностью: *«...вот Господь поставил над вами царя. Если будете бояться Господа и служить Ему и слушать гласа Его, и не станете противиться повелениям Господа, то будете и вы и царь ваш, который царствует над вами, ходить вслед Господа»* (1Цар. 12:13-14).

³¹⁰ В Септуагинте – I Samuel, в Вульгате – I Regum. См.: The Septuagint with apocrypha: english / Ed. L.C.L. Brenton. P. I; Biblia Sacra juxta Vulgatam Clementinam. Editio electronica / Praep. a M. Tveddale. P. III. Здесь и далее – номер книги в Септуагинте и Вульгате через запятую соответственно.

Сам Саул чётко определяет свою миссию на престоле израильском: он призывает служить Господу и бояться его, а также обозначает своё намерение наставлять подданных *«на путь добрый и прямой»* (1Цар. 12:23-24). Вслед за Самуилом царь чётко осознаёт свою ответственность за неисполнение повелений и заветов Сущего: *«...если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибните»* (1Цар. 12:25). Таким образом, уже в ветхозаветной концепции власти возникает принцип двойной ответственности монарха перед Богом: за собственные действия и за действия своих подданных, который мы будем наблюдать в позднеантичных христианских концепциях, в частности, воззрениях Августина Блаженного³¹¹, получивших воплощение во властной практике и идеологии империи Карла Великого³¹².

Степень этой ответственности очень хорошо ощутил первый царь Израиля: за пренебрежением советом Самуила истребить народ амаликитян, Господь *«сделал Саула Своим врагом»* (1Цар. 28:17-18) и передал престол пастуху и гусяру Давиду, победителю Голиафа (1Цар. 16:13). Нарушая наставление пророка беспощадно воевать с врагами, Саул, тем самым, нарушал волю Господа, которая объявляется именно через пророков. В этом проявилось противоречие ветхозаветной властной парадигмы эпохи Саула: бывший при царе первосвященником пророк обладал особым статусом, позволявшим ему давать действиям государя оценку с позиции высшей природной силы – Бога Яхве. Не способный вернуть поддержку Господа, бесповоротно отвернувшегося от царя Израиля, в битве при горе Гелвуй Саул, израненный стрелами, падает на собственный меч (1Цар. 31:3-4). Вознесённый на царство Господом, и Им же отвергнутый – таким Саул

³¹¹ Ratzinger J. Volk und Haus Gottes in Augustins Lehre von der Kirche (Münchner theologische Studien 2/7). München, 1954; Holstein H. Hiérarchie et peuple de Dieu. Paris, 1970; Marrou H.I. Saint Augustin et la fin de la culture antique // Journal des savants Année. 1938. Vol. 4. №1. P. 145-154.

³¹² Capitulare Aquisgranense A. 802 // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover, 1883. S. 90-96.

предстал в первой книге Царств; в таком же ключе его библейский образ рассматривала и историографическая традиция³¹³.

Несмотря на это, Саулу, как помазаннику Божьему, книга Бытия отдаёт должные почести: его называют «*красой Израиля*», тем, чей меч «*не возвращается даром*», что могло означать лишь одно - первый царь израильский не сдавался врагам без боя. Быстрее орла, сильнее льва, Саул «*одевал женщин в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши головным уборы*» (2Цар. 1:24)³¹⁴. Перед нами, таким образом, классический для Средневековья пример монарха-благодетеля. Физически сильным, заботливым и щедрым предстаёт монарх в иудейской концепции власти, становящейся таким образом, надёжным фундаментом для последующих потестарных построений.

Кульминацией развития образа ветхозаветного государя является литературный портрет царя *Давида* (ок. 1005-965 до н.э.)³¹⁵, ставшего не просто образцом для средневековых писателей, а своеобразным идеальным типом родом из глубокой древности, сравнения с которым не мог избежать практически ни один европейский монарх.

Давид становится сакральной фигурой ещё в правление своего предшественника и соперника Саула: видя, что царь не следует воле Божьей, Суший призывает Самуила передать честь быть помазанником пастуху

³¹³ Schunck K.D. König Saul – Etappen seines Weges zum Aufbau eines israelitischen Staates // Biblische Zeitschrift, N.F. 36 (1992), S. 195–206; Kreuzer S. Saul // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 8. Herzberg: Bautz, 1994. S. 1423–1429; Dietrich W. Die Herrschaft Sauls und der Norden Israels // Saxa loquentur. Studien zur Archäologie Palästinas/Israels / Hrsg. C. G. den Hertog u. a. Münster: Ugarit-Verlag, 2003. S. 39–59; Hentschel G. Saul. Schuld, Reue und Tragik eines Gesalbten. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2003 (Biblische Gestalten, Bd 7); Wagner D. Geist und Tora. Studien zur göttlichen Legitimation und Delegation von Herrschaft im Alten Testament anhand der Erzählungen über König Saul. Leipzig, 2005 (Arbeiten zur Bibel und ihrer Geschichte, Bd 15).

³¹⁴ II Samuel, I Regum.

³¹⁵ Историография, посвящённая жизни Давида, огромна, поэтому ограничимся упоминанием некоторых работ: Dietrich W. David. Der Herrscher mit der Harfe. Biblische Gestalten. Leipzig, 2006.; Finkelstein I, Silberman N.A. David und Salomo – Archäologen entschlüsseln einen Mythos. München, 2006; McKenzie S.L. König David. Eine Biographie. Berlin; New York, 2001.; Nitsche S.A. König David. Sein Leben – seine Zeit – seine Welt. Gütersloh, 2002; Laurence A. Sinclair C.T. David // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 8 (1981). S. 378-388.

Давиду, сыну Иессея (1Цар. 16:1). Побеждая Голиафа (1Цар. 17:48-51) – концентрированное выражение ярости филистимлян – Давид в глазах евреев становится обладателем харизмы, которой всё более лишается номинальный царь, одержимый, к тому же, злым духом (1Цар.). После смерти Саула богоизбранность Давида постоянно подчёркивается в библейском тексте: *«Господь Бог Саваоф был с ним»* (2Цар. 5:10), *«колена же Израилевы клянутся монарху в верности, называя себя его «костью и плотью»*. Сам же Давид чётко осознаёт свою миссию государя, на которого указал Бог: *«И уразумел Давид, что Господь утвердил его царём над Израилем и что возвысил царство его ради народа Своего»* (2Цар. 5:12).

Согласно второй книге Царств, правление Давида от начала и до конца сопровождалось благоволением и помощью царю со стороны Господа: именно Яхве подсказывает Давиду, как победить филистимлян (2Цар. 5:23-24), оберегает от внешних врагов в течение всей его жизни (2Цар. 7:1, 8:6), сохраняет престол израильский от внутренних мятежей (2Цар. 15:44). Ставя Давида во главе евреев, Бог, сообщающий Свою волю через нового пророка – Нафана – говорит: *«И будет непоколебим дом твой и царство твоё навеки пред лицом Моим и престол твой устоит навеки»* (2Цар. 7:16). Великая власть, данная Господом Давиду, как бы выдаётся «авансом» всем последующим царям, благоволением к себе Бога целиком и полностью обязанным избранностью и благочестием Давида. Но власть по-прежнему связана с не менее великой ответственностью: Давид – и сын, и раб Божий одновременно, ответственный перед Богом за следование своими подданными заветам Сущего (2Цар. 7:14, 29). Чтобы обеспечить шествие народа Израиля по пути Господа, Давид принимает на себя функцию судьи своих подданных. Все иные сферы внутренней жизни Израильского царства – от военной деятельности до сбора налогов и отправления культа – Давид препоручает своим родственникам (2Цар. 8:16-18), включая передачу должности *«начальника священников»* Ахимелеху, сыну Авиафара. Таким образом, разрешается серьёзное статусное противоречие, характерное для

правления Саула: при Давиде пророк-первосвященник больше не является самостоятельной фигурой. Более того, Давид сам возлагает на себя функции первосвященника: несёт ковчег Господень из Хеврона в Сион, приносит жертвы перед ковчегом, а затем благословляет народ от имени Господа Саваофа, превращаясь, таким образом, в Его прямого наместника (2Цар. 6:17-18). Нельзя не вспомнить, что образ царя-первосвященника уже был создан в книге Бытия в лице царя Салимского Мелхиседека, благословившего Авраама от имени Яхве (Быт. 14:18-19).

Кроме обязательных для ветхозаветного царя функций, Давид обладает и личными качествами, которые затем превратятся в шаблоны и топосы средневековой книжности: чувство справедливости (под которой в иудейской культуре подразумевалось следование порядку, установленному Богом) помогает Давиду этически оценить ситуацию, в которой богатый скотовод забил на мясо овечку бедного человека, бывшую для того единственным объектом заботы. Выбирая сторону обездоленного, Давид переводит своё суждение в плоскость закона: по мнению царя, богач, заколовший овечку, должен уплатить бедняку сразу несколько штрафов (2Цар. 12:1-6).

Народ отвечал Давиду беспрекословным подчинением, создавая насквозь идеализированную, лубочную картину взаимоотношений власти и подданных: *«...во всём, что угодно господину нашему, царю, мы – рабы твои»* (2Цар. 15:15). Зная цену этой идиллии, Давид возглашает: *«Господь – твердыня моя и крепость моя и избавитель мой. Бог мой – скала моя; на Него я уповаю, щит мой, рог спасения моего, ограждение моё и убежище моё; Спаситель мой, от бед Ты избавил меня!»* (2Цар. 15:2-3). Перед нами – идеальная модель взаимоотношений между Богом, правителем и подданными, в основе которой – послушание и милость. Слушаясь Господа, Давид тем самым заставляет богоизбранный народ слушаться себя. В качестве дара за послушание Бог дарует царю и его подданным мир и процветание. В лице Давида, таким образом, проявляет себя Божья воля, перед которой народ

Израиля склоняет головы. В чём корень успеха правления Давида? Искать его нужно в следующей фразе самого царя, сказанной им в конце жизни: *«Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня. Сказал Бог Израилев, говорил о мне скала Израилева: **владычествующий над людьми будет праведен, владычествуя в страхе Божьем**»* (2Цар. 23:2-3). Данный принцип является ключевым для всей ветхозаветной концепции власти: только повинаясь Богу, монарх достоин править. Только повинаясь Богу, правитель может обеспечить процветание и покой подданных. Только основанное на следовании царём Божиим установлениям правление может быть успешным. Иными словами, царь должен быть богобоязненным – только тогда величие будет ему доступно. Феномен Давида рождает царя Божьей милостью, что легко объясняет популярность этого библейского государя в кругах средневековых, в частности, каролингских интеллектуалов, их стойкое желание сравнивать современных им правителей с этим великим помазанником Божиим.

Завершает строительство здания образа иудейского царя фигура *Соломона (965-928 до н.э.)*³¹⁶. Несмотря на свою противоречивость, портрет этого царя не только сыграл важнейшую роль в созидании ветхозаветного образа власти, но и стал своеобразным символом государственной мудрости, её персонифицированным синонимом. Передавая престол своему сыну Соломону, Давид велел ему хранить «заветы Господа», идти Его путём, чтить «уставы», «заповеди», «определения» и «постановления» Его закона (3Цар. 2:3)³¹⁷. То есть, принципы взаимоотношений между Богом и монархом остаются теми же: послушание царя в обмен на процветание царства: Господь желает лицезреть величие Израиля при преемнике своего возлюбленного сына Давида.

³¹⁶ См., напр.: *Finkelstein I., Silberman N.A.* David und Salomo. Archäologen entschlüsseln einen Mythos; *Galling K.* Textbuch zur Geschichte Israels. Tübingen, 1979; *Kreuzer S.* Salomo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 8. Herzberg: Bautz, 1994. S. 1236–1246; *Würthwein E.* Die Bücher der Könige. Das erste Buch der Könige, Kapitel 1–16 (ATD 11,1). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.

³¹⁷ I Kings, III Regum.

Чего желает Соломон от Яхве? Он просит дать своему рабу *«сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло»* (3Цар. 3). Награда Господа превосходит ожидание государя: Сущий даёт Соломону не только *«сердце мудрое и разумное»* (3Цар. 3:12), но и то, что царь не просил: богатство и славу. Подобный сюжет достаточно распространен в христианской и, в частности, средневековой литературе³¹⁸: герой просит у высшей силы мудрости, после чего получает гораздо больше, включая материальное благополучие. История обретения мудрости Соломоном, безусловно, является корнем всех подобных притч Средневековья.

Итак, мудрый царский сын становится монархом: священник Садок помазывает Соломона на царство из наполненного елеем рога (3Цар. 2:39), после чего новоиспечённый царь едет в Гион на муле (2:38). Этот въезд царя иудейского будет позже повторен уже в Новом Завете, когда Христос на осле вступит в Иерусалим (Мф. 21:9), ставший для него последним пристанищем. Мудрость *«выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян»* (3Цар. 4:29) и вообще *«всех людей»* (3Цар. 4:30) подтверждает деяниями государя: Соломон мудро разрешает спор двух блудниц, спорящих о том, сын который из них действительно умер. Царь предлагает рассечь мечом ребёнка, чтобы каждой женщине осталось по половине. Услышав это, одна заявляет, что пусть будет так, потому что тогда ребёнок не достанется никому. Другая же молит Соломона о пощаде, и поэтому, ей, истинной матери ребёнка, отдаёт мудрый государь младенца (3Цар. 3:16-27). Не уступая, таким образом, Давиду в мудрости и справедливости, Соломон выступает ещё как строитель: за семь лет он возводит в Иерусалиме Храм Господень, поражающий автора Писания и читателей великолепием и роскошью убранства (3Цар. 6:37-7:1-64). Образ Соломона, таким образом,

³¹⁸ См., напр., поэму «Фортунат» конца XV в.: Walter R. Fortunatus. München, 1984; Kästner H. Fortunatus — Peregrinator mundi: Welterfahrung und Selbsterkenntnis im ersten deutschen Prosaroman der Neuzeit. Freiburg, 1990; Пуршнев Б. И. Немецкие народные книги // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М., 1986.

предвосхищает все будущие функции и качества христианского монарха: судья, строитель, благочестивый муж.

Но мудрость оборачивается высокомерием: Соломон собирает вокруг себя 300 наложниц и 700 жён, которые развращают его сердце и склоняют служить языческим богам (3Цар. 11:3-4). Сразу же на изменившего договору с Господом царя обрушивается гнев Яхве: Сущий обещает отторгнуть от Соломона его царство, но, учитывая заслуги царя, сделает это во время правления его сына, притом отторгнет у рода Соломона только часть Израиля (3Цар. 11:9-13). И вновь, как и в конце правления Саула, Господь указывает на незнатного, никому не известного преемника: им становится царский раб Иеровоам, которому воля Божья возвещается через пророка Ахию Силомлянина (3Цар. 11:31-39).

На этом соломонова парадигма власти не заканчивается. В книге притчей Соломоновых содержится немало суждений царя, способных дополнить рассматриваемый нами ветхозаветный образ власти.

Понятие «мудрости», постоянно сопровождающее имя Соломона, связывается в притчах исключительно с милостью Божьей (Притч. 3:6). Источником и началом этой мудрости объявляется страх перед Господом (Притч. 1:7), собственный же человеческий разум не способен самостоятельно обрести её (3:5-6). После раскрытия этого ключевого для понимания фигуры Соломона понятия, идёт перечень наставлений Соломона, охватывающих широкий спектр проблем бытия человека. Нас же будут интересовать только те из государевых высказываний, в которых речь идёт о царской власти.

Как узнаём мы из притч, успешное управление народом невозможно без советников (Притч. 11:14), а многочисленность подвластного народа придаёт царю величия, в то время как скудость населения - «беда государя» (Притч. 14:35). Веления царя, помазанника Божьего, не могут быть вредными: в его устах – «слово вдохновенное» (Притч. 16:10), а любая царская «мерзость» сразу становится беззаконием, поскольку «правдою

утверждается престол» (Притч. 16:12). Гнев царя, подобно гневу Господа, является «вестником смерти», но *«мудрый человек умилоstit его»* (Притч. 16:14). Но насколько грозным может быть недовольство правителем, насколько и блага его милость: *«Гнев царя – как рёв льва, а благоволение го – как роса на траву»* (Притч. 19:12). Необходимость полной покорности царю легко объяснима: он – орудие в державных десницах Яхве: *«Сердце царя – в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его»* (Притч. 21:1). От подданных монарх требует чистоты сердец (Притч. 22:11), а также страха перед Богом и царём (Притч. 24:22), который в притчах, как и во всей ветхозаветной концепции власти, идут рука об руку.

Образы Саула, Давида и Соломона составляют диалектическое единство, связаны между собой единой парадигмой и не противоречат друг другу. Какие особенности ветхозаветного образа власти дало нам рассмотрение портретов этих монархов?

Во-первых, источник власти иудейских царей – результат их договора с Господом, заключённым не неизменных принципах: во время своего правления царь должен неукоснительно следовать Божьей воле и наставлять народ следовать этой воле. Только в этом случае Бог дарует царству Израильскому величие и процветание.

Во-вторых, ветхозаветный царь облечён двойной ответственностью: за свою собственную праведность и за праведность вверенного ему народа. Он – ответчик перед Богом за исполнение подданными Закона Божьего. Отсюда проистекает ограниченная лишь Господом, тотальная земная власть древнееврейского царя, который обладает прерогативой не только наставлять подданных на путь Господень, но и говорить и благословлять от имени Яхве.

В-третьих, библейский идеальный царь обладает неотъемлемыми функциями, которые непременно реализует в период своего правления: это функции судьи (или арбитра, посредника при разрешении споров), непосредственно связанная с ней функция законодателя, ипостась строителя и воина, которая проходит красной нитью через все четыре книги Царств.

Все эти принципы, сформулированные в Ветхом Завете на примере великих иудейских правителей, имеют огромное значение в контексте рассматриваемой нами проблемы, поскольку позднее станут основополагающими в процессе генезиса образа христианского государя и войдут составной частью в образ средневекового правителя. А библейская концепция власти, между тем, продолжала своё развитие в дальнейших текстах Писания.

В 722 году до н.э. ассирийский царь Саргон II (722-705 гг. до н.э.) разгромил Израильско-Иудейское царство. Позднее, в 586 году вавилонский владыка Навуходоносор II (605-562 гг. до н.э.) увёл евреев в «вавилонский плен», и с этого момента иудейская концепция власти ушла из практической плоскости в сферу идей, став предметом стремлений и мечтаний различных слоёв еврейского общества о свержении завоевателей и возрождении еврейской державы. Различные направления и секты в иудаизме жили в ожидании Мессии – Царя Иудейского из рода Давида, который должен воцариться в земле Израильской и освободить её от власти иноверцев³¹⁹.

Однако приход машиаха в лице Иисуса Христа разочаровал сторонников скорого восстановления еврейского царства: на смену приоритета Закона, «служению твари» и идеи Царя-Мессии во славе пришла кроткая вера в Спасителя, служение Духу Святому в ожидании Второго Пришествия Христа. Представления о светской власти, рождённые Евангелиями, Деяниями апостолов и их Посланиями, в концепции новой веры находились на заднем плане и оказались рассеянными по тексту Завета, данного Христом. Лишь одно послание апостола Павла – к римлянам – прямо обратилось к интересующей нас теме, что имело значительные последствия для будущего становления христианской мифологемы власти.

Задачей этого послания Павел сделал объяснение разграничения ролей Закона и веры в жизни христианина. Апостол подчёркивает, что новая вера не отрицает закон, и что грешить, будучи подвластным закону, лучше,

³¹⁹ *Мень А.* Сын Человеческий. М., 1991. С. 30-34.

чем совершать грехи, не подчиняясь никакому закону: *«Те, которые, не имея закона согрешили, вне закона и погибнут, а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся»* (Рим. 2:12). При этом Павел объявляет служением закону не его слушание и, а его исполнения согласно совести – *«исполнители закона оправданы будут»* (Рим. 2:13).

Однако вера в Спасителя Иисуса Христа – важнее закона, поскольку христианин оправдывается перед Богом именно этой верой (Рим. 5:1), закон же властен над человеком только при жизни, после смерти же христианин будет отчитываться перед Господом за свою веру, а не за исполнение земного закона там, где он уже не властен – на Небесах (Рим. 7:1-3).

Какое же отношение у христианина должно быть к власти, закон устанавливающей, к поставленному над верующим правителю? Павел однозначно отвечает на этот вопрос: всякая душа должна быть покорна высшим властям, *«ибо нет власти не от Бога»*. Существующие власти (а значит, и власть римского императора) установлены Господом, поэтому противящийся власти противится Самому Богу и навлекает тем самым на себя Его осуждение (Рим. 13:1-2). Напротив, делающий добро получает похвалу от власти, *«ибо начальник – Божий слуга»* (Рим. 13:3-4). Совершающий злые дела должен бояться светской власти, поскольку в руках её – меч, карающий злодеев (Рим. 13:4). При этом повиноваться власти надо не из страха, но по совести (Рим. 13:5).

Реальность Римской империи I-III веков н.э. эры стала суровым испытанием как и для христианства в целом, так и для христианской концепции покорности высшей светской власти: языческие императоры без тени сомнения отправляли преданных вере Христовой людей на растерзание диким зверям к восторгу невежественной толпы. Рождались вереницы святых мучеников христианской церкви, явившие пример кротости и смирения перед всесилием власти кесаря. Концепция апостола Павла оказалось чрезвычайно живучей, и вскоре ей суждено было приобрести совсем иное звучание. Пока же, находясь в условиях пассивной

идеологической оппозиции Римскому государству, церковные авторы лишь изредка высказывались по вопросам власти: одного из них – Мефодия Олимпийского (ок. 260 – 312 гг.), богослова из Ликийи³²⁰ – можно считать человеком, начавшим воссоздание христианской концепции власти в трудных реалиях языческой Империи: в сочинениях «Слово на неделю Ваий» и «Слово о Симеоне и Анне» Мефодий говорит об обязанностях земных царей, облачённых в «блестящие порфиры и светлые диадемы», возносить хвалу Господу и быть богобоязненными. Свои тезисы Мефодий подкрепляет, в том числе, ссылками на книги царств³²¹.

313 год стал годом одного из самых значимых событий в мировой истории: Медиоланский эдикт, принятый императором Константином I (306–337) сделал христианство легальным вероисповеданием, равным по статусу другим культам Империи. За год до этого принявший христианство в качестве личной веры Константин в 325 году стал инициатором определения и закрепления догматов христианства – созвал в Никее Первый Вселенский собор христианской церкви, на котором председательствовал лично³²². С этого момента согласно христианской концепции власти начинается становление христианской монархии как воплощения этой концепции: впервые со времён иудейских царей библейская потестарная парадигма

³²⁰ О нём см.: *Fatouros G. Methodios* // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Bd. 5. Herzberg, 1993. S. 1380–1382; *Methodios von Olympos* // Deutsche Enzyklopaedie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Methodios+von+Olympos> (дата обращения: 01.03.2016).

³²¹ Мефодий Олимпийский. Слово в неделю Ваий // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/slovo_v_nedelu_vaii/ (дата обращения: 01.03.2016). Гл. 1; Мефодий Олимпийский. Слово о Симеоне и Анне // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/slovo_o_simeone_i_anne/ (дата обращения: 01.03.2016). Гл. 6.

³²² См., напр.: *Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи* / Пер. В. Неведомского. Без места издания, 2001. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1010330> (дата обращения: 30.05.2014). Гл. XVI–XXI; *Bayne, N.H. Constantine the Great and the Christian Church*. London, 1930.; *Буркхардт Я. Век Константина Великого*. М., 2003; *Каждан А. П. От Христа к Константину*. М., 1965; *Keil V. Quellensammlung zur Religionspolitik Konstantins des Großen*. Darmstadt, 1995. 244 S.; *Gauthier G. Constantin: Le triomphe de la Croix*. Paris, 1999; *Laçon B., Moreau T. Constantin, un Auguste chrétien*. Paris, 2012.

возвращается в плоскость реальности и практики. Это выразилось, прежде всего, в появлении нового жанра литературы – «церковной истории» («*historia ecclesiastica*»), подлинной истории, приходящей на смену историческим трудам, создаваемым язычниками. Являясь пионером нового жанра, епископ Кесарии Евсевий Памфил (265-340 гг.), автор «Церковной истории», «Приготовления к Евангелию», «Доказательства в пользу Евангелия»³²³ явился одновременно и автором новой концепции власти, которую греческий писатель воплотил в образе своего господина – императора Константина. Данную концепцию можно охарактеризовать как идею христианской империи, создателем которой и выступил благочестивый император первой четверти IV века. Именно тогда христианская идея власти и политическая реальность Римской империи наконец совпали: эпоха Константина и Евсевия – время, когда христианский властный концепт впервые получил практическое воплощение в христианском государстве, становление которого Евсевий описывает в своём панегирическом сочинении «*Vita Constantini*» (в русской историографической традиции традиции, пользующейся переводом с греческого - «О жизни блаженного василевса Константина»)³²⁴.

Если новозаветная традиция провозглашала лишь покорность высшей власти, не давая оценок действиям языческим императоров, то традиция, основанная Евсеем, включает в себя обязательное прославление тех императоров, которые действуют в соответствии с христианскими максимами. Отношение автора «Жизни Константина» к своему патрону с

³²³ Eusèbe de Césarée // Encyclopedie Larousse [Электронный ресурс]. URL: http://www.larousse.fr/encyclopedie/litterature/Eus%C3%A8be_de_C%C3%A9sar%C3%A9e/173200 (дата обращения: 28.05.2015). О Евсее см. также: *Кривушин И. В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Учеб. пособие. Иваново, 1995; *Hély V.* Eusèbe de Césarée, premier historien de l'Église. Paris, 1877; *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge, 1981; *Wallace-Hadrill D.S.* Eusebius von Caesarea. // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 10. Berlin; New York, 1982. S. 537; *Winkelmann F.* Euseb von Kaisareia. Der Vater der Kirchengeschichte. Berlin, 1991.

³²⁴ Eusebius of Caesarea. The life of the Blessed Empreror Constantine // Fordham University: the Jesuit university of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/vita-constantine.asp> (дата обращения: 20.02.2015).

первых же глав не оставляет сомнений в том, что перед нами – портрет идеального с точки зрения христианина правителя: Константин – «великий василевс»³²⁵, «доблестный правитель, окружённый сонмом слуг Божьих»³²⁶, его же смерть, с которой и начинается повествование, сделала «блаженного василевса неразлучным с его царством»³²⁷. Дети Константина, путь к царствованию которых открывает кончина великого императора, «облеклись они во все величие отца, украсившись знаками его почестей, теперь явились они автократорами, августами, кесарями (Κοισαραν), василевсами»³²⁸. Константин – первый правитель, который стал «другом Всецаря - Бога»³²⁹, то есть объявил Его единственным истинным Господом, Который в награду даровал ему победу над врагами христианского императора³³⁰. Исключительность Константина проявляется также в неведомых прежним кесарям качествах и особенностях его власти: слова Константина никогда не расходятся с его делами³³¹, а власть его простирается над гораздо большим числом народов, чем то, что находилось под властью языческих правителей³³² - от Испании до западных пределов Индии³³³. Кесарь Константин настолько велик, что Бог сам делается его биографом, «потому что подвиги великих его дел запечатлел на скрижалях небесных»³³⁴.

Таким образом, мы видим целый ряд превосходных эпитетов, вариации которых в раннее Средневековье станут неременной составляющей стандартного набора характеристик христианского государя. Почему же Константин, правитель пусть и благочестивый, но всё же светский, удостоился такого восхваления от христианского епископа? Ответ

³²⁵ Ibid. I. 1. Здесь и далее перевод СПбДА под ред. А. А. Калинина. См.: *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина* / Пер. СПбДА под ред. А. А. Калинина. М.1998. С. 27.

³²⁶ Ibid. I. 1; там же. С. 27.

³²⁷ Ibid. I. 1; там же. С. 27.

³²⁸ Ibid. I. 1; там же. С. 27.

³²⁹ Ibid. I. 3; там же. С. 29.

³³⁰ Ibid. I. 3.

³³¹ Ibid. I. 6

³³² Ibid. I. 6

³³³ Ibid. I. 8.

³³⁴ Ibid. I. 9; там же. С. 32.

кроется в принципе власти, изложенном Евсевием, и в самом правлении Константина, которое стало практическим воплощением изложенного греческим писателем принципа.

Идея, высказанная Евсевием и составляющая основу концепции христианской империи, заключается в следующем: Бог вознаграждает дарами прославляющего и чтящего Его правителя, безбожных же правителей – «враждебных себе тиранов» - наказывает³³⁵. Данная тривиальная идея, бесспорно, имеет библейское происхождение: Евсевий в данном случае не создаёт ничего нового, а лишь заимствует ветхозаветное видение власти, согласно которому следование царями Божьих установлений ведёт их к награде на небесах и процветанию страны, отступление же от них, напротив, ведёт к гибели и правителя и его народ. Косвенным подтверждением провозглашённого тезиса Евсевий делает проведённое им сравнение деятельности трёх знаменитых царей – Кира Великого (558-530 гг. до н.э.), Александра Македонского (336-323 гг. до н.э.) и Константина. Разумеется, итог сопоставления – однозначного в пользу последнего: Кир не подходит на роль идеального царя потому, что умирает постыдно и низко - от руки женщины³³⁶, в то время как Александр был склонен к пирам и пьянству, «шел путем крови и беспощадно обращал в рабство все города и народы», в результате чего его держава вскоре распалась³³⁷. На фоне двух этих правителей Константин выступает образцом угодного Богу царя, что и доказывает вся его биография, которую Евсевий, однако, излагает только с одной точки зрения, о чём и упоминает вначале: автор намерен рассказать только о «*богоугодных делах Константина*», которые, как подтвердит дальнейшее повествование, следует понимать буквально – Евсевий намерен рассказать только о тех деяниях Константина, которые направлены в увеличению славы Божьей. «*Многие государственные распоряжения*

³³⁵ Ibid. I. 3; там же. С. 28.

³³⁶ Ibid. I. 7.

³³⁷ Ibid. I. 7; там же. С. 31.

блаженнейшего василевса»³³⁸, предупреждает епископ Кесарии, будут опущены. История Константина, таким образом, предстаёт перед читателем строго христианской не только по форме, но и по подбору автором материала, по содержанию.

Уже судьба отца Константина – Констанция предрекала сыну служение Христу: Констанций осуждал тех клириков, которые отступили от Бога во время гонений, делал христиан своими телохранителями³³⁹, а императорский дворец превратил в подобие церкви³⁴⁰. Таким образом, христианский государь Константин, по мысли Евсевия, имеет в предтечу в лице отца, примеру которого во многом следует. Однако, в то же время, как его приход христианству, так и борьба с язычником и богоборцем Максенцием (306-312 гг.) были результатом личного выбора, собственного осознания истинности Христова учения: римские боги, как убедился Константин, не оказывали должной помощи императорам. Напротив, Бог христиан был милостив к отцу Константина, поэтому последний довольно быстро убедился, что *«должно чтить Бога отеческого»*³⁴¹.

Молитвы Константина, возносимые к обретаемому, неведомому Богу, были услышаны на небесах: явление креста на небосводе вместе со словами «сим побеждай» во время первой битвы с Максенцием³⁴², приход Христа к кесарю во сне³⁴³ – все эти знамения приводят к тому, что Константин твёрдо встаёт на христианский путь. Император приказывает изготовить христианское знамя – хоругвь с изображением креста³⁴⁴ (впервые наряду с римскими орлами в императорской войске появляется посторонний символ), начинает усердное чтение Священного Писания, приходя к выводу, что явившегося к нему Бога *«должно чтить всеми способами служения»*, а

³³⁸ Ibid. I. 10; там же. С. 33-34.

³³⁹ Ibid. I. 16.

³⁴⁰ Ibid. I. 17.

³⁴¹ Ibid. I. 27; там же. С. 43.

³⁴² Ibid. I. 28.

³⁴³ Ibid. I. 29.

³⁴⁴ Ibid. I. 30-31.

богоборческий «огонь тиранского огня» в лице Максенция – немедленно погасить³⁴⁵. Таким образом, как богоугодные иудейские цари Ветхого Завета, Константин предстаёт в роли избранного Господом правителя, вдохновляемого на деяния свыше и награждаемого Богом победами за свои богоугодные деяния и молитвы³⁴⁶. Параллель с ветхозаветным образом божьего избранника достигает у Евсевия кульминации в описании битвы у Мульвийского моста (28 октября 312 г.), когда, подобно войскам египетского фараона армия тирана погибает в водах Тибра³⁴⁷, а Константин с триумфом въезжает в Рим, встречаемый сенаторами, высшими сановниками императорского двора и римским народом³⁴⁸.

Из приведённых выше пассажей «Жизни» очевидно, что путь Константина ко Христу и его путь к высшей власти – неотделимы друг от друга, взаимосвязаны и взаимообусловлены: обладание императорской властью отныне невозможно без служения Богу. Константин до прихода к власти – это прозелит, новообращённый, младенец в крещальной купели.

Нельзя не отметить, что версия Евсевия Кесарийского об обращении Константина в христианскую веру является лишь одной из трёх версий, распространенных в IV-VI веках: одна, изложенная Евсевием Никомедийским (ум. в 341 г.), включает крещение императора по арианскому образцу, в конце жизни, другая – непосредственно связанная с последующими спекуляциями вокруг «Константинова дара» - повествует о крещении кесаря в Риме самим папой Сильвестром I (314-335 гг.)³⁴⁹. Однако именно евсевиянская идея становится ядром представлений о священной

³⁴⁵ Ibid. I. 32.

³⁴⁶ Ibid. II. 7.

³⁴⁷ Ibid. I. 38.

³⁴⁸ Ibid. I. 39.

³⁴⁹ *Старостин Д.Н.* Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX - начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Vol. 71 (96). С. 126-139.

христианской империи поздней Римской империи и, позднее, в классической Византии³⁵⁰.

Какие же действия Константина уже в качестве правителя считает нужным сохранить для потомков Евсевий?

Как император Константин выступает не просто в роли светского владыки: по словам автора «Жизни», василевс, *«славясь исповеданием победоносного креста, весьма решительно проповедал Сына Божьего и самим римлянам»*³⁵¹. Проповедь христианского учения, осуществляемая самим императором – явление неслыханное даже для жёсткой цезаристской практики Византийской империи³⁵², однако никак иначе воспринять этот пассаж исследователь не в состоянии. Кроме этого, Константин созывает церковные соборы и председательствует на них, удалив от себя стражу³⁵³. Это отнюдь не означает, что Евсевий видел в императоре главу Римской церкви, и что запечатленное им соотношение императорской власти и церковной иерархией можно охарактеризовать как теократию. С очевидностью проступает лишь следующее: согласно Евсевию, роль римского императора в утверждении и укреплении христианской веры – огромна, по сути, безгранична. Императору позволяется всё, что ведёт к утверждению в сердцах людей христианских истин и, одновременно, соответствует им. Все последующие действия Константина вписываются именно в такую парадигму: он оказывает знаки уважения священнослужителям, возводит новые церкви, украшает их алтари³⁵⁴. Подобная деятельность, осуществляемая римским императором впервые, в дальнейшем станет неременным атрибутом примерного христианского

³⁵⁰ Подробнее см.: Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le "césaropapisme" byzantine. Paris, 1996; Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 34-38.

³⁵¹ Ibid. I. 41; там же. С. 51.

³⁵² Подробнее см.: Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le "césaropapisme" byzantine. Paris, 1996.

³⁵³ Eusebius of Caesarea. The life of the Blessed Empreror Constantine // Fordham University: the Jesuit university of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/vita-constantine.asp> (дата обращения: 20.02.2015).

³⁵⁴ Ibid. I. 42.

государя Средневековья, и впервые она становится частью образа идеального монарха именно в сочинении Евсевия о Константине. В труде кесарийского епископа впервые мы видим и образ правителя – благодетеля бедных, которым Константин щедро раздаёт деньги³⁵⁵. Стоит отметить, что портрет щедрого правителя не является христианским изобретением³⁵⁶, но обязательной частью модели образцового правителя он становится именно благодаря образу святого Константина. В христианском же ключе Константин относится и к «безумным», проявляя к ним снисхождение и находя их поступки смешными³⁵⁷.

Средневековый образ власти (особенно это касается текстов с преобладанием христианского элемента) почти никогда не обходился без «антиобраза», антигероя, противостоящего идеальному монарху. Наряду с государем благочестивым в средневековой литературе почти всегда присутствует государь неблагочестивый, порочный³⁵⁸, и образ этот получает своё оформление именно в творчестве Евсевия Кесарийского, в лице противников Константина: узурпаторов Максенция и Максимиана (306-308, 310 гг.), августов Максимиана (309-313 гг.) и Лициния (308-324 гг.).

Корень их порочности уже был определён нами выше: они – не просто язычники, но и богоборцы, гонители христиан – верующих в истинного Бога – поэтому они и враждебны Христу, а, значит, и Константину – Его верному последователю.

³⁵⁵ Ibid. I. 43.

³⁵⁶ В качестве положительного качества правителя, предводителя или же простого знатного человека щедрость утверждалась как в Древнем Риме, так и в представлениях «варварских» обществ. См.: Мосс М. Очерк о даре // Общества, обмен, личность. М., 1996. С. 83-169.

³⁵⁷ Eusebius of Caesarea. The life of the Blessed Empreror Constantine // Fordham University: the Jesuit university of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/vita-constantine.asp> (дата обращения: 20.02.2015).

³⁵⁸ Гайворонский И.Д. Образ государя в каролингской анналистике конца VIII века // Научное мнение. 2015. №5. СПб.: Научное мнение, 2015 (в печати).

Максенций проявляет свою богоборческую сущность в трёх аспектах: бессмысленных и беспричинных убийствах людей³⁵⁹, приверженности магии и чародейству, посредством которых он пытается привлечь на свою сторону сверхъестественные силы³⁶⁰, и любодеей, предаваясь которому, узурпатор обещивает отнятых у законных мужей жён, после чего с позором возвращает их в семьи³⁶¹. Всё это, вкупе с незаконным происхождением его власти, обрекает Максенция на поражение и гибель вместе со своим войском. Однако к двум другим противникам Константина – Максимиану и Максимину – Господь более благосклонен: им он даёт шанс на обращение к Себе. Максимиана, известного гонениями на христиан, поражает жуткая болезнь³⁶². Терпя физические страдания и поняв, что они являются наказанием за притеснения церкви, Максимиан издаёт указ в пользу христиан³⁶³. Подобная же кара постигает и августа Максимиана: демонопоклонник и любитель экзекуции ослеплением, он проигрывает битву, после чего вынужден бежать. Во время скитаний Максимиана поражает «огненная стрела Божья», после чего император становится похож на «скелет сухих костей»³⁶⁴. На этом Господни кары не заканчиваются: в точном соответствии с предрасположенностью Максимиана к лишению своих противников зрения, император теряет зрение сам: его глаза, согласно Евсевию, буквально вываливаются из орбит. Только после этого Максимиан издаёт указ, прекращающий гонения христиан, и приходит к убеждению истинности их Бога³⁶⁵.

Создавая образы Максимиана и Максимиана, Евсевий даёт понять, что обращение к истинному Богу возможно даже для самых нечестивых

³⁵⁹ Eusebius of Caesarea. The life of the Blessed Empreror Constantine // Fordham University: the Jesuit university of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/vita-constantine.asp> (дата обращения: 20.02.2015).

³⁶⁰ Ibid. I. 36.

³⁶¹ Ibid. I. 33.

³⁶² На его детородном органе появляется гнилотный нарыв, в котором заводятся черви. Ibid. I. 57.

³⁶³ Ibid. I. 57.

³⁶⁴ Ibid. I. 58; Там же. С. 59.

³⁶⁵ Ibid. I. 59.

правителей. Господь может вмешаться в ход земной истории и наложением на тирана кары склонить его к принятию Своей стороны. Тем самым в христианский образ власти вводится библейская идея исправления и последующего прощения, даруемого Богом.

Лишь август Лициний представляет собой неисправимого тирана, и именно на нём Евсевий сосредотачивает весь своё гнев, превращая Лициния в главного антагониста повествования, полного антипода Константина, средоточие пороков и богопротивных деяний.

С первых упоминаний в тексте Лициний приобретает воистину дьяволические черты: Евсевий называет августа «страшным зверем», владения которого – Восток – *«объяты мраком ночи»*, в то время как жители западной части Империи, где правит Константин, *«озарены светом самого ясного дня»*³⁶⁶. Лициний «сореvнуется» в своём злонравии с другими нечестивыми людьми Империи, что выражается в ряде указов и пороков, связанных с именем этого правителя.

Антихристианская направленность политики Лициния выражается, прежде всего, в его эдиктах: о запрещении всяких собраний священнослужителей, включая соборы³⁶⁷, о запрещении женщинам появляться в церквях³⁶⁸, запрещении не приносящим жертв римским богам служить в войске³⁶⁹ и, наконец, о начале новых гонений на христиан³⁷⁰. Однако сопоставимое отторжение Евсевия вызывают и личные качества Лициния: он подозрителен³⁷¹, сребролюбив³⁷² и любострастен³⁷³. Таким образом, портрет Лициния включает все самые осуждаемые христианской

³⁶⁶ Ibid. I. 49; там же. С. 54.

³⁶⁷ Ibid. I. 51.

³⁶⁸ Ibid. I. 53.

³⁶⁹ Ibid. I. 54.

³⁷⁰ Ibid. I. 56.

³⁷¹ Лициний удалил от двора многих преданных себе людей. Ibid. I. 52.

³⁷² По словам Евсевия, август, страдая «болезнью Танта́ла», «всё наполнил золотом, серебром, необъятным имуществом, и всё ещё со стоном жаловался на бедность». Ibid. I. 55.

³⁷³ Будучи уже старым, Лициний изнасиловал множество «замужних жён, дев и отроковиц». Ibid. I. 55; там же. С. 58.

традиции пороки, что ещё более противопоставляет августа главному герою повествованию - благочестивому Константину.

Начало второй книги – это описание противостояния Лициния и Константина, также наполненное большим количеством антитез. Даже в названии глав Евсевий подчёркивает антагонизм двух персонажей: глава 4, например, повествует *«о том, что Константин готовился к войне молясь, а Лициний - гадая»*³⁷⁴. Как и предыдущие враги Константина, Лициний, окружив себя «прорицателями», «египетскими гадателями», «составителями волшебных снадобий», «шарлатанами», «жрецами» и «пророками чтимых ими богов», с помощью магии ищет поддержки у потусторонних сил³⁷⁵. Вместе с тем, в речи перед солдатами Лициний подчёркивает преимущества старых, отеческих римских богов, настаивая на том, что Константин, прославляя *«какого-то чужеземного, неизвестно откуда взятого Бога»*, подготавливает своё поражение³⁷⁶.

Однако на стороне Константина – истинный Бог. Знамения³⁷⁷, сила крестной хоругви³⁷⁸, молитвы василевса в палатке³⁷⁹ – всё это приближает победу Константина над Лицинием, которого не спасает ни волхование и применение демонического ритуала³⁸⁰, ни приказ воинам избегать взглядов на кресты, осеняющие константиновы знамёна³⁸¹. За победой Константина на поле брани следует справедливая казнь Лициния по приказу победителя³⁸². Вслед за триумфом Константин получает власть над Востоком, титул

³⁷⁴ Ibid. II. 4; там же. С. 64.

³⁷⁵ Ibid. II. 4.

³⁷⁶ Ibid. II. 5; там же. С. 65.

³⁷⁷ Евсевий передаёт читателям молву, согласно которой по городам Империи проходил призванный строй гоплитов Константина, уже одержавших победу. Ibid. II. 6

³⁷⁸ Там, где поднималось знамя с крестом, воины Константина неизменно одерживали победу. Более того, Евсевий рассказывает о двух солдатах императора, один из которых трусливо бежал с поля боя, в результате чего был убит стрелой в живот, в то время как другой, взяв в руки знамя, чудесным образом оказался неуязвим для вражеских стрел. Ibid. II. 7, 9.

³⁷⁹ Ibid. II. 12, 14.

³⁸⁰ Опасаясь силы святой хоругви, Лициний приказывает legionарам нести перед собой «в виде воздушных статуй изображения мёртвых». Ibid. II. 11, 16; там же. С. 68, 71.

³⁸¹ Ibid. II. 16.

³⁸² Ibid. II. 17-18.

«василевса-победителя» и слышит прославления людей, во время которых они сначала называют имя Всецаря – Бога, затем Константина и, наконец, «боголюбивых детей его»³⁸³.

Что удалось создать Константину? И какую Империю считает идеалом Евсевий? В противовес тетрархии с её многовластием и соперничеством между императорами, Константину удаётся украсить государство *«единовластием, как бы единой главой, и всё начало жить под владычеством монархии»*³⁸⁴, в которой *«все части римской империи соединились в одно, все народы востока слились с другой половиной государства»*³⁸⁵. Таким образом, Константин становится владыкой всего мира – Ойкумены³⁸⁶, основателем всемирной христианской империи, *«единственным над всеми автократором»*³⁸⁷, восстанавливающим, таким образом, единство четвёртого мирового царства, предсказанного пророком Даниилом (Дан. 7). Следовательно, Константин помещает Римскую империю в контекст христианской истории, делает её органичной частью Божественного промысла.

Миф о Константине, созданный Евсевием Кесарийским – ключевой момент в становлении христианской концепции власти, парадигмы идеального монарха.

Воскрешая ветхозаветный принцип, согласно которому «владычествующий над людьми будет праведен, владычествуя в страхе Божьем» (2Цар. 23:2-3), Евсевий показывает путь Константина к христианству и последовавшие за обретением императором Бога победы Константина над врагами и процветание государства. Отныне римский император может обеспечить мир и спокойствие внутри своей державы только чтя Господа, следуя Божьим установлениям.

³⁸³ Ibid. II. 19.

³⁸⁴ Ibid. II. 19; там же. С. 72.

³⁸⁵ Ibid. II. 19; там же. С. 72.

³⁸⁶ Ibid. I. 1.

³⁸⁷ Ibid. I. 8; там же. С. 32.

Кроме того, в «Жизни Константина» Евсевий формирует набор качеств, которыми должны обладать будущие императоры – новые христианские кесари, преемники боголюбивого Константина. Опираясь на деяния августа, Евсевий конструирует модель идеального монарха, который должен одаривать и защищать церковь, хранить мир в Империи, помогать бедным и быть снисходительным к безумным. Все эти топосы, типические черты христианского государя в дальнейшем станут составной частью модели христианского монарха Средневековья.

Наконец, крупнейшим событием эпохи Константина Великого, запечатлённым трудом Евсевия, является превращение Римской империи в империю христианскую, что отныне означало совпадение христианского взгляда на власть с политической реальностью эпохи. В канун Средневековья, таким образом, сложились все предпосылки к последующему расцвету христианской концепции власти, христианской политической теологии.

Дальнейшее развитие христианского толкования власти получает в последующих церковных историях, написанных другом Иеронима Руфином Аквилейским (340-410 гг.)³⁸⁸ и продолжателем труда Евсевия Сократом Схоластиком (380-450 гг.)³⁸⁹.

Рисую панораму христианской истории Римской империи от Константина до Феодосия, Руфин представляет императоров как ревностных защитников церкви Христовой и противников любых отклонений от ортодоксального вероучения. В труде аквилейского епископа Константин Великий предстаёт императором, радующемся строительству и освящению

³⁸⁸ Rufin d'Aquilée // Encyclopedie Larousse: http://www.larousse.fr/encyclopedie/litterature/Rufin_dAquil%C3%A9e/176660; О нём см.: Bodart E. Rufinus v. Aquileia // Lexikon des Mittelalters. B. 7. München, 1995. S. 1088–1089; Drobner H.R. Rufinus, Tyrannius // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 8. Herzberg, 1994. S. 959–972.

³⁸⁹ Socrate le Scholastique // Encyclopedie Larousse: http://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Socrate_le_Scholastique/182545; О нём см.: Urbainczyk T. Socrates of Constantinople. An Arbor, 1997; Wallraff M. Der Kirchenhistoriker Sokrates. Untersuchungen zu Geschichtsdarstellung, Methode und Person. Göttingen, 1997; Bähler B., Nesselrath H.G. Die Welt des Sokrates von Konstantinopel. München; Leipzig, 2001.

церквей *«гораздо больше, чем если бы он присоединил к Римской империи неведомые народы и неизвестные царства»*³⁹⁰. В правлении этого монарха и его преемника Констанция (337-340 гг.) *«мрак ересей исчез из самых потайных и скрытых уголков»*³⁹¹. Неразрывность христианского идеала власти и императорского достоинства, на практике реализованную Константином и запечатлённую Евсевием, Руфин демонстрирует ярким рассказом о провозглашении императором Иовиана (363-364 гг.): на предложение войска править претендент на власть заявляет: *«Я не могу вами править, ибо я христианин»*³⁹². Только после того, как солдаты произносят *«и мы христиане»*, Иовиан соглашается принять власть³⁹³.

Показательно, что в изображении Руфина именно император является последней инстанцией в разрешении споров догматического характера: объявляя в ереси епископа Константинопольского Афанасия, его противники апеллируют именно к авторитету августа Констанция, вводя венценосца в заблуждение³⁹⁴.

Достоинным продолжением традиции христианского императора, воплотившейся в образе Константина, созданного Евсевием, является история Феодосия (379-395 гг.), изложенная Руфином. Как и Константин, Феодосий проводит время перед битвой со своим противником Евгением в молитвах, в сопровождении священников обходит «все места молитв» и распротёртый лежит перед «могилами апостолов»³⁹⁵. Во время перехода Феодосием Альп и наступления христианского кесаря «бегут демоны»³⁹⁶ и одерживается конечная победа над противником Феодосия в борьбе за престол Евгением³⁹⁷. В соответствии с иудео-христианской традицией

³⁹⁰ Руфин. Церковная история // Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб, 2005. С. 242.

³⁹¹ Там же. С. 257.

³⁹² Там же. С. 261.

³⁹³ Там же. С. 261.

³⁹⁴ Там же. С. 246-247.

³⁹⁵ Там же. С. 283.

³⁹⁶ Там же. С. 283.

³⁹⁷ Там же. С. 284.

восприятия монарха как избранника Божьего, Феодосия, в надежде на успешный исход сражения, обращается к Богу, полностью предаваясь Его воле: *«Ты, Всемогущий Бог, знаешь, что я принял эту битву во имя Христа, Сына Твоего, ради, как я считаю, справедливой мести. Если это не так, покарай меня. Если же я, уповающий на Тебя, по достойной причине сюда прибыл, протяни десницу Твоим [рабам]. Не случайно язычники говорят: где же Бог их? (Пс. 113.10)»*³⁹⁸. Природа, управляемая Господом, непременно реагирует: поднимается сильный ветер, который направляет стрелы врагов в обратную сторону³⁹⁹. На гибель противников Феодосия обрекают их ложные надежды - надежды язычников⁴⁰⁰, которым не место в Божественном плане, центральной частью которого является император Феодосий. Смерть же этого монарха обеспечивает его переход *«к лучшей жизни для обретения вместе с благочестивейшими императорами заслуженных наград»*. Таким образом, Феодосий помещается в ряд предшествующих христианских императоров.

Сократ Схоластик, решивший продолжить книгу Евсевия Кесарийского, решает поведать читателям, как Константин Великий пришёл к христианству⁴⁰¹. По ходу повествования Сократа возможно увидеть все те функции христианского императора, которые он приобрёл в лице Константина, описанного ещё Евсевием: осознав бессилие языческих богов, не сумевших оказать помощи войска Диоклетиана (284-305 гг.), Константин обращает свой взор к христианскому Богу⁴⁰².

³⁹⁸ Там же. С. 283-284.

³⁹⁹ Там же. С. 284.

⁴⁰⁰ Там же. С. 284.

⁴⁰¹ Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996. С. 6.

⁴⁰² Согласно Сократу Схоластику, Константин «пришел к мысли, что войска Диоклетиана, предавшись богам эллинским, не получили никакой пользы, а отец его Констанций, оставив эллинское богослужение, провел жизнь гораздо счастливее». Там же. С. 7.

Как и в сочинении Евсевия, сократов Константин – разрушитель языческих храмов и строитель храмов новой веры⁴⁰³, а также активный распространитель христианской веры в Империи и за её пределами⁴⁰⁴. Однако в труде Сократа Схоластика наиболее рельефно представлена другая функция христианского монарха – обеспечение защиты ортодоксального учения от ересей и единства церкви Христовой. Председательствуя на соборах, Константин увещевает клириков прекратить споры, забыв о мелочах и личной неприязни друг к другу⁴⁰⁵, вносит предложения, касающиеся религиозной жизни, включая дату празднования Пасхи⁴⁰⁶, и даже толкует отдельные догматы⁴⁰⁷. Согласно представлениям Константина, христианскому народу необходимо в целом единообразное вероучение, в то время как своё мнение по второстепенным догматическим вопросам верующие должны держать «при себе», не высказывая их публично: *«...да будет у вас одна вера, одно разумение, один завет Всеблагого. А что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайне»*⁴⁰⁸.

Представ при жизни фактическим главой христианской церкви, защитником и распространителем христианства в Ойкумене, Константин

⁴⁰³ «Помышляя о Христе, царь Константин все совершал как христианин: созидал церкви и обогащал их драгоценнымикладами, а храмы языческие запирали, либо разрушал, и находившиеся в них статуи выставлял на позорище». Там же. С. 7-8.

⁴⁰⁴ По сообщению Схоластика, ко времени правления Константина относится «относится начало христианской веры у внутренних индийцев и иберийцев». Там же. С. 41. Кроме того, по словам самого Константина, передаваемым Сократом, «Варвары познали Бога и научились благовесту перед Ним, испытав самым делом, что Он хранит меня и везде о мне промышляет, что особенно и привело их к познанию Его». Там же. С. 57.

⁴⁰⁵ Там же. С. 15-16, 18.

⁴⁰⁶ Из письма Константина клиру Римской империи: «...касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо - всем и везде праздновать ее в один и тот же день; ибо, что может быть прекраснее и благоговейнее, когда праздник, дарующий нам надежды бессмертия, неизменно совершается всеми по одному чину и известным образом?». Там же. С. 28.

⁴⁰⁷ Слово «единосущный» Константин сам «истолковал, говоря, что единосущие понимает не в отношении к свойствам тела, что Сын произошел от Отца не чрез разделение или отсечение, ибо нематериальная, духовная и бестелесная природа не может подлежать какому-либо свойству телесному». Там же. С. 21.

⁴⁰⁸ Там же. С. 15-16.

после смерти обретает мистический ореол: его тело выставляется в императорском дворце, на возвышении, окружённое «всеми знаками почестей» и телохранителями. Таким образом, сохраняется непрерывность «мистического тела» монарха⁴⁰⁹, успешно реализуемая впоследствии в средневековой практике⁴¹⁰. Более того: народом останки Константина начинают почитаться священными и даже не подлежащими перемещению⁴¹¹, хотя в дальнейшем перемещение мощей святых станет в христианской традиции обыденной практикой.

Настоящим воплощением позднеантичного цезаре-папизма предстаёт Констанций II (337-361 гг.), который собственноручно назначает и смещает епископов⁴¹². Особую «изюминку» данной ситуации придаёт утверждение Сократа о том, что *«по церковному правилу, никакого постановления в Церквях без согласия римского епископа вводить не следует»*⁴¹³. Очевидно, что реализуемая Константином и его преемниками модель взаимоотношения светской и церковной властей, подразумевавшее подчинение церкви императорам, не только стала базой византийского цезаре-папизма, но и закладывала фундамент соперничества двух властей в политической традиции западного Средневековья.

Так или иначе, Констанций, следуя традиции, установленной предшественником, требует от церковного собора не вносить в веру ничего противоречащего Священному Писанию⁴¹⁴, а представителей духовенства, не

⁴⁰⁹ В этой связи стоит отметить, что Константин стал первым императором со времён династии Антонинов (97-198 гг.), сумевшим обеспечить преемственность власти, причём сделал это в условиях «тетрархии», когда сам механизм преемственности был исключён ввиду официально закреплённой смены августов у кормила власти.

⁴¹⁰ Канторович Э.Х. Два тела короля / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М, 2014. 752 с.

⁴¹¹ «Народ узнал об этом и стал противиться, утверждая, что костей царя переносить не следует, ибо это все равно, что вырыть их из земли, и тотчас разделится на две партии: одни говорили, что перенесение не причиняет мертвому никакого оскорбления, а другие называли это делом нечестивым». С. 115.

⁴¹² Сократ Схоластик. Церковная история. С. 68, 73.

⁴¹³ Там же. С. 68.

⁴¹⁴ «Мы, по воле царя собравшиеся в Селевкии исаврийской вчера, то есть в пятый день перед октябрьскими календами, употребляли все усилия, чтобы совершенною благопристойностью сохранить мир в церкви и, как повелел боголюбезнейший царь наш

подписавшихся под содержанием символа веры, прочитанного в Константинополе, подвергать ссылке⁴¹⁵.

Христианская концепция власти поздней Античности получила своё воплощение не только в церковных историях. Крупный вклад в формирование христианских представлений о власти монарха, который будет ощущаться особенно сильно как раз в эпоху Каролингов, внёс выдающийся отец церкви Августин Блаженный (354-430 гг.), труд которого «О граде Божием», если верить автору «Жизни Карла Великого» Эйнхарду, был настольной книгой первого императора франков⁴¹⁶, в то время как сочинения самого Августина были широко распространены в каролингских скрипториях и тщательно изучались⁴¹⁷.

Как и будущее средневековое миропонимание, Августин отказывал земному миру в праве на сопричастность вечности. Этот мир, названный Августином градом земным (человеческим), был рожден братоубийством Каина⁴¹⁸ и осужден на вечное проклятие⁴¹⁹. Град же Божий первоначально воплотился в убитом Авеле, добром пастыре, который, пастух, не воздвиг, как Каин, города на земле, а был обречен стать странником в брэнном мире. Рожденный в Авеле град Божий не сойдет в конце времен вместе со Вторым пришествием, но уже странствовал по земле в лице ветхозаветных праведников из числа потомства Авраама⁴²⁰, а затем, после рождения Христа, странствует в лице Церкви Его⁴²¹. Миссия светской, царской власти, таким образом, в обуздании врагов Церкви Христовой, в борьбе с еретиками и

Констанций, основательно рассуждать о вере по сказаниям пророков и евангелистов, не внося в веру Церкви ничего незаключающегося в божественных Писаниях». Там же. С. 118.

⁴¹⁵ Там же. С. 124.

⁴¹⁶ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. S. 29.

⁴¹⁷ Бриллиантов А.И. Блаженный Августин и его значение на Западе // Августин: pro et contra. СПб., 2002. С. 189.

⁴¹⁸ Блаженный Августин. Творения. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV-XXII / Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 1998. С. 55.

⁴¹⁹ Там же. С. 54.

⁴²⁰ Там же. С. 160.

⁴²¹ Там же. С. 112.

отступниками, в наказании «прегрешающих в делах божественных»⁴²², то есть живущих не по Богу, но по человеку, нарушающих, таким образом, Христовы предписания. Для этого и была создана Богом императорская власть, задача которой – содействовать водворению в граде земном идеального строя, основами которого являются мир, единство и правда, хранимые вселенской Церковью Христовой⁴²³. Мир (покой) в согласии с Богом является, согласно Августину, главной провиденциальной целью всего человеческого существования, главной чертой града Божия⁴²⁴. Именно император, как и Христос, повелевает любить мир и поддерживать единство⁴²⁵.

Подводя итоги развития христианского образа власти в позднеантичный период, мы можем отметить несколько типических черт, которыми должен, согласно представлениям церковных писателей, обладать образцовый христианский император.

Во-первых, христианский монарх самостоятельно приходит к осознанию истинности веры Христовой, и именно поэтому следует ей во всех своих начинаниях.

Во-вторых, именно благодаря содействию Бога и Его прямому вмешательству в земную историю христианский император сокрушает врагов истинной веры и достигает успехов во время своего правления.

В-третьих, миссия христианского императора включает несколько обязательных составляющих: защита существующего церковного сообщества, всей общины верующих от еретиков и отступников, материальные дарения в пользу церкви и, наконец, распространение христианской веры среди язычников.

В-четвёртых, именно император является фактическим главой христианской церкви, способным разрешать догматические споры (вплоть до

⁴²² Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. С. 7-8.

⁴²³ Там же. С. 9.

⁴²⁴ Блаженный Августин. Творения. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV-XXII / Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. С. 343.

⁴²⁵ Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. С. 8.

проведения решений по подобным вопросам) и назначать представителей высшего духовенства, включая патриарха Константинопольского, на их должности. Не забудем подчеркнуть, что в церковных историях IV-V веков отодвинут на задний план авторитет римского епископа, который получит своё обоснование уже после краха императорской власти на западе Империи.

Последний не заставил себя ждать. Вторжение представителей совсем иной культуры, обладавших несхожими с римскими взглядами на власть – варваров-германцев - на территорию Западной Римской империи расшатало и повергло в прах ту политическую реальность Западной Европы, обоснованием и следствием которой была идея всемирной христианской империи, сформированная церковными авторами IV-V веков. В практически неизменном виде её сохранили интеллектуалы выжившей восточной части Римской империи⁴²⁶, однако на Западе к концу VI века приходит в упадок как интеллектуальная жизнь в целом, так и концепция христианской империи, для которой отныне не было никакой реальной почвы⁴²⁷.

Связано это было с тем, что V-VII века стали временем потери в Западной Европе политической почвы под идеей христианской империи. Если первые преемники Теодориха I Великого (493-526 гг.) еще рассматривали себя как наместники императора Константинополя, то уже

⁴²⁶ Согласно концепции императорской власти, господствовавшей в Восточной Римской империи V-VI веков, император должен править, подражая Христу. Но поскольку император – всё же человек, который способен ошибаться, он должен делать всё, что в его силах, на благо христианского народа. Помощью императора являются молитвы верующих и заступничество святых. Императорские армии сражаются во имя Христа, поэтому война, ведомая христианским кесарем – справедлива. Стать императором может лишь тот, кто обладает всеми функциями тела (что исключало появление на троне подверженных дефектам претендентов и евнухов). Функции императора – это прежде всего функция филантропа (куда входят дары церкви и помощь неимущим) и законодателя. См.: *Шейнэ Ж.К.* История Византии / Пер. с фр. В.Б. Зусевой. М., 2006. С. 12-13.

⁴²⁷ Несмотря на пересмотр термина «тёмные века» по отношению к периоду «варварских королевств» и раннему Средневековью в целом, такие историки как Э. Сауэрер и Э.Д. Уоттс справедливо отмечают многочисленные утраты античных памятников литературы как в позднеимперский период, так и в начале Средних веков. См.: *Wells P.* Barbarians to Angels: The Dark Ages Reconsidered. New York, 2009; *Sauer E.* The archaeology of religious hatred in the Roman and early medieval world. Stroud, 2003; *Watts E.J.* City and school in Late antique Athens and Alexandria. Berkeley CA, 2006. См. также: *Браво Б., Вушицкая-Браво Е.* Судьбы античной литературы. Античные писатели. Словарь. СПб., 1999. С. 7-20.

Теодат (534-536 гг.) разрывает связь с восточными цезарями, провоцируя войну остготов с Юстинианом (527-565 гг.)⁴²⁸. С этого момента, вслед за крушением домината на западе в конце V века, идея христианской империи на западе окончательной лишается политической почвы. Однако она продолжает развиваться на Востоке, особенно в правление Юстиниана, и окончательные свои формы получает в IX веке, в идеях патриарха Константинопольского Фотия (ок. 820-896 гг.)⁴²⁹. В то же время, степень знакомства каролингских авторов с византийскими идеями власти VI-VIII веков вызывает большие сомнения.

Тем не менее, на территории бывшей Западной Римской империи варвары сохранили в неприкосновенности христианскую церковь, в качестве признанного лидера которой, вследствие исчезновения на Западе императорской власти, выдвинулся папа римский. Это означало, что церковь, которая была единственной носительницей христианских представлений о власти во времена позднеантичной Империи, непременно попытается приспособить старые концепты к новым условиям.

Римские папы V-VI веков сохранили и развили позднеантичные представления об императорской власти, преемников которой хотелось видеть то в вестгостских и франкских королях, то восточно-римском кесаре. Концепция, окончательно сложившаяся в сочинениях Льва I Великого (440-461 гг.), Геласия I (492-496 гг.) и Григория I Великого (590-604 гг.) подразумевала служебную роль императора по отношению к христианской церкви и папскому Риму. Как было верно прослежено В. Ульманом, сначала Лев I сформулировал тезис о высшей юрисдикции папы, как единственного преемника св. Петра (а, значит, и Христа), над остальными епископами, затем же Геласий разграничил полномочия папы и императора: первому

⁴²⁸ Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии по "Variae" Кассиодора: Миф, образ, реальность. М., 2003. С. 97-99.

⁴²⁹ Подробнее см.: Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le "césaropapisme" byzantine.; Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. С. 34-38.

дарован высший духовный авторитет в христианском мире, корпоративном теле Христа, второму – светская власть, находящаяся рангом ниже истинно монархического института – папской власти⁴³⁰. Весь мир представлялся единым телом во главе с Римом, на императора же возлагалась миссия защиты Церкви в земном мире⁴³¹. Сам этот мир представлялся бранным и преходящим, и император был обязан, согласно видению Григория Великого, содействовать расширению пути к небесам и служению земного царства Царству Небесному. Наказания еретикам и отступникам, а также следование императорских решений церковным канонам объявлялись обязательными, неисполнение же этих предписаний ввергало правителя в грех⁴³².

Таким образом, из признанного главы и вершителя христианской церкви, император превратился в её слугу и защитника. В этой концепции глава церкви – римский папа – отказывал светской власти в её былой супрематии. Христианское толкование власти, таким образом, трансформировалось под сильным влиянием политических изменений, происходивших в раннесредневековой Европе.

Реальностью же этой Европы были неустойчивые потестарные образования – варварские королевства, в которых, при содействии находившихся в союзе королевской власти и церкви, начали формироваться локальные вариации христианской идеи власти. Однако видимые следы этих вариаций оставили нам Остготское (основано в 493 году), Вестготское (основано в 418 г.) и Франкское королевства (основано в 486 г.)⁴³³.

Вследствие столкновения с восточно-римской империей Юстиниана, Остготское королевство сошло с исторической сцены гораздо раньше остальных, оставив, однако, о своей структуре и концепции власти довольно

⁴³⁰ Ullmann W. The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Power. London, 1962. P. 23-54.

⁴³¹ Ibid. P. 51

⁴³² Ibid. P. 54.

⁴³³ О степени влияния христианской концепции власти в Вandalьском (429-534 гг.), Бургундском (443-534 гг.) у нас отсутствуют какие-либо весомые исторические свидетельства. См., напр.: Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2008. С. 266.

многочисленные следы благодаря литературной деятельности остготского писателя и советника Теодориха Великого Флавия Кассиодора (ок. 487- ок. 578 гг.).

Ещё в середине XIX – первой половине XX века немецкие историки Ф. Дан, Л.М. Хартманн и Э. Штейн сформулировали взгляд на королевства Теодориха как естественного продолжения Римской империи, подчёркивая ориентацию остготского монарха на традиционную римскую систему ценностей; германские элементы, по их мнению, проявлялись только в военной организации⁴³⁴. Историки последних трёх десятилетий рассматривают оба готских королевства не только как созданные варварами на римской политической почве, но и подчёркивают, что политическая теология Остготской монархии, идеал монарха, созданные Ф. Кассиодором в его сочинении «*Variae*», рассматриваются исследователями как результат восприятия и переработки римской риторики, ориентированной на римскую, в том числе сенаторскую элиту. Вооружившись риторикой, Кассиодор сформулировал идеал королевской власти, основанный на античных категориях⁴³⁵.

«Государство», основанное вестготами в 418 году со столицей в галльской Тулузе, а затем, с 554 года, в испанском Толедо, не сразу вошло в ряд католических монархий Европы: до конца VI века короли вестготов исповедовали арианский вариант христианского вероучения, а в самой Испании господствовала арианская церковь, о структуре которой нам ничего неизвестно. Однако это не помешало постепенному слиянию римлян и готов в один народ, причём в русле доминирования римской культурной и

⁴³⁴ *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Bd. 3: Verfassung des Ostgotischen Reiches in Italien. München, 1866; *Hartmann L.M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. 1: Das italienische Königreich. Gotha, 1897; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T.2. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949.

⁴³⁵ *O'Donnell J.J.* Cassiodorus. Berkeley; Los Angeles, 1979; *Goffart W.* Barbarians and Romans. Princeton, 1980; *Wickham C.* Early Medieval Italy. MacMillan, 1981; *Burns T.* A History of the Ostrogoths. Bloomington, 1984; *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy. 489–554. Cambridge, 1997; *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples / Trans. T. Dunlap, Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 102-122, 145-158; *Ausbüttel F.M.* Theoderich der Große. Darmstadt, 2004; *Wolfram H.* Die Goten. München, 2009.

правовой традиции: в 475 году издаётся «Кодекс Эвриха», представлявший собой смешение готских и римских правовых традиций, но уже в 506 году издаётся *Lex Romana Visigothorum* («Римский Закон Вестготов», «Вестготская правда») – сборник уже чисто римского права, в котором ранее привилегированные готы уравниваются в правах с римлянами. В VI веке процесс смешения готов и римлян идёт особенно активно (начинают заключаться ранее запрещённые смешанные браки), а к 580 году романизации подвергается и самобытная арианская церковь: в богослужении начинает использоваться латинский язык. Точку в существовании ариано-германской монархии ставит Третий Толедский собор 589 года, на котором король Реккаред I (586-601 гг.) принимает католичество. На этом соборе король вестготов объявлялся священнейшим правителем (*sacratissimus princeps*), исполненным божественного духа (*divine flamine plenus*), равноапостольным православным королём⁴³⁶. Вестготский монарх, таким образом, как отмечал Д. Клауде, становится представителем Христа на земле⁴³⁷, равным по статусу восточно-римскому императору⁴³⁸. Реккаред, «король божьей милостью», предстаёт первым после Бога повелителем своих подданных, способным формировать круг вопросов для церковных соборов и придавать их решениям силу закона⁴³⁹.

Таким образом, в Вестготском королевстве мы наблюдаем глубокую рецепцию христианского позднеантичного концепта власти: старая идея верховенства императора над церковью и обществом полностью переносится на власть вестготского короля, чьи полномочия и миссия ничем не отличаются от функций и предназначения христианского императора времён

⁴³⁶ Вестготская монархия также рассматривается современной историографией в качестве королевства с преобладающими римскими политическими и правовыми традициями. См.: *Wolfram H. The Roman Empire and its Germanic Peoples* / Trans. T. Dunlap. P. 102-122, 145-158; *Mussot-Goulard R. Les Goths*. Biarritz, 1999; *Collins R. Visigothic Spain 409-711*. Oxford: Blackwell, 2004; *Kampers G. Geschichte der Westgoten*. Paderborn: Schöningh, 2008; *Wolfram H. Die Goten*.

⁴³⁷ *Клауде Д. История вестготов* / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб., 2002. С. 124.

⁴³⁸ Там же. С. 124-125.

⁴³⁹ Там же. С. 124-125.

Константина и его преемников. Однако эта тяготеющая к теократии⁴⁴⁰ или, в понимании Исидора Севильского, симфонии⁴⁴¹, позднеантичная по духу вестготская монархия не выдерживает испытания реальностью раннего Средневековья: стремление вестготской знати к усилению своих позиций, отказ королевской власти от опоры на епископат и последовавший за этим союз светских и церковных магнатов приводит к ослаблению королевской власти и разрушению социально-политической системы, созданной Реккаредом и его преемниками, вследствие чего королевство вестготов становится лёгкой добычей арабских завоевателей в 711 году⁴⁴².

В отличие от всех остальных варварских «государств», именно во Франкском королевстве, ставшем в будущем колыбелью каролингской христианской цивилизации и средневековых представлений о власти, правящему дому Меровингов удалось найти нужное соотношение идеи и практики, обеспечить политический, социальный, религиозный и этнический компромисс между завоевателями-франками и местным галло-римским населением. Изначальная трансформация германской дружинной монархии Хлодвига (486-511 гг.) в католическое королевство – союзника христианского Рима – обеспечила лёгкое проникновение христианской концепции власти во франкскую реальность⁴⁴³.

⁴⁴⁰ Вестготская правда (книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М. 2012.

⁴⁴¹ *Марей Е.С.* Феномен «вестготской симфонии» в 75-ом каноне IV-го Толедского собора 633 г. (к проблеме перехода к средневековой государственности) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2012. № 3 (11).

⁴⁴² *Сямтомов И.В.* К вопросу о кризисе теократической монархии вестготов // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) [Электронный ресурс] / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 212-216; *Кнебель А.* Королевства вестготов, остготов и ломбардов // Всемирная история: тысяча иллюстраций. Средние века / Перевод с англ. А.В. Гришина. М., 2008. С. 11

⁴⁴³ Подробнее см. в классических монографиях Э. Джеймса и П. Перина, а также в работах последних 10 лет: Ж. Дюше-Сюшо и М. Майера. См.: *James E.* The Origins of France: Clovis to the Capetians, 500–1000. London, 1982; *Périn P.* Clovis et la naissance de la France. Paris, 1990; *Duchet-Suchaux G., Périn P.* Clovis et les Mérovingiens. Paris, 2002; *Kaiser R.* Das römische Erbe und das Merowingerreich (Enzyklopädie deutscher Geschichte 26). München,

Первым повествовательным памятником, в котором можно обнаружить образы франкских государей и христианскую концепцию власти, положенную на меровингскую почву, является «10 книг истории франков» (*Historiarum Francorum libri X*) Григория, епископа Турского (ок. 540 – ок. 594)⁴⁴⁴.

Этот, безусловно, ключевой среди исторических сочинений раннего Средневековья труд был закончен Григорием в 594 году⁴⁴⁵ и охватил период от Сотворения Мира до лета 591 года⁴⁴⁶. Написанное на испорченной, по сравнению с классической, «народной латыни»⁴⁴⁷, сочинение Григория составляет собой яркий пример угасающей римской интеллектуальной культуры, одним из последних представителей которой был епископ Тура. Тем более интересно изучить предложенное им толкование власти, поскольку Григорий, как и авторы церковных историй поздней Античности, принадлежал к плеяде интеллектуалов из среды духовенства. В то же время, жанр, в котором писал Григорий, также можно отнести к жанру церковной истории, но уже на галльской почве⁴⁴⁸.

Новейшая историография уже дала оценку изображению власти Меровингов Григорием как попытке её христианской сакрализации: епископ Тура нарисовал крещение Хлодвиг I и последовавшую вследствие этого победу правителя франков над еретиками-арианами вестготами, в духе

2004; Meier M. Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500 / Hrsg. S. Patzold. Stuttgart, 2014.

⁴⁴⁴ Gregorius Turonensis. *Historiarum Francorum libri X* / Ed. Br. Krusch, 1937: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lspost06/Gregorius/gre_hi00.html

⁴⁴⁵ Krusch B. Prefatio // Gregorii episcopi Turonensis *historiarum libri X* / Editionem altera. Curaverunt B. Krusch et W. Lewison // *Scriptores rerum Merovingicarum*. T.2. Hannover, 1951. S. IX-XXXVIII; Савукова В.Д. «История франков» как исторический источник // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 331.

⁴⁴⁶ Ibid. S. IX-XXXVIII; Савукова В.Д. Григорий Турский и его время // Григорий Турский. История франков. С. 329.

⁴⁴⁷ Ibid. S. IX-XXXVIII; Савукова В.Д. Язык и стиль Григория Турского // Григорий Турский. История франков. С. 344.

⁴⁴⁸ Saint Gregoire de Tour // Encyclopedie Larousse: <http://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Gr%C3%A9goire/122237>

повествования о новом Константине Великом⁴⁴⁹. Особенно интересно рассмотреть этот тезис с точки зрения представлений о прошлом, сложившимся у франков: по мнению Р. МакКитерик, образованная часть франкского общества рассматривала свою собственную историю как продолжение истории библейской, римской и христианской. Таким образом, представления франков о своём прошлом плавно трансформировались в представления о своих достижениях, о собственной значимости и идентичности⁴⁵⁰. Это позволяет говорить о высокой вероятности преемственности между Римской империей эпохи христианства и королевством Хлодвиг. Однако среди исследователей возникли разночтения по поводу того, в чём была цель епископа Тура и стремился ли он показать именно Меровингский дом как преемников христианских императоров Рима. М. Хайнцельманн, например, указывал, что целью Григория Турского было создать образ христианского общества как пространства где взаимодействуют короли, епископы, святые и миряне, а также пропагандировать ценности этого общества с целью подготовки сообщества верующих к будущему Суду⁴⁵¹. Однако миссия защиты церкви в повествовании Григория отнюдь не всегда принадлежала Меровингам: к примеру, король Нейстрии Хильперик выступил как нечестивый король, в то время как правитель Бургундии Гунтрам является в «Истории» покровителем епископата⁴⁵². Несколько иную позицию занял Э. Джеймс, показавший, что обращение Хлодвиг в христианство практически идентично обращению Константина, и даже превосходит его, так как франкский король быстрее проходит свой путь к Христу⁴⁵³. В то же время историк учитывает противоречивость изображения

⁴⁴⁹ *Heinzelmann M.* Gregory of Tours: history and society in the 6th Century. Cambridge: CUP, 2001; *Mitchell K.* The World of Gregory of Tours / Ed. I. Wood. Leiden, 2002; *Kaiser R.* Das römische Erbe und das Merowingerreich (Enzyklopädie deutscher Geschichte 26); *Старостин Д.Н.* Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. СПб., 2008. С. 51-52.

⁴⁵⁰ *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian World. P. 283.

⁴⁵¹ *Heinzelmann M.* Gregory of Tours: history and society in the 6th Century. P. 115-209.

⁴⁵² *Ibid.* P. 115-209.

⁴⁵³ *James E.* The Franks. P. 121-123.

власти Меровингов у Григория Турского: автор «Истории» показал потомков Хлодвига как истинно германских королей, но также подчеркнул их особое, покровительственное отношение к церкви⁴⁵⁴. В это связи Э. Джеймс особенно подчёркивает: Меровинги никогда не совершали «будущую каролингскую ошибку» и не считали себя королями «божьей милостью» благодаря церкви, всегда находясь «над» ней⁴⁵⁵, что делало их подлинными преемниками Константина. Иные акценты сделал М. Бехер, подчёркнув роль христианства в сближении живших в Галлии франков и римлян, а также отмечая римские основы власти королей из рода Меровингов⁴⁵⁶.

В этой связи интересно посмотреть на то, насколько сопоставимы образы Хлодвига и Константина, насколько видение Григорием королевской власти схоже с концепцией Евсевия и других церковных историков поздней античности.

Ставший королём в 486 году после победы над римским наместником в Галлии Сиагрием⁴⁵⁷, Хлодвиг приходит к христианству через большие сомнения: один за другим умирают его сыновья от католички Клотильды (Хродехильды), крещённые, по её настоянию, в Христовой вере⁴⁵⁸. Обеспокоенный гибелью маленьких наследников, король видит причину в христианском Боге⁴⁵⁹. Однако уже здесь Господь проявляет себя: молитвами матери очередной младенец, крещённый в католической вере, всё-таки выживает⁴⁶⁰. Вскоре после этого Хлодвиг попадает в положение, когда ему требуется вмешательство сверхъестественных сил: его войску угрожает

⁴⁵⁴ Ibid. P. 163-164.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 164.

⁴⁵⁶ *Becher M.* Merowinger und Karolinger. Darmstadt, 2009. P. 7-37. В то же время У. Гафффорд видит Григория Турского лишь как представителя античной риторики, подражавшего некоторым классикам, поэтому его дискурс в отношении Меровингов и христианства следует истолковывать лишь сквозь призму риторического искусства; как носитель неких объективных воззрений он анализу не подлежит. См.: *Goffard W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550-800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Notre Dame (Indiana), 2005.

⁴⁵⁷ Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X. II. 27.

⁴⁵⁸ Ibid. II. 29.

⁴⁵⁹ Ibid. II. 29.

⁴⁶⁰ Ibid. II. 29.

истребление в битве с алеманами⁴⁶¹. Подобно Константину и Феодосию, король франков просит Господа христиан о помощи: *«О Иисусе Христе, к тебе, кого Хродехильда исповедует сыном бога живого, к тебе, который, как говорят, помогает страждущим и дарует победу уповающим на тебя, со смирением взываю проявить славу могущества твоего. Если ты даруешь мне победу над моими врагами и я испытаю силу твою, которую испытал, как он утверждает, освященный твоим именем народ, уверую в тебя и крещусь во имя твое. Ибо я призывал своих богов на помощь, но убедился, что они не помогли мне. Вот почему я думаю, что не наделены никакой силой боги, которые не приходят на помощь тем, кто им поклоняется. Тебя теперь призываю, в тебя хочу веровать, только спаси меня от противников моих»*⁴⁶². В чётком соответствии с заданной Евсевием традицией, Хлодвиг одерживает победу⁴⁶³. Однако, согласно Турскому, крещение короля следует не сразу после этого: Хлодвиг продолжает сомневаться и, следуя германской традиции, решает узнать отношение франкского народа к новой вере, будучи уверен, что франки откажутся от христианского Бога⁴⁶⁴. Однако «сила божья» опередила Хлодвигу: его народ захотел отказаться от «смертных богов» и следовать за «бессмертным Богом», которого проповедовал королю святой Ремигий, выполнявший тайное задание Клотильды. Смысл миссии епископа состоял в обращении государя в христианскую веру. Дальнейшие подробности рассказа Григория, описанные в сотнях томов академических изданий, хорошо известны: франкский король в купели принимает крещение

⁴⁶¹ Ibid. II. 30.

⁴⁶² Здесь и далее используется перевод В.Д. Савуковой. См.: Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. С. 50; «Iesu Christi, quem Chrothchildis praedicat esse filium Dei vivi, qui dare auxilium laborantibus victuriamque in te sperantibus tribuere diceris, tuae opis gloriam devotus efflagito, ut, si mihi victuriam super hos hostes induleris et expertus fuero illam virtutem, quam de te populus tuo nomine dicatus probasse se praedicat, credam tibi et in nomine tuo baptizer. Invocavi enim deos meos, sed, ut experior, elongati sunt ab auxilio meo; unde credo, eos nullius esse potestatis praeditos, qui sibi oboedientibus non occurrunt. Te nunc invoco, tibi credere desidero, tantum ut eruar ab adversariis meis». ibid. II. 30.

⁴⁶³ Ibid. II. 30.

⁴⁶⁴ Ibid. II. 31.

от святого Ремигия⁴⁶⁵, и именно Хлодвига в момент перед погружением в крещальную купель Григорий Турский называет «новым Константином» (*novus Constantinus*)⁴⁶⁶. Путь к Христу завершён. Он был у Хлодвига более лёгким, чем у императора Константина: военные испытания, которые выпали Хлодвигу несравнимы с теми, с которыми столкнулся август. Но, как следствие этой внешней простоты, путь короля франков более труден для его сердца: Константин принимает христианство после первой же победы с Божьей помощью, Хлодвиг – только после одобрения новой веры народом и при активном участии епископа Ремигия Реймского⁴⁶⁷. Причём некоторые подробности жизни последнего явно неслучайны: Григорий сообщает, что в сохранившемся житие Ремигия упоминается факт воскресения этим святым мёртвого. Аналогия между Ремигием и Христом, воскресившим Лазаря (Ин. 11:41-43), имеет своим следствием аналогию между Константином и Хлодвигом: если Константин получает знамения напрямую от Христа-Бога, то Хлодвига убеждает креститься подобный Спасителю по своим деяниям епископ Реймский.

В подтверждение правоты Ремигия и внявшего его словам Хлодвига Григорий приводит рассказ об обращении в Христову веру короля Бургундии Гундобада, которого Авит, епископ Вьеннский, убеждает креститься, чтобы не остаться в плену языческих заблуждений в случае смерти⁴⁶⁸. «Ты – глава народа, а не народ – глава тебе»⁴⁶⁹, - говорит Гундобаду Авит, призывая не идти на поводу у бургундов, которые могут начать противиться принятию новой веры.

⁴⁶⁵ Ibid. II. 31.

⁴⁶⁶ Ibid. II. 31.

⁴⁶⁷ Данная разница может иметь не только литературное, но и реальное основание: Константин был образованным римлянином, способным рационально оценить преимущества христианской веры, Хлодвиг же представлял собой пример эмоционально настроенного варвара-германца, свято следовавшего в решении религиозных вопросов традициям предков.

⁴⁶⁸ Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X. II. 34.

⁴⁶⁹ «Tu enim es capud populi, non populus capud tuum». Ibid. II. 34.

Уже принявший христианство Хлодвиг, как и его предшественники, римские императоры, продолжает просить у Бога знаков и помощи, после чего испрашиваемые знамения непременно следуют⁴⁷⁰, как и победа «с помощью Господа» над новым врагом - арианами вестготами⁴⁷¹. Причём путь к Пуатье через речной брод указывает Хлодвигу не чуждое христианской символике животное - олень – символ порыва души к Господу и самого Господа, давящего ядовитого змея – ипостась дьявола⁴⁷². Христов избранник, Хлодвиг в течение всего последующего правления с Божьей помощью побеждает всех своих врагов и успешно расширяет границы Франкского королевства, потому что стены вражеских городов рушатся «сами собой» при одном его взгляде⁴⁷³.

Кульминацией воплощения в лице Хлодвига концепции избранного Богом христианского императора является его триумф, который он получил в городе Туре. После того, как император Восточной Римской империи Анастасий I (491-518 гг.) прислал королю франков грамоту о присвоении ему титула консула, Хлодвиг, облачённый в пурпурную тунику и мантию и

⁴⁷⁰ «А сам Хлодвиг направил послов в святую базилику и при этом сказал: «Идите туда, может быть, в святом храме будет вам какое-нибудь предзнаменование о победе». Причем он дал им подарки, для того чтобы они положили их в святом месте, и сказал: «Если ты, господи, мне помощник и решил передать в руки мои этот неверный и всегда враждебный тебе народ, то будь милостив ко мне и дай знак при входе в базилику святого Мартина, чтобы я узнал, что ты меня, твоего слугу, счел достойным твоей милости». Слуги поспешили, и когда они приближались к назначенному месту и по приказанию короля уже входили в святую базилику, то в этот момент глава певчих неожиданно пропел следующий антифон: «Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восстающих на меня. Ты обратил ко мне тыл врагов моих и истребил ненавидящих меня». Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. С. 55; «Ipsi vero rex direxit nuntius ad beatam basilicam, dicens: «Ite et forsitan aliquod victuriae auspicium ab aedae sancta suscipitis». Tunc datis muneribus, quod loco sancto exhiberent, ait: «Si tu, Domine, adiutor mihi es et gentem hanc incredulam semperque aemulam tibi meis manibus tradere decrevist, in ingressu basilicae sancti Martini dignare propitius revelare, ut cognuscam, quia propitius dignaberis esse famulo tuo». Maturantibus autem pueris et ad locum accedentibus iuxta imperium regis, dum sanctam ingrederentur basilicam, hanc antefanam ex inproviso primicirius, qui erat, inposuit: Praecinxisti me, Domine, virtutem ad bellum, subplantasti insurgentes in me subtus me et inimicorum meorum dedisti mihi dorsum et odientes me disperdedisti». Ibid. II. 37.

⁴⁷¹ Ibid. II. 37.

⁴⁷² Олень // Книга Символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=347> (01.05.2014)

⁴⁷³ Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X. II. 37.

венец, верхом на коне проехался от базилики святого Мартина до городской церкви, бросая народу золотые и серебряные монеты⁴⁷⁴. Данное действо было совершенно в явном соответствии с традициями римских триумфов⁴⁷⁵. Хлодвиг, образ власти которого нарисовал Григорий Турский, заканчивал своё правление органично вписанным в господствовавшие в среде церковной элиты представления о христианском властителе.

Традицию франкского христианского историописания, заложенную Григорием, продолжили в середине VII века хронист Фредегар⁴⁷⁶ и, позднее, автор завершённой в Нейстрии около 737 года «Книги истории франков» («*Liber historiae Francorum*»)⁴⁷⁷. И хотя эти сочинения написаны в ином жанре – жанре хроники – вследствие чего их повествование отмечено гораздо большей сухостью, чем «История» Григория, им также удалось раскрыть некоторые черты образа христианского короля, которые были заданы предшествующей традицией. Из двух названных памятников наиболее интересным для нашего рассмотрения является «Хроника» Фредегара⁴⁷⁸.

Согласно этой летописи, ключевые черты, унаследованные от образов Константина и Хлодвига, носили многие последующие франкские короли: Теодерих II (596-613 гг.) вручает щедрые дары церкви⁴⁷⁹, а Дагоберт I (623-

⁴⁷⁴ Ibid. II. 38.

⁴⁷⁵ *Кар Д.* Триумф // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб., 1901. С. 863-864; *Hölkeskamp K.-J.* Der Triumph – «erinnere Dich, daß Du ein Mensch bist» // *Erinnerungsorte der Antike. Die römische Welt.* München, 2006; *Beard M.* The Roman Triumph. Cambridge; Mass., 2007; *Östenberg I.* Staging the world. Spoils, captives, and representations in the Roman triumphal procession. Oxford, 2009.

⁴⁷⁶ Подробнее о «Хронике» Фредегара см.: *Wattenbach W.* Prefatio // *Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum // Scriptores rerum Merovingicarum.* T.2. S. VII-VIII; *Levillain L.* Compte-rendu de B. Krusch, *Fredegarius Scholasticus-Oudarius?* // *Bibliothèque de l'école des chartes.* №89. 1928. P. 89-95; *Scheibelreiter G.* Gegenwart und Vergangenheit in der Sicht Fredegars // *The Medieval Chronicle.* Amsterdam; New York, 2002. S. 212–222; *Collins R.* Die Fredegar-Chroniken // *Monumenta Germaniae Historica Studien und Texte* 44. Hannover, 2007; *Fredegar-Chronik* // *Deutsche Enzyklopaedie* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Fredegar-Chronik> (дата обращения: 29.05.2014).

⁴⁷⁷ Предисловие к русскому переводу «Книги истории франков» // *Восточная литература* [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/pred.phtml?id=696 (дата обращения: 01.05.2014)

⁴⁷⁸ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus* // *SS rer. Merov.* T.2. S. 18-167.

⁴⁷⁹ Ibid. S. 129.

629 гг.) раздаёт милостыню беднякам⁴⁸⁰. Последний государь вообще, по сообщениям Фредегара, запомнился особой любовью к справедливости, не мог есть и спать, если знал, что кто-нибудь оказался «не получившим правосудия»⁴⁸¹. Интересно, что не только франкских правителей Фредегар описывает как носителей христианских добродетелей: не менее колоритен в его повествовании византийский император Ираклий I (610-641 гг.). Противостоя во главе ромейской армии персидскому царю Хосрову II (591-628 гг.), Ираклий, называемый Фредегаром «новым Давидом» (*novus David*), одерживает победу при поддержке Господа, получая в награду Персидское царство, многочисленные сокровища и семь комплектов вражеских доспехов⁴⁸². Очень показательно первое встречающееся во франкских источниках сравнение христианского правителя с библейским царём Давидом, которое будет столь распространенным приёмом в раннекаролингской литературе. Тем более красноречив в образе Давида василевс Ираклий, сокрушающий своего Голиафа – Хосрова II.

Однако наиболее ярок Фредегар в описании не добродетелей, а пороков королей, которые в совокупности помогают увидеть столь важный нам антипод христианского государя.

Уже Теодерих, подходящий, казалось бы, на роль достойного правителя, окружает себя любовницами⁴⁸³. Но его тягчайший грех иного рода: пытаясь навязать церкви свою волю, Теодерих применяет силу⁴⁸⁴. Даже

⁴⁸⁰ Ibid. S. 151.

⁴⁸¹ «tanta intentionem ad universi o regni sui populo iusticia iudicandi posuerat». Ibid. S. 149.

⁴⁸² Ibid. S. 152-153.

⁴⁸³ Ibid. S. 134.

⁴⁸⁴ О конфликте Теодериха с ирландским миссионером во Франкии Колумбаном Фредегар сообщает следующее: «...Брунгильда вновь раздула недовольство короля, настраивая его против Колумбана и делала ему во вред все, что могла. Она просила знатных людей и придворных и всех магнатов, чтобы те повлияли на короля против божьего человека и осмелилась привлечь епископов с целью опорочить его репутацию, избрав в качестве предлога заведенный им в монастыре устав. Откликнувшись на нечестивые просьбы королевы, придворные разжигали королевский гнев против божьего человека, и он лично отправился к нему, чтобы самому узнать о статусе монастыря. Король отправился к нему в Люксоиль и там спросил, почему его устав службы отличается от обычной практики галльских престолов, а также почему внутренние помещения его монастыря не открыты для всех христиан. Преподобный Колумбан не смутился и со всей своей страстностью

такой во всех отношениях положительный персонаж, как Дагоберт, попадает в плен собственной жадности, начиная собирать «всё новые сокровища»,

ответил королю, что недопустимо открывать дом слуг божьих для тех мирян, которые враждебны его уставу, но что он все же предоставит гостям жилье, достойное их сана. Но король возразил: "Если ты хочешь удостоиться даров моей щедрости, то должен широко распахнуть двери всего монастыря для всех пришедших". Святой человек ответил: "Если ты будешь добиваться силой того, что запрещено нашим строгим уставом, то мне не надо никаких твоих даров и никакой твоей защиты, и будь уверен, что если ты придешь сюда, чтобы силой удалить божьих слуг, то твое королевство будет вскоре разрушено, а сам ты со своей семьей погибнешь" Что и случилось на самом деле. Король уже было направился в трапезную, но эти грозные слова заставили его быстро удалиться. И после этого святой человек продолжал упрекать его, но Теудерих ответил: "Ты надеешься, что я доставлю тебе венец мученика, но я не так глуп, чтобы совершить столь большое преступление". Он убеждал его проявить благоразумие и проявить гостеприимство для всех пришедших и поставил условие, что если он не будет оказывать должного уважения к обычаям страны, то должен будет вернуться туда, откуда пришел. При этом придворные кричали, что только сила принудит их покинуть пределы монастыря». Здесь и далее использован перевод Д.Н. Ракова. См.: Фредегар. Хроника / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV. 36; «Ad haec rursum permota Brunichildis, regis animum adversus sanctum Columbanum excitat, omni qua conatu perturbare intendit; oratque proceres aulicos, optimates omnes, ut regis animum contra virum Dei perturbarent: episcoposque sollicitare aggressa, ut de ejus religione detrahendo, statum regulae, quam suis custodiendam monachis indiderat, macularent. Obtemperantes igitur aulici regii persuasionibus miserae reginae, animum regis contra virum Dei perturbant, cogentes ut accederet ac religionem probaret abactus. Itaque rex ad virum Dei Lussovium venit, conquestusque cum eo, cur a comprovincialibus moribus descisceret, et intra septa secretiora omnibus Christianis aditus non pateret. Beatus itaque Columbanus, ut erat audax atque animo vicens, talibus objicienti regi respondit: Se consuetudinem non habere ut saecularibus hominibus et religione alienis famulorum Dei habitationis pandat introitum. Sed opportuna aptaque loca ad hoc habere parata, quo omnium hospitem adventus suscipiatur. Ad haec rex: Si, inquit, largitatis nostrae munera et solaminis supplementum capere cupis, omnibus in locis omnium patebit introitus. Vir Dei respondit: Si quod nunc usque sub regularis disciplinae habenis constrictum [Al. constructum] fuit violare conaris, nec tuis muneribus, nec quibuscunque subsidiis me fore a te sustentaturum. Et si hanc ob causam tu hoc in loco venisti, ut servorum Dei coenobia destruas, et regularem disciplinam macules, scito tuum regnum funditus ruiturum, et cum omni propagine regia periturum [Al. demersurum]. Quod postea rei probavit eventus. Jam enim temerario conatu rex refecturum ingressus fuerat. His ergo territus dictis foras celer repedit. Duris post haec viri Dei increpationibus rex urgetur. Contra quem Theudericus ait: Martyrii coronam me tibi illaturum speras: non esse me tantae dementiae scias, ut hoc tantum patrarem scelus, sed potioris consilii tibi scias utilia paraturum, ut qui ab omnium saecularium moribus disciscit, qua venerit, ea via repedare studeat. Aulici simul consona voce vota prorumpunt, se habere in his locis non velle, qui omnibus non societur. Ad haec beatus Columbanus se dicit de coenobii septis non egressurum, nisi violenter abstrahatur. Discessit ergo rex, relinquens virum quemdam procerum, nomine Baudulfum. Is ergo cum remansisset, virum Dei a monasterio pellit, et penes Vesontionem oppidum ad exsulandum perducit, quoadusque ex eo regalis sententia quod voluisset decerneret». *ibid.* S. 136.

тянется «за церковными богатствами» и «достоянием своих подданных»⁴⁸⁵. Самый прославленный со времён Хлодвиг Меровинг, Дагоберт обнажает собственное любострастие, окружая себя распутными людьми, тремя королевами и «бесчисленными любовницами» (*plurimae concubinae*)⁴⁸⁶. По мнению Фредегара, лишь соответствие Дагоберта христианским идеалам в других, уже упомянутых выше деяниях, делает его заслуживающим царства небесного⁴⁸⁷.

Дьявольское искушение, как мы убедились на примере Дагоберта, может, согласно Фредегару, подстерегать самых благочестивых правителей: «второй Давид» Ираклий не избегает греха, впадая в «ересь Евтихия» (*infelix Eutycianam haeresim*)⁴⁸⁸ и женившись на дочери своей сестры⁴⁸⁹. Что говорить о других, ещё более далёких от христианских представлений правителях? Узурпатор трона восточной Империи Фока (602-610 гг.) предстаёт обезумевшим тираном⁴⁹⁰, король вестготов Свинтила (621-631 гг.) – грубым с приближёнными и ненавидимым знатью⁴⁹¹. Майордом Бургундии Флаоход и патриций королевства франков Виллебад показывают себя клятвопреступниками по отношению друг к другу, высокомерными тиранами, грабящими свой народ, за что Бог подвергает их справедливому суду⁴⁹².

⁴⁸⁵ «Cum omnis justitiae quam prius dilexerat esset oblitus, cupiditatis instinctu super rebus Ecclesiarum et leudibus, sagaci desiderio, vellet omnibus undique spoliis novos implere thesaurus». Ibid. S. 150-151.

⁴⁸⁶ Ibid. S. 151.

⁴⁸⁷ Ibid. S. 151.

⁴⁸⁸ Имеются в виду последователи Евтихия (ок. 370 – после 454 гг.) – монофизиты, отрицавшие человеческую природу Христа и считавшие, что Он воплотился каким-то иным, божественным образом. См.: Иоанн Дамаскин. О ста ересьях вкратце // Преп. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Пер. с греч. и коммент. Д.Е. Афиногенова, А.А. Бронзова, А.И. Сагарды, Н.И. Сагарды. М., 2002. С. 123-155.

⁴⁸⁹ *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus* // SS rer. Merov. T.2. S. 154.

⁴⁹⁰ Ibid. S. 152.

⁴⁹¹ Ibid. S. 157.

⁴⁹² «На следующее утро после случившегося, Флаоход оставил Отен и двинулся к Шалону, куда и благополучно прибыл. На другой день этот город сгорел дотла из-за несчастного случая о причинах которого я ничего не знаю, а Флаохада настигло правосудие Божие и он заболел лихорадкой. На реке Апар, называемой Шалон, его поместили в ялик, и спешно отправили в Сен-Жан-де-Лоснэ (Losne), но он умер по дороге. Это случилось спустя 11 дней после смерти Виллебада. Он был похоронен в церкви Сен-Бениньи, что

Таким образом, Фредегар на примере ряда правителей Франкии, Византии и Испании предлагает набор пороков, которыми ни в коем случае не должен обладать христианский монарх.

Во-первых, христианский идеал правителя несовместим с личной безнравственностью, особенно грехом любодеяния. В окружении короля не должно быть любовниц, лишних жён, распутных придворных. Неприемлемы также и кровосмесительные связи (пример Ираклия).

Во-вторых, традиционная щедрость христианского государя несовместима со скупостью: жадность не может быть присуща христианским королям.

В-третьих, осуждается тиранический образ правления: грубое отношение к придворным, народу и, особенно, к церкви, является тягчайшим грехом против Бога.

В целом «Хроника» Фредегара, бесспорно, развила начатую во Франкском королевстве Григорием Турским традицию написания христианской истории, одним из главных действующих лиц которой являются христианские короли.

Подводя итоги рассмотрению развития в литературе королевства франков христианской концепции власти, мы можем отметить бесспорный факт: даже учитывая очевидный упадок латинской учёности,

против Дижона. Многие считали, что так как Флаоход и Виллебад не один раз клялись друг другу в дружбе, в святых местах и, кроме того, притесняли и алчно грабили свой народ, то это было Божьим судом, который избавил землю от их высокомерной тирании и воздал им за их коварство и ложь». См.: Фредегар. Хроника / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV. 90; «His ita gestis, Flaochatus in crastino de Augustuduno promovens, Cabillonum perrexit. Ingressus in urbem, urbs in crastino nescio quo casu maxime tota incendio concrematur. Flaochatus iudicio Dei percussus, vexatus a febre, collocatur in scapham, evectu navali per Ararim fluvium, qui cognominatur Saoconna [Al., Sagonna], Latonam properans, in itinere, undecimo die post Willebadi interitum, emisit spiritum; sepultusque est in ecclesia sancti Benigni in suburbano Divionensi. Creditur a plurimis hi duo, Flaochatus et Willebadus, eo quod multa in invicem per loca Sanctorum de amicitia obliganda sacramenta dederant, et uterque populos sibi subjectos cupiditatis instinctu inique oppresserant, simul et a rebus nudaverant, quod iudicio Dei de eorum oppressione plurima multitudo liberata sit, et eorum perfidia et mendacia eos utrumque interire fecissent.». Ibid. S. 167-168.

примитивизацию языка, традиция церковных историй и изображения избранного и направляемого Богом христианского монарха не была прервана с падением Западной Римской империи. Христианские представления о власти, циркулировавшие в позднеантичной литературе, нашли на Западе прекрасную почву в стране, где правили католические франкские короли.

Почти тысячелетнюю историю рождения и развития христианских представлений о власти можно подразделить на несколько этапов.

Первый из них – это своеобразный пролог христианской концепции власти в виде ветхозаветной, иудейской властной мифологемы. Однако без этого «пролога» расцвет христианской политической теологии в IV-V веках был бы невозможен. Монархи «Книги царств» заключают прямой договор с Богом, которому они обязаны следовать на протяжении своего правления: воля Господа становится законом для ветхозаветного царя и должна быть передана подданным. За этих подданных царь ответственен перед Богом: по велению царя, через которого передаётся Божья воля, они должны исполнять Закон Божий.

Второй этап эволюции христианского властного концепта начинается со складывания собственно христианского, новозаветного представления о власти: послание апостола Павла к римлянам призывает повиноваться любой власти, как исходящей от Бога. Однако данное библейское положение было всего лишь частью христианской философии, в то время как для настоящего оформления христианской концепции власти требовалась политическая почва. Такая почва возникла с началом активного покровительства императором Константином христианской церкви, а затем превращения его и последующих преемников в фактических вождей церковной организации. Основное положение ветхозаветной концепции власти о следовании монархом Божьей воле как залого процветания государства на новом этапе не только сохранилось, но и приобрело новое звучание: к следованию Божьим установлениям правитель приходит через акт прихода к вере, добровольно

принимая христианской вероучение, а не наследуя веру от предков, как иудейские цари. Именно вследствие прихода ко Христу, Константин обретает Его поддержку и благодаря этому вырывает власть из рук язычников. После этого эпохального события – обращения Константина к христианству - любое отступление императоров от Бога мгновенно карается потрясениями в христианском государстве. В задачи же праведного монарха начинает входить защита единства церкви от ухищрений появляющихся еретиков, дарения в пользу церкви, помощь бедным и, что едва ли не самое главное, расширение христианской империи путём обращения в истинную веру новых народов.

Третий этап развития христианского толкования власти в Западной Европе начинается уже в условиях рухнувшей Западной Римской империи и начала истории этнически разобщённых варварских королевств. Сохранившаяся в неизменном виде христианская церковь с центром в Риме пытается внедрить традицию, заложенную Евсеем в практику власти варварских королей. Первоначально удачная попытка подобного внедрения в Вестготском королевстве наталкивается на социально-политическую рыхлость этой монархии, которая легко рассыпается вначале VIII века под натиском мусульманского завоевания. Все остальные монархии, так и не пришедшие к ортодоксальному исповеданию христианства, исчезают с исторической сцены ещё раньше. Лишь Франкское королевство Меровингов, изначально делая ставку на католичество, имело почву, на которой позднеантичная идея христианской монархии могла прижиться. Как следствие, Хлодвиг стал подлинным преемником Константина, поэтому все другие франкские короли оказались вписанными в христианскую концепцию власти, хотя их германские в своей основе дикость и ярость мешали им в должной мере соответствовать идеалам, заданным Евсеем и воспринятым Григорием Турским.

Тем не менее, в литературе эпохе Меровингов был заложен важнейший фундамент для построения идеи христианской империи франков,

не только умело обоснованной каролингскими писателями, но и в кратчайшие исторические сроки воплощённой на практике Карлом Великим.

2.2. Германское начало раннесредневековой монархии

В отличие от христианского элемента власти монархов раннего Средневековья, который очень хорошо прослеживается в литературе, элемент германский является наиболее трудно уловимым. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, для раннего Средневековья совершенно очевидной является скудость источников, в которых в какой-либо мере, хотя бы косвенно, отражался бы германский идеал правителя, не говоря уже о полноценной концепции власти. Поскольку наше исследование основано на письменных источниках, в данном контексте речь идёт именно об отсутствии нарративных памятников, которые бы характеризовали образ власти, основанный на германских представлениях о ней.

Во-вторых, даже имеющиеся источники несут в себе один крупный недостаток: ни один письменный памятник не отражает «взгляд изнутри» на германские представления о власти. Проще говоря, не существует (и, скорее всего, не существовало вообще, учитывая ограниченность применения рунического письма) источников, в которых германец рассказывал бы нам о своих представлениях о власти⁴⁹³. Большинство источников, которыми мы располагаем, содержат в себе взгляд на власть у германцев со стороны носителя латинской интеллектуальной культуры: будь то Цезарь (100-44 г. до н.э.) и Тацит (56 – ок 117 гг.) или же франкские хронисты. Лишь единственная, относящаяся к периоду раннего Средневековья, и сохранившаяся в полном объёме поэма «Беовульф»⁴⁹⁴, датировать, которую

⁴⁹³ Следует добавить, что для германцев их представления о власти были органичным элементом их представлений о мире, который их окружал, являлись чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся в особой фиксации, как это было в случае с христианской концепцией власти, которая, по мысли церковных авторов, ещё должна была завоевать своё место в умах – сначала элиты, а затем и остального народа Империи.

⁴⁹⁴ Беовульф / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. Л., 1977. С. 5-151.

следует, скорее всего, VIII веком⁴⁹⁵, зафиксировала наиболее архаичные германские представления о власти вождя, хотя и приправленные христианскими элементами. Множество указаний на германские представления о власти может содержаться в более поздних скандинавских и исландских сагах, а также норвежских зеркалах⁴⁹⁶, исторический фон которых во многом включал схожие с древнегерманскими социально-культурные условия.

Исследования последних лет подтверждают этот тезис: хорошо иллюстрируется он с помощью концепции оппозиции «Центр-Периферия», рассматривающая патриархальное земледельческое общество в качестве «Центра» страны, обладающего своей сакральностью, а «Периферию» - как пограничную область, где концентрируются воинственные, дружинные элементы. Этическими категориями первого являются «благо» и «счастье», второго – «удача» и «слава»⁴⁹⁷. К VIII-IX векам в этой «оппозиции» возник дисбаланс в сторону гипертрофированно дружинного общества, в которое превратились раннесредневековые Норвегия и Швеция, начав напоминать Древнюю Германию начала нашей эры.

Потеря «Центром» своей «привлекательности» для скандинавских бондов по-разному объясняется учёными. Например, Д. Киз и К. Волетц особенно подчёркивают значение так называемой «катастрофы 535-536 годов», когда огромные массы пепла, предположительно вулканического

⁴⁹⁵ См., напр.: *Tolkien J. R.R. Beowulf: The Monsters and the Critics*. London, 2007; *Shippey T. Tolkien and the Beowulf-poet, Roots and Branches*. Zollikofen, 2007. P. 172-196; *Beowulf (Old English poem)* // *Encyclopædia Britannica Online* [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/61412/Beowulf> (дата обращения: 01.05.2014)

⁴⁹⁶ *Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters*. S. 3-22; *Гуревич А.Я. История и сага* // *Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии*. СПб., 2006. С. 13-126.

⁴⁹⁷ Концепция «Центр-Периферия» была сформулирована саратовскими историками Ю.В. Михайлиным и И.Ю. Филоффовым. См.: *Михайлин В.Ю. Между волком и собакой. Героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях*. // *Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*. М., 2005. С. 396-447; *Филоффов И.Ю. Феномен героического поведения в древней Скандинавии: идеальные модели и поведенческая практика (по данным эдических песен и саг о древних временах)*. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Саратов, 2011. С. 33-42.

происхождения, закрыли солнце, спровоцировав, на протяжении нескольких последующих веков, похолодание не только в Европе, но и на всей планете⁴⁹⁸. Эти последствия вполне могли быть схожими даже с «эффектом ядерной зимы»⁴⁹⁹ и отражались в источниках в форме тревоги населения из-за угасания света солнца⁵⁰⁰. Т. Брандт и И.Ю. Философов также подчёркивают роль племенной конфедерации герулов, известного своими гипервоинственными чертами; начав переселение в Скандинавию в VI веке, герулы наполняли её дружинными настроениями⁵⁰¹. Ещё одним фактором могла стать роль в скандинавском религиозном мировоззрении представлений об области под названием Утгард – территории, окружающей мир людей (Митгард), и наполненной хтоническими существами, чуждыми человеку⁵⁰². В условиях кризиса Митгарда («Центра») именно путешествия к границам Утгарда могли рассматриваться воинственной частью скандинавского общества (в том числе, викингов), как способ завоевания славы и удачи («фарна») ⁵⁰³.

Все эти факторы обусловили схожесть скандинавского общества с обществом древних германцев в момент Великого переселения народов. Тем

⁴⁹⁸ См.: *Keys D. Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World*. New York, 2000; *Wohletz K. Were the Dark Ages Triggered by Volcano-Related Climate Changes in the 6th Century?* // URL: <http://www.ees1.lanl.gov/Wohletz/Krakatau.htm> (дата обращения: 29.05.2014).

⁴⁹⁹ *Farhat-Holzman L. Climate Changes, Volcanoes and Plagues – the New Tools of History* // URL: <http://web.archive.org/web/20070927235420/http://globalthink.net/global/dsppaper.cfm?ArticleID=96> (дата обращения: 29.05.2014).

⁵⁰⁰ *Mitchell S. A history of the later Roman Empire, AD 284-641: the transformation of the ancient world*. Oxford, 2007. P. 375.

⁵⁰¹ *Brandt T. The Heruls* // URL: <http://www.gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 29.05.2014); *Философов И.Ю.* Феномен героического поведения в древней Скандинавии: идеальные модели и поведенческая практика (по данным эдических песен и саг о древних временах). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. С. 76-97.

⁵⁰² *Steinsland G. Norrøn religion: myter, riter, samfunn*. Oslo, 2005; *Simek R. Lexikon der germanischen Mythologie*. Stuttgart, 2006.

⁵⁰³ *Wolfram H. The Roman Empire and its Germanic Peoples* / Trans. T. Dunlap. P. 14-34. *Speidel M.P. Ancient Germanic warriors. Warrior style from Trajan's Column to Icelandic sagas*. London; New York, 2004; *Ruthless G. Odinism: Ideology, Customs, and Practices* // URL: <http://thevikingworld.pbworks.com/w/page/4717689/Odinism%3A%20Ideology,%20Customs,%20and%20Practices> (дата обращения: 20.05.2015).

не менее, скандинавскими источниками нужно пользоваться с большой осторожностью, учитывая их неаутентичность эпохе западноевропейского раннего Средневековья.

Между тем, попытка уяснить происхождение тех компонентов раннесредневековой концепции власти, которые имели германские корни, не только оправдана, но и необходима: несмотря на усилия церкви создать во Франкском королевстве христианский идейный климат, короли из рода Меровингов, судя по их действиям, оставались по своей сути франками-германцами. И именно такая практика власти составила наследство, доставшееся Каролингской фамилии, в представителях которой тоже часто играла кровь германских предков, определяя значительную часть действий франкских монархов VIII-IX веков.

Исследователи последних нескольких десятилетий, проанализировав разные типы источников, установили многие особенности власти германского вождя – вершины социальной иерархии варварского общества. Ещё до Великого переселения народов власть вождя (короля, конунга) обладала определённой сакральностью, природа которой до конца не установлена историками. Это могло быть и происхождение от древних богов, знатность рода вождя или особая роль вождя в религиозно-культовой жизни племени. Для франков эпохи Меровингов Ф. Гизо понимал сакральность короля как его харизму в качестве потомка древних германских героев⁵⁰⁴. Так или иначе, германских вождь выступает, прежде всего, как военный лидер, и именно поэтому он обладает авторитетом у соплеменников, в первую очередь – у дружинников, чьим предводителем и является. Если во время войны именно бой связывал вождя и дружину, то после окончания военных действий ключевым моментом было распределение добычи между дружинниками: вместе с подарками, которые конунг передавал товарищам, им передавалась часть «удачи» вождя, его личных качеств, доблести и

⁵⁰⁴ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 3. С. 185.

счастья. Таким образом, ещё до создания германцами своих королевств и принятия ими христианств глава германского дружинного общества обладал определённой сакральностью⁵⁰⁵.

Эти данные могут быть обогащены скандинавскими примерами властной практики, согласно которой в военное время конунг обладал неограниченной властью, в то время собрание бондов (предводителей усадеб) отходило на второй план⁵⁰⁶. Дружинники же давали вождю присягу верности и уйти из дружины могли лишь с согласия вождя⁵⁰⁷. Так же, как и древнегерманские времена, вместе с подарками вождя⁵⁰⁸ его «удача» передавалась соплеменникам, а они, в свою очередь, несли подарки в его усадьбу⁵⁰⁹. Кроме того, удача конунга – это не только его личная удача, но и унаследованная им удача предков⁵¹⁰. Приобщиться к ней соплеменники могут не только через подарки, но и посредством службы вождю⁵¹¹.

Как замечал А.Я. Гуревич, изучивший представления об идеальном государе в скандинавских и исландских сагах⁵¹², согласно взглядам авторов этих источников, конунг должен обладать определёнными качествами, среди которых: знатность происхождения⁵¹³, физические качества (сила, ловкость,

⁵⁰⁵ См.: *Enright M.* The Lady and the Mead Cup. Dublin, 1996; *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples / Trans. T. Dunlap; *Speidel M.P.* Ancient Germanic warriors. Warrior style from Trajan's Column to Icelandic sagas; *Todd M.* Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 39; *Гуревич А.Я.* История и сага // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. С. 111; *Гуревич А.Я.* Древние германцы // Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С. 24-78, 45-46; *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. С. 325-326.

⁵⁰⁶ *Гуревич А.Я.* Викинги // Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С. 95-97.

⁵⁰⁷ Там же. С. 97.

⁵⁰⁸ Поскольку счастье конунга было совершеннее других, получение подарка от конунга считалось наиболее желанным. Там же. С. 165.

⁵⁰⁹ Там же. С. 97. Прим.: подношение в усадьбу конунга продуктов называлось «вейцелой», т.е. кормлением, угощением, пиром.

⁵¹⁰ *Гуревич А.Я.* История и сага // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. С. 45.

⁵¹¹ Там же. С. 46.

⁵¹² *Гуревич А.Я.* Идеал государя // История и сага // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. С. 62-70.

⁵¹³ Заметим, что у древних германцев, как и у скандинавов Средневековья, знатность означала не принадлежность к замкнутой аристократической элите, а происхождение от

красота), воинские доблести (в первую очередь храбрость) и, наконец, щедрость⁵¹⁴. Щедрость вождя проявлялась как раз в подарках. Особенно активно раздавали вожди золото или золотые кольца, из-за чего скальды часто называли того или иного вождя «раздающим золото», «щедрым на кольца»⁵¹⁵. Мужество, стойкость, верность друзьям, правдивость, красноречие, тяга к жизни и готовность бесстрашно встретить смерть – все эти многочисленные добродетели вожди должны были постоянно демонстрировать перед соплеменниками⁵¹⁶.

Насколько все эти составляющие образа идеального германского вождя отразились в источниках, созданных до восшествия на трон династии Каролингов? Впервые сами германцы и их практика власти были упомянуты в источниках, авторы которых принадлежали к первому народу, вступившему в контакт с германцами – римлянам. И если гражданин римского государства, грек по национальности Страбон (ок. 58 г. до н.э. – между 21 и 25 гг. н.э.)⁵¹⁷ в «Географии»⁵¹⁸, упомянув ряд племён, сосредоточил своё внимание на природе Германии, то Гай Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне»⁵¹⁹ впервые в истории латинской литературы сообщил сведения о жизни племен из зарейнских лесов⁵²⁰.

Классический подход к сообщениям Цезаря и Тацита о германцах предложил Ф. Энгельс, видевший в сообщениях римских писателей

свободных предков, среди которых нет рабов или вольноотпущенников, то есть как полноправие, полноту свободы, личную независимость. См.: Гуревич А.Я. Древние германцы // Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С. 39.

⁵¹⁴ Гуревич А.Я. История и сага // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. С. 63.

⁵¹⁵ Гуревич А.Я. Викинги // Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С. 97.

⁵¹⁶ Викинги: Набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М., 1996. С. 34.

⁵¹⁷ Strabo // Encyclopedie Larousse: <http://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Strabon/145299>

⁵¹⁸ Strabo. Geography (Greek) // Perseus Digital Library: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>

⁵¹⁹ Caesar C. Julius. Commentarii de bello Gallica / Ed. Otto Seel. Leipzig, 1961 // Bibliotheca Augustana: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lsante01/Caesar/cae_bg00.html

⁵²⁰ Подробнее см.: Adcock F.E. Caesar als Schriftsteller. Göttingen, 1959; Albrecht M. Geschichte der römischen Literatur. Bd. 1. München, 2003. S. 326–347; Canfora L. Jules César, le dictateur démocrate. Paris, 2001.

отражение их реального социального и экономического строя⁵²¹. Эта позиция была подвергнута критике В. Шлезингером в работе «Заметки об устройстве Германии в Средние века», в которой один из первых представителей новой социальной истории охарактеризовал сведения этих источников как результат искусственного перенесения их авторами римских политических и мировоззренческих реалий на древнегерманское общество⁵²². Первостепенное значение, по мнению В. Шлезингера, следует уделять данным археологии⁵²³. В современной историографии эта точка зрения на сегодняшний момент прочно утвердилась⁵²⁴.

Впервые властные институты германцев Цезарь упоминает в связи с ежегодными переделами пашенной земли (глава 22), реальность существования которых стало предметом дискуссии среди историков⁵²⁵. Тем не менее, именно в этом фрагменте Цезарь говорит о «властях и князьях» («magistratus ac principes»), которые и руководят упомянутыми переделами⁵²⁶. Более никаких подробностей об этих институтах германской власти у Цезаря не содержится. Однако уже в следующей главе появляется упоминание о том, что в мирное время в отдельных германских округах творят суд некие «principes»⁵²⁷. В военное же время, по словам Цезаря, германская община выбирает себе в качестве руководства некую власть с правом жизни и смерти («magistratus qui ei bello praesint et vitae necisque habeant potestatem deliguntur»)⁵²⁸. Но далее Цезарь, вероятно, конкретизирует своё утверждение:

⁵²¹ *Энгельс*. К истории древних германцев // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 442-494.

⁵²² *Schlesinger W.* Bauerliche Gemeindebildung in de mittelalbischen Landen in Zeitalter der deutschen Osbewegung // *Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters*. Т. I. Göttingen, 1963. S. 212-274.

⁵²³ *Ibid.* S. 212-274.

⁵²⁴ *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples / Trans. T. Dunlap; *Wolfram H.* Die Germanen. München, 2005; *Simek R.* Die Germanen. Stuttgart, 2006; *Künzl E.* Die Germanen. Stuttgart, 2006.

⁵²⁵ О дискуссии см.: *Гуревич А.Я.* Древние германцы // *Избранные труды*. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С.; Caesar C. Julius. Commentarii de bello Gallica. VI. 22.

⁵²⁶ *Ibid.* VI. 22.

⁵²⁷ *Ibid.* VI. 23.

⁵²⁸ *Ibid.* VI. 23.

накануне военного набега на народном собрании кто-то из князей («*quis ex principibus*») предлагает себя в вожди («*dixit se ducem fore*»), те, кто сочувствуют предприятию и личности вождя, поднимаются и с одобрения большинства обещают свою помощь⁵²⁹.

Несмотря на скупость эти сообщений очевидна военная сущность тех «магистратов» древнегерманского общества, которые можно считать институтами единоличной власти. Из сообщения Цезаря мы узнаём о *principes* (это слово можно перевести как «старейшины»⁵³⁰ или же «предводители»⁵³¹), которые могут предлагать себя в качестве военных руководителей племени – вождей (*duces*). Подробности властных структур у германцев I в. до н.э. и, тем более, их представления о власти, остаются за рамками повествования Цезаря.

Гораздо более подробный экскурс в германское общество, с куда более детальным рассказом о власти у германцев, сделал сенатор и историк Публий Корнелий Тацит⁵³² в книге «О происхождении и местоположении германцев» («*De origine et situ Germanorum liber*»)⁵³³, написанной в 98 году⁵³⁴.

Согласно сообщениям Тацита, у германцев обладали властью сразу несколько институтов: народное собрание («*consilium*»)⁵³⁵, жрецы

⁵²⁹ Ibid. VI. 23.

⁵³⁰ Цезарь Г. Юлий. Галльская война // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь; Пер. и коммент. М.М. Покровского. Сочинения / Гай Саллюстий Крисп; Пер., статья и коммент. В.О. Горштейна. М.: Издательство АСТ; Ладомир, 2002. С. 120.

⁵³¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык - Медиа, 2008. С. 617.

⁵³² Tacitus on Boudicca's Revolt // Ancient History Encyclopedia: <http://www.ancient.eu.com/article/100/>

⁵³³ Называемой в русской историографии чаще всего «Германией». Tacite. La Germanie / Texte établi et traduit par J. Perret. Paris, 1949.

⁵³⁴ Tacite // Encyclopedie Larousse: <http://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Tacite/145739>; Об изучении «Германии» в историографии, а также об тенденции Тацита к идеализации германцев подробнее см.: Timpe D. Romano-Germanica: gesammelte Studien zur Germania des Tacitus. Stuttgart; Leipzig, 1995; Schmal S. Tacitus. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2005; Krebs C.B. A Most Dangerous Book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich. New York, 2012.

⁵³⁵ Tacite. La Germanie / Texte établi et traduit par J. Perret. P. 77.

(«sacerdotes»)⁵³⁶, короли («reges»)⁵³⁷ и вожди («duces»)⁵³⁸. Причём, судя по тексту «Германии», их влияние в германском обществе уменьшается именно в таком порядке. Кроме этого, Тацит, как и Цезарь, упоминает *principes* (предводителей, старейшин), обладающих немалым авторитетом у соплеменников. Обсуждение и решение наиболее важных для племени дел происходит на народном собрании, где жрецы следят за тишиной, а выслушиваются сначала король, затем – старейшины, стремящиеся действовать силой убеждения, а не правом приказывать⁵³⁹. Заметим, что именно на народном собрании может быть присуждена смертная казнь за преступления⁵⁴⁰, однако несколькими главами ранее Тацит подчёркивает, что правом наказывать, вплоть до смерти, обладают только жрецы⁵⁴¹. Вероятно, именно они, являясь посредниками между миром земным и потусторонним, имели наивысший авторитет в вопросах жизни и смерти среди всех участников собрания. Что касается королей, то среди всех германских властных лиц их функции наиболее неопределенны; из текста Тацита мы знаем о них лишь следующее: а) германцы выбирали королей по знатности⁵⁴²; б) королей первыми выслушивали на народном собрании; в) короли вместе со жрецами сопровождали колесницу, ведомую конями, выращенными в священных рощах⁵⁴³; г) над некоторыми народами (Тацит упоминает только одно из таких – племя свионов) властвуют цари, обладающие неограниченной властью⁵⁴⁴. Судя по последнему утверждению, власть королей, являвшаяся у большинства племён только частью общей системы управления, у некоторых германских этнических образований значительно усиливалась, приобретая черты верховной власти, близкой к

⁵³⁶ Ibid. P. 74.

⁵³⁷ Ibid. P. 74.

⁵³⁸ Ibid. P. 74.

⁵³⁹ Ibid. P. 77.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 77.

⁵⁴¹ Ibid. P. 74.

⁵⁴² Ibid. P. 74.

⁵⁴³ Однако Тацит замечает, что наряду с королями это могли делать и вожди. Ibid. P. 77.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 85, 98.

монархической. Однако это не даёт нам оснований утверждать, что именно власть короля была вершиной древнегерманской социальной иерархии.

Лишь один институт власти германцев обладал поистине неограниченной властью, фактически монархическими чертами, но только во время войны - это вожди. Избираемые из наиболее доблестных («ex virtute») людей племени, вожди начальствуют над германцами, *«скорее увлекая своим примером и вызывая их восхищение»*⁵⁴⁵. Таким образом, власть вождя целиком и полностью строится на особых личных качествах, особой харизме – *virtu*, которой может обладать даже молодой воин⁵⁴⁶. Ни знатность рода, ни принадлежность к особой социальной касте не делают человека вождём. В непосредственном подчинении вождя находятся члены его отряда – дружины. Дружинники, по словам Тацита, соревнуются между собой, чтобы добиться благоволения вождя, а он, в свою очередь, стремиться сделать дружину *«наиболее многочисленной и самой отважной»*⁵⁴⁷. Вождь, поскольку получает свою власть по доблести, никому не должен уступить в доблести во время боя⁵⁴⁸. Первая же обязанность его товарищей-дружинников – защищать своего вождя: *«...вожди сражаются за победу, дружинники – за своего вождя»*⁵⁴⁹.

Однако какую же роль германский военный предводитель играет во время мира? Может показаться, что весь авторитет вождя вне военной стихии исчезает. Но это не так: уже во времена Тацита вождь передаёт часть своей удачи и доблести через угощения на пиру после боя, где он угощает своих дружинников (что, как замечает Тацит, заменяет им жалованье)⁵⁵⁰. Наиболее подчёркивает авторитет вождя в мирное время, такой, описываемый автором «Германии», обычай: каждый год члены общины в

⁵⁴⁵ «et duces exemplo potius quam imperio, si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt». Ibid. P. 75.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 78.

⁵⁴⁷ «plurimi et acerrimi comites». Ibid. P. 78.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 79.

⁵⁴⁹ «...principes pro victoria pugnant, comites pro principe». Ibid. P. 79.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 80.

качестве дани уважения отдают вождю часть скота или урожая⁵⁵¹. Эту дань вождь использует для своих нужд⁵⁵². То есть, фактически, уже в I в. н.э. население платило вождям особую дань, за счёт которой они существовали в мирное время.

Военная сущность власти вождя, его пиры с дружинниками, где передаётся часть *virtu* вождя, добровольные подати военному предводителю в мирное время – всё это, как мы убедились выше, будет присуще власти не только скандинавских конунгов, но и франкских королей. Несмотря на то, что и сочинения Цезаря и Тацита не являются подлинным источником германских представлений о власти, а лишь попыткой римских интеллектуалов, применяя актуальные для них латинские термины и толкования (*magistratus*, *principes*, *rex* и т.п.), разобраться в системе власти незнакомого варварского народа, многие их наблюдения, как мы было отмечено ранее, подтвердились на материале средневековых германских обществ.

Остаётся понять, какие следы оставили социальные реалии, наблюдаемые у древних германцев и скандинавов XI-XIII веков, во Франкском королевстве Меровингов. Их поиск у франков VI-VII веков сразу натолкнётся на проблему следующего свойства: несмотря на то, что, с точки зрения католического Рима Хлодвиг сделал правильный выбор, франки, как до этого германцы, оставались для церкви варварами, невежественными дикарями, чьи нелицеприятные черты должны быть смягчены истинным вероучением⁵⁵³. Как следствие, германский *furor* отталкивал церковных интеллектуалов – авторов исторических текстов и хроник – поэтому проявления как франкскими королями, так и монархами других варварских

⁵⁵¹ Ibid. P. 80.

⁵⁵² Ibid. P. 80.

⁵⁵³ Амвросий Медиоланский (ок. 340-397 гг.) в сочинении «О вере» сравнивал готов с апокалиптическими гогами из «Откровения» Иоанна Богослова, Иероним подчёркивал, что единственное оружие против варварского нашествия – усердия христиан в вере. Сидоний Аполлинарий (ок. 430 – ок. 486 гг.) же откровенно презирал готов. См.: *Клауде Д. История вестготов* / Пер. с нем. С.В. Иванова. С. 77-80.

королевств своего германского начала, чаще всего не становились достоянием латинских текстов. Однако, поскольку «шила в мешке не утаишь», варварские черты франкских королей, унаследованные ими от предков, обитавших в лесах за Рейном, неизбежно «прорывались» а христианской литературе, спорадически и фрагментарно проявлялись в описании конкретных действий франкских монархов.

В «Истории» Григория Турского во многих действиях «нового Константина» Хлодвиг прослеживается германский вождь. Известный эпизод с Суассонской чашей⁵⁵⁴, начиная с работы Ф. Гизо «Исторические

⁵⁵⁴ В переводе В.Д. Савуковой эта история звучит следующим образом: «Однажды франки унесли из какой-то церкви вместе с другими драгоценными вещами, необходимыми для церковной службы, большую чашу удивительной красоты. Но епископ той церкви направил послов к королю с просьбой, если уж церковь не заслуживает возвращения чего-либо другого из ее священной утвари, то по крайней мере пусть возвратят ей хотя бы эту чашу. Король, выслушав послов, сказал им: «Следуйте за нами в Суассон, ведь там должны делить всю военную добычу. И если этот сосуд, который просит епископ, по жребию достанется мне, я выполню его просьбу». По прибытии в Суассон, когда сложили всю грудку добычи посредине, король сказал: «Храбрейшие воины, я прошу вас отдать мне, кроме моей доли, еще и этот сосуд». Разумеется, он говорил об упомянутой чаше. В ответ на эти слова короля те, кто был поразумнее, сказали: «Славный король! Все, что мы здесь видим,— твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!». Как только они произнесли эти слова, один вспыльчивый воин, завистливый и неумный, поднял секиру и с громким возгласом: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию»,— опустил ее на чашу. Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью. Он взял чашу и передал ее епископскому послу, затаив «в душе глубокую обиду». А спустя год Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержат они свое оружие. И когда он обходил ряды воинов, он подошел к тому, кто ударил [секирой] по чаше и сказал: «Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся». И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне». Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх». См.: Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. С. 48; «Igitur de quadam ecclesia urceum mirae magnitudinis ac pulchritudinis hostes abstulerant, cum reliqua ecclesiastici ministerii ornamenta. Episcopus autem ecclesiae illius missus ad regem dirigit, poscens, ut, si aliud de sacris vasis recipere non meretur, saltem vel urceum a ecclesia sua reciperet. Haec audiens rex, ait nuntio: «Sequere nos usque Sexonas, quia ibi cuncta que acquisita sunt dividenda erunt. Cumque mihi vas illud sors dederit, quae papa poscit, adimpleam». Dehinc adveniens Sexonas, cunctum onus praedae in medio positum, ait rex: «Rogo vos, o fortissimi proelatores, ut saltem mihi vas istud» - hoc enim de urceo supra memorato dicebat, - «extra partem concidere non abnuatis». Haec regi dicente, illi quorum erat mens sanior aiunt: «Omnia, gloriose rex, quae cernimus, tua sunt, sed et nos ipsi tuo sumus dominio subiugati. Nunc quod tibi bene placitum videtur facito; nullus enim potestati tuae resistere valet». Cum haec ita

рассказы», стал интерпретироваться как усиление власти Хлодвига, его превращение из дружинного вождя в короля⁵⁵⁵. Однако, после того как Ф. Гансхоф подверг такую интерпретацию сомнению⁵⁵⁶, современные историки не склонны толковать этот фрагмент книги Григория подобным образом, настаивая на том, что эпизод с чашей является не более чем пересказом известной Турскому епископу устной традиции⁵⁵⁷. Так или иначе, очевидно одно: делёж добычи между дружинником, устроенный Хлодвигом после победы над Сиагрием⁵⁵⁸, соответствует древнегерманской традиции.

Коварно расправившись со своим родичем королём Сигибертом⁵⁵⁹, Хлодвиг становится во главе его владений: воины после одобрительных

dixissent, unus levis, invidus ac facilis, cum voce magna elevatam bipennem urceo inpulit, dicens: «Nihil hinc accipies, nisi quae tibi sors vera largitur». Ad haec obstupefactis omnibus, rex iniuriam suam patientiae lenitate coercuit, acceptumque urceum nuntio ecclesiastico reddidit, servans abditum sub pectore vulnus. Transacto vero anno, iussit omnem cum armorum apparatu advenire falangam, ostensuram in campo Marcio horum armorum nitorem. Verum ubi cunctus circuire diliberat, venit ad urcei percussorem; cui ait: «Nullus tam inculta ut tu detulit arma; nam neque tibi hasta neque gladius neque securis est utilis». Et adpraehensam securem eius terrae deiecit. At ille cum paulolum inclinatus fuisset ad collegendum, rex, elevatis manibus, securem suam capite eius defixit. «Sic», inquit, «tu Sexonas in urceo illo fecisti». Quo mortuo, reliquos abscedere iubet, magnum sibi per hanc causam timorem statuens». Ibid. II. 27.

⁵⁵⁵ Guizaut F. Recits historique. Bielefeld, 1897. V. 1. P. 72.

⁵⁵⁶ Ganshof F. Een historicus. P. 11.

⁵⁵⁷ Lebecq S. Les origines franques: Ve – IXe siècle. Paris, 1990; Старостин Д.Н. Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. С. 49-50.

⁵⁵⁸ Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X. II. 27.

⁵⁵⁹ «Когда же король Хлодвиг находился в Париже, он тайно отправил посла к сыну Сигиберта со словами: «Вот твой отец состарился, у него болящая нога, и он хромот. Если бы он умер, то тебе по праву досталось бы вместе с нашей дружбой и его королевство». Тот, обуреваемый жадностью, задумал убить отца. Однажды Сигиберт покинул город Кёльн и переправился через Рейн, чтобы погулять в Буконском лесу. В полдень он заснул в своем шатре. Сын же, чтобы завладеть его королевством, подослал к нему убийц и приказал там его убить, но по воле божией сам «попал в яму», которую он вырыл с враждебной целью отцу. А именно: он послал к королю Хлодвигу послов с извещением о смерти отца, сообщая: «Мой отец умер, и его богатство и королевство у меня в руках. Присылай ко мне своих людей, и я тебе охотно перешлю из сокровищ Сигиберта то, что им понравится». И Хлодвиг сказал: «Благодарю тебя за твое доброе пожелание, но я прошу тебя только показать моим людям, которые придут к тебе, сокровища, а затем сам владей всем». Когда люди Хлодвига прибыли, он им открыл кладовую отца. Во время осмотра различных драгоценностей он им сказал: «В этом сундучке обычно мой отец хранил золотые деньги». В ответ на это они ему предложили: «Опусти до дна руку, — сказали они, — и все перебери». Когда он это сделал и сильно наклонился, то один из них поднял секиру и рассек ему череп. Так недостойного сына постигла такая же участь, какую он уготовил своему отцу». См.: Григорий Турский. История франков / Пер. с лат.

криков, сопровождающихся ударами по щитам, поднимают Хлодвиг на круглом щите делают «его над собой королём»⁵⁶⁰. Перед нами, безусловно, германский ритуал провозглашения человека королём. Ещё не раз Хлодвиг проявит себя как германский предводитель: будет посылать своим родственникам золото в виде браслетов и перевязей, подчёркивать (правда, не без лицемерия⁵⁶¹), что унижать свой род постыдным поведением и убивать своих родственников – неприемлемо⁵⁶². В дополнение к сказанному заметим, что Фредегар, как и другие хронисты, часто выделяли у франкских королей и майордомов качества, созвучные, германским представлениям о доблести⁵⁶³.

В.Д. Савуковой. С. 57; «Cum autem Chlodovechus rex apud Parisius moraretur, misit clam ad filium Sigyberthi, dicens: «Ecce! pater tuus senuit et pededibile claudicat. Si illi», inquit, «moreretur, recte tibi cum amicitia nostra regnum illius reddebatur». Qua ille cupiditate seductus, patrem molitur occidere. Cumque ille egressus de Colonia civitate, transacto Rheno, per Buconiam silvam ambulare disponderet, meridia in tenturia sua obdormiens, inmissis super eum filius percussoribus eum ibidem interfecit, tamquam regnum illius possessurus. Sed iudicio Dei in foveam, quam patri hostiliter fodit, incessit. Misit igitur nuntius ad Chlodovechum regem de patris obito nuntiantes atque dicentes: «Pater meus mortuos est, et ego thesaurus cum regnum eius paenes me habeo. Dirige tuos ad me, et ea quae tibi de thesauris illius placent bona voluntate transmittam». Et illi: «Gratias», inquit, «tuaе voluntate ago et rogo, ut venientibus nostris patefacias, cuncta ipse deinceps possessurus». Quibus venientibus iste patris thesauros pandit. Qui dum diversa respicerent, ait: «In hanc arcellolam solitus erat pater meus numismata auri congerere». - «Inmitte», inquiunt illi, «manum tuam usque ad fundum et cuncta reppereas». Quod cum fecisset et esset valde declinus, unus elevata manu bipinnem cerebrum eius inlisisit, et sic quae in patre egerat indignus incurrit». Ibid. II. 40.

⁵⁶⁰ «...eum clypeo evectum super se regem constituunt». Ibid. II. 41.

⁵⁶¹ Сетуя на своё одиночество, Хлодвиг, по словам Григория, стремился таким образом разузнать, не осталось ли в живых какие-нибудь его родственники – конкуренты в борьбе за власти – чтобы он мог найти их и истребить также, как и ветвь Сигиберта. Ibid. II. 42.

⁵⁶² Ibid. II. 40, 42.

⁵⁶³ См., напр.: *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus* // SS ger. Merov. S. 130; Фредегар. Хроника / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frame-text.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV. 24. «Anno 8 regni Theuderici de concubina nascitur ei filius, nomine Childebertus, et synodus Cabillono colligitur. Desiderium Viennensem episcopum dejiciunt, et instigante Aridio, Lugdunensi episcopo, et Brunichilde, subrogatus est loco ipsius sacerdotali officio Domnolus; Desiderius vero in insulam quamdam exilio retruditur. Eo anno sol obscuratus est. Eo quoque tempore Berthoaldus, genere Francus, major domus palatii erat Theuderici, moribus mensuratus, sapiens, et cautus in praelio fortis, fidem cum omnibus servans»; «В Шалоне собрался синод, который, под давлением епископа Аридия Лионского и Брунхильды, низложил Дезидерия с престола епископа Вьеннского. Престол был отдан Домнолу, Дезидерий был изгнан на остров. В этом году произошло затмение солнца, и оно случилось тогда, когда *Бертоальд, франк по рождению, был майордомом Теудериха. Он был человеком новых веяний, чувствительный и внимательный, но на войне храбрый и всегда верный своему слову*».

Таким образом, несмотря на свою службу церковной доктрине, христианской концепции власти, латинские сочинения, написанные клириками, не смогли полностью заретушировать германское начало практики власти франкских королей. Действия, связанные с обычаями, отдельные поступки и высказывания Хлодвиг и его потомков выдавали в Меровингах потомков древних германских вождей.

Лишь один источник периода раннего Средневековья, не относящийся, правда, к Франкскому королевству, высветил германский идеал вождя в практически неизменном виде – уже упомянутая нами поэма «Беовульф» (первая половина VIII в.)⁵⁶⁴. Предупреждая возможные замечания о правомерности использования материала этой англосаксонской поэмы при рассмотрении образа власти в королевстве Меровингов, заметим, что даже если поэма, как полагает К. Кирнан, была написана уже после VIII века⁵⁶⁵, стадия развития англосаксонского общества IX-XI веков вполне сопоставима с той стадией социально-политического и экономического развития, на которой находились франки в VI-VII веках⁵⁶⁶.

Качества, присущие образцовому вождю, мы можем узнать из разных фрагментов поэмы: рассказах о доблестях Беовульфа, авторских характеристиках идеального конунга, поступков героев-вождей. Уже в самом начале эпоса мы можем найти качества, какими должен обладать вождь: знатностью, умением «добром и дарами» приобрести дружбу дружины, стремлением снискать славу в народе⁵⁶⁷. Причём идеальная слава для вождя –

⁵⁶⁴ Подробнее см.: Hube H.-J. Beowulf: das angelsächsische Heldenepos; neue Prosaübersetzung, Originaltext, versgetreue Stabreimfassung. Wiesbaden: Marixverlag, 2005; Carruthers L. Rewriting Genres: «Beowulf» as Epic Romance // Palimpsests and the Literary Imagination of Medieval England / Ed. L. Carruthers, R. Chai-Elsholz, T. Silec. New York, 2011. P. 139–155; Neidorf L. The Dating of Beowulf: A Reassessment. Cambridge, 2014.

⁵⁶⁵ Исследователь считает, что поэма была составлена в XI веке. См.: Kiernan K. Beowulf and the Beowulf Manuscript. An Arbor, 1996.

⁵⁶⁶ См., напр.: Левицкий А.Я. Англия до середины XI в. // История Средних веков. Т. 1 / Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. М., 1952. С. 182-192; Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.

⁵⁶⁷ Беовульф / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. С. 6.

это слава, выходящая за пределы страны, слава, благодаря которой вождь становится «всеземнознатным»⁵⁶⁸.

В отношениях со своей дружиной вождь должен быть идеально щедрым: раздавать боевым товарищам «всё, чем богат»⁵⁶⁹. Особенно часто встречается в поэме раздача вождём золотых колец на пиру⁵⁷⁰, отчего автор часто называет вождя «кольцедарителем»⁵⁷¹. Всё это, как уже указывалось, является частью древней германской традиции, сохранявшей свою силу в период написания «Беовульфа». В соответствии с особенностями жанра⁵⁷², автор стремится конкретизировать, что вождь раздаёт своим дружинникам: кроме колец называются «пластины из золота»⁵⁷³, «камень»⁵⁷⁴, «ратные сбруи»⁵⁷⁵, шлемы⁵⁷⁶, кольчуги⁵⁷⁷ и «наряды сечи»⁵⁷⁸. Всё это добавляет ярких красок к портрету образцового конунга. Но Беовульф не только вручает подарки дружинникам, но и не боится перед самым походом в страну данов дать клятву победить или погибнуть⁵⁷⁹.

Характеризуя вождя, автор поэмы активно используются метафорические обороты – кеннинги⁵⁸⁰: «кольцедаритель», «ратеначальник»⁵⁸¹, «народоправитель»⁵⁸², «всеземнознатный вождь», «хранитель державы»⁵⁸³, «щедросердый вождь»⁵⁸⁴, «вождь державный»⁵⁸⁵,

⁵⁶⁸ Там же. С. 42.

⁵⁶⁹ Там же. С. 8.

⁵⁷⁰ Там же. С. 8-9, 55.

⁵⁷¹ Там же. С. 13, 33.

⁵⁷² Внимание к деталям, конкретика и предметность характерны для эпоса как жанра. См.: *Айхенвальд Ю.* Эпос // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х тт. / Под ред. Н. Бродского и др. М.; Л., 1925 // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (27.06.2015)

⁵⁷³ Беовульф / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. С. 55.

⁵⁷⁴ Там же. С. 55.

⁵⁷⁵ Там же. С. 137.

⁵⁷⁶ Там же. С. 137.

⁵⁷⁷ Там же. С. 137.

⁵⁷⁸ Там же. С. 137.

⁵⁷⁹ Там же. С. 34.

⁵⁸⁰ *Гуревич А.Я.* Викинги // Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. С. 166.

⁵⁸¹ Беовульф / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. С. 14.

⁵⁸² Там же. С. 21.

⁵⁸³ Там же. С. 96.

«дружиноводитель»⁵⁸⁶, «владычный старец»⁵⁸⁷. Показательно, что среди этих эпитетов встречаются такие как «народоправитель» и «хранитель державы», означающие, что в раннее Средневековье вождь уже не являлся частью родоплеменной структуры власти, а возвышался над остальным германским обществом в качестве верховного правителя. Характерно, что в «Беовульфе» нет ни слова ни о народном собрании, ни о каких-либо других институтах власти: это означает, что с I по VIII века можно говорить об усилении монархического начала в тех обществах, которые стали результатом эволюции общества древнегерманского.

Под стать вождю должна быть и дружина: все те черты дружинника, которые можно встретить у Тацита, есть и в «Беовульфе»: нормой поведения дружинника является стремление сражаться за вождя в любой ситуации⁵⁸⁸. Когда же этого не происходит, дружина немедленно покрывается позором: сын Беовульфа Виглаф стыдит дружинников отца, вернувшихся из последнего боя вождя живыми⁵⁸⁹. Более того: Виглаф грозит дружинникам утратой их земельных наделов, когда весть об их трусости достигнет соседних стран⁵⁹⁰. Это позволяет нам утверждать, что германская модель отношений между вождём и дружинниками сохраняла свою актуальность и в англосаксонском обществе раннего Средневековья.

Ритуалы власти, встречающиеся в поэме, также выдают их германское, языческое происхождение: это и вручение супругой конунга «пенной чаши» главному гостю во время пира⁵⁹¹, и погребение праха

⁵⁸⁴ Там же. С. 96.

⁵⁸⁵ Там же. С. 129.

⁵⁸⁶ Там же. С. 136.

⁵⁸⁷ Там же. С. 142.

⁵⁸⁸ Там же. С. 42, 63.

⁵⁸⁹ Там же. С. 137.

⁵⁹⁰ Там же. С. 138.

⁵⁹¹ Там же. С. 33. Обычаем германской дружины, с акцентом как раз на ритуал поднесения чаши, посвящена книга М. Энрайта «Женщина и чаша мёда». В ней историк, на примере описания подобного обычая в «Беовульфе», доказывает, что данная практика сообщала жене конунга особую роль: актом поднесения чаши хозяину дома, а затем всем сидящим за столом, супруга вождя связывала семью вождя с другими знатными семьями узамы сакральной дружбы. См.: *Enright M. The Lady and the Mead Cup*. P. 1-37.

Беовульфа в насыпанном кургане, вместе с военными трофеями последней битвы⁵⁹². Таким образом, даже учитывая присутствие в поэме значительного пласта христианских представлений о судьбе и власти⁵⁹³, в своей основе она основана на германских представлениях о мире и власти. Поэтому, несмотря на всё укрепляющееся господство христианства в духовной сфере европейского общества раннего Средневековья, поэма «Беовульф» донесла до нас концепцию власти, бытовавшую в умах тех, кто создавал первые средневековые королевства – варваров-германцев.

Не избегнув сложностей, связанных с особенностями источников, повествующих о германском толковании верховной власти, историк всё же способен выделить германское начало в практике власти раннесредневековой монархии.

Создателями этой политической структуры стали потомки древних германцев – франки, готы и англосаксы, поэтому изучение германской концепции власти, пусть и отражённой лишь в сочинениях римских язычников и христианских авторов, идейно этой концепции чуждых, помогает правильно понять многие черты монархии Меровингов.

Несмотря на отчуждённость римских интеллектуалов рубежа эр от непонятной им германской реальности, вопреки агрессивному, нигилистическому отношению христианских авторов к варварской *furore*, германские представления о власти сумели «вынырнуть» на поверхность моря христианской политической теологии раннего Средневековья. Находясь в тени христианской парадигмы власти, германское начало непрерывно

⁵⁹² Беовульф / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. С. 150-151.

⁵⁹³ Свой поединок с Гренделем Беовульф рассматривает как осуществление Божьего суда. Там же. С. 37. Сам «жизнекрушитель» представлен в духе христианской демонологии – как «адский выходец». Там же. С. 41. Кроме того, в поэме встречается идея, согласно которой именно христианский Бог, «Судеб Владыка», «Повелитель времени» (Там же. С. 79) наделяет «людей // властью и мудростью», «ставит сильного // над дружиной, // над селеньями // и над землями», «ибо целый мир под пятой у него». Там же. С. 84-85.

присутствовало в практике власти раннесредневековых королей, чтобы остаться в наследство новой династии Франкской державы.

2.3. Перспективы рецепции римского образа власти

Из всех трёх элементов раннесредневековой концепции власти элемент римско-античный имеет наиболее давние и прочные культурные корни, которые уходят далеко в историю республиканского Рима, времена, имевшие место задолго до Рождества Христова. Но, одновременно, римский элемент образа власти является и наименее распространённым в литературе поздней античности и ранних Средних веков. Подобное противоречие имеет причины, схожие с теми, которые отодвинули в тень германский компонент власти раннего Средневековья.

Во-первых, римские представления о власти целиком и полностью были построены на старых республиканских добродетелях и мировоззрении, обильно положенных на почву римского язычества. Устройство античного полиса предполагало взаимосвязанность всех сторон жизни римской общины - *civitas* – и это означало, что римская система ценностей будет определять как модели политического действия в римском обществе, так и образ правителя⁵⁹⁴. Поэтому для идеологов христианской империи Константина всё, что было связано с гражданскими доблестями старого Рима, ассоциировалось с язычеством, каиновой эпохой кровопролития - братоубийственного возвышения разбойничьей Римской державы, гонениями на христиан и т.д. К тому же реалии правления многих императоров продемонстрировали всю беспринципность и глубину попрания старых республиканских идеалов: систематические убийства людей, чем-то не угадивших власти принцепса, и постыдное поругание старых святынь во

⁵⁹⁴ Дементьева В.В. Римская *civitas* времён республиканской эпохи / Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 169.

времена Нерона (54-68 гг.) стало темой одного из жизнеописаний Гая Светония Транквилла (ок. 70 – ок. 170 гг.)⁵⁹⁵.

Во-вторых, в V-VII веках замерла сама латино-римская интеллектуальная культура: утрата старого латинского языка, традиций римской античной литературы сделали невозможным отражение в текстах концепции власти с помощью старых приёмов и методов, унаследованных от древнеримских исторических сочинений и политических трактатов. Таким образом, к началу Средних веков античное понимание власти не только не имело социально-политической почвы в виде римского общества и государства, но и лишилось своих носителей – римских интеллектуалов со светским мышлением. На многие века монополию на знание и создание текстов получила чуждая патриотизму римской гражданской общины христианская церковь.

Для того, чтобы поднять на поверхность римский гражданский этос и образ власти, понадобилось усилие книжников «каролингского ренессанса». Однако в этой связи необходимо отметить крайне важный нюанс: римский элемент образа власти мог воплощаться в Каролингскую эпоху в двух основных вариантах: 1) как образ римского императора, преемника Цезаря и Августа, который наиболее часто встречался в материальной культуре и системе знаков, а также воплотился, хотя и с рядом особенностей, у Эйнхарда⁵⁹⁶; 2) как совокупность литературных приёмов, используемых франкскими историками и анналистами с целью описания королей династии Каролингов в качестве правителей, наделённых античными добродетелями и в политической практике следующих древнеримским образцам. Именно последней вариации римского элемента образа власти будет уделено

⁵⁹⁵ Suetonius C. Tranquillus, De vita Caesarum libri VIII // Suetoni Tranquilli Opera I. De Vita Caesarum / Ed. Maximilian Ihm, Leipzig 1908: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lspost02/Suetonius/sue_vc00.html

⁵⁹⁶ Подробнее см.: Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 414, 416, 422; Haripzanov I.H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). P. 182-194, 286-305; Ganz D. Einhard's Charlemagne: the characterization of greatness // Charlemagne. Empire and society. P. 38-51.

основное внимание в последующих главах. Поэтому в рамках данной части исследования целесообразно сделать акценты именно на добродетелях и политической этике античного Рима, а не на аспектах власти принцепса как таковой. Вместе с тем, нельзя не отметить, что восходящая к трудам Т. Моммзена точка зрения о сущностном противоречии Республики и принципата и определения последнего как монархии, просуществовавшей до конца III века⁵⁹⁷ на сегодняшний день уже пересмотрена историками⁵⁹⁸. Поэтому сведения о рецепции системой принципата традиционных римских добродетелей, собранные в статье А.Б. Егорова⁵⁹⁹, становятся очень важными в контексте конструирования каролингскими авторами римско-античной концепции правителя.

До начала эпохи Средневековья римские представления о власти прошли долгий путь эволюции. Набожность (*pietas*), верность (*fides*), серьёзность (*gravitas*) и твёрдость (*constantia*) – четыре качества римского гражданина и политического лидера, рождённые полисным патриотизмом Античности⁶⁰⁰, стали основой римской политической идеологии вплоть до окончания эпохи принципата⁶⁰¹. Эпоха гражданских войн конца I века до н.э.

⁵⁹⁷ *Mommsen Th.* Romische Staatsrecht. Bd. II. Leipzig, 1887. S. 747, 840, 872-873.

⁵⁹⁸ А фон Премерштейн предпочёл рассматривать принципат как систему патроната-клиентеллы, определяя её как «диархию», а не монархический или республиканский институт. Р. Сайм рассматривал принципат как неограниченную власть, опирающуюся на новую олигархию, пришедшую на смену республиканской в результате «римской революции» конца I в. до н.э. Компромиссную позицию занял Л. Викерт, предложив рассматривать принципат как структуру, не укладывающуюся в раки республики или же монархии. См.: *Premmerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Munchen, 1937. S. 22-32; *Syme R.* The Roman revolution. Oxford, 1939; *Wickert L.* Neue Forschungen zur romische Prinzipatus // ANRW. Bd. II. T. 1. New-York, Berlin, 1974. S. 1-76. Позиция Л. Викерта в общем и целом разделяется в новейшей историографии вопроса. См.: *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009; *Börm H., Havener W.* Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der „Übertragung“ der res publica // *Historia*. 2012. №61. P. 202–220.

⁵⁹⁹ *Егоров А.Б.* Добродетели щита Августа // *Античный мир. Проблемы истории и культуры*. СПб., 1998. С. 280-293.

⁶⁰⁰ *Перфилова Т.Б., Сидло О.А.* Место образованности в аксиологической шкале римлян эпохи принципата (по произведениям сатириков I - II вв.) // *Ярославский педагогический вестник* №1-2. 2004: http://vestnik.yspu.org/?page=2004_1_2

⁶⁰¹ *Vliet E. van der.* Polis. The Problem of Statehood. In: *Social Evolution & History*. 2005. Bd. S. 120–150; *Wiesehöfer J.* Die altorientalische Stadt – Vorbild für die griechische

и крушение всех основ Республики не привели, как это случилось позже с приходом христианства⁶⁰², к угасанию республиканских политических традиций и идеалов.

Гай Юлий Цезарь Октавиан (30 г. до н.э. – 14 н.э.), заинтересованный в собственной легитимации, стремился представить своё правление как восстановление и сохранение республиканских традиций. На щите, преподнесённом ему Сенатом, были обозначены четыре основополагающих добродетели, которым должен обладать идеальный правитель: *virtus* – военная доблесть лидера, помогающая обуздать хаоса внутренних войн, *clementia* – милость принцепса (в том числе и к побеждённым врагам и народам), устанавливающая мир после окончания войн, *justitia* – справедливость, обеспечивающая спокойствие и порядок общества во времена мира, и, наконец, *pietas* – набожность правителя, обеспечивающая Римской империи покровительства древних римских богов, делающая принцепса исполнителем их воли⁶⁰³. Оставшийся неизменным при Тиберии (14-27 гг.)⁶⁰⁴, при новых императорах сложившийся канон образа императора претерпевал изменения в зависимости от меняющихся социально-политических условий⁶⁰⁵.

При Юлиях-Клавдиях (27-68 гг.) вследствие растущего произвола императорской власти на второй план отошла *justitia* – справедливость и законность, в то время как *clementia* и, ещё более, «милостивая

Bürgergemeinde (Polis)? // *Die Urbanisierung Europas von der Antike bis in die Moderne* / Hrsg. G. Fouquet, G. Zeilinger. Frankfurt am Main: Lang, 2009. S. 43–61.

⁶⁰² *Brown P.R.L.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin press, 1992; *Mitchell S.* A history of the later Roman Empire, AD 284-641: the transformation of the ancient world. Oxford, 2007.

⁶⁰³ *Егоров А.Б.* Добродетели щита Августа // *Античный мир. Проблемы истории и культуры*. С. 282-288.

⁶⁰⁴ Там же. 288.

⁶⁰⁵ О репрезентации власти римских императоров вообще см.: *Alfoldi G., Panciera S.* *Inscriptliche Denkmäler als Medien der Selbstdarstellung in der römischen Welt*. Stuttgart, 2001. 229 S.

справедливость» - *aequitas* – вышли на первый план⁶⁰⁶. Эти качества принцепса подразумевали, что благополучие государства должно рассматриваться как результат императорской воли⁶⁰⁷, что, безусловно, говорило о росте монархических тенденций в Римской державе.

При Флавиях (69-96 гг.) эти тенденции ещё более усиливаются: в правление Домициана (81-96 гг.) начинается рост традиции *pietas*⁶⁰⁸, которая достигает своего расцвета в эпоху Антонинов (96-192 гг.). Войны Траяна (98-117 гг.) и Марка Аврелия (161-180 гг.) актуализируют военные понятия, главным из которых становится храбрость – *fortitudo*⁶⁰⁹. Окончание расширения Римской империи и переход к обороне её границ приводят к смещению акцентов на *pietas*⁶¹⁰, которая становится настоящей основой монархии римских императоров. В лице Антонина Пия (138-161 гг.) новое римское толкование власти находит одного из лучших представителей. Антонин мягок со своими подданными, почтительно относится к Сенату, верен делу своего предшественника Адриана (117-138 гг.), политику которого собирается продолжать⁶¹¹. Причины доминирования на этом этапе именно *pietas* отечественный исследователь принципата А.Б. Егоров оценивает так: установление мира между императором и сенатом при Домициане и Антонинах, «гармония» в обществе способствовали укреплению монархических начал в Римской империи. Поэтому *pietas* призвана выразить эту обстановку внутреннего мира, обеспечиваемого властью императора⁶¹².

⁶⁰⁶ Кроме этого, при Юлиях-Клавдиях культивируются доблести времён гражданских войн (*libertas*, *Concordia*, *paх*, *securitas*), а также элементы военной этики (например, *victoria*).

⁶⁰⁷ Там же. С. 288.

⁶⁰⁸ Там же. С. 290. Помимо *pietas* при Домициане стала культивироваться *felicitas* – благоволение богов к правителю. Также при Флавиях были распространённые такие понятия как *concordia* и *fides*. Там же С. 290.

⁶⁰⁹ Там же. С. 290.

⁶¹⁰ Там же. С. 291-292.

⁶¹¹ Там же. С. 291.

⁶¹² Там же. С. 291.

Дальнейшее развитие античной концепции императорской властью – это тенденция к её обожествлению, к приданию лицу императора сверхчеловеческих черт. Усиление значения *clementia*, появление качества под названием *providentia*– «предвидения», помогающего богоравному принцепсу предвидеть события, закономерно приводят к распространению совершенных эпитетов по отношению к императорской властью, вершиной которой является формула «*Iuppiter Optimus Maximus*», приравнивающая императора к верховному римскому Богу Юпитеру⁶¹³. Следствие этого – принятие Аврелианом (270-275 гг.) титула «*deus*», а Диоклетианом – «*Jovis*» – сын Юпитера⁶¹⁴ – ознаменовали собой завершение сакрализации, пока ещё в языческом варианте, императорской власти.

Большинство из указанных добродетелей правителя отразились в римской литературе, в частности, в сочинениях римских историков⁶¹⁵. Например, у Саллюстия, ставшего позже эталоном образцового историографа для каролингских писателей, идеальный правитель непременно находится в противостоянии с пороками современной ему эпохи, которые персонифицируются в худших людях своего времени. Римский историк заговорщику Катилине (ок. 108 – 62 гг. до н.э.) противопоставил двух главных, по его мнению, вождей римского народа: Гая Юлия Цезаря и Марка Порция Катона (95-46 гг. до н.э.). Характерно, как он описывает их добродетели: *«...на моей памяти выдающейся доблестью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа - Марк Катон и Гай Цезарь. Так как в своем повествовании я столкнулся с ними, то я решил не умалчивать о них, но, насколько позволят мои способности, описать натуру и нравы каждого из них. Итак, их происхождение, возраст, красноречие*

⁶¹³ Там же. С. 291-292.

⁶¹⁴ Там же. С. 292.

⁶¹⁵ См., напр.: Cornelius Tacitus. *Annales ab excessu divi Augusti* / Ed. C.D. Fisher [Электронный ресурс]. Oxford: Clarendon Press, 1906. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi005> (дата обращения: 26.03.2015); Titus Livius. *Ab Urbe Condita* // Perseus Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi0914.phi001> (дата обращения: 25.04.2015).

были почти равны; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого - по-своему. Цезаря за его благодеяния и щедрость считали великим, за безупречную жизнь - Катона. Первый прославился мягкосердечием и милосердием, второму придавала достоинства его строгость. Цезарь достиг славы, одаривая, помогая, прощая, Катон - не надея на ничем. Один был прибежищем для несчастных, другой - погибелью для дурных. Первого восхваляли за его снисходительность, второго - за его твердость...»⁶¹⁶. Обладая равными по силе качествами, Цезарь и Катон в сочинении Саллюстия становятся носителями типических, идеальных черт, которые, согласно римской концепции власти, должны быть присущи любому достойному правителю.

Таким образом, идеологическому оформлению римско-античной языческой концепции власти способствовало множество факторов: сохранение, благодаря гибкости первых принцепсов, преемственности между республиканской и имперской политическими традициями, прочные политические основания императорской монархии I-III веков, наличие мощной интеллектуальной элиты, способной зафиксировать в текстах идеал власти. Однако духовный кризис римского общества, натиск варваров и победа христианства выбили почву из-под римской концепции власти, и,

⁶¹⁶ «sed memoria mea ingenti virtute, divorsis moribus fuere viri duo, M. Cato et C. Caesar. quos quoniam res obtulerat, silentio praeterire non fuit consilium, quin utriusque naturam et mores, quantum ingenio possum, aperirem. [1] Igitur iis genus, aetas, eloquentia prope aequalia fuere, magnitudo animi par, item gloria, sed alia alii. [2] Caesar beneficiis ac munificentia magnus habebatur, integritate vitae Cato. ille mansuetudine et misericordia clarus factus, huic severitas dignitatem addiderat. [3] Caesar dando, sublevando, ignoscendo, Cato nihil largiundo gloriam adeptus est. in altero miseris perfugium erat, in altero malis pernicies. illius facilitas, huius constantia laudabatur. [4] postremo Caesar in animum induxerat laborare, vigilare; negotiis amicorum intentus sua neglegere, nihil denegare, quod dono dignum esset; sibi magnum imperium, exercitum, bellum novum exoptabat, ubi virtus enitescere posset. [5] at Catoni studium modestiae, decoris, sed maxime severitatis erat; [6] non divitiis cum divite neque factione cum factioso, sed cum strenuo virtute, cum modesto pudore, cum innocente abstinentia certabat; esse quam videri bonus malebat: ita, quo minus petebat gloriam, eo magis illum adsequebatur». C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. München, 1969. Cap. 54. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015); Использован перевод В. Горнштейна. См.: Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер. с лат. В. Горнштейна. М., 2007. С. 602.

начиная с поздней Античности, она более не прослеживается в литературе, уступая места торжествующей христианской парадигме с образом Константина во главе угла.

Пройдя длинный путь и продемонстрировав невиданную живучесть, римский потестарный концепт не выдержал конкуренции с христианским толкованием власти, на стороне которого, начиная с IV века, эта самая власть и находилась. По сути, поскольку центральный объект концепции – власть императора – подвергся христианизации, римско-античный образ власти трансформировался в христианский, вернее, был поглощён последним. Все успехи языческого обожествления и оправдания господства императорской власти пошли уже в «копилку» христианской империи Константина и его преемников, а античные доблести принцепсов подверглись христианизации и были адаптированы к новым реалиям. Кроме этого, с наступлением Средневековья, в пору господства «пороссячьей латыни» античные традиции литературного изображения власти, создания образа правителя были забыты, и римский образ власти, как и германский, оказался в тени доминирующей парадигмы - христианской. Однако, в отличие от германского начала, античное толкование власти, не имело под собой никакого практического основания, вследствие чего его рецепция была затруднена в раннее Средневековье и началась только тогда, когда каролингские книжники, в поисках способов легитимации власти преемников Карла Великого, обратились к наследию древнеримской литературы.

2.4. Выводы

Все три элемента каролингской концепции власти – христианский, германский и античный - ещё до восшествия на престол Пипина Короткого прошли длительный процесс генезиса и трансформации. Начиная от времени рубежа эр и первых веков от Рождества Христова, когда оформлялись римская и христианская концепция власти и кончая Великим переселением народов, когда сложились германские представления о единоличной власти,

эти элементы, эти толкования, отличные друг от друга по содержанию, форме, духовным и социально-политическим условиям, в которых они складывались, развивались, в общем и целом, независимо, изолированно друг от друга. В IV веке христианская революция Константина привела к соприкосновению римского и христианского элементов, во время которого последний поглотил первый, заменив божественность императора священностью его должности.

Концепция христианской Римской империи, в течение века опиравшаяся на успешную практику власти преемников Константина, стала единственным взглядом на светскую власть, распространённым как на западе, так и на востоке римского мира. После падения Империи на Западе христианская церковь во главе с епископом Рима стремилась поставить концепцию христианской империи на службу своим интересам: христианская парадигма власти заявила претензию на господство во всём романо-германском мире.

Вместе с тем, формирование на обломках западной империи германских королевств выдвинуло иное видение власти монарха, основанное на отношениях между вождём и племенем, и однозначно ставящее правившего народом на войне и в мире короля на вершину политической и социальной иерархии раннесредневекового общества. Ярче, чем в остальных варварских королевствах, это видение проявилось у франков.

Однако немедленное вмешательство церкви в жизнь Франкского королевства после крещения Хлодвиг привело к тому, что Меровинги, в соответствии с христианской концепцией власти, стали преемниками христианских императоров. Учитывая универсальный характер христианского мировидения, германское начало франкских правителей должно было быть неизбежно растворено в христианской парадигме власти. Однако франкская литература эпохи Меровингов отразила противоречивый характер власти «христианских королей»: во многих своих действиях (если не в большинстве из них) Хлодвиг и его преемники по-прежнему оставались

франками-варварами. И если германское начало власти вестготских и других варварских королей однозначно отступило перед христианскими потестарными построениями, то реалии франкского общества и видение франкскими королями собственной власти поставили вопрос о синтезе разных концепций власти в раннее Средневековье, задача которого встала в VIII веке перед амбициозной фамилией Пипинидов.

Глава 3. Рождение образа власти эпохи Каролингов (конец VIII – начало IX веков)

Накопленные веками христианские, германские и античные представления о власти не могли не отразиться на политике и идеологии новой королевской династии, которая обрела власть над франкскими землями в 751 году. Начиная с Пипина Короткого, первого Каролинга, обладавшего уже не должностью майордома, а королевским достоинством, новый правящий дом вступает в политический и, самое главное, идеологический союз с главным хранителем христианской концепции власти - Римской церковью. С этого момента монархия Пипина III, а затем и последующих Каролингов выступает в качестве поля для очередного эксперимента христианской церкви: в условиях бессилия дома Меровингов, гибели Вестготского королевства от мечей неверных в 711 году и погружения в ересь (с точки зрения папства) восточных императоров, Каролинги, создают на просторах Европы единственную истинно христианскую державу, следуя, таким образом, по пути Константина и Хлодвига.

Подобный образ франкских монархов создавался представителями церкви - самыми образованными людьми своего времени, которые в анналах и письмах, обращённых к представителям их социальной группы и государям, давали своё видение восхождения Франкского королевства к вершинам христианской славы. Убедительный ответ на вопрос о том, было ли христианское толкование власти доминирующим в пору правления первых Каролингов, даст анализ нарративных источников, из которых наибольший интерес представляет анналистика, представленная в раннекаролингский период двумя памятниками – Хроникой Продолжателей Фредегара и Анналами Королевства франков. Целесообразно также будет обратиться к эпистолярному наследию главного идеолога христианской империи Карла Великого - Алкуина. Кроме этого, первые попытки легитимации особого статуса Каролингов как христианской фамилии были

предприняты лангобардом Павлом Диакonom в «Деяниях мецских епископов».

Однако все эти тексты не были лишь субъективным плодом авторского замысла, а представляли собой интерпретацию знаковых для европейской истории событий. За внешне простой эпопеей создания Франкской империи скрывался сложный и противоречивый процесс создания приемлемой для новой династии модели власти.

3.1. Исторические условия

Как было заявлено автором во введении и показано во второй главе на докарolingском материале, образ власти всегда формируется под влиянием политических и социальных обстоятельств времени, а не наоборот. В связи с этим оправданным представляется бросить беглый взгляд на исторический, политико-социальный фон, сопровождавший создание и укрепление Франкского королевства Каролингов, выделить основные элементы этого фона.

1. Первым важнейшим моментом нового исторического периода в истории франков заключался в возвышении семьи Пипинидов-Арнульфingов, монополизировавшей должность майордомов – управляющих королевскими земельными владениями⁶¹⁷ - и их приходе к власти уже в качестве королей.

Два фактора повлияли на успешное обретение Каролингами короны: а) их обширный земельный фонд, охвативший большую часть Австразии и, таким образом, превзошедший владения не только Меровингов, но и других знатных семейств⁶¹⁸; б) их союз с Римской церковью, заключенный в самый

⁶¹⁷ О майордомах подробнее см.: *Fleckenstein J.* Hausmeier // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 4. München/Zürich, 1989. S. 1974–1975; *Goetz H.-W.* Der fränkische maior domus in der Sicht erzählender Quellen. // *Vielfalt der Geschichte. Lernen, Lehren und Erforschen vergangener Zeiten. Festgabe für Ingrid Heidrich zum 65. Geburtstag* / Hrsg. S. Happ, U. Nonn. Berlin, 2004. S. 11–24.

⁶¹⁸ Подробнее см., напр.: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового государства и права. С. 377; *Спаский А.А.* Лекции по истории западно-европейского Средневековья. С. 138-139; *Schieffer R.* Die Karolinger. Stuttgart, 2006. S. 34-69; *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 65-84; *Ubl K.* Die Karolinger. Herrscher und

нужный момент, в 751 году, накануне свержения майордомом Пипином последнего Меровингского короля. Последний пункт требует более развёрнутого комментария.

Как поясняют многочисленные пересказы этих событий известными историками⁶¹⁹, майордом Пипин Короткий и папа Захарий I крайне нуждались друг в друге: первому, фактическому хозяину Франкского королевства, был необходим королевский титул. Папе же нужна была защита от лангобардского короля, стремившегося поставить понтифика под свой контроль. Поэтому Пипин, поняв благоприятность ситуации, отправил папе послание, в котором просил ответить на вопрос: правильно ли, когда королевским титулом обладает тот, у кого нет реальной власти. Речь шла о безвластном, по мнению дошедших до нас хроник, Меровинге Хильдерике III. Разумеется, папа, теснимый лангобардами, положительно ответил на вопрос майордома, фактически санкционировав этим смещение Хильдерика с трона. После того как Пипин при поддержке вассалов и, вероятно, перешедшего на его сторону двора, заточил Хильдерика в монастырь, предварительно лишив его атрибута сакральности франкских королей – длинных волос, начинается период теснейшего сотрудничества новоиспечённого франкского короля и римского папы: Пипин разбивает лангобардов, затем, в 756 году, дарит уже новому папе Стефану II значительные территории вокруг Рима, в том числе отторгая земли у Византии (Равеннский экзархат). Ещё до этого, Стефан II помазывает на царство двух сыновей Пипина Карла и Карломана. Анналистика эпохи Карла

Reich. München, 2014. S. 20-37. Восходят эти утверждения к сообщению Эйнхарда о нищете Меровингов и земельных богатствах и именитости майордомов-Каролингов. См.: Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 3-4.

⁶¹⁹ Уже историк «третьего сословия» Ф. Гизо обосновывал союз пап с «австразийскими франками» взаимной выгодой сторон, подробно описывая все перипетии этого альянса. Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 2. С. 72-78. Среди современных историков эту тему наиболее полно развил В. Ульманн, настаивая на ведущей роли папства в установлении союза. См.: Ullmann W. History of Political Thought: The Middle Ages. P.; Ullmann W. The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Power. P. 52-74.

Великого, о чём будет подробно рассказано в следующем параграфе, описывала эти события так, будто Пипин с первых же лет правления в качестве короля искренне проникся своей особой ролью защитника Святой Римской церкви, поэтому его сын Карл смиренно и талантливо продолжил дело отца. Эта позиция «перекочевала» в труды крупнейших католических историков церкви, А. Хаука и Й. Лортца, которые подчёркивали естественность союза франков и Рима, чем в немалой степени способствовали теологические разногласия с Византией (на почве иконоборчества) и успешная деятельность уполномоченного Римом «апостола Германии» Винфрида Бонифация по распространения христианства среди германских племён⁶²⁰. Эту позицию, в целом, переняли и французские историки последнего времени, сделав, однако, акцент на стремлении папы заручиться помощью могущественного светского покровителя, который бы смог защищать интересы суверена патримония святого Петра⁶²¹.

Не так давно В. Ульманн высказал точку зрения, что варвар Пипин, скорее всего, плохо представлял, что от него хочет папа римский, и всего лишь решал текущие политические задачи⁶²². В представлениях Пипина, о чьей грамотности нам мало, что известно, и чей род предпочитал решать политические задачи исключительно силой, вряд ли могло свободно ужиться геласианское учение о «двух мечях» и, даже, идея христианской империи Константина⁶²³.

Тем не менее, главное значение союза франкского короля и церкви заключалось в обретении Пипином сакральности, священного христианского ореола. Помазанный благочестивым Винфридом Бонифацием, Пипин стал

⁶²⁰ *Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. T. 2. Leipzig, 1912; Lortz J. Geschichte der Kirche in ideengeschichtlicher Betrachtung. Bd. 1. Altertum und Mittelalter. Aschendorf, 1962.*

⁶²¹ *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. С. 44-45; Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris: Fayard/Plurel, 2012. P. 70-72.*

⁶²² *Ullmann W. History of Political Thought: The Middle Ages.*

⁶²³ *Ibid.*

помазанником Божьим, а вслед за ним – весь род Каролингов. Этим сакральным актом, как и союзом с папой, «официально» стиралась германская сущность Каролингов, их варварский *furore*, и создавалась почва для расцвета на франкской почве христианской концепции власти. Эту почву усердно «удобрили» и более поздние события: борьба за «чистоту» католичества с иконоборческой Византией, очищение от проникавшей из Испании ереси адоптианства и, наконец, обретение титула римского императора, сделавшего Карла не просто христолюбивым государем, но и преемником Константина Великого, что было усердно приправлено фабрикацией в те годы «Константинова дара», буквально поделившего мир между императором и папой скорее в пользу последнего, чем первого.

2. Второй чертой этого периода были защита и расширение территории Франкской державы. Это была как защита территории Галлии и прирейнских земель от возможного отпадения и притязаний опасных соседей (Лангобардского королевства, Баварского герцогства, Аварского каганата), так и присоединение новых, германских по своему этническому происхождению, племён к Франкскому королевству. Тесный союз с папой не только облегчал Пипину и Карлу эти задачи (все их внешнеполитические враги немедленно объявлялись врагами церкви, а, значит, и христианской веры), но и придавал завоевания франкских королей характер военного паломничества во имя веры, объявлял их походы священными воинами за утверждение христианства в областях, ещё скованных тьмой язычества. Христианская экспансия франкских государей, таким образом, predisposed к тому, что образцовый монарх их времени должен был предстать борцом за веру с мечом в руках.

3. Третьей особенностью периода стала необходимость организации управления на присоединённых территориях. Деятельность Карла в этой области можно поделить на три части:

а) Взаимодействие со знатными родами, до недавнего времени слабо освещённое в историографии. По мнению современных исследователей,

одной из черт Карла как политика было умение вести династическую политику, крепко привязывать к себе дружественные знатные семейства и мгновенно устранять враждебные кланы⁶²⁴. Г. Альтхофф особое внимание уделяет особым отношениям («пакту») дружбы между династией Каролингов и знатью – так называемому раста *amicitia*, который закреплялся, в том числе, совместными пирами⁶²⁵. Таким образом, в раннее Средневековье, подчёркивает Г. Альтхофф, кровные отношения родства между королевской семьёй и знатными родами никуда не исчезли⁶²⁶. Й. Фрид, в свою очередь, добавляет, что власть (*Herrschaft*) короля раннего Средневековья – и Карл Великий здесь не исключение – не может быть неограниченной, а основывается на таких принципах как лояльность (*Loyalitat*) и согласие (*Konsens*). Именно основывая свою власть на этих принципах, Карл связывал с собой знать и церковь⁶²⁷.

б) Создание действенной системы управления. Первоначально Карл опирался на оставшихся со времён Меровингов графов (*comes*), напоминая подданным о своей власти путешествиями из одной резиденции в другую, затем перешёл к созданию пограничных графств (маркграфств) для контроля над отдалёнными территориями, а ещё позднее, в имперский период, прекратив перемещение из замка в замок, осел в столичном Аахене, приглашая туда, на ассамблеи, знать и духовенство Франкии, одновременно рассылая в разные уголки страны «государевых посланцев» (*missi dominici*)⁶²⁸.

⁶²⁴ См., напр.: *Goetz H.-W. Regnum: Zum politischen Denken der Karolingerzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1987. №104. S. 188-189; Nelson J. Charles the Bald. London, 1992. P. 71.*

⁶²⁵ *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde.*

⁶²⁶ *Ibid.*

⁶²⁷ *Fried J. Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie. S. 259-372.*

⁶²⁸ Подробнее см., напр.: *Васильевский В. Г. Лекции по истории Средних веков. С. 386; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 345-347; Бессмертный Ю.Л. Франкское государство Меровингов в конце VI- начале VIII в. и становление феодального уклада // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 121; Mussot-Goulard R. Charlemagne. P. 61–63.*

Однако в последние годы историки отходят от характеристики управления Франкской державой в эпоху Карла Великого сквозь призму позднего трактата Хинкмара «De ordine palatii», который, по их мнению, был не более чем мифом об идеальном управлении королевством⁶²⁹. Всё более в центре представлений об управлении Каролингкой монархией оказывается проблема правящей династии как стержня иерархии власти.

Проблема династии, начавшая вызывать интерес благодаря усилиям исследователей школы новой социальной истории, была основательно поднята в сборнике В. Вебера «Князь: идеи и действительность в европейской истории». По мнению, В. Вебера, целью любой династии Средневековья и раннего Нового времени является сохранение непрерывности рода и успешный поиск ролей и «мест под солнцем» для многочисленного потомства⁶³⁰. На материале династической политики Веттинов этот тезис был развит А.-Н. Кнофелем, который в политическом контексте показал главный инструмент обеспечения процветания знатной фамилии – брачную политику⁶³¹.

В подобном же контексте рассматривают современные исследователи и Каролингскую династию. Неясно, однако, как терминологически обозначить основанный Пипином Коротким правящий дом, ведь «династия» и «семья» не составляли для современников одно и то же понятие⁶³². На примере Меровингов И. Вуд показал, что принадлежность к королевской семье было весьма неопределённым критерием, допускавшим

⁶²⁹ См., напр.: Penndorf U. Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843): Untersuchungen zu den späten Karolingern. München, 1974. (Münchener Beiträge zur Mediavistik und Renaissance-Forschung. Bd. 20); Старостин Д.Н. Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 52-58.

⁶³⁰ Der Fürst: Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte // Ed. W. Weber. Köln, 1998.

⁶³¹ Knofel A.-S. Dynastie und Prestige: Die Heiratspolitik der Wettiner. Köln, 2009.

⁶³² Старостин Д.Н. Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 101.

разные трактовки⁶³³. Положение же внутри Каролингской династии стабильностью не отличалось, порождая постоянное соперничество между разными её ветвями, требуя поиска способов урегулирования внутрисемейных сложностей⁶³⁴. Причина же отсутствия внутридинастических конфликтов в правление Карла Великого кроется исключительно в том, что этот монарх в силу биологических причин (прежде всего, смерти его брата Карломана в 771 году и собственного редкого для того времени долголетия), не имел конкурентов внутри правящей фамилии⁶³⁵. Этим, во многом, и объясняется внутривластные успехи Карла и создание им эффективной системы власти.

в) Третьим важнейшим пластом практики власти Карла стало создание правовой системы на территории Империи. Здесь приведение в порядок обычного права разных подчинённых франкскому государю народов (Баварская, Саксонская и другие «правды») соседствовало с распространением через капитулярии «имперских» законов, обязательных для всех жителей империи.

Очевидно, что столь многоплановая деятельность могла сделать актуальным образ государя-законотворца, справедливого судьи, и, вообще довольного успешного в мирное время правителя.

Таким образом, указанная нами специфика описанных событий, политических, социальных и церковных создавал весьма благоприятную

⁶³³ Wood I. Deconstructing the Merovingian family // *The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts* / Edd. Richard Corradini, Max Diesenberger, Helmut Reinitz. Leiden, 2003. P. 149–171.

⁶³⁴ Kasten B. Königssöhne und Königsherrschaft: Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997; Schieffer R. Väter und Söhne im Karolingerhause // Schieffer R. Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum: Referate beim Wissenschaftlichen Colloquium zum 75. Geburtstag von Eugen Ewig am 28. Mai 1988. Sigmaringen, 1990. S. 149–164. Несмотря на то, что по мнению указанных историков, Каролингский дом правомернее называть «династией», нежели «семьей», мы будем синонимического удобства употреблять оба термина наряду с такими понятиями как «род», «фамилия» и «дом».

⁶³⁵ Jarnut J. Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768–771) // *Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65 Geburtstag* / G. Jenal and S. Haarländer. Stuttgart, 1993. S. 165–176.

почву для потестарных построений, для цельной концепции власти, в центре которой должен был оказаться христианский монарх.

3.2. Возникновение христианнейшей династии: «Деяния мецских епископов» Павла Диакона

Поскольку даты создания «продолжения» Хроники Фредегара нам неизвестны⁶³⁶, а первые две части *Анналов королевства франков*, согласно авторитетному исследованию Б. Шольца, были написаны не ранее 787 года⁶³⁷, нашим первым информатором выступит лангобардский аристократ на службе Каролингского дома – Павел Диакон, ещё в 784 году написавший знаковое для правящей фамилии сочинение – «Деяния мецских епископов». Этот написанный по заказу королевского архикапеллана Ангильрамна труд был задуман как повествование о епископах Мецской кафедры. Однако, по сути, оно содержит историю Каролингской семьи, связанной с Мецем кровным родством. Данная связь позволила А.И. Сидорову усмотреть в качестве одной из целей «Деяний» легитимацию новой династии⁶³⁸. Ранее историки не уделяли этому памятнику достаточно внимания, указывая на его шаблонность и заказной характер⁶³⁹.

Наша задача лишь отчасти перекликается с поиском приёмов, с помощью которых Павел Диакон помещал мецских епископов и Пипинидов в одно сакральное пространство, легитимируя не так давно пришедшую к власти династию⁶⁴⁰. В условиях, когда самая яркая и плодотворная часть

⁶³⁶ В дополнение к этому стоит заметить, что недавно Р. МакКитерик высказала точку зрения, согласно которой «Хроника продолжателей Фредегара» и Малые Лоршские анналы были составлены как раз на основе «Анналов Королевства франков», т.е. уже к концу правления Карла Великого. См.: *McKitterick R. History and Memory*. P. 100.

⁶³⁷ *Scholz B. Carolingian chronicles: Royal Frankish annals and Nithard's Histories*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. P. 5.

⁶³⁸ *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 59.

⁶³⁹ См.: *Duchesne L. Fastes episcopaux de l'Ancienne Gaule*. T. 3. Les Provinces du Nord et de L'Est. P., 1915. P. 46; *Goffart W. The Narrators of Barbarian (A.D. 550-800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon*. Princeton, 1988. P. 373.

⁶⁴⁰ *Сидоров А.И.* У истоков каролингского возрождения: Павел Диакон и «Деяния Мецских епископов» // *Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения*. С. 35-59.

каролингской истории – время Пипина Короткого и Карла Великого – оказалась невероятно бедна повествовательными памятниками, в которых можно отыскать образы монархов, анализ «Деяний мецских епископов» Павла Диакона, возникших опосредованно от династической анналистики, приобретает особенно важное значение.

Автор изначально задаётся целью рассказать о епископах города Мец. О самых важных из них Диакон говорит подробнее, о большинстве – лишь перечисляя их имена. Структура повествования, таким образом, является довольно тривиальной: Павел Диакон последовательно рассказывает о епископах города Мец, завершая сочинение рассказом о деяниях Каролингов и приведением эпитафий на смерть членов королевской семьи. Таким образом, уже в самой структуре «Деяний» автор выстраивает преемственность между епископами Меца и правящим домом, в чём заключается главная особенность рассматриваемого памятника.

В биографиях тех прелатов, о которых лангобард говорит подробно, можно выделить общие места: речь всегда идёт об укреплении тем или иным епископом христианства в своей митрополии (включая увеличение числа новообращённых) и поучительная история, обязательно сопровождающаяся чудом. Всё это подталкивает нас к выводу, что ориентиром для Павла служила житийная традиция, в которой демонстрация благочестия (в данном случае мы имеем дело с распространением христианской веры как его проявлением) и чудеса, подтверждающие благоволение Бога герою повествованию, являются важнейшими особенностями сюжета⁶⁴¹.

Уже с описания деяний первого епископа – Климента – ощущается особая миссия глав этой епархии: под руководством первого епископа Меца

⁶⁴¹ *Heffernan T.J.* Sacred Biography: Saints and Their Biographers in the Middle Ages. Oxford, 1992; *Kleinberg A.* Histoires de saints: leur rôle dans la formation de l'Occident. Paris, 2005; *Becht-Jördens G.* Biographie als Heilsgeschichte. Ein Paradigmenwechsel in der Gattungsentwicklung. Prolegomena zu einer formgeschichtlichen Interpretation von Einharts Vita Karoli. // Quaerite faciem eius semper. Studien zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum. Dankesgabe für Albrecht Dihle zum 85. Geburtstag aus dem Heidelberger Kirchenväterkolloquium / Hrsg. A. Jördens. S. 1–21; *Mariković A., Vedriš T.* Identity and alterity in Hagiography and the Cult of Saints.

в истинную веру было обращено множество людей, которые, таким образом, освободились от слепоты духовной и служения идолам⁶⁴². Самого Климента Павел характеризует как «первого указчика справедливости» и «глашатая истины»⁶⁴³. Вслед за ним и его преемник Целестий отметил тем же – распространением христианской веры среди язычников⁶⁴⁴. Таким образом, сразу же бросается в глаза значимая роль Мецской епархии в расширение ареала христианства – деяния епископов Меца и задачи Каролингов оказываются созвучны. Клемент, следуя заветам своего наставника – апостола Петра – освободил «великое множество» людей от «поклонения презренным идолам» и привёл их к «сиянию истинной веры»⁶⁴⁵. Один из его преемников, Ауктор, чудесами, которые творятся вокруг него (возникновение тьмы, останавливающей врагов) показывает варварам-гуннам, вторгнувшимся в епархию, силу Христовой веры, *«потому что Господь Наш всегда заботиться о рабах свои, и даже в немилосердии»*⁶⁴⁶. Доказательство силы христианства – очень важная миссия, которую усматривает Павел Диакон в деятельности мецких епископов. В этом смысле они являются естественными, духовными предтечами Каролингов: их усилия по расширению территории Франкской державы, а значит, ареала христианства, автор также подчёркивает⁶⁴⁷. Восприятие монархов правящего дома как патронов христианской миссии, таким образом, должно было усиливаться благодаря связи с Мецской кафедрой.

Начиная с епископов Руфа и Адольфа показателем её богоизбранности становятся многочисленные чудеса, связанные с епископами: в ответ на молитвы одинокого верующего из могилы доносится

⁶⁴² Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 261.

⁶⁴³ Ibid. S. 261.

⁶⁴⁴ Ibid. S. 262.

⁶⁴⁵ Ibid. S. 261.

⁶⁴⁶ Ibid. S. 263. «Quia Deo nostro semper de suis servulis cura est, et in ira misericordiam».

⁶⁴⁷ Ibid. S. 265.

таинственный голос⁶⁴⁸. Но настоящие чудеса, судьбоносные для христиан Галлии, начинаются с биографии епископа Ауктора, возглавлявшего кафедру в период гуннского нашествия на Империю. Три чуда связаны с именем этого епископа: сначала гунны, вторгнувшись в епархию, вынуждены отступить перед невидимой каменной стеной, затем варвары в панике бегут от окутавший их таинственной тьмы, после чего решаются освободить пленённого ими Ауктора, что немедленно рассеивает мрак⁶⁴⁹. Наконец, уже в мирное время, епископ кладёт гостию на расколотый алтарь, две половины которого тотчас соединяются вновь⁶⁵⁰. И далее Павел замечает, что Ауктор, несомненно, совершил ещё множество удивительных дел, но о них у него нет полных сведений⁶⁵¹.

Эта череда ярких зарисовок из жизни епископов явно выдержана в традиции житий святых, поэтому приобретает большой смысл: епископы Меца уподобляются святым – передовому отряду Христа – хотя Павел Диакон и не называет таковыми мецских прелатов. Кафедра города Меца,

⁶⁴⁸ «Hic itaque dum ad praedictam beati Felicis martyris pervenisste basilicam, nec tamen ingrediendi ei esset concessa facultas, accessit juxta murum forinsecus ad eam partem qua praedictorum sacerdotum corpora requiscebant, atque ibi se in orationem tota mentis intantione prostravit. Qui dum post effusas preces ab oratione surrexisset, et in eorum sanctorum honorem ad quorum e regione sepulcra oraverat psalmi versiculum, id est *Exultabunt sancti in gloria*, pronuntiaret, mox ab intus vocem subiungentis audivit: *laetabuntur in cubilibus suis*»; Ibid. S. 262. «Когда их тела были погребены в церкви блаженного мученика Феликса, как доносит до нас молва, был некий муж, (человек) религиозный, а также обеспокоенный заботой о своей душе, который в ночное время имел обыкновение с неизменным усердием обходить все оратории, расположенные за стенами того города, чтобы личными молитвами вручить себя Богу. Итак, когда он подошел к упомянутой церкви святого мученика Феликса, не имея, однако, законной возможности войти в нее, он приблизился снаружи к той части стены, где покоились тела упомянутых святых, и там предался молитве со всем душевным рвением. После того, как он, излив мольбу, поднялся от молитвы и в честь тех святых, у могил которых непосредственно молился, произнес стих псалма, а именно: «Да торжествуют святые во славе», вскоре изнутри услышал голос присоединяющегося: «Да радуются на ложах своих». Здесь и далее использован перевод А.И. Сидорова. См.: Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 285-286.

⁶⁴⁹ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 263.

⁶⁵⁰ Ibid. S. 263.

⁶⁵¹ Ibid. S. 263.

таким образом, наделяется особой сакральностью, которую очень важно учитывать, когда речь идёт о легитимации рода Каролингов.

Между тем, впервые о кровном родстве Мецской кафедры и франкских королей упоминается в связи с именем следующего епископа – Агиульфа, который, согласно сведениям Павла, полученным, скорее всего, из устных источников, был рождён дочерью короля Хлодовея, а отец епископа происходил из сенаторского рода. Но это - ещё не указание на связь с родом Каролингов, который в то время были лишь одной из знатных семей Франкии. Настоящая генеалогическая легенда семьи Пипинидов начинается с рассказа о судьбе епископа Арнульфа, в котором объединились достоинства двух *ordo* – «блестящее происхождение»⁶⁵² франкской знати и «святость»⁶⁵³ духовенства. Однако по сравнению с биографической справкой об Аукторе, рассказ о жизни Арнульфа довольно беден событиями: единственная полноценная история – о кольце, выброшенном Арнульфом в реку с надеждой, что с избавлением грехов кольцо вернётся к нему. Счастливый исход – возвращение кольца во внутренностях рыбы, пойманной к епископскому столу – и вся структура данной истории роднит данный эпизод с легендой о перстне тирана острова Самос Поликрата, хорошо известной в античной традиции⁶⁵⁴. Эта история, как и воспроизведение в «Деяниях» о троянском происхождении франков, придаёт труду Павла Диякона тот привкус подражания античным текстам, который будет характерен для большинства литературных памятников «каролингского возрождения». Однако, как в труде Павла, так и в других раннекаролингских сочинениях христианский, сакральный элемент мировидения и толкования власти остаётся однозначно доминирующим.

Схожими с епископами меровингской эпохи добродетелями обладают и самые последние из описанных Павлом прелаты: Сигебальд стоек и

⁶⁵² Ibid. S. 264.

⁶⁵³ Ibid. S. 264.

⁶⁵⁴ Геродот. История. М., 2007. С. 187-188.

смиренен в страданиях от подагры, от которой и умирает⁶⁵⁵, а его преемник Хродеганг отличается как благородством и красивой внешностью, так и красноречием и учёностью⁶⁵⁶. Кроме того, Хродеганг воплощает в себе качество мецената, которое ещё со времён Константина Великого стало важной чертой не только образцового епископа, но и светского властителя: Хродеганг приказывает построить в честь папы Стефана II церковь святого великомученика Стефана, которую всячески украшает⁶⁵⁷. Вдобавок Хродеганг ещё и выступает благодетелем бедных, будучи щедрым в раздаче милостыни⁶⁵⁸.

Как ни парадоксально, но самые ценные сведения, необходимые для понимания каролингской династической легенды содержатся в рассказе не о жизни, а о смерти и наследстве Арнульфа: именно его младший сын Ансхиз (Асингиз или Асингизи) становится отцом Пипина II Геристальского⁶⁵⁹, будущего майордома Австразии и Нейстрии, в то время как старший сын Арнульфа Хлодुльф обнаруживает полное отсутствие христианских качеств: отказывается отдать свою долю наследства на благо бедных⁶⁶⁰. Как следствие, именно Ансхиз становится родоначальником могучего рода Каролингов⁶⁶¹.

⁶⁵⁵ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 267.

⁶⁵⁶ Ibid. S. 267-268.

⁶⁵⁷ «...cum audiutorio Pippini Regis rebam sancti Stephani prothomartyris, et altare ipsius atque cancellos, presbiterium arcusque per girum. Similiter et in ecclesia beati Petri maiori presbiterium fieri iussit. Construxit etiam ambonem auro argentoque decoratum, et arcus per girum throni ante ipsum altare». Ibid. S. 268. «При поддержке короля Пипина он повелел соорудить престол святого первомученика Стефана, ему же (посвященный) алтарь и пределы, пресвитерий и сводчатые арки. Равным образом и в церкви блаженного великого Петра он повелел сделать пресвитерий. Также он соорудил амвон, украшенный золотом и серебром, и сводчатую арку трона перед тем алтарем». См.: Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 301-302.

⁶⁵⁸ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 268.

⁶⁵⁹ Ibid. S. 264.

⁶⁶⁰ Ibid. S. 264.

⁶⁶¹ «Cum igitur hos duos, de quibus preamisimus, venerabilis Arnulfus filios haberet, quoniam erat misericors et ad pietatis opera semper intentus, utrisque filiis suis coepit suadere, ut ei assensum praberent, quantinus omnes suas facultates ad usus pauperum dispertiret. Tunc maior

Вслед за этим Павел Диакон окончательно переходит от истории епископства к истории правящей фамилии, монархии из которой описываются только в превосходных эпитетах: Пипин II представлен мужем, «отважнее которого никогда никого не могло быть», сын же его, Карл Мартелл, «муж сильнейший», нанёс сарацинам такие поражения, «что вплоть до сегодняшнего дня этот свирепый и вероломный народ страшится оружия франков»⁶⁶². Сын Карла-Молота Пипин III, по мнению Павла, соединил в себе мудрость и храбрость, то есть, очевидно, талант к управлению державой в мирное время сочетался у Пипина с воинскими доблестями. К качеству примера лангобардский автор приводит победу франкского короля над герцогом Аквитании Вайфарием, упоминаемой и другими источниками⁶⁶³. Любопытно, что никакие другие воинские победы Пипина Павел не описывает, хотя, если верить хроникам времён Карла Великого, его отец вёл множество войн.

filius, id est Chlodulfus, se hoc posse facere, id est ut portionem sibi debitam patri largiretur, omnimodis denegavit; at vero minor filius, id est Anschisus, fidens de Christi pietate sibi pluriora condonari, ad omnia quae pater vellet, se libenter obedire promittit. Agit venerandus pater gratias filio, et praedicat ei, pluriora eundem quam reliquerat habiturum; insuper benedixit eum eiusque cunctam progeniem nascituram in posterum. Factumque est. Nam et pluriores Anschiso quam reliquerat divitiae accesserunt, et ita in eo paterna est constabilita benedictio, ut de eius progenie tam strenui fortesque viri nascerentur, ut non inmerito ad eius prosapiam Francorum translatus sit regnum». Ibid. S. 264-265. «...почтенный Арнульф имел двух сыновей, о которых мы упомянули, и поскольку он был милосерден и всегда готов для (свершения) благих дел, то начал убеждать обоих своих сыновей, чтобы они позволили ему раздать все свои богатства в пользу бедных. Тогда старший сын Хлодульф наотрез отказался от того, чтобы отец раздал причитающуюся ему долю; а младший сын Ансхиз, веривший, что по милосердию Христову ему будет даровано значительно больше, пообещал, что охотно согласится на все, чего пожелает отец. Почтенный отец поблагодарил сына и предрек, что тот будет иметь гораздо больше, чем он ему оставляет; сверх того он благословил его и весь его род, который народится в будущем. Так оно и свершилось. Ведь Ансхизу пришлось много больше того, что оставил отец; и родительское благословение упрочилось в том, что от его потомства родились смелые и сильные мужи, и вовсе не незаслуженно к его роду перешло королевство франков». См.: Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 292-293.

⁶⁶² Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 265.

⁶⁶³ См.: Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH. SS rer. Merov. T.2. S. 188-192.

Ключевой период в истории славной фамилии – это, конечно, время Карла Великого, который, по словам Павла Диакона, «сделался великим королём и расширил королевство франков как никогда прежде»⁶⁶⁴. В заслуги Карлу автор «Деяний» ставит подчинение королевства лангобардов, «уже дважды побеждённое отцом», «без тяжёлого сражения»⁶⁶⁵. Карл, вдобавок, проявляет снисходительность к побеждённым и с успехом присоединяет к своему королевству Рим и всю Италию⁶⁶⁶. Это очень важный фрагмент, поскольку он прямо указывает на то, что придворные круги, на которых и были ориентированы «Деяния мецских епископов» чётко понимали, что Рим и Италия, с подчинением бывших лангобардских земель, уже вошли в состав Франкской державы. Именно в 774 году, а не в 800 году Рим стал сферой влияния короля франков. Об этом же говорят включённые в текст «Деяний» эпитафии умершим членам королевского рода, согласно которым реки По, Тибр, Рим и вся Италия находятся под скипетром Карла⁶⁶⁷.

⁶⁶⁴ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 265.

⁶⁶⁵ Ibid. S. 265.

⁶⁶⁶ «Denique inter plura et Miranda quae gessit, Langobardorum gentem bis iam a patre devictam, altero eorum rege cui Desiderius nomen erat capto, alteroque, qui dicebatur Adelgisus et cum genitore regnantem suo, Constantinopolim pulso, universam sine gravi praelio suae subdidit dicioni, et, quod raro fieri adsolet, clementi moderatione victoriam temperavit. Romanos praeterea, ipsamque urbem Romuleam, iampridem eius praesentiam deisderantem, quae aliquando mundi totius domina fuerat, et tunc a Langobardis depressa gemebat, duris angustiis eximens, suis viro nescias, utrum virtutem in eo bellicam, an sapientiae claritatem omnique liberalium atrium magis admireris peritiam». Ibid. S. 265. «Среди его многочисленных и достойных удивления деяний (особенно примечательно то), как без тяжелого сражения он подчинил своей власти все племя лангобардов, уже дважды побежденное отцом, когда один из их королей, имя которому Дезидерий, был схвачен, а другой, которого звали Адельгиз и который правил вместе со своим родителем, был изгнан в Константинополь; и, что обыкновенно случается редко, он умерил (пыл) победы, проявив снисходительность (к побежденным). Кроме того, римлян да и сам город Ромула, уже прежде желавший его присутствия, — ведь (этот город) некогда был господином всего мира, а затем стонал, угнетенный лангобардами, — он присоединил к своим царствам, избавив от суровой нужды; и таким образом вся Италия была охвачена снисходительным единовластием. И не знаешь, восхищаться ли в этом муже больше его военной доблестью или блеском мудрости и знанием всех свободных искусств». См.: Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 294-295.

⁶⁶⁷ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 265.

Кульминацией прославления подвигов, совершённых монархами из рода Каролингов, являются эпитафии членам фамилии, на момент написания «Деяний» уже умершим. Эти эпитафии, как уверяет Павел, были составлены по личному приказу Карла Великого⁶⁶⁸, и первая же из них – эпитафия дочери Пипина Короткого Ротхаиды – является наиболее яркой и актуальной для нашего исследования. Именно поэтому её стоит привести целиком

Эпитафия Ротхаиды, дочери короля Пипина

Я, та, что лежу здесь, украшена именем Ротхаид,
 Я — отпрыск достойный блестящего рода;
 Оружием брат подчинил мне народы
Авзонов, отвагой Юпитера Карл восплававший;
 Отец мой — Пипин, рожденный царственным Карлом,
Поверг Аггарена тирана великой грозой.
 И дед мой — *Пипин, отважней которого не было в мире;*
 Мой прадед — *могучий Ансхиз, который ведет от того*
Ансхиза Троянского имя сквозь долгое время.
 Его породил *святой и блаженный отец и епископ*
Арнульф, который повсюду сияет деяньями полными чуда,
 И здесь, на него уповая, меня схоронили родные⁶⁶⁹.

Эта патетическая надгробная речь даёт нам много сведений о том, какой идеал монарха предлагают нам «Деяния мецских епископов». Налицо преобладание воинских, чисто германских качеств: отвага и воинская доблесть предков Ротхаиды, помогающая им сокрушать врагов, возводится в ранг одной из главных добродетелей. Эпитафия, автор которой не назван,

⁶⁶⁸ Ibid. S. 265.

⁶⁶⁹ His ego quae iaceo Rothaid de nomine dicor, // Quae genus excelso nimium de germine duco; // Nam mihi germanus gentes qui subdidit armis // Ausonias, fretus Karolus virtute Tonantis; // Pippinus pate rest, Karolo de principe cretus, // Aggarenum stravit magna qui caede tyrannum. // Pippinus proavus, quo non audacior ullus; // Ast abavus Anschisa longo post tempore nomen. // Hunc genuit pater iste sacer praesulque beatus // Arnulfus, miris gestis qui fulget ubique, // Hic me spe cuius freti posuere parentes. Ibid. S. 265-266; там же. С. 297.

живописует всё это античными риторическими приёмами: смелость Карла Великого сравнивается с отвагой Громовержца, Пипин Короткий же свергает тирана Аггарена – Вайфария, а Ансхиз назван так, не много, не мало, по имени отца легендарного троянского героя Энея. Игра античными терминами и именами, которую столь любили авторы сочинений «каролингского ренессанса», присутствует уже в таком раннем источнике, как «Деяния мецских епископов», написанном ещё до складывания Придворной Академии⁶⁷⁰. Однако она не должна вводить в заблуждение: главные качества лучших мужей того времени – христианские, и об этом говорит описание прародителя рода – Арнульфа, «святого и блаженного отца», который сиял «деяниями, полными чуда».

В том, что воинские доблести Каролингов Павел Диакон подчиняет нуждам христианской церкви, не оставляет сообщение «Деяний» о союзе Пипина III и папы римского Стефана II: эмиссаром короля франков выступил уже известный нам Хродеганг, который «призвал папу Стефана в Галлию, чтобы осуществить всеобщее желание (и помазать Пипина на царство)»⁶⁷¹. Принимая во внимание, что Анналы королевства франков были написаны позднее, а датировка «продолжателей» Фредегара либо неизвестна, либо ещё более поздняя, чем у Анналов, то перед нами – первое сообщение о санкции папы на вручении Пипину королевского достоинства. Этот союз Франкии и Рима не раз предвосхищается Павлом Диакonom в предшествующем тексте: автор деяний считает святого Петра главным среди апостолов⁶⁷², позднее

⁶⁷⁰ В 792 году.

⁶⁷¹ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 265.

⁶⁷² «Postquam, peractis omnibus quae cum Patre pro mundi salute gerenda disposuerat, Christus dominus migravit ad coelos, statim ut promisso sancti Spiritus munere baeati apostolic potiti sunt et confirmati, illico quam unusquisque eorum provinciam vel regionem praedicaturus adgredi deberet, communi consilio iuxta divinam provisionem sorte decerunt. Singulis igitur ad sibi delegate loca pergentibus, beatus Petrus, qui in eorum numero primus erat et quasi dux fortissimus eminebat, ad eam quae totius tunc mundi caput erat, hoc est urbem Romuleam, tota alacritate contendit, fundata prius apud Antiochiam ecclesia ac suae sedis nomine dedicata». Ibid. S. 261. «После того, как Господь (наш) Христос переселился на небеса, совершив все (то), что вместе с Отцом Он наметил сделать ради спасения мира, (и) как только блаженные апостолы обрели заботу, отпущенную (им) от Святого Духа и ободрились

чётко обозначая его в качестве наставника Климента – первого епископа Меца⁶⁷³.

Итак, дают ли «Деяния мецских епископов» материал для понимания образа правителя времён становления династии Каролингов? Ответ на этот вопрос должен быть, безусловно, утвердительным. Установив линию преемственности между благочестивыми епископами Меца и Каролингами, Павел Диакон привносит в структуру этой знатной франкской фамилии христианскую, сакральную составляющую, ставя в один стройный ряд апостолов, мецских епископов и предков Карла Великого. Отметим, что преемственность между ними, описанная Павлом Диаконом, включает две составляющие: 1) преемственность духовную, согласно которой епископы Меца и франкские монархи являются, в равной степени, патронами и распространителями христианства 2) преемственность кровную, исходя из которой Каролинги – это потомки одного из самых благочестивых епископов Мецской кафедры - Арнульфа.

Таким образом, Каролинги, явившись на политическую арену представителями одного из франкских родов, выходцами из германского в своей основе мира, способные, не меньше Меровингов, на проявления германского *fuog*, становятся частью христианской корпорации, сакрального мира, в котором благочестивый епископ Арнульф и воинственный король Карл – персонажи одного, христианского сообщества. Поэтому франкские воинские доблести начинают служить делу христианства: династия Каролингов превращается в труде Павла Диакона в христианнейшую, а её

(ею), тотчас же на общем собрании они решили посредством жребия, (выпавшего) согласно божественному предопределению, в какую провинцию или область каждый из них должен направиться проповедовать. Когда же они разошлись в предназначенные для них места, блаженный Петр, который был первым среди них и возвышался (над ними) подобно могущественнейшему вождю со всем рвением устремился к тому (городу), который был тогда главой всего мира, а именно к городу Ромула, но прежде он основал церковь возле Антиохии и освятил кафедру своим именем». См.: Павел Диакон. Деяния мецских епископов // Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 283.

⁶⁷³ Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 261.

представители – в подлинных христианских монархов, все силы бросающих на утверждение христианства в окрестных землях. Поэтому несомненно, что «Деяния мецских епископов» стали пробным камнем в здании идеологии христианской империи, которая в те годы только начинает проступать в каролингских текстах.

3.3. На пути к идее христианской империи

Изучение идей власти на материале средневековой анналистики – предприятие весьма перспективное по двум причинам. Во-первых, как мы уже замечали, историки давно отметили, что именно в каролингскую эпоху анналы приобретают династический характер – начинают служить делу легитимации и прославления правящего дома⁶⁷⁴. Во-вторых, ряд исследователей отмечают, что на основе таких источников, как анналы, хроники и истории, возможно изучение представлений о реальности их авторов и даже среды, в которой источник был написан. Кроме того, очень часто анналы и хроники представляют собой не только перечисление событий, но и содержат примесь дидактики и гомилетики⁶⁷⁵.

Однако, исследуя идеи власти в период правления первых двух Каролингов, историк неизбежно столкнётся с серьёзной проблемой: ни один повествовательный источник, освещающий правления первого короля из новой династии – Пипина Короткого – не был составлен в годы его

⁶⁷⁴ *Prou M. Annales // La Grande Encyclopedie inventaire raisonne des sciences, des letters et des arts par une societe de savants et de gens de lettres. T. 3: Animisme - Arthur. Paris, 1885. P. 21; Bemont C. Annals // The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information. Vol. 2: Andros to Austria. Cambridge, 1911. P. 61; McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity. P. 31.* Характерно, что, например, в англоязычной исследовательской традиции за *Annales regni Francorum* закрепилось название «Royal Frankish annals», т.е. «Королевские анналы», подчёркивающее их направленность и заказчика.

⁶⁷⁵ *Мильдон В.И. Летопись и хроника – два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 351-373; Рухтер М. Латынь – ключ к пониманию мира раннего средневековья? // Одиссей. Человек в Истории. 1991. М., 1991. С. 125-136; Bagge S. How can we use Medieval historiography? // Weber G.W. Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichts mythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neu zeit / Intr. by M.C. Ross. S. 29-42; Merkatanti G.C. Cronaca sassone: Appunti stilistici // Weber G.W. Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichts mythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neu zeit / Intr. by M.C. Ross. S. 307-322.*

правления. А между тем именно к правлению Пипина относится ключевой момент в установлении прочного союза новой династии и христианской церкви с центром в Риме – помазание на царство 751 года. Однако подобный «кошмар позитивиста» вполне разрешим: изучая эпоху Пипина III по анналистике времен его сына, мы изучаем взгляд этой самой анналистики на уже минувшее царствование. То есть у авторов «Продолжателей Фредегара» и «Анналов» королевства франков было время на осмысление произошедшего. Стоит также заметить, что у династической анналистики, родившейся во второй половине 80-х годов IX века, уже был «идейный» предшественник – «Деяния мецских епископов», упомянутые выше. Именно поэтому хроники, написанные во имя прославления Карла и его отца могут оказаться очень информативными для воссоздания представлений о власти, предложенных интеллектуалами того времени.

Хроника «продолжателей» Фредегара, охватившая крупный временной отрезок с 657 по 768 гг., достаточно подробно осветила правление Пипина Короткого. Однако и по предшествующему периоду в ней можно встретить интересные эпизоды: например, в главе 2 упоминается произошедшее в середине VII века⁶⁷⁶ восстание против королей Эброина и Теодериха, закончившееся срезанием у них длинных волос и отправкой в монастырь⁶⁷⁷. Эта запись высвечивает очень важный момент – магическое значение для Меровингов длинных волос, лишение которых означало потерю властной харизмы⁶⁷⁸.

Уже в описании деяний Карла Мартелла мы видим знакомые нам мотивы судьбы христианского властителя: против франков выступает классический коллективный антагонист – неверные-сарацины, сразу

⁶⁷⁶ *Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii* // MGH. SS rer. Merov. T.2.

⁶⁷⁷ *Ibid.* S. 168.

⁶⁷⁸ *Wallace-Hadrill D.S.* The Long Haired Kings and Other Studies in Frankish History. New York, 1962; *Holtzmann.* Die Italienpolitik der Merowinger und des Königs Pippin. Darmstadt, 1962. *Barnwell. P.S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // *Historical Research*. T. 78. 2005. P. 129-139. *Erkens F.-R.* Herrschersakralität im Mittelalter: von den Anfängen bis zum Investiturstreit. Stuttgart, 2006. S. 102-109.

демонстрирующие свою нечестивость: они сжигают церковь святого Хилария в Пуатье⁶⁷⁹. Однако Карл «с помощью Христа» опрокидывает палатки арабов и по Господней же воле полностью уничтожает вражеское войско⁶⁸⁰. Как замечает продолжатель Фредегара, «... в этот славный день победы он праздновал триумф над всеми своими врагами»⁶⁸¹. Перед нами – классический портрет христианского монарха – победителя врагов веры Христовой, вполне в духе предшествующей традиции, представленной Евсевием, Григорием Турским и Фредегаром. Но нельзя забывать, что анонимный продолжатель имел перед собой прекрасный пример из недавнего прошлого: в условиях, когда мусульманский мир всё ближе подступал к Франкии, майордом был обязан проявить свои воинские доблести, послужившие, в итоге, делу истинной веры.

Однако и «мирные» деяния доступны Карлу-Молоту: в конце жизни этот король жалует богатые дары церкви Сен-Дени, после чего умирает от лихорадки «в мире со святой церковью»⁶⁸². Особенно волнительно и патетически эти слова звучат, если вспомнить, сколько яростно велась среди историков-позитивистов полемика о том, в каких масштабах Карл Мартелл производил конфискацию церковных земель⁶⁸³.

Говоря о восхождении на трон Пипина III, хроника «продолжателей» Фредегара воспроизводит расхожую в источниках того периода формулировку, согласно которой будущий король «с согласия и по совету всех франков... покорился предложению Апостольского престола», а затем,

⁶⁷⁹ Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH. SS rer. Merov. T.2. S. 175.

⁶⁸⁰ Ibid. S. 175.

⁶⁸¹ «...sicque victor de hostibus triumphavit». Ibid. S. 175; здесь и далее перевод Д.Н. Ракова. См.: Продолжатели Фредегара / Пер. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredegar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV. 13.

⁶⁸² «Carolus nempe princeps Parisius basilicam sancti Dyonisii martyris multis muneribus ditavit; veniensque Carisiacum villam palatii super Issaram fluvium, valida febre correptus obiit in pace, cunctis in gyro regnis acquisitis». Ibid. S. 179; там же. IV. 24.

⁶⁸³ См., напр.: Васильевский В.Г. Основание и сущность спора Рота с Вайтцем по вопросу о секуляризации церковных имуществ у франков // Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 322-327.

уже став королём, «принял присягу от всех лучших людей»⁶⁸⁴. Р. Мюссо-Гулар считает, что последовавшее затем помазание Пипина на царство представляло с собой разрыв с древней франкской практикой: с этого момента избрание короля «всеми франками» перестало существовать⁶⁸⁵. Однако, скорее всего, обычай магнатов светских и духовных Франкского королевства являться на общее собрание для выслушивания и одобрения воли короля в то время ещё не отжил себя, и в данном случае мы имеем дело именно с ним⁶⁸⁶. Так или иначе, как и в «Деяниях мецских епископов» автор источника пытается внушить аудитории неизбежность принятия Пипином королевского титула, поскольку это событие было желаемо «всеми франками».

Далее в повествовании «продолжателя» контуры альянса новоиспечённого короля франков и Апостольского престола всё более вырисовываются: Пипин вместе с сыном Карлом встречается с папой, затем провожает его на зиму в Сен-Дени⁶⁸⁷. Победив угрожавшего папскому Риму короля лангобардов Айстульфа, Пипин, согласно хронике, «восстановил папу на его Апостолическом престоле, со всей его прежней властью»⁶⁸⁸.

⁶⁸⁴ «Quo tempore una cum consilio et consensu omnium Francorum, missa relatione, a sede apostolica auctoritate percepta, praecelsus Pippinus electione totius Franciae in sedem regni cum consecratione episcoporum, et subjectione principum, una cum regina Bertradane, ut antiquitus ordo deposcit, sublimatur in regno». Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH. SS rer. Merov. T.2. S. 182; Продолжатели Фредегара / Пер. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredegar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV. 33.

⁶⁸⁵ Mussot-Goulard R. Charlemagne. P. 50.

⁶⁸⁶ Утверждение о том, что под «всеми франками» подразумевались аристократия и духовенство можно найти уже в дореволюционной историографии: см., напр.: Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. СПб., 2006; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 380.

⁶⁸⁷ Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH. SS rer. Merov. T.2. S. 183; Продолжатели Фредегара / Пер. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredegar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015). IV.

⁶⁸⁸ «His itaque gestis, Pippinus rex praedicto Stephano papa cum optimatibus suis et multa munera partibus Romae cum magno honore direxit, et in sedem apostolicam incolumem, ubi prius fuerat, restituit». Ibid. S. 184; там же. IV. 37.

В лице Пипина Короткого мы обнаруживаем образцового христианского короля – защитника церкви. Тем самым, ещё более рельефно проявляется одна из основных, со времён Константина, функций идеального монарха. Как и у Павла Диакона, «Продолжатели Фредегара» показывают нам «разного» Пипина, способного так и на бранные подвиги, так и заботящегося о церкви во время мира. Власть Пипина, кроме того, уже начинает выходить за пределы собственно франкских земель: «продолжатель» без обиняков даёт понять, что новый король лангобардов – Дезидерий – является ставленником Пипина⁶⁸⁹.

Как и в случае с Константином и Хлодвигом, по другую от Пипина сторону баррикад действуют ярко выраженные антигерои: Айстульф и уже известный нам герцог Аквитании Вайофар. За свою нечестивость первый со смертельным исходом был сброшен с лошади⁶⁹⁰, второй же был убит своим приближёнными, *«как говорят – с молчаливого согласия короля»*⁶⁹¹. Интересно, что автор хроники не находит особых подробностей нечестия этих правителей, лишь по поводу Вайофара сообщая, что тот выкорчевал в Аквитании все виноградники, оставив церкви и монастыри без вина⁶⁹².

Бесспорно то, что в описании деяний правителей из рода Каролингов, в частности, Пипина Короткого, «продолжатели» поддержали франкскую традицию историописания: сосредоточившись на событиях вокруг войн и отношений правителей с церковью, Хроника «продолжателей» Фредегара предложила майордомам и королям Каролингской фамилии роли христианских правителей, которые они сыграли в меру собственного

⁶⁸⁹ Запросив мнение «совета знатных» (*consilio procerum suorum*), лангобарды избрали Дезидерия «по одобрению Пипина» (*consensu praedicti regis Pippini*). Ibid. S. 186; там же. IV. 39.

⁶⁹⁰ «Немного спустя, король лангобардов Айстульф охотился в лесу, и по божественному правосудию, лошадь сбросила его прямо на дерево и, как он того и заслуживал, он лишился и жизни и короны, и смерть была его была мучительной»; «*Post haec Aistulfus rex Langobardorum, dum venationem in quadam silva exercebat, divino iudicio, de equo quo sedebat super quamdam arborem projectus, vitam et regnum crudeliter digna morte amisit*». Ibid. S. 186; там же. IV. 39.

⁶⁹¹ «*Dum haec agerentur, ut asserunt, consilio regis factum, Waifarius princeps Aquitaniae a suis interfectus est*». S. 197; там же. IV. 52.

⁶⁹² Ibid. S. 189.

благочестия (особенно это удалось, разумеется, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому).

Для данного же исследования ценность «Продолжателей Фредегара» заключается в том, что они очертили круг вопросов, которые затем будут интересовать анналистику на протяжении очень долгого времени, и в центр которых будет поставлена именно фигура христианского монарха. Это – войны за утверждение христианства и все, что связано с церковью и её защитой. Именно на таком поприще проявит себя Карл Великий, которому, поэтому, суждено будет стать главным действующим лицом на историческом полотне, персонажем №1 в самой крупной хронике того времени – Анналах королевства франков.

Как и хроника «продолжателей», авторы первой части Анналов, осветившей 741-795 годы, описывая царствование Пипина, сосредотачивают своё внимание на военных походах первого короля-Каролинга и его взаимодействии с церковью. Причём анналист заставляет нас думать, что военные сюжеты интересовали его гораздо больше, и Пипин, как и его более прославленный сын, куда сильнее любил воинское поприще, чем законотворческую стезю, хотя, как нам известно, деятельность первых Каролингов, связанная с изданием капитуляриев, составляла значительный сегмент их деятельности⁶⁹³. В Анналах же, по меткому выражению самого их автора, душа короля Пипина разрывается «*в разные стороны из-за двух войн*»⁶⁹⁴ - аквитанской и баварской. На самом же деле, «театров военных действий» у Пипина III было не меньше, чем позднее у Карла Великого. Восемь лет (с 760 по 767 гг.) Пипин посвятил войнам в Аквитании, с приснопамятным герцогом Вайфаром⁶⁹⁵, в пяти записях – за 741, 747, 748,

⁶⁹³ См., напр.: *Mussot-Goulard R. Charlemagne.*

⁶⁹⁴ «...distracta et diversa animo propter duo bella». *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* // MGH. SS rer. Germ. S. 23. Здесь и далее – перевод А. Волынца. См.: *Анналы королевства франков 741-829 гг. (741-801 гг. – в редакции псевдо-Эйнхарда)* / Пер. А. Волынца // *Восточная литература* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info> (27.06.2015). I. 764.

⁶⁹⁵ *Ibid.* S. 18-26

753 и 758 годы – упоминаются походы против саксов⁶⁹⁶, дважды описываются крупные экспедиции против лангобардов (755-756 гг.), и столько же раз имели место войны с Баварией (743, 748 гг.)⁶⁹⁷, в то время как «безоговорочным» годом без походов указан лишь 759⁶⁹⁸.

Таким образом, в совокупности Пипин провоевал 17 из 27 лет своего правления в качестве майордома и, затем, короля, что вполне сопоставимо с динамикой царствования его сына. Более того: данный «послужной список» Пипина почти в деталях предвосхищает судьбу его сына-воителя: к четырём «сложившимся» в эпоху Пипина направлениям «внешней политики» царствование Карла добавило лишь войны в Испании, аварскую проблему, столкновения с норманнами и византийские перипетии, которые вообще сложно назвать войнами в средневековом их понимании. В данный перечень мы не включаем более эпизодические направления внешней деятельности Карла: такие как, например, славянское и бретонское⁶⁹⁹; кроме того, не стоит отделять отношения с герцогствами Сполето и Беневент от более общей лангобардской (итальянской) проблематики. По мнению же автора части *Анналов* за 741-795 годы, основные направления экспансии Франкского королевства в последней трети VIII – начале IX века будто бы складываются, как под копирку, уже в правление первого Каролинга. Всё это наводит на мысль, что образ Пипина-воителя был актуален для анналиста конца VIII века, который видел перед собой пример его великого сына.

Почему же более правомерно рассматривать политический путь Пипина, предложенный *Анналами* королевства франков, как образ, а не как объективное описание событий 741-768 годов?

⁶⁹⁶ Ibid. S. 3, 8-9, 10, 16.

⁶⁹⁷ Ibid. S. 14-15, 5, 6-7.

⁶⁹⁸ Ibid. S. 16-17.

⁶⁹⁹ А.П. Левандовский в своей биографии Карла Великого выделил взаимоотношения франкского короля с аварами, славянами и византийцами в отдельные главы, упомянув также и о начале набегов скандинавов. См.: *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 67-69, 69-73, 85-91, 146.

Дело в том, что если аквитанское, лангобардское и баварское направления внешней деятельности Пипина хорошо прослеживаются по другим источникам, в частности, по «Продолжателям Фредегара»⁷⁰⁰, то о войнах первого Каролинга с саксами говорят только Анналы королевства франков. Между тем, именно саксонские войны и последующая христианизация саксов стали сквозным сюжетом тех частей Анналов, которые повествуют о времени Карла Великого. Обращение в истинную веру родственного франкам германского племени саксов безусловно занимало ключевое место в планах расширения христианской империи Каролингов, ярко высвечивая её «германоограниченность» - нацеленность на включение в состав этой империи близлежащих германских земель, с явным неприятием славянского и тюркского элементов⁷⁰¹.

Утверждение христианской веры в соседних, находящихся буквально рядом, чуть ли не за соседним лесным массивом землях, безусловно рассматривалось элитой Франкской державы как славнейшая военно-паломническая эпопея их времени; об этом говорит хотя бы то, что она заняла огромное место как в современных Карлу источниках, так и в более поздних сочинениях⁷⁰². Для того, что понять, почему Пипин был обречён после своей смерти предстать в источниках в качестве христианского воителя, стоит остановиться более подробно на причинах актуальности темы «священной войны» в каролингских хрониках. Почему воинская (мирская) и интеллектуальная (церковная) элиты Франкского королевства придавали такое значение христианской экспансии?

⁷⁰⁰ См.: *Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii* // MGH. SS rer. Merov. T.2. S. 175-197.

⁷⁰¹ Подробнее см.: *Гайворонский И.Д.* Карл Великий и Аварский каганат: к вопросу о политике короля франков в Восточной Европе (на материалах франкских хроник и "Vita Karoli Magni" Эйнхарда) // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 1 / Отв. редактор А.Х. Даудов. СПб., 2013. С. 121-125.

⁷⁰² *Einhardi Vita Karoli Magni* / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. Cap. V-XV; *Nithardi Historiarum Libri IV* / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. I.

Ведущие историки рыцарского сословия – Ж. Флори и М. Кин – выделили особый период в истории Европы – IV-IX вв. - когда церковь осуществляла постепенное оправдание, а, затем, сакрализацию войны как войны справедливой, священной. В результате сформировалась две социальные корпорации: 1) клир, который является *milites Christi*, и чьё оружие – молитвы; 2) вооружённые миряне – тоже *milites Christi*, но с мечом в руках. Духовенство, оставляя себе право молиться, поручало рыцарству воевать за веру на поле брани, поскольку чувствовало свою незащищённость: вместе с обязанностью воевать, вручаемую мирянам, а затем только знати, возникал запрет для клириков носить оружие. Следовательно, церковная элита была крайне заинтересована в войнах за утверждение христианства – как реализации доктрины справедливой войны⁷⁰³. Заинтересованы были в экспансии христианства и те, кто служил её инструментом – светская знать: Ж. Флори отмечает, что в VIII-XI веках война была равносильна покаянию, а значит, открывала воинской элите путь к преодолению личных грехов на поле брани⁷⁰⁴. Не лишним будет заметить, что военные подвиги (которые были возможны в каролингское время лишь во время войны с язычниками и нечестивыми, оступившимися христианами) были основой личной доблести (*honor* или *virtus*) знатного человека Средневековья, которая, наряду с благородством (*nobilitas*), составляла достоинство дворянства⁷⁰⁵.

В качестве фактора активности военной элиты в Каролингскую эпоху могут быть названы и материальные стимулы. Во-первых, в свойственном варварам-германцам в целом, и франкам в частности, стремлении к военным предприятиям нет ничего удивительного: жажда добычи и славы была неременной частью германского воинского этоса⁷⁰⁶. Во-вторых, завоевание

⁷⁰³ Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. С. 35-52; Кин М. Рыцарство / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: Научный мир, 2000. С. 87, 288-289.

⁷⁰⁴ Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. С. 41.

⁷⁰⁵ Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Wehler H.U. 1990. Europäischer Adel 1750-1950. Göttingen, 1990. S. 21-24.

⁷⁰⁶ Wolfram H. The Roman Empire and its Germanic Peoples / Trans. T. Dunlap. P. 14-34; Storgaard B., Thompson L.G. The spoils of victory: the North in the shadow of the Roman Empire. Copenhagen, 2003; Speidel M.P. Ancient Germanic warriors. Warrior style from

земель для последующей раздачи знати могло быть одной из целей политики первых Каролингов⁷⁰⁷. В частности, историки неомарксистского направления, Б. Тешке и Х. Спрюйт, выделяют форму собственности и «совокупность имущественных прав», защищаемые господствующей «коалицией социальных сил» (иными словами, социальной группой, сословием – И.Г.), в качестве факторов, влиявших на внешнюю активность средневековых королевств⁷⁰⁸.

Таким образом, неудивительно, почему осуществлявшееся Карлом Великим на просторах романо-германской ойкумены распространение христианства оказало такое влияние на авторов *Анналов*. Стремясь установить преемственность между двумя правлениями, между деятельностью Пипина Короткого и Карла Великого, они включили в список деяний Пипина III походы против саксов, которых он, возможно, никогда не совершал. Если бы таковые имели место уже при Пипине, мы бы, безусловно, знали бы куда больше подробностей о них, ведь в живописании саксонской эпопеи Карла Великого анналисты не стеснялись упоминать сопровождавшие её детали и трудности!⁷⁰⁹ Ситуация забвения подробностей войн Пипина не представляется нам возможной: за вторую половину VIII века могло смениться, максимум, два поколения хронистов, кроме того в период Пипина и Карла круг королевских приближённых менялся медленно

Trajan's Column to Icelandic sagas. P. 10-40. *Философов И.Ю.* Феномен героического поведения в древней Скандинавии: идеальные модели и поведенческая практика (по данным эдических песен и саг о древних временах). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Саратов, 2011. С. 36.

⁷⁰⁷ *Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. С. 230-232.

⁷⁰⁸ *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 65; *Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton, 1994. P. 24-25.

⁷⁰⁹ Достаточно вспомнить сожжение саксами, сразу же после отбытия Карла в Италию, освящённой Бонифацием церкви во Фрицларе в 774 или окружение части франкского войска в 775 годах. *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* // MGH. SS rer. Germ. S. 37-42. По поводу действий, следовавших после того, как Карл отбывал на другой театр военных действий, очень метко писал А.П. Левандовский: «...едва лишь Карл или его военачальники покидали Саксонию, все прошлогодние успехи сводились на нет, и нужно было всё начинать сначала». *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 58.

и плавно, в отличие, например, от резкой смены придворного окружения при Людовике Благочестивом⁷¹⁰. Отсутствие крупномасштабных войн в «послужном списке» Пипина Короткого подтверждается и данными современной историографии. Крупнейшие специалисты по политической истории каролингского времени – П. Рише, Р. Шифер, Й. Бух и И. Гобри не выделяют никаких серьёзных кампаний, кроме лангобардской и аквитанской, акцентируя внимания на взаимоотношениях Пипина и папства, устройстве двора и церковной политике короля⁷¹¹. Подобное недоверие к чрезмерной «воинственности» Пипина в *Анналах* питали и представители старой историографии – Ф. Кампферс и Ф. Лот⁷¹², уделяя внимание лишь событиям в Ломбардии и Аквитании.

Всё вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что «Пипин-воитель» – скорее образ, созданный анналистами, чем объективная реальность 751-768 годов. Воинская составляющая в деятельности Пипина Короткого идеально вписывалась в создаваемый анналистикой образ первых Каролингов, как неумолимых воителей. Отсюда и сходство политических портретов Пипина и Карла, созданное, во многом искусственно. Но как эти реалии, отражённые в *Анналах*, соотносились в них с заявленной в источниках второй половины VIII века идеей христианского монарха? Присутствует ли в облике Пипина, созданном *Анналами* королевства

⁷¹⁰ Если упоминаемый в начале правления Карла Адалард явно не тождественен Адаларду Корбийскому, умершему в 826 году, то архикапеллан Фулрад, Керольд, будущий победитель авар, и канцлер Окер составляли окружение короля как в конце правления Пипина, так и в ранние годы царствования Карла Великого. См., напр.: Лэмб Г. Карл Великий. Основатель империи Каролингов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010. С. 10-39. О «количестве» тёзок среди каролингских магнатов, на примере южнофранкского магната Бернара, см.: Старостин Д.Н. Формирование княжеств в позднекаролингский период и отражение этого процесса в «Хронике» Адемара Шабанского // Молодой учёный. 2013. №7 (54). М., 2013. С. 326-333.

⁷¹¹ Gobry I. Pepin le Bref: père de Charlemagne, fondateur de la dynastie carolingienne. Paris, 2001; Schieffer R. Die Karolinger. S. 50-69; Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911. München, 2011. S. 12-19; Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 65-84. См. также: Bely L. History of France / Transl. by A. Moyon. Paris, 2001. P. 19.

⁷¹² Kampers F. Pepin the Short (1911) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11662b.htm> (дата обращения: 23.06.2015); Lot. F. La France des origines a la guerre de cent ans. P. 89-91; Lot. F. Naissance de la France. P. 298-316;

франков, защитник христианской церкви, преемник Константина и Хлодвига?

Безусловно, этот образ не чужд Пипину. Ещё в 749 (или 750 году) пока что ещё майордомом Франкского королевства к папе римскому Захарии были посланы епископ Вюрбурга Бурхард и капеллан Фулрад *«чтобы просить совета понтифика по делу королей, которые в то время были во Франкии, которые носили лишь королевское имя, но [не имели] никакой королевской власти»*⁷¹³. Разумеется, римский первосвященник ответил им, что королевское достоинство должно принадлежать подлинному носителю высшей власти, после чего *«своим авторитетом приказал поставить королём Пипина»*⁷¹⁴. Данный фрагмент анналов – самое прямолинейное сообщение франкских источников о санкции папы на смещение Хильдерика III с престола. Вероятно, Пипин хорошо понимал силу авторитета Римской церкви, поэтому и заручился её поддержкой в обмен на обязательства защиты. Ритуал священного помазания последовал практически незамедлительно, в 750 (или, как принято считать, 751) году: *«...по благословению римского понтифика Пипин был назван королём франков и в честь этого звания помазан святым маслом рукою святой памяти архиепископа и мученика Бонифация и по обычаю франков возведён на престол королевства [франков] в городе Суассоне. Хильдерика же, который ложно пользовался именем короля, после того как была острижена его голова, отправили в монастырь»*⁷¹⁵.

⁷¹³ «Burghardus Wirzeburgensis episcopus et Folradus capellanus missi fuerunt ad Zachariam papam, interrogando de regibus in Francia, qui illis temporibus non habentes regalem potestatem, si bene fuisset an non». Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi // MGH. SS rer. Germ. S. 8; Анналы королевства франков 741-829 гг. (741-801 гг. – в редакции псевдо-Эйнхарда) / Пер. А. Волынца // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info> (27.06.2015). I. 749 (750).

⁷¹⁴ «...per auctoritatem apostolicam iussit Pippinum regem fieri». Ibid. S. 8; там же. I. 749 (750).

⁷¹⁵ «Pippinus secundum morem Francorum electus est ad regem et unctus per manum sanctae memoriae Bonifacii archiepiscopi et elevatus a Francis in regno in Suessionis civitate. Hildericus vero, qui false rex vocabatur, tonsoratus est et in monasterium missus». Ibid. S. 9-10; там же. I. 750 (751).

Слова анналиста о «ложности» королевского имени Хильдерика очень характерны: с точки зрения церкви, титул, «королевское имя», и реальное содержание власти (говоря современным языком, форма и содержание) должны совпадать, и это подтвердилось всей последующей риторикой церковников каролингского времени; когда в IX веке содержание практики власти королей династии Каролингов переставало соответствовать предписываемым церкви обязанностям, они тут же оказывались недостойными носить «королевское имя»⁷¹⁶. Поэтому позиция папы отнюдь не является проявлением лицемерия, а отражает господствовавшие в церковной среде VIII-IX веков взгляды на власть.

Интересно, что помазание на царство было произведено над Пипином не просто членом церковной иерархии, а будущим мучеником Бонифацием, «апостолом Германии», претерпевшим свою смерть от рук язычников, во время святого дела распространения среди них христианского вероучения⁷¹⁷. Помазав Пипина, Бонифаций словно вручал новоиспечённому королю и всем его потомкам миссию утверждения христианства в граде земном.

Помазание священным миром наложило на Пипина ещё одно важное обязательство - миссию «защитника церкви», потребность в которой возникла, как только понтифик оказалась под угрозой лангобардского вторжения: согласно Анналам, в 753 году новый папа Стефан и Пипин встретились в Кьерси, где понтифик убеждал короля защитить Римскую

⁷¹⁶ Как отмечает А.Ю. Карачинский, «тираноборческие» идеи разрабатывались франкскими прелатами начиная с правления Людовика Благочестивого, содействуя утверждению негласного права знати восставать против королей. См.: *Карачинский А.Ю.* Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX-X вв. С. 21. В дальнейшем концепция тирании как отхода от господствующего идеала государя проникла в анналистику, где оказалась помещена в контекст внутридинастической борьбы борьбы 870-880-х годов. См.: *Гайворонский И.Д.* Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). С. 49; *Гайворонский И.Д.* Взгляд западных и восточных франкских хроник на призвание императора Карла III Толстого в Западно-франкское королевство // Журнал научных и прикладных исследований. 2013. № 6. С. 33.

⁷¹⁷ *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* // MGH. SS rer. Germ. S. 12.

церковь⁷¹⁸. В следующем году Пипин дал необходимое папе «клятвенное обещание о защите Римской церкви», вслед за чем состоялось второе помазание Пипина уже новым понтификом, к которому добавилось помазание на царство двух королевских сыновей - Карла и Карломана⁷¹⁹. Как было указано выше, в случае с лангобардами Пипин выполнил свои новые обязательства в полном объёме, прочно встав на путь христианского монарха.

Однако не следует думать, что защита церкви подразумевала лишь защиту папы и его владений: на примере противостоянии герцогу Вайфару мы видим, как Пипин стремиться защищать христианскую церковь в своих собственных землях: в 760 году сеньор Аквитании не пожелал вернуть некое имущество, принадлежащее церквям, «находящимся в руках короля Пипина»⁷²⁰. Вероятно, речь шла о каких-то церквях в Аквитании, но как-то связанных с королём, возможно, находившихся под его опекой. Своими действиями Вайфар, по словам анналиста, вынудил Пипина начать войну⁷²¹. Вступив в Аквитанию, король *«объявил, что он намерен взыскать имущество и права церквей посредством войны»*⁷²². Последствием этого шага была стремительная попятная Вайфара: герцог немедленно выслал посольство с обещанием восстановления прав церквей и выдачи необходимого Пипину числа заложников⁷²³. Приняв пленников, Пипин в полном соответствии с христианским идеалом монарха-мироотворца, воздержался от войны с Вайфаром⁷²⁴.

Итак, образ короля Пипина III, созданный анналистикой эпохи Карла Великого, включал две ипостаси: ипостась воителя и ипостась христианского

⁷¹⁸ Ibid. S. 11.

⁷¹⁹ Ibid. S. 11.

⁷²⁰ Ibid. S. 18.

⁷²¹ Ibid. S. 18.

⁷²² «Tunc Pippinus rex, cernens Waifarum ducem Aquitaniorum minime consentire iustitias ecclesiarum partibus, quae erant in Francia, consilium fecit cum Francis, ut iter ageret supradictas iustitias quaerendo in Aquitania». Ibid. S. 18; там же. I. 760.

⁷²³ Ibid. S. 18.

⁷²⁴ Ibid. S. 18.

монарха – защитника церкви. Какова была реальная почва такой интерпретации?

Став майордомом при Меровингах и, затем, королём, Пипин Короткий получил непростое наследство. Франкское королевство периода последних потомков Хлодвига представляло собой довольно рыхлое образование: далеко не все магнаты (и это хорошо видно на примере Аквитании) готовы были считаться с королевской властью; Бретань жила своей собственной жизнью, по сторону от восточных границ находился ряд беспокойных племенных образований. Среди них особенно выделялось уже окрепшее к тому времени герцогство Баварское. На юго-востоке же франки соседствовали с непредсказуемым Лангобардским королевством. Именно в таких сложных условиях Пипин должен был озаботиться сохранением собственной фамилии и созданием прочной системы власти во Франкии, которая бы обеспечила процветание династии.

Союз с римской курией только добавил Пипину новых задач, но, одновременно, подарил франкскому королю очень авторитетного в тогдашней Европе союзника. Поддержка Апостольского престола придала Пипину ореол подлинного Божьего помазанника, что не могло не подействовать на франкских церковных иерархов и нобилитет. К тому же нельзя забывать, что сами Каролинги, в отличие от Меровингов, были могущественными магнатами, с которыми остальной франкской знати приходилось считаться.

Но весь этот комплекс проблем мало волновал авторов Анналов королевства франков. Перед составителями этой хроники был яркий и безоговорочный пример – здравствовавший в годы написания памятника монарх – Карл Великий, идейный вдохновитель и заказчик династической анналистики. Его же поприщем были войны за расширение христианской империи и забота о матери-церкви. Пипина III необходимо было вписать в эту схему, иначе легитимность новой династии могла быть поставлена под сомнение в глазах потомства. Именно поэтому в сегменте Анналов за 741-

768 годы акцент сделан на воинские и церковные дела: авторы главного источника по франкской истории второй половины VIII века помещают Пипина у истоков христианской державы, у фундамента здания, блистательно завершённого его сыном Карлом к началу IX столетия.

Каким образом удалось это Карлу Великому? Как было указано выше, в описании практики действий Пипина и Карла авторы *Анналов* единодушны: оба монарха посвятили своё правление военно-дипломатическому поприщу и защите христианской церкви, причём первый аспект, как и ожидалось, проявился гораздо рельефнее.

Четыре направления внешней деятельности Карла выделяются если не по значимости, то по количеству упоминаний во всех фрагментах *Анналов*, охватывающих 768-814 годы: это войны с саксами (они упоминаются в 15 записях)⁷²⁵, взаимоотношения с арабами (сарацинами) и славянами (упомянуты в 9 записях)⁷²⁶, стычки с норманнами (данами), аварами (гуннами) и франко-византийская дипломатия (по 7 упоминаний под разными годами)⁷²⁷. Все остальные направления – итальянское (включающее сначала отношения с Лангобардским королевством, затем – с герцогствами Беневент и Сполето), баварское, испанское (астурийское) и, тем более, такие эпизодические направления «внешней политики», как бретонское и баскское, занимают в *Анналах* гораздо меньше места⁷²⁸.

⁷²⁵ Военные экспедиции против саксов Карл совершал в следующие года: 772, 774, 775, 776, 77, 778, 782, 783, 784, 785, 793, 796, 797, 798, 802 и 804.

⁷²⁶ Арабская тематика (относящаяся как к испанским, так и к средиземноморским маврам) отражена в записях за 777, 793, 797, 807, 809, 810 и 812 годы. Отношения со славянами, носившие разный характер, охватывают 782, 789, 791, 798, 805, 806, 808, 809 и 812 годы.

⁷²⁷ Авары беспокоили Карла в следующие годы: 788, 790, 791, 792, 793, 796, 805 и 811. Отношения с Византией упомянуты в сообщениях за 786, 788, 797, 798, 803, 811 и 812 года. Норманнской проблеме посвящены записи за 798, 800, 804, 808, 809, 810 и 811 года.

⁷²⁸ С басками франки столкнулись лишь в Ронсевальском ущелье в 778 году, после чего этот народ в *Анналах* не упоминается. Лангобардское королевство, герцогства Сполето и Беневенто, а также область Бретань имеют в хронике по 2 упоминания (773-774, 779, 799, 786, 788 и 786, 811 соответственно), отношениям с герцогом Баварским и христианскими государствами Испании посвящено по 3 года (781, 787-788 и 797-798 и 806 соответственно).

Прослеживается очевидная тенденция: наибольшее место в военно-дипломатической деятельности Карла занимает взаимодействие с *нехристианскими* народами, или, как в случае в Греческой империей, отошедшими от ортодоксального вероисповедания. Этот факт подтверждает обрисованную Анналами нацеленность политики Карла на расширение ареала распространения христианства. Однако здесь следует сделать несколько оговорок: действительного успеха каролингская христианизация, согласно Анналам, достигла лишь в отношении саксов. Несмотря на крещение правителя авар в 796 году⁷²⁹, нам ничего неизвестно о восприятии новой религии в разорённой войнами Паннонии. Попытки же христианизации славян и норманнов вообще не предпринимаются Карлом, а религиозно-политическое противостояние Франкской державы и Византийской империи со стороны короля франков предстаёт вялым и непоследовательным. То есть, если Карл и мечтал о водворении христианства во всех перечисленных регионах, то лишь слабо очерчивал задачи для своих преемников. Данный тезис подтверждается, к примеру, тем фактом, что Людовик Благочестивый (814-849 гг.), согласно тем же Анналам королевства франков, всё же приступил к христианизации данов⁷³⁰.

Суммируя указанное выше, можно смело подтвердить уже озвученный тезис: из текста Анналов чётко проступает цель христианизации окружающих Франкское королевство народов, однако в действительности Карл реализует эту задачу только по отношению к германским племенам, при этом непременно включая в состав своей державы уже исповедующие веру Христову народы лангобардов и баварцев, имеющие также германское

⁷²⁹ Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 100. Позднее, в записи за 805 год, каган «гуннов» упоминается в Анналах под христианским именем Теодор. Ibid. S. 120.

⁷³⁰ Архиепископ Реймский Эбо «по совету императора и властью римского понтифика с проповедью дошёл до датских краёв и прошлым летом крестил многих из них, приведя к вере». Там же. II. 823; «Cum quibus et Ebo Remorum archiepiscopus, qui consilio imperatoris et auctoritate Romani pontificis praedicandi gratia ad terminos Danorum accesserat et aestate praeterita multos ex eis ad fidem venientes baptizaverat, regressus est» Ibid. S. 163.

происхождение. Ярость норманнов, дикость славян и авар – всё это пока камень преткновения для франкского монарха.

Каков же Карл в своей второй ипостаси – защитника главного хранителя вероучения – Римской церкви?

Описывая эту часть политической практики Карла, анналисты продолжают традицию, использованную при написании портрета его отца: главным заступником церкви по обе стороны Альп является именно франкский монарх. Однако его действия в этом направлении – гораздо конкретнее тех, что наблюдались у Пипина.

В отличие от первого Каролинга, защищавшего, прежде всего, церковь как структуру и папство как институт, Карл Великий всеми силами борется за единообразие вероучения на территории христианского мира. Искоренение ереси и защита единства веры – вот главные задачи момента. Поэтому мимо Карла не проходит появление в Испании такой значимой ереси, как адоптианство⁷³¹: после заявления епископа Феликса Урхельского в переписке с епископом Толедо Элипандом о том, что Христос был усыновлён Богом-Отцом уже после Своего рождения, заблудший прелат попадает к королю в Регенсбург⁷³². Там специально собранный королём совет епископов уличает Феликса «в заблуждении»⁷³³. И только позднее, уже после того, как инспирированное королём собрание франкских прелатов осуждает еретика, он попадает в следующую, высшую инстанцию – папский суд в Риме. В соборе св. Петра, в присутствии самого понтифика Адриана, Феликс *«отверг заблуждение и отрёкся от своей ереси»*⁷³⁴. Опасная ересь адоптианства зарублена на корню – и в этом заслуга лично короля франков Карла.

⁷³¹ От глагола *adopto* – усыновлять (лат.).

⁷³² *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 91.*

⁷³³ *Ibid.* S. 91.

⁷³⁴ *«...facta suam heresim iterum abdicavit».* *Ibid.* S. 91; там же. I. 792.

Следующий этап борьбы за неприкосновенность христианской ортодоксии – отмежевание от иконоборчества, пустившего корни в восточной империи. С этой целью Карл, согласно Анналам, собирает в 794 году синод, в котором участвуют эмиссары папы римского⁷³⁵. Итогом этого знакового форума, собранного в пик Вселенскому собору 787 года⁷³⁶ и стремившегося вынести свой, «каролингский» вердикт инонокластам, стало осуждение как ереси иконоборчества, так и официального византийского иконопочитания, после чего *«общей властью епископов против неё была составлена книга, в которой они все собственноручно подписались»*⁷³⁷. Речь, вероятно, шла о составленных Теодульфом Орлеанским ещё в 790 году богословских «*Libri Carolini*»⁷³⁸. Охраняя единство вероучения, Карл выполняет функцию, ставшую одной из основополагающих для христианского монарха ещё во времена складывания мифа о Константине Великом.

После этого чистоте христианства на территории франкского мира уже ничто не угрожало, однако институт церкви, а именно его вершина –

⁷³⁵ «Pascha celebratum est in Franconofurt; ibique congregata est synodus magna episcoporum Galliarum, Germanorum, Italarum in praesentia iamfati principis et missorum domni apostolici Adriani, quorum nomina haec sunt, Theofilactus et Stephanus episcopi. Ibi tertio condempnata est heresis Feliciana, quam dampnationem per auctoritatem sanctorum patrum in libro conscripserunt, quem librum omnes sacerdotes manibus propriis subscripserunt»; «Король из-за осуждения феликсовой ереси в начале лета, тогда же когда провёл общий совет своего народа, собрал в том своём поместье совет епископов из всех провинций своего королевства. На том самом синоде присутствовали также и послы святой римской церкви, епископы Теофилакт и Стефан, как уполномоченные папы Адриана, которым они были посланы. На том совете и упомянутая ересь была осуждена, и общей властью епископов против неё была составлена книга, в которой они все собственноручно подписались. Синод же, который несколькими годами ранее при Ирине и её сыне Константине был созван в Константинополе и объявлен ими не только седьмым, но также и вселенским, был всеми [епископами] полностью отвергнут как излишний, [с тем] чтобы он не считался и ни седьмым, и ни вселенским». См.: Ibid. S. 95; там же. I. 794.

⁷³⁶ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 324.

⁷³⁷ «auctoritatem sanctorum patrum in libro conscripserunt, quem librum omnes sacerdotes manibus propriis subscripserunt». Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 95; Анналы королевства франков 741-829 гг. (741-801 гг. – в редакции псевдо-Эйнхарда) / Пер. А. Волынца // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info> (27.06.2015). I. 794.

⁷³⁸ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 328.

папа римский - всё же подвергся угрозе, как и за полвека, когда Риму угрожал Айстульф. В жернова борьбы римских аристократических партий попадает новый понтифик – Лев III, покалеченный некими злоумышленниками на улицах Рима⁷³⁹. Ещё до этого, в 796 году, первосвященник выказывает Карлу знаки почтения: присылает ему ключи от гробницы св. Петра, знамя Рима и другие дары⁷⁴⁰. Подобный акт наделял получателя – Карла – функцией покровительства Вечному городу, что ещё более возвышало статус франкского монарха в глазах церкви. Присылка понтификом даров как бы обновляет союз между королём франков и папой римским, заключённый при Пипине и уже раз обновлённый в начале 70-х годов VIII столетия.

Отсюда – необходимость вновь прийти папе на помощь: на «зимнюю квартиру» Карла в Падерборн прибывает Лев III, которого король принимает «весьма почтительно»⁷⁴¹. После того, как папа сообщил Карлу «всё необходимое», он, в сопровождении королевских послов, *«с большим почётом был отведён обратно в Рим и восстановлен на своём месте»*⁷⁴². Итак, Апостольское достоинство реанимировано, но не до конца: ещё предстоят события 800-801 годов: очистительная клятва Льва и наказание преступников⁷⁴³. Всё это происходит под чутким взором находящегося в Риме короля.

Дальнейшие события, развернувшиеся вокруг личности монарха, начиная с имперской коронации и заканчивая смертью Карла, выходят за рамки этой главы, поэтому мы намерены остановиться на том, что произошло в период до 25 декабря 800 года. Попадая в папскую столицу,

⁷³⁹ Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 107.

⁷⁴⁰ Ibid. S. 98.

⁷⁴¹ Ibid. S. 107.

⁷⁴² «ibique reditum Carli filii sui ex*pectans Leonem pontificem simili, quo susceptus est, honore dimisit; qui statim Romam profectus est». Ibid. S. 108; там же. I. 799.

⁷⁴³ Ibid. S. 110, 114.

Карл удостоивается новых почестей: понтифик встречает его на ступенях собора св. Петра и представляет всем собравшимся в базилике⁷⁴⁴. Наконец, ещё один священный для христианской церкви город веряет себя покровительству короля - из Иерусалима возвращается пресвитер Захарий, посланный туда ранее Карлом: королевский эмиссар приводит с собой двух палестинских монахов, вручающих Карлу ключи от Гроба Господня и знамя Голгофы⁷⁴⁵. Это вручение – яркий эпизод в череде триумфов Карла в 800 году, которая увенчается императорской короной. В этой связи нужно понимать театральность происходящего: в момент паломничества короля и, одновременно, осуществления правосудия над врагами папы, незадолго до имперской коронации, Карл получает реликвии из Иерусалима – священного христианского города.

Итак, король франков Карл – не только истый христианский воитель, но также и могущественный защитник церкви, и третейский судья в церковных вопросах. Его богоизбранность подтверждают описанные анналистами чудеса, выступающие проявлениями божественной воли: в саксонской экспедиции 772 года, в ситуации угрозы жажды в войске, из земли рядом с лагерем неожиданно начинает бить фонтан воды⁷⁴⁶; в году 774 сами саксы, замыслив поджечь церковь во Фрицларе, подвергаются внезапно нашедшему на них ужасу⁷⁴⁷ – сюжет, распространённый в житийной литературе.

Проведённый выше анализ многочисленных и довольно разнородных сюжетов, описанных «Хроникой продолжателей Фредегара» и тремя частями Анналов королевства франков - за 741-795, 796-801 и 808-819 годы - позволяет ответить на главный вопрос: создала ли династическая анналистика второй половины VIII века образ монарха, достаточный для

⁷⁴⁴ Ibid. S. 110.

⁷⁴⁵ Ibid. S. 111.

⁷⁴⁶ Ibid. S. 34.

⁷⁴⁷ Ibid. S. 37-38.

понимания господствовавших в среде элиты представлений о власти в тот период? Можно ли, по крайней мере, вычленить те принципы, на которых должна была строиться практика действий монарха в указанный временной отрезок?

На первый взгляд, в данном контексте анналистика предстаёт довольно бедным источником: составители даже избегают превосходных эпитетов по отношению к монархам. Какие-либо авторские идеи относительно образа монарха, лирические отступления анналистов о природе власти отсутствуют как у «продолжателей Фредегара», так и в *Анналах*. Это неудивительно: в источниках такого рода, как *анналы*, автор старается скрыть свою личность и сделать, тем самым, повествование максимально сухим и обезличенным.

Однако задача легитимации новой династии, поставленная ею перед анналистикой, диктовала необходимость расстановки акцентов в описании практики действий первых Каролингов, фокусировки внимания авторов на проблемах, наиболее актуальных в момент становления мощной Франкской державы. Такими проблемами во второй половине VIII века были обеспечение благоприятного положения на границах королевства и укрепление союза с христианской церковью.

Эти проблемы заслонили в глазах анналистов другие: законодательную деятельность Каролингов, их взаимодействие со знатью, отношения внутри правящей фамилии. Все важные внутренние моменты отошли в тень по сравнению с военной эпопеей первых Каролингов и налаживанием ими отношений с авторитетным союзником – Апостольским престолом. Таким образом, политическая реальность второй половины VIII века спровоцировала определённые акценты в анналистике. Однако, расставив акценты подобным образом, авторы *анналов* не прямо, но косвенно указали нам на тот, если не идеал монарха, то хотя бы перечень задач, которые предписывались монарху во второй половине VIII века. Концепция власти, родившаяся в тот период, включала две ипостаси для монарха: а)

христианский воитель, направляющий свои усилия на распространение веры вовне; б) защитник церкви и единства веры. В эту концепцию идеально вписывался Карл Великий, который и вдохновил её появление своим ярким примером. Его же отец Пипин III был искусственно вписан в эту схему анналистами, и насколько реальной была в его деятельности воинская составляющая, уже не представляется возможным выяснить.

Тем не менее, по мнению авторов хроник второй половины VIII века, оба первых Каролинга выполняли одну миссию - миссию создания мощной христианской державы на территории романо-германской ойкумены, осуществление которой проходило в тесном союзе со Святой Римской церковью. В глазах церковных интеллектуалов того времени это был, несомненно, славный путь к всемирной христианской империи, которую предстояло возглавить Карлу Великому. И не случайно идею этой империи предстояло сформулировать самому видному представителю «каролингского ренессанса» времени его первых шагов – дьякону Алкуину.

3.4. Идея христианской империи: наследие Алкуина

Алкуин (Флакк Альбин) – знаковая личность не только для франкской истории, но и для всего раннего Средневековья, когда христианство только искало путь в умы и сердца народов, ещё только начинавших выходить из «варварства». Именно Алкуина стоит называть вторым, вслед за Григорием Великим, столпом христианского просвещения в среде германских народов, который не только выступал за распространение образованности в Европе, но и, руками короля Карла, преобразил теорию в практику. Кроме того, нелишним будет вспомнить, что, несмотря на присутствие рядом с Карлом Великим в конце VIII века целой плеяды талантливых интеллектуалов, Алкуин продолжает восприниматься исследователями как самый крупный и авторитетный мыслитель эпохи Карла Великого⁷⁴⁸.

⁷⁴⁸ Литература об Алкуине, без преувеличения, необозрима, поэтому мы укажем лишь важнейшие работы последних лет: *Garrison M., Nelson J.L., Tweddle D. Alcuin and*

Эпистолярное наследие Алкуина было целиком издано в 1895 году институтом *Monumenta Germaniae historica*⁷⁴⁹. Насколько оно важно как исторический источник, показал американский историк Рольф Барлоу Пэйдж, написавший в 1909 году книгу «Письма Алкуина»⁷⁵⁰. Во-первых, письма йоркского прелата представляют собой не только часть его трудов, но и являются следами деятельности тех людей, с которыми общался и взаимодействовал Алкуин. Во-вторых, они органично дополняют другие работы диакона, делая исторический портрет Алкуина законченным. В-третьих, они дополняют материал других современных Альбину источников. И, наконец, в-четвёртых, корреспонденция Алкуина – неоднородна, и включает также его ответы другим людям и даже письма не его авторства⁷⁵¹. Исследуя переписку Алкуина, Р.Б. Пэйдж увидел то, что было очевидно и ранее, но никем из историков не высказывалось: корреспонденция Флакка Альбина всеохватна, она затрагивает все самые острые вопросы его эпохи: богословские, политические, социальные, культурные. Нет такой социальной группы, о которой бы не писал Алкуин, нет такого заметного политического деятеля, которому бы не адресовал йоркский прелат свои послания, нет такого вопроса, по которому бы Алкуин не высказал своего мнения⁷⁵². Таков, в общих чертах, взгляд Р.Б. Пэйджа на ценность писем Алкуина как источника, взгляд, как мы увидим далее, абсолютно правомерный.

Историки разных эпох акцентировали внимание на разных аспектах многогранной личности Алкуина. Но всегда наибольший интерес к ней проявляли англоязычные историки, справедливо считая Флакка Альбина продуктом англосаксонской системы просвещения, чисто островным гением.

Charlemagne: the Golden Age of York. York, 2001; *Bullough D.A.* Alcuin: Achievement and reputation. Leiden, 2004; *Springsfeld K.* Karl der Große, Alkuin und die Zeitrechnung // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2004. №27. Lubeck, 2004. S. 53–66; *Depreux P.* Alcuin, de York à Tours. *Ecriture, pouvoir et réseaux dans l'Europe*. Rennes, 2005.

⁷⁴⁹ *Alcuini sive Albini epistolae* // *MGH. Epistolae Karolini aevi*. T.2 / *Recensvit E. Dvemmmler*; *edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi*. Berolinus, 1895. S. 1-488.

⁷⁵⁰ *Page R.B.* The Letters of Alcuin.

⁷⁵¹ *Ibid.* P. 7.

⁷⁵² *Ibid.* P. 8.

Однако первая крупная биография йоркского клирика оказалась написана немцем Фредериком Лоренцем, и вышла в свет в 1837 году, явившись ровесницей работ Ф. Гизо. Впрочем, практически сразу «Жизнь Алкуина» попала в Англию, будучи переведённой Ж.М. Сли⁷⁵³.

Признавая то, что упомянутая биография – подробный источник фактов о жизни Альбина, наибольшей интерес для нас представляют взгляды Ф. Лоренца два момента: насколько велико было влияния Алкуина на Карла, и какую роль британский диакон сыграл в политической практике монарха.

На первый вопрос немецкий исследователь отвечает достаточно однозначно: свободное от войн время, а именно зиму, Карл проводит в одной из своих резиденций. Там, находясь в кругу семьи, он тесно общается с Алкуином, который выступает для короля франков в качестве личного педагога⁷⁵⁴. Свои преподавательские усилия Флакк Альбин направляет на обучение монарха «семи свободным искусствам», каждое из которых, по мнению мэтра, важно и помогает верно постичь христианскую мудрость. Риторика, ведущаяся в привлечении цитат из античных авторов и включающая знаменитые алкуиновские «загадки», помогает приспособить древнюю мудрость к истинной вере. Астрология приобретает важность во взаимодействии с теологией, геометрия помогает понять ценность науки, музыка – высоко оценить важность просвещения и т.д.⁷⁵⁵ Алкуин, подчёркивает Ф. Лоренц, надеялся увидеть во Франкии «новые Афины», но гораздо более совершенные, чем древний греческий город, потому что в Афинах Карла должны были соединиться христианская мудрость и философия Платона. Между тем, сам франкский монах, по мысли Алкуина, должен был стать «солнцем», освещающим «новые Афины»⁷⁵⁶.

Но массивированный «мозговой штурм» Алкуина не ограничивается «тривиумом» и «квадривиумом»: именно йоркский мудрец, по мнению Ф.

⁷⁵³ *Lorenz F. The Life of Alcuin.*

⁷⁵⁴ *Ibid.* P. 23.

⁷⁵⁵ *Ibid.* P. 24-36.

⁷⁵⁶ *Ibid.* P. 48.

Лоренца, преподаёт Карлу основы политической теологии: в алкуиновских представлениях о власти существуют три высших достоинства: королевское, императорское и папское. К первому принадлежит король франков, ко второму – византийский василевс, к третьему – римский понтифик. Высшим на земле и самым главным из них является папское достоинство⁷⁵⁷. На этом основании Ф Лоренц делает вывод: в политической системе Алкуина первое место, таким образом, у духовной власти, у светской же – только второе⁷⁵⁸. Согласно же градации «трёх достоинств», Карл занимает лишь третье место, пропуская вперёд восточного императора и римского папу. Однако фактически, по уровню процветания и благополучия королевства Алкуин отводит королю франков первое место⁷⁵⁹. В этом – весь Алкуин, являвшийся реалистом, а отнюдь не отвлечённым теоретиком. Превознося достоинство своего патрона, он превращается в идеолога Каролингской монархии. Тем не менее, как замечает Ф. Лоренц, далеко не во всём пастырь и монарх единомышленны: в то время как Алкуин в деле крещения саксов делает акцент на добровольном принятии диким племенем новой веры, Карл делает ставку на силовое решение вопроса, фактически не слушая советов Альбина⁷⁶⁰.

Гораздо более интересна позиция Ф. Лоренца по поводу роли Алкуина в принятии Карлом политических решений, и здесь немецкий историк задаёт тон будущим исследованиям, рассматривая влияние политической теологии Алкуина на Карла сквозь призму событий 799-800 годов. Ф. Лоренц показывает, что первоначально взаимоотношения с папой – исключительной королевская прерогатива, поле, на котором Карл ведёт самостоятельную политику: в одном из писем Алкуину Карл говорит, что хочет подтвердить союз с новоизбранным папой Львом III и защищать святую церковь⁷⁶¹. Однако как только папа подвергается насилию, причём такому, от которого король франков физически был не способен его

⁷⁵⁷ Ibid. P. 37-39.

⁷⁵⁸ Ibid. P. 193.

⁷⁵⁹ Ibid. P. 39.

⁷⁶⁰ Ibid. P. 41.

⁷⁶¹ Ibid. P. 196-197.

защитить (нападение прямо на улицах Рима), Карлу становится необходим совет Алкуина⁷⁶². Почему вдруг столь очевидное ранее дело защиты Римской церкви стало для короля франков предметом раздумий? Дело в том, что, дойдя до Франкии, рассказ о нападении на Льва оброс гротескными подробностями, включая ослепление понтифика и обвинения во всевозможных грехах в его адрес, из-за которых якобы и было совершено нападение. Малейшая возможность, что непогрешимый папа может быть в чём-то виновен, ввела Карла в замешательство. Тут-то, по мнению Ф. Лоренца, и приходит на помощь Алкуин со своей непреклонной позицией: величие и непогрешимость сакрального папского достоинства совершенно не зависят от того, какие преступления совершает папа в качестве человека. Долг короля франков – немедленно прервать саксонскую войну и прийти на помощь папе, безоговорочно восстановив папскую власть во всей полноте⁷⁶³. Карл откликается на призыв, но всё равно ухитряется поступить по-своему: как прямолинейный варвар, он не может закрыть глаза на безответные обвинения в адрес своего союзника, поэтому устраивает справедливый суд, на котором папа специальной клятвой очищается от обвинений⁷⁶⁴.

В последующие несколько месяцев взаимодействие Карла и Алкуина заметно слабеет по объективным причинам: король отправляется в Рим, а Альбин остаётся в Туре, поражённый болезнью. Причины и значения коронации Карла в Риме, отмеченные Ф. Лоренцом, будут разобраны нами позднее, однако стоит отметить, что, по мнению немецкого исследователя, Алкуин не только приветствовал императорскую корону на челе франкского монарха, но и готов был оказать всяческую поддержку брачному проекту Карла и Ирины Византийской с целью восстановить Римскую империю во всей полноте⁷⁶⁵. Разбор правомерности такого подхода Ф. Лоренца будет

⁷⁶² Ibid. P. 198.

⁷⁶³ Ibid. P. 198.

⁷⁶⁴ Ibid. P. 201.

⁷⁶⁵ Ibid. P. 216.

произведён нами в соответствующем параграфе, пока же подытожим главное: первое же крупное исследование деятельности Алкуина представило его не просто как главного ментора франкского короля, но и как его главного политического советника.

Книга Ф. Лоренца задала тон в изучении жизненного пути Алкуина, который отныне стал рассматриваться исследователями во всём его многообразии. Одновременно, после выхода упомянутой работы изучение деятельности Алкуина неизбежно сопровождается изучением его обширной переписки. Однако уже в конце XIX века (первое издание - в 1892 году), когда в свете штудий Н.Д. Фюстеля де Куланжа интерес к каролингским сюжетам возрос как в Старом, так и в Новом свете, вышла книга американского историка А.Ф. Уэста «Алкуин и подъём христианских школ»⁷⁶⁶. Уже из самого названия ясно, что исследователь решил сделать акцент на просветительско-педагогической деятельности Алкуина. А.Ф. Уэст выделил несколько этапов в биографии пастыря, описав её английский, придворный и «турский» этапы⁷⁶⁷. Как и Ф. Лоренц, А.Ф. Уэст подчёркивал разностороннюю эрудицию Алкуина, отметив сочетание в его педагогической манере простоты стиля и сложных учёных дискуссий⁷⁶⁸. Как показал калифорнийский учёный, Алкуин не только собирал и переписывал античные тексты, но и корректировал в них орфографию и пунктуацию⁷⁶⁹.

Однако не только занятия с Карлом в Дворцовой Академии, а затем уединение в аббатстве волновали Алкуина, но и происходящее в Европе. А.Ф. Уэст отмечает, что из Тура Флакк Альбин «обозревал всё происходящее в королевстве», продолжая, таким образом, даже вдали от двора оставаться политическим советником короля⁷⁷⁰. Именно А.Ф. Уэст обращает пристальное внимание на то, что Алкуин настойчиво сравнивает Карла с Давидом, подчёркивая, что он, второй Давид – правитель лучшего, по

⁷⁶⁶ West A.F. Alcuin and the rise of the Christian schools.

⁷⁶⁷ Ibid.

⁷⁶⁸ Ibid. P. 81.

⁷⁶⁹ Ibid. P. 73.

⁷⁷⁰ Ibid. P. 78.

сравнению с древнееврейским, народа⁷⁷¹. В исследовании А.Ф. Уэста знаток богословия Алкуин активно участвует в двух крупнейших теологических спорах своего времени: споре вокруг осуждения иконоборчества и диспуте с adoptionистами: именно Алкуин, по мнению А.Ф. Уэста, пишет «Каролингские книги», осуждающие статьи Никейского собора закрепившие идолопоклонство в Византии⁷⁷². Позднее, весной 800 года, именно Алкуин в диспуте с Феликсом Ургельским разбивает аргументы ересиарха, вынуждая того вернуться к ортодоксальному учению⁷⁷³. Таким образом, Алкуин активно помогает Карлу защищать чистоту и единство христианства во франкских землях, т.е. исполнять миссию, унаследованную франкским королём от Конснатина и Хлодвига.

Активным советчиком выступает Алкуин и во время событий, развернувшихся вокруг священной особы Льва III: из-за ухудшающегося здоровья пастырь вынужден отклонить приглашение Карла отправиться с ним в Рим, но, вместе с тем, не забывает убеждать короля о необходимости такого вояжа ради спасения папы⁷⁷⁴. После совершения в Риме коронации, Алкуин свидетельствует Карлу своё глубокое почтение и, вместе с поздравлениями, присылает монарху копию Священного писания⁷⁷⁵. Таким образом, в монографии А.Ф. Уэста Алкуин – деятельный советник и помощник Карла Великого на поприще охраны христианской веры.

Подобный подход к личности Алкуина также предложил уже упомянутый нами Р.Б. Пэйдж в монографии «Письма Алкуина». По мнению учёного из Колумбийского университета, Алкуин не только затронул в своих письмах все актуальные вопросы своего времени, но был единственным человеком, способным создать «надлежащую политическую и социальную концепцию своего времени»⁷⁷⁶. Проще говоря, Алкуин являл собой

⁷⁷¹ Ibid. P. 81.

⁷⁷² Ibid. P. 62.

⁷⁷³ Ibid, P. 84.

⁷⁷⁴ Ibid. P. 86.

⁷⁷⁵ Ibid. P. 87.

⁷⁷⁶ Page R.B. The Letters of Alcuin. P.8.

мыслителя, способного в то время создать цельную концепцию власти и общества, стать идеологом новой монархии. Этим он был особенно интересен Р.Б. Пэйджу, этим он привлекает и автора этих строк. Как считает автор «Писем Алкуина», именно пастырь из Йорка сформулировал теорию религиозного авторитета папы, за пределы которого его власть не распространяется⁷⁷⁷. Далее начинается «вотчина» главного героя своего века – Карла Великого, который для Алкуина, по мнению Р.Б. Пэйджа, является основным действующим лицом его писем. По мысли исследователя, Алкуин и его современники видели в Карле короля и императора с точки зрения идеологии Ветхого завета. Для Алкуина и его современников Карл Великий – пророк-священник и король-воин. Его деятельность охватывает все насущные вопросы своего времени: распространение христианства среди язычников, наставление поданных в постижении истинной веры, забота о мире в королевстве, законодательная и судебная стези⁷⁷⁸. Карл вездесущ, почти абсолютен: он учит воинов обращаться с оружием, не забывая и о их боевом духе; клир и народ монарх убеждает следовать во всём христианскому смирению; своих советников Карл ведёт по пути мудрости и справедливости⁷⁷⁹. Р.Б. Пэйдж правомерно заявляет: признавая и ошибки Карла, Алкуин, тем не менее, совершенно ослеплён его гением. В переписке Алкуина Карл стоит «впереди всех», возвышается в своём величии, являет собой живое «вдохновение века»⁷⁸⁰. Работа Р.Б. Пэйджа ещё раз убеждает нас: при разборе восприятия фигуры монарха в век Карла Великого современный исследователь не может игнорировать корреспонденцию Алкуина.

До того, как в XX веке от изучения личностей историки перешли к исследованию социальных групп, в 1922 году в серии «Католические

⁷⁷⁷ Ibid. P. 41.

⁷⁷⁸ Ibid. P. 41.

⁷⁷⁹ Ibid. P. 60.

⁷⁸⁰ Ibid. P. 59.

мыслители» успела выйти книга Эзель Мари Вильмот-Бакстон «Алкуин»⁷⁸¹, во многом подытожившая историю изучения йоркского пастыря как отдельного действующего лица Каролингской эпохи. Одновременно, монография американского учёного отличается весьма своеобразными акцентами в описании взаимоотношений Алкуина и Карла.

Алкуина, которого исследователи и по сей день отмечают как авторитетного мыслителя рядом с Карлом Великим, Э.М. Вильмот-Бакстон вознесла на недостижимую высоту, показала Флакка Альбина как исторического деятеля европейского масштаба. По мнению американской исследовательницы, распространяя христианское просвещение в Британии и континенте, Алкуин сохранил международное единство Европы и вновь воссоздал на её просторах систему образования, утраченную с уходом Античности⁷⁸². Как удалось это представителю духовенству, человеку, никогда непосредственно не входившему во властные элиты? Е.М. Вильмот-Бакстон высказывает мысль, всё это удалось благодаря союзу Карла и Алкуина, воина и интеллектуала, неутомимости воителя и ума мудреца, из которого, по выражению историка, складывалась «душа Европы»⁷⁸³. В книге Е.М. Вильмот-Бакстон вводится побуждающий мотив, необходимость такого колоссального сплочения Европы – угроза наступающего ислама. Именно в этих условиях трудится Алкуин, педагогические методы которого являются «начальной школой Европы»⁷⁸⁴.

В этом контексте велика роль Альбина как учителя Карла Великого; по мысли Э.М. Вильмот-Бакстон, именно Алкуин все величайшие свершения могучего короля франков: конструирование идеала культуры, рыцарского идеала, обретение семейных ценностей, национального величия и, конечно, забота о чистоте вероучения и истинности религиозной практики⁷⁸⁵. Каким же образом, по мнению американского историка, Алкуину удалось добиться

⁷⁸¹ *Wilmot-Buxton E.M. Alcuin.*

⁷⁸² *Ibid.* P. 12.

⁷⁸³ *Ibid.* P. 12.

⁷⁸⁴ *Ibid.* P. 16.

⁷⁸⁵ *Ibid.* P. 14.

такого влияния на сильного и независимого монарха? Э.М. Вильмот-Бакстон видит причину в изначальном тяготении Карла к обучению, обусловленном врождённой суеверностью и набожностью, свойственной всем варварам-германцам⁷⁸⁶. На поприще создания христианской Европы Алкуин – душа и двигатель процесса, ментор и учитель для франкского короля, держащий инициативу в деле христианского возрождения в своих руках: Э.М. Вильмот-Бакстон удивляется тому, что идеи, целиком и полностью принадлежащие Алкуину, были реализованы «человеком без дара оригинальности»⁷⁸⁷.

В конкретных политических перипетиях Алкуин выступает главным советчиком монарха: Э.М. Вильмот-Бакстон даже патетично называет его Советником⁷⁸⁸. Однако исследовательница, как и её предшественники, признаёт, что доказательства прямого участия Алкуина в проекте имперской коронации Карла отсутствуют. Как и Ф. Лоренц, она лишь предполагает, что такое событие не могло пройти «мимо ума такого человека, как Алкуин»⁷⁸⁹. Неизбежность воссоздания Западной империи под властью такого могучего лидера, как Карл, Э.М. Вильмот-Бакстон представляет как созвучную мыслям Алкуина⁷⁹⁰. В качестве доказательства она указывает на письма Карла к своему учителю, в которых он просит совета насчёт союза и, возможно, будущего брака с императрицей Ириной⁷⁹¹. Вслед за Ф. Лоренцем⁷⁹², Э.М. Вильмот-Бакстон считает, что только придворные интриги и последовавшее за ними свержение Ирины предотвратили объединение двух империй на основе династического брака⁷⁹³.

Все упомянутые авторы рассматривали взаимодействие Алкуина и Карла с точки зрения полного соответствия их идей последующем ходу событий, а именно осуществлённому в 800 году сценарию имперской

⁷⁸⁶ Ibid. P. 14.

⁷⁸⁷ Ibid. P. 15.

⁷⁸⁸ Ibid. P. 161.

⁷⁸⁹ Ibid. P. 162.

⁷⁹⁰ Ibid. P. 163-164.

⁷⁹¹ Ibid. P. 170.

⁷⁹² Lorenz F. The Life of Alcuin. P. 217.

⁷⁹³ Wilmot-Buxton E.M. Alcuin. P. 171.

коронации. Примером сомнения в совпадении концепций Алкуина и папского варианта церемонии является историк Дитэр Хэгерманн, серьёзно вникнувший в источники, сообщающие о коронации и событиях, ей предшествующих⁷⁹⁴. По мнению Д. Хэгерманна, хотя и называя королевское достоинство Карла третьим по рангу, Алкуин не просто выделял его, но настаивал на его превосходстве: мудростью и величием королевская власть превосходит все другие потому, что возложена на Карла велением самого Господа Иисуса Христа.⁷⁹⁵ Юридические аспекты правомерности обретения франкским монархом императорского титула не интересуют Алкуина: по мнению йоркского пастыря, в результате смещения византийского кесаря Константина VI императорский трон является вакантным. Поэтому вопрос о том, кто должен стать на защиту папы и называться императором, для Алкуина не стоит: этим лидером должен стать Карл⁷⁹⁶. С точки зрения Д. Хэгерманна, признание Ирины императрицей противоречило «западному менталитету», которым, в том числе, обладал Алкуин⁷⁹⁷.

Для Алкуина важно не то, что будущая империя на Западе будет новой Римской империи, для него важно то, что она будет *христианской империей*, а Карл – «новым Давидом», способным, в отличие от византийских василевсов, разрешить политические катаклизмы в Риме. Вопрос об императорском достоинстве – исключительно в руках короля франков и папы римского. Однако франкский король – выше как Ирины, так и Льва, потому что, согласно Алкуину, Христос сам призвал Карла быть императором. Таким образом, Алкуин подводит к мысли, что богоизбранному Карлу Великому, второму Давиду, не нужна особая санкция на получение императорского достоинства, которым он уже, по факту, обладает⁷⁹⁸. Анализ некоторых писем Алкуина, который будет проведён нами

⁷⁹⁴ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. Berlin, 2000.

⁷⁹⁵ Ibid. S. 385.

⁷⁹⁶ Ibid. S. 385.

⁷⁹⁷ Ibid. S. 386.

⁷⁹⁸ Ibid. S. 386.

ниже, покажет, что Д. Хэгерманн оказался наиболее близок пониманию идей Алкуина.

В целом, все перечисленные выше работы, посвящённые деятельности Алкуина, подтвердили ранее выдвинутый нами тезис: несмотря на то, что наша работа основывается, прежде всего, на повествовательных источниках, оставить без внимания эпистолярное наследие Алкуина означает, фактически, проигнорировать ключевую концепцию власти и образа монарха эпохи Карла Великого. Одновременно, немалую роль в предпочтении писем Алкуина является его островное происхождение: исследования последних лет, освещавшие проблему сакральности власти в раннее Средневековье, особое внимание уделяют влиянию островных, принесённых из Британии, идей власти и персонального благочестия⁷⁹⁹. И если Х.Х. Антон исследовал влияние идей Псевдо-Киприана на концепцию власти франкских королей⁸⁰⁰, то Ф.-Р. Эркенс сделал акцент на влиянии, которое оказала на континентальную сакральность власти ирландская модель благочестия, суть которой – во внутреннем преодолении греха, изгнания сатаны из сердца⁸⁰¹. И в этом смысле весьма перспективной, на наш взгляд, является попытка проследить, оказали ли идеи ирландского благочестия на политическую теологию интеллектуала из Йорка.

Отнюдь не все письма Алкуина являются эпистолярными вариантами зеркал, не все они нацелены на восхваление государя. Большинство из них, напротив, посвящено другим вопросам: теологическим, церковным и околополитическим, иногда и абсолютно мирским, например, смерти членов

⁷⁹⁹ Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin, 2005; Anton H.H. Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 270-330; Erkens F.-R. Herrschersakralität im Mittelalter: von den Anfängen bis zum Investiturstreit. S. 89-109.

⁸⁰⁰ Anton H.H. Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. S. 270-330.

⁸⁰¹ Erkens F.-R. Herrschersakralität im Mittelalter: von den Anfängen bis zum Investiturstreit. S. 89-109.

королевской семьи⁸⁰². Однако обязательное наличие хвалебных слов в адрес правителя наблюдается в протоколах тех писем, которые Алкуин адресовал монархам своего времени.

Переписка Алкуина лишь однажды, в упомянутой работе Р.Б. Пэйджа, становилась предметом специального изучения, однако ни разу она не использовалась для анализа современных Альбину представлений о власти. Между тем, именно протоколы писем различным государям являются пусть и кратким, но самым стабильным источником эпитетов, которые в то время использовались в адрес коронованных особ.

Начальный элемент письма – протокол – состоит из четырёх частей: инвокации (*invocatio*), означающей «богословие», т.е. воззвание к богу, интитуляции (*intitulatio*) – перечисление титулов адресанта, инскрипции (*inscriptio*), обозначающий адресанта и его титулы, и, наконец, салютации (*salutatio*), включающей приветственное слово⁸⁰³.

Протоколы писем за авторством Алкуина, как правило, не содержали всех четырёх элементов, ограничиваясь, чаще всего, тремя из них: интитуляцией, инскрипцией и салютацией. Иногда письма вообще не содержали протоколов, а необходимые для приветствия элементы включались в контекст⁸⁰⁴. Редко в письмах с протоколами Алкуином добавлялась и инвокация, как например, в письме №257⁸⁰⁵.

Из всех элементов протокола именно инскрипция подразумевала обязательные хвалебные эпитеты по отношению к государю. Иногда среди встречались и официальные титулы, как, например, упомянутые Алкуином в письме №202 титулы Карла Великого: король франков и лангобардов,

⁸⁰² О смерти королевы Лиутгарды: *Alcuini sive Albini epistolae* // *MGH. Epistolae Karolini aevi*. T.2. S. 325.

⁸⁰³ *Goetz H.-W. Proseminar Geschichte*. Stuttgart, 2006. S. 141-146.

⁸⁰⁴ См., напр.: *Alcuini sive Albini epistolae* // *MGH. Epistolae Karolini aevi*. T.2. Ep. 143, 203, 304, 304a.

⁸⁰⁵ «*Domino piissimo et praestantissimo et omni honore dignissimo David regi Flaccus Albinus verae beatitudinis aeternam in Christo salutem*»; «Славному государю Карлу, императору августейшему и христианнейшему ничтожный из ничтожных Алкуин во имя Господа Бога желает процветания сегодня и будущего вечного блаженства». *Ibid.* Ep. 257. S. 414.

патриций Рима⁸⁰⁶. Однако большая часть писем содержит именно хвалебные эпитеты, которые мы включаем в представленную ниже таблицу инскрипций писем Алкуина, адресованных монархам. Включение в таблицу инскрипций не только в адрес Карла Великого кажется нам целесообразным, так как широкие географические рамки деятельности Алкуина позволяют считать, что свои представления о власти он распространял на всех государей, с которыми общался

В приведённой ниже таблице сразу обращает на себя внимание частота употреблений Алкуином имени библейского царя Давида в адрес Карла Великого, причём это имя не применялось Алкуином к другим монархам, включая его соотечественников англосаксов Оффы и Коэнвульфа⁸⁰⁷. 22 раза – это практически во всех письмах Алкуина Карлу Великому (которых было написано 34).

⁸⁰⁶ Ibid. Ep. 202. S. 335.

⁸⁰⁷ Ibid. Ep. 64, 101, 123.

Таблица 1. Инскрипции писем Алкуина к разным

монархам

Инскрипция или её часть		Количество употреблений в адрес:		Всего
Латинский оригинал	Перевод	Карла Великого	Других монархов	
David/David rex/Dominus David	Давид/царь Давид/Государь Давид	22	0	22
Desiderantissimus/desiderabilis	Желаннейший <i>или</i> возлюбленный / любимый	8	0	8
Dilectissimus	Дражайший <i>или</i> возлюбленный	7	0	7
Omni honore dignissimus/nominandum	Всяческой почести достойнейший/за все почести долженствующему быть именуемым	4	1	5
Excellentissimus/excellentissimus vir	Превосходнейший/превосходнейший муж	2	3	5
Omni sapientiae decore clarissimus/praefulgidus	Красотой всяческой мудрости сияющий	3	0	2
Praestantissimi	Самый выдающийся <i>или</i> превосходнейший	2	0	2
Venerabilis	Окружённый почтением	2	0	2
Pacificus/pacificus rex	Миротворящий/миротворящий король	2	0	2
Beatissimus/vere beatissimus	Блаженнейший/истинно блаженнейший	2	0	2
Rector optimus/maximus	Превосходный/величайший правитель	2	0	2
Nobilissimus/virtutum genere nobilissimus	Благороднейший/из всех доблестей знатностью происхождения отличающийся	1	1	2
Merito amabilis/nobis amantissimo filius	Заслуженно любимый/нами возлюбленный сын	1	1	2
Deo electus rex	Богом избранный король	1	0	1

Deo coronatus rex	Богом коронованный король	1	0	1
Magnificus	Великолепный	1	0	1
Benedictus	Благословенный	1	0	1
Dominus in Domino Dominorum	Государь подле Царя царей (Бога)	1	0	1
Maximus atque invictissimus triumphator	Величайший и непобедимый триумфатор	1	0	1
Clementissimus rector regnorum	Милосерднейший правитель царств	1	0	1
Rex Francorum et Langobardorum	Король франков и лангобардов	1	0	1
Patricius Romanorum	Патриций Рима	1	0	1
Pater Patriae	Отец Отечества	1	0	1
Omni Christi honore devotissimus	Преданный Христовой славе	1	0	1
Rex Germaniae Galliae atque Italiae	Король Германии, Галлии и Италии	1	0	1
Merito laudabili	Заслуженно прославленный	1	0	1
Omni caritatis officio amplexando	Охваченный рвением ко всякой любви	1	0	1
Nobis nimium desiderantissimus	Нами весьма возлюбленный	1	0	1
Imperator	Император	1	0	1
August victorissimus maximus optimus atque serenissimus	Август победоносный, величайший, превосходный и светлейший	1		1
Gloriosus	Славнейший	1	0	1
Imperator augustissimus atque christianissimus	Император августейший и христианнейший	1	0	1
Servus Dei altissimus	Высочайший слуга Бога	1	0	1
Piissimus Sanctae Ecclesiae tutor	Благочестивейший защитник Святой Церкви	1	0	1
Gratia Dei augustus	Август Божьей милостью	1	0	1
Rex regum Deo Christo donante, Karolus rex, imperator august optimus maximus perpetuus	Награждённый царём царей Христом Богом король Карл, император, август, превосходный, величайший, вечный	1	0	1
Victorissimus	Победоносный	1	0	1

Insigni regalique honore dignissimus	Достойный блистательной и подобающей королю чести	0	1	1
Illustris	Выдающийся	0	1	1
August/augustissimus	Август/августейший	0	0	0 ⁸⁰⁸

⁸⁰⁸ Используется только в составных эпитетах (см. табл. 2).

Частота же упоминания других эпитетов заметно ниже: 8 раз Алкуин назвал Карла Великого словом *desiderantissimus* (желаннейший), 7 – дражайшим (*dilectissimus*), которые являются, по сути, синонимами; по 5 раз Алкуин именует своих коронованных собеседников превосходнейшими (*Excellentissimus*) мужами, столько же – государями, «всяческой почести достойнейшими» (*omni honore dignissimus*) или похожим, в зависимости от построения предложения, образом⁸⁰⁹.

Итак, образ Карла как второго Давида встречается практически во всех письмах Алкуина, адресованных королю франков. Образ Франкского королевства как богоугодной державы под властью нового Давида – священной *regnum Davidicum*, как называл каролингскую монархию Э.Х. Канторович⁸¹⁰, наиболее ярко был воплощён Алкуином в письме, отправленном Карлу в 796 году по случаю одной из самых крупных военных побед его времени – над Аварским каганатом⁸¹¹. Уже в протоколе письма Алкуин задаёт невероятно хвалебный тон всему письму, не забывая, конечно, назвать своего венценосного патрона царём Давидом: *«Государю благочестивейшему и превосходнейшему, и всех почестей достойному царю Давиду Ваш Флакк Альбин желает вечного блаженства во Христе»*⁸¹².

С целью охарактеризовать Карла не просто как второго Давида, но Давида, нового, христианского, Алкуин не жалеет красивых слов: *«И не я один, последний и ничтожный раб нашего спасителя, должен радоваться преуспеянию и превознесению вашей светлейшей власти; вся святая церковь в единодушном порыве должна будет воздать хвалу всемогущему Господу Богу, который в своем милосердии послал нам столь благочестивого,*

⁸⁰⁹ В частности, в письме №217 Алкуин обращается к старшему сыну Карла Великого следующим образом: «Мужу выдающемуся и за все почести долженствующему быть именуемым (*omni honore nominandum*) королём Карлом Юным и прославленным» (*viro inlustri et omni honore nominando Carlo regi Iuveni*). Ibid. Ep. 217. S. 360. Очевидно, что в данной инскрипции Алкуин делал смысловое ударение на слова «король Карл», а отнюдь не на «Карл Юный», сравнивая, таким образом, сына с отцом.

⁸¹⁰ Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 157.

⁸¹¹ Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 121. S. 175-178.

⁸¹² *«Domino piissimo et praestantissimo et omni honore dignissimo David regi Flaccus Albinus verae beatitudinis aeternam in Christo salutem»*. Ibid. S. 176.

мудрого и разумного правителя и защитника в эти последние времена мира и при тех опасностях, которые угрожают христианскому народу; ты исправляешь злых, поддерживаешь справедливых, превозносишь святость, распространяешь с радостью имя Всевышнего Господа Бога по всем концам мира и зажигаешь свет католической веры в последних пределах вселенной. Вот, о сладчайший Давид, твоя слава и награда на день Страшного суда и на вечное пребывание со святыми: ты заботливо старался исправить народ, вверенный Богом вашему величеству, вывести на свет истинной веры те души, которые оставались долгое время ослепленными во мраке невежества»⁸¹³.

В этом невероятно патетическом пассаже Алкуин отразил основы основ концепции христианской империи и власти христианского государя. В приведённом фрагменте Карл предстаёт, прежде всего, христианизатором, монархом, зажигающим свет католичества на территориях, прежде верных язычеству. Образ этот диктовался реальностью расширения христианской державы Каролингов, и не мог не культивироваться Алкуином, понимавшим, вслед за предшествовавшими писателями, христианизацию как основную миссию христианского государя.

Кроме этого Карл – истовый защитник церкви и опора справедливых – как и первые христианские императоры, начиная с Константина. Алкуин, прекрасно эрудированный мыслитель, не привносит ничего нового в образ

⁸¹³ «Non solum ego ultimus servulus Salvatoris nostri, congaudere debeo prosperitati et exaltationi clarissimae potestatis vestrae: sed tota sancta Dei Ecclesia unanimo charitatis concentu gratias agere Domino Deo omnipotenti debebit, qui tam pium, prudentem et iustum, his novissimis mundi et periculosissimis temporibus populo Christiano perdonavit clementissimo munere rectorem atque defensorem: qui prava corrigere, et recta corroborare, et sancta sublimare omni intentione studeat, et nomen Domini Dei excelsi per multa terrarum spatia dilatare gaudeat, et catholicae fidei lumen in extremis mundi partibus incendere conetur. Haec est, o dulcissime David, gloria, laus et merces tua in iudicio diei magni, et in perpetuo sanctorum consortio; ut diligentissime populum, excellentiae vestrae a Deo commissum, corrigere studeas, et ignorantiae tenebris diu animas obcaecatas ad lumen verae fidei deducere coneris». Ibid. S. 176. Приводя данный фрагмент письма Алкуина, мы использовали перевод А.П. Левандовского. См.: Алкуин. Письмо к Карлу Великому 796 года // Левандовский А.П. Карл Великий: через Империю к Европе. С 182.

идеального христианского правителя, лишь иллюстрируя его современным ему примером франкского короля.

Интересен и восходящий к Евсевию и Августину мотив «исправления злых», то есть непосредственной ответственности монарха за то, чтобы действия подвластного ему народа соответствовали христианским нормам. С этой идеей мы ещё встретимся ниже, когда ненадолго обратимся к законодательным памятником эпохи Карла.

По мысли Алкуина, франкский король не только способен на успешные действия в пользу христианства: со времён Евсевия Кесарийского, подобные деяния государя неотделимы от его личного благочестия. Этой норме соответствует и Карл, который, по утверждению автора письма, благочестив, мудр и разумен⁸¹⁴. Рисуя образ идеального монарха, наделенного всеми новозаветными добродетелями, Алкуин называет Карла «сладчайшим Давидом», «превосходнейшим и всякой почести достойным королем»⁸¹⁵.

Таким образом, именно библейско-христианская составляющая, унаследованная ещё от ветхозаветных книг царств и преображённая в трудах христианских историков поздней Римской империи, является доминирующей в алкуиновской концепции власти. В её контексте Карл предстает монархом, «исправляющим народ», «защитником» христиан, выводящим души ко Христу накануне Страшного суда⁸¹⁶. Эсхатологические ожидания Алкуина очевидны: в письме он прямо говорит о «последних временах мира»⁸¹⁷. Роль светского владыки как предстоятеля на Последнем Суде перед Богом за дела народа появилась ещё у Блаженного Августина, который описывал структуру земного града не иначе как в контексте приближающегося Апокалипсиса и грядущего вечного торжества града Божия. В этой связи стоит также упомянуть распространившееся во Франкии в VIII веке «Пророчество

⁸¹⁴ Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 121. S. 176.

⁸¹⁵ Ibid. S. 176.

⁸¹⁶ Ibid. S. 176.

⁸¹⁷ Ibid. S. 176.

Псевдомефодия» (середина VII века), имевшее, вероятно, сирийское происхождение, согласно которому вскоре должен явиться могущественный император («король греков и римлян»), который отразит нашествие апокалиптических народов Гог и Магог, освободит Иерусалим, водворив Золотой век накануне явления Антихриста и последнего судилища⁸¹⁸. В контексте этого пророчества очевидно, что воззрения Алкуина были примером распространенного в раннесредневековой Европе комплекса библейских представлений о власти.

Вверенному власти Карла народу остаётся только вести праведную, благочестивую жизнь наравне со своим государем; задача же монарха – способствовать этому. Для этого ему дана Богом фактически тотальная власть: используя её, он приведет христианский народ на Страшный суд. Какой державе, по мнению йоркского клирика и друга Карла, как ни христианнейшей Франкской монархии, быть той мировой *империей*, которая, таким образом, завершит мировую историю? Для этого во главе неё есть монарх, все силы отдающий делу торжеству христианства в каждой душе – так кратко можно охарактеризовать пафос Алкуина в этом и других письмах, адресованных Карлу Великому.

Тем не менее, недостаточно решённым остаётся вопрос об отношении Алкуина к статусу власти Карла и последовавшей в 800 году имперской коронации. Лишь один факт даёт нам письмо 796 года: Алкуин, обращаясь к Карлу, говорит о «вашей императорской власти» (*imperialis regni vestri*)⁸¹⁹. Однако же *imperialis regnum* может быть не более чем обозначением высшей власти, т.е. самой успешной из трёх упомянутых Алкуином властных достоинств. Подобный риторический оборот отнюдь не означает, что для Алкуина Карл задолго до 800 года являлся императором. В.Г. Васильевский, например, объяснял раннее именование Карла императором тем, что Алкуин

⁸¹⁸ Глогер Б. Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Пер. с нем. А. Беленькой. СПб., 2003. С. 221-222.

⁸¹⁹ Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 121. S. 176.

склонен был наделять императорским достоинством и англосаксонских королей⁸²⁰.

На наш взгляд, разобраться в этом вопросе можно, выяснив, какие инскрипции Алкуин использовал в протоколах писем к Карлу до и после 800 года, для чего ниже приводится таблица №2.

⁸²⁰ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 358.

Таблица 2. Инскрипции писем Алкуина к Карлу Великому

Инскрипция или её часть		Количество употреблений			
Латинский оригинал	Перевод	До коронации 800 года	После коронации 800 года	Всего	Дополнительно : использование в составных эпитетах
David/David rex/Dominus David	Давид/царь Давид/Государь Давид	16	6	22	-
Desiderantissimus/desiderabilis	Желаннейший <i>или</i> возлюбленный / любимый	4	4	8	1
Dilectissimus	Дражайший <i>или</i> возлюбленный	7	0	7	-
Omni honore dignissimus	Всяческой почести достойнейший	2	2	4	-
Omni sapientiae decore clarissimus/praefulgidus	Красотой всякой мудрости сияющий/блистающий	3	0	3	-
Praestantissimi	Самый выдающийся <i>или</i> превосходнейший	2	0	2	-
Venerabilis	Окружённый почтением	1	1	2	-
Pacificus/pacificus rex	Миротворящий/миротворящий король	2	0	2	-
Beatissimus/vere beatissimus	Блаженнейший/истинно блаженнейший	2	0	2	-
Excellentissimus	Превосходнейший	1	1	2	-
Optimus/maximus/rector optimus/maximus	Превосходный/величайший/превосходный/величайший правитель	2	0	2	3
Deo electus rex	Богом избранный король	1	0	1	-
Deo coronatus rex	Богом коронованный король	1	0	1	-
Virtutum genere nobilissimus	Из всех доблестей знатностью происхождения отличающийся	1	0	1	-
Magnificus	Великолепный	1	0	1	-
Benedictus	Благословенный	1	0	1	-
Dominus in Domino Dominorum	Государь подле Царя царей (Бога)	1	0	1	-
Maximus atque invictissimus triumphator	Величайший и непобедимый	1	0	1	-

	триумфатор				
Clementissimus rector regnorum	Милосерднейший правитель царств	1	0	1	-
Rex Francorum et Langobardorum	Король франков и лангобардов	1	0	1	-
Patricius Romanorum	Патриций Рима	1	0	1	-
Pater Patriae	Отец Отечества	1	0	1	
Omni Christi honore devotissimus	Преданный Христовой славе	1	0	1	-
Rex Germaniae Galliae atque Italiae	Король Германии, Галлии и Италии	1	0	1	-
Merito laudabili	Заслуженно прославленный	0	1	1	-
Omni caritatis officio amplectando	Охваченный рвением ко всякой любви	0	1	1	-
Nobis nimium desiderantissimus	Нами весьма возлюбленный	0	1	1	-
Imperator	Император	0	1	1	2
August victorissimus maximus optimus atque serenissimus	Август победоносный, величайший, превосходный и светлейший	0	1	1	-
Gloriosus	Славнейший	0	1	1	-
Imperator augustissimus atque christianissimus	Император августейший и христианнейший	0	1	1	-
Merito amabilis	Заслуженно любимый	0	1	1	-
Servus Dei altissimus	Высочайший слуга Бога	0	1	1	-
Piissimus Sanctae Ecclesiae tutor	Благочестивейший защитник Святой Церкви	0	1	1	-
Gratia Dei augustus	Август Божьей милостью	0	1	1	-
Rex regum Deo Christo donante, Karolus rex, imperator august optimus maximus perpetuus	Награждённый царём царей Христом Богом король Карл, император, август, превосходный, величайший, вечный	0	1	1	-
Victorissimus	Победоносный	0	1	1	-
August/augustissimus	Август/августейший	0	0	0	3

Сразу бросается в глаза исчезновение некоторых инскрипций после 25 декабря 800 года, однако данный факт мало о чём нам может сказать: из 34 писем Карлу Великому лишь 12 – менее треть – написаны в промежутке от 801 до 804 годов, и Алкуин мог просто не успеть употребить некоторые прежние инскрипции в силу своей смерти.

Но, одновременно, наблюдается появление целого ряда новых инскрипций, каждая из которых употребляется по одному разу. Несмотря на низкую частоту использования, все они имеют общую черту – включают не просто хвалебные слова, но и официальные титулы (*imperator*, *august* и т.д.), а некоторые из этих инскрипций целиком представляют собой титулы, например *Gratia Dei augustus*; кроме этого, группа новых инскрипций включает большое количество прилагательных, непосредственно связанных с новыми титулами: например, *imperator august optimus maximus perpetuus* или *augustissimus*. Из самих этих слов ясно, что их появление связано с обретением Карлом Великим императорского титула в Риме 25 декабря 800 года. Однако не столько сам факт их появления в лексиконе Алкуина интересен нам, сколько то, как они соотносились йоркским пастырем с его «давидовой» концепцией власти франкского монарха. Вот здесь-то и наблюдается очень интересная картина

В инскрипциях 10 писем (в 2 из 12 написанных после 800 г. нет инскрипции и даже предложений, на неё похожих⁸²¹) имя царя Давида употребляется достаточно часто: в 6 из них, т.е. в более чем половине писем. Однако ни в одной из этих 6 инскрипций нет упоминания новых титулов и любых эпитетов, связанных с новоприобретённым властным достоинством⁸²². Там, где Алкуин обращается к Карлу как к «сладчайшему Давиду», он избегает называть его императором или августом. И наоборот: там, где Алкуин дотошно перечисляет новые регалии франкского короля, он

⁸²¹ Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 304 и 304a.

⁸²² См.: Ibid. Ep. 229, 231, 238, 240, 261, 307

не называет его именем библейского царя⁸²³. Несмотря на то, что после 800 года Алкуин успел написать немного, эту закономерность невозможно представить как простое совпадение. Внимательный взгляд на состав инскрипций, начиная с 801 года, обнажает очевидное: если не в общих в представлениях Алкуина, то, во всяком случае, в его системе составления протоколов писем, образ Карла как библейского царя противоречил его образу как римского императора.

С чем это может быть связано? Большинство исследователей, чьи концепции были рассмотрены нами выше, подчёркивали очевидное: Алкуин приветствовал обретение Карлом императорского достоинства. Мы соглашаемся с этим, потому что в случае неприятия произошедшего в Риме 25 декабря 800 года такой независимый и авторитетный мыслитель как Алкуин не включил бы новый титул в инскрипции к своим письмам Карлу. Однако известно и другое: Алкуин не был в Риме в тот день и не знал, как проходила церемония коронации, в которой, как известно, новое достоинство Карла санкционировал папа, а римский народ этот акт торжественно одобрил. Данное место в «истории 800 года» оставляет два главных вопроса для современных исследователей: 1) узнал ли Алкуин позднее о деталях церемонии? 2) одобрил ли он такой сценарий коронации?

Ни один историк до сих пор не смог ответить на эти вопросы, не переходя к гипотезам. К сожалению, другого варианта просто не остаётся: никаких свидетельств о реакции Алкуина на детали коронации не сохранилось, несмотря на продолжение им после 800 года переписки с Карлом. Наиболее оригинальное, на наш взгляд, объяснение предложил Д. Хэггерманн в своей биографии Карла Великого. По его мнению, цель поездки в Рим, которую Карл должен совершить, заключается в спасении априори непогрешимого папы от врагов, в восстановлении власти Апостольского престола. Единственный, кто способен предотвратить коллизии в Риме, воплощающей сварливую жену, отравленную ядом раздоров, это

⁸²³ См.: Ibid. Ep. 249, 257, 306, 307

христолубивый король Карл⁸²⁴. Для Алкуина Карл – уже отмеченный перстом Божиим новый Давид, а вовсе не новый Константин, римский кесарь⁸²⁵. По мнению Д. Хэггерманна, Карлу не нужно было какое-либо подтверждение высочайшего статуса его власти: окружение императора считало его властителем христианской империи, не нуждавшегося в подтверждении своей власти папой и римлянами⁸²⁶.

Как бы то ни было, инскрипции, употреблявшиеся Алкуином в его письмах к Карлу, говорят нам о следующем: первичным для йоркского пастыря была христианско-библейская составляющая власти франкского монарха, а отнюдь не идея преемства с римскими цезарями. Однако возникает закономерный вопрос: почему Алкуин, перечислив в рамках своего образа идеального государя все позднеантичные топосы, присущие облику христианского императора, нового Константина, отказался ассоциировать Карла с первым христианским кесарем, хотя франкский король во всём - начиная от наивной набожности и заканчивая распространением христианства - соответствовал этому образу? Почему, вместо этого, Алкуин поместил в центр своей концепции власти образ «нового Давида»?

1) Традиционное толкование, к числу сторонников которого относится, в том числе, Д. Хэггерманн, заключается в признании рядом историков существования на рубеже VIII-IX веков двух конкурирующих имперских идей: «римско-куриальной» и «франкской». Один из её отправных тезисов – несогласие Карла с деталями церемонии 25 декабря 800 года, выделявшей особую роль римского понтифика и римлян. «Проявление» этой «франкской» идеи империи - во взглядах Алкуина и, одновременно, в недовольстве Карла «присуждением» ему императорского

⁸²⁴ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 390.

⁸²⁵ Ibid. S. 401.

⁸²⁶ Ibid. S. 415.

титула с сакнии папы и римлян⁸²⁷. Более детальный разбор данной концепции мы проведём в свете рассмотрения так называемой «аахенской идеи империи» в параграфе 6.2., однако уже сейчас стоит отметить её существенный недостаток: почему франкское окружение Карла, в том числе Алкуин, видя, как такой слабый и неавторитетный понтифик, как Лев III, присвоил себе право восстановления на Западе империи, не предложили альтернативу в виде образа Карла как Константина из легенды Евсевия Кесарийского? Ведь образ Константина, созданный Евсеем, ставил императора в центр мироздания, передавал ему, как мы убедились в главе 2, роль фактического руководителя не только мирян, но и церковников, ответчика за своих подданных перед Богом.

2) Но Алкуин выбирает другой путь. Он предлагает образ «нового Давида», который, согласно Ветхому Завету, также как и Константин, исполнял роль охранителя завещанной Богом веры. Однако не упомянутое Ф.-Р. Эркенсом внутреннее одоление греха является основой «давидова подвига», совершаемого, по мнению Алкуином, франкским королём. Ключевой момент – «зажжение света католической веры во всех пределах вселенной» - как раз было подсказано Алкуином ирландской традицией монашеского благочестия.

В отличие от бенедиктинских монастырей континента, делавших акцент на личном аскетизме, образованности и физическом труде, ирландское благочестие – это благочестие действия, основанное на активной миссионерской деятельности, «обычае странствования» в подражание Христу. Именно страстное желание нести свет веры и христианского просвещения в Европу двигало ирландскими миссионерами, основавшими во франкских землях большое количество монастырей⁸²⁸. Причина этого – в

⁸²⁷ См.: *Stengel E.* Kaisertitel und Souvrenitatsidee // *Deutsches Archiv*. Bd. 3. 1939. S. 49-56; *Балакин В.Д.* Средневековая Римская империя: идея и реальность // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* / Под ред. Л.П. Репниной и В.И. Уколовой. Вып. 2. С. 14-35.

⁸²⁸ *Foye M.W.* The early Irish church; or, a sketch of its history and doctrine. T.2. London, 1845; *Карсавин Л.* Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 52-60. *Walsh J.R.*,

отшельническом идеале кельто-ирландского христианства, который подразумевал «удаление от мира», и побочным следствиям которого были христианизаторские миссии ирландцев⁸²⁹. Именно христианизаторский порыв ирландского христианства, стремление к распространению истинной веры во всех уголках известного мира был положен Алкуином в основу его идеализированного образа Карла Великого. Более того: прямо или косвенно, ирландское миссионерство могло оказывать и общее влияние на интеллектуальную атмосферу во Франкском королевстве, о чём свидетельствует «христианизаторский пафос» каролингской анналистики.

Представления о том, какие правила предписывал Алкуин идеальному государю его времени, могут значительно дополнить письма, адресованные йоркским пастырем другим коронованным особам. В одном из писем к королю Мерсии Оффе⁸³⁰ Алкуин наставляет самого прославленного монарха Британии его времени: пастырь призывает Оффу не быть «рабом хмеля», намекая, вероятно, на пристрастие монарха к вину, а также просит «подготовить заранее своих учеников», под которыми, вернее всего, подразумеваются все образованные люди Мерсии, поскольку далее Алкуин пишет о тех, кто уже попал «в стремнину знания»⁸³¹. Заключительный абзац послания полон характерных для Альбина увещаний: *«И мне очень нравится, что ты прилагаешь такие усилия к чтению, что свет знания освещает твоё королевство, потому как он ранее погас во многих местах. Вы – краса Британии, трубный глас, меч, направленный против врагов, щит, заслоняющий от недругов. Постоянно обращай к Богу перед Его очами, твори правосудие, люби милосердие; потому что тот, кто прощает, будет прощён сам. Изучайте и чтите установления Господа Нашего Христа, чтобы Его благословение во всей своей доброте и цветении сопровождало*

Bradley T. A History of the Irish Church 400-700 AD. Dublin, 1991; Healy J. The Ancient Irish Church. Cambridge, 2009.

⁸²⁹ Fraser J.E. Adomnan, Cumme Ailbe and the Picts // Peritia. N 17-18. 2003-2004. P. 183-188; Fraser J.E. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795. P. 98.

⁸³⁰ Alcuini sive Albini epistolae // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Ep. 64. S. 107

⁸³¹ Ibid. Ep. 64. S. 107.

*тебя и твоих потомков в вечности. И тогда тебя и твоё королевство, с благословения неба, сопровождает благодать, сотворённая Превосходным Господом»*⁸³². Подобные пассажи очень характерны для писем Алкуина, адресованных именно монархам. В них государи, будь то англосаксы или Карл, предстают воплощениями дидактических идей Алкуина. Именно здесь, в этой переписке оба – Оффа и Флакк Альбин – должны понимать друг друга, поскольку оба были воспитаны идеями островной модели христианского подвига. Оффа должен не только сам припасть к источнику знания – заняться чтением книг – но и сам распространять знания в вверенном ему королевстве. Как правитель король Мерсии должен быть справедлив и милосерден, как христианин – регулярно молиться и постигать Христову истину. Христианское правление и личное благочестие идут рука об руку в концепции Алкуина, продолжающего традиции отцов церкви поздней Античности.

В этом плане ещё более показательным послание Алкуина к старшему сыну и наследнику короля франков – Карлу Юному⁸³³, которому йоркский пастырь слал письма довольно часто. В нём Альбин, видя в Карле будущего короля, поощряет милостыню, которую часто подаёт Карл, напоминая наследнику о том, что именно Господь даровал ему право преемства по отношению к венценосному отцу⁸³⁴. Поэтому, учит Алкуин, задача Карла и его брата Людовика – *«жить по правилам и изменять жизнь людей в согласии волей возлюбленного Господа»*⁸³⁵.

Согласно наставлениям Алкуина, Карл должен не только стать защитником бедных и обездоленных, но и заняться воспитанием целых

⁸³² «Et valde mihi placet, quod tantam habetis intantionem lectionis, ut lumen sapientiae luceat in regno vestro, quod multis modo extinguitur in locis. Vos estis decus Britanniae, tuba preadicationes, gladius contra hostes, scuta contra inimicos. Habete Deum semper ante oculos, facite iustitiam, amate misericordiam; quia, qui ignoscit, ignoscitur ei. Discite et diligite mandata dei Christi, ut benediction illius in omni bonitate et prosperitate te tuosque nepotes consequatur in aeternum. Divina te tuumque regnum caelesti benedictione comitetur gratia, Domine excelentissime». Ibid. S. 107.

⁸³³ Ibid. Ep. 188. S. 315-316.

⁸³⁴ Ibid. S. 315.

⁸³⁵ «...vivere moribus Deoque placenti vita conversari inter homines». Ibid. S. 316.

социальных групп: судебных чиновников, клириков⁸³⁶ и, наконец, собственных советников, которые должны быть мудрыми, богобоязненными, но не способными льстить, поскольку, говорит Алкуин *«льстивый низкопоклонник, как говорят, есть недруг и часто склоняется на сторону заговорщиков»*⁸³⁷. Милосердие по отношению к убогим, контроль над следованием подданными христианским нормам, роль судьи и личное благочестие – Алкуин прекрасно владеет библейским, позднее переключавшимся в «церковные истории» «категорическим императивом», предписанным правителю, и умело транслирует его на живших в его время коронованных особ. Как видим, сведения, почерпнутые из писем Карлу Юному и Оффе Мерсийскому, органично вписываются в концепцию идеального государя, предложенную Алкуином.

Каково же значение концепции власти, защищаемой Алкуином, для общей картины эволюции образа государя в эпоху первых Каролингов? Исправляет ли переписка Алкуина общую скудость повествовательных источников, характерную для этого периода?

На последние два вопроса ответ, однозначно, должен быть положительным. Эрудированный книжник и глубокий мыслитель, Алкуин тонко прочувствовал дух времени, достойно оценив роль вершины властной иерархии – монарха в лице Карла – в современных ему событиях. И если

⁸³⁶ «Esto miserorum pius auditor causasque illoru, iustissime discernens. Neque subiectos tuae potestati iudices permittas per sportulas vel praemia iudicare, quia 'Munera, ut in scriptura legitur sancta', 'excitant corda sapientum et subvertunt verba iustorum'. Honorabiles habeto famulos Christi, qui veri sint servi Dei; quia quidem veniunt in vestimentis ovium, intrinsecus autem sunt lupi rapaces; sed veritas ait: 'Ex fructibus eorum cognoscetis eos'». «Слушай же просьбы обездоленных благочестиво, справедливо улаживай в суде их дела. Также и своим подчинённым, наделённым властью судить, позволяй присуждать угощения и награды, потому как читаем в Писании «Одаряй их, чтобы они избавились от шелухи разума и опровергали утверждения мудрецов». Имей достойных уважения служителей Христа, которые бы являлись истинными слугами Божиими; потому что некоторые из них являются к тебе в овечьих шкурах, внутри же являются хищными волками; но истина говорит: «По плодам их познаете их». Ibid. S. 315.

⁸³⁷ «...quia adulator, ut dicitur, blandus est inimicus et seape seducit consentientes sibi». Ibid. S. 315.

анналисты конца VIII века изобразили франкского монарха в первую очередь как христианского воителя, показали завоевательную поступь молодого христианства, внешний срез франкской истории, то Алкуин заострил внимание именно на внутренних делах христианской державы, мероприятиях, которые осуществлял Карл в пределах Франкского королевства, связанные с укреплением христианства на уже присоединённых территориях, укреплении веры, правосудия, справедливости и христианского просвещения.

Акцент был сделан, но две ипостаси христианского государя также интересны Алкуину, поэтому у него идеальный монарх – это: 1) христианский воин, патрон христианской миссии; 2) защитник церкви, распространитель веры, законодатель и судья. Кто же является путеводной звездой для неутомимого исследователя античной мудрости Флакка Альбина? Отнюдь не Октавиан Август и Великий Константин, а лучший из царей Ветхого завета – сладчайший Давид, и именно этим именем Алкуин навечно нарекает Карла Великого. Источником схемы построения образа монарха для Алкуина была библейская традиция, а живым примером, к которому она применялась – победоносный Карл, своими победами внутри и за пределами Франкии спровоцировавший настоящий триумф христианской концепции власти в литературе конца VIII века. Алкуин же, первоклассно знавший древнюю литературу, не прельстился яркими образами античных правителей, предпочтя считать идеальным государем библейского Давида, современным воплощением которого являлся Карл Великий.

Однако для того, чтобы понять, как видел свою власть сам этот неординарный монарх, придётся вновь отойти от заявленной вначале работы источниковой базы и обратиться к, быть может, единственному источнику, запечатлевшему державную мысль Карла – королевским законодательным документам.

3.5. Императорская власть в представлении Карла Великого

Исследуя внутреннюю политику короля и императора франков, историки в большинстве случаев опираются именно на материал капитуляриев: в большей части современных работ по Карлу Великому разделы, посвящённые его реформам, построены именно на анализе законотворческой деятельности короля и императора франков⁸³⁸. Иными словами, данный пласт деятельности Карла изучен практически досконально, поэтому останавливаться на нём столь же подробно, как на хрониках и письмах, мы не будем.

В капитуляриях хорошо прослеживается личность автора, Карла Великого, который действует в тексте либо от первого, либо от третьего лица. Каждый капитулярий посвящён различным проблемам управления Франкским государством: от увещания епископам и мирянам (Всеобщее увещание) до актов, регулирующих управление отдельной областью (Саксонский капитулярий)⁸³⁹. Однако текст подобных документов не является сплошным, а поделён на параграфы. Именно параграфы посвящены отдельным государевым решениям, вводимым тем или иным капитулярием. Вместе с тем, на страницах капитуляриев франкский монарх не только вносит те или иные изменения в положение вещей в стране, но и продвигает определённые идеи власти, что делает капитулярии ценным источником для изучения представлений Карла Великого о собственной власти.

Между тем, большинство исследователей Каролингской эпохи обращали внимание именно на практику, а не идеологию власти, представленную в капитуляриях. Французские и немецкие эрудиты XVI-XVII веков периодически издавали отдельные части солидного комплекса

⁸³⁸ См., напр.: *Mussot-Goulard R. Charlemagne; Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes; McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity.*

⁸³⁹ *Admonitio Generalis. 789. m. Martio 23. // MGH. Capitularia regum Francorum. T.1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 52-62; Capitulare Saxonicum // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. S. 75-76.*

каролингских капитуляриев⁸⁴⁰, пока в 1677 году полное издание не подготовил Этьен Балюз. Публикация Э. Балюза включила два объёмных тома, в которых он не просто собрал капитулярии от Карла Великого до Карла Лысого, но и указал на те документы, собранные в IX веке аббатом Асенгизом и Бенедиктом Левита, подлинность которых вызывает сомнение⁸⁴¹. До издания института MGH публикация Э. Балюза не имела аналогов, поэтому была переиздана в 1772 году в Венеции, пока, наконец, не была переработана в парижском издании Пьера де Шиньяка (1780 год)⁸⁴². Следующий этап – издание капитуляриев немецким институтом *Monumenta Germaniae Historica* – растянулось на несколько этапов: в 1835 году Г. Пертц подготовил издание, которое, однако, не стало шагом вперёд по сравнению с публикацией Э. Балюза. Создания второго издания было поручено Альфреду Боретиусу, который из-за болезни не смог завершить начатое: его издание, вышедшее в 1883 году, завершали Виктор Краузе, Карл Зомер и Альбрехт Вермингхофф. Третье издание, подготовленное Эмилем Секкелем, включало издания Бенедикта Левита, и именно оно было взято за основу последнего издания 1996 года под редакцией Герхарда Шмитца⁸⁴³.

Использование капитуляриев для анализа внутренней деятельности Карла Великого началось с труда Н.Д. Фюстеля де Куланжа⁸⁴⁴, традиция чего в целом сохранилась и в упомянутых выше современных работах. В отечественной историографии к капитуляриям обратился Николай Павлович

⁸⁴⁰ Первым в 1545 году осуществил издание карловых капитуляриев ингольштадтский эрудит Витус Анзенпах. Затем уже в 1548 году француз Жан дю Тийе издал собрания аббата Асенгиза и Бенедикта Левита – собирателей IX века. Пять книг капитуляриев были изданы в 1557 году в Базеле Б.Д. Герольдом, а издание дю Тийе вскоре, в конце XVI – начале XVII вв. было дополнено братьями Пьером и Франсуа Питу. Последние из написанных франкскими королями капитулярии, начиная с Карла Лысого и заканчивая его ближайшими преемниками, были изданы в Париже в 1623 году эрудитом Жаком Сирмоном. См.: *Shaefer F.J. Capitularies: collections of laws or ordinances, chiefly of the Frankish kings* // *The Original Catholic Encyclopedia*: <http://oce.catholic.com/index.php?title=Capitularies>

⁸⁴¹ *Chisholm H. Capitularies* // *Encyclopedia Britannica*: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/94028/capitulary>

⁸⁴² *Shaefer F.J. Capitularies: collections of laws or ordinances, chiefly of the Frankish kings.*

⁸⁴³ *Chisholm H. Capitularies.*

⁸⁴⁴ *Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции.*

Грацианский, изучавший на их материале социально-экономические проблемы истории Франкского государства⁸⁴⁵.

Современные исследователи уделяют капитулярием разное внимание: по мнению французского историка Р. Мюссо-Гулара, именно законодательная деятельность Карла Великого весь период его правления была реализацией проекта христианского государства у франков⁸⁴⁶. Несколько иной взгляд на ситуацию у Д. Хэгерманна: немецкий учёный видит начало широкомасштабной законотворческой деятельности после коронации 800 года, предтечей которой были Всеобщее увещание и Саксонский капитулярий⁸⁴⁷. Тем не менее, именно имперское законодательство, берущее своё начало в 802 году является главным наследием эпохи Карла, так как именно в его рамках Карл преобразовал полуанархическое общество в цивилизованное, основанное на правовых нормах и христианской этике⁸⁴⁸. Схожую точку зрения отстаивает и Р. МакКитеррик, обращая внимание на роль стиля правления и законодательства Карла в формировании европейской политической идентичности⁸⁴⁹. Существует, однако, и скептический взгляд на капитулярии Карла: Пол Мейверт считает эти законодательные акты декларативными, рекомендательными, и, следовательно, к исполнению необязательными⁸⁵⁰.

Между тем, именно в новейших работах капитулярии впервые стали рассматриваться как носители утвердившихся при Карле Великом идей власти: Р. Мюссо-Гулар делает акцент на том, что именно в капитуляриях прослеживается каролингская идея превращения франков и других народов в

⁸⁴⁵ См., напр.: *Грацианский Н.П.* К критике «Capitulare de villis» // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 30. Вып. 2. Казань, 1913. С. 129-150.

⁸⁴⁶ *Mussot-Goulard R.* Charlemagne. P. 49-132.

⁸⁴⁷ *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 433.

⁸⁴⁸ *Ibid.* S. 433.

⁸⁴⁹ *McKitterick R.* Charlemagne: The Formation of a European Identity. P. 380.

⁸⁵⁰ *Meyvaert P.* Medieval notions of publication: the "unpublished" "Opus Caroli regis contra synodum" and the Council of Frankfort (794) // *Journal of Medieval Latin*. №12. 2002. Toronto, 2002. P. 78-89.

единый *populus christianus*⁸⁵¹, а Д. Хэгерманн даже подчёркивает, на примере капитулярия 802 года, влияние идеологии августиновского Града Божьего на содержание капитуляриев Карла⁸⁵².

Поскольку наше исследование хронологически остановилось на стыке VIII и IX столетий, целесообразно было бы обратиться к капитуляриям именно этого периода. Первым в числе ключевых источников этого типа следует считать Саксонский капитулярий 797 года, посвящённый установлению новых порядков в недавно присоединённых Карлом областях Саксонии⁸⁵³. Оценки этого законодательного акта как в старой, так и в новейшей историографии всегда были примерно одинаковы: несмотря на привилегированное положение франкских переселенцев по отношению к саксам, устанавливаемое капитулярием, акт 787 года был смягчением «режима оккупации» по сравнению с более ранним капитулярием 782 года, сохраняя, в том числе, древние саксонские обычаи в судебной практике⁸⁵⁴.

С самых первых строк обращает на себя внимание равное наказание за нарушение пунктов капитулярия, как для саксов, так и для франков: и те и другие по решению короля, должны выплатить 60 солидов⁸⁵⁵. Однако объявлено равенство завоевателей и завоёванных нарушается уже в пункте 3: согласно ему, «как всем саксам было угодно», в случаях, когда франки уплачивают 15 солидов, знатные саксы – 12, свободные – 5, зависимые – 4 солида⁸⁵⁶. Фактически это означает следующее: ни один проступок сакса не котируется Саксонским капитулярием столь высоко, как нарушение со стороны франка. Причём, поскольку документ не конкретизирует, каким социальным статусом обладают франки, обязанные платить за проступки 15

⁸⁵¹ *Mussot-Goulard R.* Charlemagne. P. 66.

⁸⁵² *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 438.

⁸⁵³ *Capitulare Saxonicum* // MGH. *Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 71-72.

⁸⁵⁴ *Левандовский А.П.* Покорение Саксонии и её феодализация // История средних веков / Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. Т. 1. С. 121; *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 370; *McKitterick R.* Charlemagne: The Formation of a European Identity. P. 255.

⁸⁵⁵ *Capitulare Saxonicum* // MGH. *Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 71-72.

⁸⁵⁶ *Ibid.* S. 72.

солидов, речь идёт, вероятно, о любом франке. Данное смягчение «режима оккупации» дополняется тем, что капитулярий фактически сохраняет старые саксонские обычаи: согласно пункту 4, в случае возникновения конфликта внутри общины, саксы сперва должны попытаться решить дело миром «по принятому обычаю»⁸⁵⁷. Только в случае невозможности мирного исхода сакс может обращаться к королевским посланникам, а затем, в суд самого государя⁸⁵⁸. Сохранение обычного права на территории Саксонии по капитулярию 787 года хорошо вписывается в контекст кодификации Карлом «варварского права» у присоединённых к Франкскому королевству племён. В пункте 10 даже упоминается правда «Правда саксов»: приговорённый к смерти согласно этому своду законов, может просить убежища у короля и затем быть высланным на окраины государства; *однако лишь в том, случае, если королю это позволят саксы*⁸⁵⁹.

Однако на смену франкам и саксам, по мысли Карла, должен прийти единый христианский народ. В литературе этого времени ещё сохраняющееся разделение на франков и другие народы весьма условно: в письмах того же Алкуина фигурируют не отдельные народности, а христиане, христианский народ. Позднее Эйнхард обоснует факт присоединения саксов к Франкской державе тем, что они, таким образом, составили с франками «единый народ»⁸⁶⁰. То есть, по мысли каролингских

⁸⁵⁷ Ibid. S. 72.

⁸⁵⁸ Ibid. S. 72.

⁸⁵⁹ «De malefactoribus, qui vitae periculum secundum ewa Saxonum incurrere debent, placuit omnibus ut qualiscumque ex ipsis ad regium potestatem confugium fecerit aut in illius sit potestate utrum interficiendum illis reddatur aut una cum consensu eorum habeat licentiam, ipsum malefactorem cum uxore et familia et omnia sua foris patriam infra sua regna aut in marcu ubi sua fuerit voluntas collocare et habeant ipsum quasi mortuum».; «О преступниках, которые по Правде саксов подлежат смерти, все постановили: какой бы из них ни прибегнул под защиту королевской власти, пусть или он по воле короля будет выдан им (саксам) для умерщвления, или он (король), с согласия последних, получит право выслать этого преступника с его женою, семьею и всем имуществом вон из родины и поселить в пределах своего государства или на окраине, где ему будет угодно, а они (саксы) пусть считают его как бы умершим». Ibid. S. 72.

⁸⁶⁰ «...Christianae fidei atque religionis sacramenta susciperent et Francis adunati unus cum eis populus efficerentur». Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. Hannoverae, 1911. S. 7.

идеологов, вхождение в состав Франкского королевства означало не подчинению этносу-победителю, а вхождение в состав религиозной, внеэтнической общности, *populus christianus*. В Саксонском капитулярии Карл Великий мог воплощать в жизнь именно эту идею. Кроме того, привилегированное положение саксов могло иметь и прагматическую причину: после долгой и изнурительной войны Карлу необходимо было умиротворить саксонские кланы, показать свои мирные, доброжелательные намерения по отношению к братскому народу. В этом смысле показателен вводимый пунктом 8 штраф за поджог, равный компенсации за несоблюдение капитулярия (60 солидов)⁸⁶¹: строго карая разрушение жилищ, Карл хотел показать свою заботу о саксах.

Как бы то ни было, для подлинного объединения с франками необходимо было унифицировать правовую практику на территории всего государства, и для этого Карл вводит в подчинённой Саксонии королевскую юстицию: тройной штраф должен быть уплачен за королевских *missi*, а при прецедентах, не предусмотренных капитулярием, король вправе установить штрафы в 100 и даже 1000 солидов⁸⁶².

Таким образом, несмотря на сохранении саксонских обычаев, франкская правовая практика также вторгается в быт саксов, сосуществуя отныне с их обычным правом. После завоевания саксов Карлу необходимо было интегрировать их в христианское общество – этой цели и служил Саксонский капитулярий, отразивший также в своём тексте и традиционную для христианского монарха заботу о церкви, вдовах, сиротах и «менее могущественных» (*minus potentes*) людях⁸⁶³. Руками Карла Великого Град Божий на земле начинал своё утверждение во всех уголках Франкской державы.

Вершиной законодательной деятельности Карла стал уже упоминаемый нами Всеобщий капитулярий 802 года, называемый также

⁸⁶¹ *Capitulare Saxonicum* // MGH. *Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 72.

⁸⁶² *Ibid.* S. 72.

⁸⁶³ *Ibid.* S. 71.

Аахенским⁸⁶⁴. Этому обширному документу, включившему 39 параграфов, исследователи эпохи Карла Великого традиционно уделяют много внимания, именуя его «имперской программой»⁸⁶⁵ или же программой «имперской внутренней политики»⁸⁶⁶. Характеризуя акт 802 года, Д. Хэгерманн обозначил его как стремление императора приспособить основанное на казуистике обычное право к реалиям Франкской державы и, таким образом, сделать его основой правосудия⁸⁶⁷. Другие исследователи (Ф. Лоренц, Р. МакКитеррик) акцентировали внимание на обновлении всеобщей присяги подданных монарху, которая впервые была принесена франками в 787 году, а после событий 800 года должна была быть принесена ими Карлу вновь, уже как императору⁸⁶⁸.

Капитулярный 802 года поистине глобален по своему содержанию и задачам: его тема – не только и не столько принесение присяги императору, сколько предписания всем подданным Империи: в каждом параграфе Карл Великий предписывает новую норму поведения отдельным социальным группам: от епископов до простых монахинь⁸⁶⁹. Именно делам духовенства посвящена большая часть текста: регулируется как жизнь монахов⁸⁷⁰, так и беспрекословный порядок подчинения «белых» прелатов своим начальникам – епископам⁸⁷¹. Как и ранее, император предстаёт их заступником – защитником церкви, а также, обязательно, защитником бедных, вдов и сирот⁸⁷². Обращает на себя внимание запрещение увеличивать число «несчастных»: просящие милостыню выступают как неприкосновенные члены христианского общества – обращать их в слуг воспрещается

⁸⁶⁴ Capitulare Aquisgranense A. 802 // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. S. 90-96.

⁸⁶⁵ *Mussot-Goulard R.* Charlemagne. P. 117.

⁸⁶⁶ *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 433.

⁸⁶⁷ *Ibid.* 445.

⁸⁶⁸ *Lorenz F.* The Life of Alcuin. P. 207-208; *McKitterick R.* Charlemagne: The Formation of a European Identity. P. 275.

⁸⁶⁹ Capitulare Aquisgranense A. 802 // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. S. 90-96.

⁸⁷⁰ *Ibid.* 93.

⁸⁷¹ *Ibid.* 94.

⁸⁷² *Ibid.* 91.

капитулярием⁸⁷³. Уделено место и судебным чиновникам – графам и судья, которым запрещается принимать подарки от какой-либо из сторон⁸⁷⁴. Итак, защита церкви, справедливая судебная система – в капитулярии 802 года присутствуют все эти неперенные составляющие христианской политической теологии. Какова же в роль в этом документе её гаранта – христианского императора?

Его персоне в тексте уделено не так уж и много внимания: земельные владения императора объявляются неприкосновенными, регулируется «право постоя» императорской свиты, а исполнителями капитулярия являются «государевы посланцы»⁸⁷⁵. Самые интересные сведения о роли императора в христианском обществе начала IX века в содержится во фрагменте, охватывающем пункты 2-5, вводящие всеобщую присягу подданных: согласно этим параграфам, никто не смеет обижать церкви, вдов, сирот и чужестранцев, *«потому что сам государь император, после Господа и святых его, их [церквей, вдов, сирот и чужестранцев] и защитником и заступником поставлен»* (quia ipse dominus imperator post Domini et sanctis eius, quorum et protector et defensor esse constitutus est)⁸⁷⁶. Эта фраза, использованная в конкретном контексте, по сути, является самой важной в капитулярии. Духовенство, вдовы, сироты и иноземцы – это те категории христианского общества, которые являются наиболее незащищёнными, в отличие от носивших оружие магнатов и простых свободных общинников. Защищая их, император выполняет богоугодную задачу, и в её выполнении он, кесарь, - первый после Бога.

В данном случае мы имеем дело с восприятием Карлом Великим позднеантичной идеи христианского императора как фактического викария Господа на земле, а отнюдь не имеющего аналогии в древневосточных

⁸⁷³ Ibid. 94-95.

⁸⁷⁴ Ibid. 92, 94.

⁸⁷⁵ Ibid. 91, 94.

⁸⁷⁶ Ibid. 91.

обществах царя-первосвященника, как считал Д.М. Петрушевский⁸⁷⁷. Во Всеобщем капитулярии, таким образом, завершается «франкский путь» сформулированной ещё Августином и Евсеем концепции власти, согласно которой именно император контролирует внедрение христианских норм в структуру власти и общества. С наступлением же Страшного суда именно императору предстоит нести ответственность пред очами Господа за то, как следовали его подданные-христиане Христовым заветам. Ввиду этого Карл, понимая величину своей ответственности, отмечает в капитулярии: каждый христианин должен самостоятельно «служить Богу согласно Его велениям», поскольку император не может заботиться о каждом в отдельности⁸⁷⁸. Круг, таким образом, замыкается: унаследованные книжниками раннего Средневековья идейные постулаты христианской империи, внушённые Карлу Алкуином, проникают во франкское законодательство, становясь основой представлений Карла Великого о собственной власти.

Подобные идеи, выросшие на почве определённого политического контекста – формирования Франкской империи - оказались актуальными и в конце жизни Карла Великого, когда для него пришло время составить «политическое завещание» - «Разделение империи» 806 года (*Divisio Regnorum*)⁸⁷⁹. Несмотря на то, что, этот документ не является капитулярием, пройти мимо *Divisio Regnorum* при рассмотрении идей власти в законодательных памятниках эпохи Карла было бы ошибкой.

На первый взгляд, *Divisio Imperii* 806 года продолжает старую франкскую традицию разделение страны на *regna*, отходящие отдельным сыновьям монарха, готовящегося отойти в мир иной: согласно «политическому завещанию» Карла, Франкская империя должна была быть разделена между его сыновьями: Карлом Юным, Пипином Италийским и

⁸⁷⁷ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 386-387.

⁸⁷⁸ *Capitulare Aquisgranense* A. 802 // MGH. *Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 91.

⁸⁷⁹ *Divisio Imperii* A. 806. // MGH. *Capitularia regum Francorum*. T. 1. S. 140-143.

Людовиком Благочестивым⁸⁸⁰. Подобным образом, казалось бы, поступали Хлодвиг, разделивший королевство между четырьмя сыновьями⁸⁸¹, и Пипин Короткий, поделивший державу между Карлом и Карломаном. Однако немецкий исследователь П. Классен верно заметил, что, в отличие от предшественников, Карл в своём разделе решился раздробить между сыновьями «франкское ядро» Империи – Австразию и Нейстрию⁸⁸². Новейший исследователь данного памятника, Д.Н. Старостин, подвёл черту под переосмыслением *Divisio Regnorum*, отметив, что, запретив в своём завещании сыновьям устранять друг друга и племянников с политической арены, Карл намеревался создать «долгосрочный механизм взаимодействия между ветвями династии»⁸⁸³. По мнению Д.Н. Старостина, не столь важно, что вследствие смерти Карла Юного и Пипина императорский проект не был реализован, поскольку *Divisio Regnorum* само по себе представляет собой разрыв с прежней франкской традицией⁸⁸⁴.

В преамбуле *Divisio* Карл предстаёт государем, уже воспринявшим римскую титулатуру: именуя себя пышным титулом «*светлейший Август, богом коронованный, великий миротворящий император, управляющий Римской империей, который и по милости Божьей король франков и лангобардов*» (*serenissimus augustus, Deo coronatus, magnus pacificus imperator, Romanum gubernans imperium, et per misericordiam Dei rex Francorum atque Langobardorum*)⁸⁸⁵. Несмотря на это, в именовании своей державы Карл продолжает варьировать слова *regnum* и *imperium*, хотя в последнем случае

⁸⁸⁰ Ibid. S. 141. Подробнее о разделе, о том, какие земли были завещаны каждому из сыновей см.: Ibid. S. 141; Старостин Д.Н. Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 105.

⁸⁸¹ Теодерихом I, Хлодомиром, Хильдеббертом I и Хлотарем I.

⁸⁸² Classen P. Karl der Grosse und Thronfolge im Frankenreich // Festschrift für Hermann Heimpel / Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Bd. 3 Göttingen, 1972. S. 134.

⁸⁸³ Старостин Д.Н. Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 105.

⁸⁸⁴ Там же. С. 106-107.

⁸⁸⁵ *Divisio Imperii* A. 806. // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. S. 140.

речь идёт, скорее, о высшей власти, нежели о территориальном образовании, которая неизменно именуется императором *regnum*. Каковы же основные принципы «освящённых Богом разделов»⁸⁸⁶, закреплённых документом?

Заявленная во вступлении цель *Divisio* – «защитить границы» сыновних королевств и «оберегать мир и взаимопонимание с братом»⁸⁸⁷ конкретизируется в главах 5-7. Братьям не просто запрещается вторгаться на территорию друг друга, но и предписывается помогать друг другу от внутренних и внешних врагов⁸⁸⁸. Главы 17-18 посвящены отношению к будущим внукам Карла: насилие над ними со стороны дядьёв строго запрещается, вместо этого над ними должна быть установлена опека, особенно в случае избрании кем-то из них монашеской стези⁸⁸⁹. Таким образом, главной заботой Карла на склоне лет стало обеспечение крепчайшего мира между его потомками.

Прослеживаются в *Divisio Regnorum* и традиционные для христианского государя задачи, которые Карл предсказуемо предписывает своим сыновьям: защита церкви, справедливый суд и назначение на церковные должности достойных мужей становятся тем идеалом правления, о котором мечтает император после своей кончины⁸⁹⁰. Таким образом, *Divisio Imperii* развивает этические принципы предшествующих законодательных актов Карла, заметно дополняя картину идей власти, представленных в капитуляриях. Однако, задумавшееся как эффектная точка в законотворческой деятельности Карла Великого, *Divisio Regnorum* обернулось многоточием вследствие смертей Карла Юного и Пипина Италийского в 810 году.

⁸⁸⁶ Ibid. S. 140.

⁸⁸⁷ Ibid. S. 140.

⁸⁸⁸ Ibid. S. 141-142.

⁸⁸⁹ Ibid. S. 142-143.

⁸⁹⁰ Ibid. S. 142.

3.6. Образ франкского монарха в церемониале

Центральное место персоны монарха в структуре власти и общества проявилось также в церемониале, ритуалах и придворных развлечениях, о которых скупо, но, всё же, упоминают повествовательные источники. Сама правомерность исследования ритуальной и церемониальной стороны жизни раннесредневековых королевств в последние годы стала предметом дискуссии между французским историком Ф. Баком и американским специалистом Д. Козиолем. Ф. Бак, в книге с громким названием «Опасность ритуала: между раннесредневековыми текстами и научной социальной теорией» настаивал на том, что методы современной социальной антропологии неприменимы к ранним Средним векам. Причины этого заключаются в том, что все ритуалы этого периода описаны лишь в нарративных источниках, которые отражают не объективную реальность, а лишь видение их авторов⁸⁹¹. Схожие позиции, определяя повествовательные памятники как «вторичные», занял И. Харпижанов⁸⁹². Однако такой скептический поход довольно быстро встретил своих противников: Д. Козиоль в рецензии на книгу Ф. Бака раскритиковал взгляды своего коллеги, настаивая на том, что ритуалы раннего Средневековья – часть культуры этого времени, поэтому информация о них в текстах не может быть проигнорирована⁸⁹³. Возможность изучения ритуалов каролингского и оттоновского времени допускает и Г. Альтхофф: немецкий специалист отмечает, что раннесредневековые ритуалы имеют корни в эпохе Меровингов и, не без влияния взаимоотношений Каролингов и римских пап, достигают «зрелости» к X веку⁸⁹⁴.

Принимая во внимание обе позиции, нельзя, на наш взгляд, опустить те небогатые, но красочные сведения о церемониале, которые оставила нам каролингская панегирическая поэзия. Церемониальные аспекты власти

⁸⁹¹ Buc P. *The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton, 2009. P. 248.

⁸⁹² Haripzanov I.H. *The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877)*. P. 13–26.

⁸⁹³ Koziol G. Review article: the dangers of polemic: is ritual still an interesting topic of historical study? // EME. №11. 2002. P. 367–388.

⁸⁹⁴ Althoff G. *Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter*. S. 32–67.

франкского монарха частично были затронуты в «Стихе к королю Карлу» 796 года, сочинённом Теодульфом. В нём Карл Великий, сидя на троне, принимает своих придворных, причём в числе них называются не чиновники королевского дворца, а различные интеллектуалы – члены Привдорной Академии⁸⁹⁵. Показательно, что первым король принимает Алкуина, «славу наших поэтов»⁸⁹⁶. Вкупе с изображением идеального семейства короля, главным образом, его благочестивых и образованных дочерей⁸⁹⁷, Теодульф предложил интересную зарисовку того, каким виделся этому поэту конкретный эпизод отдельного королевского дня – с точки зрения члена придворного кружка интеллектуала, не дворцового служащего.

Центральное место монарха в структуре двора высвечивается описанием сцены охоты из написанной неизвестным автором поэмы «Карл Великий и папа Лев». Утром описанного поэтом дня у королевской спальни уже ждут юноши-придворные (функции их неопределенны)⁸⁹⁸. Выходя из Храма (вероятно, после утренней молитвы), Карл – уже с «золотой диадемой» (*pretioso auro*) на голове и в присутствии «герцогов и графов»⁸⁹⁹. Навстречу Карлу – выходящая из дворца королева, окружённая девицами⁹⁰⁰. После этого следует, собственно, сцена охоты, во время которой король следует впереди всех, следующим едет его сын Пипин⁹⁰¹. Примечательно, что в охоте участвует вся королевская семья: верхом едут, в том числе, дочери монарха Ротруда, Берта и Гисла⁹⁰². Описание того, как охотится Карл – важная часть всего панегирика, коим является поэма – ибо в этой сцене Карл несравненен в своей ловкости и физической силе: император поражает мечом

⁸⁹⁵ Theodulfus. Versus ad Karolem regem / Ed. E. Dümmler. 115-234 // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015).

⁸⁹⁶ Ibid. 132.

⁸⁹⁷ Ibid. 70-114.

⁸⁹⁸ *Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa*. P. 27.

⁸⁹⁹ «...*mox castra ducum comitesque priores movere*». Ibid. P.28.

⁹⁰⁰ Ibid. P.28.

⁹⁰¹ Ibid. P.28.

⁹⁰² Ibid. P. 29-31.

«несметные стада кабанов» (*innumeras porcorum catervas*)⁹⁰³. Следом за успешной охотой следует пир до захода солнца, в ходе которого просматривается придворная иерархия: сначала Карл приглашает к столу «отцов многолетних» (*longaevos ordine patres*), затем «зрелых мужей, рождённых в лучшие годы» (*maturum populum natum melioribus annis*), и, в конце, «юный народ и девушек чистых» (*impubem pariter plebem castasque puellas*)⁹⁰⁴. Неизменно лишь центральное положение монарха, регулярно наделяемого поэтами христианскими и античными добродетелями, в ритуалах франкского двора – в этом каролингские реалии предвосхищают последующую средневековую практику придворных ритуалов⁹⁰⁵.

Заметим также, что представители панегирической поэзии – Теодульф и автор «Эклоги к королю Карла» Ангильберт, подобно Аклуину предложивший образ Карла как «нового Давида» и покровителя наук, нарисовали в своих стихах образ франкского властителя как христианского цезаря, находясь, таким образом, в русле общего развития каролингской литературы этого периода⁹⁰⁶.

Единственной церемонией, относящейся к правлению Карла и целиком описанной каролингским источником, является коронация Людовика Благочестивого императором в 813 году. Однако передана она сочинением 838 года, написанным Теганом Трирским – «*Gesta Ludovici*

⁹⁰³ Ibid. P. 32. Здесь и далее использован перевод Б.И. Ярхо. См.: Ангильберт. Охота Карла Великого (799). Из поэмы «Карл Великий и папа Лев» // *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения* / Перевод с лат., введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 163.

⁹⁰⁴ Ibid. P.28.; там же.

⁹⁰⁵ Wilentz S. *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics Since the Middle Ages*. Philadelphia, 1999; Фараль Э. Развлечения // *Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого*. СПб., 2009. С. 307-326; McGlean S., Woodacre E. *The Image and Perception of Monarchy in Medieval and Early Modern Europe*. Cambridge, 2014.

⁹⁰⁶ Theodulfus. *Versus ad Karolem regem* / Ed. E. Dümmler. 115-234 // *Bibliotheca Augustana* [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015); Angilberti *ecloga sacra ad Carolum Magnum* // B2FIND [Электронный ресурс]. URL: <http://b2find.eudat.eu/dataset/539438c5-6229-5d48-905e-0d0a0e82b3f7> (дата обращения: 27.06.2015). См. также: Гайворонский И.Д. К вопросу о возникновении образа власти эпохи Каролингов (конец VIII – начало IX века) // *Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов*. Вып. 12 / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2015 (в печати).

imperatoris». Тем не менее, подробный характер описания её хорепископом, вызывает закономерный интерес к этому событию⁹⁰⁷.

По сообщению Тегана, самой коронации предшествовал очень важный акт: Карл, почувствовав приближение дня смерти, призвал к себе Людовика и собрал в Аахенском дворце войско, епископов, аббатов, герцогов, графов и наместников, держал с ними совет⁹⁰⁸. Главным вопросом было следующее: одобряют ли присутствовавшие передачу титула императора Людовику? Собрание ответило возгласами одобрения и апелляцией к Божьей воле⁹⁰⁹.

Первым этапом церемонии было шествие Карла в «королевском одеянии» к Аахенской капелле («церковь, которую он сам возвёл от основания»)⁹¹⁰. По приходу в базилику, Карл снял с себя корону и положил её на алтарь⁹¹¹. Вторая часть – публичное, в присутствии епископов и знати, увещевание праведно царствовать, которое Карл адресует Людовику⁹¹².

⁹⁰⁷ На сегодняшний день господствующей является точка зрения Ф. Лота о том, что коронация наследника при жизни Карла Великого являлась одним из двух вариантов легитимации преемников: через семейный раздел (806 г.) и передача власти одному наследнику (813 г.), применявшимися французскими королями в зависимости от конкретной династической ситуации. См.: Lot. F. La France des origines a la guerre de cent ans. P. 98-100.

⁹⁰⁸ Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 180.

⁹⁰⁹ Ibid. S. 180.

⁹¹⁰ «...ecclesiam, quam ipse a fundamento construxerat...». Ibid. S. 182.

⁹¹¹ Ibid. S. 182.

⁹¹² Карл «увещевал его прежде всего любить и бояться всемогущего Бога, во всем следовать его заповедям, управлять церквями Божиими и защищать (их) от дурных людей. (По отношению) к сестрам своим и младшим по рождению братьям, и племянникам, и всем своим родственникам он предписал ему всегда проявлять неизменное сострадание. Кроме того, он должен был почитать священников как отцов, любить народ как сыновей, принуждать заносчивых и дурных людей к следованию по пути спасения, быть утешителем для монастырей и отцом для бедных. Он должен был назначать верных и богобоязненных слуг, которым были бы ненавистны незаконные дары. Он не должен был никого лишать чести без разбирательства и сам во всякое время перед Господом и всем народом представлял бы безупречным»; «Postquam diu oraverunt ipse et filius eius, locutus est ad filium suum coram omni multitudine pontificum et optimatum suorum, admonens eum imprimis omnipotentem Deum diligere ac timere, eius praecepta servare in omnibus, ecclesias Dei gubernare et defendere a pravis hominibus. Sororibus suis et fratribus qui erant natu iuniores, et nepotibus et omnibus propinquis suis indeficientem misericordiam semper ostendere praecepit. Deinde sacerdotes honorare ut patres, populum diligere ut filios, superbos et nequissimos homines in viam salutis coactos dirigere, coenobiorum consolator fuisset et

После окончания поучения, Карл в присутствии собравшихся спрашивает, желает ли сын следовать этим наставлениям, и, после положительного ответа Людовика, велит ему взять корону с алтаря и возложить на свою голову, «вспоминая все данные отцом наставления»⁹¹³. После возложения Людовиком короны идёт третья часть действия – слушание торжественной мессы⁹¹⁴. Пятая и последняя часть – это возвращение Карла и Людовика во дворец, во время которого сын помогает идти отцу⁹¹⁵.

Как видно из приведённого описания, в коронации 813 года присутствует большинство элементов, присущих более поздним средневековым коронациям: аккламация (одобрение знатью и духовенством), шествие к месту действия, возложение короны на алтарь, коронационная клятва, которая, в данном случае, произносится в форме ответа на увещевание Карла, возложение корону на голову⁹¹⁶. Бросается в глаза лишь полное неучастие представителей духовенства в церемонии (их участие – пассивное) и отсутствие в сценарии ритуала помазания. Для того, чтобы не пускаться в рассуждения на тему того, насколько Карл доминировал над духовенством, отметим лишь очевидное: монархи Карл и Людовик, оба имеющие королевский титул (Людовик – с 774 года) – центральные фигуры этого ритуала; особенно данная роль относится к Карлу, который самостоятельно, лишь получив санкцию духовенства и знати собственного королевства, собственноручно легитимирует права единственного сына править после своей смерти.

pauperum pater. Fideles ministros et Deum timentes constitueret, qui munera iniusta odio haberent. Nullum ab honore suo sine causa discretionis eiecisset, et semet ipsum omni tempore coram Deo et omni populo irreprehensibilem demonstrare». См.: *ibid.* S. 182-184.

⁹¹³ «...ob recordationem omnium praeceptorum quae mandaverat ei pater». *Ibid.* S. 184.

⁹¹⁴ *Ibid.* S. 186.

⁹¹⁵ *Ibid.* S. 186.

⁹¹⁶ См.: *Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual* / Ed. J.M. Bak. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990; *Hunt A. The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge, 2008.

Проведённый анализ законодательных памятников и церемониала рубежа VIII-IX веков показал, что, несмотря на свою малограмотность (по меркам церковных интеллектуалов «каролингского ренессанса») Карл Великий, при поддержке своих секретарей, сумел грамотно и последовательно внедрить в такие документы, как капитулярии, а также в церемониал, христианскую концепцию власти. Образ христианского государя, защитника церкви, заступника несчастных, справедливого законодателя и судьи, ярко показанного Алкуином, был органично вписан Карлом в его законотворческую и церемониальную практику, став для монарха идеалом, путеводной звездой и основообразующим принципом политики.

Уникальность капитуляриев и других законодательных актов эпохи Карла заключается именно в том, что по их текстам, продиктованным так и не научившимся писать властителем, мы можем судить, насколько идеи, внушённые Алкуином и другими интеллектуалами из монаршего окружения, были восприняты Карлом. Как показало всё выше сказанное, «обратная связь» между идеологами христианской империи и государем была велика: Карл Великий, всю жизнь посвятивший делу утверждение христианской веры в романо-германском мире, страстно желал, чтобы Град Божий продолжал нисхождение на землю и после его смерти.

3.7. Выводы

Эпоха первых Каролингов, начавших строительство и укрепление крупнейшей, со времён Западной Римской империи, державы не могла обойтись без создания и пропаганды идеалов правителя, который бы подходил историческому моменту, без концепции власти, которая бы отражала расстановку сил в структуре власти и общества.

Поэтому первым фактором, повлиявшим на образ власти, сформировавшийся в эпоху Карла Великого, были социально-политические условия его времени. Они отличались, во-первых, возвышением знатной фамилии-лидера в лице Пипинидов-Каролингов, первенство которой среди

франкской знати в определённый момент перестало оспариваться и, в итоге, обернулось королевским, а, затем императорским титулом. Во-вторых, чертой эпохи были защита, а затем и стремительное расширение территорий, принадлежавших Каролингам, а также вассальным и союзным им знатым семействам. Возможно, Каролинги стремились к приобретению новых союзников, поэтому и стремились к значительному расширению территории своей державы. Наконец, в-третьих, лейтмотивом эпохи стал союз Каролингской фамилии с Апостольским престолом, союз франкского короля с римским папой, повлёкший за собой как идеологические дивиденды в виде сакрального ореола, предоставленного церковью правящему дому, так и обязанности, выражавшиеся в постоянной поддержке и защите церкви, которую должны были обеспечить не только Пипин и Карл, но и их потомки. В итоге, благодаря соединению второй и третьей черт, франкская военная экспансия получила христианскую окраску, приобрело характер священной войны за торжество веры среди тёмных язычников, за расширение христианской Вселенной.

Второй же фактор, повлиявший на образ власти в эпоху утверждения Каролингов, был связан с тем, что в конце VIII века на поверхность политической жизни всплыли позднеантичные идеи власти, сердцевиной которых образ христианского монарха, нового Давида и, одновременно, Константина. Внедрение Карлом в законодательные памятники христианской политической теологии показало, что монарх пытался «маневрировать» в условиях существования двух предложенных ему ипостасей государя: ипостаси христианского цезаря, предложенной папством, и ипостаси «нового», христианского Давида, которую отстаивал Алкуин, опираясь на идеи ирландского благочестия. Тем не менее, обе эти традиции в эпоху Карла сумели сосуществовать, питая христианское толкование власти, идею христианской империи, возродившейся на каролингской почве.

Именно это толкование, эта идея, берущая начало ещё в Книгах царств и окончательно сформировавшееся в IV веке, когда христианская

этика власти получила политическую почву в виде Римского государства, оказалось актуальными в Западной Европе эпохи Карла Великого, когда на её карте возникла крепкая держава, ведомая набожными франкскими правителями. Соединение этих двух факторов породило каролингский образ власти, образ государя эпохи Карла Великого, сформировавшийся под сильнейшим влиянием его личности. Это – монарх действия, государь-патрон христианской миссии, крестом и мечом распространяющий христианство «во всех пределах Вселенной». Но он – не только могучий воитель, но и образцовый правитель во время мира, мудрый законодатель, судья и заступник за бедных и убогих. И, всегда и навеки, такой правитель – защитник Святой церкви, гарант того, что Римская Католическая церковь будет не просто существовать, но и процветать, неся свет в каждую душу.

Важно подчеркнуть, что образцовый монарх эпохи Карла не предстал покорным слугой церкви, но человеком, чей авторитет, роль и значение превосходит даже самого папу, ибо только франкский монарх оказался способен восстановить власть папы после попытки переворота в Риме. Идеальный монарх рубежа VIII-IX веков предстал перед глазами интеллектуалов и народа центром картины мира, абсолютно доминирующей силой, главным из смертных, первым после Господа Бога, его фактическим и полноправным викарием.

Однако идеологические установки эпохи Карла, хотя и были чёткими и оформленными, не предстали в виде строгой системы. «Деяния», анналистика, корреспонденция и законодательство не стали теми текстами, в которых концепция власти смогла бы закрепиться бесповоротно и окончательно, на многие десятилетия. К тому же, образ правителя слишком сильно зависел от того, насколько были успешны его вдохновители – франкские монархи, а именно, прежде всего, Карл Великий. Сумеет ли концепция власти его времени сохраниться и расцвести, во многом зависело от его преемника – Людовика Благочестивого.

Глава 4. Триумф христианского элемента: образ монарха в правление Людовика Благочестивого (814-840 гг.)

По сравнению со временем внешних и внутренних успехов, которыми ознаменовалось правление Карла Великого, время царствования его сына оказалось периодом крайне неоднозначным: относительно спокойные первые 15 лет (814-829 гг.) сменило полное трудностей для правящей фамилии десятилетие (830-840 гг.), в котором период 830-834 годов стал временем серьёзных испытаний для главы дома Каролингов: жестокая внутрисемейная вражда и смещение императора с трона становятся главной темой творчества каролингских биографов и историков, выступают в источниках того периода кульминацией правления Людовика⁹¹⁷.

Однако именно эта противоречивость, сложность политической ситуации и подтолкнула франкских интеллектуалов, в условиях кризиса правящей фамилии, к попытке понять место императорской власти в изменявшейся политической атмосфере. В правление Людовика каролингские писатели не оставляли попыток сформулировать такую концепцию власти, где нашлось бы достойное место крайне набожному монарху, сражающемуся не с врагами веры и даже не с возмутителями спокойствия на границах Империи, а собственными сыновьями и мятежной знатью, встававшей на сторону того или иного монаршего отпрыска.

Причиной этих новых тенденций в политической теологии Каролингской эпохе стали иные, по сравнению с эпохой Карла, условия, в которых оказалась династия, императорская власть и всё франкское общество в целом.

⁹¹⁷ *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris, 2012. P. 145-159; *Тейс Л.* История Франции / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой. Т. 2. М., 1993. С. 11-31; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 110–141; *Laudage J., Hageneier L. und Leiverkus Y.* Die Zeit der Karolinger. Darmstadt, 2006; *Becher M.* Merowinger und Karolinger. Darmstadt, 2009. *Hack A.T.* Alter, Krankheit, Tod und Herrschaft im frühen Mittelalter. Das Beispiel der Karolinger. Stuttgart, 2009; *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 28-34; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 154-222; *Uhl K.* Die Karolinger. Herrscher und Reich. München, 2014.

4.1. Новые вызовы для правящего дома и новые тенденции в каролингской литературе

Не имея возможности подробного описания всего богатства политических и социальных перипетий правления Людовика Благочестивого, постараемся, всё же, выделить основные черты периода, которые помогут понять те новые веяния, которые внесли в представления о власти интеллектуалы эпохи Людовика.

1. Первым отличием правления нового императора от эпохи его выдающегося отца были невиданные доселе по своей бескомпромиссности и накалу страстей конфликты внутри Каролингской семьи, с которыми Карл либо не сталкивался вообще, либо быстро гасил их, как в случае с заговором Пипина Горбуна⁹¹⁸. Как мы уже упоминали ранее, успешность Карла в этой области объяснялась естественно-биологическими причинами: к началу 770-х годов Карл остался единственным представителем поколения сыновей Пипина Короткого⁹¹⁹. Напротив, внутридинастические распри правления Людовика Благочестивого приводили к радикальному перераспределению земель между членам царствующей фамилии, которое, в ряде случаев, сопровождалось лишением отдельных членов семьи наделов и власти. Самыми яркими примерами этого явились свержение с трона Людовика Благочестивого в 833 году, затем отстранение от наследования родовых земель потомков второго сына Людовика Пипина в 836 и 838 годах и, наконец, отстранение от наследования Людовика Немецкого в 839 году, когда Империя была поделена между старшим сыном императора Лотарем и

⁹¹⁸ Заговорщики, возглавляемым графом Парижа Теобальдом и епископом Вердена Петром, намеревались убить Карла, его жену Фастраду и их сыновей, а затем поставить королём Пипина, сына короля от первого брака с Химильтрудой, который, после заговора, стал называться в источниках сожителем. Заговор был раскрыт диаконом церкви св. Петра в Регесбурге Фардульфом, после чего все участники были казнены, кроме самого Пипина Горбуна, «высшую меру» которому Карл заменил на пострижение в монахи. См.: *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 169, 309-314; *Fried J.* Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie.

⁹¹⁹ *Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768–771) // *Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65 Geburtstag* / G. Jenal and S. Haarländer. S. 165–176.

его отпрыском от второго брака Карлом. Всего же можно выделить четыре крупных внутридинастических распри эпохи Людовика Благочестивого:

1) События 817-818 годов, когда незаконнорожденный племянник Людовика Бернард, лишённый власти над Италией по документу *Ordinatio imperii*, восстал против императора, за что был ослеплён, отчего, в итоге, и умер⁹²⁰.

2) Конфликт 829-830 годов, который не вылился, однако, в открытую вооружённую борьбу внутри Каролингской семьи, но ознаменовался недовольством всех сыновей от первого брака Вормским разделом 829 года, когда Людовик, выделив из надела Лотаря земли для шестилетнего сына от нового брака Карла, нарушил «*Ordinatio imperii*» 817 года⁹²¹.

⁹²⁰ Как только Бернард поднял восстание против императора Людовика, ряд магнатов использовали это восстание в своих интересах: его отзвуки были слышны в Реции и даже в долине Луары. Теодульф, графство которого Людовик в свое время отдал рейнскому магнату Матфриду, был обвинен в сообщничестве Бернарду и был заточен монастырь, где вскоре умер. Сам Бернард еще надеялся на примирение с императором и отправился на Север, чтобы встретиться с Людовиком в Шалоне-на-Марне. Но франкский король захватил племянника, и Бернард был осужден на смертную казнь. Однако император заменил этот приговор на ослепление, которое было проведено префектом провинции Лион Бертмундом, после чего Бернард умер спустя два дня. Его сторонники в Италии и в других землях лишились своих наделов и титулов, их вожди - ослеплены, сторонники из клириков смещены со своих кафедр. Не забыл Людовик и о своих единокровных братьях Дрогоне и Гуго (незаконнорожденные сыновья Карла Великого): по его приказу они были пострижены в монахи. В результате всех этих опал и казней власть императора укрепилась. Вместе с тем росло влияние супруги Людовика Ирмингарды и ее сына Лотаря. См.: Nithardi historiarum libri IV // MGH, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. 44. I.; Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi // MGH. SS rer. Germ. S. 141-178; Annales Bertiani // MGH. SS rerum Germ. S. 1-24; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 110–141; Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 189-222; Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д. Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб., 2014. С. 72-82.

⁹²¹ В 829 году на собрании в Вормсе Людовик объявил, что меняет условия «*Ordinatio imperii*». Шестилетнему Карлу выделялся удел, состоявший из Аламании, Эльзаса, Реции и части Бургундии. Этот новый раздел империи в первую очередь затрагивал интересы Лотаря. «Со-император» был возмущен, но впал в немилость и был сослан в Италию. В 830 году новоявленные сторонники единства вызвали из Италии Лотаря и заставили Людовика помириться с сыновьями. Верный императору казначей-временщик Бернард Септиманский бежал, Юдифь сослала в Прюмский монастырь, а Людовик вынужден был подтвердить незыблемость «*Ordinatio imperii*». Однако практически сразу же нарушил порядок 817 года, что привело к объединению всех группировок знати, недовольных

3) Распря и междоусобица 830-835 годов, когда против Людовика, вновь нарушившего незыблемость «*Ordinatio*», выступили все три сына от первого брака, объединившиеся с крупными магнатами: Матффридом Орлеанским, Гуго Турским, графами Валою, Адалардом и епископом Агобардом Лионским. В результате этой усобицы, самой острой из всех, Людовик был смещён с престола, что было организовано совместными усилиями Лотаря, архиепископа Реймского Эбо и папы Григория IV. В результате этих событий Людовик вынужден был принести унижительное покаяние за привнесение раздоров в Империю, после чего был посажен Лотарем под стражу вплоть до Тионвилльской ассамблеи 835 года. Таким образом, единственным носившим титул императора во Франкии в 833-834 годах был именно Лотарь: его императорский статус был закреплён в *Ordinatio imperii* 817 года, делавшим его «соимператором» - соправителем при отце⁹²².

действиями Людовика: союз князей Гуго Турского и Матфрида Орлеанского с Лотарем грозил политическим кризисом. См.: Nithardi historiarum libri IV // MGH, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. 44. I.; Annales Bertiani // MGH. SS rerum Germ. S. 1-24; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2 / Ed. R. McKitterick. P. 110–141; Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 189-222; Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д. Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб., 2014. С. 72-82.

⁹²² Об *Ordinatio imperii* см.: Fleckenstein J. *Ordinatio imperii* von 817 // Lexikon des Mittelalters. Bd. 6. München/Zürich: Artemis & Winkler, 1993. S. 1434–1435; текст документа см.: *Ordinatio imperii*. 817. mense Iulio // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 270-273. После того, как Гуго и Матфрида Людовик поместил под стражу, он лишил Пипина Аквитании, которая была отдана Карлу. В этих условиях явного морального и, что самое главное, территориального благоволения Карлу сыновья Людовика от первого брака снова решили выступить против отца единым фронтом. Ресурсы для этого были: на сторону возглавлявшего коалицию братьев Лотаря встала церковь. 23 июня 833 года на Красном поле в Эльзасе встретились армии императора и его сыновей. В лагере коалиции братьев находился римский понтифик Григорий IV (827-844). Сыновья несколько раз посылали к отцу своих представителей, пытались урегулировать все мирным путем, посылали заверения в своей сыновней преданности и в том, что они только защищают свои права, нарушенные враждебной им партией. Но Людовик не шел ни на какие уступки. В результате вассалы Людовика, вероятно подкупленные Лотарем, в ночь на 29 июня почти все перебежали в лагерь сыновей. Видя безвыходность своего положения, Людовик сдался на милость победителя. С одобрения папы Григория Эбо Реймский и Лотарь лишили Людовика императорского достоинства. Его разлучили с Юдифью, сослали ее в Италию, а Карла – в монастырь. Людовик в обществе нескольких монахов фактически оказался под арестом (Красное поле

4) Последним крупным внутрисемейным конфликтом был конфликт 839-840 годов: постепенно восстановивший в 835-838 годах свой авторитет Людовик сполна наказал младших сыновей от первого брака: лишив наследственных прав потомство Пипина Аквитанского, он также решил унижить и Людовика Немецкого. Очередной раздел в Вормсе в 839 году закрепил раздробление Империи на две части: восток доставался Лотарю, запад – Карлу. Сброшенный со счетов Людовик Немецкий начал собирать войска, но его войне с императором не суждено было случиться вследствие смерти последнего⁹²³.

после этих драматичных событий стало называться Полем Лжи). В октябре 833 года в Компьене, а затем в Суассоне состоялась судебная процедура над Людовиком Благочестивым (обвинителями выступили Эбо Реймский и Агобард Лионский). Людовик был принужден к унижительному покаянию. Согласно сообщению Бертинских анналов, он был отлучен от церкви и подвергся пыткам в Аахене (сторонники «со-императора» хотели таким образом вынудить Людовика уйти в монастырь). См.: Nithardi historiarum libri IV // MGH, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. 44. I.; Annales Bertiani // MGH. SS rerum Germ. S. 1-24; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2 / Ed. R. McKitterick. P. 110–141; Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 189-222; Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д. Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб., 2014. С. 72-82.

⁹²³ Трагические события 833 года оттолкнули от него братьев и часть высших церковных иерархов: в 835 году на собрании высшего клира в Тионвилле Людовик был оправдан, восстановлен в правах и снова возведен на престол. Там же Эбо Реймский признал низложение и осуждение императора незаконным и, признавшись в своем преступлении, сложил с себя архиепископский сан. Несмотря на лояльность младших сыновей от первого брака, он решился на резкие шаги по отношению к ним: в 836 году он отнял у Пипина в пользу Карла всю Нейстрию и Бретань. В 838 году король Аквитании умер, и эту область должен был унаследовать его сын Пипин II. Однако Людовик отнял у Пипина II это наследие и передал Аквитанию Карлу. В итоге Людовик примирился с Лотарем: в 839 году на сейме в Вормсе произошел очередной раздел империи, на этот раз только между Лотарем и Карлом: обширное детище Карла Великого было поделено на две части по линии, идущей с севера на юг вдоль Мааса и далее к Средиземному морю. Лотарь, которому предоставлено право выбора, занял восточную часть, Карл - западную. Положение «со-императора» сохранялось за Лотарем, который обязался защищать Карла, а Карл – чтить своего покровителя и повиноваться ему. Этот раздел означал, что Людовик Немецкий оказался фактически сброшен со счетов. Не собираясь сдаваться, он стал готовиться к войне. Людовик Благочестивый также стал собирать войска, вызвал Лотаря на подмогу, но 20 июня 840 года давно болевший император и король франков умер. См.: Nithardi historiarum libri IV // MGH, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. 44. I.; Annales Bertiani // MGH. SS rerum Germ. S. 1-24; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2 / Ed. R. McKitterick. P. 110–141; Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 189-222; Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д. Разделы власти в королевстве франков

Историография, изучавшая Каролингскую эпоху, по-разному оценивала эти возмущения. Историки XIX - первой половины XX века расценивали «мятежи сыновей против отца» и выступления знати как неизбежное для Франкской империи зло, связанное с тем, что держава Каролингов была образованием хотя и выдающимся, но искусственно скрепленным усилиями гениального государя – Карла Великого. По мнению таких, представлявших разные исторические школы, исследователей, как Ф. Гизо, Н.Д. Фюстель де Куланж, В. фон Гизебрехт, Д.М. Петрушевский, Г. фон Белов, Г. Миттайс, А.И. Неусыхин и другие, Франкская империя неизбежно должна была превратиться в совокупность отдельных феодальных княжеств, живших самостоятельной жизнью, развалиться под натиском сепаратизма вотчинников; единство Империи, таким образом, должно было быть принесено в жертву «феодальному партикуляризму»⁹²⁴.

Однако ещё Ф.Л. Гансхоф убедительно показал: мятежи внутри Каролингской семьи в эти годы не придавали разительного контраста между эпохой Людовика и предшествующим периодом: по мнению французского исследователя смерть сыновей Карла Великого в 810 году означала крах проекта «*Divisio regnorum*» и постепенное разложение и кризис порядка 806 года⁹²⁵. Современные немецкие историки Б. Кастен и Р. Шиффер высказали точку зрения, что весь IX век (а отнюдь не только эпоха Людовика Благочестивого), проходил под знаком жёсткой борьбы за власти внутри

эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб., 2014. С. 72-82.

⁹²⁴ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2-3; Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6; Фортинский Ф.Я. Причины распада монархии Карла В. Киев, 1872; Giesebrecht W. Karl der Grosse; Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства; Below G. Der deutsche Staat des Mittelalters; Mitteis H. Lehnrecht und Staatsgewalt – Untersuchungen zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte; Неусыхин А.И. Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. С. 241.

⁹²⁵ Ganshof F. L. La fin du règne de Charlemagne, une decomposition // Revue suisse d'histoire. 1948. P. 433–451.

династии⁹²⁶. Крайне справедливое замечание по этому поводу сделал У. Пенндорф: Карлу Великому не нужно было доказывать своё первенство в Каролингской семье лишь потому, что смерть унесла его брата Карломана; таким образом, Карл становился единоличным правителем практически сразу после смерти отца⁹²⁷.

Как же, учитывая всё вышесказанное, стоит оценивать внутрисемейные распри времён Людовика? Согласно утверждению Д. Нельсон, в политике всех монархов из рода Каролигов, присутствовала определённая преемственность, которая не менялась, начиная Пипина Короткого и заканчивая 30-40-ми годами IX столетия, представляя собой систематические перераспределения земель между членами династии⁹²⁸. Однако новейшие исследования убедительно показали, что говорить о преемственности каролингской династической политики нельзя, поскольку каждый монарх стремился по-своему решить внутрисемейные проблемы, по-разному «устроить жизнь» многочисленных родственников: разница в проектах *Divisio Regnorum* 806 года, коронации Людовика как единоличного правителя в 813 году и «компромиссного» *Ordinatio imperii* 817 года наглядно это иллюстрирует⁹²⁹.

Действительно: принцип разделения Империи на части, отдаваемые в управление отдельным ветвям династии, изменялся на всем протяжении первой половины IX века. От принципов «*Divisio regnorum*» 806 года устройство Франкской империи эволюционировало через принцип 813 года

⁹²⁶ Kasten B. Königssöhne und Königsherrschaft: Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997. S. 1-10, 553; Schieffer R. Väter und Söhne im Karolingerhause // Schieffer R. Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum: Referate beim Wissenschaftlichen Colloquium zum 75. Geburtstag von Eugen Ewig am 28. Mai 1988. Sigmaringen: Thorbecke, 1990. S. 149–164

⁹²⁷ Penndorf U. Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843): Untersuchungen zu den späten Karolingern. München, 1974.

⁹²⁸ См.: Nelson J. Charles the Bald.

⁹²⁹ Старостин Д.Н. Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 107; Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д. Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролигов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб, 2014. С. 81.

(наследование власти одним человеком) к пресловутому «*Ordinatio imperii*» 817 года, «призванному защитить империю от возможного раскола»⁹³⁰. Как было показано в предыдущей главе, из всех этих династических проектов самым продуманным было «*Divisio Regnorum*», т.к. предусматривало судьбу не только всех здравствовавших членов императорской семьи, но и их потомков, причём предусматривалось наследование в рамках каждой из ветвей семейного древа. Проект 813 года был вынужденной мерой и, одновременно, наиболее простой. В то же время передача власти Карлом Людовику оставляла новоиспечённому правителю решение всех дальнейших внутрисемейных пертурбаций. Как следствие, «*Ordinatio imperii*» - плод династической политики именно Людовика, его собственный, «авторский» проект.

Как следует его характеризовать? Смерть двух сыновей Карла заставила его передать власть одному Людовику, смерть Карла же поставила вопрос о статусе уже сыновей Людовика: Лотаря, Пипина и Людовика-младшего. И здесь принимается решение, представлявшее собой очевидный компромисс между проектами 806 и 813 годов «*Ordinatio imperii*»: верховная власть передавалась одному Лотарю, два других брата должны были признать его власть над собой. В то же время, Империя всё-таки делилась между всеми тремя сыновьями Людовика, с приоритетом надления лучшими землями старшего брата⁹³¹.

⁹³⁰ Ранн Ф. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2009. С. 19.

⁹³¹ Императора Людовика и его ближайшего советника Агобарда Лионского волновала дальнейшая судьба империи. Разделить ли государство между сыновьями согласно старой традиции еще при жизни Людовика? Или сделать ставку на увенчание старшего сына Лотаря императорской короной, как это сделал в 813 году Карл применительно к Людовику, отказав при этом во власти над «малыми королевствами» младшим сыновьям? По мысли Ф. Лота, то, что произошло в июле 817 года и было названо «*Ordinatio imperii*», являлось компромиссом между двумя этими тенденциями. Раздел 817 года заключался в следующем: императорский титул получил Лотарь, который с этого времени становился соправителем отца, а после его смерти наследовал империю («короновал своего первородного сына Лотаря и определил его своим товарищем по титулу и империи»). Остальные два сына получили по королевству: Пипин – Аквитанию, которой уже и так управлял, Людовик – Баварию и земли, примыкающие к ней на востоке. Оба младших брата должны были подчиняться воле старшего в военной и дипломатической сферах, и не могли вступить в брак без его согласия. В случае смерти одного из младших братьев

В этом компромиссе состоит серьёзное преимущество раздела 817 года. Однако у этого проекта был и большой недостаток: в отличие от «*Divisio regnorum*», он не предусмотрел потенциальных династических коллизий, связанных, прежде всего, с потенциальным рождением новых сыновей у пребывавшего в расцвете сил Людовика Благочестивого. Именно они привели к политическому кризису: после рождения Карла (будущего Карла Лысого) сыновья от первого брака, особенно Лотарь, упорно держались за целостность своих «малых королевств», закреплённых в *Ordinatio* 817 года. Таким образом, новые передёлы, совершаемые в интересах Карла, разрушали единство Империи, нарушали с таким трудом достигнутый Карлом Великим баланс интересов различных ветвей династии. И если в 818 году мы можем говорить о сильной императорской власти и мире внутри Каролингской семьи, то в 833 императорская власть была унижена, а мир внутри рода Каролингов сменила кровавая распря.

Обозначая внутрисемейные распри как основную черту эпохи Людовика Благочестивого можно, таким образом, резюмировать: конфликты того времени не были просто «бунтом сыновей против отца»⁹³², а, во многом, результатом собственной, непродуманной политики Людовика и его окружения, которые сначала не смогли сконструировать гибкую систему урегулирования внутрдинастических споров, а затем сами же периодически

новый раздел не предусматривался, в случае же смерти Лотаря магнаты должны были избрать императором одного из оставшихся. Акт 817 года был торжественно скреплен присягой всех подданных и благословением папы; в том же году Лотарь был коронован и получил титул «августа». Таким образом, мы видим двойственность, компромиссность ситуации: Лотарь становился тем, кого американская исследовательница Дж. Л. Нельсон справедливо назвала «со-император», то есть императором-сыном при здравствующем императоре-отце, а два младших сына Людовика Благочестивого, Пипин Аквитанский и Людовик (будущий Немецкий) получают во владения свои «малые королевства». Казалось бы, Людовик идет по проторенному пути «*Divisio regnorum*» 806 года, однако «*Ordinatio imperii*» имело далеко идущие отрицательные последствия. Оно не предусмотрело ни судьбу Бернарда Италийского, неупомянутого в документе 817 года, ни ситуацию появления у Людовика Благочестивого новых наследников. См.: *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Eihardi* // MGH. SS. rer. Germ. P. 146; *Lot. F. La France des origines a la guerre de cent ans*. P. 99-100; *Левандовский А.П.* Карл Великий: через Империю к Европе. С. 123; *Nelson J.* The Frankish kingdoms. P. 111.

⁹³² *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 49.

нарушали «*Ordinatio imperii*», порождая возмущения представителей императорского рода. Людовик, человек, несомненно, благочестивый, и считавший, как и отец, что его деяния направляет Господь, настойчиво проводил в жизнь проекты разделения Империи (829, 836, 839 гг.), явно ущемлявшие права отдельных своих сыновей. Ценой этого стала нестабильность внутри Каролингской фамилии на протяжении всех 30-х годов IX века.

2. Второй значительной чертой нового правления стала увеличивающаяся роль крупной знати, не только придворной, но и провинциальной, которая занимала всё более весомое положение во внутриимперских конфликтах. Действительно, как мы убедились выше, в эту эпоху в качестве основных действующих лиц фигурируют представители знати, имеющие земли в разных частях Империи: Гуго Турский, Матфрид и Эд Орлеанские, граф-аббат Вала, Бернард Септиманский и другие. Кроме этих конкретных имён, правление Людовика знает также безымянных *fideles* и *nobiles*, постоянно фигурирующих в источниках⁹³³.

Старая историография эпохи создания и укрепления национальных государств XIX – начала XX века закономерным образом противопоставляла эту усиливающуюся и непременно стремящуюся к сепаратизму аристократию централизованной монархии Каролингов, пытавшейся, в свою очередь, подчинить знать своим интересам. Для историков, изучавших политические институты и право Каролингской эпохи (Н.Д. Фюстель де Куланж, К. Лампрехт, Г. фон Белов и Г. Миттайс), усиление знати непременно означало ослабление королевской власти⁹³⁴.

Историки-марксисты парадоксальным образом весьма схоже рассматривали соотношение роли центральной власти императора и власти феодалов в правлении Людовика Благочестивого, внося, однако, одно

⁹³³ Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 1-50.

⁹³⁴ См.: Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 6; Лампрехт К. История германского народа. Т.2.

существенное, с их точки зрения, замечание: причиной усиления земельной знати, как писал Ф. Энгельс во «Франкском периоде», были не политические мотивы «стремления к обособлению», а усиление экономического могущества аристократии, ускоряющееся закрепощение крестьян⁹³⁵.

Точку зрения о естественном противоречии интересов королевской власти и аристократии впервые поставил под сомнение Г. Телленбах, который сформулировал термин «имперская аристократия». Согласно концепции немецкого учёного, Каролингская династия сама конструировала слой высшей «имперской» знати, которая, поэтому, была обязана своим положением правящему дому⁹³⁶. Во многом именно благодаря Г. Телленбаху сформировалась исследовательская традиция, рассматривающая каролингскую знать как структуру, целенаправленно создаваемую династией Каролингов. Через несколько лет после выхода работы Г. Телленбаха другие исследователи стали высказывать схожие идеи. Бельгийский историк Ж. Дондт резюмировал, что в каролингское время связь короля и нобилитета – вассалитет – была основным инструментом преобразования Каролингами франкского общества⁹³⁷. Заметим, однако, что на ведущую роль отношений «вассальности» уже при первых Каролингах указывал ещё в XIX веке В.Г. Васильевский⁹³⁸. Позднее К. Бруннер, дополняя изыскания своих предшественников, высказал предположение, что кроме имперской аристократии были и другие слои более мелкой знати, поддерживавшие королевскую власть⁹³⁹. Среди сторонников союза короля и знати при ранних Каролингах были также те исследователи, которые считали античные понятия «государственной службы» и «общего блага» ещё актуальным для раннего Средневековья. По мнению К. Вернера и Ф. Депрё, именно эти

⁹³⁵ Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 510-516.

⁹³⁶ Tellenbach G. Königtum und stämme in der werdezeit des deutschen reiches. Weimar, 1939.

⁹³⁷ Dhondt J. Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècles). Bruges, 1948.

⁹³⁸ Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. С. 436.

⁹³⁹ Brunner K. Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien; Köln; Graz, 1979.

античные категории связывали короля и аристократию в эпоху Каролингов⁹⁴⁰.

Наряду со сторонниками «противоречия» и «подчинения» аристократии королю сформировалась третья группа исследователей, настаивающих на том, что модель отношений между ними подразумевала поиск баланса интересов и достижение взаимной пользы. Одним из первых о подобной модели взаимоотношений между короной и нобилитетом высказался ученик Г. Телленбаха и К. Шмитта Г. Альтхофф, который в своих работах «Правила игры в политике Средневековья» и «Век поздних Каролингов и Оттонов» показал, что в эпоху ранних Средних веков не могло существовать проблемы противоречий между монархом и знатью: последняя, через систему родственных связей и ритуалов, являлась частью большой королевской семьи⁹⁴¹.

В этой описанной Г. Альтхоффом системе, с помощью которой создавался взаимовыгодный союз знати и короля, важное место занимала кровнородственная, брачная политика. Р. Лё Ян, например, рассматривает брак как способ раздела власти между знатными семьями⁹⁴². Р. Маккитерик, в свою очередь, считает, что связующим звеном между династией и знатью были военные победы Карла Великого, выгодные нобилитету. По мнению английской исследовательницы, не служба и подчинение, а единение и согласие составляли модель отношений между королём и аристократией в тот период⁹⁴³. В то же время, другая группа исследователей, среди которых можно выделить М. Костамбеуса, М. Иннза и С. МакЛина, подчёркивала, что важнейшим моментом политики Каролингов в отношении знати было их

⁹⁴⁰ *Depreux P.* Nithard et la Res Publica : un regard critique sur le règne de Louis le Pieux // *Medievales*. № 22-23. 1992. Vincennes-Saint-Denis, 1992. P. 149-161; *Werner K.-F.* Naissance de la noblesse. Paris, 2012.

⁹⁴¹ *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde; *Althoff G., Keller H.* Die Zeit der späten Karolinger und der Ottonen: Krisen und Konsolidierungen 888–1024.

⁹⁴² *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIème-Xème siècle). Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995.

⁹⁴³ *McKitterick R.* Charlemagne: The Formation of a European Identity.

умение лавировать между интересами различных группировок нобилитета⁹⁴⁴. По мнению авторов труда «Каролингский мир», в этом деле короли IX века выступали не единоличными монархами, а мастерами слова и убеждения⁹⁴⁵. К таковыми относили Карл Лысый и Карл Толстый, но не Людовик Благочестивый⁹⁴⁶.

Подобное обилие подходов к проблеме не отменяет того, что в истории взаимоотношения Каролингов и знати бросается в глаза очевидный факт: если судить по тексту повествовательных источников, ни Пипин, ни Карл не имели никаких противоречий с конкретными магнатами. Факты конфликтов между императором и знатью впервые встречаются в текстах эпохи Людовика Благочестивого. Исходя из этого, можно предположить, что первые два Каролинга находили какие-то способы взаимовыгодного взаимодействия со знатью. Безусловно, не только наделение землёй, но и брачная политика имела место в политическом арсенале франкских монархов: ярким примером того служит брак Карла Великого с представительницей аламманского рода Лиутгардой, направленный на укрепление дружбы с Франконией⁹⁴⁷.

Однако почему же при продолжателе династической политики отца, Людовике Благочестивом⁹⁴⁸, знать в союзе с императорскими сыновьями поднимала мятежи против государя? Очевидно, что при всей обоснованности нового толкования отношений между монархом и нобилитетом в каролингский период, предложенного современной историографией, идиллическая картина «дружбы и согласия» между короной и знатью плохо применима к периоду 814-840 годов. Отсюда проистекает необходимость

⁹⁴⁴ Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. P. 434.

⁹⁴⁵ Ibid. P. 431.

⁹⁴⁶ Ibid. P. 434.

⁹⁴⁷ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. S.22.

⁹⁴⁸ В 819 году Людовик заключил брак с представительницей рода Вельфов Лиутгардой, способствовавший укреплению связей короны с землями за Рейном. Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. SS. Rer. Germ. S. 150.

исследовать причины дисбаланса тандема «король-знать» в правление Людовика Благочестивого. На этот счёт в исторической науке существует две основные точки зрения.

1) Ещё в середине прошлого столетия изучавший зависимое население Франкской державы А.И. Неусыхин предложил интересную картину эволюции взаимоотношений королевской власти и знати. Принимая тезисы Ф. Энгельса, изложенные им в работе «Франкский период», советский историк подчёркивал, что поддержка королевской власти знатью имеет место тогда, когда существует возможность взаимовыгодного (с экономической точки зрения) союза этих двух сил. Поскольку короли из рода Меровингов были готовы наделять галло-франкскую аристократию землёй, последняя поддерживала королевскую власть. Как только материальные ресурсы Меровингов иссякли, знать допустила смену династии. Подобная же схема действовала и в эпоху Каролингов: слой средних и мелких феодалов поддержал новую династию и, в частности, активную завоевательную политику Карла Великого, в надежде на щедрые земельные пожалования. Ярким примером франкской экспансии с целью захвата материальных богатств является война Карла с Аварским каганатом, по итогам которой сын короля Пипин и его вассалы увезли во Франкию несметные «сокровища гуннов»⁹⁴⁹. Однако после окончания завоевания, а значит, сокращения лишних земельных ресурсов, для аристократии исчезла необходимость поддержки королевской власти⁹⁵⁰. Окончание франкской военно-религиозной экспансии, а значит, и смена акцентов со стороны знати, хронологически совпадают именно с правлением Людовика Благочестивого, что, во многом, способно объяснить усложнения взаимоотношений императора и магнатов.

⁹⁴⁹ *Гайворонский И.Д.* Карл Великий и Аварский каганат: к вопросу о политике короля франков в Восточной Европе (на материалах франкских хроник и "Vita Karoli Magni" Эйнхарда) // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 1 / Отв. редактор А.Х. Даудов. С. 121-125.

⁹⁵⁰ *Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. С. 231.

Адекватные способы взаимодействия со знатью будут искать уже в своих отдельных королевствах сыновья Людовика, прежде всего, Карл Лысый.

Однако точка зрения, предложенная классическим марксизмом, наряду с неоспоримыми преимуществами (рассмотрение экономических и социальных аспектов наряду с политическими), имеет и существенные недостатки: концепция выгоды, которую ищет знать от взаимодействия с той или иной династией, становится достаточно примитивной, если применить её к конкретным политическим реалиям. Например, не очень ясна причина, которая могла бы побудить региональную знать требовать от Людовика Благочестивого земельных пожалований в условиях, когда земельный фонд уже иссяк: границы Франкской империи достигли естественных пределов уже в начале IX века. Необходимую корректировку жёстких установок об экономическом «базисе» внесла неомарксистская историография: Х. Спрюйт и Б. Тешке подчёркнули, что средневековые отношения собственности имеют свою специфику в отдельных регионах и определяют действия не абстрактных классов, а «коалиций социальных сил»⁹⁵¹. В нашем случае такой «коалицией» можно назвать союзы магнатов с императорскими сыновьями. Иными словами, учёт в рамках неомарксизма региональных и социальных особенностей отдельно взятой эпохи открывает путь к поиску мотивов, побудивших конкретных магнатов выступить против Людовика. Так, Б. Тешке, говоря о Средневековье в целом, подчёркивает, что захват территорий и рабочей силы как источников дохода определяет расширение феодального королевства⁹⁵².

2) В этом смысле интересна вторая точка зрения на проблему, предлагаемая представителями новой социальной истории. Согласно воззрениям историков этого направления, король неизменно должен был быть своим в глазах знати, что ставило перед ним следующие задачи: а) быть

⁹⁵¹ Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. P. 24-25; Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 15.

⁹⁵² Там же. С. 104.

кровным другом нобилитета – состоять в родстве с самыми именитыми семьями королевства⁹⁵³; б) поддерживать дружбу символически: здесь особую роль играют совместные пиршества⁹⁵⁴ и торжественные королевские манифестации, придворный и публичный церемониал⁹⁵⁵; в) соблюдать баланс группировок внутри знати и придворных фракций: прежде всего, речь идёт о той расстановке сил, которая досталась монарху от его предшественника.

Именно нарушение этого баланса, зачастую, приводило к потере правителем авторитета, а то и власти⁹⁵⁶. Рассматривая пример Людовика Благочестивого, мы имеем дело как раз с подобным случаем. Взойдя на престол, новый император стал пополнять придворное окружение из числа своих аквитанских верных – тех, с кем прошёл войны с сарацинами в северной Испании (готы Бенедикт Аннианский и Агобард Лионский), иными словами – друзей детства. Одновременно, ближайшее окружение монарха дополнили те, кто был готов содействовать Людовику в его религиозных реформах и поддерживать образ «короля-монаха» - священник Элизахар и епископ Иона Орлеанский. Прежние придворные: граф Вала, Адалард Корбийский, Теодульф Орлеанский и, затем, Эйнхард, были отправлены в региональные монастыри, подальше от центра власти⁹⁵⁷. Поэтому неудивительно, что большинство из них в конце 820-х годов оказались на стороне мятежных сыновей – в этом ракурсе мятежи знати становятся

⁹⁵³ *Fried J.* Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie. S. 259-372; *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde.

⁹⁵⁴ *Ibid.*

⁹⁵⁵ *Giesie R.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva, 1960; *Henley S.* The lit d'justice of Kings of France: constitutional ideology in legend, ritual and discourse. Princeton, 1983; *Woodwarth J.* The Theatre of Death: the Ritual Management of Royal Funeral in Renaissance England 1570-1625. Woodbridge, 1997.

⁹⁵⁶ См. на примере Карла I Стюарта (1625-1649 гг.), нарушившего баланс, и курфюрста Саксонии Иоганна Георга I (1585-1656 гг.), сумевшего грамотно учесть интересы разных групп элиты. См.: *Федоров С.Е.* Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб., 2005; *Прокопьев А.Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585-1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

⁹⁵⁷ Подробнее о смене придворного окружения вначале правления Людовика см.: *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 145-151; *Тейс Л.* История Франции. С. 18-20; *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 112-114; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 161-164; *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 28-32, 81-86.

объяснимыми, помещаясь в плоскость проблемы сакрального придворного круга короля: «выдавливаемые» из него старые сподвижники Карла Великого имели все основания для недовольства Людовиком. Его неудачные династические проекты 820-830-х годов лишали его политику в отношении знати всякого оправдания. Кроме этого, Людовик, очевидно, обозлил против себя и региональную аристократию: отменив в 829 году *Ordinatio imperii*, император предложил в качестве суверена Нейстрии, Реции и Бургундии малолетнего Карла, который должен был сменить в качестве правителя этих земель привычного нобилитету Лотаря⁹⁵⁸.

На основании всех этих примеров становятся понятными мотивы магнатов, составлявших воинские контингенты восставших сыновей во время усобиц 830-х годов: не только материальные, но и социальные мотивы, а также стремления, лежащие в области символических категорий дружбы и приближённости к сакральной персоне короля, толкали знать поддерживать мятежи против Людовика Благочестивого и его окружения.

3. В качестве третьей и последней особенности эпохи Людовика Благочестивого можно выделить усиление влияния церкви на политику императора, а именно, франкского высшего клира, франкского епископата. Кроме этого, церковное влияние чувствуется не только в действиях монарха и составе его окружения, но и в векторе развития культуры «каролингского возрождения», которая при Людовике приобретает однозначно христианский характер. Самым хрестоматийным выражением этого процесса является сообщённое Теганом королевское запрещение распевать древние германские песни⁹⁵⁹.

⁹⁵⁸ Существует и другая точка зрения на мотивы участия в междоусобицах региональной знати: по мнению Д. Меррингтона и Б. Тешке насилие было *raison d'être* знати, а участие в крупных междоусобных войн — способом увеличения земельных владений. См.: *Merrington J. Town and Countryside in the Transition to Capitalism // The Transition from Feudalism to Capitalism / Ed. P. Sweezy et al. London: 1976. P. 179; Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 102-104.*

⁹⁵⁹ *Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 200-202.*

Что же касается политического аспекта, то уже в самом начале правления Людовика наблюдается не свойственная каролингской придворной жизни резкая смена монаршего окружения: укрепляя моральную чистоту своих приближенных, Людовик отправляет легкомысленных сестер в монастыри, удаляет от двора сомнительных личностей, которые окружали Карла Великого на закате его лет⁹⁶⁰. Согласно меткому высказыванию А.П. Левандовского, «отныне аахенский двор, к радости всех истинно верующих, становился подлинным посредником между Богом и страной, являя собой высокий образец нравственной жизни, которому оставалось лишь следовать»⁹⁶¹. Однако куда более важна смена персонального состава императорского окружения в 814-816 годах: прежние советники Карла – Адалард, «признанный лидер франкской знати»⁹⁶² граф Вала и другие удаляются от двора и вытесняются с политической сцены представителями духовенства, причём как иерархами, так и монахами. Самыми значительными фигурами среди них являются священник Элизахар, архиепископ Лиона Агобард, Бенедикт Аннианский⁹⁶³, архиепископ Эбо Реймский и другие его сподвижники, находившиеся рядом с Людовиком ещё в бытность его королём Аквитании. Таким образом, в императорском окружении значительно усиливается церковный элемент.

Кроме этого, высшее духовенство Франкской империи начинает играть ключевую роль в делах государства: именно епископат восстанавливает императорское достоинство Людовика на собрании в

⁹⁶⁰ К концу жизни Карл, пережив пять жен, заводил наложниц и упустил контроль над моральным обликом своих дочерей.

⁹⁶¹ Левандовский А.П. Карл Великий: через Империю к Европе. С. 119

⁹⁶² Сидоров А.И. Каролингская аристократия глазами современников // Французский ежегодник 2001. М., 2001.

⁹⁶³ Бенедикт находился при дворе Людовика с 813 года, когда был назначен аббатом созданного Бенедиктом монастыря в Инде, неподалеку от Ахена; В 817 году он председательствовал на соборе в Аахене, который примет новый монастырский устав, восстанавливающий и еще более регламентирующий прежний устав Бенедикта Нурсийского. Это вызовет внутрицерковную оппозицию во главе с клиром Сен-Дени, но, несмотря на это, Бенедикт при поддержке Людовика добьется унификации монастырской жизни во Франкской империи. См., напр.: Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. Т. 2. С. 196.

Тионвилле в 835 году. Но, при этом, именно в правление Людовика Благочестивого отдельные представители епископского сообщества пытаются создать политическую теологию, в которой монарху отводится место не центра политической, социальной, и религиозной реальности, как было раньше, а смиренного слуги епископов⁹⁶⁴. Самым ярким проводником этой идеи можно считать верного сподвижника Людовика епископа Иону Орлеанского (ок. 760 – 843/844 гг.).

Этот прелат является едва ли не самым ярким из плеяды авторов сочинений жанра «королевского зеркала», родившегося в эпоху первых Каролингов. Согласно определению исследователей этого феномена, «королевское» или «княжеское» зеркало (*speculum principis*, *Führstenspiegel*) – это сочинение, содержащее наставление правителю, содержащее этические предписания для монарха⁹⁶⁵.

Как уже было упомянуто нами во введении, в историографии существовало несколько точек зрения на роль каролингских *specula* в развитии традиции королевских и княжеских зеркал в Средние века. В. Бергес своей работе о *specula* высокого и позднего Средневековья утверждал, что между классическими зеркалами XII века (такими как «*Policraticus*» Иоанна Солсберийского) и *Führstenspiegel* каролингской эпохи, большинство из которых были основаны на учении Псевдо-Киприана Карфагенского⁹⁶⁶,

⁹⁶⁴ Аникьев И.И. Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах трактатов Ионы Орлеанского. С. 99.

⁹⁶⁵ Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters; Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters; Schmidt H.-J. Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014)

⁹⁶⁶ Псевдо-Киприан – автор трактата «О двенадцати мирских злоупотреблений», написанного в Ирландии в VII в. и приписываемый святому Киприану, епископу Карфагенскому (ум. В 258 г.). Святой Киприан (Thascius Caelius Cyprianus) родился 14 сентября 200 года в Карфагене. Он принял христианство в 246 году, а в 248 уже стал епископом Карфагена. В 250 году покинул город, чтобы избежать преследований императора Деция (248-251), из-за которых многие христиане отреклись от своей веры. После своего возвращения Киприан выступил за дарование отпущения греха отступничества от веры и был поддержан собором епископов. Так же был поддержан его тезис о незыблемости решений, принятых епископами на соборе. См.: Аникьев И.И. Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах

отсутствует преемственность. Корни идей власти XII века стоит искать не в каролингской политической этике, а в борьбе и синтезе римских правовых традиций и традиции германского обычного права, наиболее ярко представленного норвежскими и испанскими зеркалами⁹⁶⁷. Схожую роль, роль предшественника, но не прародителя зеркал классического и позднего Средневековья отводил каролингским наставительным трактатам Х.-И. Шмидт, подчёркивавший, что моральные наставления каролингских идеологов не выходили за рамки наставлений для христиан вообще⁹⁶⁸.

Куда более значительную роль в формировании всей средневековой традиции *specula* видел в каролингских зеркалах Х.Х. Антон. Немецкий историк отмечал, что хотя они и являлись «предупредительными сочинениями» для молодых коронованных особ, сами монархи, по меньшей мере, косвенно вдохновляли франкских писателей на создание зеркал. Кроме того, считает Х.Х. Антон, через зеркала оттоновского периода, переместивших акцент с теократических притязаний церкви в отношении королей на прямое санкционирование власти монархов Богом, каролингские *Führstenspiegel* заложили фундамент всей средневековой традиции зеркал⁹⁶⁹.

Польский специалист В. Фальковский одним из первых отметил, что политические, культурные и социальные сдвиги влияли на содержание каролингских зеркал, в том числе свою роль в этом сыграли подчёркивавшие могущество усиливавшейся франкской церкви идеи Псевдо-Киприана⁹⁷⁰. К подобным же результатам пришёл И.И. Аникьев, видя в наследии епископа

трактатов Ионы Орлеанского. С. 92-93; Britannica Настольная энциклопедия: В 2-х тт. Т.1. С. 968.

⁹⁶⁷ Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. S.3-22.

⁹⁶⁸ Schmidt H.-J. Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014)

⁹⁶⁹ Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters.

⁹⁷⁰ Falkowski W. The Carolingian *speculum principis* – the birth of a genre // Acta Poloniae Historica. 2008. №98. P. 5-27.

Орлеана Ионы – отражение теократических притязаний франкской церкви эпохи Людовика Благочестивого⁹⁷¹.

Историки выделяют несколько основных каролингских сочинений, которые можно отнести к типу «королевского зеркала». В. Бергес в качестве основных зеркал упоминает произведения Смарагда («Королевская жизнь»), Ионы Орлеанского («О королевском служении»), Седулия Скотта («О христианских правителях») и Хинкмара Реймского («О личности короля и королевской службе»)⁹⁷². Х.Х. Антон к перечню авторов «королевских зеркал» добавляет также Теодульфа Орлеанского и Эрмольда Нигеля⁹⁷³, Х.-И. Шмидт – Валу Корбийского⁹⁷⁴.

Как указывалось выше, из всех перечисленных авторов, наибольшим количеством сведений о состоянии политической теологии в те годы может снабдить нас Иона Орлеанский. Одним из первых за исследование Ионы как политического мыслителя, а не экзегета, взялся Жан Ревирон, издавший в 1930 году трактат «О королевском служении»⁹⁷⁵. В своей работе Ж. Ревирон охарактеризовал Иону Орлеанского как защитника интересов своего сословия – епископата – и провозвестником теократических идей в Средние века⁹⁷⁶. Немного по-иному взглянул на представление о королевской власти в трактате Ионы Этьен Деларуэль: по мнению этого более позднего французского исследователя, Иона - прежде всего проповедник ветхозаветной морали в каролингском обществе, и в этом смысле орлеанский

⁹⁷¹ Аникьев И.И. Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах трактатов Ионы Орлеанского. С. 99, 103-104.

⁹⁷² Berges W. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. S.3.

⁹⁷³ Anton H.H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters.

⁹⁷⁴ Schmidt H.-J. Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014)

⁹⁷⁵ De institutione regia // Reviron J. Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia*: étude et texte critique. Paris, 1930.

⁹⁷⁶ Reviron J. Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia*: étude et texte critique.

мыслитель – яркий представитель «нового епископата» эпохи Людовика Благочестивого⁹⁷⁷.

В трактате «О королевском служении» Иона Орлеанский продолжает позднеантичную христианскую концепцию власти, унаследованную авторами эпохи Карла Великого. В представлениях Ионы, христианский монарх наделён обязательными функциями: справедливого правителя⁹⁷⁸, судьи⁹⁷⁹, законотворца⁹⁸⁰, защитника державы от внешних врагов⁹⁸¹. Разумеется, подчёркивается обязанность короля заботиться о церкви, вдовах, сиротах и бедных⁹⁸². Кроме этого, продолжая традицию, заложенную ещё Алкуином, Иона подчёркивает, что король должен обладать личным благочестием, во всех своих помыслах и поступках следуя христианским нормам⁹⁸³. Безусловно, источником повышенного внимания Ионы к этой теме были портреты двух столь разных монархов: Карла и Людовика. Возможно, Иона знал о достаточно вольном нраве Карла, о его манерах скорее франкского вождя, чем христианского кесаря. Вероятно, нравы придворного круга в последние годы жизни Карла также были известны орлеанскому епископу, прибывшему ко двору Людовика сразу после его «нравственной очистки». Так или иначе, Иона не мог не заметить экзальтированную набожность нового короля и, не исключено, что в своих моральных сентенциях вдохновлялся не только древними книгами о монашеской жизни, но и личностью Людовика Благочестивого, высказывавшего, в своё время, желание удалиться в монастырь⁹⁸⁴.

⁹⁷⁷ Delaruelle Etienne. Jonas d'Orléans et le moralisme carolingien // Bulletin de littérature ecclésiastique. 1984. №55. P. 129-143; Delaruelle Etienne. En relisant le De institutione regia de Jonas d'Orléans: L'Entrée en scène de l'épiscopat carolingien // Mélanges d'histoire du moyen âge dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 185-192.

⁹⁷⁸ Jonae. Opusculum de institutione regia // Migne J.P. PL. T.106. P. 288.

⁹⁷⁹ Ibid. P. 293.

⁹⁸⁰ Ibid. P. 296.

⁹⁸¹ Ibid. P. 288.

⁹⁸² Ibid. P. 291.

⁹⁸³ Ibid. P. 305-306.

⁹⁸⁴ Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 336.

Однако Иона вносит в образ идеального монарха черты, которые не отмечались ранее каролингскими писателями: возникают мотивы обязательного назначения королём справедливых советников⁹⁸⁵ и судей⁹⁸⁶, пресечение дурных поступков сыновей⁹⁸⁷, начинает звучать мотив монарха-миротворца⁹⁸⁸. Всё это – свидетельства рефлексии Ионы на сложные политические реалии эпохи, описанные нами выше.

Какой же статус приписывает Иона власти монарха в этих условиях? Как верно заметил И.И. Аникьев, ранее, согласно воззрениям идеологов монархии Карла Великого, император объединял в своих руках светскую и сакральную власть («rex et sacerdos», как выразился Павлин Аквилейский на Франкфуртском соборе 794 года)⁹⁸⁹. Согласно же взглядам Ионы, только церковь, а именно, епископы, обладают высшей, священной властью – «auctoris sacerdotalis», в то время как король имеет только «potestas regalis», являющуюся властным достоинством более низкого порядка⁹⁹⁰. Данное приниженное положение королевской власти по сравнению с епископской в трактате Ионы исходит из того, что император, согласно представлениям эпохи Карла фактически возглавлявший церкви, теперь предстаёт всего лишь одним из её членов, и, более того, её сыном и слугой: ни происхождению, ни помазанию, ни какой-либо особой сакральности обязан король своей властью, а епископам, которые одни и несут ответственность перед Богом за моральный облик правителя. Речь идёт, таким образом, о формулировании Ионой концепции епископальной теократии⁹⁹¹. В данной концепции власти, опиравшейся на Ветхий Завет и сочинения позднеантичной и раннесредневековой патристики, монарх впервые со времён начальных

⁹⁸⁵ Jonae. Opusculum de institutione regia // *Migne J.P.* PL. T.106. P. 288

⁹⁸⁶ Ibid. P. 293.

⁹⁸⁷ Ibid. P. 289.

⁹⁸⁸ Ibid. P. 290-291

⁹⁸⁹ *De Jong M.* Charlemagne's Church // *Charlemagne. Empire and society.* Manchester; New York, 2005. P. 111; *Аникьев И.И.* Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах трактатов Ионы Орлеанского. С. 84.

⁹⁹⁰ Там же. С. 97.

⁹⁹¹ Там же. С. 91.

каролингских текстов играет подчинённую, а не ведущую роль, становясь на службу христианскому обществу, которым руководят епископы, составляющие коллективный портрет церкви.

Как мы неоднократно убеждались выше, эпоха, длившаяся с 814 по 840 годы, бросила целый ряд вызовов как императорской власти, так и всему каролингскому обществу. Под влиянием тяжелейших политических обстоятельств, отметившихся кровавыми внутрисемейными распрями и возмущениями знати, интеллектуальная элита должна была видоизменить свои представления о власти монарха, власть которого не единожды подвергалась проверке на прочность. Иона Орлеанский предложил для императора «епископский» рецепт решения проблемы: в сложной обстановке монарх должен был подчиниться воле епископов и под их руководством вывести христианское общество из лабиринта испытаний. Излагая в трактате «О королевском служении» свою концепцию, Иона выражал позицию своей корпорации – франкского епископата. Однако существовала ли другая точка зрения на роль монарха во франкском обществе того времени?

Не одни «зеркала» (да и не столько они) в годы правления Людовика Благочестивого были полем для построения концепций власти и создания образа монархов. Наиболее яркие портреты здравствовавшего государя и перечни обязанностей монарха предложили авторы королевских биографий, к корпорации епископов не относившихся – хорепископ Трира Теган и придворный автор, именуемый Астрономом.

4.2. Образ монарха в сочинениях Тегана и Астронома

Автор «Деяний императора Людовика» Теган Трирский был одним из первых, кто решил описать жизнь царствовавшего императора. Детали биографии Тегана, тем не менее, известны плохо: принадлежал он, предположительно, к знатному франкскому роду, владения которого располагались между Маасом и Мозелем или на среднем Рейне. Родился он в 90-х годах VIII века, учился в школе Лоршского монастыря, где занимался

также составлением грамот. При трирском архиепископе Хетти (814-847 гг.) Теган получил должность хорепископа – так во Франкском королевстве именовался помощник архиепископа, имевший в своей юрисдикции сельскую округу. После 842 года Теган одновременно занимал должность пастора в боннских церквях св. Кассия и св. Флоренция, относящихся к Кельнскому архиепископству. Скончался Теган предположительно около 848 года⁹⁹².

«Деяния» представляют собой памятник, написанный еще при жизни Людовика Благочестивого, в промежутке между осенью 836 года и зимой 837/838 годов⁹⁹³. Источники, которыми пользовался Теган при написании «Деяний», точно не известны. Между тем, Б. Симсон высказал предположение, что трирский клирик использовал «Деяния мецских епископов» Павла Диякона или написанную им же «Генеалогию дома Каролингов»⁹⁹⁴. А.И. Сидоров добавляет к этому, что Теган, весьма вероятно, пользовался официальной анналистикой⁹⁹⁵. Кроме этого, полное сходство некоторых деталей в описании внешности Людовика с деталями внешнего облика его отца Карла Великого наводит на мысль, что Теган был хорошо знаком с текстом «Жизни Карла Великого» Эйнхарда. Жанром «Деяний» можно считать биографию с элементами дидактической прозы.

В труде Тегана Трирского Людовик Благочестивый наследует от отца главную миссию, предписанную христианским императором со времён Константина Великого – миссию защитника церкви (*defensor ecclesiae*)⁹⁹⁶. Как и Карл, Людовик награждается набором традиционных характеристик,

⁹⁹² Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 128-130.

⁹⁹³ Там же. С. 134.

⁹⁹⁴ Simson B. Über Thegan den Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // *Forschungen zur Deutschen Geschichte*. Bd. 10. Göttingen, 1870. S. 338.

⁹⁹⁵ Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 136.

⁹⁹⁶ Thegan. *Gesta Hludowici imperatoris*. Astronomus. *Vita Hludovici imperatoris* // *MGH. SS rer. Germ.* S. 182.

представая под пером Тегана справедливым императором, защитником слабых и бедных⁹⁹⁷.

Однако у Тегана мы видим уже новую функцию монарха: он должен регулировать династические споры, должен быть милосердным к родственникам⁹⁹⁸. Актуальность данной темы для Тегана вполне объяснима: имевший целый выводок родственников, в том числе сводных братьев, сестер и сыновей от разных браков, Людовик вынужден был решать сложные семейно-династические проблемы, становится регулятором внутрисемейных споров, вопросов наследования. Теган, таким образом, фактически оказывается первым каролингским писателем, делающим акцент на данной сфере деятельности императора, первым вводит в круг обязанностей монарха функцию регулятора внутрисемейных конфликтов. Ранее такой проблемы перед франкским монархом просто не стояло: Карл Великий, единолично правивший Империей с 771 года и, в итоге, успешно нашедший своим сыновьям роли в имперской структуре (806 год), не знал подобных проблем, который в полный рост стали перед его преемником. Таким образом, рефлексия хорепископа на современные ему события в данном случае совершенно очевидна.

Не менее детально, чем Иона Орлеанский, Теган разрабатывает тему императорских советников. С точки зрения хорепископа, они должны быть столь же набожны и благочестивы, как и сам монарх. Наиболее ярко данная мысль Тегана прослеживается в той антитезе, которую он строит, рисуя людей, группирующихся вокруг противников Людовика. Именно характеризуя окружение врагов императора как нечестивое, Теган проносит лейтмотив плохих советников через всё своё сочинение. Они окружают восставшего Бернарда Италийского, а мятежный сын Лотарь почти всегда предстает вместе «со своими дурными советниками»⁹⁹⁹. На протяжении всего сочинения встречается масса вариантов эпитетов, применяемых к

⁹⁹⁷ Ibid. S. 194.

⁹⁹⁸ Ibid. S. 182.

⁹⁹⁹ «cum consiliariis suis impiis». Ibid. S. 240.

наперсникам старшего сына Людовика: «дурные»¹⁰⁰⁰ и «нечестивые советники»¹⁰⁰¹, «нечестивые совратители»¹⁰⁰², «недостойнейшие единомышленники»¹⁰⁰³ и т.п. Советники же ослепляют Бернарда, несмотря на помилование императора¹⁰⁰⁴. Это очень важный момент, поскольку для короля Средневековья не было и не могло быть страшнее обвинения, чем обвинение в том, что он правил «без совета». А если советники «дурные», то это крайне опасно для мира в королевстве - поэтому эта тема крайне волнует Тегана. Кроме того, мы помним, что, по свидетельству Тегана, Карл Великий наставлял Людовика в 813 году иметь верных и богобоязненных слуг¹⁰⁰⁵. Тема советников и «совета», таким образом, чрезвычайно интересна трирскому автору: по мнению Тегана, христианский император должен иметь настоящих христианских советников, верных монарху и столь же благочестивых, как и их господин.

В создании схемы отображения образа Людовика Благочестивого Теган пользуется исключительно библейской традицией. Личные качества монарха Теган рисует, основываясь на новозаветных представлениях о нравственности¹⁰⁰⁶. И хотя писатель из Трира не обходится без ссылок на Гомера и Овидия¹⁰⁰⁷, доминирующим элементом в создании образа власти Людовика является библейская составляющая. Ярким тому примером служит именование Людовика устами папы Стефана V (816-817 гг.) «вторым царем Давидом»: *«Да будет благословен Господь Бог наш, который сподобил очи наши узреть второго царя Давида» («Benedictus Dominus Deus noster, qui tribuit oculis nostris videre secundum David regem»)*¹⁰⁰⁸.

¹⁰⁰⁰ Ibid. S. 240.

¹⁰⁰¹ «impiorum consiliariorum». Ibid. S. 244.

¹⁰⁰² «seductoribus suis impiis». Ibid. S. 248.

¹⁰⁰³ «consentaneis suis pessimis». Ibid. S. 250.

¹⁰⁰⁴ Ibid. S. 212.

¹⁰⁰⁵ Ibid. S. 182.

¹⁰⁰⁶ Ibid. S. 198.

¹⁰⁰⁷ Ibid. S. 236.

¹⁰⁰⁸ Ibid. S. 196.

Если говорить о связи концепции монарха, предложенной Теганом, с политическими пертурбациями эпохи, то в очередной раз подтверждается уже озвученный нами тезис: образ Людовика Благочестивого в литературе, его функции и миссия как христианского монарха находятся в прямой зависимости от политических реалий, с которыми он сталкивается. Если Карл Великий, создатель империи франков, был для современников монархом действия, распространителем христианства, почти подвижником во имя истинной веры, то Людовик Благочестивый – это милосердный и справедливый миротворец, вынужденный среди политических коллизий своего правления претерпевать несправедливости от мятежных сыновей и их неблагочестивых советников, мятежных магнатов светских и церковных.

Содержание «Gesta» позволяет относить этот источник к христианской традиции толкования власти, роднящей сочинение Тегана с произведениями Алкуина и Ионы. Что же касается взаимодействия Тегана с предшествующим ему литературным наследием, то фундаментом схемы отображения образа власти, предложенной хорепископом, явилась библейская традиция, используя которую Теган нарисовал собственный портрет «нового Давида», «благочестивого из императоров» (*piissimus imperatoris*)¹⁰⁰⁹.

Итогом развития представлений об идеальном монархе эпохи Людовика Благочестивого можно смело считать «Жизнь императора Благочестивого» Астронома, в которой анонимный автор, писавший уже после смерти монарха, подробно и ярко описал весь жизненный путь Людовика Благочестивого.

Мы располагаем скудными сведениями о загадочном Астрономе: он, безусловно, являлся духовным лицом, клириком или монахом «в миру», обладал обширными познаниями в астрономии (откуда и прозвище) и медицине. Возможно, он был придворным капелланом Людовика, оставаясь при дворе до самой смерти императора. Отметим, что, как и Теган, Астроном, вероятно, не принадлежал к высшему духовенству, к епископской

¹⁰⁰⁹ Ibid. S. 242.

верхушке, членом которой, напротив, являлся Иона Орлеанский (что и обусловило его особые взгляды на королевскую власть). Об этнической принадлежности Астронома мы также можем судить лишь приблизительно: возможно, он был из области романо-германского пограничья (о чем говорит частое использование автором германских терминов вместо латинских), а помимо этого долго жил в Аквитании (события там ему интересны)¹⁰¹⁰. По поводу того, кто же все-таки скрывался под именем Астронома, немецкий историк М.М. Тишлер высказал предположение, что автором «Жизни императора Людовика» является... Иона Орлеанский¹⁰¹¹. А.И. Сидоров, однако, более осторожен на этот счёт: по мнению московского исследователя, окончательный ответ можно будет получить, лишь произведя текстологическое сравнение сочинений Астронома и Ионы¹⁰¹². Между тем, как мы увидим ниже, концепция власти, предложенная Астрономом, имеет значительные отличия от идеи епископской теократии, сформулированной Ионой.

«Жизнь императора Людовика» была написана в 842 году, в самый разгар так называемой «Войны трёх братьев» (840-843 гг.), разгоревшейся между Лотарем с одной стороны и коалицией Карла Лысого и Людовика Немецкого с другой¹⁰¹³. В качестве источников для своего труда Астроном, в той части, где рассказывается о жизни Людовика до восшествия на престол, использовал повествование некоего Адемара, вероятно полководца Людовика в испанских войнах. Также, совершенно очевидно, что автор использовал сведения *Анналов королевства франков*, и, вероятно, «Историю» Нитхарда¹⁰¹⁴. Источником Астронома служили и его личные наблюдения, о

¹⁰¹⁰ Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 99-102.

¹⁰¹¹ Tichler M.M. Einharts Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption (MGH. *Shriften*. Bd. 48). Bd. 2. Hannover, 2001. S. 1103-1109.

¹⁰¹² Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 102-103.

¹⁰¹³ Подробнее см. в главе 4.

¹⁰¹⁴ Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 108-118.

писатель прямо говорит вначале своего труда: *«Далее я описал время до начала его правления, дополнив повествование благородного Адемара, благочестивого монаха, который был его ровесником и одноклассником, а затем, поскольку я участвовал в дворцовых делах, рассказал о том, что смог увидеть и услышать»*¹⁰¹⁵. Своим трудом Астроном, очевидно, ставил и дидактические цели¹⁰¹⁶, стремясь не только рассказать о жизни Людовика, но и запечатлеть на пергаменте пример образцового правителя своего времени. Жанровая принадлежность «Жизни» также очевидна: это биография, причем самая обширная и подробная из дошедших до нас жизнеописаний Людовика Благочестивого.

Уже одно описание Астрономом личностных черт императора не оставляет места полутонам: Людовик умерен, воздержан и благочестив (эти два качества составляют императорское благоразумие), обладает мудростью, которая заключается в богобоязненности, так любимой писателями той эпохи¹⁰¹⁷. Справедливый и добродетельный, хранимый самим Господом Богом, Людовик имеет лишь один недостаток: снисходительность¹⁰¹⁸. Интересно сравнить с тем недостатком Людовика, на который указывает Теган: у него Людовик слишком много доверял советам¹⁰¹⁹, однако и

¹⁰¹⁵ «Porro que scripsi, usque ad tempora imperii Adhemari nobilis simi et devotissimi monachi relatione addidici, qui ei coevus et connutritus est; posteriora autem, quia ego rebus interfui palatinis, que vidi et comperire potui, stilo contradidi». Здесь и далее использован перевод А.В. Тарасовой. См.: Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 38; Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 284.

¹⁰¹⁶ «Жизнеописание Людовика» должно было служить примером всякому доброму христианину (правда, умеющему читать, что уже само по себе указывало на его возможное социальное положение), наставляя его в вере и добродетелях, ориентируясь на подражание». См.: Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 107.

¹⁰¹⁷ Стоит отметить, что впервые в каролингской литературе мы видим пояснение авторского видения понятия «мудрость».

¹⁰¹⁸ Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 282-284.

¹⁰¹⁹ Idid. S. 204.

трирский клирик отмечал умение императора прощать. Но даже этот недостаток Людовика, по мнению Астронома, ему приписан¹⁰²⁰.

От Карла Великого Людовик, как и у Тегана, наследует «мир и согласие с церковью»¹⁰²¹ и вообще является правителем, «подобным отцу»¹⁰²². Характерной чертой характера Людовика является его личное благочестие, которое едва не толкает его однажды, согласно Астроному, уйти в монастырь¹⁰²³. И хотя король Аквитании в конце концов выбирает активное служение христианскому народу, а не созерцательную жизнь в келье, персональная набожность, личное благочестие являются характерными чертами нравственного облика Людовика. После того как Людовик становится императором, он удаляет от двора всех распутных женщин: *«Совершив это, император — поскольку он был величайшим из великих — велел удалить из дворца все сборище женщин, за исключением лишь немногих, кого он счел пригодными для служения королю»*¹⁰²⁴. Император Людовик – величайший из великих (*permaximus erat*). Но не потому, что он посчитал благом мир и согласие с церковью, не потому, что он зажигает свет католической веры в последних пределах вселенной. Он таков, потому что он – *Благочестивый*. Людовик борется с греховным, неугодным Богу, искореняя невоздержанность и прелюбодеяние, и начинает он с императорского двора. Делает это он из любви к Богу, сообразно своему истовому благочестию. Именно поэтому он – герой Астронома, именно поэтому автор восхищается им.

Но дьявол не дремлет, и воин Христа Людовик должен сразиться с его легионами - только так можно кратко охарактеризовать следующие

¹⁰²⁰ «ecclesiae paci concordiaeque». Ibid. S. 284.

¹⁰²¹ Астроном говорит о Карле следующее: «Мертв этот человек, но будто и не мертв; оставил он подобного себе сына и наследника»; «*Mortuus est vir iustus , et quasi non est mortuus, similem enim sibi reliquit filium heredem*». Ibid. S. 284.

¹⁰²² Ibid. S. 344.

¹⁰²³ Ibid. S. 336.

¹⁰²⁴ Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. С. 90; «*His peractis, imperator omnem coetum – qui permaximus erat – femineum palatio excludi iudicavit praeter paucissimas, quas famulatio regali congruas iudicavit*». Ibid. S. 352.

пафосные слова Астронома: *«Враг рода человеческого не снес благочестия императора, святого и достойного Бога, и, нападая отовсюду и неся с собой войну против всех церковных учреждений, повел все свои войска в бой и терзал храброго воина Христова и силой, и коварством, когда только мог»*¹⁰²⁵. Астроном на страницах своего сочинения переживает драму восстания Бернарда Италийского вместе с Людовиком, утверждая, что наказания мятежникам должны быть суровы: мотив необходимой расправы с инсургентами встречается на протяжении всего произведения¹⁰²⁶. Людовик же вновь проявляет милосердие и старается избежать смертной казни для заговорщиков, а вожди повстанцев Бернард и Регинхард погибают при ослеплении, потому что пытаются вырваться из рук палачей¹⁰²⁷. Но, несмотря на то, что, по мнению Астронома, Людовик не виноват в смерти Бернарда, он кается за содеянное против него и его сообщников¹⁰²⁸.

На собрании знати в Тионвилле, где в торжественной обстановке было совершено бракосочетание Лотаря и Ирменгарды, дочери Гуго Турского, Людовик милует уже сторонников правителя Нижней Паннонии Лиудевита, поднявшего мятеж, в очередной раз демонстрируя свое милосердие, *«которое всегда блистало в любых обстоятельствах»*¹⁰²⁹. Астроном подчеркивает: мятежники хотели лишиться жизни императора, а он не просто помиловал их, но и стал их благодетелем¹⁰³⁰.

¹⁰²⁵ Там же. С. 68; «At vero g non tulit hanc sanctam Deoque dignam imperatoris devotionem humani generis inimicus undique se inpetentem et ab omnibus ecclesie ordinibus sibimet bella inducentem h, sed coepit totis virium copiis se i expugnantem oppugnare et per membra sua Christi fortissimum bellatorem et astu m quo potuit laccessere». Ibid. S. 378-380.

¹⁰²⁶ После подавления восстания Бернарда в 817-818 гг., «по утверждению Анонима, Людовик проявил снисхождение к мятежникам, сохранив им жизнь, - они «всего только» были наказаны изгнанием. Он всегда прощал грешников, но «враги это не ценили» и «подобно скорпионам» продолжали строить козни». См.: Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 112-113.

¹⁰²⁷ Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 384-386.

¹⁰²⁸ Ibid. S. 406.

¹⁰²⁹ Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. С. 62; «cum in aliis semper admirabilis claruerit rebus». Ibid. S. 404.

¹⁰³⁰ Ibid. S. 404.

В главе 36 перед нами уже Людовик-миротворец: он мирит и щедро одаряет борющихся за трон вильцев, Милегаста и Целеадрага, сделав королем последнего, младшего, чего якобы хотел народ вильцев¹⁰³¹. В главе 38 Людовик - поборник равенства и справедливости: Лотарь, побывав в «вечном» городе, пресекает некий произвол римской курии, и, вернувшись во Франкию, рассказывает об этом Людовику, в результате чего *«насколько же обрадовался приверженец равенства и почитатель справедливости тому, что подавленная среди них справедливость стала вдруг подниматься»*¹⁰³². При всем при этом, прощенные Людовиком враги крайне неблагодарны: *«Император, с рождения милосердный, всегда оказывал грешникам снисхождение. Но однако те, кто его получал, жестоко злоупотребляли его милостью и спустя короткое время становилось ясно, что в то время как он прославился заботой об их жизненных благах, как о собственных, они приносили ему горе»*¹⁰³³. Все это дополняется крайней степенью альтруизма Людовика, воистину по-христиански любящего своих врагов.

Единственный раз за все повествование Людовик обещает наказание в случае неповиновения только будучи восстановленным на троне после своего унижения на Красном поле (833 г.): *«Сыновей и весь народ наставлял, чтобы ценили покой, подавляя грабителей, а добрых людей и их владения освобождая от гнета; также грозил им более суровым приговором, если они не повинуются этому наставлению»*¹⁰³⁴. А когда Астроном описывает эпизод, в котором Юдифь на собрании в Аахене просит защиты Лотаря от

¹⁰³¹ Ibid. S. 412.

¹⁰³² Там же. С. 66; «Que cum rediens filius patri retulisset, tamquam amator aequitatis et cultor pietatis magno perfusus est gaudio, eo quod oppressis inique relevatio succurrerit pietatis». Ibid. S. 424.

¹⁰³³ Там же. С. 70; «Et quidem imperatoris animus natura misericordissimus semper peccantibus misericordiam praerogare studuit; at vero hii, in quibus talia praestita sunt, quomodo clementia illius abusi sunt in crudelitatem, post pauca patebit, cum claruerit, quomodo pro vite beneficio summam ei, quantum in se fuit, inportaverint cladem». Ibid. S. 444.

¹⁰³⁴ Там же. С. 83; «...filiosque et populum admonuit, ut equitatem diligerent, raptosque obprimentes bonos i quosque eorum oppressione relevarent; interminatus etiam severiorem in eos se libraturum sententiam, qui huic ammonitioni non essent ob temperaturi». Ibid. S. 504.

новых заговоров, и знать уговаривает Людовика послать за сыном, мы снова видим миротворца и поборника человеколюбия: *«А тот, поскольку всегда пекся о мире и всегда любил мир и ценил единство, хотел, чтобы не только сыновья, но и его враги объединились в благодати»*¹⁰³⁵. Заметим, что мир и единство – специфически августиновские категории, популярные уже в позднеантичных политико-теологических текстах.

В главе 55 Астроном, подобно папе Стефану в сочинении Тегана, уподобляет Людовика царю Давиду, рассказывая о реакции императора на недуг Лотаря: *«Так как император, от природы очень милосердный, услышал о болезни сына от достойных доверия послов, а именно своего брата Гуго и графа Адаларда, он посетил его и расспросил обо всех его тяготах, уподобившись святому Давиду, который претерпел много преследований от сына, но с великой печалью воспринял его смерть»*¹⁰³⁶. Столь же всепрощающе ведет себя Людовик, узнавая о море, в течение нескольких месяцев выкосившем крупнейших сторонников Лотаря: Валу, Матфрида, Гуго и многих других. Император *«с глазами, полными слез, со стонами молил Бога быть к ним благосклонным»*¹⁰³⁷. Современному человеку трудно представить себе такую тоску человека из-за смерти людей, которые когда-то предали и унизили его. Однако, с точки зрения Астронома, такой образ – неременная часть христианской дидактики, конструирующей образ идеального христианина, которым для автора является император Людовик¹⁰³⁸.

¹⁰³⁵ Там же. С. 83; «qui ut paci semper studens semperque dilector pacis atque amator unitatis, querebat non modo filios, sed et inimicos sibi caritate uniri». Ibid. S. 506.

¹⁰³⁶ Там же. С. 84; «Imperator vero clementissimus natura, ut filium adversa valitudine correptum audivit, per missos fidelissimos, Hugonem videlicet fratrem suum sed et Adalgarium comitem, eum visitavit atque eius omnia incommoda». Ibid. S. 506-508.

¹⁰³⁷ Там же. С. 85; «...imperator in eum spem posuit, cui veracissime dicitur : *Subest enim tibi, Domine, cum volueris, posse*». Ibid. S. 514.

¹⁰³⁸ В этом смысле интересно замечание Х.-Й. Шмидта который считал, что каролингские зеркала, многие элементы которых включает сочинение Тегана, в целом состояли из общих наставлений для христиан. См.: Schmidt H.-J. Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014)

Не меньшим пафосом проникнуто и описание Астрономом предзнаменований о грядущей смерти Людовика: автор сообщает, что лунное затмение возвестило, *«что этому свету, помещенному в доме Божьем под светильником, дабы светил всем, этому блаженной памяти императору, говорю я, вскоре предстояло удалиться от мирских дел и покинуть этот мир погруженным во тьму»*¹⁰³⁹. Видно, как к концу сочинения Астроном все больше уходит в область религиозной метафизики, сравнивая Людовика чуть ли не с божественным светом. Отпустив перед смертью все грехи восставшему в 839 году сыну Людовику Немецкому¹⁰⁴⁰, император умер, как и жил, благочестивым рабом Божьим, навсегда оставшись для Астронома величайшим примером служения монарха Господу.

Рассматривая «Жизнь императора Людовика» Астронома, мы видим, что автор, подобно Тегану Трирскому, нарисовал идеальный образ христианского императора, практически полностью лишенного недостатков. Людовик у Астронома богобоязнен и милосерден, зачастую даже слишком, любит своих врагов и прощает им любые их злодеяния. Все препятствия, чинимые благочестивому государю, являются не столько результатом действий конкретных заговорщиков (хотя это, конечно, имеет место), сколько происками дьявола, с которым воин Христа Людовик вступает в борьбу лицом к лицу. И в этой схватке император проявляет свои лучшие качества, представляя перед читателем неизменным праведником, благодетелем церкви и истинным миротворцем.

Этот образ, создаваемый Астрономом, находится в зависимости от политических реалий правления Людовика: чтобы выйти победителем во всевозможных коллизиях, император должен неукоснительно соблюдать

¹⁰³⁹ Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. С. 92; «Portendebatur enim per hoc, maximum illud lumen mortalium, quod in domo Dei supra candelabrum positum omnibus lucebat piissime recordationis imperatorem dico, maturrime rebus humanis subtrahendum, mundumque eius abscessu in *tenebris tribulationum* relinquendum». Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. SS rer. Germ. S. 544.

¹⁰⁴⁰ Ibid. S. 548.

миссию защитника церкви, пребывать в прочном мире с ней. Созерцая колоритную фигуру Людовика, Астроном настойчиво продвигает следующую мысль: по-настоящему угодный Богу монарх должен обладать как личным благочестием, так и решительно вести свой народ по пути Спасения.

Создавая «свой» образ государя, Астроном опирался исключительно на христианский нравственный императив, притом практически нивелировав образ Людовика как собственно правителя, показав в большей степени человека Божьего, обладающего личным благочестием, праведника, живущего согласно заповедям Христовым. Источником вдохновения для Астронома и основным фундаментом его морально-дидактических построений, очевидно, являлась Библия, и, что очень вероятно, житийная литература: по сюжету, стилю и структуре «Жизнь императора Людовика» напоминает именно житие. Как мы уже говорили, анализируя «Деяния мецких епископов» Павла Диакона, описание благочестивых деяний, проявлений аскетизма и сопровождавших всё это чудес – неперенная составляющая раннесредневековой агиографии. Удивительное сходство с такой моделью построения текста демонстрирует «Жизнь императора Людовика». Данная структура житий была характерна для каролингского времени. Так, написанное Алкуином «Житие святителя Виллиброрда, архиепископа Утрехтского»¹⁰⁴¹, находящееся в русле свойственного эпохе Карла прославления миссионерской деятельности, также мало говорит о юных годах героя, концентрируясь на «изначальной» жажде Виллиброрда проповедовать веру (в случае Людовика – уйти в монастырь) и благочестивых деяниях святого¹⁰⁴². Кроме того, как и в случае с Карлом и Людовиком, подчёркивается преемственность между отцом Виллиброрда Вильгельмом, благочестивым человеком, и самим знаменитым

¹⁰⁴¹ Виллиброрд (ок. 657 – 739 гг.) – бенедиктинский монах и миссионер, начавший обращение в христианство фризков.

¹⁰⁴² Алкуин. Житие святителя Виллиброрда, архиепископа Утрехтского / Пер. с англ. Д. Лапы // Православие.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/32751.htm> (дата обращения: 15.05.2015).

миссионером¹⁰⁴³. Схожая структура, лишённая, однако, темы преемственности между отцом и сыном, присутствует в сочинённом также Алкуином «Житие святого Мартина Турского» и «Житие святого Ангария», написанном Римбертом (ум. в 888 г.). Оба они наполнены свойственными эпохе мотивами борьбы с язычеством за торжество христианской веры и борьбой с врагами Христа¹⁰⁴⁴. Однако в «житие» Астронома не хватает важнейшего элемента, присущего агиографии: безоговорочных чудес. Тем не менее, данный факт компенсируется столкновением в тексте «Vita» двух сил: Бога и особенно, дьявола, который, как мы убедились, является главным противником Людовика. Антагонизм сатаны и основного действующего лица также является топосом, характерным для житий: наиболее ярко он проявился в «Житии святого Галла», написанном Валафридом Страбоном¹⁰⁴⁵.

Подводя небольшой итог, можно с большой долей уверенности заключить: «Жизнь императора Людовика» авторства Астронома – вершина восприятия христианского видения власти каролингскими авторами, в которой монарх не только неукоснительно соблюдает предписываемые ему церковью и собственным сакральным достоинством обязанности, но и демонстрирует личное благочестие, которым в прошлом обладали лучшие из праведников и святых.

Отвечая на вызовы времени, трудности, которые пришлось испытать императорской власти, Теган и Астроном подняли в своих сочинениях самые животрепещущие вопросы, касающиеся правителя: темы советников, предотвращения семейных распрей, личного благочестия и христианского отношения к врагам. Все лучшие качества и поступки, которые должны иметь место у правителя в ситуации неурядиц в государстве, по их мнению,

¹⁰⁴³ Там же.

¹⁰⁴⁴ Алкуин. Житие святого Мартина Турского // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 131-138; Житие святого Ангария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ангария / Пер. с лат. В. Рыбакова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Heilige/Westen/IX/860-880/Ansgar/frameset.htm> (дата обращения: 15.05.2015).

¹⁰⁴⁵ Валафрид Страбон. Житие святого Галла // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 314-333.

присущи императору Людовику. Конечно, чтобы соответствовать такому идеалу, Людовик должен быть в мире с церковью. Но ни Теган, ни Астроном не пытались доказать, что монарх должен быть слугой церкви, как это недвусмысленно дал понять Иона Орлеанский. Будучи чуждыми теократическим амбициям духовной аристократии – епископата, Теган и Астроном в своих сочинениях сохранили центральное положение монарха в каролингском обществе, лишь видоизменив его образ в соответствии с трудными реалиями своего времени.

Вместе с тем ни один из авторов этого периода не акцентирует внимания на христианизаторской деятельности Людовика Благочестивого, хотя она, по сообщениям *Анналов*, имела место¹⁰⁴⁶. Причина этого кроется, на наш взгляд, не только в том, что в условиях постоянных распрей образ патрона христианской миссии плохо подходил Людовику, но и в том, что внедряемую Алкуионом ирландскую концепцию благочестия, ориентированную вовне, заменила бенедиктинская, сосредотачивающая внимание христианина на личном аскетизме¹⁰⁴⁷. Бенедиктинский религиозный идеал начал культивироваться при каролингском дворе после появления там Бенедикта Аннианского и его реформы монастырей 817 года; из пределов двора он мог повлиять на литературную традицию Франкской державы. Именно этим может объясняться акцент Тегана и Астронома на личном аскетизме Людовика. Однако не стоит забывать главное: такой образ монарха не был бы возможен без влияния внешних обстоятельств, когда персональное благочестие Людовику, в силу фактического крушения

¹⁰⁴⁶ В 823 году император отправил проповедовать христианство данам: миссию возглавил архиепископ Эбо Реймский, что явно говорит о масштабе предприятия и серьезности намерений Людовика. См.: *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH SS rer. Germ. S. 162-163*. Образ Людовика как активного борца за веру также был использован Эрмольдом Нигелем (ок. 790 – после 838 г.) в описании осады королём Барселоны в поэме «Прославление Людовика, христианнейшего цезаря». См.: *Ermoldi Nigelli carmen elegiacum de rebus gestis Ludovici Pii // Migne J.P. Patrologia Latina. T.105. Paris, 1864. P. 570-640*.

¹⁰⁴⁷ См.: *Карсавин Л.* Монашество в Средние века. С. 38-39. *Claude J.-N. Saint Benoît: et la vie monastique.* Paris, 2001; *Vogüé A. de. Benedikt von Nursia. Ein Lebensbild.* München, 2006.

остальных инструментов власти, стало главным элементом королевской сакральности.

4.3. Выводы

Эволюция образа власти в каролингской литературе на фоне политических изменений эпохи Людовика Благочестивого убедительно доказывает: вместе с изменением положения императора в системе «монарх-церковь-знать» менялся и его образ в литературе, его место в концепциях власти, создаваемых каролингскими писателями. Внутрисемейные войны, унижение императора собственными детьми, мятежи магнатов и самостоятельная политика епископата с его теократическими претензиями – всё это требовало адекватной реакции со стороны идеологов королевской власти.

Однако как существовали различные жанры литературы «каролингского возрождения», так существовали и разные пути к тому, чтобы определить место монарха в изменявшемся обществе, в Империи, приближавшейся к своему распаду. При этом принадлежность ко двору, отдельным враждующим партиям и т.д. не должны вводить нас в заблуждение при выяснении причины, почему тот или иной автор конструировал ту или иную концепцию власти. Иона Орлеанский был верным сподвижником императора, но в своём трактате показал его подчинённую роль по отношению епископату – корпорации, в которой принадлежал сам Иона. Теган, напротив, не входил в ближайшее окружение Людовика, но показал его центральную роль во франкском обществе. Именно социальный статус, социальная принадлежность авторов «зерцал», *gesta* и биографий вкупе с их рефлексией на остроту политических событий эпохи определяли их позицию по отношению монарху и его месту в политико-социальной системе Империи.

Иона Орлеанский, будучи не только сторонником Людовика, но и епископом, ключ к преодолению политического кризиса в Империи видел в подчинении императора епископату, на котором лежит ответственность

перед Богом за благополучие королевства. Признавая важнейшую роль монарха в обществе, Иона, тем не менее, настаивал на том, что без признания руководящей роли епископов, император, член церкви, не сможет править достойно и справедливо.

Подобная позиция Тегану и Астроному была глубоко чужда. Теган сам находился в подчинении у архиепископа Трира, а придворный звездочёт Астроном вообще большую часть жизни мог провести подле Людовика. Оба они, не принадлежа к епископату, видели в монархе опору королевства и надежду на спасение государства от междоусобий и неурядиц. Будучи, тем не менее, представителями духовенства, писателями церковными, они подчёркивали значительную роль церкви в действиях Людовика, однако самого монарха ставили в центр событий, отводили ему главное место в системе «император-церковь-миряне». Однако, несмотря на все различия в их концепциях, упомянутые три автора имели и много общих черты.

Во-первых, Иона, Теган и Астроном - все трое - были прекрасно осведомлены о происходящем в королевстве, все трое в своих сочинениях, рисуя образ власти, реагировали, хотя и по-разному, на происходящее в Империи.

Во-вторых, в своих трудах все они опирались на христианскую письменную традицию, произведения христианской мысли, причём самые разные: писатели эпохи Людовика опирались на Библию, сочинения святых отцов, церковных историков, жития святых. Несмотря на то, что уже в созданной в конце VIII столетия Придворной Академии Карла Великого началось активное изучение античной, причём языческой, литературы, это направление в развитии «каролингского ренессанса», очевидно, не поощрялось при набожном Людовике. Образы и концепции власти эпохи благочестивого императора – это настоящий триумф христианского элемента в каролингском образе правителя. Христианское видение императорской власти, унаследованное каролингскими авторами от поздней античности,

вновь, как и в IV веке, обрело политическую почву в виде величественной Империи первых Каролингов.

Однако уже в середине правления Людовика Благочестивого это спаянное амбициозным гением его отца государство начало клониться к неизбежному упадку. На Империю надвигались тёмные времена, требовавшие от каролингских интеллектуалов нового взгляда на роль монарха в обществе и действия отдельных представителей Каролингской фамилии.

Глава 5. Трансформация образа власти в период распада Франкской империи (840-887 гг.)

Смерть обладателя имперского венца в 840 году не привела, как ранее, к плавной и бесконфликтной передаче трона наследнику: младшие сыновья Людовика Благочестивого – Людовик Немецкий (843-876 гг.) и Карл Лысый не признали власти старшего – Лотаря, начав «войну трёх братьев»¹⁰⁴⁸. Это очередное внутрисемейное противостояние завершилось Верденским разделом 843 года, поделившим Империю на три отдельных regna: Лотарь получил земли между Льежем и Аахеном, Людовик - между Франкфуртом и Вормсом, Карл - между Ланом и Парижем. Примерно равным было количество епископств и графств, отошедших к каждому из

¹⁰⁴⁸ В 840 году власть в Империи оказалась в руках Лотаря. Настойчивый и беспринципный, император успешно переманивал вассалов братьев на свою сторону. Вторым лицом каролингского мира был Карл Лысый, получивший по Вормсскому разделу 839 года земли к западу от Мааса. В самом тяжелом положении находился Людовик Немецкий, попавший в немилость Людовика Благочестивого в конце 830-х. Этот брат, согласно разделу 839 года, вообще не получил земель, лишившись даже отошедшей к Лотарю Баварии. Неудовлетворенность Карла и Людовика не могла не породить состояние междоусобицы среди сыновей Людовика Благочестивого. Этот конфликт получил название «войны трех братьев». Объединившиеся Карл и Людовик 25 июня 841 года вступили с Лотарем в открытую схватку. Битва произошла у Фонтенуа-ан-Пюизе и была очень ожесточенной. Когда битва окончилась, Карл с Людовиком обратились к епископам, которые объявили битву судом Божьим, а победу – награду правым, то есть тандему младших братьев. Лотарь отступил в Аахен, собрал новое войско и решил разбить соперников поодиночке, но его походы против Карла и Людовика в августе и сентябре 841 года закончились неудачей. Затем император снова вернулся в Аахен. Карл же и Людовик 14 февраля 842 года встретились в городе, называемом в римское время Аргентория, а в Средние века известным как Страсбург, и обменялись знаменитой клятвой. В во время её произнесения Карл обратился к воинам Людовика на тевдийском языке, а Людовик к вассалам брата - на романском. Братья клялись друг другу в дружбе и поклялись бороться против Лотаря и победить. После этого «дуумвират» двинулся на Аахен и взял его. Лотарь бежал из столицы и вынужден был пойти на мирные переговоры. 15 июня 842 года все трое братьев встретились и договорились о равном разделении империи. Для выработки договора была создана комиссия в составе 120 человек. После длительных совещаний, 11 августа 843 года в Вердене состоялся очередной и, на этот раз, окончательный раздел империи. См., напр.: Nithardi historiarum libri IV // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. 44. I; Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 160-165; Теус Л. История Франции. С. 28-31; Nelson J. The Frankish kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 120-121; Судопов А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. С. 201-202; Schieffer R. Die Karolinger. S. 139-145; Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. P. 379-388; Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 89-92;

братьев. Этнические и языковые различия также играли роль: Западно-франкское королевство включало земли, население которых говорило на романском диалекте, в Восточно-франкском королевстве господствовал тевдийский язык¹⁰⁴⁹, население же срединного королевства говорило на смешанном романо-германском языке. Лотарь сохранил за собой сугубо номинальный титул императора, по сути лишь подчёркивавший его старшинство в роду¹⁰⁵⁰.

Это означало, что каролингский мир свернул с пути существования в рамках единой Империи, распавшись на отдельные регна, которые в свою очередь, стали подвергаться новым переделам и дроблениям. Одновременно с этим в каролингской Европе уже начинал складываться новый социальный строй, основанный на личных связях между землевладельцами разных уровней - феодальный порядок: в нём универсальной христианской монархии, в подчинении которой находится каждый подданный, уже не было места: верховной властью для франкского населения становился глава отдельно взятого феодального поместья¹⁰⁵¹. Очень вероятно, что Агобард Лионский в своём «Послании придворному Матфриду, повествующем о несправедливостях», говоря о том, что «правосудие сочувствует грехам», а «то, что по праву принадлежит власти, стало позволено всем», отразил

¹⁰⁴⁹ В.Г. Васильевский замечал, что население Восточно-франкского королевства не говорило на немецком языке (тевтонском, Deutsch), ставшем языком этих территорий лишь в X в. Каролингская Германия говорила именно на «тевдийском» языке. См.: Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. С. 464.

¹⁰⁵⁰ Сидоров А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. С. 202.

¹⁰⁵¹ Данный взгляд на социально-политические процессы IX-XI веков зародился ещё в XIX веке и получил своё развитие в работах Ф. Гизо, Н.Д. Фюстеля де Куланжа, В. фон Гизебрехта, Э. Лависса, Г. фон Белова и Г. Миттайса. В последние годы точку зрения о превращении Западной Европы в «скопление поместий, замков и городов» поддерживал Ж. ле Гофф. Французский историк подчёркивал «смешивание» сеньориальных с «публичными» полномочиями, которые они имели как вассалы короны, тем самым узурпируя власть над подчинённым им населением. См.: Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2; Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6; Giesebrecht W. Karl der Grosse; Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. С. 4-8; Below G. Der deutsche Staat des Mittelalters; Mitteis H. Lehnrecht und Staatsgewalt – Untersuchungen zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte; Mitteis H. Die Rechtsidee in der Geschichte; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. С. 52, 124.

именно эти процессы¹⁰⁵². Прямо о распадении державы франков говорит в прологе к труду Эйнхарда и Валафрид Страбон¹⁰⁵³. Территориальный распад Франкской империи, породивший региональные королевства и княжества, не означал, однако, крушение идеи имперского универсализма: без идеи Империи, всегда существовавшей в Средние века в умах элит и народа, невозможно было её восстановление Оттонами¹⁰⁵⁴.

Все это происходило на грозном фоне завоевательного натиска с Севера: норманны, выталкиваемые демографическим взрывом на Скандинавском полуострове, устремились в европейские земли в поисках добычи и приключений¹⁰⁵⁵. Раннесредневековая романо-германская цивилизация, взращённая Каролингами, вступала в период своего упадка.

Вместе с крахом универсалистской Империи Каролингов, которой ранее было предназначено объединить под своей властью всю христианскую вселенную, перед франкскими писателями неизбежно должен был встать вопрос об обоснованности прежней концепции власти, основанной на мифе о христианском императоре: пастыре, защитнике, надзирателе и будущем ответчике. Реальность диктовала совсем иные представления: потрясавшие франкские королевства социально-политические неурядицы и вторжения извне ставили каролингских авторов в положение, когда изображать монархов в христианском метафизическом ключе становилось невозможным. Объясняется это тем, что возможностей хотя бы немного приблизиться к идеальному образу каролингские правители в те годы уже не имели: они должны были действовать в сложнейших условиях - переступать нормы

¹⁰⁵² S. Agobardus episcopus Lugdunensis. Ad Marfredum procerem palatii, deploratoria de injustitiis // S. Agobardi, Lugdunensis episcopi, Eginhardi abbatis, opera omnia / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1851. P. 186-188.

¹⁰⁵³ «В правление императора Людовика... государство франков содрогалось от множества разнообразных потрясений, раздробившись на много частей». См: Walaphridi prologus // Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. S. XXVIII-XXIX.

¹⁰⁵⁴ Althoff G., Keller H. Die Zeit der späten Karolinger und der Ottonen: Krisen und Konsolidierungen 888–1024; Флекенштейн Й., Бульст-Тиле М.Л. Основание и расцвет германской империи. СПб., 2008. С. 78, 97.

¹⁰⁵⁵ Подробный анализ влияния факторов возвышения знати и вторжений викингов см. в § 5.1.

семейственности, противостоять собственными вассалам, спорить с церковью и т.д.¹⁰⁵⁶.

Для того чтобы оправдать, или хотя бы просто охарактеризовать их действия, каролингские писатели должны были изменить методы конструирования образа правителя, обратившись к письменной традиции, которая сталкивалась со схожими политико-социальными проблемами – античной историографии времён гражданских войн в Риме. Ответ на вопрос, какие факторы привели к подобной смене литературного ориентира, и как подобное изменение схемы «интерпретации действительности» проявилось в литературе «каролингского ренессанса», требует отдельного, внимательного рассмотрения.

5.1. Смена приёмов конструирования

Как и время Людовика Благочестивого, насыщенная событиями эпоха от его смерти (840 г.) до отстранения от власти императора Карла Толстого (887 г.) имеет ряд отличительных черт, значительно повлиявших на образ правителя в каролингской литературе.

1. В первую очередь нужно понимать, что в те годы прекратила существование единая Франкская империя, управляемая единым императором в согласии со своими родственниками. И хотя данная модель «организации германского мира»¹⁰⁵⁷ трещала по швам уже в правление Людовика Благочестивого, именно 843 год положил конец существованию

¹⁰⁵⁶ Несмотря на отказ рассматривать отношения короля и знати в каролинский период как изначально антагонистические, современные историки продолжают довольно подробно описывать трудности и конфликты, приводившие к ослаблению власти франкских монархов. См.: *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 170-218; *Тейс Л.* История Франции. С. 36-110; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 121-136; *Сидоров А.И.* Взлет и падение Каролингов // *Историки эпохи Каролингов*. С. 202-211; *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. New York, 2003; *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 139-186; *Laudage J., Hageneier L. und Leiverkus Y.* Die Zeit der Karolinger; *Becher M.* Merowinger und Karolinger; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 388-427; *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 28-46; *Uhl K.* Die Karolinger. Herrscher und Reich.

¹⁰⁵⁷ Данное выражение, подчёркивающее направленные на консолидацию романо-германской ойкумены усилия Каролингов, было использовано Ж. Ле Гоффом. См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. С. 41.

каролингского мира в рамках единой христианской державы. Попытки же Карла Лысого (875 г.) и Карла Толстого¹⁰⁵⁸ (885 г.) воссоединить франкские земли под одним скипетром очень быстро терпели крах¹⁰⁵⁹. Система трёх королевств: западно-, восточнофранкского и Лотарингии также претерпела изменения: в 870 году Карл Лысый и Людовик Немецкий ликвидировали королевство умершего бездетным Лотаря II, поделив франкский мир на две части. Однако уже в 879 герцог Прованса Бозон объявил себя королём, став на время третьей силой во франкском мире¹⁰⁶⁰. В 888 году, почти сразу после свержения тяжело больного Карла Толстого, знать Западной Франкии впервые избирает королём не Каролинга: до 898 года корону надевает популярный в дворянской среде Эд Парижский из рода Робертинов¹⁰⁶¹.

¹⁰⁵⁸ Император с 881 года, король восточных франков – с 882, западных франков – с 885 года.

¹⁰⁵⁹ См. § 4.3.

¹⁰⁶⁰ 15 октября 879 года во дворце Мантай недалеко от Вьенна Бозон объявил себя королем Прованса. Подобный акт наделения королевским достоинством не принадлежащего к правящей династии вельможи, возмутил королей и группировавшихся вокруг них магнатов. Недавно коронованный «дуумвират» монархов - Людовик и Карломан - не заставил себя ждать: необходимо было наказать узурпатора. Для обеспечения лояльности кузена, они встретились в начале 880 года в Римбоне с восточнофранкским королем Людовиком Младшим и примирились. Вслед за этим Людовик III и Карломан в Амьене поделили между собой королевство: первый получил Нейстрию и земли между Сеной и Маасом, а второй – Бургундию и Аквитанию. После этого под командованием королей известные вельможи Гуго Аббат, Бернар Плантавелью и Ричард Отенский повели наступление против Бозона. В 880 год были взяты Макон, и королю Прованса пришлось покинуть свою столицу – Вьенн. Карломан продвинулся вплоть до Нарбонна, в то время как Людовик отправился на север, где норманны вновь начали свои набеги. В августе 881 года в битве при Сокур-ан-Виме король Людовик одержал блестящую победу над войском скандинавов. Однако гибель от несчастного случая в 882 году перечеркнула его благие начинания. Викинги атаковали Мец, при осаде которого погиб его епископ, затем был razoren Корби, взяты Сен-Васт, Ставло, возникла угроза Реймсу, из которого бежал архиепископ Хинкмар. Карломана, при содействии Гуго Аббата, признали единственным королем западных франков. Но тучи уже сгущались над ним: старый и больной Вельф не мог помочь юному монарху на его пути. В марте 884 в городе Вере был издан последний капитулярий от имени короля, после чего Карломан, как и его брат, скончался вследствие несчастного случая. См.: *Тейс Л.* История Франции. С. 118-121.

¹⁰⁶¹ Авторитет Эда резко возрос после успешной обороны Парижа от норманнов в 885 году. В мае 886 года скончался маркиз Нейстрии Гуго Аббат, после чего Эд просил у Карла Толстого разрешения занять вакантную должность. Император удовлетворил его просьбу и удалился на восток Империи. Он страдал от сильных головных болей, но халатно проведенное лечение лишь сделало его окончательно недееспособным. В 887 году на съезде в Форкхайме представители знати пяти германских племен отстранили Карла

Согласно воззрениям традиционной историографии, такое развитие событий стало возможным «благодаря» невыразительной личности самого Карла Толстого и значительному усилению франкской аристократии, а также норманнским набегам¹⁰⁶². Однако недавно С. МакЛин предложил альтернативное видение той исторической ситуации: по мнению американского историка, образ Карла Толстого как слабого короля создан усилиями одного-единственного источника – Фульдских анналов, в то время как проблема «супермагнатов» и набегов викингов сильно преувеличена, поскольку Карл в действительности активно путешествовал по своим владениям и пытался дать отпор норманнам¹⁰⁶³. Как заключает С. МакЛин в своей монографии «Королевская власть и политика в конце IX века: Карл Толстый и конец Каролингской империи», могущество франкской знати, включая влияние дома Робертинов и Бозонидов, были созданы усилиями самого Карла и не привело в итоге к созданию самостоятельных «герцогств» и, тем более, королевств¹⁰⁶⁴. Причина «кризиса 888 года», по мнению С. МакЛина, заключается лишь в династической проблеме: отсутствия у Карла официально узаконенного взрослого наследника¹⁰⁶⁵. Соглашаясь далеко не со всеми из приведённых выводов, отметим, однако, что подобная, новаторская трактовка событий 880-х годов ещё более усиливает наш интерес к их отражению в источниках, особенно в Фульдских анналах.

Толстого от власти и избрали побочного сына его брата Карломана – Арнульфа Каринтийского (887-899 гг.). На Западе же в связи со смертью Карла Толстого в 888 году и малолетством сына Людовика Заики (877-879 гг.) Карла (будущего Карла III Простоватого, 898-922 гг.) 29 февраля того же года в Компьене королем западных франков был избран Эд Парижский. См.: *Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe*. P. 218-221, 230-238; *Тейс Л. История Франции*. С. 134-140; *Nelson J. The Frankish kingdoms* // *New Cambridge Medieval History*. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 137-141; *Судопов А.И. Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов*. С. 209; *Schieffer R. Die Karolinger*. S. 187-189; *Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world*. P. 379-388; *Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911*. S. 89-92;

¹⁰⁶² Представители которой, по выражению Л. Тейса, хотели «разыгрывать королей друг перед другом». См.: *Тейс Л. История Франции*. С. 142.

¹⁰⁶³ *MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire*. P. 24, 46-47.

¹⁰⁶⁴ *Ibid.* P. 79-80.

¹⁰⁶⁵ *Ibid.* P. 315-316.

Закономерным следствием этих процессов становится концентрация внимания франкских монархов исключительно на делах своих королевств, что в ряде случаев, даже приводит к укреплению их власти. Примером того может служить правление Карла Лысого, которому в непростых условиях возвышения аристократии удалось удержать под своей властью такие проблемные области Западной Франкии, как Аквитанию, Бретань, Прованс, и даже на некоторое время присоединить Лотарингию. Однако, отвлечённый «итальянским миражом» в виде оставшейся в 875 году вакантной императорской короны, Карл, включившись в борьбу за неё, нанёс урон собственному авторитету в глазах знати и церкви Западно-франкского королевства. Ещё более безуспешной была деятельность восточнофранкского короля и императора Карла Толстого, призванного править Западной Франкией из-за малолетства единственного представителя местной ветви Каролингов¹⁰⁶⁶.

Почему все эти факты важны для рассмотрения образа власти в каролингской литературе 840-880-х годов? Дело в том, что распад Франкской империи на отдельные королевства привёл к появлению не только отдельных центров власти, но и отдельных центров написания литературных произведений, главным образом – хроник. Отныне в Западно-франкском королевстве формируется своя анналистика, выражающая интересы именно западной ветви Каролингской династии. Тот же процесс, проявившийся ещё более ярко, наблюдается и в королевстве восточных франков, где анналисты яростно защищают династические интересы Людовика Немецкого и его

¹⁰⁶⁶ Подробнее см.: *Nelson J.* Legislation and Consensus in the Reign of Charles the Bald // *Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society / Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill, P. Warwald, D. Bullough, R. Collins, eds.* London, 1983. P. 202-227. *Nelson J.* Charles the Bald; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick.* P. 121–136; *Тейс Л.* История Франции. Т.2 / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой. С. 36-72; *Судоров А.И.* Взлет и падение Каролингов // *Историки эпохи Каролингов.* С. 203-208; *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 139-169; *Laudage J., Hageneier L. und Leiverkus Y.* Die Zeit der Karolinger; *Becher M.* Merowinger und Karolinger; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. New York, 2011. S. 388-406; *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 35-40; *Ubl K.* Die Karolinger. Herrscher und Reich.

потомства¹⁰⁶⁷. Это означало, что при возникновении конфликтов между двумя ветвями каролингского родового древа анналисты и другие книжники будут занимать позицию своих патронов. С. МакЛин даже называл это разделение «спором между двумя королевствами»¹⁰⁶⁸. Таким образом, подобная «локализация общественной жизни»¹⁰⁶⁹ приводила к появлению, наряду с отдельными королевствами и ветвями и династиями, отдельных западно- и восточнофранкских авторов, со своими взглядами на современные им события.

2. Другим значимым фактором следует считать уже упоминавшиеся и продолжающиеся конфликты внутри Каролингской фамилии. Основные их участники – потомство Людовика Благочестивого в лице Лотаря, Карла Лысого и Людовика Немецкого. Можно выделить три крупных конфликта с их участием:

1) Так называемая «война братьев» или «война трёх братьев» 840-843 годов, в которой победу одержала коалиция младших братьев Людовика Благочестивого от разных браков: Людовику Младшему и Карлу удалось вытребовать у Лотаря отдельные регна, что было закреплено Верденским разделом.

2) Уже упоминавшийся конфликт 858-859 годов, разгоревшийся между Карлом Лысым и Людовиком Немецким. Своей природой он напоминает мятеж сыновей и знати против Людовика Благочестивого в 830-833 годах: против Карла Лысого в 858 году сформировалась тоже мощная оппозиция из знати и церковников, призвавшая в Западную Франкию Людовика Немецкого. Вероятно, недовольство вызывал целый ряд факторов: неудачные войны в Бретани, враждебность Пипина Аквитанского, имевшего группу сторонников, и назначение правителем Нейстрии юного Людовика Заики, способность которого удовлетворить запросы магнатов вызывала у

¹⁰⁶⁷ См. § 4.3.

¹⁰⁶⁸ MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 46.

¹⁰⁶⁹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. С. 124.

них явные сомнения¹⁰⁷⁰. Однако непреклонная прокоролевская позиция высшего клира во главе с Хинкмаром помогла Карлу сохранить трон и примирить с ним Людовика.

3) Наконец, третьим значительным конфликтом внутри рода Каролингов стали события 875-876 годов, когда вследствие смерти императора Людовика II, сына Лотаря I, Карл Лысый и Людовик Немецкий столкнулись в борьбе за диадему цезарей. Победу Карла во многом обусловила смерть брата в начале 876 года, а также поддержка папы Иоанна VIII, вручившего ему желанную корону. Эти события будут подробно рассмотрены в параграфе, посвящённом образу правителя в анналистике этого времени.

Период же с 877 по 887 годы не отмечен какими-то серьёзными внутрисемейными конфликтами, поскольку возросшая смертность среди монархов-Каролингов не давала им времени на формирование собственной династической политики. Что же касается трёх перечисленных конфликтов, то они не только препятствовали восстановлению единства каролингского мира, но и значительно ослабляли королевскую власть, открывая путь влияния на трон со стороны нобилитета, церкви и конкурентов из других ветвей династии.

3. Ещё одним фактором, возникшим ещё в предшествующий период, было усиление франкского епископата, особенно в Западно-франкском королевстве. Именно там высшим прелатам, возглавляемым колоритной фигурой Хинкмара Реймского, удавалось играть решающую роль в

¹⁰⁷⁰ Интересно, что подобные мотивы, вероятно, двигали знатью в 829-833 годах, когда сувереном значительной части Франкии был объявлен малолетний Карл. В этом смысле Карл Лысый в 858-859 годах на себе ощутил ситуацию, которая 30 назад привела к конфликту вокруг него самого. Как и в случае с Карлом, господствующая «коалиция социальных сил» в лице придворной знати и крупнейших магнатов королевства не могла быть уверена в том, что Людовик Заика обеспечит как необходимый «пакт дружбы» между монархом и инкорпорированной в королевскую семью аристократию, так и желаемые материальные дарения. См.: *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde; Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton, 1994. P. 24-25; Тешке Б. Миф о 1648 году: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 65.*

кризисные для династии моменты. Именно епископы освящают победу коалиции братьев в борьбе с Лотарем, именно они преграждают путь Людовику Немецкому к западному трону в 859 году, именно введённое реймской кафедрой духовенство своим равнодушием нивелирует успех Карла Лысого на Рождество 875 года. Очевидно, что период ослабления в 840-880-е годы авторитета королевской власти, всё более зависимой от мнения и ресурсов знати, способствует тому, что церковь во франкских землях, в период Карла Великого и раннего Людовика Благочестивого полностью подконтрольная императорской власти, высвобождается из-под её власти, становясь независимой и влиятельной силой в Западно-франкских землях, каковой она войдёт в X век и, затем в эпоху Классического Средневековья. Как мы увидим далее, это новое положение церкви хорошо отражено в повествовательных источниках.

4. Наконец, нельзя не отметить общепризнанную среди историков особенность середины – второй половины IX столетия – усиление роли знати, увеличение её прав и земельных владений. Эти явления были тесно связаны с генезисом феодальных отношений, по общему мнению исторической науки, начавшимся в Европе именно в этот период¹⁰⁷¹.

Ещё Н.Д. Фюстель де Куланж, анализируя взаимоотношения Карла Лысого и знати, справедливо указывал, что этот монарх «был главой верных, которому верные предписывали закон. Он мог управлять лишь так, как они хотели. Насколько они должны были зависеть от него в силу своей клятвы,

¹⁰⁷¹ Не ставя целью исследование социально-экономических аспектов эпохи, отметим лишь несколько работ разных лет, в которых рассматривается уровень развития феодальных отношений во второй половине IX века. см., напр.: *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2-3; *Энгельс Ф.* Франкский период // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М., 1961. С 495-546; *Лампрехт К.* История германского народа. Т. 1 / Пер. с нем. П. Николаева; *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6; *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков; *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства; *Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. С. 211-374. *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003; *Henning F.-W.* Deutsche Agrargeschichte im Mittelalter: Deutsche Agrargeschichte des Mittelalters. 9. bis 15 Jahrhundert. Stuttgart, 1994.

настолько он зависел от них в силу их интересов»¹⁰⁷². С целью лучше понять взаимозависимость поведения короля и каролингской аристократии во второй половине IX века, стоит привести следующее, недавно высказанное мнение Р. Лё Ян: принимая старый тезис Г. Телленбаха, французская исследовательница подчёркивает, что ранее, при Карле Великом, формирование слоя аристократии зависело от монарха, поскольку именно он раздавал своим верным должности¹⁰⁷³. Однако, как замечает Р. Лё Ян, само наличие должности еще не делает человека аристократом¹⁰⁷⁴. В IX же веке, по мнению Р. Лё Ян, власть и могущество франкской знати складывалось не только на основе вручаемых королевской властью должностей, но и на основе символической сакральной власти, принадлежавшей ей, и на владении землей¹⁰⁷⁵. Оформление знати как социальной группы, стоявшей на пути к сословной идентичности с особыми правилами поведения¹⁰⁷⁶ и ритуалами выражалось, например, в участившемся калькирование ею титулатуры каролингских монархов (например, формулы «милостью Божьей»)¹⁰⁷⁷. Помимо усиления сословной идентичности, повышается политическая роль аристократии: в рассматриваемый нами период король все больше советуется с дворянами, все больше вынужден учитывать их интересы. Примером этого может служить собрание, состоявшееся осенью 844 года на вилле Кулен: Карл дает собравшимся магнатам обещание не лишать их титулов и имений без причины¹⁰⁷⁸. Следующим этапом закрепления наследственных прав знати можно считать знаменитый капитулярий, изданный 14 июня 877 года в Кьерси, который закреплял за

¹⁰⁷² *Фюстель де Куланж*. История общественного строя древней Франции / пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. С. 776-777.

¹⁰⁷³ *Le Jan R.* La societe du haut Moyen Age. VI-IX siecle. P., 2006. P. 172.

¹⁰⁷⁴ *Ibid.* P. 172.

¹⁰⁷⁵ *Ibid.* P. 172.

¹⁰⁷⁶ Одним из последних исследований этой темы является работа А.И. Сидорова, показавшего, что, если судить по материалу франкской литературы, аристократия уже в эпоху Каролингов имела вполне оформленный этический кодекс. См.: *Сидоров А.И.* Каролингская аристократия глазами современников // Французский ежегодник. 2001.

¹⁰⁷⁷ *Le Jan R.* La societe du haut Moyen Age. VI-IX siecle. P. 173.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 41-42.

сыновьями дворян право наследовать их титулы и земли. Как замечал А.А. Спасский, по Кьерсийскому капитулярию «не только было допущено то, что существовало, но и возведено в обязательный закон, и таким образом вся власть, лежавшая в должности графа, сделалась частной собственностью, а все политические права короля перешли в частное право графа»¹⁰⁷⁹. Подобно этому должности герцогов и маркграфов также сделались наследственными¹⁰⁸⁰. И такое положение складывалось не только в самой Галлии: многие графы и маркизы Италии, завоеванной Карлом Лысым, к 877 году добились превращения своих должностей в наследственные¹⁰⁸¹.

Однако современные исследователи, отойдя от свойственного XIX веку жёсткого противопоставления интересов монарха и знати, склонны подчёркивать, что стремление того же Карла Лысого советоваться со знатью не было признаком его слабости. Как заключает Д. Нельсон, стремление короля западных франков учитывать права своих верных должно быть интерпретировано, прежде всего, как шаг к утверждению особого идеала взаимодействия между монархом и аристократией¹⁰⁸². Так или иначе, повышение роли знати в жизни франкских королевств не могло не отразиться в каролингской литературе, в чём нам предстоит убедиться позднее.

5. Наконец, в отличие от победоносных религиозных войн предшествующей эпохи, во второй половине IX века франкскому миру стал угрожать серьёзный внешний фактор – вторжения норманнов. На исходе VIII века, по так до конца и не выясненным историками причинам, Скандинавский полуостров стал источником нашествий, сотрясавших Европу следующие три века. Исследователи расходятся в поисках того толчка, который послужил натиску викингов на Европу. Шведский

¹⁰⁷⁹ Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. С. 216.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 216.

¹⁰⁸¹ История Италии: В 3-х тт. / Под ред. С.Д. Сказкина, Л.А. Котельниковой, В.И. Рутенбурга. Т. 1. М., 1970. С. 74.

¹⁰⁸² Nelson J. Legislation and Consensus in the Reign of Charles the Bald // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society / Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill, P. Warwald, D. Bullough, R. Collins, eds. P. 221.

специалист А. Стриннгольм одним из первых высказал точку зрения, согласно которой норманнов выталкивала из Скандинавии перенаселённость полуострова¹⁰⁸³. Однако А. Стриннгольм, заметив связь двух волн нашествий – германской (IV-VI вв.) и скандинавской, указал также, что после спада первой волны, оставшиеся в Скандинавии германцы ощутили потребность в поиске нового поприща для стяжания славы¹⁰⁸⁴. Без особых добавлений, с акцентом на демографический взрыв и нехватку земель, эту позицию поддержал американский историк Ч.Г. Хаскинс¹⁰⁸⁵.

В XX веке, под влиянием новой исторической науки, культурной антропологии и междисциплинарного подхода историки продолжили выдвигать свои гипотезы. Так, например, французский исследователь Л. Мюссе видит корень нашествий норманнов в социальной психологии викингского общества и стремлении воинственного северного народа к захвату добычи¹⁰⁸⁶. Не оставляя попыток объяснить перемещения скандинавов климатическим фактором, такие исследователи, как Д. Киз и К. Волетц увидели причины «исхода» норманнов из Скандинавии в так называемой «катастрофе 535-536 годов», когда огромные массы пепла, предположительно вулканического происхождения, закрыли солнце, спровоцировав, на протяжении нескольких последующих веков, похолодание не только в Европе, но и на всей планете¹⁰⁸⁷. Соглашаясь с этими наблюдениями, И.Ю. Философов выделяет также ещё несколько факторов, приведших к скандинавским нашествиям: рассматривая северогерманское общество сквозь призму теории «центр-периферия», саратовский историк утверждает, что вследствие климатического катаклизма VI века «Центр» -

¹⁰⁸³ *Стриннгольм А.М.* Походы викингов / Пер. с нем. А. Шемякина. М., 2002. С. 25-26.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 26.

¹⁰⁸⁵ *Haskins C.H.* The Normans in European history. Boston; New York, 1915. P 29.

¹⁰⁸⁶ *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб., 2001. С. 200.

¹⁰⁸⁷ См.: *Keys D.* Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World. New York, 2000; *Wohletz K.* Were the Dark Ages Triggered by Volcano-Related Climate Changes in the 6th Century? // URL: <http://www.ees1.lanl.gov/Wohletz/Krakatau.htm> (дата обращения: 29.10.2010).

Скандинавия с её земледельческим, патриархальным обществом - потерял свою привлекательность для воинов-норманнов, что неизбежно должно было спровоцировать их походы на «Периферию» - в Западную Европу. Кроме того, ещё в первые века нашей эры германцы испытали на себе влияние этноса герулов, издревле отличавшегося гипервоинственными качествами, склонного к разбойным набегам на римскую «Периферию», в том числе и морским. В VI веке «маргинальные» воинские союзы герулов, «королей-пиратов» переселяются в Скандинавию, наполняя её «периферийными настроениями»¹⁰⁸⁸.

Ещё одним толчком к активным путешествиям и морским походам скандианвов могли быть уже упомянутые представления об Утгарде¹⁰⁸⁹. В условиях непривлекательности и перенаселённости патриархально-земледельческого Митгарда, именно «броски» к границам Утгарда могли рассматриваться викингами как способ завоевания славы и удачи («фарна») ¹⁰⁹⁰.

Так или иначе, в начале 790-х годов христианская Европа ощутила присутствие норманнов: в 793 году датчане, атаковавшие британские берега, разрушили монастырь в Линдисфарне, бывший крупнейшим центром культуры¹⁰⁹¹. После смерти одного из англосаксонских королей Оффы Мерсийского (757-796 гг.) датчане уже колонизовали Шетландские и Фарерские острова¹⁰⁹². В дальнейшем норманны станут периодически нападать на англо-саксонские королевства. Под самый занавес VIII столетия

¹⁰⁸⁸ Brandt T. The Heruls // URL: <http://www.gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 29.05.2014); Философов И.Ю. Феномен героического поведения в древней Скандинавии: идеальные модели и поведенческая практика (по данным эдических песен и саг о древних временах). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. С. 76-97.

¹⁰⁸⁹ Steinsland G. *Norrøn religion: myter, riter, samfunn*. Oslo, 2005; Simek R. *Lexikon der germanischen Mythologie*. Stuttgart, 2006.

¹⁰⁹⁰ Wolfram H. *The Roman Empire and its Germanic Peoples* / Trans. T. Dunlap. P. 14-34. Speidel M.P. *Ancient Germanic warriors. Warrior style from Trajan's Column to Icelandic sagas*. London; Ruthless G. *Odinism: Ideology, Customs, and Practices* // URL: <http://thevikingworld.pbworks.com/w/page/4717689/Odinism%3A%20Ideology,%20Customs,%20and%20Practices> (дата обращения: 20.05.2015).

¹⁰⁹¹ Штокмар В.В. *История Англии в Средние века*. СПб., 2005. С. 29.

¹⁰⁹² Там же. С. 29.

викинги будут замечены Карлом Великим у побережья северной Галии, не раз схлестнется с ними Людовик Благочестивый. Но настоящим бедствием они станут именно для королевства Карла Лысого: королю западных франков неоднократно приходилось откупаться от норманнских вождий, платить унижительную дань - «датские деньги» - чтобы обезопасить своих подданных от дальнейших набегов. Меры же Карла, предусматривающие вооруженную борьбу с пиратами, не были эффективны¹⁰⁹³. Крупным просчетом монарха стало запрещение строить замки без королевского разрешения, что устанавливалось капитулярием, принятым в Питре в 864 году. К 1 августа 865 года все подобные замки предписывалось срыть¹⁰⁹⁴, несмотря на то, что в целом Карл поощрял создание оборонительных крепостей. Королевское предписание 864 года нанесло серьезный удар по обороноспособности Западной Франкии, поскольку в условиях беспомощности королевской власти в отражении набегов, бремя борьбы с захватчиками легло на представителей крупной аристократии, защищавшей свои владения от посягательств новоявленных варваров¹⁰⁹⁵. В первых рядах бились с норманнами граф Парижа Роберт Сильный, граф Пуатье Рамнульф, граф

¹⁰⁹³ В 862 году Карл Лысый предписал перегородить главные реки (Сену, Марну, Уазу и Луару) укрепленными мостами, способными остановить дракары викингов¹⁰⁹³. Однако эта мера не могла обеспечить защиту низовий тех рек, русло которых было слишком широким для постройки мостов. При этом сомнительно, что капитулярий был проведен в жизнь. Защита от норманнов была невозможна без наличия флота и системы оборонительных крепостей. В этом смысле меры, принятые младшим современником Карла Лысого Альфредом Великим, являлись гораздо более продуманными: корабли созданного Альфредом флота были крупнее викингских и имели по 60 весел каждый¹⁰⁹³. Кроме этого, Альфред создал систему оборонительных крепостей по всему Уэссексу. К 80-х документ, именованный «Burghal Hidage», включал перечень тридцати так называемых боро – укрепленных городов, к которым потом добавятся новые. Строго говоря, современная археология говорит о появлении боро еще в Мерсии эпохи Оффы. Однако именно Альфред создал из них систему, в которую вошли и старые боро. Поэтому исследовательница Б.А. Ли подчеркивала, что главным моментом в этой сфере деятельности Альфреда было не строительство боро, а «объединение их в единую структуру». Карлу Лысому, напротив, не удалось создать ничего подобного. См.: *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. С. 145; *История Великобритании* / Под ред. К. О. Моргана. М., 2008. С. 81, 88; *Ли Б.А.* Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии. 848-899 гг. СПб., 2006. С. 189.

¹⁰⁹⁴ *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. С. 146.

¹⁰⁹⁵ *Бессмертный Ю.Л.* Франкское государство Меровингов в конце VI- начале VIII в. и становление феодального уклада // *История Европы. Т. 2. Средневековая Европа.* С. 126.

Фезенсака (Гасконь) Санш Санше, прозванный «Диким», Сегин Бордосский и другие¹⁰⁹⁶.

Неудачный исход борьбы Карла Лысого с норманнами был обусловлен, прежде всего, отсутствием взаимодействия короля и высшей знати на этом поприще. Это может быть объяснено тем, что Карл побоялся предоставить знати слишком много инициативы, опасаясь излишнего повышения авторитета отдельных магнатов. Не более удачлив оказался в противостоянии норманнам Карл Толстый (881-887 гг.), изначально отдавший графам бремя борьбы с северными варварами. Лишь отдельно взятые победы Карла и Людовика III Западно-франкского при Лувене и Сокуре-ан-Вимё в 881 году немного охладили пыл норманнов, но общей ситуации не изменили.

Таким образом, даже по сравнению с беспокойным правлением Людовика Благочестивого, бурный период 840-880-х годов следует считать абсолютно новой реальностью для Каролингского дома. В условиях распада Империи, конфликтов между ветвями династии, возвышении епископата и знати и норманнских нашествий оказалась непригодной прежняя политическая практика, которая до этого велась каролингскими династиями с позиции силы и превосходства. Франкские короли вынуждены были изменить политические методы и подходы к старым и новым проблемам, что ярко продемонстрировала история Западно-франкского королевства во второй половине IX века.

Вместе с трансформацией практики монарших действий, политико-социальными изменениями эпохи должна была последовать мутация образа правителя в каролингских источниках. И в данной ситуации присущее франкским «гуманистам» знание античной литературы, наполненной острыми политическими и социальными сюжетами, оказалось как нельзя кстати. Однако первым, кто, отвечая на вопросы современности, решился писать так, как писали древнеримские авторы, был человек, живший и

¹⁰⁹⁶ *Тейс Л.* История Франции. Т. 2. С. 67-68.

творивший на несколько десятилетий раньше эпохи хаоса – автор «Жизни Карла Великого» Эйнхард, заставший светлые времена мира при первых Каролингах.

Эйнхард происходил он из Франконии, учился в фульдской церковной школе, откуда аббат Баугольф отправил его ко двору Карла, в те годы занимавшегося поиском эрудитов во всей Европе. Прибыв ко двору в начале 90-х годов VIII века, в 20-летнем возрасте, Эйнхард пользовался доверием короля и его ближайшего окружения. Другие придворные отмечали его трудолюбие, ум и художественный стиль.

Однако карьера Эйнхарда в качестве политического советника относится уже к периоду правления Людовика Благочестивого. Эйнхард становится личным секретарем императора, а с 817 года - воспитателем и наставником его старшего сына Лотаря. В междоусобицах рубежа 820-30-х годов Эйнхард пытается стать посредником между императором и его детьми. Эта роль Эйнхарду не удалась, и с 830 года он удаляется от двора и оседает в Зелигенштадте, один из многочисленных монастырей, подаренных ему Людовиком Благочестивым. Здесь Эйнхард всецело отдался литературной деятельности. Умер биограф Карла Великого в 844 году¹⁰⁹⁷.

Осмысление значения литературного труда Эйнхарда началось с изданий «*Vita Karoli Magni*». Первая публикация знаменитого сочинения была подготовлена в 1521 году эрудитом-гуманистом Неврарием, внёсшим

¹⁰⁹⁷ Литературное наследие Эйнхарда составляет, помимо «Жизни Карла Великого», сочинение «Перенесение мощей Марцеллина и Петра» и 63 письма. Подробнее о жизненном пути Эйнхарда см.: *Kurze F. Einhard* (1899). Berlin, 2010; *Schlager P. Einhard* (1909) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/05366b.htm> (дата обращения: 26.06.2015). *Halphen L. Etudes Critiques sur l'histoire de Charlemagne*. Paris, 2012. P. 60-103; *Ganshof F.L. Note critique sur Eginhard, biographe de Charlemagne* // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1924. V. 3. № 3-4. P. 725-758; *Ganshof F.L. Eginhard, biographe de Charlemagne* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1951. № 13. P. 217-230; *Bautz F.W. Einhard* // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*. Bd. 1. 1975. № 2. Hamm.: unveränderte Auflage, 1990. S. 1479–1480; *Fleckenstein J. Einhard* // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 3. München, 1986, S. 1737–1739; *Löwe H. Einhard* // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 7. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1989. S. 20–22; *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 61-65.

правки в текст рукописи и добавивший к ней *Анналы королевства франков*, в те времена приписывавшиеся *Эйнхарду*. Данный вариант переиздавался 4 раза в течение XVI-начала XVIII веков, будучи, кроме этого, воспроизведённым в *Scriptores Rerum Germanicarum* *Реубером* и, затем, в начале XVII века, *Фрегером*¹⁰⁹⁸. В 1643 году вышло издание *Болланда*, очистившее текст от правки *Неврария*¹⁰⁹⁹. В 1711 году увидело свет последнее значимое издание эпохи «до появления MGH»: *Иоганн Герман Шминке* обобщил работу предшественников, помимо собственно текста издав эссе *Неврария* о происхождении франков, комментарии *Фрегера* и примечания *Болланда*¹¹⁰⁰.

Дальнейшая судьба текста *Эйнхарда* связана с деятельностью Института *Monumenta Germaniae Historica*: на основе данных около 60 манускриптов в 1829 году своё издание подготовил *Г. Пертц*¹¹⁰¹. В 1867 году эта публикация была обновлена *Ф. Йаффе* и *Ф.К.В. Ваттенбахом*¹¹⁰². Огромную работу проделал к 1880 году проделал *Г. Вайтц*, описав и систематизировав 80 рукописей, 20 из которых стали основой для нового критического издания¹¹⁰³. Итогом работы Института стало издание *О. Холдер-Эггера*, которое до сих пор является образцом и основой для новых публикаций сочинения *Эйнхарда*¹¹⁰⁴. Все перечисленные издания актуализировали труд главного каролингского биографа как исторический источник и литературный памятник, создав фундамент для филологического, источниковедческого и исторического анализа «Жизни Карла Великого».

¹⁰⁹⁸ *Петрова М.С.* Библиографическая справка // *Эйнхард. Жизнь Карла Великого* / Пер. М. Петровой. С. 42.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 42.

¹¹⁰⁰ Там же. С. 42.

¹¹⁰¹ Там же. С. 43.

¹¹⁰² *Einharti Vita Karoli Magni* / Ed. Ph. Jaffe // *Bibliotheca Rerum Germanicarum*. V.4: *Monumenta Carolina*. Berlin, 1867.

¹¹⁰³ *Петрова М.С.* Библиографическая справка // *Эйнхард. Жизнь Карла Великого* / Пер. М. Петровой. С. 43

¹¹⁰⁴ *Einhardi Vita Karoli Magni* / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. S. 1-40.

Основные дискуссии среди историков развернулись вокруг трёх вопросов: датировке сочинения, его целях и степени влияния римского историка Гая Светония Транквилла (ок. 70 – после 122 г. н.э.) на работу Эйнхарда¹¹⁰⁵. Что касается года или, хотя бы, временного отрезка, в который, предположительно была написана «Vita», то кажется здравым замечание М.С. Петровой, что от датировки во многом зависит интерпретация целей Эйнхарда¹¹⁰⁶. В самом деле: в вопросе датировки биографии Карла Великого историки делятся, условно, на две большие группы.

Исследователи первой группы, самые ранние из которых относятся ещё к XIX веку, предполагали, что «Vita» была написана в промежутке между концом 820-х и серединой 830-х годов, то есть в период династического кризиса и внутрисемейных войн¹¹⁰⁷. Таким образом, сочинение Эйнхарда автоматически становилось орудием критики беспокойного правления Людовика, его политического курса¹¹⁰⁸. Наибольшим авторитетом в исторической науке сегодня пользуется точка зрения Г. Бойманна, высказавшего идею, что «Жизнь Карла Великого» пропагандирует традиционные, светские нормы королевской этики,

¹¹⁰⁵ Связь работ Эйнхарда и Светония была установлена эрудитом конца XVI века И. Касаебонусом. См.: *Casaubonus I. C. Suetoni Tranquilli de XII Caesarum libros VIII animadversions*. Parisii, 1595. P. 37, 156. О заимствованиях из Светония и его переработке в труде Эйнхарда см.: *Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 30; Петрова М.С. Литературные и исторические источники Эйнхарда // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 197-205; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 84-98. Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 178-180.*

¹¹⁰⁶ *Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 41.*

¹¹⁰⁷ См.: *Halphen L. Etudes Critiques sur l'histoire de Charlemagne; Linzel M. Die Entstehung von Einhard's Vita Karoli // Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1961. S. 40; Thorpe L. Introduction // Life of Charlemagne by Einhard the Frank. London, 1970. P. 15-17; Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 179.*

¹¹⁰⁸ См., напр.: *Linzel M. Die Entstehung von Einhard's Vita Karoli // Ausgewählte Schriften. Bd. 2. S. 35-39; Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 178.*

оказавшиеся под угрозой в правление Людовика Благочестивого, сильно подверженного влиянию своего церковно-монашеского окружения¹¹⁰⁹.

Вторая (и, надо признать, менее многочисленная) группа историков настаивает на более ранней датировке, охватывающей, предположительно, 817-821 годы, когда Людовика Благочестивый активно претворял в жизнь мероприятия по укреплению мира и согласия внутри императорской фамилии. В этом контексте «Жизнь Карла Великого» становилась литературным памятником, обеспечивавшим законность наследования трона Людовиком и его реформ¹¹¹⁰. Наиболее чётко такую позицию обосновал американский историк П.С. Барнвелл, красноречиво, в чём-то даже провокационно озаглавив свою работу «Эйнхард, Людовик Благочестивый и Хильдерик III». С точки зрения П.С. Барнвелла, созданный Эйнхардом миф о «ленивых» Меровингах, о санкции папы на их смещение и переход власти к Каролингам, стал своеобразным орудием легитимации перехода трона к Людовику Благочестивому¹¹¹¹.

В процессе изучения книжицы Эйнхарда сложилась и третья группа историков, помещающих дату написания «Vita» между 824 и 828 годами. Однако их позиция более близка к взглядам историков первой группы, то есть подразумевает ностальгически-критический тон сочинения Эйнхарда¹¹¹².

¹¹⁰⁹ *Beumann H.* Die Historiographie des Mittelalters als Quelle für die Ideengeschichte des Königtums // *Historische Zeitschrift* 1955. № 180. S. 449-448.

¹¹¹⁰ *Innes M., McKitterick R.* The Writing of history // *Carolingian Culture: Emulation and Innovation* / Ed. R. McKitterick. New York, 1993. P. 203-206; *Barnwell P.S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // *Historical Research*. T. 78. 2005. P. 129-139; *Петрова М.С.* Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 27, 31, 41.

¹¹¹¹ *Barnwell P.S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // *Historical Research*. T. 78. 2005. P. 129-139.

¹¹¹² См., напр.: *Holder-Egger O.* Prefatio // *Einhardi Vita Karoli Magni* / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. S. XXVI-XXVII; *Lowe H.* Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhardi // *Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters*. 1983. № 39. H.1. S. 85-103; *Dutton P.E.* Charlemagne's courtier: the complete Einhard. Peterborough, Ontario, 1998. P. XXIII-XXIV; *Tichler M.M.* Einhard's Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption (MGH. Schriften. Bd. 48). Bd. 1. Hannover, 2001. S. 210.

Особняком стоят историки Ф.Л. Гансхоф и А.И. Сидоров, не придавшие датировке «Vita» первостепенного значения¹¹¹³.

Третья, не менее важная дискуссия завязалась вокруг вопроса, насколько книга Светония «Жизнь двенадцати цезарей» повлияла на стиль, структуру и содержание сочинения Эйнхарда. Ещё в XIX веке Э. Бернхайм высказал точку зрения о том, что Эйнхард был всего лишь обыкновенным подражателем Светонию, не сумевшим соотнести собственные цели и знания с яркими зарисовками римского историка¹¹¹⁴. Похожие взгляды на главный труд Эйнхард совсем недавно высказывали В. Бершин и Б. Смолли¹¹¹⁵.

Однако большинство историков, как старых, так и современных, предлагают рассматривать эйнхардовы заимствования из Светония как способ реализации собственной сюжетной и идейной концепции¹¹¹⁶. По мнению М.С. Петровой, Д. Ганца и А.И. Сидорова, Эйнхард использовал материал Светония для реализации собственных авторских целей¹¹¹⁷. В этом

¹¹¹³ Ф. Л. Гансхоф предложил считать временем написания «Жизни Карла Великого» обширный временной промежуток между 817 и 830 гг. См.: *Ganshof F.L. Note critique sur Eginhard, biographe de Charlemagne // Revue belge de philologie et d'histoire. 1924. V. 3. № 3-4. P. 740*; А.И. Сидоров вопрос о времени написания «Vita» считает незначительным, поскольку, по мнению исследователя, единственным мотивом Эйнхарда при написании его труда была посмертная благодарность его патрону – Карлу – за добрые, совершенные монархом по отношению к писателю. *Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 73-76.*

¹¹¹⁴ *Bernheim E. Die Vita Karoli Magni als ausgangspunkt zur literarischen beurtheilung des historikers Einhard // Historische aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 73-96.*

¹¹¹⁵ См.: *Berschin W. Personenbeschreibung in der Biographie des frühen Mittelalters // Historiographie im frühen Mittelalter / Hg. A. Scharer und Scheibelreiter. Wien; Oldenbourg, 1994. S. 186-193*; *Smalley B. Historians in the Middle Ages. New York, 1974. P. 67.*

¹¹¹⁶ *Lehmann P. Das literarische Bild Karls des Grossen vornemlich im lateinischen Schrifttum des Mittelalters. Bd. 2. Stuttgart, 1941. S. 154-213*; *Kleinclausz A. Eginhard. S. 76-87. Wattenbach-Lewison-Lowe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 2. S. 94-96*; *Ganshof F.L. L'historiographie dans la monarchie franque sous le Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. V. 2 (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo). P. 647-648*; *Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 180.*

¹¹¹⁷ *Ganz D. Einhard's Charlemagne: the characterization of greatness // Charlemagne. Empire and society. Manchester, 2005. P. 38-51*; По мнению М.С. Петровой, целью Эйнхарда было создание именно «образа непревзойдённого правителя». См.: *Петрова М.С. Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 30-32*; *Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 91, 97.*

смысле наиболее интересна точка зрения Д. Ганца, высказавшего в своей статье «Карл Великий в описании Эйнхарда: характеристика величия» весьма оригинальную трактовку целей и значения автора «Vita»: по мнению американского специалиста, Эйнхард, применив именно античные методы конструирования образа правителя, «цицероновское красноречие», создал непревзойдённый образ идеального, фактически святого короля¹¹¹⁸.

Очевидно, что какими бы ни были подлинные цели Эйнхарда, он был первым каролингским интеллектуалом, рискнувшим опереться при создании прозаического сочинения на античный авторитет – книгу Светония о римских императорах. На страницах опуса Эйнхарда Карл Великий также воюет с язычниками, украшает столицу, обладает собственными привычками, предпочтениями и, конечно, печётся о судьбе Империи после собственной смерти. Всё это, кроме, разумеется, внешних черт и привычек монарха, мы имели возможность увидеть в более ранних источниках. Однако могучая военно-христианизаторская поступь Франкской державы и образ борющегося за веру христианского монарха едва ли заметны в сочинении Эйнхарда: в «Жизни Карла Великого» перед нами – не новый Давид и даже не новый Константин. Карл Великий – в описании Эйнхарда – это новый цезарь, идеальный правитель Античности, обладающий соответствующими доблестями.

С самого начала Эйнхард предопределяет дух всего повествования: отмечает в прологе, что для описания деяний Карла потребуется «Туллиево», то есть Цицероновское красноречие (*Tulliana facundia*)¹¹¹⁹. Описанный Эйнхардом набор присущих его герою доблестей, которые мы уже встречали, делая обзор политической этики Республики и принципата, не оставляет сомнений в их античном происхождении: Карл обладает сильным духом

¹¹¹⁸ Ganz D. Einhard's Charlemagne: the characterization of greatness // Charlemagne. Empire and society. P. 49-50.

¹¹¹⁹ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. S. 2.

(*magnamitas regis*)¹¹²⁰, благоразумием (*prudentia maximus*)¹¹²¹, величиим души (*animi magnitudine praestantissimus*)¹¹²², талантами (*summam in qualicumque*), неизменным совершенством духа (*animi dotes*)¹¹²³, природной добротой (*naturae benignitate*), мягкостью (*mansuetudine*) и благожелательностью (*favore*)¹¹²⁴. Карлу присуща королевская гордость (*animositas regis*)¹¹²⁵, он способен проявлять «большую любовь» (*summa omnium amore*)¹¹²⁶, многословен и красноречив (*eloquentia copiosus*) и, что очень важно в контексте изучения эпохи «каролингского ренессанса», усердно занимается свободными искусствами (*artes liberales studiosissime coluit*)¹¹²⁷. В одной из последних глав, по утверждению Эйнхарда, после возложения короны на голову Людовика в 813 году Карл приказал именовать его императором и августом (*imperatorem et augustum iussit appelleri*)¹¹²⁸. Перед нами, таким образом, предстаёт образ идеального цезаря времён раннего принципата, каким видел Светоний Октавиана Августа.

Это, однако, не означает, что портрет Карла лишён христианских топосов. По словам автора, Карл с детства «благочестиво почитал христианскую религию»¹¹²⁹, ревностно посещал церковь¹¹³⁰, улучшал порядок церковного пения¹¹³¹, регулярно подавал милостыню бедным¹¹³² и заботился о Риме и его церквях¹¹³³, а также на свои средства построил церковь в Аахене¹¹³⁴. Черты образа, Константина, таким образом, также присутствуют в сочинении Эйнхарда. В главе 6 мы увидим и элементы

¹¹²⁰ Ibid. S. 10.

¹¹²¹ Ibid. S. 11.

¹¹²² Ibid. S. 11.

¹¹²³ Ibid. S. 21.

¹¹²⁴ Ibid. S. 26.

¹¹²⁵ Ibid. S. 14.

¹¹²⁶ Ibid. S. 26.

¹¹²⁷ Ibid. S. 30.

¹¹²⁸ Ibid. S. 34.

¹¹²⁹ Ibid. S. 30.

¹¹³⁰ Ibid. S. 31.

¹¹³¹ Ibid. S. 31.

¹¹³² Ibid. S. 31.

¹¹³³ Ibid. S. 30.

¹¹³⁴ Ibid. S. 35.

образа германского вождя в портрете Карла, нарисованном Эйнхардом¹¹³⁵. Однако автор «*Vita Karoli Magni*», на наш взгляд, не случайно акцентирует внимание читателя на том, что стремление к монашескому идеалу увело от власти брата Карла – Карломана: Эйнхард весьма подробно описывает историю этого короля, ставшего монахом, указывая, как он «воспламенился любовью к монашеской жизни» в каких монастырях он жил, и как ему мешали в его затворническом объединении помнившие его правлении гости¹¹³⁶. Вероятно, этим Эйнхард хотел показать разницу между личным аскетизмом, присущим Карломану и, одновременно, не импонировавшему ему Людовику Благочестивому, и активной военной, христианизаторской и государственной деятельностью его героя – Карла. Так это, или нет, сориентировавшись на Светония как на литературный идеал, Эйнхард стал первым, кто в рамках прозаического произведения, осмыслил образ правителя в античных этических и политических категориях. Почему же этот опыт Эйнхарда столь важен для нас?

Начиная со II века н.э., основой как устной, так и письменной культуры становится античная риторика¹¹³⁷. В эпоху позднего Рима риторика являлась не просто совокупностью приемов речи, а основой всей интеллектуальной культуры. П. Браун, изучавший риторику в эпоху императорского Рима, убедительно показал: риторика становится общим для аристократии языком, феноменом, консолидирующим правящую элиту, а также особым языком убеждения, на котором аристократия общается с принцепсом¹¹³⁸.

¹¹³⁵ Существует точка зрения, что трудом Эйнхарда был создан типичный облик короля этого времени, представляющий собой смесь христианской этики и нравственных представлений дружинной среды. См.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 95.

¹¹³⁶ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. S. 4.

¹¹³⁷ *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. С. 14.

¹¹³⁸ *Brown P.R.L.* The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.) L.: Harvard University press, 1978; *Brown P.R.L.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992.

В обосновании важности риторики как способа конструирования образов могут помочь исследователи постмодернистского толка, привлекающие в своих изысканиях материал филологии и лингвистики. П.П. Шкаренков отметил, что именно риторика играет роль связующего звена, когда нужно установить соотношение между системой ценностей эпохи и породившими её историческими условиями¹¹³⁹. Такие исследователи, как Г.С. Кнабе и А.Б. Ковельман утверждали, что риторика является пригодной для оформления любого материала, притом, что риторический стиль отражает систему взглядов автора лучше, чем само произведение, написанное в этом стиле¹¹⁴⁰. Исследователи, принадлежавшие в сформировавшейся в Тарту и Москве семиотической школе, шли ещё дальше, считая, что литература конструирует реальность повседневной жизни определённых людей. Согласно воззрениям Л.Я. Гинзбург, литература и искусство не отражают, а создают реальность¹¹⁴¹. Таким образом, по выражению Ю.М. Лотмана исторические закономерности реализуют себя «через посредством психологических механизмов человека»¹¹⁴².

Не вдаваясь в заочную дискуссию с корифеями историко-лингвистических штудий о роли «базиса» и «надстройки», признаем: несмотря на то, что идеи семиотической школы противоречат одному из исходных тезисов нашего диссертационного исследования (реальность порождает образы власти, а не наоборот), роль риторики в традиционных обществах действительно весьма значительна: как замечал В.М. Смирин, она

¹¹³⁹ Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. С. 11.

¹¹⁴⁰ Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999; Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамиды. М., 1988. С. 9.

¹¹⁴¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1971. С. 23-121.

¹¹⁴² Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Под ред. В.Г. Базанова и В.Э. Вацура. Л., 1975. С. 25-74.

была способна приблизить обсуждаемый предмет к существовавшему в общественном сознании «образу правдоподобности»¹¹⁴³.

В российской историографии одним из первых увидел роль античной риторики в сочинениях раннесредневековых авторов П.П. Шкаренков, исследовавший образы действительности и королевской власти в «*Variae*» Флавия Кассиодора¹¹⁴⁴. Как убедительно показал российский исследователь, в сочинении Кассиодора – не только особое видение мира, но и инструмент созидания образа королевства и идеи королевской власти, элемент королевского престижа¹¹⁴⁵. При этом Кассиодор не был оторван от политической почвы своего времени: в «*Variae*» советник Теодориха Великого выразил настроения, взгляды и убеждения интеллектуальной части римской аристократии¹¹⁴⁶. При этом используемые Кассиодором методы конструирования образа власти не имеют ничего общего с созданием идеального христианского государя: при помощи нагнетания «обилия высокопарных, возвышенных слов, активного использования синонимичных рядов, автор приходит к исключительному многообразию возможностей субъективной подачи материала, к поразительной ловкости и подвижности в обсуждении всего фактического и свободе замалчивать одни стороны фактического положения дел и намекать на другие, сомнительные, не утверждая ничего с полной ответственностью»¹¹⁴⁷. Как мы увидим в следующем параграфе, подобная методика акцентов и умолчаний характерна и для каролингских авторов.

Однако присутствует ли риторика уже в сочинении Эйнхарда, написанного ещё до распада Империи? Очевидно, что нет: хотя посредством

¹¹⁴³ *Смирин В.М.* Римская школьная риторика Августовского века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 101.

¹¹⁴⁴ *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по «*Variae*» Кассиодора: Миф, образ, реальность; *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха.

¹¹⁴⁵ *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. С. 22, 51.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 245.

¹¹⁴⁷ *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по «*Variae*» Кассиодора: Миф, образ, реальность. С. 65.

творческой переработки Светония Эйнарда тем самым уже опирался на достижения античной литературы, риторические приёмы чужды ему. Биограф Карла Великого склонен использовать описательные приёмы, хвалебные эпитеты, детализацию, но не риторику как способ убеждения.

Потребность в риторике, в использовании приёмов античной литературы как способа описания действительности возникнет с крахом сложившегося на рубеже VIII-IX веков каролингского миропорядка, когда франкские интеллектуалы, осознав экстремальную ситуацию кризиса династии, предпримут попытку определить, какие действия должны совершать монархи в новых условиях, какой образ правителя действительно актуален в столь сложную эпоху, каковой оказался период 840-880-х годов. Возможность для этого первым обрёл близкий советник монарха из западной части франкского мира – Карла Лысого. Человеком этим был граф-аббат Нитхард.

5.2. Противостояние Карла Лысого и Лотаря в «Историях» Нитхарда

Исторический труд Нитхарда, внука Карла Великого, на настоящий момент достаточно хорошо изучен, и рассматривается как один из шедевров каролингской литературы: как полагал Ф.Л. Гансхоф, сочинение, написанное Нитхардом, по своим литературным достоинствам даже превосходит опус Эйнарда¹¹⁴⁸.

Об авторе «Историй» известно немного, несмотря на то, что посредством побочной связи дочери Карла Великого он принадлежал к королевскому роду. Родился Нитхард в последнее десятилетие VIII века. Отцом его был известный придворный поэт Ангильберт, вступивший в связь с дочерью Карла Великого Бертой. В первые полтора десятилетия IX века судьба Нитхарда связана с императорским двором. Возможно, он был удален от него в начале правления Людовика Благочестивого¹¹⁴⁹. Это вполне

¹¹⁴⁸ *Ganshof F.L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // *La storiographia altomedievale*. V. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo). P. 653.

¹¹⁴⁹ Там же. С. 154-155.

вероятно, поскольку придирчиво следивший за моральным обликом своих приближенных Людовик не мог не смотреть на бастарда с подозрением. После этого Нитхард, предположительно, оказался в монастыре Сен-Рикье, где аббатом как раз был его отец Ангильберт¹¹⁵⁰. Здесь Нитхард получил престижный титул графа-аббата¹¹⁵¹. В начале 840-х он оказывается при дворе Карла Лысого, который поручает Нитхарду написать историю своего времени. Будучи непосредственным очевидцем «войны трех братьев», Нитхард участвует в боевых действиях и дипломатических миссиях. Погиб он, как предположил Ф.Л. Гансхоф, 15 мая 845 года, когда норманны напали на Сен-Рикье, придав его разграблению¹¹⁵².

На сегодняшний момент большинство историков, принимая точку зрения Ф.Л. Гансхофа, согласны с тем, что труд Нитхарда сохранился целиком¹¹⁵³, и лишь Д. Нельсон высказала альтернативное мнение¹¹⁵⁴. Состоит сочинение Нитхарда из четырех книг, первые две из которых были написаны 841 году¹¹⁵⁵. Третья и четвертая были завершены, предположительно весной 842 и весной 843 годов соответственно¹¹⁵⁶. По жанру «Истории» представляют собой памятник исторической мысли (возможно, самый яркий в ряду каролингских исторических сочинений). Интересно, что «Четыре книги истории» - первое каролингское сочинение, из рассмотренных нами, про которое точно известно, что оно было написано по прямому заказу монарха – Карла Лысого. Поэтому очевидно, что «Истории»

¹¹⁵⁰ Там же. С. 157.

¹¹⁵¹ Там же. С. 157.

¹¹⁵² *Ganshof F.-L.* Note critique sur la biographie de Nithard // *Melanges Paul Thomas*. Brugge, 1930. P. 335-344.

¹¹⁵³ *Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // *La storiografia altomedievale*. V. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo). P. 655.

¹¹⁵⁴ По её мнению дошедший до нас список второй половины X века содержит незавершенное сочинение. См.: *Nelson J.* Public Histories and Private History in the Work of Nithard // *Speculum*. № 60/2. 1985. P. 253.

¹¹⁵⁵ *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 167.

¹¹⁵⁶ Там же. С. 169.

испытали на себе отпечаток не только мировоззрения и эрудиции Нитхарда, но и предпочтений его патрона, ещё только начинавшего своё царствование.

Как мы уже замечали, трудность рассмотрения «Историй» в контексте нашей темы заключается в том, что в сочинении Нитхарда крайне сложно увидеть именно *образ* правителя. Динамичное повествование, живописующее «войну братьев», не оставляет автору места не только для описания обязанностей образцового, с его точки зрения, монарха, но и даже для рассказа о личностных качествах Карла Лысого и его союзника Людовика Немецкого (хотя, казалось бы, заказной характер труда предполагает обратное). Действия обоих королей относятся исключительно к военным и, иногда, «переговорным» и «совещательным» моментам, предельно рациональны и логичны¹¹⁵⁷ – так, по крайней мере, их описывает Нитхард. В этом смысле граф-аббат выступает в качестве непревзойдённого импровизатора материала античной литературы.

Однако поскольку перед нами – сочинение, написанное знатоком и поклонником римской историографии, Нитхарду не удаётся уйти от моральных оценок происходящего (хотя едва ли он ставил цель быть бесстрастным, если писал по поручению Карла!). Благодаря этому противостояние Карла Лысого (в союзе с Людовиком) и Лотаря приобретает очень острый характер, подобно призме преломляя в себе множество противоречий эпохи. Перед нами, таким образом, именно тот случай, когда, по выражению М. Блока, мы узнаём о прошлом больше, чем оно намеревалось нам поведать¹¹⁵⁸. Рассказ Нитхарда о «войне братьев», в

¹¹⁵⁷ «Очень ясный, предельно рациональный, лишенный каких-либо библейских реминисценций и богословских рассуждений, этот текст на первый взгляд кажется совершенно понятным и потому максимально доступным для исследователя. <...> Однако при более внимательном рассмотрении эта легкость в понимании оказывается довольно обманчивой. Чем больше читаешь текст, тем больше вопросов он вызывает, а ясности становится все меньше» - замечает А.И. Сидоров. См.: Сидоров А.И. Нитхард и его «Истории» // Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 153-154.

¹¹⁵⁸ «При нашей неизбежной подчиненности прошлому мы пользуемся по крайней мере одной льготой: хотя мы обречены знакомиться с ним лишь по его следам, нам все же

которой проявились доблести Карла и Людовика и вскрылось нечестие Лотаря и его людей – именно то, что хотел рассказать потомкам Нитхард, «читательское прочтение»¹¹⁵⁹ его труда. Однако по тому, на каких качествах и действиях монархов делает акцент Нитхард, какие шаги королей он выставляет на первый план, какие приветствует, а какие осуждает, мы можем увидеть, если не образ идеального государя, но *желаемую, ожидаемую практику действий*, которую должны демонстрировать каролингские династы в новых социально-политических условиях. Поэтому вполне оправданной кажется следующая цель: рассмотреть видение Нитхардом противостояния Карла Лысого и Лотаря в «войне братьев» и попытаться понять, какие реалии времени повлияли на это видение.

На первый взгляд кажется, что Нитхард, вслед за Алкуином, Теганом и Астрономом на примере Карла Лысого также лишь выстраивает образ монарха как средоточия всевозможных добродетелей. Как мы уже убедились, топосы и этикетные эпитеты, раскрывающие образ справедливого, щедрого, великодушного и всепрощающего короля хорошо просматриваются во всей раннекаролингской литературной традиции. Однако в отличие от церковных авторов эпохи Карла Великого и Людовика Благочестивого, Нитхард предпочитает наделять своего государя букетом именно античных, а не христианских добродетелей¹¹⁶⁰. Несмотря на важность этого момента, который далее будет подробно разобран, в первую очередь обращает на себя внимание другая свежая тенденция, проявляющаяся в труде Нитхарда: именно в «Историях» гораздо рельефнее, чем где-либо до этого, раскрыта тема королевских сподвижников. В сочинении Нитхарда вассалы короля по-настоящему выходят на страницы каролингской литературы.

удается узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть». См.: Блок. М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 38.

¹¹⁵⁹ Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 34.

¹¹⁶⁰ Нитхард называет Карла (впрочем, как и Людовика) храбрым, щедрым, рассудительным и красноречивым («*audax largus, prudens partier et eloquens*»). См.: Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 37-38.

Тема императорских советников уже поднималась до этого Алкуином, Ионой и Теганом. У хорепископа Тегана «дурные советники» Лотаря – это явное зло, настоящий же христианский император имеет «благочестивых» и «богобоязненных» слуг. Однако Нитхард уделяет им значительное место именно в своём историческом повествовании, а не в наставлениях, которых у него нет в принципе. Говоря о причинах, которые побудили его написать еще одну часть «Историй», Нитхард говорит нам следующее: *«Коль скоро у меня есть свободное время, почему бы мне, как и было приказано, не изложить письменно воспоминания о деяниях наших государей и их вельмож?»*¹¹⁶¹. Эти вступительные слова к одной из книг труда Нитхарда нельзя рассматривать в отрыве от предшествующей каролингской литературной традиции. Достаточно привести хотя бы вступление, которым предваряет «Жизнь императора Людовика» Астроном: *«Когда сохраняется память о добрых и дурных деяниях древних, и в особенности государей, то из этого проистекает двоякая польза для читателей. Ведь что-то бывает полезно для их образования, а что-то служит предостережением. Ибо первые люди находятся на вершине, словно для всеобщего обозрения, и они не могут укрыться, так что молва о них разносится далеко, и каждому приписывают тем больше доброго, чем сильнее они прославятся, заставляя подражать себе. Это показывают повествования древних, которые постарались наставить потомков, рассказав о том, какому из государей какой земной путь был уготован. Мы, подражая их усердию, не хотим ни оказаться невежливыми с современниками, ни завидовать потомкам, но излагаем, хотя и менее ученым пером, деяния и жизнь любезного Богу и благочестивого императора*

¹¹⁶¹ «Interim autem si aliquod tempus otiosum repperero, quid oberit, si, uti iussum est, facta principum procerumque nostrorum stili officio memoriae mandare curabo?». Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 39. Здесь и далее использован перевод А.И. Сидорова. См.: Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 4 // Историки эпохи Каролингов. С. 131.

Людовика»¹¹⁶². Хотя у Нитхарда есть и другие вступительные обороты, к другим книгам, да и здесь мы привели далеко не полную цитату, сравнение этих двух отрывков, на наш взгляд, вполне уместно. Итак, что мы видим? Придворный звездочёт пишет о благочестивом императоре Людовике, граф-аббат Нитхард хочет поведать нам о государях и их вельможах - такую постановку вопроса не предлагал еще ни один из каролингских писателей. Повествования о монархе и о его сподвижниках поставлены в один ряд, что является новшеством для исторической мысли каролингской эпохи. Как следствие, на протяжении всего текста «Историй» франкских королей-братьев будут сопровождать их «люди», их «верные». Наиболее распространенное наименование этих королевских вассалов – *fideles*, обозначающее верных тому или иному монарху сподвижников. Достаточно разнообразны прилагательные и местоимения, обозначающие просто «людей»: *virī*, *haec*, *perfacilis*, *homines illorum* и др. Очень часто встречается местоимения *sui*, означающее «свои» или «его», обозначающее королевских сторонников и сподвижников¹¹⁶³. В некоторых фрагментах Нитхард ясно даёт понять, что речь идёт не просто о королевских людях, но о представителях знати: в главе 4 четвёртой книги все три короля съезжаются на совет, собрав также своих *primi*¹¹⁶⁴. А.И. Сидоров верно переводит это слова как «знатные»: в древней латинской литературе, на которую и опирался Нитхард, термины *princeps*, *primus* означали уважаемого, влиятельного человека. Ещё

¹¹⁶² «Cum gesta priscorum bona malave, maxime principum, ad memoriam reducuntur, gemina in eis utilitas legentibus confertur: alia enim eorum utilitati et aedificationi prosunt, alia cautela. Quia enim primi in sublimi veluti specula consistunt et ideo laterenequeunt, eo fama eorum latius propagatur, quo et diffusius cernitur, et tanto quique illorum bono plurimi allicuntur, quanto preminentiores se imitari gloriantur. Haec ita se habere maiorum produnt monimenta, qui relatione sua posteritatem instruere studuerunt, quisque principum quo calle mortalium itertriverit. Quorum nos studium imitantes, nolumus u esse u vel praesentibus inoffitiosi vel futuris invidi, set actus vitamque Deo amabilis atque orthodoxi imperatoris Hludouici stilo licet minus docto contradimus». Thegan. *Gesta Hludowici imperatoris*. Astronomus. *Vita Hludovici imperatoris* // MGH. SS rer. Germ. S. 280. Использован перевод А.В. Тарасовой. См.: Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. С. 37.

¹¹⁶³ См.: Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 13-49.

¹¹⁶⁴ Ibid. S. 45.

более конкретен автор «Историй», когда, говоря о fideles Карла Лысого, употребляет в качестве синонима слово notabiles¹¹⁶⁵.

Систематическое упоминание Нитхардом королевских вассалов знатного происхождения с очевидностью доказывает возрастание их роли в описываемое время – в 40-е годы IX века. Поэтому не нужно думать, что Нитхард повторяет из главы в главу какой-то расхожий штамп, взятый у других авторов или античных историков. Чтобы убедиться в том, что за этим появлением новых персонажей в сочинении Нитхарда скрываются определенные изменения политической и социальной действительности, рассмотрим несколько примеров.

В главе 8 второй книги Нитхард описал любопытный эпизод, в котором Карл отправляет посольство к Лотарю с предложением встретиться и в который раз братски примириться. Автор пишет следующее: Карл через своих послов *«велел сказать, что желает прийти на встречу, о которой они договаривались, и, если там Лотарь захочет, как обещал, подействовать их общему благу и укрепить его, то это придется ему по нраву. В противном случае он извещает, что в отношении королевства, которое ему вручили Бог и отец с согласия верных людей, по Божьей воле, он во всем поступит по совету своих приближенных»*¹¹⁶⁶. Нитхард здесь не просто обосновывает королевскую власть Карла божественным правом и волей Людовика Благочестивого. Исходя из этого пассажа, в 839 году Карл получил свой надел «с согласия верных людей». Вормсский раздел 839 года, передавший Лотарю восточную часть Империи, а Карлу – западную, нужен был императору Людовику, чтобы примирить Лотаря с Карлом, добиться компромисса между амбициозным «со-императором» и любимым сыном. Этот акт развивал положения раздела 829 года, когда император выделил из владений Лотаря область для маленького Карла. Но, как и 10 лет назад,

¹¹⁶⁵ Ibid. S. 45.

¹¹⁶⁶ Здесь и далее использован перевод А.И. Сидорова. См.: Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 2 // Историки эпохи Каролингов. С. 116; «...quaerere ac statuere vellet, sibi placere; sin aliter, de regno quod Deus paterque suus suorum consensu illi dederat, consiliis suorum fidelium in omnibus secundum Dei voluntatem parere se innotuit». Ibid. S. 39.

раздел этот вступал в противоречие с *Ordinatio imperii* 817 года. Нитхард подчеркивает, что Карл получил свое «малое королевство» с согласия верных людей. Но были ли выгодны разделы 829 и 839 годов этим самым «верным»?

Ordinatio imperii подразумевало появление у непосредственных вассалов императора промежуточных суверенов в виде двух «малых королей» Пипина и Людовика и «со-императора» Лотаря. За более чем 10 лет этот порядок, который заставил сотни нобилей присягнуть Лотарю, Пипину и Людовику Немецкому, стал уже устоявшимся. Новый раздел Империи мог разрушить эту и без того громоздкую и шаткую конструкцию. И он ее разрушил: многие из тех, кто служил в 817-829 годах Лотарю, вынуждены были переприсягнуть Карлу. И это был великий соблазн: отныне франкская знать стала считать, что присягать надо тому, кому выгодно. Именно поэтому Лотарь, завладевший имперской казной, смог переманить многих знатных людей из стана Карла¹¹⁶⁷. Как следствие, установления верховной императорской власти в лице Людовика Благочестивого, освящавшие разделы Империи, постепенно теряли своё моральное и даже юридическое воздействие. Отныне частные интересы знати лежали в основе дробления территорий и вообще всякой политики монархов. Именно поэтому король мог и должен был опираться на эти интересы, и тем самым обеспечивать себе поддержку знатных людей. Без этой поддержки король уже не может обойтись, будь он даже император и потомок Карла Великого.

Представляется, что именно эти социальные реалии заставили Нитхарда акцентировать внимание в «Историях» на роли королевских «верных».

Возвращаясь к посольству Карла Лысого к Лотарю очень важно отметить, что, согласно Нитхарду, Карл заявляет посланнику Лотаря буквально следующее: если император нарушит мир, он поступит *по совету своих приближенных, верных (consiliis suorum fidelium)*. Это ярчайшее свидетельство возрастания роли верхушки франкского нобилитета. Данный

¹¹⁶⁷ Об этом прямо говорит Нитхард. См.: *ibid.* S. 15-16.

факт подтверждается и упоминанием автором «Историй» о созыве собрания в Аттиньи, на котором Карл совещался со своими верными о дальнейшей тактике в отношении Лотаря¹¹⁶⁸. И Карл совершенно четко следует совету большинства: он решает идти навстречу императору¹¹⁶⁹. В дальнейшем же Карл, преследуемый Лотарем, идет на соединение с Людовиком, о чем Нитхард пишет: *«Карл и Людовик все больше приближались друг к другу и, наконец, встретились и, встретившись, поведали друг другу о всех страданиях, которые Лотарь без какого-либо повода причинил им и их людям (suos)»*¹¹⁷⁰. Заметим, что автор не использует здесь абстрактные понятия «государства», «королевства» или «империи». Лотарь своими деяниями причинил зло не только своим братьям-монархам, но и их людям. До этого каролингские писатели никогда столь явно не акцентировали свое внимание на королевских приближенных. Причем, далеко не только светская знать начинает играть в этот период значительную политическую роль. Представители клира также все больше выступают в роли немаловажных игроков в династической политике Каролингов. Но о них – разговор отдельный.

Первая глава третьей книги открывается советом, который держали Карл и Людовик прямо на поле битвы после победой над Лотарем при Фонтенуа¹¹⁷¹. Примечательно, как на этом собрании мнения разделились. Короли, по словам Нитхарда, *«желали от чистого сердца, чтобы враги, наказанные Божьим судом и этим поражением, оставили свои незаконные помыслы и с Божьей помощью соединились с ними воедино»*¹¹⁷². Другая же часть собравшихся настаивала на дальнейшей вооруженной борьбе с

¹¹⁶⁸ «Lodhuwicus et Karolus conveniunt, deque his omnibus in eodem conventu, quae Lodharius absque quolibet moderamine erga se suosque seviebat dolendo, conferunt». Ibid. S. 21-22.

¹¹⁶⁹ Ibid. S. 22.

¹¹⁷⁰ Ibid. S. 22; там же. С. 117.

¹¹⁷¹ Ibid. S. 28.

¹¹⁷² «...et ut iudicio Dei et hac plaga repressi, ab iniqua cupiditate resipiscerent, et Deo donante deinceps unanimes in vera iustitia devenirent, piis visceribus solito more optabant». Ibid. S. 28; там же. С. 121.

Лотарем¹¹⁷³. Нитхард не поясняет, кто конкретно составлял эту партию. Трудно представить, чтобы за дальнейшую войну стояли представители клира. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в повествовании Нитхарда епископы неизменно играют роль третейских судей, пытающихся примирить враждующие стороны (об этом важном моменте будет сказано нами в дальнейшем, когда речь пойдет о месте епископата в «Историях»). Исходя из этого можно предположить, что на преследовании императора настаивала светская знать, заинтересованная в том, чтобы Карл и Людовик сохранили и, по возможности, преумножили свои владения. Это, учитывая возрастающую роль аристократии, могло укрепить ее положение: короли, видя поддержку своих вассалов, непременно наградят их землями.

Взросшая роль королевского окружения ярко демонстрируется следующими строками. Епископы, вызванные в качестве арбитров в братских спорах, выносят свой вердикт касательно победы Карла и Людовика при Фонтенуа: *«Союзники боролись за право и справедливость и это ясно доказано божьим судом, поэтому и советников и исполнителей нужно принимать за служителей и орудие Господа»*¹¹⁷⁴. В этой фразе «советники» монархов и «исполнители» их воли становятся полноправными соучастниками победы коалиции братьев, теми, на кого также снизошло Божье благоволение, свидетельствующее о правоте дела Карла Лысого и Людовика Немецкого. Нитхард этим как бы отдает дань не только добродетелям королей, но и добродетелям их верных. Монархи и их люди (вассалы, если хотите) становятся в «Историях», в сущности, неотделимыми друг от друга, бок о бок сражаясь за торжество дела младших Каролингов. И даже использование автором абстрактного термина «франки» выдает большую роль королевских приближенных: Нитхард говорит о желании

¹¹⁷³ Ibid. S. 28.

¹¹⁷⁴ «pro sola iustitia et aequitate decertaverint, et hoc Dei iudicio manifestum effectum sit, ac per hoc immunis omnis Dei minister in hoc negotio haberi, tam suasor quam et effector, deberetur; at quicumque consciens sibi aut ira aut odio aut vana gloria, aut certe quolibet vitio, quiddam in hac expeditione suasit vel gessit, esset vere confessus secrete secreti delicti, et secundum modum culpae diiudicaretur». Ibid. S. 28; там же. С. 121.

франков отправить послов в Кьерси для выяснения того, желают ли находящиеся там дворяне присягнуть Карлу. Очевидно, что об этом просил не некий «народ франков», а совершенно конкретные люди, вполне возможно, представители клира.

Другая немаловажная тенденция развития каролингского общества в этот период, которую мы можем проследить в сочинении Нитхарда, это продолжающееся усиление влияния франкского высшего клира – епископата. Как уже было замечено, епископы все больше выступают в роли третейских судей. Выступают они и в роли деятельных советников монархов: после рассказа о совместном с вассалами принятии решения о преследовании Лотаря и о встрече Карла и Людовика, Нитхард сообщает, что короли инспирируют избрание из представителей клира и графов-аббатов «знатных, мудрых и благонамеренных мужей»¹¹⁷⁵, чтобы те представили Лотарю отчет о его преступлениях и стали *«умолять его, чтобы тот, помня о всемогущем Господе, дал мир братьям и всей церкви Божьей»*¹¹⁷⁶. По сути дела, высший клир становится во время «войны братьев» посредником в переговорах между противоборствующими сторонами. В этой связи не случайно упоминание автором об участии в этом посредничестве знатных людей из числа графов-аббатов. К этой находящейся на стыке духовенства и дворянства социальной группе принадлежал сам Нитхард. Не исключено, что он был одним из тех, кто должен был передать требования братьев императору. Это весьма вероятно, особенно учитывая принадлежность Нитхарда к Каролингскому дому. Так или иначе, нам следует ответить на главный вопрос: является ли посредничество клира в династических и иных политических спорах новшеством для политической жизни каролингской эпохи? Безусловно, нет. И папа Адриан и дьякон Алкуин до междоусобицы 840-843 годов и архиепископ Хинкмар после нее будут активными участниками урегулирования отношений между членами Каролингской

¹¹⁷⁵ Ibid. S. 22.

¹¹⁷⁶ «...insuper obsecrant, ut memor sit Dei omnipotentis, et concedat pacem fratribus suis universaeque ecclesiae Dei». Ibid. S. 22; там же. С. 117.

фамилии, а также между Каролингами и другими родами. Однако именно в сочинении Нитхарда франкские епископы столь регулярно привлекаются к совещаниям монархов и их переговорам с соперником в лице Лотаря. Мы уже упоминали о совещании союзников-братьев после битвы при Фонтенуа: именно епископы на этом совещании дают оценку победе Карла и Лотаря. Объявив ее результатом Божьего суда, они тем самым освятили викторию младших Каролингов и дальнейшую борьбу с Лотарем как борьбу за правое дело.

Самый яркий эпизод, высветивший крупную, по сути решающую роль епископата, Нитхард описал в начале последней книги «Историй». Фрагмент, повествующий о совете Карла и Людовика, который они держали после того, как узнали о бегстве Лотаря из Аахена, столь характерен, что стоит привести его полностью: *«Когда Людовик и Карл получили верные известия [о том], что Лотарь покинул свое королевство, они отправились в аахенский дворец, и на следующий день после прибытия совещались, что теперь следует делать с народом и королевством, оставленными их братом. И самым правильным [им] показалось передать это дело епископам и священникам, находившимся там в большом числе. При помощи их совета [они] хотели узнать, как, с божьего соизволения, следует утвердить все свершившееся. И, поскольку это предложение [все] посчитали самым разумным, дело передали духовенству. Епископы проследили все, совершенное Лотарем с самого начала, [а именно], как он изгнал из королевства своего отца, как, пользуясь своей властью, склонял к измене христианский народ, как часто он нарушал клятвы, данные им отцу и братьям, сколько раз после смерти отца он пытался лишить братьев наследства, да и вовсе погубить их, как много убийств, разврата, пожаров и всякого рода постыдных деяний вынесла Церковь Божия вследствие его гнусного корыстолюбия, как мало он показал способности к управлению королевством и как, наконец, в его царствовании нельзя обнаружить ни малейшего следа добродетели. На основании этих причин, говорили они, он*

не незаслуженно, но по справедливому приговору всемогущего Бога должен был уступить сначала поле битвы, а потом и королевство. И все они были единогласны и сошлись на том, что наказание Господне постигло его за собственные грехи и что его королевство по справедливости следует передать его братьям, как более достойным быть государями»¹¹⁷⁷. Как видим, именно епископат дает развернутую оценку действиям императора. По мнению епископов и других представителей клира Лотарь, повинный едва ли не во всех смертных грехах, должен отказаться от земель, пожалованных ему отцом, от верховной власти над Франкской империей. Вердикт епископов фактически предрешает Верденский раздел. Таким образом, именно авторитет высшего клира, авторитет епископата освящает лишение Лотаря реального имперского верховенства над остальными братьями и последовавший за этим раздел Империи. Фактически, на этот акт Карлу и Людовику нужно разрешение епископата, превратившегося в огромную политическую силу. То, апологетом чего десять лет назад выступал Иона Орлеанский, во времена Нитхарда превратилась в политическую реальность: епископат начал принимать ключевые решения, касающиеся будущего франкского мира. Позднее эту данность чётко сформулирует Хинкмар Реймский: без разрешения Церкви монарх не может совершить ни одно свое деяние; решения королевской власти без освящения Церковью не будут законны¹¹⁷⁸. Таким образом, Нитхард отразил в

¹¹⁷⁷ «Usque Lodhuwicus et Karolus Lodharium a regno suo abisse certis indiciis cognovere, Aquis palatium [Aachen], quod tunc sedes prima Franciae erat, petentes; sequenti vero die, quid consultius de populo ac regno a fratre relicto agendum videretur, deliberaturi. Et quidem primum visum est, ut rem ad episcopos sacerdotesque, quorum aderat pars maxima, conferrent, ut illorum consultu, veluti numine divino, harum rerum exordium atque auctoritas proderetur. Et hoc illis, quoniam merito ratum videbatur, commissum. Quibus ab initio gesta Lodharii considerantibus, quomodo patrem suum regno pepulerit, quoties populum christianum periurum sua cupiditate effecerit, quoties idem ipse hoc quod patri fratribusque iuraverat frustraverit, quoties post patris obitum fratres suos exhereditare atque delere temptasset, quot homicidia, adulteria, incendia, omnigenaque facinora universalis ecclesia sua nefandissima cupiditate perpessa sit, insuper autem, neque scientiam gubernandi rem publicam illum habere, nec quoddam vestigium bonae voluntatis in sua gubernatione quemlibet invenire posse, ferebant». Ibid. S. 40; там же. С. 131-132.

¹¹⁷⁸ Hincmar. De Ordine Palatii epistola // Bibliothéque de l'école des hautes études. P., 1885. P. 2-33.

«Историях» серьезные социально-политические сдвиги в каролингском мире: находившаяся в подчиненном положении при Карле Великом Церковь становится более самостоятельной силой в последнее десятилетие Людовика Благочестивого, а в эпоху «войны трех братьев» фактически обретает решающий голос в династических спорах.

Итак, знать и епископат – две силы, уже игравшие серьёзную роль во Франкской империи Людовика Благочестивого - в 840-843 годах ещё более усиливают свои позиции, значимо влияя на правящий дом. И те и другие помогают «правым» - знать и епископат, в основном, на стороне коалиции братьев.

Лотарь же и его вассалы, согласно Нитхарду, в своих поступках являются однозначными рабами пороков. Такое формирование образов справедливого короля и его врага - типичная дихотомия как для труда Нитхарда, так и в целом для каролингской и вообще средневековой литературы. Интересно другое: Нитхард, когда говорит о замыслах Лотаря, не один раз употребляет такие выражения, как «захватить абсолютную власть» (*invadere universum imperium*)¹¹⁷⁹ и «захватить всю империю» (*invader omne imperium*)¹¹⁸⁰. Тот факт, что применяемая Нитхардом античная риторика подразумевала под *imperium* не территорию, а высшую власть, не меняет сути: Лотарь стремился заполучить верховенство над Каролингской семьёй.

Очевидно, что Нитхард намеренно акцентирует внимание читателя на «имперских амбициях» старшего брата, в то время как Карл и Людовик стремятся сохранить лишь свои отдельные королевства, то есть, фактически выступают апологетами раздела 829 года, который устраивал только их двоих и отторгал земли у Лотаря. В этой связи показательным, что Нитхард в

¹¹⁷⁹ Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 13.

¹¹⁸⁰ Ibid. S. 33.

первой книге «Историй» вообще не упомянул *Ordinatio imperii* 817 года, первым разделом королевства назвав раздел после рождения Карла¹¹⁸¹.

Данное умолчание, на наш взгляд, является не только не случайным, но и намеренным, обнажая пристрастность Нитхарда по отношению к Лотарю. Раздел 817 года – единственный, который был полностью выгоден старшему сыну Людовика Благочестивого. Не будет ли более правильным утверждать, что Лотарь стремился вовсе не к «*omne imperium*», а к реставрации порядка 817 года, то есть за свои законные права, дарованные отцом с согласия знати? На этот вопрос крайне сложно дать обоснованный ответ. Но можно предположить, что Лотарю были чужды помыслы о захвате власти во всей огромной империи франков. Еще Карл Великий осознал, что лишь его собственная энергия способна удержать всю Империю в своих руках, поэтому и пошел в конце жизни, в 806 году, на ее раздел. И Лотарь, как и Людовик Благочестивый, вполне мог понимать, что упорядоченный раздел страны при юридическом главенстве старшего из Каролингов является оптимальным вариантом устройства Империи. Такой вариант, когда младшие братья обретут власть над независимыми королевствами, будучи связаны присягой со старшим братом-императором, был предпочтительным не только для Лотаря, но и для Карла, а, значит, и для Нитхарда. Поэтому автор «Историй», вероятно, мог целенаправленно создать миф об «имперских амбициях» Лотаря, чтобы четче провести черту между Карлом, борющимся за свое, законно данное отцом в 829 году королевство, и Лотарем, желающим это королевство отнять и захватить власть во всей обширной Франкской империи. Реальные помыслы и планы Лотаря, скорее всего, навсегда останутся загадкой для нас. Однозначно лишь то, что в сочинении Нитхарда Лотарь выступает сторонником имперского унитаризма, который противопоставляется борьбе Карла и Людовика за отдельные земли, отдельные королевства. Фактически же пропасть, отделяющая Карла Лысого и Лотаря, гораздо глубже: в то время как Лотарь является приверженцем

¹¹⁸¹ Ibid. S. 2.

единой империи, Карл, о чем сторонник идеи «общего дела» Нитхард, разумеется, прямо не говорит, выступает сторонником раздела Империи между тремя братьями. Таким образом, Нитхард умело прикрыл морализаторской ширмой борьбу Карла с Лотарем. Эта ширма - тема битвы добра со злом, добродетели с пороком, в которой первое воплощается в образе Карла, а второе – в образе Лотаря. В действительности же за риторической оболочкой «Историй» скрывается противостояние защищаемых Лотарем старых представлений о единой Империи под властью главы семейства, и нового видения организации каролингского мира – в форме отдельных королевств, возглавляемых живущими в согласии братьями-Каролингами. Защитником последней модели были Карл Лысый и его придворный историограф Нитхард.

Предстоит ответить на другой, не менее важный вопрос: как Нитхард конструирует образ этого противостояния, на какую письменную традицию опирается? Рассуждения Нитхарда на мировоззренческие темы, которых, однако, немного в тексте¹¹⁸², во многом восходят к античной историографической традиции. Влияние римских авторов на творчество Нитхарда активно обсуждалось специалистами по его творчеству¹¹⁸³. Один из них, К. Спригад в своё время занял довольно однозначную позицию: по его мнению, автор «Историй» отстаивал в своем труде античные государственные идеалы¹¹⁸⁴. И хотя такой радикальный взгляд не может быть нами поддержан, влияние античной литературы на труд графа-аббата – факт общепризнанный. Однако действительно ли Нитхард стремился лишь подражать их идеями или использовал античную риторику для отображения реалий своей эпохи?

¹¹⁸² А.И. Сидоров отметил практически полное отсутствие в «Историях» дидактического начала. См.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 187-188.

¹¹⁸³ *Wehlen W.* Geschichtsschreibung und Staatsauffassung in Zeitalter Ludwigs des Frommen. Lubeck, 1970; *Patze H.* Justitia bei Nithard // *Festschrift für Hermann Heimpel*. Bd. 3. Gottingen, 1972. S. 147-165.

¹¹⁸⁴ *Sprigade K.* Zur Berteilung Nithards als Historiker // *Hdj*. Bd. 16. 1972. S. 95, 105.

Представляется верным, что на Нитхарда значительное влияние оказал римский историк времен поздней Республики Гай Саллюстий Крисп (86-34 гг. до н.э.)¹¹⁸⁵. Об этом говорит сходство стиля Нитхарда в некоторых местах его сочинения со стилем Саллюстия. В качестве примера можно привести хотя бы типично моралистское сетование Нитхарда на позор его поколения: *«Если мне стыдно слышать нечто позорное о нашем поколении, то еще более досадно самому писать о том»*¹¹⁸⁶. Упоминания об испорченности нравов своего времени были свойственны Саллюстию. Можно, например, обратиться к его сочинению «О заговоре Катилины», в котором автор сетует на то, что в государственных учреждениях процветают пороки: *«Меня самого, подобно многим, еще совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность»*¹¹⁸⁷. И таких пассажей у римского историка множество. Однако если здесь сравнение может показаться лишь умозрительным, то поражает сходство мотивов написания трудов у Саллюстия и Нитхарда. В начале последней книги каролингский историк сообщает читателю: *«Как я уже сказал, мне следует радоваться не только тому, что я, наконец, имею возможность отдохнуть от трудов над этим*

¹¹⁸⁵ Наиболее вероятный источник вдохновения для Нитхарда – сочинение «О заговоре Катилины». См.: C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. München, 1969. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015). Одним из первых мысль о заимствованиях из Саллюстия, Цицерона и Сенеки высказал К. Спригад. См.: Sprigade K. Zur Berteilung Nithards als Historiker // HdJ. Bd. 16. 1972. S. 102-103.

¹¹⁸⁶ «Quoniam sinistrum me quiddam ex genere nostro ut audiam pudet, referre praesertim quam maxime piget». Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 27; Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 3 // Историки эпохи Каролингов. С. 121.

¹¹⁸⁷ «Sed ego adulescentulus initio, sicuti plerique, studio ad rem publicam latus sum, ibique mihi multa advorsa fuere. nam pro pudore, pro abstinentia, pro virtute audacia, largitio, avaritia vigeabant». [C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015); Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. С. 590.

повествованием, [но и тому], что по причине различных беспокойств я постоянно и серьезно думаю о том, каким образом мне можно было бы совершенно отойти от общественных дел. Но, поскольку судьба то здесь, то там связывает меня со всякого рода заботами, и к моему сожалению вертит мной без сострадания, я не знаю, в какой гавани могу теперь укрыться [от жизненных бурь]. Между тем, коль скоро у меня есть свободное время, почему бы мне, как и было приказано, не изложить письменно воспоминания о деяниях наших государей и их вельмож? Поэтому я и хочу начать четвертую книгу своей истории; и если я в иных делах не смогу быть полезен будущим поколениям, то, по крайней мере, теперь своим трудом рассею перед потомками облако заблуждений»¹¹⁸⁸. В то время как у Саллюстия мы читаем: «И вот, когда мой дух успокоился после многих несчастий и испытаний и я решил прожить остаток жизни вдали от государственных дел, у меня не было намерения ни тратить свой добрый досуг, предаваясь лености и праздности, ни проводить жизнь, усиленно занимаясь земледелием и охотой — обязанностями рабов; нет, вернувшись к тому же начинанию и склонности своей молодости, от которых меня когда-то отвлекло дурное честолюбие, я решил описать по частям деяния римского народа, насколько те или другие из них казались мне достойными упоминания, тем более что духом я был свободен от надежд, страхов и не принадлежал ни к одной из сторон, существовавших в государстве»¹¹⁸⁹. Не

¹¹⁸⁸ «Non solum me, uti praefatum est, ab hoc opere narrationis quiescere delectat, verum etiam, quo ab universa re publica totus secedam, mens variis quaerimoniis referta, assiduis meditationibus anxia versat. Sed quoniam me de rebus universis for-[668]tuna hinc inde iunxit, validisque procellis moerentem vehit, qua portum ferar immo vero penitus ignoro. Interim autem si aliquod tempus otiosum repperero, quid oberit, si, uti iussum est, facta principum procerumque nostrorum stili officio memoriae mandare curabo? Ergo huic rerum operi quarto insistam, et si in ceteris rebus futuris prodesse nequivero, saltem in his erroris nubeculam proprio labore posteris detergam». Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 27; Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 4 // Историки эпохи Каролингов. С. 131.

¹¹⁸⁹ «Igitur ubi animus ex multis miseriis atque periculis requievit et mihi reliquam aetatem a re publica procul habendam decrevi, non fuit consilium socordia atque desidia bonum otium contere, neque vero agrum colundo aut venando, servilibus officiis, intentum aetatem agere; sed a quo incepto studioque me ambitio mala detinuerat, eodem regressus statui res gestas populi Romani carptim, ut quaeque memoria digna videbantur, perscribere, eo magis, quod mihi a spe,

нужно проводить текстологического анализа, чтобы заметить схожесть стиля Нитхарда и Саллюстия. Сравнивая эти отрывки, мы видим, что оба они в конце жизни удалились от государственных дел и пожелали использовать появившееся свободное время для историописания. Саллюстий решил запечатлеть «деяния римского народа», Нитхард – «деяния государей и их вельмож». Для античного историка римский народ во главе с его вождями Цезарем, Катонем и Цицероном, объединившимися против Катилины, был в такой же степени действующим лицом, как для Нитхарда короли, действующие в «Историях» наряду с их вассалами.

Что же касается мысли Нитхарда о «гавани», в которой можно укрыться от «жизненных бурь», она могла быть вдохновлена творчеством Сенеки (4 до н.э. – 65 н.э.)¹¹⁹⁰. Философ-стоик в своем диалоге «О скоротечности жизни», обращаясь к префекту анноны¹¹⁹¹ Паулину, восклицал: *«Так вырвись же наконец из людского водоворота, дразнящий Паулин, возвратись в тихую гавань: тебя и так носило по волнам дольше, чем это подобало бы твоему возрасту. Вспомни, сколько раз тебя застигала в море непогода; сколько домашних гроз пришлось тебе выдержать, сколько общественных бурь ты сам вызвал на себя. Поверь мне, в многочисленных трудах, заботах и тревогах ты вполне доказал уже свою добродетель; пора испытать, чего она стоит на досуге. Пусть большая и лучшая часть жизни отдана государству – но хоть какую-то часть принадлежащего тебе времени возьми себе»*¹¹⁹². Вероятно, что этот страстный и искренний призыв

metu, partibus rei publicae animus liber erat». C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015); Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. С. 590.

¹¹⁹⁰ См.: Sprigade K. Zur Berteilung Nithards als Historiker // HdJ. Bd. 16. 1972. S. 102-103; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 161.

¹¹⁹¹ Чиновник, контролировавший поставки пшеницы в Рим. См.: Словарь Античности / Сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. В.И. Горбушина и др. М., 1989. С. 34.

¹¹⁹² Луций Анней Сенека. О скоротечности жизни // Историко-философский ежегодник '96. М., 1997. URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_senek01.htm (дата обращения: 25.04.2015).

Сенеки был знаком Нитхарду, и благородное стоическое желание посвятить досуг умственному труду каролингский историк сделал мотивом написания своих «Историй».

Желание Нитхарда описать события бесстрастно, так, «как это было на самом деле», «рассеять облако заблуждений» обнаруживает параллели с другим известным римским историком – Публием Корнелием Тацитом (ок. 56-117 н.э.). В своих «Анналах» Тацит, намереваясь описать историю правления династии Юлиев-Клавдиев, убеждает читателя: *«О древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возраставшее пресмыкательство пред ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всесильны, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о principate Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки»*¹¹⁹³. Конечно, апелляция к «беспристрастию» и «правдивости» было свойственно едва ли не всем античным и средневековым историкам. Эта особенность, наряду с изображением современности в преимущественно черных красках, была присуща, в разной степени, таким историкам, как Тит Ливий (59 до н.э. – 17 н.э.)¹¹⁹⁴ и Иосиф Флавий (ок. 37 –

¹¹⁹³ «sed veteris populi Romani prospera vel adversa claris scriptoribus memorata sunt; temporibusque Augusti dicendis non defuere decora ingenia, donec gliscente adulatione deterrentur. Tiberii Gaique et Claudii ac Neronis res florentibus ipsis ob metum falsae, postquam occiderant recentibus odiis compositae sunt. inde consilium mihi pauca de Augusto et extrema tradere, mox Tiberii principatum et cetera, sine ira et studio, quorum causas procul habeo». Cornelius Tacitus. Annales ab excessu divi Augusti / Ed. C.D. Fisher [Электронный ресурс]. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi005> (дата обращения: 26.03.2015); Корнелий Тацит. Анналы // Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993. С. 7.

¹¹⁹⁴ Titus Livius. Ab Urbe Condita // Perseus Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi0914.phi001> (дата обращения: 25.04.2015).

ок. 100 н.э.)¹¹⁹⁵. Однако именно Тацит, бесспорно, оказал влияние на автора «Историй». Доказательством этого может служить то пессимистичное окончание сочинения, в котором Нитхард говорит о вражде, раздорах и преступлениях, имеющих место в его эпоху, в то время как в качестве идеала преподносится правление Карла Великого¹¹⁹⁶. Ностальгия по «золотому веку» характерна для очень многих историков времен принципата, однако акцент на бесчестиях своего времени ярче всего проявился у Тацита: стоит вспомнить хотя бы вступительные главы к его «Историям»¹¹⁹⁷.

Завершая разговор об античных элементах в историописании Нитхарда, следует упомянуть эпизод, описанный графом-аббатом в конце третьей книги, в котором Нитхард дает характеристику личным качествам королей Карла и Людовика: *«Здесь не лишним будет, поскольку вещь это радостная и по праву достойная упоминания, сообщить кое-что о качествах этих королей и об их взаимном согласии. Оба они были среднего роста, красивы собой, в равной степени образованы и ловки во всякого рода телесных упражнениях; оба отважны, щедры, рассудительны и красноречивы, но их священное и достойное уважения единство было выше всех упомянутых добродетелей»*¹¹⁹⁸. Этот пассаж интересен нам с двух разных ракурсов. С одной стороны, мы видим распространенный средневековый прием, когда автор истории или хроники наделяет своих

¹¹⁹⁵ Иосиф Флавий. Иудейская война. Мн., 1991. С. 30-35.

¹¹⁹⁶ Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 49-50.

¹¹⁹⁷ Cornelius Tacitus. Historiarum libri / Ed. C.D. Fisher [Электронный ресурс]. Oxford: Clarendon Press, 1910. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi004> (дата обращения: 25.04.2015).

¹¹⁹⁸ «Hic quoque haud quaquam ab re, quoniam iucunda ac merito notanda videntur, de qualitate horum regum et unanimitate qua interea deguerint, pauca referre libet. Erat quidem utrisque forma mediocris, cum omni decore pulchra et omni exercitio apta; erat uterque audax, largus, prudens pariter et eloquens; omnemque praemissam nobilitatem excedebat fratrum sancta ac veneranda concordia. Nam convivia erant illis pene assidua, et quodcumque pretium habebant, hoc alter alteri perhumane dabat. Una domus erat illis convivii, et una somni; tractabant tam pari consensu communia quam et privata; non quicquam aliud quilibet horum ab altero petebat, nisi quod utile ac congruum illi esse censebat». Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 37-38; Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 3 // Историки эпохи Каролингов. С. 129.

героев не индивидуальными качествами, а типическими чертами, топонимическими эпитетами, шаблонно разграничивающими добро и зло¹¹⁹⁹. Вследствие этого, Карл и Людовик оказываются обладателями одинаковых добродетелей, становясь для Нитхарда средоточием добра в противостоянии с Лотарем, личность которого концентрирует в себе зло. Однако сама идея такого противопоставления двух центральных персонажей повествования главному злодею была подсказана Нитхарду сочинением Саллюстия «О заговоре Катилины». Римский историк заговорщику Катилине противопоставил двух главных, по его мнению, вождей римского народа: Гая Юлия Цезаря и Марка Порция Катона. Характерно, как он описывает их добродетели: *«...на моей памяти выдающейся доблестью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа - Марк Катон и Гай Цезарь. Так как в своем повествовании я столкнулся с ними, то я решил не умалчивать о них, но, насколько позволят мои способности, описать натуру и нравы каждого из них итак, их происхождение, возраст, красноречие были почти равны; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого - по-своему. Цезаря за его благодеяния и щедрость считали великим, за безупречную жизнь - Катона. Первый прославился мягкосердечием и милосердием, второму придавала достоинства его строгость. Цезарь достиг славы, одаривая, помогая, прощая, Катон - не надея на ничем. Один был прибежищем для несчастных, другой - погибелью для дурных. Первого восхваляли за его снисходительность, второго - за его твердость...»*¹²⁰⁰.

¹¹⁹⁹ По этому поводу А.Я. Гуревич верно замечал, что в Средние века «не столько конкретные личности, сколько персонифицированные моральные ценности фигурируют в исторических повествованиях». См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 235.

¹²⁰⁰ «sed memoria mea ingenti virtute, divorsis moribus fuere viri duo, M. Cato et C. Caesar. quos quoniam res obtulerat, silentio praeterire non fuit consilium, quin utriusque naturam et mores, quantum ingenio possum, aperirem. [1] Igitur iis genus, aetas, eloquentia prope aequalia fuere, magnitudo animi par, item gloria, sed alia alii. [2] Caesar beneficiis ac munificentia magnus habebatur, integritate vitae Cato. ille mansuetudine et misericordia clarus factus, huic severitas dignitatem addiderat. [3] Caesar dando, sublevando, ignoscendo, Cato nihil largiundo gloriam adeptus est. in altero miseris perfugium erat, in altero malis perniciēs. illius facilitas, huius constantia laudabatur. [4] postremo Caesar in animum induxerat laborare, vigilare; negotiis amicorum intentus sua negligere, nihil denegare, quod dono dignum esset; sibi magnum

Хотя Саллюстий, в отличие от Нитхарда, наделяет героев индивидуальными чертами, тем не менее, их добродетели подаются как равновеликие. Для того, чтобы лучше увидеть сходство антитез Саллюстия и Нитхарда, посмотрим какими моральными качествами и другими эпитетами наделяются эти авторы своих героев.

В таблице 1 мы видим, что, несмотря на различие характеров Цезаря и Катона, оба они обладают качествами, являющимися, так или иначе, проявлениями основных римских республиканских добродетелей, о которых мы уже говорили в первой главе: набожность (*pietas*), верность (*fides*), серьёзность (*gravitas*) и твёрдость (*constantia*). К ним добавляются, разумеется, позднее популярные уже в эпоху Империи мягкость (*clementia*) и воинские добродетели – более универсальная *virtus* и «более военная» *fortitudo*. Всё перечисленное присутствует у Цезаря и Катона либо в виде идентичных терминов (*constantia* Катона), либо в виде синонимов.

Добродетели Карла и Людовика не копируют терминологически качества Катона и Цезаря, но являются схожими по смыслу (таблица 4). Отметим, что Нитхард, в отличие от Саллюстия, использовал более простые, короткие обороты, нежели античный историк: в описании доблестей королей граф-аббат предпочёл использовать однородные члены (*uterque audax largus*) и функции падежей (*omni decore pulchre – ablatives modi*). Учитывая трудоёмкость работы средневекового книжника, Нитхард, вероятнее всего, стремился использовать наиболее короткие латинские слова, чтобы поскорее закончить труд, требуемый королём.

imperium, exercitum, bellum novum exoptabat, ubi virtus enitescere posset. [5] at Catoni studium modestiae, decoris, sed maxime severitatis erat; [6] non divitiis cum divite neque factione cum factioso, sed cum strenuo virtute, cum modesto pudore, cum innocente abstinentia certabat; esse quam videri bonus malebat: ita, quo minus petebat gloriam, eo magis illum adsequebatur». C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015); Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. С. 602.

Таблица 3. Качества Цезаря и Катона в сочинении Саллюстия «О заговоре Катилины»

Цезарь		Катон	
У обоих – «выдающаяся доблесть» (ingens virtus)			
Рус.	Лат.	Рус.	Лат.
Благодеяния	beneficies	Безупречная жизнь	vita integritate
Щедрость	munificentia	«не наделял ничем»	nihil largiundus
Мягкосердечие, милосердие	mansuetudo, misericordia	Строгость	severitas
Прибежище для несчастных	miseris, perfugium	Погибель для дурных	malis pernicies
Снисходительность	facilitas	Твёрдость	constantia
«за правило – трудиться»	induxerat laborare	Умеренность	modestia
«пренебрегать своими делами ради друзей»	negotiis amicorum intendus sua negligere	Чувство долга (приличие, пристойность)	decor
«желание достичь высшего командования»	magnum imperium	Суровость	severitas
		Честность (безупречность, бескорыстие)	innocentia

Таблица 4. Качества Карла Лысого и Людовика Немецкого в сочинении Нитхарда «Четыре книги историй»

Их доблести - nobliltates	
Рус.	Лат.
«в равной степени образованы и ловки во всякого рода телесных упражнениях»	«omni decore pulchre et omni exercitia apta»
«оба отважны, щедры, рассудительны и красноречивы»	«erat uterque audax largus, prudens partier et eloquens»
Оба монарха составляли «священное и достойное уважения единство»	«sancta ac veneranda concordia» ¹²⁰¹

Таким образом, Нитхард охотно использует моральную характеристику, данную Саллюстием своим главным героям, а также творчески перерабатывает противостояние благородных республиканцев Цезаря и Катона против стремящегося к абсолютной власти порочного Катилины. В повествовании римлянина столь разные вожди - республиканец Катон и будущий диктатор Цезарь - объединяются против Катилины, наделенного всеми пороками своего времени. Схожий антагонизм рисует Нитхард: в образе Лотаря напрашивается явная параллель с образом Катилины, в то время как роли Цезаря и Катона «исполняют» Карл Лысый и Людовик Немецкий. Причем, как Катилина, так и Лотарь, наделены одним и тем же пороком – стремлением к абсолютной власти: первый жаждет стать единоличным диктатором, второй – «захватить всю империю». Нитхард, таким образом, не просто слепо подражает Саллюстию, а использует его систему персонажей и творчески перерабатывает её с целью отображения династических перипетий своего времени. В итоге контуры конфликта между Цезарем и Катоном с одной стороны и Катилиной – с другой, оказались

¹²⁰¹ C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015); Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 1-50.

«наложенными» на реалии «войны братьев». Наполняя риторическую «форму» Саллюстия собственным содержанием, раскрывающим острый конфликт внутри правящей фамилии, Нитхард помещает противостояние братьев в контекст эпохи начала 840-х годов, ознаменовавшееся политическими коллизиями и социальными сдвигами.

Подводя итоги рассмотрению сочинения Нитхарда, мы можем сделать несколько основных выводов.

Несмотря на то, что Нитхард писал свой труд с целью оправдания действий своего государя - Карла Лысого - в «войне братьев», образ этого монарха крайне плохо уловим. Нитхард, не ставивший в своём труде дидактические цели, не только не предписывает Карлу определённые обязанности и показывает их блестящее исполнение, но и лишает своего патрона каких-то отличительных черт и качеств. Подсказанные античной риторикой отвага, щедрость, рассудительность и красноречие – всё это присуще и союзнику Карла Людовику. Карл и Людовик – главные действующие лица «Историй» - не только неразлучны, но и неотделимы друг от друга. Однако в сюжете сочинения их образы практически неразличимы.

Тем не менее, Нитхарду не удаётся скрыть свои взгляды на королевскую власть и будущее Империи. По динамике сюжета, смысловым акцентам и оценкам, который даёт автор поступкам своих героев, мы видим, что же ценит в Карле Лысом Нитхард. Это – прямота, решительность, стремление сражаться с врагом лицом к лицу, но, одновременно, умение договариваться, слушать советы и, конечно, неизменно стремиться к миру и согласию между братьями¹²⁰². Всё это – ожидаемые каролингской интеллектуальной элитой качества монарха новой эпохи, когда единство

¹²⁰² Нитхард прямо говорит о Карле как стороннике мира и братского согласия: «Он желал бы жить в мире и согласии и видел в этом лучшее для себя и своих сторонников, а потому хотел бы сохранить мир»; «Cederent undique paci atque concordiae, et hoc se sua suorumque ex parte ratum videre, ac per hoc conservare velle, mandavit». Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ. S. 14; Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 2 // Историки эпохи Каролингов. С. 108.

внутри правящей фамилии исчезло, Империя распадалась, а церковь и аристократия стали силами, без участия которых невозможны уже ключевые действия королевской власти. Обладая перечисленными добродетелями, Карл и Людовик способны достичь своей цели – закрепить раздробление Империи и равное положение всех трёх братьев, включая их главного противника – «коварного» Лотаря. Их напор не прошёл бесследно: Империя была поделена в 843 году в Вердене.

Человек в большей степени светский, чем церковный, Нитхард не стал размышлять на тему того, чьё дело – братьев или Лотаря – освящено Богом, кто из трёх королей более благочестив и кого из них «подсуживает» дьявол на дурные дела. Нитхард предпочёл осмыслить противостояние трёх братьев с точки зрения античной риторики, в частности, воспользоваться яркой системой образов, созданной Саллюстием в книге «О заговоре Катилины». Карл, Людовик и Лотарь прекрасно «исполнили роли» выдающихся мужей римской истории – Цезаря, Катона и Катилины. В изображении Нитхарда в лице Карла и Людовика с одной стороны и Лотаря с другой, непримиримо столкнулись добродетели древности со столь же древними, много старше христианства, пороками. Со времён Кассиодора, наверное, ни один средневековый писатель не подвергал такой искусной обработке в духе римской литературы современный ему материал.

Однако неверно было бы утверждать, что Нитхард «с головой» ушёл в Античность, в римскую систему ценностей, а о своей эпохе рассказать не стремился. Взяв за образец античные приемы отображения действительности, Нитхард оставался при этом историком каролингской эпохи, поднимая мировоззренческие проблемы *своего* времени, отражая политические и социальные реалии *своей* эпохи. Распад Империи, не имевшей теперь ни политической почвы, ни морального оправдания, кровавая смута внутри Каролингской семьи, возвышение знати и епископата и, наконец, явное ослабление королевской власти – всё это отражено в «Историях», даже если Нитхард и не ставил целью повествовать об этом.

Историзм является одним из важнейших принципов данного исследования, однако нельзя не заметить: античным языком Нитхард фактически рассказал об эпохе становления феодального общества, по сути дела разорвавшего раннесредневековую империю Каролингов на части. Тот факт, что точка зрения старой историографии о противоречии между наступавшим «феодальным партикуляризмом» и устройством единой Франкской империи в настоящая время отброшена, не отменяет одного: в тот момент, когда знать стала самодостаточной силой с правом голоса при принятии важнейших решений, а церковь, также превращавшаяся в крупного землевладельца, стала мыслить королей как своих слуг, мировая Империя Каролингов стала невозможной. В этом контексте ценность «Историй» Нитхарда, запечатлевших этот переломный момент, невозможно переоценить.

Новая эпоха требовала от франкских монархов нового образа действий, а значит, творцам «каролингского ренессанса», всё более становившегося подлинным возрождением Античности, требовалось радикально переосмыслить роль монарха в обществе и попытаться сконструировать новый образ власти. Однако после смерти Нитхарда франкская литература скудеет: замирают жанры «биографии» и «истории», практически перестают создаваться королевские зеркала. Всё более беспокойно становится во владениях Каролингов, на которые, вскоре после написания «Четырёх книг историй», обрушивается ярость норманнов. Трагическая символичность заключается в том, что непревзойдённый Нитхард, возможно, погиб именно во время осады скандинавами монастыря Сен-Рикье в 845 году.

Тем не менее, как уже было сказано, наступивший хаос отнюдь не означал, что каролингские интеллектуалы не попытаются по-новому осмыслить миссию монарха.

5.3. Образ правителя в каролингской анналистике 870-880-х годов

В условиях очевидного кризиса каролингской цивилизации и «замирания» жанров франкской литературы, сыгравших наибольшую роль в создании образа правителя – биографий, зеркал и историй, единственными свидетелями деяний франкских государей явились каролингские анналисты. Попыткой увидеть в их скурых сообщениях очертания образа правителя, поставив его в контекст динамики развития каролингской концепции власти, является данная часть нашей работы.

Какое место в динамике развития каролингского образа власти занимают портреты монархов второй половины IX века? И правомерно ли вообще говорить о существовании подобных «портретов» в указанный отрезок франкской истории? Ведь заметное ослабление власти каролингских правителей во второй половине IX века должно было повлиять на представление о них в глазах интеллектуальной элиты франкского мира. Как уже было замечено выше, преемники последнего «общефранкского» императора Людовика Благочестивого короли Карл Лысый и Людовик Немецкий в течение своих продолжительных царствований вынуждены были решать куда менее возвышенные задачи, чем их предшественники: поиск компромисса с усиливающейся аристократией и денежных средств для того, чтобы откупиться от норманнов, регулярно вторгавшихся на территорию франкских королевств, стали главными направлениями деятельности внуков Карла Великого¹²⁰³. Сопровождающая данный исторический контекст скудость повествовательных источников будто бы вселяет в нас убежденность: реалии второй половины IX века лишили франкских

¹²⁰³ Подробнее см.: *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris, 2012; *Nelson J.* Charles the Bald. London, 1992; *Teiġ J.* История Франции / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой. Т. 2. М., 1993; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 110–141; *Laudage J., Hageneier L. und Leiverkus Y.* Die Zeit der Karolinger. Darmstadt, 2006; *Becher M.* Merowinger und Karolinger. Darmstadt, 2009. *Hack A.T.* Alter, Krankheit, Tod und Herrschaft im frühen Mittelalter. Das Beispiel der Karolinger. Stuttgart, 2009; *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. München, 2011; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. N. Y., 2011; *Uhl K.* Die Karolinger. Herrscher und Reich. München, 2014.

интеллектуалов потребности создавать яркие жизнеописания – за неимением перед их глазами по-настоящему ярких монархов. Следовательно, вопрос о «наличии или отсутствии» образов власти каролингских монархов во второй половине IX века оказался закрыт: их попросту не было. Эта своего рода «историческая иллюзия» обусловила пониженный интерес у историков к образам власти и вообще политической теологии второй половины IX века. Такие исследователи княжеских зеркал и средневекового образа власти в целом, как В. Бергес и Х.Х. Антон, временем складывания и развития каролингского образа власти считали правление первых двух Каролингов, когда, по их мнению, сложился образ христианского государя¹²⁰⁴. Между тем концепция и образ власти и, тем более, образ монарха, существовавшие, пусть и в слабо оформленном состоянии, во второй половине IX века, оказались за пределами внимания исследователей¹²⁰⁵.

Подобное положение вещей представляется не вполне справедливым, поскольку именно в указанный период рождённые каролингской цивилизацией монархия (хотя и в её уже локальных, западно- и восточно-франкском вариантах) и представления о власти подверглись серьёзным испытаниям в виде внутридинастических столкновений, усиления роли знати в делах королевств и нападений скандинавов. Поэтому проследить рефлексию франкских писателей на данные катаклизмы, сравнить их взгляды на власть со взглядами каролингских идеологов, живших во времена триумфов Империи, представляется задачей крайне интересной.

Реконструкция представлений о власти во франкском мире второй половины IX века становится особенно актуальной, если заметить, что в истории изучения эволюции раннесредневековых представлений о власти

¹²⁰⁴ См.: *Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart, 1952; *Anton H.H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006. См. также: *Mohr W.* Die Karolingische Reichsidee. Münster, 1962.

¹²⁰⁵ Некоторые сведения об отражении во франкской анналистике второй половины IX века образов монархов из династии Каролингов можно найти в диссертационном исследовании А.И. Сидорова. См.: *Сидоров А.И.* Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X в.). С. 25-26.

между эпохой Карла Великого и периодом правления династии Оттонов образовался определённый пробел¹²⁰⁶, включающий как раз вторую половину IX столетия. Однако, учитывая насыщенность данный временной отрезок различными политическими и церковными перипетиями, в качестве объекта исследования мы выберем ключевые события 870-880-х годов, а именно, коронацию Карла Лысого императорской короной в 875 году и призвание императора Карла III Толстого на царство в Западно-франкское королевство в 884-885 годах¹²⁰⁷, сведения о которых донесли до нас каролингские хроники.

В нашем распоряжении всего три памятника – Бертинские, Фульдские и Ведастинские анналы. Причём лишь хроника Фульдского монастыря написана в восточной части франкского мира, в то время как западно-франкская летопись, написанная в Сен-Бертенском монастыре, обрывается 882 годом (смерть Хинкмара, автора последней части Бертинских анналов).

Нашим первым сюжетом, как и было оговорено вначале, будет имперская коронация Карла Лысого.

Обретение королём западных франков Карлом Лысым (843-877 гг.) императорской короны в соборе св. Петра в 875 году было подготовлено всем его предшествующим правлением. Уже к 870 году Карл Лысый – на

¹²⁰⁶ Так, отечественный исследователь истории Священной Римской империи В.Д. Балакин рассматривал концепцию императорской власти в период от Каролингов до Оттонов с точки зрения борьбы двух вариантов имперской идеи: «аахенской» и «римской», не затрагивая образы власти отдельных королей второй половины IX века. См.: *Балакин В.Д. Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репниной и В.И. Уколовой. Вып. 2. М., 2000. С. 27-35.*

¹²⁰⁷ Интересна оценка этой череды событий в историографии: ведущие французские историки, под чьим пристальным вниманием находилась политическая история второй половины IX века, когда, по их мнению, родилось Французское королевство (классический пример такого взгляда можно найти в работах Ф. Лота. См.: *Lot. F. La France des origines a la guerre de cent ans. Paris, 1941; Lot. F. Naissance de la France. Paris, 1948*), характеризовали события 875 и 884 годов как объединение франкских земель. Анализируя события 875 года, Л. Тейс назвал Карла, ни много, ни мало «воскресшим Карлом Великим». См.: *Тейс Л. История Франции. С. 57. Ж. Ле Гофф, комментируя призвание Карла Толстого, замечает, что «единство империи оказалось как будто на какое-то время восстановленным». См.: *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. М., 1992. С. 49.**

вершине могущества. Поставив под контроль часть Прованса, Аквитанию и Лотарингию¹²⁰⁸, временно усмирив Бретань и получив в союзники Бургундию, король западных франков превратился в самого могущественного человека в Каролингской семье. И на этом фоне, в 875 году умирает бездетный император Людовик II (855-875 гг.). Папа Иоанн VIII (872-882 гг.) провозглашает императором Карла¹²⁰⁹, который отправляется в Италию, чтобы завладеть короной Карла Великого. Его пытается перехватить Карломан, сын Людовика Немецкого, но оказывается бит в сражении зятем Карла Лысого Бозоном (герцог Прованса в 875-879 гг.). Тем временем Карл, поддержанный крупнейшими магнатами Итальянского королевства¹²¹⁰, 17 декабря вступает в Рим и 25 декабря 875 года коронуется императором Запада. Этим актом франкские и итальянские земли впервые с 843 года объединились под одним скипетром. В августе 876 умирает Людовик Немецкий, и Карл получает уникальный шанс, вступив в Аахен, в полном объёме восстановить державу деда. Но ни западно-франкские вассалы, ни Хинкмар Реймский вместе с остальными епископами не поддержали итальянское предприятие Карла: весьма вероятно, что франкское дворянство и клир представляли Карла, прежде всего, королём западных франков, хранителем социального консенсуса и защитником от норманнов. Карл же расточал силы на защиту Италии и папы от арабов, что не помешало ему 14 июня 877 в Кьерси потребовать повиновения от своих вассалов. В итоге, не добившись от них почти никаких уступок, Карл отправился в Италию, на пути в которую умер 7 октября 877 г.¹²¹¹

Имперская коронация Карла Лысого отражена лишь в двух хрониках: Бертинской и Фульдской. Проводя текстуальное сравнение записей за 875 год в Бертинских и Фульдских анналах, исследователь сразу вынужден

¹²⁰⁸ Как заметил Л. Тейс, «его стремлением было захватить любой становящийся доступным кусочек Франкского королевства». См.: *Тейс Л.* История Франции. С. 52.

¹²⁰⁹ Там же. С. 56.

¹²¹⁰ *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. V. 2: с. 700 – с. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 126.

¹²¹¹ *Тейс Л.* История Франции. С. 58.

признать: по набору фактов они сходны практически в деталях. По структуре две эти записи представляют собой заурядные хроникальные сообщения об ассамблеях, праздниках и походах королей (то есть не представляют, на первый взгляд, никакого интереса для исследователя образа власти). Если кратко передать содержание обеих записей, получается следующая картина событий: согласно Сен-Бертенским анналам Карл Лысый в начале года отпраздновал пасху в Сен-Дени, перед этим потеряв ребенка, который у его жены Рихильды родился недоношенным, затем в августе в местечке Дукиак, что близ Арденнского леса, король получил известие о смерти императора Людовика II¹²¹². Между тем, в мае Людовик Немецкий дважды держал совет со знатью в Трибуре¹²¹³. После того как Карл узнал о смерти племянника-кесаря, отослав жену в Сильвак, а сына (Людовика Заику) – в Лотарингию, он отправился в Италию¹²¹⁴. Людовик Немецкий же бросил против него своего младшего сына Карла (будущего Карла III по прозвищу Толстый), но король западных франков вынудил его спастись бегством¹²¹⁵. Поэтому Людовик послал против Карла другого сына, старшего Карломана, но тот, также поняв, что силы не равны, начал мирные переговоры с Карлом; соглашение, к которому они пришли, было подтверждено взаимной клятвой¹²¹⁶. Людовик Немецкий, по наущению бывшего казначея Карла Лысого Ангильрама, вторгся в Западню Франкию, дойдя вплоть до Аттиньи, затем отправился назад, во Франкфурт¹²¹⁷. В то время как Карл, найдя сторонников в Италии из графов, по приглашению папы Иоанна VIII прибыл в Рим, где был коронован понтификом как император и август¹²¹⁸. Согласно же хронике Фульдского монастыря, Людовик Немецкий, отпраздновав Пасху

¹²¹² *Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. 126.*

¹²¹³ *Ibid. S. 126.*

¹²¹⁴ *Ibid. S. 127.*

¹²¹⁵ *Ibid. S. 127.*

¹²¹⁶ *Ibid. S. 127.*

¹²¹⁷ *Ibid. S. 127.*

¹²¹⁸ *Ibid. S. 127.*

во Франкфурте, отправился в Баварию навестить жену¹²¹⁹ (вероятно, тяжело больную, так как Бертинские анналы сообщают о смерти супруги Людовика Эммы в Регенсбурге в конце года¹²²⁰). Далее идет сообщение о некой большой распре между франками и саксами, которую с честью прекратил средний сын короля Людовик Младший¹²²¹. Затем летописец Мегинхард совершает длинное отступление про яркую комету, ставшую дурным знаком, поданным из-за грехов народа, о скорби, которая за этим последовала¹²²², о затоплении разливом реки, а затем ливнем виллы Асгабрунн и гибели десятков людей во время этих происшествий¹²²³. Вслед за подробностями потопа Мегинхард рассказывает о войне Карломана и Карла, последовавшей после ассамблеи Людовика, проведенной в августе в местечке Трибур¹²²⁴. Примечательно, что в этом фрагменте мы находим единственное, но как увидим позднее, существенное расхождение с Бертинскими анналами: Карломан не отступает в страхе перед Карлом; напротив, Карл Лысый, боясь решить дело войной, подкупает Карломана и дает ему лживые обещания уйти из Италии в случае примирения. Вслед за этим Карл нарушает клятву, вступает в Рим, где обольщает римский народ деньгами и получает императорский венец от папы Иоанна¹²²⁵.

Когда мы говорим об имперской коронации Карла Лысого в 875 году, то в уме всегда должна возникать коронация Карла Великого как событие, ставшее первым в истории Средних веков прецедентом *renovatio imperii Romani*. После 25 декабря 800 года коронация внука Карла Великого

¹²¹⁹ *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 83.*

¹²²⁰ *Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. 127.*

¹²²¹ *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 83.*

¹²²² *Ibid. S. 83.*

¹²²³ *Ibid. S. 84.*

¹²²⁴ *Ibid. S. 84-85.*

¹²²⁵ *Ibid. S. 85.*

является второй по исторической значимости имперской коронацией франкского короля папой римским (если не считать помазание Людовика Благочестивого Стефаном IV в 816 году, не имевшее существенного значения). События как 800, так и 875 года получили освещение в анналах, поэтому, при рассмотрении записи Бертинской летописи напрашивается параллель с их непосредственным предшественником – Анналами королевства франков¹²²⁶.

Если судить по сегодняшнему состоянию дискуссии о причинах коронации 800 года¹²²⁷, приходится констатировать, что реальные мотивы принятия Карлом Великим императорского титула до сих пор не до конца понятны. Поэтому нам достаточно сложно судить о том, насколько политически ангажирован рассказ Больших Анналов о событиях за 799-801 годы. Отсюда проистекает трудность сравнения этого рассказа с сообщением Бертинских анналов за 875-876 годы. Одну деталь, однако, невозможно не принять во внимание: Анналы королевства франков подробно расписывают непосредственную причину римского визита Карла Великого. История зложключений папы Льва III и участия короля Карла в их разрешении описана детально и обстоятельно¹²²⁸. То есть, Анналы королевства франков указали, по крайней мере, повод, по которому Карл Великий появился в Риме, а затем, в благодарность за помощь понтифику, получил императорский венец. В Бертинских анналах, напротив, мы не найдем каких-либо непосредственных причин, хотя бы каких-то осмысленных мотивов борьбы Карла Лысого за императорский титул. Причина, по сути, одна: смерть императора Людовика II; строки из хроники говорят нам следующее: *«Карл в августе в Дукиак, что расположен вдоль Арденн, пришел; где, получив надежные вести, он узнал, что племянник его Людовик, император Италии, умер. Поэтому, вскоре*

¹²²⁶ Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi // MGH. SS rer. Germ. Hannoverae, 1895.

¹²²⁷ Подробнее см. в параграфах 3.4 и 6.2.

¹²²⁸ Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 106-112.

двинувшись оттуда, он пришел в Понтьон и кого смог из своих советников оповестить о свое прибытии, пригласил к себе и всех, кто его приглашение принял, встретил. И оттуда в Лангр он пришел и тех, кого другим образом в Италию наметил повести, собрал; и вот Рихильду, жену свою, через город Реймс в Сильвак отослав и сына Людовика направив в ту часть своего королевства, которую после смерти его племянника Лотаря вместо своего брата получил, в сентябрьские календы начал свой путь и, через монастырь святого Маврикия пройдя, миновав гору Юпитера, вступил в Италию»¹²²⁹.

Тем не менее, исходя лишь из одной бездетности упомянутого племянника Карла Лысого, права последнего на диадему цезарей весьма сомнительны: согласно существовавшим в то время франкским традициям реальные права на императорскую корону имел не он, а Людовик Немецкий как старший среди Каролингов. Этот традиционный франкский способ наследования означает, что мы не можем признать за причину появления Карла в Риме то, что нам преподносят в качестве таковой Бертинские анналы. И как мы убедимся далее, сомнителен сам поиск такой причины.

Если же верить анналисту Фульдского монастыря Мегинхарду, то мотивы Карла Лысого и его «коронации» достаточно тривиальны.

Оговоримся, что при рассмотрении взгляда восточно-франкской хроники на события 875 года, мы должны принять во внимание один очень важный момент. В сообщении Фульдских анналов за 840 год есть строки, которые, вероятно, отражают позицию восточной ветви Каролингов по отношению к императорскому титулу: *«Лотаря, который позднее прибыл из Италии, франки на место отца его поставили следующим королем. Они*

¹²²⁹ «Karolus mense Augusto ad Duciacum secus Arduennam pervenit; ubi certo nuntio, Hludowicum nepotem suum Italiae imperatorem obisse, comperit . Quapropter mox inde movens, ad Pontigonem pervenit et quoscumque potuit de vicinis suis consiliariis obviam sibi venire praecepit et a quibuscum que valuit suppetias in itinere suo accepit. Et inde Lingonas pervenit et eos quos secum in Italia ducere praedestinavit operuit; sicque civitatem Remis ad Silvaccum remittens , et filium suum Hludowicum in partem regni , quam post obitum Hlotharii nepotis sui contra fratrem suum accepit , dirigens, Kalendis Septembribus a iter suum incoepit, et per Sancti Mauricii monasterium pergens, montem Iovis transiit et Italiam ingressus fuit». Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. 126-127.

говорили, что умирающий император сам указал, чтобы после него Лотарь встал у кормила власти, поэтому он отослал ему королевские регалии, а именно, императорский скипетр и корону» (*«Hlutharium vero de Italia venientem Franci loco patris eius super se regnaturum accipiunt. Hunc enim, ferunt imperatorem morientam designasse, ut post se regni gubernacula suscepiret, missis et insigniis regalibus, hoc est sceptro imperii et corona»*)¹²³⁰. И хотя далее следует утверждение анналиста, согласно которому братья Лотаря (стало быть, Людовик Немецкий – в первую очередь) были не согласны с этим и готовились к войне, можно принять в качестве исходного тезиса, что среди Каролингов существовала некая негласная традиция (восходящая, надо полагать, к Верденскому соглашению), в соответствии с которой именно потомки Лотаря являются законными обладателями императорского титула (поскольку сам Лотарь I был сделан таковым франкским народом и согласно воле Людовика Благочестивого). В непредвиденной же ситуации прерывания этой родовой ветви, потомки Людовика, следующего по старшинству, имели полное право на корону Карла Великого.

Так что же двигало, согласно Фульдским анналам, Карлом Лысым? Мегинхард сообщает нам следующее: *«В августе король Людовик с сыновьями и своими верными имел совет на вилле в Трибуре. Между тем Людовик, император Италии, чье тело было перевезено в Милан, в базилике святого Амвросия был погребен. Когда Карл, тиран Галлии, осведомился об этом, он вторгся в Итальянское королевство и все сокровища, которые смог найти, собрал в свои когтистые руки»* (*«Mense Augusto rex Hludovicus cum filiis et fidelibus suis cooquium habuit in villa Tribure. Interea Hludovicus Italiae imperator, cuius corpus translatus Mediolani in basilica sancti ambrosii sepultus est. Quod cum Karolus Galliae tyrannus comperisset, ilico regnum*

¹²³⁰ Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 31. Использован перевод А. Кулакова. См.: Фульдские анналы / Пер. с нем. А. Кулакова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frameset1.htm (дата обращения: 26.04.2015).

Italiae invasit et omnes thesaurus, quos invenire potuit, unca manu collegit»¹²³¹.

Этот пассаж очень интересен: Мегинхард рисует нам Карла Лысого как тирана и захватчика. Термин «тиран» имеет античное происхождение, и его употребление анналистом много говорит о видении автором Фульдских анналов природы власти и стремлений Карла Лысого.

Тираном в Древней Греции называли не просто жестокого и деспотического абсолютного правителя: согласно древнегреческим представлениям, тираном являлся правитель, который получил власть не по закону и не по наследству. Греческие слова «тирания» (τυραννίς) и «тиран» (τύραννος), скорее всего, лидийского или фригийского происхождения, впервые встречаются у поэта Архилоха (до 680 – 640 гг. до н.э.). В основе этого понятия, согласно греческому мировоззрению Архаической эпохи, лежит незаконное происхождение власти. Тиран, таким образом, - это человек, силой или хитростью захвативший власть, которая ему не принадлежит по праву. Аристотель (384-322 гг. до н.э.) также видел в тиранах тех людей, которые стремятся не к общему благу, а к личной выгоде. В Древнем Риме слово «тиран» приобрело прежде всего антиреспубликанскую окраску: тираном называли политического деятеля, стремившегося уничтожить республику, подменив ее единоличной диктатурой¹²³².

Греко-римское видение тирании унаследовало и Средневековье, поэтому Мегинхард, называя Карла Лысого тираном, преследовал очевидную цель: подчеркнуть незаконность его власти. Этим автор Фульдских анналов наносил «двойной удар» по Карлу: он характеризовал как незаконные права Карла Лысого и на власть над Западно-франкским королевством, и на императорскую корону. Античный метод характеристики природы власти,

¹²³¹ Ibid. S. 84.

¹²³² Бузескул В. Тирания и тираны в Древней Греции // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Т. 33. СПб., 1901. С. 92; Tyrann // Deutsche Enzyklopaedie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enzyklo.de/suche.php?woord=Tyrann> (дата обращения: 26.04.2015).

использованный Мегинхардом, превратил сообщение анналов в филиппику против короля западных франков. Использование Мегинхардом распространённого в античной литературе риторического приема несомненно доказывает знакомство анналиста с античными историческими трудами. Сверх того, Мегинхард применяет римские нравственные критерии к моральному облику короля западных франков: Карл сребролюбив и, к тому же, не отличается храбростью¹²³³. Беззастенчиво грабящий Италию, Карл, опасаясь сражения с Карломаном, подкупает его деньгами и драгоценностями: *«Карл, после того как была услышана правда о Карломане, придя в Италию, сперва старался закрыть альпийские перевалы, но ничего не добился; ибо Карломан со своими людьми при своем приближении заранее занял трудные места. Там же, между тем, он побоялся решить дело войной – это было искусной уловкой – и обратился к обычной хитрости; дело в том, что он предложил Карломану несметное число золота, серебра и драгоценных камней, чтобы задобрить его и отвратить от преданности отцу, и поклялся вскоре уйти из Италии и из разумности сохранить в порядке королевство своего брата Людовика, если Карломан после этого прекратит войну с ним»*¹²³⁴. Но и этого далеко не все штрихи к нелюбимому портрету «тирана Галлии»: Карл Лысый в итоге обманывает Карломана и спешит в Рим¹²³⁵.

Теперь стоит обратиться к отражению в Бертинских и Фульдских анналах непосредственно самой коронации Карла Лысого 25 декабря 875 года. Сен-Бертенская летопись содержит следующую запись: *«Карл, в то*

¹²³³ Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 84-85.

¹²³⁴ «Karolus vero audito Karlmanni adventu in Italiam primo clusis c Alpium se defendere nititur, sed nihil proficit; Karlmannus enim loca accessu difficilia cum suis praeoccupavit. Ille autem, dum negotium ferro decernendum timuisset, est enim lepore timidior, ad calliditatem solitam convertitur; nam aurum et argentum gemmasque preciosas infinitae multitudinis Karlmanno obtulit, ut eum sibi placare et a paterna fidelitate segregare potuisset, iuravitque se de Italia cito exiturum et Hludowici fratris sui iudicio illud regnum disponendum reservaturum, si Karlmannus inde discederet». Ibid. 85.

¹²³⁵ Ibid. 85.

время как те же из знатнейших из Италии к нему не пришли, после того же, как еще больше было принято им, по приглашению папы Иоанна отправился дальше в Рим и за 16 дней до январских календ с великой славой принятый в церкви Святого Петра, в день Рождества Господня блаженному Петру многочисленные и богатые дары пожертвовав, императором был помазан и коронован, и объявлен императором римлян»¹²³⁶. Для сравнения сразу же приведем фрагмент из Фульдских анналов: *«В то время как Карл отступил, а Карломан поверил тем обещаниям, которые тот ему посулил, он обманул его и настолько быстро, насколько мог, отправился в Рим; и весь сенат римского народа своевольно обольстил «югуртинскими» деньгами и сплотил для своих целей; так, что даже папа Иоанн, изъявляя согласие с его стремлениями, после того как венец был возложен на голову Карла, велел называть его императором и августом»*¹²³⁷.

Текст восточной хроники не вызывает удивления: Карл выступает в нем не только лжецом, но и мастером подкупа. Подобно Югурте, заплатившему баснословную сумму римским сенаторам за то, чтобы они не предавали его суду за убийство собственных племянников¹²³⁸, король западных франков покупает расположение сената и народа «вечного города», а затем получает от капитулировавшего папы диадему. Этот эпизод, своими корнями восходящий к «Югуртинской войне» Гая Саллюстия Криспа (86 –

¹²³⁶ «Karolus , quibusdam de primoribus ex Italia ad se non venientibus, pluribus autem receptis, Romam invitante papa Iohanne perrexit, et 16. Kalendas Ianuarii ab eo cum gloria magna in ecclesia sancti Petri susceptus, in die nativitatis Domini beato Petro multa et pretiosa munera offerens , in imperatorem unctus et coronatus atque imperator Romanorum appellatus est». Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. SS rer. Germ. S. 127.

¹²³⁷ «Quo inde discedente et promissionibus eius o credente ille, quaecumque pollicitus est, mentitur et, quanta potuit velocitate, Romam profectus est; omnemque senatum populi Romani pecunia more Iugurthino corrumpit sibi sociavit; ita ut etiam Iohannes papa votis eius annuens corona capiti eius inposita eum imperatorem et augustum appellare praecepisset». Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 85.

¹²³⁸ Sallust. The Jugurthine War / Rev. M.A. John Selby Watson [Электронный ресурс]. New York; London: Harper & Brothers, 1899. URL: <http://www.perseus.tufts.edu> (дата обращения: 26.04.2015)

35 или 34 до н.э.), лишний раз доказывает, что именно античные методы интерпретации действительности стали оружием анналиста.

Сообщение же Бертинских анналов о коронации Карла Лысого – яркий пример внешней бесстрастности многих средневековых анналистов. Фактически это – сухое упоминание визита в Рим, приношения даров Святому Петру и получения императорского венца из рук папы. Единственное яркое наречие – «с великой славой» – оказывается обычным риторическим приемом. В чем причина такого равнодушия западно-франкского анналиста к столь знаковому событию, в центре которого оказался его господин? Ответ на этот вопрос – в личности самого летописца. Если желчь Мегинхарда, соединенная с его знанием античной литературы, объясняется политической заостренностью Фульдских анналов, то сухость слога Хинкмара объясняется его полным равнодушием, если не неприятием события 25 декабря 875 года. Причина такого отношения заключается в том, что Хинкмар Реймский видел воплощение высшей власти церкви не в папском престоле, а в галло-франкском епископате, главой которой являлся он сам¹²³⁹. И получение Карлом императорского титула из рук римского понтифика, которое, как и в 800 году, значительно возвышало значение последнего, наносило лишь вред духовому и политическому авторитету реймского архиепископа, противоречило его стремлению к реализации идеи епископской теократии – идеи служения западно-франкского короля галло-франкской церкви.

Таким образом, очевидно, что не только и не столько географическое положение того или иного центра анналистики¹²⁴⁰ влияло на восприятие

¹²³⁹ См.: Hincmar. De Ordine Palatii epistola // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. Paris, 1885. P. 2-97; см. также: Prou M. Introduction // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P.: F. Wieweg, libraire-editeur, 1885. P. I-XLI; Kirsch J.P. Hincmar (1910) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (05.06.2015). The Cambridge history of medieval political thought c. 350 – c. 1450. / Ed. by J. H. Burns; Lepree J. F. Sources of spirituality and Carolingian exegetical tradition.

¹²⁴⁰ Местоположение того или иного центра анналистики зачастую нивелировались тем фактом, что монастыри обменивались анналами для проверки и дополнения записей, что

франкскими летописцами событий 875 года. И если отмеченная ригоризмом позиция Мегинхарда, скорее всего, является следствием именно того, что этот анналист свою жизнь провёл в находящемся под защитой Людовика Немецкого Фульдском монастыре и был, кроме всего прочего, приближен к королевской канцелярии, то Хинкмар намеренно не придал значения имперской коронации Карла Лысого, поскольку она не вписывалась в его политико-теологические построения.

В 882 году жизнь выдающегося реймского архиепископа прервалась, как и повествование Бертинских анналов. Наиболее известными анналами в западной части франкского мира стали анналы монастыря Сен-Васт во Фландрии, в то время как Мегинхард будет продолжать Фульдскую летопись до самой своей смерти в 901 году. Авторы обеих хроник работали пером в весьма непростой династической ситуации: на рубеже 70-х – 80-х годов IX столетия, не оставив наследников, ушли из жизни сразу три представителя Каролингской фамилии – король Италии Карломан (877-879 гг.), король восточных франков Людовик III (876-882 гг.) и его тезка из западной ветви Каролингского дома Людовик (879-882 гг.), получивший в истории тот же порядковый номер. В конце 884 года на охоте погиб второй правитель Западно-франкского королевства Карломан (879-884 гг.). К тому моменту в живых оставалось только два представителя Каролингского рода: 5-летний сын Людовика II Заики (877-879 гг.) Карл и 45-летний Карл III Толстый (император с 881 года, король восточных франков – с 882 года), правивший на франкском востоке. В этой ситуации знать Западной Франкии предпочла ребенку умудренного опытом представителя восточной ветви: по призыванию собрания знати Карл Толстый стал правителем Западно-франкского королевства, объединив, таким образом, под своей державной дланью все франкские земли¹²⁴¹.

часто приводило к полному совпадению фактологической части текстов. См.: *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. С. 41.

¹²⁴¹ См.: *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 216-218; *Тейс Л.* История Франции. С. 111-123; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*.

Как же отреагировали Мегинхард и ведастинский аноним на эту политико-династическую комбинацию? Логично было бы предположить, Карл должен был стать центральной фигурой в записях анналов за 884-885 годы. Однако выделить общий сюжет в соответствующих сообщениях Ведастинских и Фульдских анналов, напротив, не представляется возможным. Общих мест в хрониках только два: это гибель на охоте короля западных франков Карломана¹²⁴², а также предательство и убийство графом Генрихом (Хаймрихом) вождя норманнов Готфрида и ослепление его приспешника Гуго, сына Лотаря II¹²⁴³. Также обе записи, безусловно, объединяет мотив борьбы франков с норманнами, впрочем, на разных «театрах» войны. Исследователю требуется ответить на следующий вопрос: как характеризуют авторы хроник воцарение Карла Толстого на западе франкского мира?

Если верить Ведастинским анналам, уже сам факт несовершеннолетия царствовавшего в тот момент Карломана (879-884 гг.) стал дилеммой для нобилитета королевства: *«Между тем, поскольку король был еще слишком юн, все знатнейшие собрались в пфальце Компьен, чтобы обсудить между собой, что же им следует делать»*¹²⁴⁴. Впрочем, лишь гибель короля на охоте от случайной раны, нанесенной ему его спутником Бертольдом, желавшим помочь венценосцу в схватке с кабаном, ставит вопрос о призыве в земли за Маасом императора Карла: *«Франки же*

V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 138; MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 123-160; Schieffer R. Die Karolinger. S. 170-181; Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian world. P. 419-421; Busch J.W. Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 41-42;

¹²⁴² Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. 56; Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 101.

¹²⁴³ Ibid. S. 55; ibid. S. 102-103.

¹²⁴⁴ «Interim, quia rex iuvenis erat, omnes principes Compendio palatio conveniunt tractaturi, quid illis esset agendum». Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. 55. Использован перевод А.И. Сидорова. Ведастинские анналы / Пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. С.169.

*посоветовались и отправили графа Теодориха в Италию к императору Карлу с тем, чтобы тот прибыл во Франкию»*¹²⁴⁵. В начале следующего, 885 года Карл Толстый прибывает в Западно-франкское королевство: *«Император Карл, получив известие, немедленно отправился в путь и дошел до Понтьона; сюда к нему пришли все, кто был в королевстве Карломана и подчинились его власти»*¹²⁴⁶. Это все, что автор Ведастинской хроники предпочел поведать о передачи власти над королевством императору франков Карлу. После этого, как утверждает анналист, Карл вернулся «в свою страну»¹²⁴⁷. Складывается впечатление, что объединение в 885 году обеих частей франкской ойкумены под властью старшего из Каролингов было воспринято современниками как весьма заурядное событие. Такую вопиющую словесную скупость ведастинского анонима можно было интерпретировать как замалчивание роли Карла Толстого в новом объединении франкских земель, если бы не... *полное молчание* об этом «объединении» Мегинхарда!

Как мы уже указывали выше, фульдский анналист имел все основания отражать в погодных записях интересы восточной ветви Каролингского дома, к которой относился и Карл Толстый. В действительности, Мегинхард ни словом не обмолвился о присяге западно-франкской аристократии Карлу, упомянутой в Ведастинских анналах. Лишь яркий рассказ о гибели короля Карломана, по ошибке называемого Карлом, от клыков кабана, а на самом деле, как тут же риторически замечает Мегинхард, от рук его спутника¹²⁴⁸, может подвести читателя к догадке, что в Западной Франкии сменился правитель. Возникает закономерный вопрос: а

¹²⁴⁵ «Franci capiunt consilium et Theodericum comitem Italiae dirigunt ad imperatorem Karolum, uti veniat in Franciam». Ibid. S. 55; там же. C. 170.

¹²⁴⁶ «Karolus imperator nuntio percepto acceleravit iter et venit usque Pontionum, ibique omnes qui fuerant in regno Karlomanni ad eum venerunt eiusque se subdidere imperio». Ibid. S. 56; там же. C. 170.

¹²⁴⁷ «...atque ita Karolus imperator rediit in terram suam...». Ibid. S. 56.

¹²⁴⁸ Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 101.

присягали ли вообще западно-франкские дворяне Карлу Толстому? Было ли пресловутое объединение франкских земель под властью одного монарха?

Сообщение Ведастинских анналов говорит нам, что Западно-франкское королевство подчинилось власти Карла Толстого. Присяга нобилитета Западной Франкии означала то, что император становится сувереном на данной территории. Номинально он стал государем во всех франкских землях, объединив их (опять же номинально) под своей властью. В условиях малолетства наследника (сына Карломана Карла) это вполне соответствовало франкским обычаям. Почему же о состоявшемся в 885 году объединении франкских королевств, которое, на фоне почти полувекового раздельного существования, должно было восприниматься как событие значимое, не упомянул обычно столь осведомлённый обо всём Мегинхард?

Автору статьи представляется, что причина кроется в той тенденции к *десакрализации* власти правящего дома, которую задали норманнские нашествия, а точнее, их неудачное отражение монархами Каролингской династии. Стоит отметить, что 80-е годы IX столетия прошли под знаком новой серии набегов норманнов на франкские земли. Чтобы противостоять завоевателям, светские и церковные сеньоры без королевского разрешения строили оборонительные сооружения¹²⁴⁹. Вслед за сотрясшими общество междоусобиями времен Людовика Благочестивого и «войной трех братьев» натиск викингов в правление Карла Лысого, Людовика Немецкого и их наследников показал все возрастающую беспомощность королевской власти. Это прекрасно отражено в интересующих нас источниках: Карл Толстый, возвращаясь на Восток, посылает из Лотарингии и Галлии войско против норманнов, которое, однако, терпит поражение¹²⁵⁰. Спасителем же Парижа от скандинавской угрозы оказывается вовсе не Каролинг, а граф Эд из рода

¹²⁴⁹ *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна / Пер. с фр. А.П. Саниной. С. 146.

¹²⁵⁰ *Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. 55.*

Робертинов¹²⁵¹. Мегинхард же о неудачах и нерасторопности императора предпочел вообще умолчать: против норманнов действует либо Хаймрих¹²⁵², либо весьма абстрактные фризцы¹²⁵³. Сам монарх занят сугубо внутренними, притом восточно-франкскими, делами и налаживанием отношений с папством, и вообще не фигурирует как участник войн с данами¹²⁵⁴. Вероятно, Мегинхарда угнетала безынициативность его патрона, поэтому ученый монах решил вовсе опустить все неприятные моменты, о которых не забыл автор Ведастинской хроники.

По сравнению с полемическим задором Мегинхарда в 875 году, язык записей обеих хроник отличается лаконичностью и будничностью. Нет ни бичевания Карла, ни попыток выставить его в более-менее благоприятном свете. В этой связи заметим, что Ведастинские анналы очень спокойно отзываются как о приобретении Карлом императорской короны в 881 году¹²⁵⁵, так и о самом монархе, суля ему Царство Небесное по окончании земной жизни¹²⁵⁶. Что же касается Фульдских анналов, отметим, что, несмотря на все попытки Мегинхарда выставить Карла Толстого настоящим римским императором, использование им античных терминов «императорская власть»¹²⁵⁷ и «тирания»¹²⁵⁸, которой летописец называет власть вождя скандинавов Годфрида, в той части анналов, в которой

¹²⁵¹ Ibid. S. 55.

¹²⁵² *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. 103.*

¹²⁵³ Ibid. S. 103.

¹²⁵⁴ Ibid. S. 103-104.

¹²⁵⁵ *Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. SS rer. Germ. S. 51.*

¹²⁵⁶ «Karolus vero post amissum imperium fertur a suis strangulatus; tamen in brevi finivit vitam praesentem, possessurus caelestem, ut credimus»; «Карл же, утративший власть, должен был быть задушен своими; однако вскоре он окончил свою здешнюю жизнь, чтобы, как мы верим, овладеть жизнью небесной». Ibid. S. 64; Ведастинские анналы / Пер. А.И. Сидорова // *Историки эпохи Каролингов. С. 175.*

¹²⁵⁷ *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. SS rer. Germ. S. 103.*

¹²⁵⁸ Ibid. S. 103.

описываются события 884-885 годов, сквозит явное равнодушие как к личности и деяниям Карла Толстого, так и к династическим коллизиям, приводившим к перераспределению франкских территорий между членами Каролингского дома.

К каким же выводам приводит нас анализ отражения событий 875 и 884-885 годов во франкской анналистике?

Если суммировать вышеизложенное, становится очевидным, что различное восприятие хрониками фигуры Карла Лысого и получения им императорской короны в 875 году имеет причину не только в том, в какой области франкской ойкумены были написаны те или иные анналы. Конечно, Мегинхарду, писавшему свою хронику в одном из главных духовных центров Восточно-франкского королевства – Фульдском монастыре – была куда ближе фигура правителя этой земли Людовика Немецкого, чем далёкого Карла. Но и собственные взгляды анналистов на судьбу франкских королевств оказывали значительное влияние на содержание погодных записей: пример тому – реакция Хинкмара, а, точнее, её отсутствие – на имперскую коронацию Карла Лысого. Политическая концепция, изложенная реймским архиепископом в труде «*De ordine palatii*» представляла франкского монарха смиренным слугой церкви, но не римской, а галло-франкской; если быть точным, слугой не римского папы, а западно-франкского епископата. Члены этого возглавляемого Хинкмаром Реймским сообщества высших прелатов Галлии прекрасно понимали, что, становясь союзником и защитником римского понтифика, Карл Лысый будет решать уже другие задачи, выходящие далеко за рамки интересов церкви и знати Западно-франкского королевства, терзаемого набегами северных варваров и постоянными междоусобиями князей. Между тем Мегинхард, выражавший в Фульдских анналах официальную позицию восточной ветви и поддерживавшей её части церковного сообщества франкских земель,

настаивал на исключительном праве своего господина Людовика Немецкого на императорскую корону.

Эти сугубо утилитарные стремления авторов анналов, защищавших новую модель взаимоотношения короля, знати и церкви, в которой монарху отводилась далеко не доминирующая роль, определяли те приёмы построения образа правителя, которые мы увидели в записях анналов за 875 год. В условиях отсутствия согласия между каролингскими династиями и, как следствие, соперничества внутри Каролингского дома, стала невозможной концепция христианской империи и прославления идеального христианского монарха. В эпоху, когда, во главу угла встали интересы королей, правивших отдельными осколками империи Карла Великого, франкскими писателями потребовалось создать соответствующий образ правителя. Создать образ целеустремлённого, способного выходить из сложных династических ситуаций и умевшего проявить букет античных доблестей монарха, можно было с помощью приёмов римской литературы, с которой франкские анналисты были хорошо знакомы. Античная риторика с её моралистским критицизмом, образцом которой для средневекового книжника всегда был Саллюстий¹²⁵⁹, стала основой того образа правителя, которой предложили франкские анналисты и, прежде всего, Мегинхард в 870-80-х годах.

Однако вся эрудиция франкских авторов последних десятилетий IX века и их умение использовать приёмы античной литературы для интерпретации современной им действительности не могли скрыть стремительного нарастания бессилия Каролингов перед вызовами времени и распада династической и социально-политической системы, созданной Карлом Великим. Строго индифферентное отношение франкских анналистов к событиям, развернувшимся вокруг фигуры Карла Толстого в 884-885 годах – яркое тому подтверждение. На созданном анналистами историческом

¹²⁵⁹ По этому поводу О.Л. Вайнштейн замечал: «Самые образованные хронисты подражают Саллюстию, когда им приходилось рассказывать о мятежах феодалов против центральной власти... Изложенная Саллюстием история заговора Катилины и югуртинских войн давала достаточный материал для подражания». См.: *Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография*. С. 116.

полотне безраздельно царят норманны, превращающиеся едва ли не в главных действующих лиц, силу, олицетворяющую неумолимый фатум. И франкская история превращается в испытание монархов норманнами, в которых королевская власть выступает в роли явного статиста, теряя былое величие.

Но не одни северные варвары были повинны в бессилии Каролингов: отсутствие всякого интереса к обретению Карлом Толстым как императорского достоинства, так и власти над всеми франкскими землями, может быть объяснено осознанием анналистами ускорения распада всего того миропорядка, который был создан первыми представителями Каролингской династии. Вслед за 843 годом последовал 877 – смерть Карла Лысого и крах очередного проекта воссоединения франкских земель, когда вновь, казалось бы, обретенное единство рассыпалось, как карточный домик. Можно предположить, что это стало в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, итогом предшествующего распада единой империи.

Таким образом, в условиях политической и социальной реальности 870-80-х годов отсутствовали предпосылки к возрождению жанров биографии христианского государя и королевского зеркала, заключавших в себе цельный образ монарха. Политическое фиаско королевской власти делало все более невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универсалистских притязаний Каролингской династии.

Тем не менее, перед исследователем встаёт закономерный вопрос: какое место вторая половина IX века занимает в эволюции «монархической этики»¹²⁶⁰ каролингской эпохи? Правомерно ли вообще говорить о существовании каролингского идеала правителя в критические для династии 70-80-е годы IX столетия?

¹²⁶⁰ Данный термин носит условный характер, обозначая всю совокупность представлений об идеальном правителе, сложившихся в конце VIII-IX веках.

Как мы уже указывали во введении к нашей работе, ещё Ж. Флори убедительно доказал: как идея «божьего мира» времён клонийской реформы, так и рыцарская идеология Высокого Средневековья явились результатом распада на части, своего рода «расщепления» монархического идеала времён Каролингов¹²⁶¹. В VIII – первой половине IX веков обязанности защиты вдов, сирот, слабых и безоружных, функции правосудия и управления, миротворческая стезя – всё это было долгом короля¹²⁶². Во второй половине IX-X веках эстафетную палочку перехватывает высшая аристократия – герцоги и графы¹²⁶³. Затем роль миротворца, водворяющего «*Pax Dei*» на земле, переходит к церкви, руководящей отныне высшей знатью в борьбе с разбоем средних и мелких феодалов¹²⁶⁴. И только к началу XII столетия все эти установки становятся обязательными для рыцарства¹²⁶⁵.

Подобная динамика развития позволяет искать истоки поведенческих нормативов средневекового дворянства в каролингской монархической этике. О.Г. Эксле выделил две основополагающих черты ценностного императива дворянства эпохи Средних веков и раннего Нового времени: «благородство» (*nobilitas*) и «личная доблесть» (*honor* или *virtus*)¹²⁶⁶. Исследователи находят эти черты на протяжении всей истории благородного сословия. Так, даже в конце XVIII века, последнего столетия Старого Порядка, знатное происхождение, благородство, честь и слава были признаками принадлежности к дворянству¹²⁶⁷. XVI – середина XVII веков обнаруживают в числе ценностных установок дворянства благородство (древность рода и служба предков) и персональную добродетельность

¹²⁶¹ Флори Ж. Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова.

¹²⁶² Там же. С. 118, 124-133.

¹²⁶³ Там же. С. 224.

¹²⁶⁴ Там же. С. 244.

¹²⁶⁵ Там же. С. 274.

¹²⁶⁶ Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Wehler H.U. 1990. *Europäischer Adel 1750-1950*. Göttingen, 1990. S. 21-24.

¹²⁶⁷ См., напр.: Куцева Е.А. Аристократия во Франции в конце Старого Порядка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2006. С. 13; Склярова Е.А. Идея и формы социального порядка в западной культуре XVIII-XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 30.

(успехи на служебном поприще в соответствии с этическими установками)¹²⁶⁸. Ренессансное видение дворянских ценностей, хотя и делало акцент на доблестных поступках, также выделяло благородство и достоинство в качестве основных черт не только аристократа, но и любого достойного человека; знатность же по-прежнему имела решающее значение, особенно когда была связана с наследственным богатством¹²⁶⁹. Исследователи рыцарского сословия X-XV веков среди многочисленных нормативных качеств дворянина также непременно выделяют благородство и ряд уже приобретаемых в течение жизни добродетелей¹²⁷⁰. Наконец, А.И. Сидоров, исследовавший образ аристократии в интересующую нас эпоху, в числе поведенческих нормативов каролингского дворянина выделил храбрость, доблесть, верность, мудрость и внешнюю красоту¹²⁷¹. Таким образом, если смотреть с противоположного конца исторического пути европейского дворянства, то от последних столетий Старой Европы до века Каролингов мы находим всё те же два аспекта этики знатного человека: *благородство*, полученное по праву знатности происхождения, древности рода, и *личная доблесть*, представляющая собой совокупность совершаемых в течении жизни нобилия деяний. Хорошим доказательством такого членения является речь герцога Гуго Капета к своим *fideles*, приведённая позднекаролингским автором Рихером Реймссским в его «Истории в четырёх

¹²⁶⁸ См., напр.: *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. СПб, 2008. С. 277; *Фёдоров С.Е.* «Aristocratia» в лексическом дискурсе конца XVI-XVII века: семантика значения // Раннестюартовская аристократия (1603-1629). С. 43

¹²⁶⁹ См., напр.: *Буркгарт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. с нем. С. Бриллианта. Смоленск, 2003. С. 311-312; *Резванова Э.Д.* Гуманизм как единство инновации и традиции: социально-философский аспект (в контексте итальянского Возрождения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2000. С. 17.

¹²⁷⁰ См., напр.: *Орлова Е.И.* Ценностная специфика рыцарского идеала и его культурные формы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 2009. С. 11-12; *Акимова Е.Ю.* Основные черты социально-политического самосознания рыцарства XIV века (по сочинениям Ле Бея и Фруассара). Саратов, 2008. С. 18.

¹²⁷¹ *Сидоров А.И.* Каролингская аристократия глазами современников // Французский ежегодник. 2001. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Sidorov-2001.html> (дата обращения: 26.03.2015)

книгах»: в ней будущий король благодарит верных за их «доблесть и дарования» («virtute et ingenio»)¹²⁷².

Включал ли образ идеального монарха эпохи Каролингов подобные черты? Безусловно, аналогом благородства для представителя фамилии потомков Карла Великого являлась их принадлежности к *domini naturales*, династии «природных», «законных» государей, чьё право на трон освящено Богом¹²⁷³. И до 887 года, когда в Западной Франкции был смещён с трона Карл Толстый и избран представитель дома Робертинов Эд Парижский (888-898 гг.) легитимность *domini naturales* ни у кого не вызывала сомнений¹²⁷⁴.

Прототипом же будущей монаршей и дворянской доблести являлась у Каролингов вся совокупность их обязанностей по отношению к церкви и христианскому народу, сформулированная ещё идеологами христианской империи Карла Великого и Людовика Благочестивого.

На каком из этих двух аспектов акцентировали своё и читателя внимание анналисты 870-880-х годов?

Очевидно, что легитимность Каролингской династии во франкских землях не подвергалась ими сомнению. Как отмечают С. Аирли, А.Ю. Карачинский и С. Маклин, даже после 888 года представители княжеских династии признавали монопольное право Каролингов на трон¹²⁷⁵. Лишь права отдельных ветвей каролингского родового древа на конкретные земли и императорский титул, как было доказано выше, тщательно оберегались

¹²⁷² Riheri historiarum libri IV // MGH. SS. T. XXXXVIII. S. 239.

¹²⁷³ Сидоров А.И. Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. Сборник статей. М., 2000. С. 90.

¹²⁷⁴ Подробнее см.: Гайворонский И.Д. Незамеченное объединение Империи? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство // Проблемы истории и культуры средневекового общества: тезисы докладов XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2015 (на правах рукописи).

¹²⁷⁵ Airlie S. Political Behaviour of Secular Magnates. P. 275–86, 289–90; Карачинский А.Ю. Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX-X вв. С. 30; MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 231.

династической анналистикой в лице таких авторов как Мегинхард и Хинкмар.

Проведённый нами разбор анналистики 870-880-х годов доказал, что именно второй аспект власти каролингских монархов – практика действий, *vita activa* – стал определяющим в оценке действий монарха и формировании их облика франкскими авторами. Однако, как было показано выше, перечень ожидаемых анналистами королевских действий уже не включал защиту церкви, управление христианским народом и его сопровождение на Страшный Суд. Идеалом каролингских авторов второй половины IX века стал сильный, напористый, и, одновременно, гибкий, но неизменно деятельный правитель, способный отнюдь не реализовать, как прежде, модель христианского монарха, а удержать власть в бесконечном противостоянии с представителями других ветвей династии, возвышающейся аристократией и внешней угрозой.

Поэтому нужно признать, что явные неудачи правителей этого периода не означали, что их образы не получают отражения в литературе. Не получив воплощения в композиционно целостных трудах, подобных опусам Астронома, Тегана и Эйнхарда, не став предметом «имагинарных» построений, образы, пусть и смутные, ключевых представители Каролингского дома последней трети IX века – Карл Лысого и Карла Толстого – распознаются в их стремлениях и действиях, навсегда запечатлённых анналистикой, опиравшейся на мощные литературные традиции «каролингского возрождения». И за этими образами угадывается непростая политическая, социальная и культурная реальность второй половины IX века, из которой рождалось средневековое общество со всеми его отличительными особенностями.

5.4. Выводы

Со смертью Людовика Благочестивого история франков вступила в совсем другую эпоху. Признаки кризиса каролингского миропорядка были заметны ещё в 30-е годы IX века, однако «война трёх братьев» и Верденский

раздел стали поистине переломными моментами в истории Каролингской династии. Крах единства и согласия внутри правящей фамилии и, как следствие, территориальный распад Франкской империи, составили основное содержание эпохи 840-880-х годов. Вместе с этим, наряду со слабевшей королевской властью, локализованной теперь в отдельных франкских *regna*, как значительные социально-политические силы заявили о себе франкская аристократия и церковь. И без того сложную для каролингских династов ситуацию осложнил внешний фактор в виде вторжения во франкские земли норманнов.

В этих условиях монархам нужно было сменить «парадигму» действий, избрать такой стиль правления, который помог бы им сохранить авторитет в глазах элиты, церкви и народа, спасти священный ореол помазанников божьих. Именно поэтому они всё чаще прибегают к советам знати и епископов, именно поэтому идут на уступки светским и церковным магнатам, одновременно пытаясь силой своей прерогативы предпринимать меры против норманнов.

Эти новые реалии ощущались не только коронованными особами и их окружением, но и каждой областью франкского мира, каждым монастырём, каждой деревней¹²⁷⁶. Поэты, придворные и монастырские, регулярно упоминали в своих творениях бедствия, постигшие их мир: битва при Фонтенуа попала «христиан обычай злым кровопролитием» и порадовала Преисподнею¹²⁷⁷, нравы священников достигли дна¹²⁷⁸, а норманны – злейший враг, «долгие года алкавший крови» – сделали королевскую власть

¹²⁷⁶ Согласно тексту Бертинских анналов, в 843 году норманны, захватив Нант, ворвались в собор, убив епископа, часть духовенства и мирян. См.: *Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. S. 29. Как замечает Л. Тейс, «кровь пролилась над алтарем – несмываемое пятно крайнего осквернения, потрясшее всех окружающих». См.: *Тейс Л. История Франции*. С. 63. И это далеко не единственное свидетельство того, что потрясшие франкские королевства неурядицы коснулись широких слоёв населения.

¹²⁷⁷ *Angelberti rhythmus de pugna Fontanetica // Nithardi Historiarum Libri IV / Post G.H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. SS rer. Germ.* S. 51-53.

¹²⁷⁸ См., напр.: *Алфавит о дурных священниках // Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 255-258.*

настолько бессильной, что для победы над ними потребовалось вмешательство Бога¹²⁷⁹. Наиболее ярко дух периода после 840 года передали «Вирши на разрушение Глоннской обители», сочинённые между 848 и 850 годами:

Смут полна Империя,
Окрепли силы злейшие,
Возникли разногласия,
Всех спортила борьба сия

Друг на друга войной идёт
И верх над добрым злой берёт,
Всякий тиран свирепствует,
Всяк безбожника чествует¹²⁸⁰.

Агобард Лионский, увидевший лишь начало этого кризиса каролингского мира, дал своему времени на удивление точную, наполненную эсхатологической тревогой, характеристику: *«Уже не остаётся времени, чтобы искать Господа»*¹²⁸¹.

Эти новые реалии не прошли мимо каролингских интеллектуалов, составлявших «истории» и анналы. Находясь на территории какого-либо из франкских королевств (как ведастинский аноним), либо будучи приближенными ко двору и особе монарха (как Мегинхард и, ещё в большей степени, Нитхард и Хинкмар), эти учёные мужи продолжали защищать интересы династии, однако в лице уже отдельных её представителей. Однако время патетических описаний обязанностей монарха, наполненных христианской метафизикой, безвозвратно ушло. Вместе с политическим

¹²⁷⁹ Седулий Скотт. На поражение норманнов // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 200-202.

¹²⁸⁰ Использован перевод Б.И. Ярхо. См.: Вирши на разрушение Глоннской обители (848-850 гг.) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 213-219.

¹²⁸¹ S. Agobardus episcopus Lugdunensis. Ad Marfredum procerem palatii, deploratoria de injustitiis // S. Agobardi, Lugdunensis episcopi, Eginhardi abbatis, opera omnia / Ed. J.-P. Migne. P. 188.

крахом проекта мировой христианской монархии Каролингов потеряла почву идея вековой христианской империи, так ярко засиявшая в конце VIII века. В условиях политического хаоса и социальных трансформаций, каролингские авторы предложили не цельный образ идеального, лишённого недостатков монарха, а перечень ожидаемых королевских действий, образец практики власти. Данная концепция сочетала в себе образ целеустремлённого, решительного, напористого и в чём-то даже циничного правителя, способного, однако, находить выходы из сложнейших династических ситуаций, гибко взаимодействовать с новыми силами в королевстве – знатью и церковью.

Очевидно, что обосновать актуальность такого образа монарха невозможно было на основе христианского нравственного императива, который на каролингской почве породил к началу 40-х годов IX века образ святого на троне в лице Людовика Благочестивого. В качестве опоры требовалась иная письменная традиция, в которой можно было найти ответы на острые вопросы и жёсткие вызовы времени. Такой традицией было римское историописание, вобравшее в себя достижения античной риторики.

Обосновывая новые качества монархов, каролингские авторы стали активно приписывать им античные добродетели, если конкретнее – римские республиканские доблести. *Virtus*, *constantia*, храбрость, великодушие, даже красноречие (как у Эйнхарда и Нитхарда) – этот букет достоинств гражданина Римской республики призван был затушевать в глазах потомства вновь вырвавшийся наружу германский *furore* франкских королей, которые начали использовать любые средства с целью сохранения и укрепления власти внутри принадлежащих им осколков Империи. Каролингские династии были успешно помещены франкскими авторами в античную систему моральных координат, где на их сторону встал уже не Бог, а право доблестного, где им по-прежнему противостояли абсолютные антагонисты-тираны – Лотарь, мегинхардов «чёрный» вариант Карла Лысого, варвар Годфрид.

Таким образом, благодаря деятельности каролингских эрудитов, начавших не просто интересоваться Античностью, а попытавшихся возродить её в литературе, в каролингские представления о власти победоносно вторгается римский античный элемент, забытый в Западной Европе со времён Теодориха и Кассиодора. В сочинениях Эйнхарда, Нитхарда и Мегинхарда, власть франкских королей начала осмысляться в античных категориях.

Поскольку одной из целей нашей работы является на основе эволюции представлений о монархе дать характеристику ходу развития литературы «каролингского ренессанса», существует соблазн связать появление античного элемента в образе правителя с общими тенденциями культурного движения во франкского мире. Для того, чтобы определить, насколько новые черты в образе власти согласовывались с общими тенденциями в литературе, необходимо обратиться в проблеме «каролингского возрождения» в историографии.

Примерно до второй половины XX века в зарубежной и отечественной историографии господствовал подход, согласно которому «каролингский ренессанс», который предлагалось рассматривать как основанное на возрождении античной словесности и искусства культурное оживление во Франкском королевстве эпохи Каролингов, условно делился на два периода: в правление Карла Великого и после него (до конца IX века)¹²⁸². Такие исследователи как Ф. Гизо, В фон. Гизебрехт, К. Лампрехт, Б.И. Ярхо, Э. Патцельт и Ф. Лот предлагали рассматривать как подлинное культурное возрождение развитие образования и литературы лишь в правление Карла Великого, последующий же этап именовался не иначе как «монастырский», с преобладанием церковного элемента, не связанного с реставрацией античной

¹²⁸² Термин «*renassaince carolingien*» принадлежит Ж. Амперу, который ввёл его в историографию в 1830-е гг. См. об этом: *Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe*. P. 354.

мудрости¹²⁸³. При этом уже тогда возникло мнение, что «каролингский ренессанс», по сравнению с Большим Возрождением XV-XVI веков, являлся поверхностным явлением, завязанным на внешнем восприятии Античности¹²⁸⁴. Лишь с середины XX века «каролингский ренессанс» начинает рассматриваться как историческая проблема. Под влиянием накопившегося «багажа» фактов и концепций, а также новых методологических подходов, на сегодняшний день существуют три точки зрения на проблему «каролингского возрождения».

Первая группа историков (М.Л. Гаспаров, П. Рише, Ж. Вержер и Д.А. Буллох) во многом развили старую концепцию «каролингского ренессанса», рассматривая его как возрождение античной культуры, предлагая, однако, значительно скорректировать периодизацию этого феномена. И если М.Л. Гаспаров, следуя за Б.И. Ярхо, подразделял культурное движение каролингского времени на два этапа: «академический» и «монастырский»¹²⁸⁵, то П. Рише выделил третий этап, связанный с возрождением учёности (особенно греческой) при дворе Карла Лысого, то есть раздробил «монастырский» IX век на два периода¹²⁸⁶. В целом уже указанная группа учёных отмечала крупное значение «каролингского возрождения» для развития средневековой культуры, подчёркивая порождённые этим процессом успехи в литературе, образовании и педагогике¹²⁸⁷. Для этих

¹²⁸³ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2. С. 220-258; Giesebrecht W. Karl der Grosse; Лампрехт К. История германского народа / Пер. с нем. П. Николаева. Т. 1; Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 20-45; Patzelt E. Die karolingische Renaissance. Beiträge zur Geschichte der Kultur des frühen Mittelalters. Vienne, 1924; Lot. F. La France des origines a la guerre de cent ans. P. 140-146.

¹²⁸⁴ Лампрехт К. История германского народа / Пер. с нем. П. Николаева. Т. 1.

¹²⁸⁵ Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 3-21.

¹²⁸⁶ Riché P., Verger J. Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge.

¹²⁸⁷ Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 3-21; Riché P., Verger J. Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge; Bullough D.A. Carolingian Renewal: Sources and Heritage.

историков кавычки в написании словосочетания Каролингский Ренессанс были скорее неуместны.

Вторая группа исследователей, напротив, развила скептические нотки во взглядах учёных XIX века. Строя концепцию «Ренессанса и ренессансов», Э. Панофский предложил рассматривать «каролингское возрождение» как копирование античных форм без изменения их смыслов¹²⁸⁸. Таким образом, по словам Э. Панофского, «каролингский ренессанс», как другие «малые» возрождения, произносил помпезную эпитафию над «могилой» Античности, считая, что её «труп» ещё можно воскресить (в отличие от Большого Ренессанса, который, понимая безвозвратный уход древности, «рыдал» над её могилой)¹²⁸⁹. Ещё более радикален оказался Ж. ле Гофф, предлагая вообще не рассматривать значимость усилий придворного кружка Карла Великого и оживления культуры в монастырях в качестве возрождения¹²⁹⁰.

Наконец, третья группа историков (В. Ульманн, Г. Браун, Д.Г. Контрени) отказалась от проблем периодизации и соотносимости «каролингского ренессанса» с Большим Возрождением, предлагая рассматривать в рамках этого исторического феномена самые различные вопросы: педагогику и монастырское образование, литературное движение¹²⁹¹ и даже, по мнению В. Ульмана, новый феномен власти¹²⁹². Одновременно, значение этого культурного подъёма эпохи Каролингов стало рассматриваться не по аналогии с Итальянским Возрождением, а в собственном историческом контексте – VIII-IX веков. Так, Г. Браун подчёркивает, что «Каролингский Ренессанс» стоит рассматривать в контексте ряда похожих возрождений образования в поздней Античности и раннем Средневековье. Однако каролингские интеллектуалы, при активной

¹²⁸⁸ Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада / Пер. с англ. А. Грабичевского. СПб., 2006.

¹²⁸⁹ Там же.

¹²⁹⁰ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича.

¹²⁹¹ Contreni J.G. The Carolingian Renaissance: education and literary culture // New Cambridge Medieval

History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 709-757.

¹²⁹² Ullmann W. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. Oxon, 2010.

поддержке династии, сумели реализовать на практике то, что потерпело крах между 650 и 750 годами¹²⁹³. Ещё дальше идёт акцентирующий внимание на педагогике и системе образования Д.Г. Контрени, который считает, что именно благодаря слаженной работе каролингских педагогов и их учеников закладывались семена возрождений образования в XII-XVII (!) веках¹²⁹⁴.

Однако общим местом современных подходов в проблеме «каролингского возрождение» является отсутствие жёсткого деления этого культурного движения на «античный» (при Карле Великом), «христианский» (814-840 гг.) и снова «античный» (время Карла Лысого) этапы. Современные исследователи, особенно занимающиеся каролингской поэзией, сходятся на том, что античный элемент в каролингской литературе всегда был основным, оставаясь во франкских сочинениях на всём протяжении IX столетия. Однако античная лексика, средства выразительности и стихотворные размеры были лишь формой, в которое всегда укладывалось христианское содержание, в том числе прославление Бога, святых и христианских королей. Однако в силу сосредоточения после 814 года центров поэзии и прозы в монастырях, религиозная и дидактическая лирика, жития и видения становились основными жанрами каролингской литературы, как бы растворяя античную «форму» в христианском содержании¹²⁹⁵.

Как, в таком случае рассматривать тенденции в изображении правителей и их действий, отражённые в историях и анналистике второй половины IX века? Очевидно, что речь уже не шла о христианском содержании, пусть даже помещённом в античные «формы»: едва ли действия Карла Лысого и Людовика Немецкого в «Историях» Нитхарда и Фульдских

¹²⁹³ *Brown G.* The Carolingian Renaissance // *Carolingian culture: emulation and innovation.* Cambridge, 1994. P. 1-51.

¹²⁹⁴ *Contreni J.G.* The Carolingian Renaissance: education and literary culture // *New Cambridge Medieval*

History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. P. 757.

¹²⁹⁵ Одним из первых эту идею высказал Б.И. Ярхо. См.: *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. См. также: *Godman P.* Poetry of the Carolingian Renaissance; *Brown G.* The Carolingian Renaissance // *Carolingian culture: emulation and innovation.* P. 1-51; *Bullough D.A.* Carolingian Renewal: Sources and Heritage.

анналах можно оценивать с точки зрения христианской этики, не делали этого и сами авторы указанных источников. В данном случае речь идёт, как мы уже указывали, об актуальности античного историописания в деле реконструкции и конструирования каролингскими авторами реальности и места монархов в ней.

Мы не видим смысла оспаривать очевидный факт, что вторая половина IX века была периодом развития каролингской литературы исключительно в монастырях, что делало язык античных классиков гораздо менее популярным, чем язык Библии и житий. Однако эта общая тенденция к «христианизации» франкской литературы не коснулась представлений о власти в таких жанрах, как история и анналы. Конструирование образа монарха на основе наследия римской историографии ещё более ярко, чем квазиантичная поэзия Придворной Академии, показало многообразие «каролингского ренессанса», его нацеленность на возрождение не только христианской мудрости, но и античной словесности и культуры в целом¹²⁹⁶.

Однако наряду с таким «культурным плюрализмом», своеобразной «всеядности» «каролингского возрождения», отдельные пласты франкской литературы во второй половине IX века теряли своё жанровое разнообразие. Это особенно коснулось крупных прозаических произведений исторического характера: старые жанры, с появлением которых начался расцвет каролингской литературы и каролингского образа власти, уходили в прошлое. К концу IX века франкские интеллектуалы пишут уже одни только хроники. Кризис не только каролингской цивилизации и модели власти, но и каролингской культуры, несмотря на её яркий расцвет в IX веке, давал о себе знать.

¹²⁹⁶ Ещё Б.И. Ярхо показал, что выбор формы во многом зависел от жанра: поэзия была более свободным видом литературы, в котором каролингские интеллектуалы свободно применяли античную терминологию и средства выразительности. В дидактической и догматической литературе, разумеется, лишь христианские методы построения текста были приемлемы. См.: *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения* / Перевод с лат., введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 31. О роли античного наследия в других формах каролингской культуры см.: *Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада* / Пер. с англ. А. Грабичевского.

Между тем, в тени нашего исследования по-прежнему остаётся третий, наряду с христианским и римским, элемент образа власти эпохи Каролингов – германский. Вопрос, поставленный перед нами крайне прост: проявлялся ли он в каролингской литературе, и если да, то когда и каким образом?

Глава 6. Проблема германского элемента

Германский элемент в структуре и образе власти монархов из династии Каролингов – тема, так или иначе затрагивавшаяся ещё в раннее Новое время. Так, уже историография второй половины XVI-XVII веков, рассматривала франкских королей как германских завоевателей Галлии. Один из самых ярких «монархомахов» времён гугенотских войн, Ф. Отман, в трактате «Франко-Галлия» высказал мысль, что франко-германское завоевание Галлии, хотя и имело место, принесло пользу местному населению: был свергнут общий враг галлов и франков – тирания Римской империи¹²⁹⁷. Германцами считал франков и К. Фоше (разоблачая миф о троянском происхождении покорителей Галлии), а Ж. Боден прямо назвал Каролингскую империю германской¹²⁹⁸.

Дискурс оппозиции и взаимодействия франкской монархии и галльского населения, начатый французскими эрудитами XVI-XVII веков, получил своё продолжение в ходе дискуссии между романистами и германистами в XVIII-XIX веках. Большинство германистов, среди которых были такие учёные, как А. де Буленвилье и Ф.-Д. Монлозье, считали потомками германских завоевателей Галлии именно французских дворян, обосновывая их право на управление Францией (исключения составили лишь Ш. Монтескье и Г.Б. де Мабли, видевшие в германских институтах истоки народовластия, отстаиваемого третьим сословием). Романисты (Ф.Д. Дюбо, О. Тьерри и Ф. Гизо), напротив, доказывали исключительность третьего сословия, предками которого было завоеванное франками галло-римское население¹²⁹⁹. Кульминацией дискуссии стала возникновение концепции О. Тьерри, который объяснял распад империи Карла Великого «оппозицией

¹²⁹⁷ Hotman F. La Gaule française. Paris: Fayard, 1991.

¹²⁹⁸ Bodin J. Les six livres de Republic. Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583.

¹²⁹⁹ Boulainvilliers H. Histoire de l'ancien gouvernement de la France; Montlosier F.-D. de R. De la Monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours. 7 vv. Paris, 1814-1824; Montesquieu C. De l'esprit des lois / Ed. V. Goldschmidt. T.1; Abbe de Mably. Observations sur l'histoire de France; Dubos J.-B. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T.1; Thierry A. Lettres sur l'histoire de France; Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2

рас» - противоположности интересов завоевателей – франков и завоёванных – гало-римлян¹³⁰⁰.

За внушительной группой историков-позитивистов из Франции, видевших во Франкской и, в частности, Каролингской монархии, чуждый французской цивилизации элемент, «последовали» немецкие позитивисты второй половины - конца XIX века: с точки зрения Г. Вайтца, Х. Бруннера, В. фон Гизебрехта и К. Лампрехта Каролинги представляли собой чисто германскую династию¹³⁰¹. Кульминацией поиска «германского духа» в монархии Каролингов стали изыскания историографии 1930-х годов¹³⁰².

Однако со второй половины XX века и по сей день в историографии существует вполне здоровый «германский подход» к практике действий Карла Великого: германского короля в нём видят Д. Хэгерманн, С. Ванйфюртер и Й. Фрид¹³⁰³, ведущие специалисты по каролингской эпохе в нынешней ФРГ. Подобная трактовка существует и по отношению к Людовику Немецкому: Э. Голдберг считает, что, в отличие от опиравшегося на епископат Карла Лысого, Людовик Немецкий опирался на крепко привязанную к нему восточнофранкскую военную элиту¹³⁰⁴.

Между тем, хотя проблема германской *сущности* власти каролингских династов в целом и Карла Великого в частности, давно попала в сферу интересов каролинговедов, германский элемент *образа* монарха ещё не подвергался всестороннему рассмотрению. Однако сразу возникает

¹³⁰⁰ Thierry A. Lettres sur l'histoire de France. P. 107.

¹³⁰¹ Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1; Giesebrecht W. Karl der Grosse; Лампрехт К. История германского народа / Пер. с нем. П. Николаева. Т. 1.

¹³⁰² О позиции таких известных историков времён нацизма, как М. Линтцель, подробнее см. в статье Б. Шнайдемюллера. Schneidmüller B. Sehnsucht nach Karl dem Großen. Vom Nutzen eines toten Kaisers für die Nachgeborenen. Die politische Instrumentalisierung Karls des Großen im 19. und 20. Jahrhundert // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2000. №51. S. 75-76.

¹³⁰³ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes; Weinfurter S. Das Reich im Mittelalter: kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München, 2008; Weinfurter S. Karl der Grosse: der heilige Barbar; Fried J. Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie.

¹³⁰⁴ Goldberg E.J. More Devoted to the Equipment of Battle than the Splendor of Banquets»: Frontier Kingship, Martial Ritual, and Early Knighthood at the Court of Louis the German // Viator. 1999. № 30. P. 41–78.

логичный вопрос: правомерно ли вообще говорить о германском варианте образа монарха, о германской традиции власти в Каролингскую эпоху? Попыткой ответить на этот вопрос и станет большая часть предложенной главы.

В ряду проблем, с которыми сопряжено изучение германского элемента в образе власти каролингского периода, особое место занимает так называемая «аахенская» идея империи, зародившаяся на рубеже VIII-IX веков.

6.1. «Аахенская» идея империи

С самого начала нового, имперского периода царствования Карла Великого (800-814 гг.) официальная пропаганда позиционировала своего властителя как римского императора, восстановителя величия древних цезарей. Публичное наречение Карла титулом «Imperator Romanorum»¹³⁰⁵ и проскинеза (низкий поклон перед кесарем) 25 октября 800 года передали франкскому королю монарший статус, равный положению византийского василевса¹³⁰⁶. После 800 года встречаются папские денарии с изображением апостола Петра и монограммы понтифика с одной стороны и имени и монограммы Карла с другой, что, по замечанию Д. Хэггерманна, символизировало «двойное правление»: папы и императора¹³⁰⁷. Франкские денье начала IX века с изображенным на них профилем Карла в образе римского императора продолжают традиции позднее Римской империи, в частности, традиции изображения на монетах Константина Великого¹³⁰⁸. Крестообразная монограмма Карла же возникает также под влиянием

¹³⁰⁵ Уже в правление Людовика Благочестивого римский элемент отойдет на второй план: сын Карла будет именоваться титулом «Imperator Francorum», что будет отражать частичное «возвращение» идеи и содержания власти Каролинга к франкским корням, отход от прежней значимости Рима, Италии и папы во франкской концепции власти. См.: Collins R. *Early Medieval Europe, 300-1000*. New York, 2010. P. 295.

¹³⁰⁶ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 414, 416.

¹³⁰⁷ Ibid. S. 422.

¹³⁰⁸ Haripzanov I.H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). P. 200-202.

папской курии и, одновременно, византийских образцов¹³⁰⁹. Апофеозом восприятия римского наследия в первые годы «имперского периода» стала легенда на свинцовой булле Карла: реверс её украшали городские ворота Рима с надписью «Renovatio Romani Imperii»¹³¹⁰. Внутренний карниз Аахенской базилики Эйнхард красной охрой наносит слова «Karolus Princeps»¹³¹¹, а ученик Алкуина поэт Муадвин, как бы подводя итог этому величественному возрождению былой Империи, восклицает:

*Снова Рим золотой, обновясь, возродился для мира...*¹³¹²

Однако уже в земельной грамоте, данной в Болонье в мае 801 года, Карл несколько изменяет формулировку своего официального титула, называя себя «Karolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus pacificus imperator Romanorum imperium gubernans qui et per misericordiam dei rex Francorum atque Lanyobardorum». Итак, Карл – король франков и лангобардов и император, управляющий Римской империей (imperator Romanorum imperium gubernans). Смена прямого титула, равного древнеримским и византийским образцам, витиеватым и размытым не была простой мелочью, а изменяла сущность власти Карла: в повседневной политической практике франкский монарх старался частично абстрагироваться от своего «римского лица». Почему?

В главе 3 мы уже касались проблемы своеобразного «плюрализма» имперской идеи в эпоху Карла Великого, одним из вариантов которой была концепция Алкуина, воспринятая Карлом в законодательстве. Однако помимо неё ряд историков выделяют ещё одну, условно именуемой «аахенской имперской идеей». В.Д. Балакин понимает под ней сформулированную в аахенском окружении короля идею, параллельную

¹³⁰⁹ Ibid. P. 191.

¹³¹⁰ «Обновление Римской Империи». См.: Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 422.

¹³¹¹ Einharti Vita Karoli Magni / Ed. Ph. Jaffe // Bibliotheca Rerum Germanicarum. V.4: Monumenta Carolina. S.37.

¹³¹² Муадвин // Цит. по: Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 9.

другой имперской концепции – римско-куриальной, исходящей из папской канцелярии, практическим выражением которой стала коронационная церемония 800 года, подчеркнувшая решающую роль римского понтифика в обретении Карлом нового титула¹³¹³. Недовольство монарха, описанное Эйнхардом, российский исследователь объясняет не неприятием Карлом самого факта имперской коронации, а желанием короля получить корону не из рук понтифика, а с согласия римлян, путём аккламации – именно так В.Д. Балакин трактует «аахенскую идею империи», родившую во франкском окружении Карла¹³¹⁴. Передача власти Людовику Благочестивому в 813 году, без согласия папы, становится, таким образом, победой «аахенской идеи», таковыми являются и все последующие разделы и обретения титулов в IX веке, совершаемые в обход римской курии. Напротив, все коронования франкских монархов папами представляют собой уступки римской концепции империи¹³¹⁵. Иную точку зрения высказал ещё в первой половине XX века немецкий историк Э. Штенгель: по его мнению, обретение императорского титула в Риме было тесно связано, а не противоречило идее величия Франкской монархии¹³¹⁶. Схожую мысль высказал и значительно развил Д. Хэгерманн: согласно его концепции, римская идея императорства отнюдь не противоречила «аахенской идее империи»: Карл бы недоволен не столько ролью папы, сколько ролью римлян, получавших в церемонии решающий «государственно-правовой интерес»¹³¹⁷. После 800 года, вольно или невольно соединив «аахенскую» и римскую идеи, Карл становится, одновременно, новым Давидом и новым Константином¹³¹⁸. И в данном контексте римская имперская идея противоречит не некому концепту, исходившему из Аахена, а основанному на ветхозаветных установках

¹³¹³ Балакин В.Д. Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репниной и В.И. Уколовой. Вып. 2. С. 24-27.

¹³¹⁴ Там же. С. 27-28.

¹³¹⁵ Там же. С. 30-33.

¹³¹⁶ Stengel E. Kaisertitel und Souveränitätsidee // Deutsches Archiv. Bd. 3. 1939. S. 49-56.

¹³¹⁷ Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 413.

¹³¹⁸ Ibid. S. 418.

алкуиновскому видению власти Карла, о котором мы подробно говорили в главе 3.

Чтобы понять, что в действительности представляет собой «аахенская идея» и как она соотносится с коронацией 25 декабря 800 года, необходимо попытаться проанализировать мотивы этой церемонии, её значения и отношения к нему Карлу, тем более что данная задача была озвучена нами в главе 3.

Долгое время, на протяжении всего XIX и до первой половины века XX, в глазах историков подготовка и проведение коронации 800 года представляли единым, непротиворечивым процессом, в котором не было место противоборствующим точкам зрения на христианскую империю. Написавший биографию Алкуина Ф. Лоренц рассматривал проект 800 года как совместно подготовленный Карлом и Алкуином, и лишь болезнь не позволила последнему принять участие в коронационной церемонии. Обретение же Карлом императорского титула поставило франкского монарха выше всех других властителей мира, включая папу, низведя его до положения одного из иерархов государства, первого архиепископа Империи. Карл же превращался из просто защитника церкви в полноценного суверена. Недовольство же монарха, описанное Эйххардом, основывалось исключительно на опасении, что франки могут выразить несогласие с избранием своего короля императором Рима и, как следствие, отказать ему в присяге и помощи. Однако Карлу удалось представить приобретение императорского титула как принуждение со стороны папы (!) и, по возвращении во Франкию, вынудить вассалов обновить клятву верности ему как новоиспечённому императору¹³¹⁹. Более того: по мысли Ф. Лоренца, следом за проектом 800, Алкуин и Карл приготовили брачный проект с участием франкского императора и владительницы Византии Ирины,

¹³¹⁹ Lorenz F. The Life of Alcuin. P. 207-211.

результатом которого должно было стать объединение двух империй в одну. И только переворот Никифора I похоронил этот проект¹³²⁰.

Концепция Ф. Лоренца, ныне легко подвергаемая обоснованной критике, является наиболее ярким примером «оптимистичного взгляда» на проблему восстановления западной империи в 800 году, который бытовал у позитивистов XIX века. Логичным итогом предшествующей политической практики Карла Великого видели имперскую коронацию такие историки как Ф. Гизо, Н.Д. Фюстель де Куланж, Г. Вайтц, В. фон Гизебрехт и К. Лампрехт¹³²¹. Свидетельству Эйнхарда о недовольстве Карла затеей папы либо не придавалось значение, либо, как в случае с позицией Ф. Лоренца, находилось рациональное объяснение.

Всю противоречивость такого подхода косвенно показала в 1922 году Э.М. Вильмот-Бакстон: по мнению американской исследовательницы, путь Карла в Рим в 800 году был предопределён его миссией защитника христианства, которую ему активно внушал Алкуин. Кроме того, подчёркивает ЭМ. Вильмот-Бакстон, в условиях натиска ислама восстановление западной христианской империи и консолидация христианского мира под властью могучего франкского монарха были неизбежны. Алкуин и всё окружение монарха знали о готовящемся имперском проекте, а после встречи в Падерборне Алкуин окончательно убедил Карла: франкский король должен отправляться в Вечный город и восстановить Льва III на Апостольском престоле. Однако, видимо, Карл, надеясь восстановить авторитет, папы, не ожидал, что тот... наградит его императорской короной¹³²². Поэтому большим шагом вперёд стала точка зрения Ф. Лота, который однозначно утверждал: инициатива имперской коронации Карла Великого исходила не с севера, а с юга от Альп, от папы

¹³²⁰ Ibid. P. 217.

¹³²¹ *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3; *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6; *Giesebrecht W.* Karl der Grosse; *Лампрехт К.* История германского народа. Т. 1.

¹³²² *Wilmot-Buxton E.M.* Alcuin. P. 161-166.

римского, который искал сильного защитника от аристократических заговоров¹³²³.

Одним из первых историков, задумавшимся о сообщённом Эйнхардом недовольстве Карла коронации в контексте нестыковок 799-800 годов, стал Ф.Л. Гансхоф; в его представлениях Карл предстаёт не как лишённый сомнений повелитель вселенной, смотрящий на Византию свысока, а как умный политический тактик: недовольством императорским венцом франкский монарх демонстрировал уважение к подлинному императорскому достоинству – византийскому и, тем самым, стремился смягчить потенциальный политический конфликт с державой ромеев¹³²⁴.

В последние три десятилетия в трактовке событий 800 года историки делятся, условно, на две группы. В первую входят П. Классен, Йозеф Семмлер и Й. Фрид, которых обоснованно можно назвать скептиками. Эти исследователи рассматривают сообщение Эйнхарда как не более чем красивый рассказ, призванный оттенить как величие императорского достоинства, так и христианские качества самого Карла, со смирением принимающего корону¹³²⁵. Вторая группа историков, к которой следует отнести Ж. ле Гоффа, Р. Мюссо-Гулара, Д. Хэгерманна и В.Д. Балакина, видит в противоречиях 800 года столкновение двух взглядов на императорскую власть: папского, подразумевавшего ведущую роль понтифика и римлян в церемонии коронации, и франкского, рассматривавшего императорскую власть как дарованное королю франков *ministerium*, служение¹³²⁶. Особняком стоял А.П. Левандовский,

¹³²³ Lot. F. *La France des origines a la guerre de cent ans*. P.: Libraire Gallimard, 1941. P. 95.

¹³²⁴ Ganshof F.L. *The Imperial Coronation of Charlemagne: Theories and Facts* // *The Carolingians and the Frankish Monarchy*. London: Longman, 1971. P. 41–44.

¹³²⁵ Classen P. *Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz: Die Begründung des karolingischen Kaisertums*. Sigmaringen, 1985; Semmler J. *Der vorbildliche Herrscher in seinem Jahrhundert: Karl der Große*, // *Der Herrscher: Leitbild und Abbild in Mittelalter und Renaissance* / Ed. Hans Hecker, *Studia Humaniora*, №13. Düsseldorf: Droste, 1990. S. 53–54.

¹³²⁶ Р. Мюссо-Гулар рассматривал коронацию Карла Великого императорской короной как закономерный итог «подготовки реставрации императорского титула», но, вместе с тем, интерпретировал сообщение Эйнхарда о недовольстве Карла «большим весом папы» в церемонии. См.: *Mussot-Goulard R. Charlemagne*. P. 98-107. Схожую взгляд на сообщение

воспроизводивший в своей биографии Карла точку зрения Ф.Л. Гансхофа¹³²⁷. Несмотря на различную трактовку частных деталей, все исследователи второй группы сходятся в одном: недовольство Карла связано не самим императорским титулом, а с *тем, как была проведена церемония по его вручению*.

Столь широкий разброс мнений убеждает: вопрос о том, как отнеслись Карл и его окружение к состоявшейся 25 декабря 800 года церемонии, по-прежнему следует считать открытым. Но этот вопрос – вопрос об отношении именно к *церемонии*, а не к самому желанию Карла принять императорское достоинство, которое, как мы увидели в главе 3, было «досрочно» присвоено Карлу его учителем Алкуином.

Какое место во всём этом обилии подходов, трактовок и мнений занимает упомянутая «аахенская императорская идея»? И может ли её анализ пролить хоть какой-то свет на действительное отношение Карла и интеллектуальной элиты королевства на события в Риме в 800 году?

Д. Хэгерманн обоснованно замечал, что единственным литературным памятником, сохранившим отголоски «аахенской идеи», является так называемый «падерборнский эпос», сложившийся, по его мнению, не в Падерборне в 799 году во время знаменитой встречи, как считалось ранее, а в начале IX века¹³²⁸. Состоит он из единственной дошедшей до нас поэмы – «Карл Великий и папа Лев», написанной вскоре после 800 года автором, личность которого до сих пор не установлена. Как мы уже говорили в главах 1 и 3, произведение делится на 4 блока: восхваление Карла, описание обустройства Аахена, сцену охоты и встречи с Львом III.

Эйнхарда высказывал Ж. Ле Гофф. См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 45; Классическим примером рассмотрения церемонии 800 года с точки зрения о столкновении двух имперских идей – идущей из Аахена и выражаемой Алкуином и Карлом с одной стороны и отстаиваемой папой римским – является книга Д. Хэгерманна. См.: *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 385-386, 414-418.

¹³²⁷ *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 82, 87-89.

¹³²⁸ *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 421, 428.

Если описание неизвестным автором охоты, как мы убедились ранее, интересно с точки зрения места особы монарха в официальных придворных развлечениях, то «аахенская идея империя» чётче всего прослеживается именно в первых двух частях поэмы.

С самого начала поэмы – перед нами не просто классический портрет нового Давида¹³²⁹, но образ несравненного короля, сияющего ярче солнца. Солярный образ Карла Великого встречается первый раз именно в «падерборнском эпосе», в котором и достигает совершенства:

*Солнце дважды по шесть часов лишено своего света,
Карл сохраняет свой свет в вечном свечении...*¹³³⁰

Король франков обладает всеми необходимыми идеальному христианскому королю добродетелями: воинской доблестью, благочестием, любовью к вассалам, умением быть для них образцом, способностью исправлять грешников и «возвышать смиренных, вознося их до высот»¹³³¹. Карл – лучше остальных правителей мира¹³³², и в этом смысле его сверхидеализированный образ ничем не отличается от того, что рисовали другие источники конца VIII – начала IX веков. В «падерборнском эпосе» Карл предстаёт идеальным христианским императором, поэтому поэма «Карл Великий и папа Лев» находится в русле христианской концепции власти эпохи Карла Великого.

Однако в его портрете присутствуют и новые элементы, ранее не проявлявшиеся в литературе достаточно ярко. В поэме Карл предстаёт идеальным светочем Придворной Академии: он наделён не только значительным интеллектом¹³³³, но и является «учителем грамматической науке» (*grammaticae doctor*), сведущ в риторике, славёт «оратором, знаменитым своим красноречием» (*orator, facundo famine pollens*),

¹³²⁹ *Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa*. P. 23.

¹³³⁰ «*Ille caret proprio bisseis lumine horis, // Iste suam aeterno conservat sidere lucem*». Здесь и далее использован перевод Е.В. Заруцкой и Н.П. Клещевой. См: Карл Великий и папа Лев. III, vv. 1-176 / Пер. Е.В. Заруцкой и Н.П. Клещевой; под ред. М. Петровой // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М., 2005. С. 165.; *Ibid.* P. 23.

¹³³¹ «*Erigit hinc humiles, humilesque extollit in altum*». *Ibid.* P. 24.

¹³³² *Ibid.* P. 24.

¹³³³ *Ibid.* P. 24.

«побеждает древних наставников в искусстве диалектики» (et priscos superat dialectica in arte magistros)¹³³⁴. Словом, согласно автору «падерборнского эпоса», франкский монарх овладел, как минимум, всех квадравиумом – первой и важнейшей частью «семи свободных искусств», и в этом он превосходит всех других королей настолько, насколько превосходит их «огромностью своей власти» (scilicet imperii)¹³³⁵. Однако не только светские дисциплины интересуют Карла: король постигает божественную мудрость, «ибо Бог открыл ему ход вещей с самого начала» (deo serie revelante ab origine rerum)¹³³⁶.

По сути дела, образ христианского монарха, нарисованный автором поэмы «Карл Великий и папа Лев» отличается от образа, создаваемого остальными источниками этого времени, лишь степенью величия и «взаимодействия» Карла с Господом. Однако если Империя в представлении Павла Диакона, Алкуина и анналистов не имела чёткого центра, то в «падерборнском эпосе» безоговорочным стольным городом является Аахен.

Находящийся в самом сердце германской части Империи, Аахен предстаёт не просто центром государства, но и, ни много, ни мало «вторым Римом» (Roma secunda):

*Деяния справедливейшего короля Карла превосходят [силу] моего
[поэтического] дара
он - глава мира, любовь и гордость народа,
высокочитимый столп Европы, превосходный отец, герой,
император, но также и властелин Города, в котором расцвел заново второй
Рим
и поднялся мощной громадой до великих высот,
его стены и вздымающиеся купола касаются небес¹³³⁷*

¹³³⁴ Ibid. P. 26.

¹³³⁵ Ibid. P. 26.

¹³³⁶ Ibid. P. 25.

¹³³⁷ «Exsuperateque meum ingenium iusissimus actis rex Carolus, caput orbis, amor populi decusque, // Europae venerandus apex, pater optimus, heros, // Augustus et urbe potens, ubi

При этом данное наименование Аахена не является просто красивым эпитетом. Согласно тексту поэмы, Карл последовательно воспроизводит в своей столице все атрибуты Вечного города: Форум, Сенат, театр, термы и акведуки¹³³⁸. Гордое звание «второго Рима», данное Аахену, автор усиливает, трижды по ходу текста именуя франкский город просто *Urbs*¹³³⁹, выделяя это слово заглавной буквой, что делалось античными историками лишь в отношении Рима. Очевидно, что в условиях, когда преемник апостола Петра церемонией 800 года хотел подчеркнуть, где же, по мнению курии, находится центр вселенной, автор поэмы хотел выставить таковым именно франкскую столицу Карла.

Каков был замысел несомненно одарённого, но неизвестного поэта? Ответ на этот вопрос поможет установить если не личность, то хотя бы круг лиц, к которому он мог принадлежать творец «падерборнского эпоса». Имидж Аахена как второго Рима мог быть выгоден тем придворным кругам, которые хотели видеть монарха занятыми, прежде всего, франкскими делами, германской политикой. Именно там, во Франкии, в Аахене, по мнению Алкуина, должны быть возведены Новые Афины, мировой центр просвещения и культуры¹³⁴⁰. Однако если бы автором поэмы был Алкуин, мы бы, несомненно, сумели проследить «аахенскую идею» по его переписке с монархом, к тому же, после 800 года Советник находился в Туре и был уже болен, не участвуя в делах Империи. Рождённая в 800 году политика нового уровня, имперская политика, уводившая Карла от франкских дел, в сторону конфронтации с Византией и опеки папы римского, могла не устраивать франкскую знать и придворные круги, этнической принадлежностью и интересами с этой знатью связанные. И в этом смысле здравыми кажутся предположения историков, что авторами поэмы «Карл Великий и папа Лев»

Roma secunda // Flore novo, ingenti magna consurgit ad alta. Там же. С. 169-171; Ibid. P. 25-26.

¹³³⁸ Ibid. P. 26.

¹³³⁹ Ibid. P. 25, 26.

¹³⁴⁰ *Перевезенцев С.В.* Алкуин // Слово: образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35539.php> (дата обращения: 06.06.2015).

могли быть Эйнхард, Модуин или Ангильберт. Все они, будучи германцами (первые два – франками, последний – готом) желали видеть Карла императором франков, а не римлян, владыкой Франкской, а не обновлённой Римской империи. Одновременно, Карл представал в поэме «маяком Европы», её полноценным хозяином, контролировавшим ход европейских дел без оглядки на папу и других королей¹³⁴¹. Образ нового Рима – Аахена, который с 795 года начинал превращаться в административный и культурный центр государства, был очень удобен для того, чтобы развить альтернативную римской, папско-куриальной, идею империи – аахенскую,

Идеологически эта идея выросла на франкской, германской почве, но только лишь в этом смысле её можно считать литературным воплощением германского элемента власти эпохи Каролингов. Образ Карла, предложенный «падерборнским эпосом», имел мало общего с образом германского вождя, патриарха и, одновременно, главы дружинной организации, представ перед придворной аудиторией очередной вариацией образа христианского монарха, нового Давида.

6.2. Германская ипостась власти в каролингской литературе

На протяжении нашего исследования мы неоднократно сталкивались с косвенными указаниями на германское наследие в практике власти каролингских государей. Представляется, что тематика данной главы требует более детального разбора этого вопроса. Нас будут интересовать повествовательные источники за весь рассматриваемый в работе период – от конца VIII до 80-х годов IX века, написанные как в прозе, так и в поэтической форме.

Уже в христианских по замыслу, подражающих житиям «Деяниях Павла Диакона» автору не удалось обойтись без восхваления германских воинских добродетелей:

Эпитафия Ротхаиды, дочери короля Пипина

¹³⁴¹ *Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa. P. 23.*

Я, та, что лежу здесь, украшена именем Ротхайд,
 Я — отпрыск достойный блестящего рода;
 Оружием брат подчинил мне народы
 Авзонов, *отвагой Юпитера Карл восплававший*;
 Отец мой — Пипин, рожденный царственным Карлом,
 Поверг Аггарена тирана великой грозой.
 И дед мой — *Пипин, отважней которого не было в мире*;
 Мой прадед — *могучий Ансхиз, который ведет от того*
*Ансхиза Троянского имя сквозь долгое время...*¹³⁴²

Отвага, сила, происхождение от древних героев – все эти атрибуты германского вождя присутствуют у Каролингов в описании Павла Диакона. Однако существует опасение впасть в заблуждение: ведь нет оснований полагать, что Павел, хотя и жил в дружинном лангобардском обществе, ставил цель подчеркнуть именно германские добродетели Каролингов. Как и подавляющее большинство каролингских писателей, Павел подражал в поэтическом творчестве античным образцам, вергилиеву слогу, к тому же, вполне, мог донести до читателей реальную эпитафию дочери Пипина, а не сочинить её в целях реализации своего литературного замысла. И в этой эпитафии воинские добродетели франкских королей могли возникнуть именно на почве подражания античным автором, не отражая при этом реальных представлений автора о месте воинской добродетели в моральном облике каролингских государей.

Ещё меньше говорят о германских чертах монархической власти Каролингов анналы. Лишь изредка в них встречаются свидетельства живучести тех или иных франкских обычаев, реализуемых королевской властью: чаще всего это «собрания народа» согласно «франкскому обычаю» и существовавшие ещё со времён Меровингов семейные разделы

¹³⁴² Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. S. 265-266; Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Отзук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 297.

королевства¹³⁴³. И неудивительно: авторами хроник были христиане, чаще всего монахи, которым, как мы убедились ещё во второй главе, не могло и голову прийти затрагивать в текстах чуждые Истинной вере и просвещённости дикие нравы и традиции франков-германцев. Все «полезные» качества франкских королей: отвага, воинственность и т.д. уже подверглись в каролингских текстах своеобразной «христианизации», встав на службу христианской концепции власти и общества.

Таким образом, шанс обнаружить германские черты в образе каролингских правителей может появиться только в случае рассмотрения произведений тех авторов, которые а) обладают определённой степенью «светскости» и во многом находятся в стороне от жёстко заданной христианской литературной концепции; б) близко знакомы со средой, социально/этнически связанной с франко-германскими дружинными, воинскими традициями, а, желательно, сами вышли из такой среды. Перечисленным условиям в каролингское время соответствовали, в основном две категории книжников: 1) «германская» часть Придворной Академии (Эйнхард, Ангильберт и др.) и авторы, чья литературная деятельность протекала в монастырях, под стены которых стекались «народные», «дружинные» элементы франкского общества – воины и крестьяне, со своими жизненными историями и мировоззренческими традициями (к этой категории писателей относятся все три поколения авторов IX века, от Храбана Мавра до Ноткера Заики). До начала творческого пути Ноткера самым ярким автором, сочетавшим в себе «светскость» и «германскость», был Эйнхард, происходивший, как мы помним, из Восточной Франкии¹³⁴⁴.

В самой идее отблагодарить за добро уже почившего Карла увековечением его деяний, Эйнхард, как заметил А.И. Сидоров, следует

¹³⁴³ *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* // MGH. SS rer. Germ. S. 24, 29, 49.

¹³⁴⁴ Как восточнофранкское происхождение, так и длительная жизнь в Фульдском монастыре повлияли на творческий портрет Эйнхарда, который вобрал в себя черты своей социальной среды. См.: *Сидоров А.И.* Отзук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 96-97.

традициям, бытовавшим в германской дружинной среде¹³⁴⁵, где так был важен взаимный обмен не только материальными ценностями, но и «удачей». Однако и облик самого императора Карла, несмотря на «римские одежды», выдаёт в нём типичного германского вождя: своих сыновей с юности Карл обучает верховой езде, обращением с оружием и охоте¹³⁴⁶, будучи сам физически силен и ловок в упомянутых франкских «видах спорта»¹³⁴⁷.

Как и «тацитовские» германцы, Карл презирует чрезмерное винопитие¹³⁴⁸, однако не стесняется устраивать подобающие германскому вождю пиры с большим количеством участников¹³⁴⁹, гостеприимен под стать всем германцам¹³⁵⁰. Только во время публичных торжеств Карл облачается в одеяние подлинного цезаря, в частной же жизни он предпочитает франкскую одежду¹³⁵¹.

Итак, если верить Эйнхарду, во время публичного ритуала, публичной политической практики Карл – это римский цезарь, в обычной жизни, в приватной сфере, в кругу друзей – германский вождь. Точка зрения М.А. Бойцова о том, что германские короли в сфере публичного следовали римским нормам, в частной жизни оставаясь варварами¹³⁵², здесь получает полное подтверждение. Однако так ли сильно нивелирует германскую составляющую власти её проявление исключительно в ближайшем окружении?

Любое проявление стиля правления, пусть даже в узком кругу приближённых, есть такая же репрезентация власти как та, что наблюдалась в исполнении Карла на общих собраниях франкской знати, в текстах

¹³⁴⁵ Там же. С. 74-76.

¹³⁴⁶ Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 23.

¹³⁴⁷ Ibid. S. 26-27.

¹³⁴⁸ Ibid. S. 28.

¹³⁴⁹ Ibid. S. 29.

¹³⁵⁰ Ibid. S. 26. В германских обществах был крайне важен обычай гостеприимства: в облике странника в хозяину вполне мог явиться один из обитателей Асгарда.

¹³⁵¹ Ibid. S. 28, 27.

¹³⁵² Бойцов М.А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времён «падения» римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Под ред. О. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 46-87.

капитуляриев, на монетах и печатях. Иной была лишь аудитория: представая в узком кругу тем, кем он был на самом деле – набожным варваром-германцем – Карл консолидировал вокруг своей особы определённый круг придворных и магнатов – франкскую элиту, в том числе просвещённую её часть, в которой относился Эйнхард. И в этом смысле отголоски германского облика Карла Великого, донесённого до нас первым биографом короля – важная часть образа этого монарха, создаваемого каролингской литературой, а также яркий след представлений самого монарха о собственном стиле жизни и имидже, в том числе в глазах домочадцев, приближённых, гостей.

В каролингской поэзии, причём далеко не только в ритмической, которая была наиболее связана с народными, дружинными слоями общества, но и в метрической, периодически встречаются восхваления германских воинских доблестей. Однако такие упоминания редки в силу преимущественно «мирной» направленности каролингских стихотворений. Так, Эрмольд Нигель с симпатией говорит о «доблестной душе» франков (*pristina vis animis*)¹³⁵³ и вообще «яростном имени» франков (*nomen a ferotate sua*)¹³⁵⁴ под стенами Барселона, вид которого неприятен изнеженным, попавшим под «дьявольскую власть» (*daemonis imperia*) испанцам¹³⁵⁵. За несколько лет до этого загадочный Ирландский Изгнанник с торжественностью говорит о «франков племени ратном», находящемся под властью императора Карла¹³⁵⁶.

Однако гораздо чаще воинскими доблестями награждаются те, кто, мягко говоря, много досадил франкам в те годы: норманны. Седулий Скотт, используя свойственные римскому метру античные аллюзии, зовёт

¹³⁵³ Ermoldi Nigelli carmen elegiacum de rebus gestis Ludovici Pii // *Migne J.P. Patrologia Latina*. T.105. P. 580.

¹³⁵⁴ Ibid. P. 581.

¹³⁵⁵ Ibid. P. 580.

¹³⁵⁶ Ирландский изгнанник (Дунгал?). Послание к Императору (около 800-809 годов) // *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо*. С. 164.

скандинавов «родом гигантов»¹³⁵⁷. Радбод Утрехтский же вообще прямо противопоставляет викингов, которые, по его выражению, первыми услышали голос Громовержца (вероятно, Одина), и франков, которых он называет «галлами, объятами гордыней»¹³⁵⁸. Налицо – симпатии поэтов к германским воинским доблестям, имеющимся у северных варваров, но к тому времени утраченным самими франками. Тем не менее, все эти пассажи имеют мало отношения к собственно представлениям о власти.

Пролить свет на германский элемент каролингского властного концепта, как кажется, может оригинальная поэма «Вальтарий», написанная во второй половине IX века и представляющая собой переложение на латынь некоего древнегерманского эпоса. Как мы ещё более убедимся в следующем параграфе, именно фиксация устной традиции в латинском тексте может стать кладезем низовых, франко-германских представлений о мире, обществе и идеальном правителе.

В «Вальтарии» перед читателем предстаёт идеальная дружинно-воинская среда, где высоко ценится не только собственно «доблесть храбрых» (*fortis virtus*)¹³⁵⁹, но и личная верность предводителю: именно за отсутствие таковой вассал короля франков Хаген упрекает главного героя – Вальтера, служившего королю гуннов, но затем покинувшего его вместе с подругой Хундегундой¹³⁶⁰. Сам Вальтер – идеальный воин-германец, успешный военный вождь, а которым всегда следует «удача»¹³⁶¹.

Силу трёх героев – короля Гунтера, Хагена и Вальтера решает поединок, который завершается примирением, традиционным для германцев

¹³⁵⁷ Седулий Скотт. На поражение норманнов // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 201.

¹³⁵⁸ Радбод, епископ Утрехтский. Чудо святого Мартина (около 900 года) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 220.

¹³⁵⁹ В том числе неоднократно употребляется слово «дружина» (*comitatus*) «дружинники» (*comitantes*). Waltharius, Lateinisch/Deutsch / Ed. Gregor Vogt-Spira // *Bibliotheca Augustana* [Электронный ресурс]. Stuttgart, 1994. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Waltharius/wal_txt0.html (дата обращения: 27.06.2015). 123, 619, 1072, 7.

¹³⁶⁰ Ibid. 1093-1094.

¹³⁶¹ Ibid. 121, 170-203.

обменом «золотыми наплечьями» и пиром, на котором, согласно древней традиции, воинам прислуживает женщина главы праздника – Хундегунда (см. анализ поэмы «Беовульф» в главе 2)¹³⁶². Приоритет воинского, ратного, ярко демонстрируется «участием» Гунтера за столом: как проявивший себя в битве хуже всех, он пьёт из чаши, поданной Хунегундой, самым последним¹³⁶³.

Поэма «Вальтарий» не только «до краёв» наполнена воинским германским духом, но и практически полностью лишена духа христианского. Господь упоминается только в последней строфе (*vos salvet Iesus* – «да благословит вас Иисус!»)¹³⁶⁴, а перед встречей с Вальтером Хаген убеждает короля Гюнтера «именем вышних» расстаться с «яростью» (*deprecor ob superos, conceptum pone furorem*)¹³⁶⁵. Кем являются упомянутые «вышние», как не древними германскими богами – асами? Очевидно, что перед нами очень древний эпический пласт, вергилиевым слогом переложенный на латинский язык.

Однако в этой древности «Вальтария» и кроется, во многом, её минус для нашего исследования. Эта поэма - слишком древняя по своему содержанию, корнями уходящему в эпоху Переселения народов. Поэма «Вальтарий», вобравший в себя всё ещё актуальные для франкского общества дружинные представления, тем не менее, слабо связана с собственно каролингским контекстом, образ каролингского монарха в ней естественным образом отсутствует. Усугубляется данный факт неясностью авторства, датировки и аудитории поэмы. Хотя последнюю можно логически предположить: «Вальтарий» явно был ориентирован на воинскую аудиторию. Так или иначе, вычленив из этого самобытного текста образ правителя едва ли возможно.

¹³⁶² Ibid. 1210-1410.

¹³⁶³ Ibid. 1413.

¹³⁶⁴ Ibid. 1456.

¹³⁶⁵ Ibid. 1075.

Таким образом, чётко слышимые, но, всё же, очень редкие отголоски германского в своей сути общества и, тем более, германской сущности власти Каролингов, вряд ли позволяют нам говорить о германском варианте образе власти в IX веке. Тем не менее, прослеживается явный германский *след* во властной практике эпохи Каролингов, в облике франкских монархов. След этот позволяет увидеть франкскую монархию как чисто германскую, увешанную, разумеется, многочисленной римской бутафорией и, конечно, значительно христианизированную под влиянием церковного окружения королей. Характеризовать империю Карла Великого как чисто германскую, даже на уровне материала одних только нарративных источников, может помочь сюжет, далёкий, на первый взгляд, от темы образа власти. Речь идёт об аварской войне Карла Великого.

История взаимоотношений державы Карла Великого и Аварского государства, на первый взгляд, невероятно тривиальна: из-за подстрекательства герцога Баварии Тассилона¹³⁶⁶ и по причине некоего территориального спора¹³⁶⁷ авары (они же «гунны» франкских летописей) в 788 году начинают набеги на королевство Карла¹³⁶⁸. Ответом явились контрудары франков и победоносная кампания 796 года, в ходе которой средний сын короля Пипин уничтожил укрепленную крепость-столицу кочевников, называемую анналами Рингом¹³⁶⁹. На этом не слишком многословные в описании жестокостей франкского государя Анналы королевства франков заканчивают повествование об аварской войне. Между тем Эйнхард позднее подчеркивает, что война с аварами была чрезвычайно кровопролитной и закончилась гибелью «знатных гуннов» (*nobilitas Hunorum*) и полным исчезновением авар из Паннонии¹³⁷⁰. Учитывая общую

¹³⁶⁶ *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 89.

¹³⁶⁷ *Ibid.* S. 87.

¹³⁶⁸ *Ibid.* S. 83.

¹³⁶⁹ *Ibid.* S. 99-100.

¹³⁷⁰ *Einhardi Vita Karoli Magni* / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 16.

восторженную тональность «Жизни Карла Великого», этим строкам, скорее всего, можно верить.

Итак, согласно франкским источникам Аварский каганат был уничтожен, а его население большей частью истреблено во время военных действий. В чем же причина такого исхода, столь трагической развязки соседства франков и авар? Анналы королевства франков – основной источник наших сведений о войне – не приводят никаких внятных причин конфликта: подстрекательство Тассилона за неимением у авар серьёзных причин для нападения не могло быть действенным, а суть упомянутого за 787 годом территориального спора анналист не раскрывает. Свет на проблему отчасти проливает другая франкская хроника – Анналы святого Аманды. Ее автор за 796 годом сообщает: *«Карл король своего сына Пипина послал в Гуннию: и сам он вернулся с миром; и много сокровищ получил, и во Францию привез»*¹³⁷¹. Тема сокровищ, вывезенных с аварской территории после победы франков, в полной мере развита у Эйнхарда: *«В памяти человеческой не осталось ни одной, развязанной против франков войны, в которой франки столь обогатились бы и приумножили свои богатства. До того времени франки считались почти бедными, теперь же они отыскивали во дворце гуннов столько золота и серебра, взяли в битвах так много ценной военной добычи, то по праву можно считать, что франки справедливо исторгли у гуннов то, что гунны прежде несправедливо отняли у других народов»*¹³⁷². Внушительные размеры сокровищ подчёркивают и поэты панегиристы, поздравлявшие Карла и Пипина с победой в 796 году:

¹³⁷¹ Annales Sancti Amandi, Tiliani, Laubacenses et Petaviani // MGH SS. T. 1. Hannover, 1826. 796; Анналы святого Аманды / Пер. А. Голованова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ann_St_Amandi/text.phtml?id=725 (дата обращения: 2.06.2015).

¹³⁷² Использован перевод М. Петровой. См.: Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. С. 81. «Neque ullum bellum contra Francos exortum humana potest memoria recordari, quo illi magis ditati et opibus aucti sint. Quippe cum usque in id temporis poene pauperes viderentur, tantum auri et argenti in regia repertum, tot spolia pretiosa in proeliis sublata, ut merito credi possit hoc Francos Hunis iuste eripuisse, quod Huni prius aliis gentibus iniuste eripuerunt». Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 16.

Теодульф восклицал, что Господь «из Паннонской земли» послал королю «многоцветные груды сокровищ»¹³⁷³, а неизвестный поэт подчёркивал, что Каган (якобы сдавшийся Пипину добровольно) умилиствовал королевского сына «золотом и жемчугами» (*aurum, gemmas*)¹³⁷⁴.

Таким образом, Пипин Италийский, сокрушив каганат, вывез с его территории несметные сокровища, награбленные аварами за два предшествующих столетия. Так не в желании ли завладеть этими сокровищами заключается истинная причина кампании Карла против Аварского каганата? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует чётко уяснить, являются ли действия франкского монарха по отношению к аварам типичными для его политики в отношении к негерманским народам вообще.

К примеру, стиль взаимоотношений Карла Великого со славянскими племенами, расселившимися к востоку от Эльбы и непосредственно соприкасавшимися с франками, являет собой пример совсем иной политики. В отношениях Франкского королевства со славянами-ободритами и лужицкими сербами преобладала модель тактического союза: Карл заключал с этими славянскими племенами союз против одного из своих основных врагов, будь то саксы или авары. Другую модель взаимоотношений представляла собой война, однако без попыток разграбления и присоединения славянских земель к Франкской державе (велатабы, в ряде случаев лужицкие сербы, моравы)¹³⁷⁵. Таким образом, очевидна незаинтересованность Карла Великого в присоединении славянских, равно как и негерманских территорий к своему королевству. В этом смысле

¹³⁷³ Theodulfus. Versus ad Karolem regem / Ed. E. Dümmler // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. Berlin, 1881. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015). 34-35.

¹³⁷⁴ Carmen de Pippini Regis Victoria. A. 796 // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. Р. 156.

¹³⁷⁵ Гайворонский И.Д. Карл Великий и Аварский каганат; к вопросу о политике короля франков в Восточной Европе (на материалах франкских хроник и "Vita Karoli Magni" Эйнхарда) // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 1 / Отв. редактор А.Х. Даудов. С. 123.

поддерживаемый рядом историков тезис о том, что франкский монарх ограничил территорию своей империи романо-германским миром¹³⁷⁶, представляется убедительным. И действительно: именно «франки», а затем, после имперской коронации, и «римляне»¹³⁷⁷ становятся теми двумя народами, которых объединил под своим скипетром Карл.

Так почему же столь трагическая участь постигла Аварский каганат, по сути никак не угрожавший королевству франков? Как и славяне, авары являлись для Карла «другими», поэтому не должны были быть включены в Империю. Однако все источники сходятся в одном: авары обладали огромными богатствами, которые франки потом вывезли из опустошенной страны. Источник этих богатств ясен: в процессе миграции аварских племен из глубин Азии на Балканы и попутного ограбления встречавшихся на пути народов племенная верхушка авар значительно обогатилась¹³⁷⁸. Вероятно, в процессе инспирированных Тассилоном стычек и переговоров о границах до Карла стали доходить слухи о несметных сокровищах, которыми владеют аварские вожди. Для продолжения своей экспансии во имя создания христианской империи Карлу Великому требовалось найти дополнительные материальные стимулы для франкской знати, постоянно нуждающейся в земле и других богатствах¹³⁷⁹. Именно поэтому Карл устремил свои взоры на аварские земли, ограбление которых сулило материальные выгоды.

¹³⁷⁶ См., напр.: *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 360; *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 72; *Weinfurter S.* Karl der Grosse: der heilige Barbar. Д. Хэгерманн, в частности, отмечал, что основу населения новой Империи составляли франки и лангобарды, а римский элемент выражался в административной структуре. См.: *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. S. 423.

¹³⁷⁷ *Mussot-Goulard R.* Charlemagne. P. 68-69, 110.

¹³⁷⁸ *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2001; *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge, 2006; *Wendel M.* Der Kriegszug der Awaren im Jahr 586/87 n. Chr. durch Nordthrakien // Pontos Euxinos. Beiträge zur Archäologie und Geschichte des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes. Langenweissbach: Beier & Beran, 2006. S. 447-461; *Pritsak O.* The Slavs and the Avars // Kroraina [Электронный ресурс]. URL: http://www.kroraina.com/slav/op/op_slavs_avars_1.htm (16.10.2015).

¹³⁷⁹ См.: *Merrington J.* Town and Countryside in the Transition to Capitalism // The Transition from Feudalism to Capitalism / Ed. P. Sweezy et al. P. 170-195; *Тешке Б.* Миф о 1648 годе:

Таким образом, и в своем отношении к негерманским народам, и в стремлении распределять добытые военным путем земли и богатства среди подчиненной ему знати, Карл Великий предстает как германский вождь. Тот факт, что король посылает в «Гуннию» своего сына Пипина можно рассматривать двояко: Карл мог в силу своей занятости на саксонском театре военных действий оставить авар на «съедение» своему отпрыску, а мог поручить Пипину поход и в качестве испытания для сына, которое он должен пройти, чтобы добыть себе столь необходимую германскому вождю «удачу»¹³⁸⁰. Судьба богатой добычи, которую Пипин доставляет отцу в Аахен¹³⁸¹, очевидна: она, с большой долей вероятности, была распределена между вассалами Пипина, что характерно для германской традиции взаимоотношений между вождем и дружиной¹³⁸². Также поступает и Карл Великий, который, ко всему прочему, как верно заметил Г. Лэмб, стремится добиться расположения саксов, играя перед их предводителями на совместном пиру роль германского вождя¹³⁸³.

Вступив в священный союз с папским Римом и включив в состав своей державы итало-римское население, Карл трансформировал Франкское королевство в германо-римскую империю¹³⁸⁴. Несмотря на масштабную работу по водворению Града Божьего на земле и усилия к превращению в подлинного христианского правителя, повелителя огромной полиэтнической

класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. С. 104.

¹³⁸⁰ Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Избранные труды. Средневековый мир. С. 325.

¹³⁸¹ *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi* / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 100.

¹³⁸² Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Избранные труды. Средневековый мир. С. 326.

¹³⁸³ Лэмб Г. Карл Великий. Основатель империи Каролингов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. С. 150-151. Ещё раз отметим, что роль пиров как инструмента сплочения королевской семь и изнати, была крайне велика в каролингский и отоновский периоды. См.: *Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter.*

¹³⁸⁴ Что и определило сущность Священной Римской империи как романо-германской. См.: *Пако М. Фридрих Барбаросса. Ростов-на-Дону, 1998. С. 8.*

империи, Карл никогда не забывал своих германских корней, став примером просвещенного варвара-христианина раннего Средневековья.

Однако всё это не отменяет того, что перед нами отнюдь не образ правителя. Увидеть Карла-германца в контексте аварской войны нам удалось лишь путём применения традиционных для исторической науки сравнительно-исторического метода и метода гипотез. Практически ни один каролингский автор не захотел намеренно рассказать нам о государях династии Каролингах как подлинно франкских королях, потомках германских *duces* с присущими им характерными доблестями и набором действий, а значит, правомерно говорить не о германском образе правителя в каролингскую эпоху, а о германском *следе* в образе каролингских монархов.

Внесли ли германо-франкские представления о мире свой вклад в образ правителя каролингского времени? Прийти к ответу на этот непростой вопрос сможет помочь лишь один памятник – «Деяния Карла Великого», написанные монахом Ноткером в конце IX века.

6.3. В поисках франкского предания: «Деяния Карла Великого» Ноткера Заики как альтернатива хаосу эпохи

«Деяния Карла Великого» Ноткера Санкт-Галленского, прозванного Заикой, – яркий и, быть может, самый противоречивый памятник эпохи «каролингского возрождения». Специфика сочинения Ноткера обрекла «Деяния» на рассмотрение их историками в качестве плода разыгравшейся фантазии автора. Л. Халфен, например, считал труд Ноткера сборником искаженных заимствований из других источников, в частности, из «Жизни Карла Великого» Эйнхарда¹³⁸⁵. Долгое время интерес к «Деяниям» оставался лишь на уровне изысканий филологии¹³⁸⁶. Однако исследования М. Инза в конце прошлого века дали нам бесценные знания по текстологии названного источника, по-новому открыли «Деяния» для историков каролингской эпохи. Труд санкт-галленского монаха стал источником для рассмотрения

¹³⁸⁵ Halphen L. Le moine de Saint-Gall // RH. №128. 1918. P. 260-298.

¹³⁸⁶ Lehmann P. Das literarische Bild Karls des Grossen vornemlich im lateinischen Schrifttum des Mittelalters. Bd. 2 Stuttgart, 1941. S. 109-138.

определенного культурного и социального опыта¹³⁸⁷, и в настоящее время рассматривается как своеобразная форма осмысления исторической действительности¹³⁸⁸.

Ноткер взялся за сбор интересных историй о Карле волей случая – по просьбе гостившего в Санкт-Галлене Карла Толстого. Однако, соединив в одно целые полные сказочности и иронии легенды о славном государе прошлого, Ноткер в действительности, положил первый кирпич в основание легенды о Карле Великом. Мифический Карл, начинающийся с Ноткера, «это, в сущности, исторический Карл, но разросшийся в глазах потомства»¹³⁸⁹.

Однако вырванный из какого-либо реального исторического контекста, Карл Великий «в исполнении» Ноткера, на самом деле, очень важен для понимания представлений о мире и власти, имевших место в конце IX века. Обратившись к франкским преданиям о великом короле, Ноткер соткал из лоскутков фольклора весьма монолитный и влиятельный миф, а любой миф, по верному замечанию Б. Малиновского, представляет социальную силу, обосновывает устройство социума и его моральные категории¹³⁹⁰. И в этом смысле сочинение Ноткера представляет для нас огромный интерес как памятник, ярко характеризующий культурную, мировоззренческую и социальную реальность конца IX века и, что самое главное, место Карла Великого и памяти о нём, в этой самой реальности. Миф о Карле Великом, созданный в 80-е годы IX столетия, как бы помещает первого императора франков в контекст этого времени, лишает образ Карла

¹³⁸⁷ *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // *Past and Present*. № 158. 1998. P. 3-36.

¹³⁸⁸ *Сидоров А.И.* Ноткер и «Деяния Карла Великого»: удивительные истории, рассказанные монахом из Санкт-Галлена // *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 225-265.

¹³⁸⁹ *Левандовский А.П.* Карл Великий: через Империю к Европе. С. 137.

¹³⁹⁰ См.: *Malinowski B.* Coral gardens and their magic. V.2. The language of magic and gardening: Reimpression. Bloomington, 1965.

своей временной составляющей¹³⁹¹. Иными словами составленные на основе фольклорного материала «Деяния» содержат в себе очень важный «эпический факт», позволяющий исследовать бытовавшие в народе в 80-е годы IX столетия средства выразительности, исторические идеалы и представления¹³⁹². Кроме того, недавно был высказан новый взгляд на значение «Деяний» для исторического контекста конца IX столетия: С. МакКлин подчеркнул, что, создавая свой труд, Ноткер выполнял конкретную задачу: выводил корни ряда современных ему проблем (непрочность Империи, нравы епископов) из правления Карла Великого, чтобы усилить их значимость для своего времени, провести аналогию между Карлом Великим и своим патроном Карлом Толстым¹³⁹³.

Образ правителя, который создал Ноткер, прост, незамысловат и однозначен. Главный герой «Деяний», Карл Великий, предстает идеальным государем, обладающей бесконечной вереницей достоинств. «Непобедимый» (*victoriosissimus*), «мудрейший» (*sapientissimus*), «благоразумнейший из людей» (*moderatissimus hominum*)¹³⁹⁴ - лишь в превосходных эпитетах санкт-галленский монах предпочитает описывать своего героя. Великий король предстает справедливейшим правителем, опекающим бедных и сирых. Искусной, разящей изысканностью аллегорией Ноткер говорит о

¹³⁹¹ В данном случае миф, по образному выражению К. Леви-Строса, является подлинной «машинной для уничтожения времени». См.: *Леви-Строс К.* Структура мифов // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 155.

¹³⁹² *Лихачев Д.С.* «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 431, 436. Датский историк Э. Вестергорд на материале скандинавского и немецкого эпического наследия показала, что в эпосе можно найти свидетельства социальной этики эпохи¹³⁹². См.: *Вестергорд Э.* Родство против договора. Германский героический эпос глазами исторического антрополога // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 1999.

¹³⁹³ *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 204-229.

¹³⁹⁴ «Omnipotens rerum b dispositor ordinatorque regnorum et temporum, cum illius admirande statuae c pedes ferreos veltestaceos comminuisset in Romanis, alterius non minus ad mirabilis statuae caput aureum per illustrem Karolum erexit in Francis». Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rer. Germ. N.S. S. 4-10. Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 428-431.

воздвижении здания новой Империи на месте разрушенной римской: *«После того, как всемогущий владыка всего сущего и устроитель царств и веков сокрушил в лице римлян оного чудного истукана с железными или глиняными ногами, воздвиг он у франков другого, не менее чудесного, истукана с золотой головой в лице славного Карла»*¹³⁹⁵. Эта линия, проводимая автором, не меняется по мере развития сюжета. Карл не претерпевает испытаний, подобно Людовику Благочестивому у Астронома, не брошен в горнило войн подобно Карлу Лысому у Нитхарда. Он статичен в своей идеальности, несравненен и всемогущ, подобен едва ли не самому Богу.

Однако в любом произведении существует конфликт, антитеза, противостояние. От описания конфликтов было не уйти даже Ноткеру в его собрании анекдотов. Впрочем, монах и не собирался этого делать, а, напротив, намеревался построить как можно более жёсткую антитезу, что мы увидим ниже.

В биографиях и исторических трудах каролингской эпохи всегда существовали те персонажи, на которых авторы обращали всю силу своих гнева и желчи, действующие лица, являвшиеся антагонистами главных героев – христианских монархов. В трудах каролингских писателей Карлу Великому противостояли Дезидерий и византийский император, Людовику Благочестивому – родной сын Лотарь с нечестивыми советниками и сам дьявол, сражающийся с кесарем-праведником, Карлу Лысому – тот же Лотарь во главе скопища самых последних негодяев-аристократов. Жупелом и главным антагонистом Карла Великого в «Деяниях» Ноткера Заики стал не конкретный персонаж, а целая социальная группа – франкский епископат. Труд санкт-галленского монаха полон обличений в адрес представителей других социальных групп, но, если следовать логике Ноткера, никто так не подвержен порокам, как епископы. Должно быть, самым ярким эпизодом,

¹³⁹⁵ Здесь и далее использован перевод М.Л. Гаспарова. Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 427; Notker der Stammer. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH SS rer. Germ. N.S. S. 1.

демонстрирующим это, является рассказ первой книги о торге тщеславного епископа с хитрым евреем. Характерны те слова, которыми Ноткер предваряет этот эпизод: *«Поскольку я уже рассказал о том, как мудрейший Карл возвышал смиренных, я намерен рассказать теперь, как он унижал спесивых»*¹³⁹⁶. Суть истории, поведенной автора, заключается в следующем: Карл, решив проучить одного чванливого и жадного епископа, приказал некому торговцу-еврею выставить его на посмешище. Тот забальзамировал домовую мышь, выдав ее за уникальную диковинку, привезенную из Святой земли. Епископ захотел купить «реликт», но еврей долго торговался с ним, в то время как алчный клирик предлагал все большую цену. В конце концов, епископ предложил за мышь полную меру серебра и заполучил желанное. Еврей же отнес серебро Карлу и рассказал ему все, как было. Император созвал через несколько дней епископов и верных, а серебро, уплаченное клириком, было положено посередине зала¹³⁹⁷. Карл Великий, по словам Ноткера, сказал следующее: *«Вы, епископы, наши отцы и попечители, вы должны служить бедным, а через них — самому господу Христу, а не гоняться за безделицами. Между тем вы все делаете наоборот и предаетесь тщеславию и алчности больше, чем кто-либо из простых смертных»*¹³⁹⁸. И добавил: *«Вот сколько серебра дал один из вас некоему еврею за одну домовую набальзамированную мышь»*¹³⁹⁹. Пристыженный епископ начал молить о прощении, а Карл, сделав ему публичный выговор, разрешил клирику удалиться.¹⁴⁰⁰

Чем примечателен этот рассказ? Сребролюбие и, одновременно, расточительность епископа доведены до гротеска и абсурда. Человек, который должен быть духовным пастырем мирян, готов отдать немислимые

¹³⁹⁶ Там же. С. 432; «Quia retulimus, quomodo sapientissimus Karolus humiles exaltaverit, referamus etiam, qualiter superbos humiliaverit». Ibid. S. 19.

¹³⁹⁷ Ibid. S. 19-20.

¹³⁹⁸ «Vos, patres et provisores nostr. episcopi, pauperibus immo Christo in ipsis ministrare. non a inanibus rebus inhiare debuistis». Ibid. S. 20-21; Там же. С. 433;

¹³⁹⁹ «Unus ex vobis tantum argenti pro uno mures domestico pigmentis temperato, cuidam dedit Iudeo». Ibid. S. 21; Там же. С. 433;

¹⁴⁰⁰ Ibid. S. 21; Там же. С. 433;

суммы денег лишь для того, чтобы заполучить яркую безделицу. Ноткер подчеркивает, что этот епископ никогда не давал денег бедным¹⁴⁰¹. Это еще более оттеняет порочность клирика, выставляя его врагом той справедливости, апологетом которой является Карл Великий.

Историй, выставляющих епископов в самом неприглядном виде, в «Деяниях» множество. Одна из них описывает судьбу клирика, неосторожно упрекнувшего Карла в том, что тот ест во время поста в восьмом часу вечера. За это император сурово наказывает провинившегося епископа: разрешает ему сесть за стол только после того, как поест последний слуга Карла¹⁴⁰². Так продолжалось весь пост, пока, по его окончанию, монарх не бросил клирику: *«Теперь, я полагаю, ты убедился, епископ, что я не из неводержности, а из-за предусмотрительности обедаю в дни поста раньше вечернего часа»*¹⁴⁰³. Другой анекдот повествует о епископе, у которого Карл попросил благословения. Святой отец преломил хлеб, но первый кусок взял себе и лишь второй протянул императору. Государь же не принял его, сказав, чтобы епископ забрал себе весь хлеб, пристыдив его отказом от благословения¹⁴⁰⁴. Еще одна история носит явный след влияния фольклорной традиции: во время мессы некий молодой родственник короля очень хорошо пропел «Аллилуйя», сразу после чего Карл высказал епископу хвалебные слова в адрес певчего. Не зная о его родстве с государем, епископ весьма грубо отозвался о пении, после чего император одним только взглядом поверг его, оглушенного, на землю¹⁴⁰⁵. Сказочный элемент в этом сюжете не должен на смущать: средневековый эпос в принципе не мог существовать без веры в чудесное¹⁴⁰⁶.

¹⁴⁰¹ Ibid. S. 20.

¹⁴⁰² Ibid. S. 16.

¹⁴⁰³ «Ut puto, probasti, episcopo, quia non intemperantiae sed providentiae gratia ante vesper tinam horam in XLma convivor». Ibid. S. 16: Там же. С. 432;

¹⁴⁰⁴ Ibid. S. 16-17.

¹⁴⁰⁵ Ibid. S. 25.

¹⁴⁰⁶ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т.1. М.; Л., 1949. С. 36-37.

Степень развенчания авторитета высшего клира в «Деяниях» прекрасно осознаёт сам их автор: Ноткер не скрывает своего осознания того, что егоopus может вызвать негативную реакцию высшего слоя церковников: *«Я боюсь, о государь и император Карл, как бы мне своим стремлением исполнить Вашу волю не навлечь на себя недовольства во всех сословиях и особенно среди епископов высшего сана»*¹⁴⁰⁷. В чем же причины того, что епископы стали главными антигероями «Деяний»? Существует достаточно простое объяснение: острое нападок санкт-галленского монаха было направлено на конкретного церковного деятеля – архиепископа Майнца Лиутварда¹⁴⁰⁸. Однако, на наш взгляд, корни неприязни Ноткера к епископату гораздо глубже.

К моменту окончания монахом из Санкт-Галлена его произведения, полномочия епископов в их диоцезах значительно расширились: епископии, фактически, превратились в фактор децентрализации каролингского мира¹⁴⁰⁹. Как замечал Е.А. Косминский, в этот период каждый церковный округ начинает существовать обособленно, жить своей жизнью, а епископы становятся крупными феодалами, по размеру земельных владений мало чем отличающимися от светской знати¹⁴¹⁰.

Ноткер был представителем монашества, а монастыри, напротив, играли в каролингском обществе совсем иную роль. Несмотря на известную автономность от монаршей администрации, они были заинтересованы в усилении королевской власти, покровительство которой было им необходимо. А такое покровительство могла оказывать только сильная

¹⁴⁰⁷ «Nimium g pertimesco, o domine imperator Karole, ne, dum iussionem vestram implere cupio, omnium professionum et maxime summorum sacerdotum offensionem in curram». Notker der Stammer. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rer. Germ. N.S. S. 22; Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 433;

¹⁴⁰⁸ MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 212-213.

¹⁴⁰⁹ Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 12.

¹⁴¹⁰ История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина и В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959. С. 130.

королевская власть. В отличие от Византии, где веком раньше императоры-иконоборцы повели борьбу против монастырей как столпов центробежных тенденций, во Франкии монастыри являлись опорой центральной власти: в эпоху Карла Великого монашеские обители были своеобразными «филиалами» Придворной Академии, где готовились «кадры» для аахенской риторической школы. Затем, в правление Людовика Благочестивого монахи занимают видное положение при дворе, во время династических войн оставаясь на стороне императора. Позднее наследники Людовика, в частности, Карл Лысый, сделают ставку на епископат, вследствие чего сделают себя во многом зависимыми от его воли.

Насколько осознавал Ноткер это пагубное влияние секуляризованного, могущественного епископата на авторитет монарха? Вопрос этот может стать предметом большой дискуссии, в ходе которой справедлив вопрос: могли ли вожди каролингского монашества, не говоря же о рядовых инок, осознавать децентрализаторскую роль епископов? Едва ли в условиях существования лишь 5% людей, способных воспринимать и генерировать политические идеи, такой расклад был возможен. Однако это не снимало противоречий между чёрным и белым духовенством, между монашеством и епископатом.

Епископы, представители высшего слоя белого духовенства, были для монахов средоточием порока и развращенности нравов. В тот момент франкское монашество, реорганизованное Бенедиктом Аннианским во время реформы 817 года, стояло гораздо ближе к христианскому идеалу, чем епископы и белое духовенство в целом. Такое положение не должно вызывать удивления: в эпоху раннего Средневековья, когда в представлении людей космический порядок исходил от трансцендентного Бога, монашеское смирение становилось единственной законосообразной формой аскезы¹⁴¹¹. Именно поэтому между монашеством и белым духовенством существовало

¹⁴¹¹ *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // *Античность и Византия*. М., 1975. С. 267.

негласное соперничество, своеобразное «соревнование в благочестии», которое очень хорошо прослеживается в риторике Ноткера, отобравшего для своей книжицы *нужные* легенды. Несомненно, что именно стремление показать несовершенство, если не сказать, порочность епископата, одновременно защищая преимущества монашеского образа жизни, двигало Ноткером в его обличениях нерадивых епископов.

Желал ли санкт-галленский монах перенесения монашеского благочестия на саму персону Карла Великого, хотел ли видеть давно почившего монарха в числе иноческой корпорации, как этого хотели приближённые Людовика Благочестивого? Этот вопрос следует считать открытым, поскольку образ Карла в «Деяниях» гораздо ближе к образу фольклорного героя, короля-воина, нежели святого короля¹⁴¹². Но одно можно утверждать достаточно однозначно: идеал Ноткера – по-настоящему могущественный, сильный правитель.

Согласно одной из историй Ноткера, Карл Великий поручил всем епископам читать проповедь в главной церкви своей епископской резиденции за день, до строго установленного императором. Один из епископов, зная, что не способен читать проповеди, пригласил в установленный день двух придворных Карла, кое-как произнес что-то с трибуны, потом устроил роскошный пир, на котором ублажал себя и гостей, в том числе королевских вельмож. Затем он попросил их доложить Карлу о себе только хорошее¹⁴¹³. Они в ярких красках расписали государю достоинства клирика, на что Карл, все-таки зная о его бездарности, *«понял, что тот из страха рискнул лучше попытаться что-нибудь сказать, чем не*

¹⁴¹² Согласно классификации Ж. Дюмезиля, которую он основывает на «трёхчастной системе» главных богов индоевропейцев, существовало три типа героя: покровитель религиозного ритуала (Один), герой-воин, победитель чудовищ (Тор) и культурный герой-кормилец (Тор). См.: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. Т. Цивьян. М., 1986. С. 140.

¹⁴¹³ Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rer. Germ. N.S. S. 22-25.

повиноваться королевскому приказу, и разрешил сохранить ему епископство, хоть он и был его недостоин»¹⁴¹⁴.

На первый взгляд, мы видим здесь лишь очередную зарисовку дурных нравов епископов. Однако Карл прощает епископа лишь потому, что тот устрасился гнева государя. При всем своем невежестве клирик получил королевское прощение именно потому, что им двигал страх перед властью. Этот кажущийся лишь нравоучительным анекдот, на самом деле, является важной частью видения Ноткером каролингской монархии. Подчинение государю, покорность перед властью у него превыше всего, в точном соответствии с новозаветными максимами. Даже тот факт, что покорный епископ пошел на обман из страха перед Карлом Великим, не смущает Ноткера. Монах, таким образом, ставит короля в центр мироздания, видя в нем, в лице Карла Великого, идеал правителя. Вновь, как и полвека назад, христианский монарх помещается в самый центр картины мира, и происходит это под влиянием ностальгии по веку Карла Великого.

Подводя промежуточные итоги рассмотрению ряда пассажей «Деяний», мы можем сделать вывод о наличии у Ноткера схемы отображения действительности, в рамках которой на одном полюсе оказался идеальный монарх, на другом – подверженные грехам и деградации франкские епископы. Эта невероятно тривиальная антитеза ярко высветила ноткеровский идеал короля: непогрешимый, всеведующий, способный всегда отыскать истину, наградить добрых и наказать злых, Карл Великий в «Деяниях» Ноткера Заики превращается в подлинного героя мифа. Каковы же истоки данной схемы интерпретации действительности? Какие методы применяет Ноткер для конструирования этой схемы?

Роль священных текстов в формировании текста «Деяний» можно охарактеризовать как значительную, но не определяющую¹⁴¹⁵. Как уже было

¹⁴¹⁴ «Tunc intellegens causa timoris sui aliquid illum loqui conatum, quam praeceptum suum praetermittere ausum, licet indignum, retinere permisit pontificatum». Ibid. S. 25; Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 435.

отмечено, главным источником сочинения Ноткера стало устное предание, устная фольклорная традиция¹⁴¹⁶.

Следует отметить, что IX век – время существования французского эпоса в «латентном»¹⁴¹⁷ состоянии, «подготовительный период»¹⁴¹⁸, когда эпос франков не был записан на народный язык, но уже существовал в устных преданиях. З.Н. Волкова верно подчеркивала, что генезис французского эпоса в его устной форме начался в период раннего Средневековья, при этом традиции так называемого каролингского эпоса «наслаивались» на предшествующие фольклорные традиции¹⁴¹⁹. Для Ноткера эта устная фольклорная культура была не просто источником информации. На ней он основывал свой метод интерпретации действительности, метод создания образов, в том числе образа власти.

Поведение Карла в сочинении Ноткера, как мы отмечали, характеризуется справедливостью, идеальной мудростью, презрением к роскоши. Король с явным состраданием относится к бедным¹⁴²⁰. Мотив монарших благодеяний по отношению к бедным – традиционный для каролингской и, вообще, раннесредневековой литературы. Но столь рельефно и детализировано он проявился именно в «Деяниях Карла Великого» Ноткера Санкт-Галленского. Таким образом, Карла в ипостаси монарха-филантропа

¹⁴¹⁵ Ярким проявлением библейских аналогий, может служить рассказ о юношах, которых Карл Великий отобрал для занятий наукой под руководством ирландца Климента. Оказалось, что мальчики низкого происхождения способны учиться лучше и прилежнее, чем дети высокородных вельмож, которые в науке не преуспели¹⁴¹⁵. Согласно Евангелию от Матфея, Сын Человеческий в конце времен поставит праведников по правую руку от Себя, а по левую – грешников; первым прикажет ступить в Царство Его, вторым – в огонь вечный (Мф 25:31-41). По аналогии с Господом Карл Великий поставил прилежных юношей по правую руку, похвалив их, а нерадивых – по левую, высказав им суровое порицание. Ibid. S. 25; там же. С. 435.

¹⁴¹⁶ А.И. Сидоров по этому поводу замечает: «Перед нами великолепный пример переосмысления в контексте интеллектуальной культуры устной мифоэпической традиции, восходящей к германскому варварству». *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 264.

¹⁴¹⁷ Волкова З.Н. Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний. М. 1984. С. 182.

¹⁴¹⁸ Gautier L. Les Epopées francaises. V.2. P., 1878. P. 195-199.

¹⁴¹⁹ Волкова З.Н. Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний. С. 23.

¹⁴²⁰ Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rer. Germ. N.S. S. 10-11.

можно отнести к третьему типу героя по классификации Ж. Дюмезиля: культурному герою-кормильцу¹⁴²¹.

Как могла устная традиция проникнуть в произведение Ноткера? В главе 1 мы указывали, что монах опирался, прежде всего, на рассказы священника Веринберта и его отца Адальберта, воина и вассала знаменитого зятя Карла Великого Керольда. Веринберт, видное лицо в Санкт-Галленском монастыре, мог черпать сведения из среды бытования легенд о Карле Великом. Однако за этим утверждением должен последовать очень серьезный вопрос: что эта была за среда, в которой мог формироваться франкский фольклор, франкское устное предание, центральной фигурой которого был Карл Великий?

Традиционная точка зрения рассматривает монастырскую культуру и Санкт-Галленский монастырь в частности как место, куда стекались все народные предания: приносили их рядовые воины и крестьяне, из числа которых рекрутировалась монашество. С точки зрения таких исследователей, как Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспаров, М. Данн, Д.Д. МакЭвой и Д. Лэйк, «Деяния» Ноткера были порождены именно этой средой, являвшейся почвой для распространения франкского фольклора¹⁴²².

Иной позиции придерживаются М. Иннз и А.И. Сидоров. С их точки зрения, легенды, собранные Ноткером, своим содержанием говорят о том, что бытовали в среде социальной элиты. Это, однако, не мешает им быть продуктом устной, притом, франкской традиции (носителем которой была, в том числе, каролингская знать), восходящей к германскому варварству¹⁴²³.

¹⁴²¹ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. Т. Цивьян. С. 140.

¹⁴²² Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 40-45; Гаспаров М.Л. Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 13; Dunne M., McEvoy J.J. History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. P. 10; Lake J. Richer of Saint-Remi. P. 183.

¹⁴²³ Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // The Uses of the Past in the Early Middle Ages / Ed. Y. Hen and M. Innes. P. 227-249; Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 264-265.

На наш взгляд, данная дискуссия не имеет особого значения: раннесредневековые монастыри действительно были местом, куда стекались «низовые» и дружинные элементы — крестьяне и воины, либо в виде паломников, либо новоиспечённых иноков, и Санкт-Галлен не был здесь исключением¹⁴²⁴. И именно там, на наш взгляд, и могло происходить соприкосновение устных преданий, бытовавших в среде знатий и легенд, циркулировавших в низах. Почему же Веринберт мог узнать от Адальберта и передать Ноткеру легенды, которые пересказывали Керольд и франкская воинская элита, но не мог добавить то, что слышал сам в монастыре? Поскольку этот вопрос явно риторический, то неправомерно отсекал возможность соприкосновения Ноткера как с «элитарным», так и с «низовым» преданием о Карле. В любом случае и то и другое, как следует из сведений, добытых историографией, выросло на германо-франкской почве, а значит, актуально в рамках данной главы.

Как следствие восприятия Ноткером франкского устного предания, Карл Великий становится в «Деяниях» подлинным фольклорным героем, находится в центре почти эпического полотна. Приведем фрагмент, относящийся к описанию Ноткером войны с лангобардами, который уже успел стать хрестоматийным: *«Начала показываться на западе, северо-востоке и севере будто черная туча, которая обратила ясный день в мрачную ночь. Но когда стал приближаться император, от блеска оружия засиял осажденный день, который для них был чернее ночи. Тогда-то стал виден и сам Карл в железном с гребнем шлеме, с железными запястьями на руках и в железном панцире, покрывавшем железную грудь и его платоновские плечи; в левой руке он держал высоко поднятое копье, потому что правая всегда была протянута к победоносному мечу. Наружная*

¹⁴²⁴ См.: Green J.P. Medieval monasteries. New York: Bloomsbury Academic, 2005; Ochsenbein P. Das Kloster St. Gallen im Mittelalter. Die kulturelle Blüte vom 8. bis zum 12. Jahrhundert. Stuttgart, 1999; Geuenich D. Mönche und Konvent von St. Gallen in der Karolingerzeit // Alemannisches Jahrbuch 2001/2002. S. 39–62; Zettler A. St. Gallen als Bischofs- und Königskloster. In: Alemannisches Jahrbuch 2001/2002. S. 23–38; Marti H. Klosterkultur und Aufklärung in der Fürstabtei St. Gallen. St. Gallen, 2003.

сторона бедер, которая у других обычно остается незащищенной, чтобы легче было сесть на коня, у него была покрыта железной чешуей. Что говорить о железных поножах? Они всегда были принадлежностью всех воинов. На его щите не было видно ничего, кроме железа. Да и конь его блистал, как железо, своей мощью и мастью. Такие доспехи были у всех, кто шел впереди него, с обеих сторон, и у всех, кто шел следом; да вообще все его воины имели подобное снаряжение, насколько было возможно. Железо заполняло поля и площади; на железных остриях отражались лучи солнца. Перед холодным железом преклонился похолодевший от страха народ. Перед ослепительно сверкающим железом побледнел ужас подземелий»¹⁴²⁵.

Этот завораживающий, льющийся, подобно реке, пассаж, представляет собой настоящее явление героя-воина, эпического властелина-воителя. Император Карл, закованный в железо, становится уже персонажем мифологии, сказочного повествования, выступая в ещё одной героической ипостаси – короля-воина, чьим прообразом, согласно концепции Ж. Дюмезиля, в индоевропейской мифологии мог быть Тор, бог-победитель чудовищ¹⁴²⁶. Таким образом, Карл в описании Ноткера совмещает в себе два типа героя – второй и третий, являясь одновременно воином и стражем изобилия.

¹⁴²⁵ «His necdum finitis primum ad occasum circio vel borea cepit apparere quasi nubes tenebrosa, que diem clarissimam horrentes convertit in umbras. Sed propiante paululum imperatore ex armorum splendore dies omni nocte tenebrosior oborta est inclusis. Tunc visus est ipse ferreus Karolus, ferrea galea cristatus, ferreis manicis armillatus, ferrea torace ferreum pectus humerosque Platonicos tutatus, hasta ferrea in altum a subrecta sinistram b impletus c . Nam dextra ad invictum calibem semper erat extenta; coxarum exteriora, quae propter faciliorem ascensum in aliis solent lorica nudari, in eo ferreis ambiebantur bratteolis. De ocreis quid dicam? Quae et cuncto exercitui solebant ferreae semper esse usui. In clipeo nihil apparuit nisi ferrum. Caballus in quoque illius animo et colore ferrum renitebat. Quem habitum cuncti praecedentes, universi ex lateribus o ambientes omnesque sequentes et totus in commune apparatus iuxta possibilitatem erat imitatus. Ferrum campos et plateas replebat. Solis radii reverberabantur acie ferri. Frigido ferro honor a frigi diori deferebatur populo. Splendissimum ferrum horror expalluit cloacarum». Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rer. Germ. N.S. S. 83-84; Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 439.

¹⁴²⁶ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. Т. Цивьян. С. 140.

Ноткер конструирует образ «железного человека», делая достоянием книжности устное предание, «коллективную историческую традицию»¹⁴²⁷, воспринимавшуюся сознанием средневекового человека как быль. В форме прозаического эпоса автор «Деяний Карла Великого» рисует свой образ власти, согласно которому король-герой непостижим в своем величии, но прост в справедливости своих поступков и проявлений мудрости. Свойственные эпосу приемы интерпретации действительности, сюжеты из устной традиции, которые Ноткер либо слышал сам, либо узнал от учителей – вот метод автора «Деяний». С помощью этого метода Ноткер Заика создал неповторимый фольклорный образ монарха-героя.

Сам факт появления «Деяний», вобравших в себя множество преданий о самом знаменитом короле франкского прошлого, означает, что Карл Великий воспринимался в обществе как героический персонаж. Данная мысль весомо подкрепляется тем фактом, что жгучая ностальгия по временам Карла и просто добрая память о нём была свойственна не только устной традиции, донесённой до нас книгой Ноткера, но и официальной поэзии. Например, в анонимной «Песне об Аквилее, не заслуживающей восстановления», Карл предстаёт как великий король¹⁴²⁸, в то время как в таком экстатическом и глубоко религиозном жанре, как видение, Карл, хотя и временно попадает в место, подобное позднему чистилищу, оказывается приготовлен Богом к вечной жизни подле святых¹⁴²⁹. Одним словом, роль ключевого действующего лица своего века в глазах потомков Карл вполне заслужил. Насколько соответствует первый императора франков образу мифологического героя?

В середине XX века Р. Сомерсет, 4-й барон Реглан в книге «Герой: исследование традиции, мифа и театра» на основе изучения историй

¹⁴²⁷ Стеблин-Каменский М.И. Записки о становлении литературы // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964. С. 403.

¹⁴²⁸ Песнь об Аквилее, не заслуживающей восстановления // Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 263/

¹⁴²⁹ Walahfridus Strabo. Visio Wettini // IntraText: digital library [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intratext.com/IXT/LAT0797/> (дата обращения: 27.06.2015).

различных мифических персонажей, сформулировал перечень из 22 пунктов, хотя бы половине из которых должен соответствовать подлинный герой мифа¹⁴³⁰. Реглан не рассматривал в своей работе мифологический образ Карла Великого, однако на основе списка биографических фактов, присущих, по мнению барона, всем известным героям, императора франков подпадают по следующие пункты¹⁴³¹: его отцом действительно был король (Пипин, 2), о детстве его почти ничего неизвестно (9), но повзрослев, он начал править королевством (10). Карл после победы над королём (Дезидерием, 11) действительно женился на принцессе (Дезидерате, правда, перед победой над её отцом, 12), стал королём (лангобардов, 13), издавал законы (15), но затем утратил благоволение Бога (при Ронсевалле либо в 810-811 годах, когда потерял сразу двух сыновей, 16) и встретил загадочную смерть (если считать за «загадочность» предшествующие смерти Карла знамения, 18). Тело его, по позднейшим преданием, не было погребено (21), а день смерти действительно происходили знамения (22)¹⁴³².

Итого – 11 соответствий, то есть, только половина, в чём Карл уступает всем описанным у Реглана героям, начиная от Эдипа и заканчивая Робин Гудом¹⁴³³. Однако заметим, что не все составляющие мифа о Карле, подпадающие под классификацию Реглана, к концу IX века сформировались в литературе. Проще говоря, в каролингскую эпоху мы имеем далеко не законченный мифологический портрет Карла Великого, который будет завершён уже в эпоху французских жест и «Песни о Роланде», то есть в XI-XII веках. Для раннего Средневековья, когда героический эпос, в большинстве своём, существовал лишь устной форме, результат Карла в прохождении реглановского «экзамена» - весьма впечатляющий. В качестве небольшого итога, можно заключить, что к 80-м годам IX века во франкских преданиях Карл выступал уже как мифологический герой. Именно в таком

¹⁴³⁰ *Lord Reglan. The Hero: a study in tradition, myth and drama.* New York, 1956. P. 174-175.

¹⁴³¹ Здесь в скобках – пояснение и номер пункта, принятый у барона Реглана (прим. – И.Г.).

¹⁴³² *Ibid.* P. 174-175.

¹⁴³³ *Ibid.* P. 175-185.

качестве, не только как прародитель королевской фамилии, он мог заинтересовать Карла Толстого и его семью, которые, вероятно, намеревались использовать книжицу Ноткера для домашнего чтения.

Подводя итоги рассмотрению сочинения Ноткера Санкт-Галленского, автору видятся обоснованными следующие выводы. В условиях углублявшегося территориального размежевания каролингского мира у довольно известного писателя своего времени – Ноткера – возникла потребность в рецепции образа создателя и консолидатора этого мира – Карла Великого, потребность в создании мифа о нем.

В форме скрытой ностальгии по временам легендарного уже императора Ноткер отразил противоречия последней трети IX столетия, когда идеал монарха стал связываться с сильной королевской властью, в «Деяниях» персонифицировавшейся в безупречном императоре Карле. Для создания такого образа Ноткер переработал и записал на латинском языке огромный пласт устной фольклорной культуры франков. И если Нитхард и Мегинхард для создания образа власти использовали наследие античной историографии, то истоки образа Карла Великого, созданного Ноткером Заикой, лежат во франкской фольклорной традиции каролингского времени, своими корнями уходящей в варварскую древность.

Таким образом, благодаря самобытному сочинению Ноткера Санкт-Галленского в копилку образов монархов, создаваемых литературой «каролингского ренессанса», добавился образ, основанный на глубоко франкских представлениях о мире и правителе: благодаря этому каролингская концепция власти всё-таки пополнилась «германским элементом».

6.4. Судьба каролингских представлений о власти в конце IX-X веках

Крах объединительной политики Карла Лысого и Карла Толстого означал продолжение распада каролингского мира на ряд самостоятельных владений, усиление власти местных династов и ослабление королевской

власти (прежде всего, на западе франкского мира, где правящий дом ещё сохранял формальное верховенство). Современные историки справедливо считают именно 888, а не 843 год рубежной датой – фактическим «концом Каролингской империи»¹⁴³⁴. Из-под власти Каролингской династии ушел Прованс, перешедший к Бозонидам, образовалось Итальянское королевство Гвидонидов. В 911 году в Восточно-франкском королевстве прекратится династия Каролингов, а в 915 дом потомков Карла Великого потеряет императорскую корону, которую до 924 года захватит Ги Сполетский. Что касается Западно-франкского королевства, то после смерти Карла Лысого оно все более превращалось в совокупность земельных владений, влияние Каролингской фамилии в которых было минимально. К концу IX века оно состояло из 29 таких ленов, а к 987 году – уже из 55¹⁴³⁵. Формировался новый социально-политический уклад – феодальный; в X веке вассально-сеньориальные отношения стали определять политику западно-франкского короля в отношении знати. Церковь Западной Франкии превратилась из верного союзника Каролингов в их противника и в итоге поддержала главного конкурента правящего дома – герцогов Робертинов. Внешняя угроза также не ослабевала: помимо не прекращавшихся набегов скандинавов, свои походы начали венгры, а на имперское наследие Каролингов стала претендовать воцарившаяся в Восточно-франкском королевстве саксонская династия Людольфингов.

Мы уже рассмотрели, какие варианты конструирования образов реальности и портретов монархов предложили франкские писатели 880-х годов: риторический, псевдоантичный стиль Мегинхарда, сменившийся разочарованием и сухостью, соседствовал в те годы с упоенным мифотворчеством Ноткера. Однако наряду с этими вариациями образа власти вопреки всем трудностям продолжала своё существование традиция,

¹⁴³⁴ *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. P. 232; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 434.

¹⁴³⁵ *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2. С. 163-165.

берущая начало в правление позднего Карла Великого и Людовика Благочестивого – христианская традиция королевских зеркал.

Последним автором, творившим в этом жанре, был один из ключевых персонажей нашего диссертационного исследования – Хинкмар Реймский. Ещё в 70-е этот церковный лидер написал две работы, близкие к жанру зеркала – «О личности короля и королевской службе» и «Наставление королю Людовику». Однако наиболее интересным памятником, содержащим наиболее законченную концепцию, является книга «О дворцовом порядке», написанная Хинкмаром в 882 году, в год смерти архиепископа в монастыре Эперне.

До сих пор в тексте «*De ordine palatii*» историков привлекает часть, охватывающая главы 12-36, где Хинкмар рассказывает об управлении дворцом и всем государством в правление Карла Великого¹⁴³⁶. Несмотря на вторичность сведений Хинкмара, которые, к тому же, оделяет от эпохи Карла. без малого, семь десятилетий, в описании структуры каролингского двора исследователи по-прежнему опираются на «*De ordine*»¹⁴³⁷, и лишь недавно были высказаны предположения, что реймский архиепископ создал в своём труде миф об идеальном королевском дворе, который имеет мало отношения к реальности¹⁴³⁸. Так или иначе, представления Карла об идеальном монархе исследованы по-прежнему недостаточно: связь взглядов Хинкмара с предшествующей политической теологией каролингского времени ещё не подвергалась тщательному рассмотрению¹⁴³⁹.

¹⁴³⁶ Hincmar. *De Ordine Palatii epistola* / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P. 33-97.

¹⁴³⁷ McKitterick R. Charlemagne. P.; Hägermann D. Karl der Große. Herrscher des Abendlandes.

¹⁴³⁸ Старостин Д.Н. Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2014. № 2. С. 52-58.

¹⁴³⁹ Из последних работ см.: The Cambridge history of medieval political thought c. 350 – c. 1450. / Ed. by J. H. Burns; Lepree J. F. Sources of spirituality and Carolingian exegetical tradition; Вербин В.М., Гайворонский И.Д. Взгляды Хинкмара на природу власти короля // *Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда* / Пер. с лат. А. Банникова, В. Вербина и Г. Шмидта.

Между тем, в «De ordine palatii» Хинкмар выступает продолжателем концепции Ионы Орлеанского о короле, служащем указаниям церкви. Как и Иона, архиепископ Реймса принимает в качестве отправной точки идею Геласия о двух властях – власти епископов и власти короля¹⁴⁴⁰. Высшие прелаты, согласно представлениям Хинкмара, выполняют роль «стражей», которые исправлять народ¹⁴⁴¹, в то время как король должен «исполнять обязанности правителя по отношению ко всем подданным»¹⁴⁴². Однако – и это Хинкмар подчёркивает особенно – прежде чем править народом, король должен «привести в порядок» свой собственный нрав, ибо «благочестием короля возвышается престол»¹⁴⁴³.

Тема «богобоязненного короля» лейтмотивом проходит через первые 11 глав трактата Хинкмара. Уже в первой главе автор обозначает главную цель всех монархов – служить Господу так, чтобы Он не разгневался на них¹⁴⁴⁴. Хинкмар подчёркивает: многие властители нашли свою гибель, не исполняя это предписание Царя царей¹⁴⁴⁵. Любовь к справедливости, назначение благочестивых епископов, достойных графов и судей – вот залог правления, угодного Богу, когда король будет вызывать у народа три главных чувства – страх, покорность и любовь¹⁴⁴⁶. И в этом смысле Хинкмар совершенно неоригинален: он лишь возрождает, оттачивает и доводит до совершенства в своём сочинении то, что уже было сформулировано предшествующими авторами.

Однако нельзя сказать, что Хинкмар возрождает жанр зеркала после долгого перерыва. Если написанные в 842 году поучения графини Дуоды своему сыну можно назвать «зерцалом князя», на наш взгляд, с большой

¹⁴⁴⁰ Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliothèque de l'école des hautes études. P. 12-16.

¹⁴⁴¹ Ibid. P. 14.

¹⁴⁴² Ibid. P. 16.

¹⁴⁴³ Ibid. P. 16.

¹⁴⁴⁴ Ibid. P. 3.

¹⁴⁴⁵ Ibid. P. 4.

¹⁴⁴⁶ Ibid. P. 2-8, 22-29.

натяжкой¹⁴⁴⁷, то книгу Седулия Скотта «О христианских правителях», написанные в 50-х годах, можно смело причислять к этому типу литературы¹⁴⁴⁸. В этом труде одарённый ирландец, бывший неформальным лидером данной этнической общины, обосновавшейся в Льеже, выразил большинство классических для каролингского зеркала мыслей:

- 1) важность поддержки Бога, без которой правитель неизбежно теряет власть (Седулий раскрывает эту мысль на примере Саула и Давида);
- 2) умение назначать благочестивых и правдивых защитников;
- 3) избегание превращаться в дурного правителя: деспотического, жаждущего богатства, замкнутого в своём дворце и окружённого бесчестными друзьями и советниками
- 4) обладание рядом обязательных христианских добродетелей: милость, щедрость, исправление или сокрушение злых, одинаковость правосудия по отношению к богатым и бедным¹⁴⁴⁹.

Живучесть традиции зеркал, несмотря на её явное замирание примерно между 860 и 880 годами, легко объяснима: тяжёлое положение Каролингского дома и франкских королевств в этот период как нельзя лучше создавало почву для поиска интеллектуалами ответа на вопрос, какой образ действий должны избирать франкские монархи, чтобы преодолеть навалившиеся на них трудности.

Тем не менее, в 880-890-е, как мы неоднократно отмечали ранее, испытания для Каролингов стали непреодолимыми, поэтому зеркала

¹⁴⁴⁷ Dhuoda. Handbook for her warrior son / Ed. And trans. M. Thiebaux. New York, 1998. P. 40-239. В русскоязычном варианте: Дуода. Стихи к Вильгельму (13 декабря 842 года) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. С. 247-249; А.Ю. Карачинский относит это стихотворное послание Дуоды своему сыну-графу, по какой-то причине отобранному отцом у матери, к жанру «зерцал». См.: *Карачинский А.Ю.* Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX-X вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 31; О Дуоде см.: *Гаспаров М.Л.* Дуода // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 349; *Thiebaux M.* Introduction: Duoda of Uzes and the Liber Manualis // Dhuoda. Handbook for her warrior son / Ed. And trans. M. Thiebaux. P. 1-39.

¹⁴⁴⁸ Sedulii Scoti liber de rectoribus Christianis // *Migne J.P.* Patrologia Latina. T.103. Paris: apud Garnier fratres, 1864. P. 291-332.

¹⁴⁴⁹ Ibid. P. 302-304, 306-308.

Хинкмара – последние «представители» этого жанра в каролингскую эпоху, если не в раннее Средневековье вообще. Хинкмар в полной мере продолжил традицию «псевдокиприанизма», изображая короля слугой церкви, однако архиепископ, на склоне лет уже ощущая собственную немощь и невозможность повлиять на франкских монархов, вероятно, всё-таки осознал важность сильной королевской власти и крупной роли короля в структуре христианского королевства. Об этом говорят совершенно чёткие мотивы надзора короля за нравственным обликом епископов¹⁴⁵⁰ и старый, восходящий ещё ко временам Карла Великого, мотив ответственности монарха за своих поданных перед Богом после своей смерти¹⁴⁵¹. Увидев крах всего того, что он наблюдал с юных лет, с момента пребывания при дворе Людовика Благочестивого, всего того, о чём он прочёл в книге Адаларда Корвейского, Хинкмар осознал, что без ключевой роли могучего христианского монарха франкское королевство не выстоит перед невзгодами. Очевидно, что и некогда всесильный архиепископ, и его современник Мегинхард в какой-то момент – вероятно, на рубеже 870-80-х годов - испытали серьёзный мировоззренческий и даже психологический надлом: на их глазах христианская империя, призванная укреплять веру в своих подданных и нести её в сердца язычников, обратилось в ничто грузом собственных противоречий и ударами новых варваров. И Хинкмар, как никто другой понимал: он живёт уже в другую эпоху, нежели счастливеец Адалард, заставший славные времена Карла.

Именно этим и ничем другим объясняется та идиллическая картина железного порядка при королевском дворе, чётко оформленных должностей, идеально налаженной работы франкских ассамблей, которую нарисовал Хинкмар во второй части «*De ordine palatii*»¹⁴⁵². Хинкмар подробно описывает - и безмолвно восхищается. Хинкмар восхищается - и жгуче

¹⁴⁵⁰ Hincmar. *De Ordine Palatii epistola* / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliothèque de l'école des hautes études.. P. 23-26.

¹⁴⁵¹ Ibid. P. 29.

¹⁴⁵² Ibid. P. 34-97.

ностальгирует по временам, которые застал лишь ребёнком, и о которых узнал лишь из старенькой книжки, написанной сподвижником Карла. Ностальгия, осознание того, что «золотой век» Каролингов остался позади – вот общий тон представлений о монархе конца IX века. На примере сочинения Хинкмара как нельзя лучше прослеживается подобная рефлексия на происходящее: вызовы времени требуют искать ответа в прошлом, и образ монарха становится «опрокинут» в это самое прошлое. Осознание того, что они живут уже в новом мире, где правят короли уже совсем другого облика, авторы конца IX века пытаются рассказать этим самым королям о своём идеале монарха, который уже не приспособливается к реальности, как во времена Карла Лысого, а всё более уходит от неё, в сторону идеалов, питаемых прошлым.

И хотя X век выходит за рамки нашей исследовательской работы, нельзя не упомянуть роль в этой тенденции одного из последних ярких каролингских писателей – Регина Прюмского (840-915 гг.). Написав свою «Хронику» в 906 году, этот довольно известный в восточной части франкских земель духовный лидер, повествовал о событиях второй половины - конца IX века как об уже прошедших¹⁴⁵³. И хотя для него, подлинного историка эпохи Средневековья, обработавшего громадный пласт материала, недавнее прошлое сливалось с настоящим, он также смотрел назад, а не вперёд.

Регинон не был династическим анналистом, не писал в интересах кого-то из Каролингов, хотя чисто географически тяготел к представителям срединной и восточной ветвей. Позиционируя себя, как автора,

¹⁴⁵³ Подробнее о Региноне и его «Хронике» см.: *Kurze F. Praefatio // Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. S. V-XVII.*

Anton H.H. Regino von Prüm // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 7, Herzberg: Bautz, 1994. S. 1483–1487; Haas J. Zum Plan einer wikingischen Herrschaft am Mittelrhein und an der Mosel. Ein historischer Kommentar zu Regino, Chronicon ad annum 885 und zu Notker, Gesta Karoli Magni imperatoris II,13. In: Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. 2008. №34. Koblenz, 2010. S. 7–16; MacLean S. History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe: the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester, 2009.

стремящегося, прежде всего, к сохранению памяти о событиях своего времени, Регинон старался быть беспристрастным рассказчиком. Во многом именно поэтому он чётко и скрупулёзно зафиксировал сложнейшие и тяжелейшие для франкского мира перипетии 870-90-х годов: возвышение папства во главе с Николаем I, давление Лотаря II на духовенство своего королевства в деле развода с супругой, и, тем не менее, его поражение перед авторитетом папы¹⁴⁵⁴, вторжение норманнов и венгров¹⁴⁵⁵, могущество советников при дворе западно-франкских королей¹⁴⁵⁶, благочестие и бессилие Карла Толстого¹⁴⁵⁷, доблесть Эда из рода Робертинов при обороне Парижа¹⁴⁵⁸ и многое другое. Рельефно описав всё это, Регинон открыл перед потомками панораму кризиса Каролингского дома, франкских королевств, всего проекта франкской гегемонии в романо-германской Европе. Понятное дело, что в таких условиях не могло быть и речи о чётких представлениях о власти, и уж тем более, об идеале монарха. Как и Хинкмар, Регинон понимал, в каком мире он живёт: в новом, но не дивном, в мире, где власть короля невероятно слаба и не способна уже вершить историю христианства. Лишь одно Регинон знал наверняка: только благочестие, обладание угодными Богу качествами, может помочь королям править достойно, стяжав награду из рук Господа после смерти¹⁴⁵⁹...

¹⁴⁵⁴ Речь идёт о стремление Лотаря развестись с женой Теутбергой ради ложа наложницы Вальдрады. Прелаты Лотарингии оказали помощь своему монарху, однако против бракоразводного процесса встал сам пап Николай, который, в итоге, призвал Лотаря к покаянию, пусть, по мнению Регинона, и лукавому. См.: *Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Т. 1. S. 84-94.

¹⁴⁵⁵ Одно из самых вероломных вторжений – экспедиция Годфрида Датского в союзе с Гуго, Бастардом, сыном Лотаря II от Вальдрады, отлучённым от наследования Николаем I; *ibid.* S. 124-125; о венграх см.: *ibid.* S. 131.

¹⁴⁵⁶ *Ibid.* S. 126.

¹⁴⁵⁷ *Ibid.* S. 128-129.

¹⁴⁵⁸ *Ibid.* S. 131.

¹⁴⁵⁹ Регинон представляет Карла Толстого как истинно христианского правителя, крах его власти считая испытанием его положительных качеств, которое он успешно, с великим терпением, преодолевает. *Ibid.* S. 131.

Пройдёт менее ста лет со дня написания «Хроники» Регинона Прюмского, и каролингский мир будет ещё более неузнаваем. Точнее, самого этого мира, как такового, уже не будет: территория Каролингского дома сузиться до небольшого домена вокруг города Лан, а подлинным властителем Западной Франкии будет дом Робертинов во главе с Гуго Капетом¹⁴⁶⁰. Через несколько лет после того, как феодальные князья отстранят от власти Людовика V (985-987 гг.) монах Рихер из Реймса (940-998 гг.) напишет «4 книги историй», в которых расскажет о событиях X века¹⁴⁶¹. Это будет взгляд на прошлое и настоящее, сформированный под влиянием реалий конца X века, когда Каролинги уже сойдут с исторической сцены. Концепция Рихера Реймского будет включать уже совершенно иные представления о власти, нежели в IX веке: согласно им, правом управлять королевством обладает уже не обязательно представитель рода Каролингов, подлинных, природных королей, *domines naturales*, а такой правитель, которые будет выгоден франкской аристократии и церкви. Эти новые представления, характерные уже для зрелого феодального общества, общества эпохи Классического Средневековья, прекрасно уместаются в речь архиепископа Реймса Адалберона на собрании в Санлисе в 987 году, описанную Рихером в последней книги «Историй». В этой речи духовный лидер Западно-франкского королевства, выступая против кандидатуры последнего оставшегося в живых Каролинга – Карла Лотаринского, защищает личное достоинство другого кандидата – «герцога франков» Гуго Капета: *«Благословенной памяти Людовик покинул мир, не оставив детей,*

¹⁴⁶⁰ Подробнее см.; Lot F. La France des origines a la guerre de cent ans. P. 122-125; Лот Ф. Последние Каролинги. С. 151-194; Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987-1460 / пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. С. 38-39; Riche P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 25-390; Тейс Л. История Франции. Т.2 / пер. с фр. Т.А. Чесноковой. С. 176-200; Балакин В.Д. Творцы Священной Римской империи. М., 2004. С. 149.

¹⁴⁶¹ Подробнее о Рихере и его сочинении см.: Тарасова А.В. Рихер Реймский и его «Четыре книги историй» // Рихер Реймский. История. М., 1997. С 213-271; Sot M. Richer de Reims // Dictionnaire du Moyen Âge / Dir. C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink. Paris: PUF, 2003. P. 1219; Glenn J. Politics and History in the Tenth Century: The Work and World of Richer of Reims. Cambridge, 2004; Lake J. Richer of Saint-Remi.

поэтому следует тщательно изыскать, кто достойн унаследовать ему на престоле, чтобы заброшенное государство без правителя не пришло в упадок. Недавно мы сочли полезным отложить такого рода переговоры, чтобы каждый, подумав, рассказал, что внушил ему Бог, дабы, выслушав решение каждого, из множества составили мы решение всего совета. Сейчас мы уже собрались вместе и нам надо следить с величайшим благочестием и добросовестностью, чтобы либо ненависть не затмила разум, либо любовь не одолела истину. Мы знаем, что у Карла есть свои доброжелатели, которые утверждают, что он должен получить королевский титул, как и его предки. Но если обдумать это, то он не получит королевства по закону о наследстве, и на трон будет возведен только тот, кто блещет не только знатностью рождения, но и мудростью, кто стойко сохраняет верность и подкрепляет ее величием души. В анналах мы читаем о том, как императоры из славнейших родов бывали свергнуты из-за их малодушия, и им наследовали иногда равные им, а иногда неравные. Но чего достоин Карл, который не руководствуется верностью, которого ослабляет бездействие, который, наконец, настолько слаб головой, что не убоился служить иноземному королю и взял жену из рода служилых рыцарей, не равную себе? Как стерпит великий герцог, чтобы женщина из семьи его вассалов стала его королевой и властвовала над ним? Как подчинится тот, перед кем склоняли колена равные ему и даже высшие и поддерживали руками его ноги? Рассмотрите дело прилежно и увидите, что Карл был отвергнут в большей степени по собственной вине, нежели по вине других. Чего вы больше желаете государству — блага или бедствия? Если хотите его гибели, изберите Карла, хотите, чтобы оно процветало, коронуйте славного герцога Хугона. <...> Итак, изберите герцога, славного деяниями, знатностью, военной мощью, в котором вы найдете защитника не только государства, но и ваших частных интересов. Его благосклонность такова, что вы обретете в нем отца. Кто прибегал к нему и не получил покровительства? Кто,

лишенный помощи своих людей, не добивался своего с его помощью?»¹⁴⁶².

Итак, позиция церкви озвучена: короля изберёт совет высшей знати и духовенства Франции. О том, чтобы безоговорочно, как в 884 году, принять власть Каролинга, пусть и не прямого родственника Людовика, нет и речи. Согласно приведённым Рихером сведениям, с точки зрения Адальберона Реймского происхождение, принадлежность к славному роду Каролингов отходит на второй план: королём должен стать тот, кто блещет мудростью и будет защищать *частные интересы* (*privatae rei*, которые Рихер, таким образом, противопоставляет понятию «*res publica*») аристократии. Этот славный муж – Гуго Капет, чьё избрание подводит черту под историю франков и начинается история Французского королевства.

Подобная трансформация представлений о власти непосредственно связана с политическими перипетиями, сопровождавшими правящий дом в

¹⁴⁶² «D(ignae) m(emoriae) Ludouico sine liberis orbi subtracto, querendum multa deliberatione fuit, qui eius vices in regno suppleret, ne r(es) p(ublica) absque gubernatore neglecta labefactaretur. Unde et huiusmodi negotium nuper 6 differri utile duximus, ut unusquisque quod singularis a deo datum haberet, hic coram consulens post effunderet, ut collectis singulorum sententiis, summa totius consilii, ex multitudinis massa deformaretur. Reductis ergo iam nunc nobis in unum, multa prudentia, multa fide, videndum e est, ne aut odium rationem dissipet, aut amor veritatem enervet. Non ignoramus K(arolum) fautores suos habere, qui eum dignum regno ex parentum collatione contendunt. Sed si de hoc agitur, nec regnum iure 8 hereditario acquiritur, nec in regnum promovendus est, nisi quem non solum corporis nobilitas, sed et animi sapientia illustrat, fides munit, magnanimitas firmat. Legimus in annalibus clarissimi generis imperatoribus ignavia ab dignitate precipitatis, alios modo pares, modo impares successisse. Sed quid dignum K(arolo) conferri potest, quem fides non regit, torpor enervat, postremo qui tanta capitis imminutione hebit, ut externo regi servire non horruerit, et uxorem de militari ordine sibi imparem duxerit? Quomodo ergo magnus dux patietur de suis militibus feminam sumptam reginam fieri, sibi que dominari? Quomodo capiti suo preponet, cuius pares et etiam maiores sibi genua flectunt, pedibusque upponunt? Considerate rem diligenter, et K(arolum) sua magis culpa precipitatum quam aliena videte. R(ei) p(ublice) beatitudinem magis quam calamitatem optate. Si eam infelicem fieri vultis, K(arolum) promovete. Si fortunatam 12, egregium ducem H(ugonem) in regnum coronate. Ne ergo K(aroli) amor quemque illiciat, nec odium ducis ab utilitate communi quemlibet amoveat. Nam si bonum vituperetis, quomodo malum laudabitis? Si malum laudetis, quomodo bonum contempnetis? Sed talibus quid interminatur ipsa divinitas? „Vae“ inquit, qui dicitis malum bonum, bonum malum, ponentes lucem tenebras, et tenebras lucem“. Promovete igitur vobis ducem, actu, nobilitate, copiis clarissimum, quem non solum rei p(ublicae), sed et privatarum rerum tutorem invenietis. Ipsa eius benivolentia favente, eum pro patre habebitis. Quis enim ad eum confugit, et patrocinium non invenit? Quis suorum auxiliis destitutus, per eum suis non restitutus fuit?». Riheri historiarum libri IV // MGH. Scriptores (in Folio). T. XXXXVIII. S. 237-239; Использован перевод А.В. Тарасовой. См.: Рихер Реймский. История. С. 137-138.

конце IX-X веках. Следствием кризиса династии Каролингов в конце IX века, причиной которого было, на наш взгляд, углубление социальных процессов, связанных с зарождением могущественного, связанного с землёй феодального дворянства, стали несколько прецедентов избрания на франкский трон представителей других знатных родов. Избрав в 888 году в Западной Франкии Эда Парижского, знать почувствовала, что Каролинги – не единственные потенциальные суверены. Ситуацию усугубило неуклюжее правление Карла III Простоватого (898-922 гг.), ознаменовавшееся конфликтом с Робертинами. Следствие этого – престол вновь занимает не Каролинг – Роберт I (922-923 гг.), затем на трон садиться вообще откровенно «проходная» фигура – Рауль Бургундский, который, однако, сохраняет его за собой вплоть до 936 года. Ассамблея 987 года, таким образом, представляет собой неизбежный результат прецедентов 888 и 922-923 годов, когда Каролингам было трижды отказано в троне. Королевский титул, таким образом, становится разменной монетой в играх магнатов, и Каролинги окончательно теряют монополию на него, а вместе с ней и место в потестарных построениях эпохи.

Каролинги исполнили свою историческую миссию. Хотя и гибкие, но все же апологеты универсалистского патерналистского мифа, хранители грез о христианской империи, они в конце X века оказались не нужны крупной владетельной аристократии Западной Франкии в условиях наступления феодальной эры. Практически одновременно с падением Каролингского дома родились новые представления о власти, где не было места мировой христианской монархии, сражающейся с грехами мира и строящей «лестницу к небу». В рамках новой концепции власти, вполне чётко выраженной Рихером, во главу угла ставились личные качества и доблести правителя, с помощью которых ему бы удавалось согласовывать свои стремления с интересами двух значимых сил королевства: знатью и духовенством. Каролингские же представления о правителе и власти, какими мы их знаем, к тому моменту остались далеко в прошлом – в конце IX века.

6.5. Выводы

Тот факт, что римский элемент образа власти (в его риторическом, республиканском варианте) в середине IX века в представлениях о правителях стал значительно теснить традиционную христианскую схему, поставил перед нами сложнейшую проблему: а где же германские представления о власти, которые неизбежно должны были всплыть на поверхность в такой ситуации?

Несмотря на то, что франкские короли по своей сути продолжали оставаться франками со всеми присущими им чертами, «поймать» германский *fuog* в каролингских источниках оказалось крайне сложно. Литературное творчество продолжало оставаться в руках либо благочестивых христиан, презиравших варварство как языческий феномен, либо любителей античности, стремившихся всё поместить в красивую риторику а-ля «*De Catilina cojurazione*» Саллюстия. Очевидно, что именно в описаниях Нитхарда и анналистов 70-80-х годов IX века каролингские правители показали себя как типичные германцы, склонные к родовым войнам, к выяснению, кто из них «более удачлив», к борьбе за материальное, яркое и престижное – императорский венец. Однако раз за разом Нитхард и Мегинхард облакали всё в благородные «одежды» борьбы за «*res publica*» против тирании. Германский элемент власти продолжал оставаться неуловимым, глубоко латентным, распознаваемым лишь по косвенным свидетельствам: упоминаниям прозаиков и поэтов о «франков племени ратном», проявлении франкской *fuog* отдельными венценосцами и т.д.

И лишь тогда, когда сочинение строилось на франкских преданиях, оно открывало нам часть германских представлений о мире и правителей. Однако «Вальтарий» ничего не сказал нам об идеале монарха, а образ Карла в «Деяниях» Ноткера Заики хоть и подарил нам величественный образ фольклорного героя, был уже значительно христианизирован. В книге Ноткера Карл предстал именно христианским монархом, а не германским вождём. Также не было ничего «германского» и даже «франкского» в так

называемой «аахенской идее империи»: она всего лишь представляла альтернативный взгляд на центр Империи и, даже в большей степени, на желаемый «центр тяжести» в политике Карла Великого.

Напрашивается вывод: германские представления о власти в литературе «каролингского ренессанса» не прослеживаются. Однако это не значит, что в действиях Каролингов не было ничего германского: в обратном нам помог убедиться анализ политики Карла Великого в отношении Аварского каганата, который выявил глубоко германскую сущность его христианской империи.

Гораздо более тривиальной была тенденция, охватившая авторов чисто христианских по своей концепции текстов: Хинкмар и Регинон чётко осознавали, что живут в эпоху, когда монархи оказались бессильными перед охватившими земной мир невзгодами. И если Хинкмар пытался найти ключ к спасению развёртыванию образа очередного идеального короля-христианина, то Регинон лишь констатировал испытания, обрушившиеся на Каролингов.

Однако распад Каролингского миропорядка продолжался, и насколько его защитники – монархи – не могли с ним справиться, настолько франкские писатели были бессильны защитить своих государей. Реалии порождали образы, а не наоборот. Речью же защитника совсем иного взгляда на королевскую власть, Адальберона Реймского, завершилась эпоха каролингских представлений о власти.

Заключение

Несмотря на то, что наше исследование чётко очертило круг источников, избрав именно нарративные памятники, проведённое исследование проблемы образа власти в литературе «каролингского возрождения» оказалось связанным с разбором не только объёмных, но весьма разнородных свидетельств. Эта неоднородность, пестрота подходов к проблеме власти, оригинальность мысли практически каждого автора породили куда больше мыслей, чем, возможно, намеревались донести до читателей сами каролингские писатели.

В первую очередь, стоит отметить, что по сравнению со всей эпохой Средних веков и даже с периодом раннего Средневековья, Каролингская эра – относительно короткий временной отрезок, охватывающий, по сути, полтора века (вторая половина VIII – IX столетия). В X веке сложно говорить о каролингской культуре и каролингской литературе в силу того, что номинально правящий дом уже не оказывал на интеллектуальные центры Западно-франкского королевства никакого влияния: угольки образованности теплились уже подле дворов феодальных князей, в то время как единственным подлинно культурным центром являлся лишь Реймс, находившийся в орбите влияния династии Робертинов. Вследствие этого логично было бы ожидать, что в столь короткий по сравнению со всей средневековой эпохой временной период уместятся достаточно однородные, гомогенные представления о власти, монолитный образ идеального государя. Ведь представления об образцовом правителе были достаточно схожи на протяжении всего, к примеру, XIII века во Франции, где монархический миф строился вокруг Людовика Святого и его христианских добродетелей¹⁴⁶³, или

¹⁴⁶³ Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. с лат. Г. Цыбулько. СПб., 2012; Фараль Э. Общественное устройство // Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. С. 393-410; Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Матузовой; Pinoteau H. Saint Louis: son entourage et la symbolique chrétienne.

в идеологии гражданского гуманизма XV века, предложившей перечень доблестей идеального политического деятеля итальянского города¹⁴⁶⁴.

Иная ситуация – с образом монарха в каролингскую эпоху. С конца VIII по IX века во франкской литературе сменялось, комбинировало и сосуществовало множество вариаций концепции власти. Причина *неоднородности каролингских образов власти* была связана с рядом *факторов*, которые необходимо указать:

1) *Личность автора источника* оказывала значительное влияние на конструируемый им образ правителя. Прежде всего, роль играла социальная принадлежность писателя: благодаря ней представления о монархе базировались на идеологии той корпорации или того социального круга, к которому принадлежал автор. Так, совершенно логично, что увлекающиеся античностью придворные поэты тяготели к образам монархов как римских цезарей, а обитатели монастырских центров акцентировали внимание на христианских качествах королей. Однако эта связь не была решающей: принадлежность двух авторов к одной и той же социальной группе не отменяла вариативности в образе государя: один и тот же правитель мог выступать как слугой церкви, так и доминирующей над всеми социальными силами королевства персоной. Следовательно, существовал ещё один фактор, влиявший на трансформации образа власти в каролингское время.

2) Как мы уже неоднократно убеждались, каролингские авторы были хорошо осведомлены об основных событиях во франкском мире, причём не только о войнах, внутридинастических конфликтах и широко известных политических шагах государей, но и процессах неочевидных: о роли знати в делах королевств, авторитете и могуществе епископов, влиянии норманнских нашествий на действия и имидж королевской власти.

¹⁴⁶⁴ Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М., 1983. С. 28-119, 156-174; Skinner Q. Renaissance Virtues: Visions of Politics. V. II. Cambridge, 2007; McManus S.M. Byzantines in the Florentine Polis: Ideology, Statecraft and Ritual during the Council of Florence // Journal of the Oxford University History Society. №6 (Michaelmas 2008/Hilary 2009).

Очевидно, что все эти аспекты оказывали существенное влияние на положение монарха в королевстве, в структуре взаимоотношений между короной, знатю и церковью. Под влиянием возвышения знати и эмансипации церкви, а также, разумеется, внутрисемейных междоусобий и внешних набегов, менялось положение главы Каролингской династии, который вынужден был искать выходы из кризисных ситуаций. Именно под влиянием таких ситуаций и самих монарших шагов (либо предваряя и подсказывая эти шаги), каролингские авторы конструировали образ правителя в каролингских сочинениях. Таким образом, *под влиянием социальных и политических процессов эпохи менялся образ идеального правителя, менялась концепция власти*. Стараясь либо указать государю на его заданную Богом или традицией миссию, либо помочь правителю найти выход из сложных ситуаций, либо пытаясь просто описать окружавшую их действительность и место монарха в ней, каролингские писатели создавали образ власти, адекватный условиям их времени. Именно реальность, политико-социальные условия, конкретные обстоятельства развития франкских *regna* порождали образы монархов, концепции власти, а не наоборот, в чём нас убеждает картина трансформаций представлений об образцовом монархе в каролингскую эпоху, итоговый обзор которой будет предложен ниже.

3) Однако, прежде чем обратиться к эволюции каролингских образов власти, необходимо указать на влияние ещё одного фактора, связанного с тем, как франкские книжники создавали схемы отображения власти в литературе, с помощью чего конструировали образы монархов в своих сочинениях. И здесь ключевым моментом следует признать ту роль, которую играл в Средние века авторитет древних, авторитет *предшествовавшей традиции (прежде всего, письменной)*. Именно в древних текстах, античных и христианских, черпали, создавая образы государей, вдохновение авторы эпохи Каролингов. Нравственные нормы, образцовые качества и типические ситуации, описанные в Библии, у святых отцов, в

церковных историях, а также в римской историографии рубежа эр и античной поэтике, казались каролингским писателям бездонным колодезем знания не только о прошлом, но и о настоящем. Однако не стоит умалять роль творцов «каролингского ренессанса»: они не подражали слепо рукописям древних, а лишь брали из их наследия то, что казалось актуальным, свежим и нужным в их время, выбирали из груд сокровищ древней мудрости только то, что могло быть использовано правителями из рода Каролингов и их советниками. Проще говоря, в зависимости от политико-социальных процессов, указанных нами в пункте 2, каролингские авторы выбирали ту предшествующую традицию в качестве образца, которая была актуальна в *их* время, которая могла бы отразить важнейшие черты идеального монарха *их* эпохи. Добавим, что не только письменная, но и предшествующая *устная традиция* была способна выступать в роли образца для подражания, авторитета в создании интерпретационной схемы образа правителя. В каролингской литературе, особенно во многих поздних сочинениях, ощущается глубокий отпечаток франко-германской устной фольклорной традиции.

Указанные три фактора породили следующие этапы трансформации образа монарха в Каролингскую эпоху.

На первом этапе, охватившем конец VIII – 30-е годы IX столетия, то есть правления Карла Великого и Людовика Благочестивого, ядром представлений о власти был образ христианского императора, защитника святой церкви и всех незащищённых групп населения (бедных, сирот, вдов) и, разумеется, активного распространителя христианства внутри королевства и вовне его, а также, конечно, образцового законодателя и устроителя внутренних дел Империи. Этот триумф христианской концепции власти в эпоху первых Каролингов можно, тем не менее, подразделить на два этапа, в рамках которых хорошо прослеживается влияние исторического фона на образ правителя.

Правление Карла Великого, когда в силу специфики периода – в условиях создания германо-романской христианской империи, был востребован король-патрон христианской миссии, монарх действия, не только защитник веры в собственном, вверенном ему Богом королевстве, от еретиков и притеснителей церкви, но и распространитель её в землях язычников, апологет ортодоксального вероисповедания в спорах и конфликтах с государствами, отошедшими от чистоты веры или принявшими ислам (Византия, арабские князья Испании). В этот период, в конце VIII – начале IX веков – время наивысшей активности анналистов, поэтов, идеологов монархии – каролингские писатели вдохновлялись личностью и деяниями своего государя, Карла Великого, который стал главным действующим лицом исторической литературы, стихов, корреспонденции, зеркал и, разумеется, собственных законодательных актов.

Деятельность Карла по защите и распространению христианства predisposed к тому, чтобы авторы, создавая образ его власти и правления, опирались на христианскую письменную традицию: главным авторитетом для франкских писателей того периода являлась Библия, житийная литература, ирландская модель благочестия, подразумевавшая активную миссионерскую деятельность, а также, не в последнюю очередь, позднеантичные идеи христианской империи, родившиеся во времена Константина Великого, и проникшие в каролингскую литературу либо через сами позднеримские тексты, либо через литературу периода Меровингов (возможно, «Историю» Григория Турского). Благодаря сочетанию чисто библейской и позднеантичной христианской традиций Карл Великий предстал в образе нового Давида и нового Константина, преемником царей Ветхого Завета и христианским императором одновременно, который призван не только утвердить христианство в граде земном, но и ответить перед Господом за следование христианским заповедям своим народом. Именно такой образ правителя, наибольшей полноты достигший в письмах

Алкуина и карловых капитуляриях, стал образцом на несколько десятилетий вперёд для всех без исключения групп каролингских интеллектуалов.

Аналогичную роль уготовили придворные (Астроном) и провинциальные (Теган) историки Людовику Благочестивому, однако в силу политической и социальной специфики – регулярных внутрдинастических столкновений его эпохи – акценты были значительно смещены: Людовик предстал в сочинениях каролингских писателей хотя и истовым *miles Christi*, однако не воителем в прямом смысле слова, не государем на поле брани, каким был его отец. Сила Людовика и его преимущество перед врагами заключались в его личном благочестии, близком к популярным в его время бенедиктинским образцам и граничащем со святостью, благодаря которому он проявлял главную библейскую добродетель – прощение по отношению ко всем своим врагам. В трудах писателей эпохи Людовика Благочестивого их государь превратился из могущественного христианского царя, каковым был его предшественник, в героя жития, фактического монаха на троне. Несмотря на унижения, которым подвергся Людовик, его действия принесли мир христианскому народу. И Теган и Астроном не придали значения сложившемуся к концу 830-х годов тяжёлому положению младших сыновей императора от первого брака, Пипина и Людовика, считая, что они получили заслуженное наказание за мятеж против своего отца, «благочестивейшего из императоров».

Однако и среди писавших о временах Людовика церковных авторов не было идейного единства относительно положения и роли королевской власти во франкском обществе: если не принадлежавшие к высшему клиру Астроном и Теган видели в монархе сердце общества, персону, способную с помощью благочестивых советников и при поддержке церкви, сокрушить любых врагов Христа, то епископ Иона Орлеанский в своём зеркале «О королевском служении» утвердил обязанность императора слушаться епископов, следовать воле епископов, церкви, одной лишь частью которой является монарх. Очевидно, что в те непростые для Людовика и всей

императорской семьи годы, в деле конструирования идеологии и истинного образа правителя возникли конкурирующие интеллектуальные группировки, пытавшиеся как адекватно оценить действия Людовика, так и подсказать ему и его потомкам правильную схему организации собственной власти. Однако все они базировали свои концепции власти, свои портреты как реально здравствовавшего монарха, Людовика Благочестивого, так и абстрактно-идеального государя зеркал, на христианских принципах, библейской, житийной и позднеантичной имперской традиции. *Христианский элемент*, таким образом, преобладает в образе власти эпохи Каролингов на данном её этапе.

С распадом Франкской империи на отдельные королевства, разрастанием фамилии на отдельные ветви и последующим погружением каролингского мира в хаос внутрдинастических войн, битв с князьями из других родов и борьбой с внешней угрозой, прежняя прекраснодушная идея универсальной христианской империи стала несовместима с политической, социальной и культурной реальностью века. Как следствие, за *период с 840 по 900 годы*, мы не видим, за исключением нескольких ярких поэтических зарисовок, практически ни одного крупного, концептуально цельного произведения, где была бы раскрыта не то, что роль монарха в изменявшемся франкском обществе, но и вообще тема королевской власти. Лишь Седулий Скотт и Хинкмар Реймский создают новые зеркала, но если первый не сумел предложить ничего качественно нового со времён Ионы, то второго по праву можно считать автором последних *speculum principis* эпохи Каролингов. Однако к Хинкмару мы ещё вернёмся, пока же стоит выделить совсем иную тенденцию в королевской литературе.

В 40-80-е годы IX столетия франкские королевства претерпевают новые испытания, превзошедшие всё, что имело место в правление Людовика Благочестивого. Шаткое согласие трёх братьев – Лотаря, Людовика Немецкого и Карла Лысого, установившееся, после кровопролитной войны 840-843 годов, прекращается со смертью старшего из

них. Увязнув в войнах за расширение Западно-франкского королевства, Карл «подставляет спину» когда-то бывшему его сердечным другом Людовику, королю восточных франков. Лишь высшее духовенство во главе Хинкмаром останавливает очередную внутрисемейную распрю 858-859 годов, в которой Карл Лысый едва не лишается трона. В те годы норманны уже активно грабят оба королевства. К середине 870-х оба короля, поделив Лотарингию, временно стабилизируют ситуацию, однако уже в 875-876 годах бросаются в кровавую грызню за престижный титул императора. Никто ещё не знает, что Людовику остаётся жить несколько месяцев, а Карлу – чуть больше года, после чего смертность будет косить всё новых и новых Каролингов, пока все франкские земли в 884 году вынужденно не объединятся под властью Карла Толстого, единственного дееспособного представителя фамилии. В 887-888 годах знать сменит его на Арнульфа Каринтийского на востоке и представителя другой династии, Эда Парижского, на западе. Во второй половине IX века каролингские правители забывают о своём христианском предназначении, стремясь не к свету Божьего Града, а к бранным ценностям града земного, однако их действия вполне понятны: кровь германских предков, франкский *fuog*, желание соревноваться внутри рода, биться за главенство, престиж, земли и сокровища, начинают двигать ими, до основания разламывая христианский образ правителя времени первых Каролингов.

В условиях этого хаоса франкским книжникам, интеллектуальной элите, ответственной за описание событий прошлого и настоящего, требовалось найти способы описания сложнейшей действительности и места королевской власти в ней, найти такие слова и выражения, которые бы не уронили авторитет их династов в глазах потомства. Эти авторы – в основном анналисты – находились либо при особах королей, либо за стенами крупнейших центров летописания. Их историография и анналистика – это династическая анналистика, но не прославляющая весь род Каролингов и славные деяния императорской власти, как в конце VIII – начале IX веков, а

защищающая интересы отдельных ветвей династии (главным образом, их глав - своих патронов). Задачей авторов второй половины IX века стало не только описание конкретных событий и оправдание действий конкретных правителей, но и поиск той схемы интерпретации действительности, которая подошла бы новым, трудным условиям. Требовалось опереться на такую письменную традицию, которая бы сумела наиболее ярко и логично описать всё то, что творилось во владениях каролингских династов. Такой традицией стала традиция античная, а именно – античное историописание эпохи гражданских войн в Риме и раннего принципата.

Предпочтение Саллюстия и Тацита в те годы церковным историкам и агиографам не должно вызывать удивления: именно в римской историографии рубежа эр содержался тот ценный материал о войнах, столкновениях между политическими деятелями и неурядицах, который так нужен был франкским историкам и анналистам во второй половине IX века. И тогда они начинают конструировать образ действительности и власти на основе *античной риторики, терминологии, антитез и нравственных конфликтах*. Сохраняя номинальный статус защитников христианства, монархи в «Историях» Нитхарда и, особенно, анналах Мегинхарда, превращаются в напористых, решительных и ни перед чем не останавливающихся в достижении поставленных целей правителей. Они, становятся теми, кем были в сочинениях Саллюстия Катон, Цезарь, Цицерон и Катилина: *античными политическими деятелями*, добивающимися власти и авторитета, доблестными и не очень, но умеющими выходить из сложных внутридинастических ситуаций, распутывать узлы взаимоотношений с возвышающейся аристократией и церковью. При этом нельзя сказать, что франкские авторы этого периода целенаправленно создают «имагинарное», идеализированный, топический образ власти. Их концепция власти – это своеобразный перечень *ожидаемых от образцового короля действий*, адекватная эпохе *практика действий*. Именно эта практика королевских действий, *vita activa*, вытесняют в 840-880-е годы личные христианские

качества правителя, полученные им вместе с королевским венцом и принадлежностью к христианнейшей династии.

Весь этот образ создаётся благодаря умелой игре античными терминами, риторическими приёмами и антитезами, своеобразному «антуражу» античной истории. Таким образом, наряду с воплощением в официальной репрезентации власти: монетах, буллах, первоначальном титуле Карла Великого, *римский элемент* каролингского образа власти специфически проявляется в литературе в самый трудный для франкского мира период.

Однако к середине 880-х годов даже у самых преданных своим патронам каролингских авторов накапливается разочарование. Попытки Карла Лысого и Карла Толстого воссоздать Империю в прежних границах, потерпели полное поражение, всё более обнажалась невозможность королевской власти противостоять внутренним и внешним проблемам: магнаты вершили судьбу трона, придворные группировки определяли действия венценосцев, а норманны, сжигая столицы государств, царили на страницах хроник. В записях за 884-885 годах Мегинхард и автор Ведастинских анналов ничего не говорят о Карле Толстом, а Хинкмар в Эперне предпринимает отчаянную попытку «достучаться» до короля Карломана, чтобы убедить его править, как истинный христианский монарх. Усилиями такого колоссального ума, как Хинкмар Реймский, христианский элемент власти продолжает жить, не отступая совершенно перед римским. Но увы: править, как христианский король, означает править по-старому, для чего уже не было никакой возможности.

И тогда «Деяния Карла Великого» санкт-галленского интеллектуала Ноткера становятся сродни глотку свежего воздуха: сказочное *франкское предание* о Карле Великом оживает на страницах латинского сочинения учёного монаха, предлагая образ непостижимого короля-героя: того, кто всё знает, всё может и всё исправит. Этот образ – фольклорная альтернатива разворачивающемуся во франкском мире хаосу, дань ностальгии по

безвозвратно ушедшим временам. Собрав в своей книжице франкские предания о Карле Великом, Ноткер Заика сделал достоянием письменной культуры франко-германские представления о правителе, *германский элемент образа власти*. Однако и в интерпретации соприкасавшегося с дружинной средой Ноткера этот германский элемент власти оказался уже значительно христианизированным, схожим с представлениями эпохи самого Карла. Представления о франкских монархах как о германских вождях, предводителях дружины, практически невозможно уловить в каролингской литературе в силу того, что все сочинения этого периода написаны благочестивыми христианами, не принимавшими варварские доблести. Лишь Эйнхард не постеснялся показать Карла германцем в его частной жизни: в привычках и быту, на охоте и за столом. Однако на публике, по мнению биографа, великий король представал римским цезарем, радеющим за христианство. Кладезем дружинных, германских представлений о доблести и верности стала поэма «Вальтарий», лишённая, однако, непосредственно «каролингского» контекста и, как следствия, не дающая ни сведений о монархах-Каролингах, не даже об идеале власти с точки зрения не существовавших, мифических правителей. Таким образом, хотя германский элемент в действиях Каролингов хорошо виден, *говорить о германском элементе образа власти в Каролингскую эпоху некорректно*. Стоит, однако, признать: вопреки торжеству христианской идеологии в каролингских текстах, *германский след* в представлениях о власти в них всё-таки присутствует.

Однако потребность в легенде в данном случае не сулила исторических перспектив, став, напротив, отличительной чертой упадка. В начале X века мы видим историка, смирившегося с действительностью – Регинона Прюмского, который уповаet лишь на христианское благочестие монархов, отданных во власть рока. Спустя почти век последний автор, видевший династию Каролингов, лишит её монополии на трон: у Рихера Реймского править должен тот король, который наиболее подходит

интересам дворянства и церкви, и если Каролинги этим критериям не соответствуют – тем хуже для них. Концепция Рихера становится логичным итогом длительного процесса *десакрализации* власти правящей фамилии, лишение Каролингов священного ореола *domines naturales*, природных, «изначальных» государей. Состоял этот процесс из четырёх элементов: 1) *дегероизации*, то есть отказа от повествования о монархах в героическом ключе, отказа от наделения их особой миссии в этом мире, что, в общем-то, наблюдалось если не у Нитхарда, то точно в анналистике 870-х годов; 2) *деперсонализации*, то есть отказа от преподнесения монархов как главных действующих лиц, что хорошо видно в рассказе о событиях 884-885 годов; 3) собственно *десакрализации*, которая выражается в появлении «неправильных», «нечестивых» Каролингов, лишённых божественного ореола, и регулярно встречающихся в литературе от Нитхарда до Регинона; 4) и, наконец, *декаролинизации*, заключающейся в лишении Каролингов франкской литературой монополии на трон, что было сделано Рихером Реймским практически одновременно с действительным смещением династии потомков Карла Великого с престола.

Когда династия Каролингов была заменена Капетингами, мнение элиты, земельной, церковной и интеллектуальной уже было подготовлено к этому событию: каролингской концепции власти уже не существовало в конце X столетия, потому что ещё за век до этого она прекратила существование. Её гибель была предопределена самим кризисом каролингской модели консолидации романо-германской Европы.

За время существования каролингского образа власти, он оформлялся в разных вариантах: как цельный, концептуальный, заранее задуманный образ конкретного монарха, как набор качеств абстрактного идеального правителя, как перечень ожидаемых от монархов действий, наконец, как косвенный след существовавших представлений. Каким же образом указанная выше эволюция каролингских представлений о государей согласовывалась с общим развитием литературы «каролингского ренессанса»?

И может ли динамика описанных нами трансформаций образа монарха снабдить «каролингское возрождение» дополнительными характеристиками, обновить оценку этого культурного движения в исторической науке?

Выводы нашего исследования убеждают в том, что в первые десятилетия каролингские представления о власти опирались на христианские идеи, затем, в период кризиса франкского мира потеряли единый ориентир: одни авторы (в основном, анналисты и историки) обратились к античному наследию, другие (меньшинство) – к франко-германскому фольклору, третьи (как Хинкмар), продолжали постулировать христианские идеалы. Традиционная же точка зрения о периодизации «каролингского возрождения» отталкивается от того, что именно на первом этапе каролингской истории, при Карле Великом, наибольшее развитие в культуре (в первую очередь в литературе) получило подражание античности, в то время как после смерти первого императора вся культура сконцентрировалась в монастырях, став в большей степени христианской. И лишь при Карле Лысом, не в последнюю очередь благодаря ирландцам-эмигрантам, увлекавшимся греческой мыслью, античный элемент вновь вернулся в каролингскую культуру. Как мы уже убедились, эволюция образа власти демонстрирует иную картину развития культуры «каролингского возрождения». Означает ли этого, что следует отбросить одну из точек зрения?

В этом нет ни малейшей необходимости: эволюция образа государя в текстах эпохи, хотя и ярко демонстрирует сущность и динамику «каролингского ренессанса», являет собой лишь частный аспект этого литературного и общекультурного движения. Действительно, этот образ был чисто христианским в те годы, когда Придворная Академия воссоздавала у себя античную мудрость и поэтику, возводя «Новые Афины». Однако Античность господствовала в поэзии, в том числе, надо признать, и панегирической, то есть именно в стенах Академии, но не вторгалась в анналистику, переписку Алкуина с Карлом и, тем более, законодательные

акты. Христианские идеи, захватившие прозу и повествования о монархах, не выбиваются из общего контекста развития каролингской литературы, а ярко демонстрирует неоднородность, многообразие литературы «каролингского возрождения» с самого момента её появления. Дальнейшие представления о власти в период Людовика Благочестивого действительно обнаруживают следы истовой религиозности авторов, дух «монастырского» этапа «каролингского ренессанса». Далее, во второй половине, IX века в литературу действительно «возвращается» Античность, которая, на самом деле, никуда не уходила. Сохраняясь в метрической поэзии, которая продолжала комбинировать античную форму с христианским содержанием, она «врывается» и в монастыри, которые не могут описывать в анналах происходящее иначе, нежели в терминах римской историографии. При этом, доминирование римских методов историописания не отменяло других культурных элементов в «каролингском ренессансе»: продолжает существовать христианское видение мира и власти, воплощаются на письме франкские предания о королях и героях, привнося в каролингскую культуру, помимо христианского и античного, германский элемент.

Таким образом, динамика эволюции образа власти лишь подтверждает неоднородность и пестроту «каролингского возрождения», вовсе не вступая в противоречие с его периодизацией, а, напротив, дополняя и уточняя её. По сути дела, культурное возрождение эпохи Каролингов, являясь первым из «малых» ренессансов Античности в Средние века, определила направление развития всех последующих «возрождений», включая Итальянское в XIV-XVI веках. Однако, переосмыслив в контексте педагогики и литературы христианскую мысль поздней Античности и раннего Средневековья, а также превратив в текст фрагменты франко-германских преданий, деятели «каролингского ренессанса» действовали в том же направлении, в котором будут действовать в XVI веке уже творцы северного возрождения.

Итак, изучение образа власти в каролингской литературе, по мнению автора, убедительно доказывает следующее: вобрав в себя, христианский,

античный и германский элементы, Каролингское Возрождение, из названия которого целесообразно было бы убрать кавычки, предвосхитило вектор и сценарий Ренессанса XIV-XVI веков по обе стороны Альп.

Осталось ответить на последний, третий, и, быть может, самый главный вопрос нашего диссертационного исследования: какую роль образ правителя эпохи Каролингов сыграл в последующих представлениях о власти в Средние века, в монархической этике этой эпохи?

Крупную роль каролингской концепции власти в формировании этики рыцарства и духовенства в Классическое Средневековье, как мы неоднократно упоминали выше, отмечал ещё Ж. Флори. Однако его мысль, на наш взгляд, требует значительного дополнения.

Христианское видение власти, в своём средневековом варианте сформировавшееся именно в эпоху Каролингов, стало основой представлений о правителе на протяжении тысячи, если не более, лет. Личное благочестие государя, доведённое усилиями церкви в Высокое Средневековье до святости на троне, привело к появлению феномена «королей-чудотворцев», данной Господом силой исцеляющих золотуху¹⁴⁶⁵. Законченным, до конца отточенным образцом христианского короля Средневековья стал описанный Ж. де Жуанвилем Людовик Святой¹⁴⁶⁶.

Но и античные элементы никуда не делись из арсенала средневековых идеологов власти: политические мыслители при дворах Генриха II Плантагенета (1154-1189 гг.) или Филиппа IV (1295-1314 гг.) с успехом внедряли нормы римского права в свои трактаты¹⁴⁶⁷, придворные поэты Филиппа-Августа могли представлять его римским цезарем¹⁴⁶⁸, а Н.

¹⁴⁶⁵ См.: Блок М. Короли-чудотворцы / Пер. с фр. В. Мильчиной.

¹⁴⁶⁶ См.: Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. с лат. Г. Цыбулько.

¹⁴⁶⁷ См.: *Пти-Дютайи III*. Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков / Пер. с фр. С. Моравского. СПб., 2001; *Brand P.* Henry II and the Creation of the English Common Law // Harper-Bill C., Vincent N. Henry II: New Interpretations. Woodbridge, UK, 2007; *Minois G.* Philippe le Bel. Paris, 2014.

¹⁴⁶⁸ См.: *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987-1460 / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова; *Baldwin J.W.* Philippe Auguste et son

Макиавелли – прославлять в действиях своего абстрактного Государя античные категории пользы и укрепления власти при формальном сохранении топиических христианских добродетелей¹⁴⁶⁹ – так или иначе, впервые возрождённая именно в каролингский период, Античность продолжала влиять на средневековые представления о власти. Германские же представления о правителе, вожде и лидере, бытовавшие в эпоху Каролингов в устной форме, достигли наивысшего развития в писанном героическом эпосе Средневековья¹⁴⁷⁰.

«Багаж», переданный Средневековью каролингскими идеологами власти, продолжал быть актуальным и в раннее Новое время. В конфессиональной Германии в зеркалах князей второй половины XVI века (католическое «Отеческое наставление» В. Ламормэна или лютеранское «Завещание» М. фон Оссы) мы видим массу мотивов, прозвучавших ещё в каролингское время; как католический, так протестантский князь, согласно авторам *Fuhrstenspiegel*, должен был обладать как личным благочестием, выражающемся, прежде всего, в «страхе Божьем», так и быть деятельным защитником веры, благодетелем церкви (у католиков) и надзирателем за нравственностью мирян (у лютеран), «отцом» для всех, без исключения, подданных¹⁴⁷¹. Отметим, что в протестантских зеркалах особенной популярностью пользовались библейские мотивы и ветхозаветные параллели¹⁴⁷², впервые в контексте образа власти доведённые до совершенства дьяконом Алкуином за 700 лет до этого.

gouvernement. Les fondations du pouvoir royal en France au Moyen Âge / Trad. B. Bonne, préf. J. Le Goff. Paris, 1991; *Galland B. Philippe Auguste. Le bâtisseur du royaume*. Paris, 2014.

¹⁴⁶⁹ Никколо Макьявелли. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли / Сост. Ю.В. Артемьева. С. 285-286.

¹⁴⁷⁰ См.: *Gautier L. Les Epopées françaises*. V.2. P.: O. Zeller, 1878. P. 195-199; *Волкова З.Н.* Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний; *Мелетинский Е.М.* Героический эпос // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. С. 107-112.

¹⁴⁷¹ *Singer B. Die Furstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des humanismus und der Reformation*. Munchen, 1981; *Bireley R. The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapell Hill, 1990; *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. С. 229-233.

¹⁴⁷² Там же. С. 232.

Неудивительно, что как римские идеи юридической супрематии, так и, в первую очередь, христианский концепт «монарха Божьей милостью», перенял французский абсолютизм, часть идеологических установок унаследовавший от Каролингской эпохи. Кульминацией этой концепции стала монархия Людовика XIV, использовавшая несколько инструментов репрезентации своей власти. Так, в Версале не только придворные льстецы, но и сама архитектура и внутреннее оформление (особенно Галереи Зеркал), прославляли короля. Причём в придворной жизни широко использовались аллюзии из античной мифологии (самый яркий элемент – солярный культ молодого Людовика), служившей предметом декора и эстетической фантазии¹⁴⁷³. Позднее, в свои зрелые годы Король-Солнце стал изображаться французскими художниками уже в образе одного из главных античных монархов – Александра Македонского¹⁴⁷⁴. Однако и христианская символика имела важное значение: неотъемлемой частью церемониала во время всех праздников был религиозный гимн «Te Deum». В ежедневном церемониале особе короля также придавалось центральное значение: строгий распорядок дня монарха, впервые озвученный поэмой «Карл Великий и папа Лев», в десятки раз превосходя сложностью каролингский образец, доходит до совершенства в эпоху Людовика XIV¹⁴⁷⁵.

Настоящий триумф христианской концепции власти с многочисленными заимствованиями из каролингской политической теологии представляет собой концепция монархии времён Людовика Великого, сформулированная Ж.-Б. Боссюэ: согласно его идеям, король, хотя и не может быть принужден к чему-либо, не может давать кому-либо отчёт,

¹⁴⁷³ См.: Bély L. Louis XIV: le plus grand roi du monde. Paris, 2005; Bercé Y.-M. Louis XIV. Paris, 2005; Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания / Пер с фр. И.А. Эгипти. СПб. 2008. С. 176-181.

¹⁴⁷⁴ История французской литературы / Под ред. И. И. Анисимова, С. С. Мокульского, А. А. Смирнова. Т. 1: С древнейших времён до революции 1789 г. М.; Л., 1946. С. 348.

¹⁴⁷⁵ Там же. С. 184-186.

ограничен, всё же, божественными и естественными законами¹⁴⁷⁶. Следовательно, пренебрежение короля десятью заповедями влечёт отказ подданных от подчинения – мотив, безусловно, знакомый нам со времён каролингских зеркал.

Роль образа государя Каролингской эпохи оказал огромное влияние на средневековые представления о власти. Принципы, входящие в этот образ, повлияли на европейскую монархическую традицию в целом¹⁴⁷⁷. Однако мы не склонны, поддаваясь искренней любви к объекту своего исследования, ставить каролингские идеи власти в основание политической системы современной Европы. Тем не менее, если бы её фундамент был выстроен из кирпичей, то не менее половины из их были бы заложены каролингскими авторами, первыми начавшими комбинировать христианские, античные и германские представления об идеальном правителе. Для того, чтобы оценить их вклад не только в европейскую монархическую этику и политическую мысль в целом, требуется изучение всей политической теологии Каролингской эпохи. Автор выражает надежду, что такое исследование когда-нибудь увидит свет. Ведь обширный, разнообразный и манящий материал каролингских источников располагает к этому.

¹⁴⁷⁶ *Le Brun J.* La spiritualité de Bossuet prédicateur. Paris, 2002; *Delacomptée J.-M.* Langue morte. Bossuet. Paris, 2009; *Дешодт Э.* Людовик XIV / Пер. с фр. М.В. Добродеевой. М., 2011. С. 96.

¹⁴⁷⁷ Даже с крушением ключевых европейских монархий в огне Первой Мировой войны и революций, старейшая монархия Европы – Британская – сохраняет титулатуру и церемониал, во многом схожий с раннесредневековыми: королева носит впервые принятый Каролингами титул «защитника веры»; между тем, ещё в 1956 году 35% опрошенного британского населения верило, что монарх – человек избранный самим Богом. См.: *Ангелова М.М.* Монархия в современной Великобритании - за и против // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. М., 2005. С. 294; *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. London: Little Brown, 1994. P. 9.

Список сокращений

1. MGH – Monumenta Germaniae Historica.
2. MGH SS – MGH Scriptores.
3. Rer. Germ. – rerum Germanicarum.

Источники

1. Адемар Шабаннский. Хроникон / Пер. с лат. А. Банникова, А. Слёзкина и Г. Шмидта. СПб.: Евразия; Клио, 2015. 384 с.
2. Алкуин. Житие святителя Виллиброрда, архиепископа Утрехтского / Пер. с англ. Д. Лапы // Православие.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/32751.htm> (дата обращения: 15.05.2015).
3. Алкуин. Житие святого Мартина Турского // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 131-138.
4. Алкуин. Письмо к Карлу Великому 796 года // *Левандовский А.П.* Карл Великий: через Империю к Европе. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 182-184.
5. Алкуин. Письмо наследнику престола, Карлу Юному (не ранее 800 года) // *Левандовский А.П.* Карл Великий: через Империю к Европе. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 184-185.
6. Алфавит о дурных священниках // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 255-258.
7. Ангильберт. Карл Великий и папа Лев // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 163-168.
8. Ангильберт. Охота Карла Великого (799). Из поэмы «Карл Великий и папа Лев» // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 156-163.
9. Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 37-94.
10. Анналы королевства франков 741-829 гг. (741-801 гг. – в редакции псевдо-Эйнхарда) / Пер. А. Волынца // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info> (27.06.2015)
11. Анналы святого Аманда / Пер. А. Голованова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ann_St_Amandi/text.phtml?id=725 (дата обращения: 2.06.2015).
12. Бертинские анналы / Пер. А. Волынца. URL: <http://www.vostlit.info>
13. Блаженный Августин. Творения. Т. 4. О граде Божиим. Кн. XIV-XXII / Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 590 с.
14. Валафрид Страбон. Житие святого Галла // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 314-333.
15. Ведастинские анналы / Пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 161-188.

16. Вирши на разрушение Глоннской обители (848-850 гг.) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 213-219.
17. Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер. с лат. В. Горнштейна. М.: АСТ, Ладомир, 2007. С. 589-636.
18. Геродот. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 696 с.
19. Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова. М.: КАНОН-пресс-Ц — Кучково поле, 1999. 192 с.
20. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина / Пер. СПбДА под ред. А. А. Калинина. М.: Издательская группа "Labarum", 1998. 352 с.
21. Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. с лат. Г. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.
22. Житие святого Ансария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ансария / Пер. с лат. В. Рыбакова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Heilige/Westen/IX/860-880/Ansgar/frametext.htm> (дата обращения: 15.05.2015).
23. Иона, епископ Орлеанский. Увещание к королю Пипину, сыну Людовика Благочестивого Августа и сочиненьице о королевских обязанностях / Пер. с лат. И. Аникьева // *Аникьев И.И.* Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах трактатов Ионы Орлеанского. М., 2011. С. 114-180. (на правах рукописи)
24. Иосиф Флавий. Иудейская война. Мн.: Беларусь, 1991. 512 с.
25. Ирландский изгнанник (Дунгал?). Послание к Императору (около 800-809 годов) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 163-164.
26. Карл Великий и папа Лев. III, vv. 1-176 / Пер. Е.В. Заруцкой и Н.П. Клещевой; под ред. М. Петровой // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 164-177.
27. Корнелий Тацит. Анналы // Сочинения в двух томах. - Т. 1-2. Анналы. Малые произведения. М.: Научно-издательский центр Ладомир, 1993. 448 с.
28. Иоанн Дамаскин. О ста ересьях вкратце // Преп. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Пер. с греч. и коммент. Д.Е. Афиногенова, А.А. Бронзова, А.И. Сагарды, Н.И. Сагарды. М., 2002. С. 123-155.
29. Луций Анней Сенека. О скоротечности жизни // Историко-философский ежегодник '96. М.: Наука, 1997. URL:

- http://www.psylib.ukrweb.net/books/_senek01.htm (дата обращения: 26.04.2015)
30. Мефодий Олимпийский. Слово в неделю Ваий // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/slovo_v_nedelu_vaii/ (дата обращения: 01.03.2016)
 31. Мефодий Олимпийский. Слово о Симеоне и Анне // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/slovo_o_simeone_i_anne/ (дата обращения: 01.03.2016)
 32. Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда / Пер. с лат. Банников А., Вербин В., Шмидт Г. СПб.: Евразия, 2015 (в печати).
 33. Никколо Макьявелли. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли / Сост. Ю.В. Артемьева. СПб.: Лениздат, 1993. С. 245-316.
 34. Нитхард. История в четырех книгах. Кн. 1-4. / Пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 97-143.
 35. Ноткер Заика. Деяния Карла Великого // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 427-441.
 36. Павел Диакон. Деяния мецских епископов // *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. – СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006. С. 283-303.
 37. Песнь об Аквилее, не заслуживающей восстановления // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 260-263.
 38. Песнь о победе короля Пипина в 796 году // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 154-159.
 39. Радбод, епископ Утрехтский. Чудо святого Мартина (около 900 года) // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 219-225.
 40. Рихер Реймский. История. М.: РОССПЭН, 1997. 336 с.
 41. Руфин. Церковная история // Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 230-284.
 42. Седулий Скотт. На поражение норманнов // *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 199-202.
 43. Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.
 44. Теган. Деяния императора Людовика / Пер. А.И. Сидорова. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tegan/frametext.htm> (дата обращения: 23.03.2015)
 45. Продолжатели Фредегара / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL:

- <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredeggar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015)
46. Фредегар. Хроника / Пер. с англ. Д.Н. Ракова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredeggar/frametext.htm> (дата обращения: 27.06.2015)
47. Фульдские анналы / Пер. с нем. А. Кулакова // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (дата обращения: 26.04.2015).
48. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с.
49. Ademar de Chabannes. Chronique / Publiee d'apres les manuscrits par J. Chavanon. Paris: Alphones Picard et fils, 1897. 287 p.
50. Admonitio Generalis. 789. m. Martio 23. // MGH. Capitularia regum Francorum. T.1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 52-62.
51. Albrecht Durer. Emperor Charlemagne and Emperor Sigismund // Web Gallery of Art [Электронный ресурс]. URL: http://www.wga.hu/html_m/d/durer/1/08/2empero.html (дата обращения: 08.10.2015).
52. Alcuini sive Albini epistolae / Recensvit E. Dvemmmler; edidit societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi // MGH. Epistolae Karolini aevi. T.2. Berolinus: apud Weidmannos, 1895. S. 1-488.
53. Angelberti rhythmus de pugna Fontanetica // Nithardi Historiarum Libri IV / Post G.H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1907. S. 51-53.
54. Angilberti ecloga sacra ad Carolum Magnum // B2FIND [Электронный ресурс]. URL: <http://b2find.eudat.eu/dataset/539438c5-6229-5d48-905e-0d0a0e82b3f7> (дата обращения: 27.06.2015).
55. Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 1-154.
56. Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. 1-138.
57. Annales Hildesheimenses / Contulit cum codice Parisiense G. Waitz / MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1878. S. 1-69.

58. Annales Mettensis priores / Primum recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1905. S. 1-98.
59. Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. S. 1-178.
60. Annales Sancti Amandi, Tiliiani, Laubacenses et Petaviani // MGH. Scriptores (in Folio). T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1826.
61. Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. 40-82.
62. Biblia Sacra juxta Vulgatam Clementinam. Editio electronica / Praep. a M. Tveedale. Londini: M. Bozovic et aliorum, 2005. 1512 p.
63. Carmen de Pippini Regis Victoria. A. 796 // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. P. 154, 156, 158.
64. C. Ivlii Caesaris Commentarii rerum gestarum / Ed. W. Hering. Leipzig 1987.
65. C. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione / Ed. W. Schöne, W. Eisenhut [Электронный ресурс]. München, 1969. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lsante01/Sallustius/sal_cati.html (дата обращения: 26.03.2015).
66. Capitulare Aquisgranense A. 802 // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 90-96.
67. Capitulare Saxonicum // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 75-76.
68. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus // Scriptores rerum Merovingicarum. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 18-167.
69. Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. 168-193.
70. Cornelius Tacitus. Annales ab excessu divi Augusti / Ed. C.D. Fisher [Электронный ресурс]. Oxford: Clarendon Press, 1906. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi005> (дата обращения: 26.03.2015).
71. Cornelius Tacitus. Historiarum libri / Ed. C.D. Fisher [Электронный ресурс]. Oxford: Clarendon Press, 1910. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi1351.phi004> (дата обращения: 25.04.2015).
72. De institutione regia // Reviron J. Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia*: étude et texte critique. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1930.

73. Dhuoda. Handbook for her warrior son / Ed. And trans. M. Thiebaux. New York: Cambridge University Press, 1998. 276 p.
74. Divisio Imperii A. 806. // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 140-143.
75. Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover; Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1911. S. 1-40.
76. Einharti Vita Karoli Magni / Ed. Ph. Jaffe // Bibliotheca Rerum Germanicarum. V.4: Monumenta Carolina. Berlin: Scientia, 1867.
77. Ermoldi Nigelli carmen elegiacum de rebus gestis Ludovici Pii // *Migne J.P.* Patrologia Latina. T.105. Paris: apud Garnier fratres, 1864. P. 570-640.
78. Eusebius of Caesarea. The Ecclesiastical history Vol 2. Book VI-X [Электронный ресурс]. London; New York: W. Heinemann; G.P. Putnam's Sons, 1942. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:greekLit:tlg2018.tlg002> (дата обращения: 20.02.2015).
79. Eusebius of Caesarea. The life of the Blessed Empreror Constantine // Fordham University: the Jesuit university of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/vita-constantine.asp> (дата обращения: 20.02.2015).
80. Gelasii papae I Epist. 8 ad Anastasium imperatorem // PL. T. 59.
81. Gregorius Turonensis. Historiarum Francorum libri X / Ed. Br. Krusch, 1937: http://www.hs-augsburg.de/~Harsch/Chronologia/Lspost06/Gregorius/gre_hi00.html (дата обращения: 29.05.2015)
82. Helperici sive ut alii arbitrantur Angilberti Karolus Magnus et Leo Papa. Turici: Typis Orellii et sociorum, 1832. 44 p.
83. Hincmar. De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annote par M. Prou // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. Paris: F. Wieweg, libraire-editeur, 1885. P. 2-97.
84. Jonae. Opusculum de institutione regia // *Migne J.P.* Patrologia Latina. T.106. Paris: apud Garnier fratres, 1864. P. 279-306.
85. Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel / Hrsg. E. Koschwitz. Heilbron: G. Henninger, 1880. 113 S.
86. Karolus Magnus et Leo Papa. Ein Paderborner Epos von Jahre 799 / Ed. H. Beumann, F. Brunhölzl, W. Winkelmann. Paderborn, 1966.
87. La Chanson de Roland (1090) // Orbis Latinus [Электронный ресурс] URL: http://www.orbilat.com/Languages/French/Texts/Period_02/1090-La_Chanson_de_Roland.htm (дата обращения: 08.10.2015).
88. Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1907. S. 1-50.

89. Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. Berlin: Weidmansche Verlagsbuchhandlung, 1959. S. 1-93.
90. Ordinatio imperii. 817. mense Iulio // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 270-273.
91. Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Recognovit A. Hofmeister // MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopoli Hahniani, 1912. S. 1-457.
92. Pauli Warnefridi liber de episcopis Mettensibus // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1829. S. 260-270.
93. Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1890. S. 1-153.
94. Riheri historiarum libri IV // MGH. Scriptores (in Folio). T. XXXXVIII. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 2000. S. 35-309.
95. S. Agobardus episcopus Lugdunensis. Ad Marfredum procerem palatii, deploratoria de injustitiis // S. Agobardi, Lugdunensis episcopi, Eginhardi abbatis, opera omnia / Ed. J.-P. Migne. Paris: Seu Petit-Montrouge, 1851. P. 186-190.
96. Sallust. The Jugurthine War / Rev. M.A. John Selby Watson [Электронный ресурс]. New York; London: Harper & Brothers, 1899. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi0631.phi002> (дата обращения: 26.03.2015).
97. Sedulii Scoti liber de rectoribus Christianis // *Migne J.P. Patrologia Latina*. T.103. Paris: apud Garnier fratres, 1864. P. 291-332.
98. Septuaginta: Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2006. 1504 p.
99. Tacite. La Germanie / Texte etabli et traduit par J. Perret. Paris: Societe d'edition Les Belles lettres, 1949. 114 p.
100. Titus Livius. Ab Urbe Condita // Perseus Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <http://data.perseus.org/catalog/urn:cts:latinLit:phi0914.phi001> (дата обращения: 25.04.2015).
101. Thegan. Gesta Hludowici imperatoris. Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Hahnsche Bushhandlung, 1995. S. 167-555.
102. Theodulfus. Versus ad Karolem regem / Ed. E. Dümmler // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. Berlin, 1881. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost09/Theodulfus/the_carm.html (дата обращения: 27.06.2015).

103. Walahfridus Strabo. Visio Wettini // IntraText: digital library [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intratext.com/IXT/LAT0797/> (дата обращения: 27.06.2015).
104. Walaphridi prologus // Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover; Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1911. S. XXVIII-XXIX.
105. Waltharius, Lateinisch/Deutsch / Ed. Gregor Vogt-Spira // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. Stuttgart, 1994. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost10/Waltharius/wal_txt0.html (дата обращения: 27.06.2015).
106. Widukindi monachi Corbeiensis rerum gestarum Saxoniarum libri tres / Recognovit P. Hitsch // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Bd. 60. Hannover: Impensis bibliopoli Hahniani, 1935. S. 1-154.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 266-288.
2. *Айхенвальд Ю.* Эпос // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х тт. / Под ред. Н. Бродского и др. М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1925 // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (27.06.2015)
3. *Акимова Е.Ю.* Основные черты социально-политического самосознания рыцарства XIV века (по сочинениям Ле Бея и Фруассара). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2008. 29 с.
4. *Алексий (Дородницын А.Я.), архиепископ Владимирский и Шуйский.* Церковно-законодательная деятельность Карла Великого. М.: типография Л. И А. Снегиревых, 1889. 196 с.
5. *Ангелова М.М.* Монархия в современной Великобритании - за и против // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. М.: Прометей, 2005. С. 292-297.
6. *Аникьев И.И.* Структура Каролингского общества через призму «королевского зеркала» на материалах трактатов Ионы Орлеанского. М., 2011. 180 с. (на правах рукописи)
7. *Балакин В.Д.* Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репниной и В.И. Уколовой. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 14-35.

8. *Балакин В.Д.* Творцы Священной Римской империи. М.: Молодая гвардия, 2004. 356 с.
9. *Беркут Л.Н.* Карл Великий и франкская образованность и литература его времени. Историографический этюд. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912. 46 с.
10. Бертинские анналы (*Annales Bertiani*). Часть 1 (2006) // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text1.phtml?id=657 (дата обращения: 01.05.2015).
11. *Бессмертный Ю.Л.* Франкское государство Меровингов в конце VI-начале VIII в. и становление феодального уклада // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 115-126.
12. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 256 с.
13. *Блок М.* Короли-чудотворцы / Пер. с фр. В. Мильчиной. СПб.: Школа Языки русской культуры, 1998. 712 с.
14. *Блок М.* Феодальное общество. М.: Издательство имени Сабашиных, 2003. 504 с.
15. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
16. *Бойцов М.А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времён «падения» римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Под ред. О. Дмитриевой. СПб.: Алетейя, 2007. С. 46-87.
17. *Бойцов М.А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5-37.
18. *Браво Б., Випшицкая-Браво Е.* Судьбы античной литературы. Античные писатели. Словарь. СПб.: Лань, 1999. С. 7-20.
19. *Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М.: Издательство Московского университета, 1983. 303 с.
20. *Бриллиантов А.И.* Блаженный Августин и его значение на Западе // Августин: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Гуманитарного Христианского Института, 2002. С. 151-192.
21. *Бузескул В.* Тирания и тираны в Древней Греции // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Т. 33. СПб.: , Типо-Литография И.А. Ефрона, 1901. С. 92.
22. *Булдакова Е.В.* Некоторые философские принципы св. Августина и государственная политика Меровингов и Каролингов // Карл Великий. Реалии и мифы. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 75-93.
23. *Буркгарт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. с нем. С. Бриллианта. Смоленск: Русич, 2003. 448 с.

24. *Буркхард Я.* Век Константина Великого / Пер.с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003. 367 с.
25. *Вайништейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 484 с.
26. *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб.: Алетейя, 2008. 646 с.
27. *Вербин В.М., Гайворонский И.Д.* Взгляды Хинкмара на природу власти короля // Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда / Пер. с лат. Банников А., Вербин В., Шмидт Г. СПб.: Евразия, 2015 (в печати).
28. *Вербин В.М., Старостин Д.Н.* Архиепископ Реймский Хинкмар и его трактат «Об управлении дворцом» // Наставление Хинкмара, епископа Реймского, епископам и королю Карломану, состоящее из следующих глав. Хинкмар, епископ и слуга божьего люда / Пер. с лат. А. Банникова, В. Вербина и Г. Шмидта. СПб.: Евразия, 2015 (в печати).
29. *Вестергорд Э.* Родство против договора. Германский героический эпос глазами исторического антрополога // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. URL: <http://norse.ulver.com/articles/westergord.html> (дата обращения: 05.06.2015).
30. *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб.: Типография В. С. Балашев и Ко, 1880. 340 с.
31. *Виноградов П.Г.* Римское право в средневековой Европе. М.: Изд. А.А. Карцева, 1910. 99 с.
32. *Виппер Р.Ю.* История средних веков: Курс лекций. СПб.: ООО СММО Пресс; Минск: ООО Асар, 2001. 384 с.
33. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
34. *Волкова З.Н.* Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний. М.: Наука, 1984. 320 с.
35. *Вязигин А.С.* Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб.: Сенатская типография, 1912. 208 с.
36. *Гайворонский И.Д.* Взгляд западных и восточных франкских хроник на призвание императора Карла III Толстого в Западно-франкское королевство // Журнал научных и прикладных исследований. 2013. № 6. Уфа: Инфинити, 2013. С. 31-33.
37. *Гайворонский И.Д.* Карл Великий и Аварский каганат: к вопросу о политике короля франков в Восточной Европе (на материалах франкских хроник и "Vita Karoli Magni" Эйнхарда) // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-

- Петербургского государственного университета. Вып. 1 / Отв. редактор А.Х. Даудов. СПб.: КультИнформПресс, 2013. С. 121-125.
38. *Гайворонский И.Д.* К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). М.: Молодой ученый, 2013. С. 608–612.
 39. *Гайворонский И.Д.* К вопросу о возникновении образа власти эпохи Каролингов (конец VIII – начало IX века) // Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 12 / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2015 (в печати).
 40. *Гайворонский И.Д.* Незамеченное объединение Империи? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых Курбатовские чтения (26–29 ноября 2013 года) [Электронный ресурс] / Под. ред. А. Ю. Прокопьева. Электрон. текстовые дан. (1,7 Мб). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 217-223.
 41. *Гайворонский И.Д.* Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). М., 2013. С. 47–51.
 42. *Гайворонский И.Д.* Образ государя в каролингской анналистике конца VIII века // Научное мнение. 2015. №5. СПб.: Научное мнение, 2015 (в печати).
 43. *Гайворонский И.Д.* Рождение образа власти в эпоху Карла Великого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы, теории и практики. 2015. №5 (55). Часть II. Тамбов: Грамота, 2015. С. 37-40.
 44. *Гайворонский И.Д.* Христианская монархия Каролингов во второй половине IX в.: образ в литературе и истоки его формирования // Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 12 / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2013. С. 14-25.
 45. *Гайворонский И.Д.* Христианская монархия первых Каролингов в трудах ее идеологов и политическая реальность // Проблемы истории и культуры средневекового общества: тезисы докладов XXIX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2010. С. 144–147.
 46. *Гаспаров М.Л.* Ангильберт // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 162-163.
 47. *Гаспаров М.Л.* Геральд // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 442-444.
 48. *Гаспаров М.Л.* Дуода // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 349.

49. *Гаспаров М.Л.* Каролингское Возрождение VIII-IX веков // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. С. 3-21.
50. *Гаспаров М.Л.* Ноткер Заика // Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. С. 417-419.
51. *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи [без альбома иллюстраций] / Пер. В. Неведомского. Без места издания, 2001. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1010330> (дата обращения: 30.05.2014). Гл. XVI-XXI.
52. *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: В 4-х тт. / Пер. с фр. П.Г. Виноградова. Т. 2-3. М.: Издательский дом Рубежи XXI, 2006.
53. *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины. Т.1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 36-37.
54. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1971. 464 с.
55. *Глогер Б.* Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Пер. с нем. А. Беленькой. СПб.: Евразия, 2003. 288 с.
56. *Граменицкий Д.С.* К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века. Вып. 2. М; Л.: Издательство АН СССР, 1946. С. 135-153.
57. *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М.: Издательство АН СССР, 1960. 407 с.
58. *Грацианский Н.П.* К критике «Capitulare de villis» // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 30. Вып. 2. Казань: 1-я Гос. тип., 1913. С. 129-150.
59. *Грацианский Н.П.* Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным полиптика аббата Ирминона). Харьков: типография «Печатное дело», 1913. 30 с.
60. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. С. 15-260.
61. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык - Медиа, 2008.
62. *Дементьева В.В.* Римская *civitas* времён республиканской эпохи / Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 130-175.
63. *Дешодт Э.* Людовик XIV / Пер. с фр. М.В. Добродеевой. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2011. 286 с.

64. *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987-1460 / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М.: Международные отношения, 2000. 416 с.
65. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фр. Т. Цивьян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1986. 234 с.
66. *Егоров А.Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. науч. ст. К 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С. 280-293.
67. История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина и В.М. Хвостова. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 896 с.
68. История Италии: В 3-х тт. / Под ред. С.Д. Сказкина, Л.А. Котельниковой, В.И. Рутенбурга. Т. 1. М.: Наука, 1970. 427 с.
69. История французской литературы / Под ред. И. И. Анисимова, С. С. Мокульского, А. А. Смирнова. Т. 1: С древнейших времён до революции 1789 г. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. 812 с.
70. *Каждан А.П.* От Христа к Константину. М.: Знание, 1965. 308 с.
71. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 752 с.
72. *Кар Д.* Триумф // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIIIа. СПб., 1901. С. 863-864.
73. *Карачинский А.Ю.* Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX-X вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб, 2003. 32 с.
74. *Карсавин Л.* Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012. 192 с.
75. *Кин М.* Рыцарство / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: Научный мир, 2000. 520 с.
76. Карл Великий. Реалии и мифы. М.: ИВИ РАН, 2001. 232 с.
77. *Коуэл Ф.* Древний Рим. Быт, религия, культура / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 255 с.
78. *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 186 с.
79. *Корсунский А.Р.* Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе // V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10-14 августа 1970 г. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. 18 с.
80. *Кривушин И.В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Учеб. пособие. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. 67 с.
81. *Кудрявцев П.Н.* Каролинги в Италии // Отечественные записки. 1857. М.: Типография Департамента внешней торговли, 1857.

82. *Кудрявцев П.Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом. М., 1850.
83. *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
84. *Куцева Е.А.* Аристократия во Франции в конце Старого Порядка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2006. 24 с.
85. *Лампрехт К.* История германского народа / Пер. с нем. П. Николаева. Т. 1-2. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1894-1895.
86. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков / Пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2012. 220 с.
87. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 160 с.
88. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Матузова. М.: Ладомир, 2001. 800 с.
89. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
90. *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. М.: Соратник, 1995. 272 с.
91. *Левандовский А.П.* Эйнгард и каролингская традиция. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1946.
92. *Левандовский А.П.* Покорение Саксонии и её феодализация // История средних веков / Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 120-121.
93. *Леви-Строс К.* Структура мифов // Вопросы философии. № 7. 1967. М.: Наука. С. 155.
94. *Ли Б.А.* Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии. 848-899 гг. / Пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2006. 384 с.
95. *Лихачев Д.С.* «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 431-436.
96. *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006. 175 с.
97. *Лот Ф.* Последние Каролинги. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
98. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведения как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Под ред. В.Г. Базанова и В.Э. Вацура. Л.: Наука, 1975. С. 25-74.
99. *Лэмб Г.* Карл Великий. Основатель империи Каролингов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрополиграф, 2010. 351 с.
100. *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. 374 с.

101. *Марджори Р.* Европа в Средние века. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 223 с.
102. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, изд. 2. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 11-81.
103. *Мелетинский Е.М.* Героический эпос // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 107-112.
104. *Мельгунов С.П.* Карл Великий. М.: Типография Вильде, 1890. 72 с.
105. *Мень А.* Сын Человеческий. Москва: Р.С., 1991. 464 с.
106. *Мильдон В.И.* Летопись и хроника – два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М.: Советский художник, 1981. С. 351-373.
107. *Михайлин В.Ю.* Между волком и собакой. Героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях. // Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 396-447.
108. *Михаловская Н.С.* Каролингский иммунитет // Средние века. Вып. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. С. 154-189.
109. *Мосс М.* Очерк о даре // Общества, обмен, личность. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1996. С. 83-169.
110. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008. 416 с.
111. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна / Пер. с фр. А.П. Саниной. СПб.: Евразия, 2001. 352 с.
112. *Мюссо-Гулар Р.* Карл Великий / Пер. с фр. Е.В. Морозовой. М.: Весь мир, 2003. 176 с.
113. *Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма. М.: Наука, 1974. С. 211-374.
114. *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М.: Наука, 2008. 443 с.*
115. *Олень* // Книга Символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=347> (01.05.2014)
116. *Орлова Е.И.* Ценностная специфика рыцарского идеала и его культурные формы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 2009. 20 с.
117. *Пако М.* Фридрих Барбаросса. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с.
118. *Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков / Под ред. М. Грабарь-Пассек и М. Гаспарова. М.: Наука, 1970. 444 с.*

119. Памятники средневековой латинской литературы VIII-IX века. М.: Наука, 2006. 480 с.
120. *Панофский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада / Пер. с англ. А. Грабичевского. СПб.: Азбука-классика, 2006. 640 с.
121. *Перевезенцев С.В.* Алкуин // Слово: образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35539.php> (дата обращения: 06.06.2015).
122. *Перфилова Т.Б., Сидло О.А.* Место образованности в аксиологической шкале римлян эпохи принципата (по произведениям сатириков I - II вв.) // Ярославский педагогический вестник №1-2. 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.yspu.org/?page=2004_1_2 (дата обращения: 01.05.2014)
123. *Петрова М.С.* Библиографическая справка // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 42-45.
124. *Петрова М.С.* Литературные и исторические источники Эйнхарда // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 197-218.
125. *Петрова М.С.* Примечания к «Жизни Карла Великого» Эйнхарда // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 132-151.
126. *Петрова М.С.* Примечания к поэме «Карл Великий папа Лев» // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 178-187.
127. *Петрова М.С.* Эйнхард – биограф Карла Великого // Карл Великий. Реалии и мифы. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 57-74.
128. *Петрова М.С.* Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 7-41.
129. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2003. 448 с.
130. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
131. Предисловие к русскому переводу «Книги истории франков» // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/pred.phtml?id=696 (дата обращения: 01.05.2014)
132. *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. 483 с.
133. *Прокопьев А.Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585-1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 824 с.
134. *Прокопьев А.Ю.* История гроба как история власти // Старая Европа. Очерки истории общества и культуры. Памяти А.Н. Немилова / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. С. 166-185.

135. *Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков / Пер. с фр. С. Моравского. СПб.: Евразия, 2001. 448 с.
136. *Птифис Ж.-К.* Людовик XIV. Слава и испытания / Пер с фр. И.А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2008. 382 с.
137. *Пуришев Б.И.* Немецкие народные книги // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М.: Наука, 1986. 261-282.
138. *Ранн Ф.* Священная Римская империя германской нации / Пер. с фр. М.В. Ковальковой. СПб.: Евразия, 2009. 427 с.
139. *Резванова Э.Д.* Гуманизм как единство инновации и традиции: социально-философский аспект (в контексте итальянского Возрождения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2000. 25 с.
140. *Рихтер М.* Латынь – ключ к пониманию мира раннего средневековья? // Одиссей. Человек в Истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 125-136.
141. *Розенберг Ф.А.* Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1912. 26 с.
142. *Русова С.Ф.* Карл Великий. Харьков: Типография И.М. Варшавчика, 1901. 48 с.
143. *Склярова Е.А.* Идея и формы социального порядка в западной культуре XVIII-XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2010. 50 с.
144. *Сидоров А.И.* Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. Сборник статей. М.: В. Секачев, 2000. С. 80-102.
145. *Сидоров А.И.* Вестаинские анналы (1999) // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/09/1/historiki2.htm#111> (дата обращения: 26.03.2015).
146. *Сидоров А.И.* Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 189-222.
147. *Сидоров А.И.* Каролингская аристократия глазами современников // Французский ежегодник. 2001. М.: Едиториал УРСС, 2001. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Sidorov-2001.html> (дата обращения: 26.03.2015).
148. *Сидоров А.И.* К вопросу о культуре чтения в каролингскую эпоху // Мир истории и история мира в раннесредневековой Европе. Иваново: Ивановский государственный университет, 2005. С. 73-86.
149. *Сидоров А.И.* Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе (вторая половина VIII – начало X в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. М.: ИВИ РАН, 2011. 46 с.

150. *Сидоров А.И.* Людовик Благочестивый [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krotov.info/history/09/1/sidorov.htm> (дата обращения: 16.04.2015)
151. *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006. 352 с.
152. Словарь Античности / Сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. В.И. Горбушина и др. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
153. *Смирин В.М.* Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 95-113.
154. Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М.: Советская энциклопедия, 1974. 1007 с.
155. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / Пер. с фр. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
156. *Спасский А.А.* Лекции по истории западно-европейского Средневековья. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. 288 с.
157. *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Ч. 1-2. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1885-1886.
158. *Старостин Д.Н., Гайворонский И.Д.* Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 1. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014. С. 72-82.
159. *Старостин Д.Н.* Австразия в системе власти королевства франков (по материалам «Истории» Григория Турского) // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб.: Сезам-принт, 2012. С. 33-38.
160. *Старостин Д.Н.* Античное наследие в раннем средневековье: пример реформы календаря // Вестник древней истории. 2008. №1. М.: Наука, 2008. С. 174-184.
161. *Старостин Д.Н.* Битва при Тертри (687) и ее отражение в историографии в эпоху Каролингов // 4-е международные чтения "Мир и война: культурные контексты социальной агрессии". СПб., 2010.
162. *Старостин Д.Н.* Григорий Турский и наследие позднеантичного историописания // Локальные исторические культуры / Под ред. М. С. Бобковой, А. И. Сидорова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 124-143.
163. *Старостин Д.Н.* Историописание Каролингской эпохи: Идеология и политические реалии // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. С. 409-412.

164. *Старостин Д.Н.* Королевская власть и династическая политика в государстве франков в поздний период правления Карла Великого // Университетский историк: Альманах. 2008. Вып. 5. С. 101-109.
165. *Старостин Д.Н.* Королевство франков и средневековые Франция и Германия // Полюдь: всемирно-историческое явление. М.: РОССПЭН, 2009. С. 107-121.
166. *Старостин Д.Н.* Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX - начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Vol. 71 (96). С. 126-139.
167. *Старостин Д.Н.* Между Меровингами и Каролингами: представления о власти и смена исторической перспективы в позднемеровингский период по материалам исторических сочинений и житий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 1. С. 156-168.
168. *Старостин Д.Н.* Проблемы семьи и династии во франкском королевстве эпохи Каролингов // К 400-летию дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы. Сборник материалов международной научной конференции СПб.: Скифия-Принт, 2013. С. 48-58.
169. *Старостин Д.Н.* Регино Прюмский и формирование территориальных княжеств в королевстве франков IX в. // Актуальные проблемы современной науки. 2013. V. 1. Ставрополь, 2013. Р. 99-108.
170. *Старостин Д.Н.* Формирование княжеств в позднекаролингский период и отражение этого процесса в «Хронике» Адемара Шабанского // Молодой учёный. 2013. №7 (54). М.: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 326-333.
171. *Старостин Д.Н.* Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. СПб.: Лема, 2008. 24 с.
172. *Старостин Д.Н.* Франкское королевство эпохи Меровингов: Генезис и трансформация представлений о власти в контексте романо-германского синтеза. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 2008. 190 с. (на правах рукописи).
173. *Старостин Д.Н.* Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 52-58.
174. *Старостин Д.Н.* Regnum и stirps regia: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI - первой половины VII вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени, 2010. V. 8. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2010. С. 104-123.

175. *Стеблин-Каменский М.И.* Записки о становлении литературы // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л.: Наука, 1964. С. 403.
176. *Стринггольм А.М.* Походы викингов / Пер. с нем. А. Шемякина. М: АСТ, 2002. 736 с.
177. *Сямтомов И.В.* К вопросу о кризисе теократической монархии вестготов // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) [Электронный ресурс] / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 212-216.
178. *Тарасова А.В.* Рихер Реймский и его «Четыре книги истории» // Рихер Реймский. История. М.: РОССПЭН, 1997. С 213-271.
179. *Тейс Л.* История Франции. В 2 т. / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой. Т. 2. М.: Скарабей, 1993. 272 с.
180. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 416 с.
181. *Todd M.* Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 223 с.
182. *Успенский Б.А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
183. *Фавтье Р.* Капетинги и Франция / Пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
184. *Фараль Э.* Общественное устройство // Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. СПб.: Евразия, 2009. С. 393-410.
185. *Фараль Э.* Развлечения // Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. СПб.: Евразия, 2009. С. 307-326.
186. *Федоров С.Е.* Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. 525 с.
187. *Фёдоров С.Е.* «Aristocratia» в лексическом дискурсе конца XVI–XVII века: семантика значения // Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. С. 35-79.
188. *Федоров С.Е.* Liber Regalis и английские королевские инсигнии // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 159-175.
189. *Философов И.Ю.* Феномен героического поведения в древней Скандинавии: идеальные модели и поведенческая практика (по данным эдических песен и саг о древних временах). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Саратов, 2011. 200 с. (на правах рукописи)
190. *Флекенштейн Й., Бульст-Тиле М.Л.* Основание и расцвет германской империи. СПб.: Евразия, 2008. С. 9-222.
191. *Флори Ж.* Идеология меча / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 1999. 320 с.

192. *Фортинский Ф.Я.* Причины распада монархии Карла В. Киев: типография Университета св. Владимира, 1872. 16 с.
193. *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. Петроград: типография М. Стасюлевича, 1916. 852 с.
194. *Хэгерманн Д.* Карл Великий / Пер. с нем. В.П. Котелкина. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 684 с.
195. *Шейнэ Ж.К.* История Византии / Пер. с фр. В.Б. Зусевой. М.: АСТ; Астрель, 2006. 158 с.
196. *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по "Variae" Кассиодора: Миф, образ, реальность. М.: РГГУ, 2003. 140 с.
197. *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
198. *Шмитт К.* Политическая теология / Пер. с нем. А. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
199. *Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. СПб.: Алетея, 2005. 203 с.
200. *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2001. С. 268–285.
201. *Эксле О.Г.* «Образ человека» у историков // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 304–334.
202. *Эксле О.Г.* Схемы истолкования социальной действительности в раннее и высокое Средневековье в аспекте истории знания // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 23–95.
203. *Эксле О.Г.* Формы социального поведения в средние века. Согласие - договор – индивид / Пер. с нем. Н.Ф. Ускова // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени). М.: ИВИ РАН, 2000. С. 5–27.
204. *Энгельс.* К истории древних германцев // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 442–494.
205. *Энгельс Ф.* Франкский период // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 495–546.
206. *Эпоха крестовых походов* / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск: Русич, 2005. 672 с.
207. *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
208. *Ярхо Б.И.* Ангильберт, аббат монастыря св. Рихария // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 131.

209. *Ярхо Б.И.* Валахфрид Страбон, аббат Рейхенауский (808/9-849) // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 131-132.
210. *Ярхо Б.И.* Павел Диакон // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 135-136.
211. *Ярхо Б.И.* Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. 312 с.
212. *Ярхо Б.И.* Теодульф, архиепископ Орлеанский (?-821) // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 138-139.
213. *Ярхо Б.И.* Условия развития поэзии Каролингского Возрождения // Поэзия Каролингского Возрождения / Перевод с лат, введ. и коммент. Б.И. Ярхо. М.: РГГУ, 2010. С. 19-52.
214. *Abbé C. Dehaisnes.* Les Annales de Saint-Bertin et de Saint Vaast. Paris: Libraire de la societe de l'histoire de France, 1871. 472 p. // Gallica: bibliotheque numerique [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k215043h> (дата обращения: 01.05.2015).
215. *Abbe de Mably.* Observations sur l'histoire de France. Geneve: Par la Compagnie des libraires, 1756. 448 p.
216. *Adcock F.E.* Caesar als Schriftsteller. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 83 S.
217. *Airlie S.* Political Behaviour of Secular Magnates. Phil. thesis. Oxford, 1986. P. 275–290.
218. *Airlie S.* The Aristocracy in the Service of the State in the Carolingian Period // Staat im frühen Mittelalter. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters №11 / Hrsg. W. Pohl, H. Reimitz and S. Airlie. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. S. 93–111.
219. *Albrecht M.* Geschichte der römischen Literatur. Bd. 1. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. S. 326–347.
220. *Alfoldi G., Panciera S.* Inschriftliche Denkmäler als Medien der Selbstdarstellung in der römischen Welt. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. 229 S.
221. *Althoff G.* Adels- und Königsfamilien im Spiegel ihrer Memorialüberlieferung. Studien zum Totengedenken der Billunger und Ottonen. München: Fink, 1984. 440 S.
222. *Althoff G.* Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. 256 S.
223. *Althoff G.* Inszenierte Herrschaft. Geschichtsschreibung und politisches Handeln im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 306 S.
224. *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997. 414 S.

225. *Althoff G., Keller H.* Die Zeit der späten Karolinger und der Ottonen: Krisen und Konsolidierungen 888–1024. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. 475 S.
226. *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy. 489–554. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 548 p.
227. *Anton H.H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 504 s.
228. *Anton H.H.* Fürstenspiegel des Hohen und Frühen Mittelalters. Forschungsbericht. Universität Trier [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ahf-muenchen.de> (дата обращения: 28.05.2015).
229. *Anton H.H.* Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin: Walter de Gruyter, 2005. S. 270-330.
230. *Anton H.H.* Regino von Prüm // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 7, Herzberg: Bautz, 1994. S. 1483–1487.
231. *Arnold D.* Johannes VIII.: Päpstliche Herrschaft in den karolingischen Teilreichen am Ende des 9. Jahrhunderts. Berne: Peter Lang International Academic Publishers, 2004. 268 s.
232. Aspects of Power and Authority in the Middle Ages (International Medieval Researches) / Ed. B. Bolton, C.E. Meek. Turhout: Brepols Publishers, 2008. 352 p.
233. *Ausbüttel F.M.* Theoderich der Große. Darmstadt: Primus, 2004. 192 p.
234. Authorities in the Middle Ages: Influence, Legitimacy, and Power in Medieval Society (Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture) / Ed. S. Kangas, M. Korpiola, T. Ainonen. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 2013. 330 p.
235. *Bäbler B., Nesselrath H.G.* Die Welt des Sokrates von Konstantinopel. München; Leipzig: De Gruyter Saur, 2001. 219 S.
236. *Bagge S.* How can we use Medieval historiography? // *Weber G.W.* Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichts mythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neu zeit / Intr. by M.C. Ross. Trieste: Edizioni Parnaso, 2001. S. 29-42.
237. *Baldwin J.W.* Philippe Auguste et son gouvernement. Les fondations du pouvoir royal en France au Moyen Âge / Trad. B. Bonne, préf. J. Le Goff. Paris: Fayard, 1991. 717 p.
238. *Banuard L.* Théodulfe, évêque d'Orléans et Abbé de Fleury-sur-Loire. Paris: C. Douniol, 1860. 352 p.
239. *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 464 p.
240. *Barnwell P.S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // Historical Research. T. 78. 2005. P. 129-139.
241. *Bautz F.W.* Angilbert // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1. 1975. № 2. Hamm.: unveränderte Auflage, 1990. S. 175.

242. *Bautz F.W.* Einhard // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1. 1975. № 2. Hamm.: unveränderte Auflage, 1990. S. 1479–1480.
243. *Bayne, N.H.* Constantine the Great and the Christian Church. London: Milford, 1930. 114 p.
244. *Beard M.* The Roman Triumph. Cambridge; Mass.: Harvard UP, 2007.
245. *Becher M.* Merowinger und Karolinger. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 167 p.
246. *Becht-Jördens G.* Biographie als Heilsgeschichte. Ein Paradigmenwechsel in der Gattungsentwicklung. Prolegomena zu einer formgeschichtlichen Interpretation von Einharts Vita Karoli. // Quaerite faciem eius semper. Studien zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum. Dankesgabe für Albrecht Dihle zum 85. Geburtstag aus dem Heidelberger Kirchenväterkolloquium / Hrsg. A. Jördens. Hamburg: Kovac, 2008. S. 1–21.
247. *Below G.* Der deutsche Staat des Mittelalters. Bd. 1. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. 387 S.
248. *Bely L.* History of France / Transl. by A. Moyon. Paris: Editions Jean-Paul Gisserot, 2001. 128 p.
249. *Bély L.* Louis XIV: le plus grand roi du monde. Paris: Gisserot, coll. Histoire, 2005. 280 p.
250. *Bemont C.* Annals // The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information. Vol. 2: Andros to Austria. Cambridge: University press, 1911. P. 61.
251. Beowulf (Old English poem) // Encyclopædia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/61412/Beowulf> (дата обращения: 01.05.2014)
252. *Bercé Y.-M.* Louis XIV. Paris: Le Cavalier Bleu, 2005. 127 p.
253. *Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart: Hiersemann, 1992. 364 s.
254. *Bernheim E.* Die Vita Karoli Magni als ausgangspunkt zur literarischen beurtheilung des historikers Einhard // Historische aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover: Hahn, 1886. S. 73-96.
255. *Berschin W.* Personenbeschreibung in der Biographie des frühen Mittelalters // Historiographie im frühen Mittelalter / Hg. A. Scharer und Scheibelreiter. Wien; Munchen: R. Oldenbourg Verlag, 1994. S. 186-193.
256. *Beumann H.* Die Historiographie des Mittelalters als Quelle für die Ideengeschichte des Königtums // Historische Zeitschrift 1955. № 180. S. 449-448.
257. *Bireley R.* The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapell Hill: University of North Carolina Press, 1990. 321 p.

258. *Bodart E.* Rufinus v. Aquileia // Lexikon des Mittelalters. B. 7. München: LexMA-Verlag, 1995. Sp. 1088–1089.
259. *Bodin J.* Les six livres de Republic. Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Paris: Librairie générale française, 1993. 607 p.
260. *Bodart E.* Rufinus v. Aquileia // Lexikon des Mittelalters (LexMA). B. 7. München: LexMA-Verlag, 1995. S. 1088–1089.
261. *Börm H., Havener W.* Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der „Übertragung“ der res publica // Historia. 2012. №61. P. 202–220.
262. *Bossuat R., Gasparri F.* Nithard // Dictionnaire des lettres françaises, T. 1: Moyen Âge / Ed. R. Bossuat, L. Pichard et G. R. de Lage. Paris, Fayard, 1992. P. 1105-1107.
263. *Bouillet M.-N., Chassang A.* L'Astronome (auteur) // Dictionnaire universel d'histoire et de géographie / Par M.N. Bouillet. Paris: Librairie Hachette, 1878 // Gallica: bibliotheque numerique [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4849m#> (дата обращения: 12.06.2015).
264. *Boulainvilliers H.* Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Michigan: University of Michigan Library, 1727. 336 p.
265. *Brand P.* Henry II and the Creation of the English Common Law // Harper-Bill C., Vincent N. Henry II: New Interpretations. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2007. P. 215-241.
266. *Brandt T.* The Heruls [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 29.05.2014).
267. *Brown G.* The Carolingian Renaissance // Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge: Cambridge University press, 1994. P. 1-51.
268. *Brown P.R.L.* The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.) L.: Harvard University press, 1978. 135 p.
269. *Brown P.R.L.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin press, 1992. 182 p.
270. *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1. München: Fink, 1975, S. 399–402.
271. *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1906. 629 S.
272. *Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien; Köln; Graz: Hermann Bochlaus Nachfolger, 1979. 224 p.
273. *Brunner O.* Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. 463 S.
274. *Brunner O.* Sozialgeschichte Europas im Mittelalter. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978. 104 S.
275. *Buc P.* The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton: Princeton University Press, 2009. 288 p.

276. *Burns T.* A History of the Ostrogoths. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1984. 299 p.
277. *Busch J.W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2011. 160 s.
278. *Bullough D.A.* Alcuin: Achievement and reputation. Leiden: Brill Academic Pub, 2004. 528 p.
279. *Bullough D.A.* Carolingian Renewal: Sources and Heritage. Manchester: Manchester University Press, 1991. 343 p.
280. *Canfora L.* Jules César, le dictateur démocrate. Paris: Flammarion, 2001. 496 p.
281. *Carruthers L.* Rewriting Genres: *Beowulf* as Epic Romance // Palimpsests and the Literary Imagination of Medieval England / Ed. L. Carruthers, R. Chai-Elsholz, T. Silec. New York: Palgrave, 2011. P. 139–155.
282. *Casaubonus I. C.* Suetoni Tranquilli de XII Caesarum libros VIII animadversions. Parisii, 1595. P. 37, 156.
283. *Cawley C.* Family of Nithard // Medieval Lands Project. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://fmg.ac/Projects/MedLands/FRANKISH%20NOBILITY.htm#_Toc371156055 (дата обращения: 12.06.2015).
284. Charlemagne. Empire and society / Ed. J. Story. Manchester: Manchester University Press, 2005. 330 p.
285. *Chisholm H.* Capitularies // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/94028/capitulary> (дата обращения: 02.03.2015).
286. *Chisholm H.* Nithard // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/biography/Nithard> (дата обращения: 02.03.2015).
287. *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz: Die Begründung des karolingischen Kaisertums. Sigmaringen: Thorbecke, 1985. 107 S.
288. *Classen P.* Karl der Grosse und Thronfolge im Frankenreich // Festschrift für Hermann Heimpel / Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Bd. 3 Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht Robert-Bosch-Breite 6, 1972. S. 109-134.
289. *Claude J.-N.* Saint Benoît: et la vie monastique. Paris: Seuil, 2001. 170 p.
290. *Collins R.* Die Fredeggar-Chroniken. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2007. 152 S.
291. *Collins R.* Early Medieval Europe, 300-1000. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 624 p.
292. *Collins R.* Visigothic Spain 409-711. Oxford: Blackwell, 2004. 272 p.
293. *Contreni J.G.* The Carolingian Renaissance: education and literary culture // New Cambridge Medieval

- History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 709-757.
294. Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. J.M. Bak. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. 257 p.
 295. *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. New York: Cambridge University Press, 2011. 528 p.
 296. *Couzinet M.-D.* Jean Bodin. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 2001. 381 p.
 297. *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge: Cambridge Medieval Textbooks, 2006. 528 p.
 298. *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 496 p.
 299. *Dagron G.* Empereur et prêtre. Étude sur le "césaropapisme" byzantine. Paris: Gallimard, 1996. 435 p.
 300. *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Bd. 3: Verfassung des Ostgotischen Reiches in Italien. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1866. 834 S.
 301. Das frühmittelalterliche Königtum: ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. F.-R. Erkens. Berlin: Walter de Gruyter, 2005. 462 S.
 302. *Davies R.* Lords and Lordship in the British Isles in the Late Middle Ages. Oxford: Oxford University press, 2009. 268 p.
 303. *De Jong M.* Charlemagne's Church // Charlemagne. Empire & society. Manchester; New York: Manchester University Press, 2005. P. 103-135.
 304. *Delacomptée J.-M.* Langue morte. Bossuet. Paris: Gallimard, 2009. 208 p.
 305. *Delaruelle E.* Jonas d'Orléans et le moralisme carolingien // Bulletin de littérature ecclésiastique. 1984. №55. P. 129-143.
 306. *Delaruelle E.* En relisant le *De institutione regia* de Jonas d'Orléans: L'Entrée en scène de l'épiscopat carolingien // Mélanges d'histoire du moyen âge dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris: Presses Universitaires De France, 1951. P. 185-192.
 307. *Demelemestre G.* Les deux souverainetés et leur destin. Le tournant Bodin-Althusius. Paris: Cerf, 2011. 280 p.
 308. *Depreux P.* Alcuin, de York à Tours. Ecriture, pouvoir et réseaux dans l'Europe. Rennes: Presses Universitaires Rennes, 2005. 512 p.
 309. *Depreux P.* Nithard et la Res Publica : un regard critique sur le règne de Louis le Pieux // *Medievals*. № 22-23. 1992. Vincennes-Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 1992. P. 149-161.
 310. Der Fürst: Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte // Ed. W. Weber. Köln: Böhlau, 1998. 248 p.
 311. Die Neue Echter-Bibel. Kommentar / Kommentar zum Alten Testament mit Einheitsübersetzung / 1 Könige / Hrsg. J.G. Plöger, J. Schreiner. Würzburg: Echter, 1984. 144 S.

312. *Dietrich W.* David. Der Herrscher mit der Harfe. Biblische Gestalten. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2006. 384 S.
313. *Dietrich W.* Die Herrschaft Sauls und der Norden Israels // *Saxa loquentur. Studien zur Archäologie Palästinas/Israels / Hrsg. C. G. den Hertog u. a.* Münster: Ugarit-Verlag, 2003. S. 39–59.
314. *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. London: Little Brown, 1994. 620 s.
315. *Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècles). Bruges: de Tempel, 1948. 369 p.
316. *Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. Weimar: H. Böhlau Nachfolger, 1921. 436 S.
317. *Drobner H.R.* Rufinus, Tyrannius // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*. Bd. 8. Herzberg: Bautz, 1994. S. 959–972.
318. *Dubos J.-B.* Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T.1. Paris: Chez NYON pere, au premiere Pavillon de Quatre-Nations, a Sainte Monique, 1742. 652 p.
319. *Duchesne L.* Fastes episcopaux de l'Ancienne Gaule. T. 3. Les Provinces du Nord et de L'Est. P. A. Fontemoing, 1915. 270 p.
320. *Duchet-Suchaux G., Périn P.* Clovis et les Mérovingiens. Paris: Tallandier, 2002. 159 p.
321. *Dunne M., McEvoy J.J.* History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. Dublin: Leuven University Press, 2002. 645 p.
322. *Dutton P.E.* Charlemagne's courtier: the complete Einhard. Peterborough, Ontario: Broadview press, 1998. P. XXIII-XXIV.
323. *Ebert A.* Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. 1-2. Leipzig: Tredition, 1880.
324. *Eichhorn K.F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 1. Göttingen: Bandenhöck und Ruprecht, 1843. 725 s.
325. *Enright M.* The Lady and the Mead Cup. Dublin: Four Courts Press, 1996. 342 p.
326. *Erkens F.-R.* Herrschersakralität im Mittelalter: von den Anfängen bis zum Investiturstreit. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 282 S.
327. *Esselborn K.* Übertragung u. Wunder d. Heiligen Merzellinus u. Petrus. Darmstadt: Historischer Verein f. Hessen, 1927. 65 S.
328. Eusèbe de Césarée // *Encyclopedie Larousse [Электронный ресурс]*. URL:
http://www.larousse.fr/encyclopedie/litterature/Eus%C3%A8be_de_C%C3%A9sar%C3%A9e/173200(дата обращения: 28.05.2015)
329. *Falkowski W.* The Carolingian *speculum principis* – the birth fo a genre // *Acta Poloniae Historica*. 2008. №98. P. 5-27.
330. *Farhat-Holzman L.* Climate Changes, Volcanoes and Plagues – the New Tools of History [Электронный ресурс] // URL:
<http://web.archive.org/web/20070927235420/http://globalthink.net/global/dspaper.cfm?ArticleID=96> (дата обращения: 29.05.2014)

331. *Fatouros G. Methodios* // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Bd. 5. Herzberg: Bautz, 1993. S. 1380–1382.
332. *Fees K.* War Walahfrid Strabo der Lehrer und Erzieher Karls des Kahlen? // Studien zur Geschichte des Mittelalters. Jürgen Petersohn zum 65 / Hrsg. P. Wiegand. Stuttgart: Hiersmann, 2000. S. 42–61.
333. *Fickermann N.* Zum Verfasserproblem des Waltharius // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1959. №81. S. 267–273.
334. *Fillitz H.* Die Insignien und Kleinodien des Heiligen Römischen Reiches. Wien; München: Schroll, 1954. 66 S.
335. *Finkelstein I, Silberman N.A.* David und Salomo – Archäologen entschlüsseln einen Mythos. München: C. H. Beck Verlag, 2006.
336. *Fleckenstein J.* Einhard // Lexikon des Mittelalters. Bd. 3. München: LexMA-Verlag, 1986, S. 1737–1739.
337. *Fleckenstein J.* Hausmeier // Lexikon des Mittelalters. Bd. 4. München/Zürich: Artemis & Winkler, 1989. S. 1974–1975.
338. *Fleckenstein J.* Ordinatio imperii von 817 // Lexikon des Mittelalters. Bd. 6. München/Zürich: Artemis & Winkler, 1993. S. 1434–1435.
339. *Foye M.W.* The early Irish church; or, a sketch of its history and doctrine. T.2. London: Seeley, Burnside, and Seeley, 1845. 106 p.
340. *Fraser J.E.* Adomnan, Cummene Ailbe and the Picts // Peritia. N 17-18. 2003-2004. P. 183-188; Fraser J.E. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795. P. 98.
341. *Fredegar-Chronik* // Deutsche Enzyklopaedie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Fredegar-Chronik> (дата обращения: 29.05.2014).
342. *Freeman A.* Theodulf of Orleans and the Libri Carolini // Speculum. V. 32. 1957. №4. P. 663–705.
343. *Fried J.* Das Mittelalter. Geschichte und Kultur. München: Beck. 2008. 606 S.
344. *Fried J.* Karl der Grosse: Gewalt und Glaube. Eine Biographie. Munchen: C.H. Beck, 2014. 736 s.
345. *Fried J.* The Frankish kingdoms, 817-911: The East and middle kingdoms // New Cambridge Medieval History. V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 142-168.
346. *Galland B.* Philippe Auguste. Le bâtisseur du royaume. Paris: Belin, 2014. 211 p.
347. *Galling K.* Textbuch zur Geschichte Israels. Tübingen: Mohr Siebeck, 1979. 109 S.
348. *Ganshof F.L.* La fin du règne de Charlemagne, une decomposition // Revue suisse d'histoire. 1948. P. 433–451.
349. *Ganshof F.L.* Eginhard, biographe de Charlemagne // Bibliothec d'Humanisme et Renaissance. 1951. № 13. P. 217-230.
350. *Ganshof F.L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous le Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie

- occidentale // La storiografia altomedievale. V. 2 (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo). Spoleto: Presso la sede del Centro, 1970. P. 631-685.
351. *Ganshof F.L.* Note critique sur la biographie de Nithard // *Melanges Paul Thomas*. Brugge: Imprimene Sainte Catherine, 1930. P. 335-344.
 352. *Ganshof F.L.* Note critique sur Eginhard, biographe de Charlemagne // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1924. V. 3. № 3-4. P. 725-758.
 353. *Ganshof F.L.* The Imperial Coronation of Charlemagne: Theories and Facts // *The Carolingians and the Frankish Monarchy*. London: Longman, 1971. P. 41-44.
 354. *Ganz D.* Einhard's Charlemagne: the characterization of greatness // *Charlemagne. Empire and society*. Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 38-51.
 355. *Garrison M., Nelson J.L., Tweddle D.* Alcuin and Charlemagne: the Golden Age of York. York: The Yorkshire Museum, 2001. 96 p.
 356. *Gauthier G.* Constantin: Le triomphe de la Croix. Paris: France Empire, 1999. 299 p.
 357. *Gautier L.* Les Epopées françaises. V.2. Paris: O. Zeller, 1878. P. 195-199.
 358. *Geuenich D.* Mönche und Konvent von St. Gallen in der Karolingerzeit // *Alemannisches Jahrbuch 2001/2002*. S. 39-62.
 359. *Gierke O.* Die historische Rechtsschule und die Germanisten, Berlin: Gustav Schande (Otto Francke), 1903. 61 S.
 360. *Giesebrecht W.* Karl der Grosse. Wiesbaden: Marixverlag, 2003. 377 S.
 361. *Giesie R.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva: Librairie Droz, 1960. 233 p.
 362. *Glenn J.* Politics and History in the Tenth Century: The Work and World of Richer of Reims. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 330 p.
 363. *Goffard W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550-800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame Press, 2005. 536 p.
 364. *Goyau G.* House of Guise // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 7. New York: Robert Appleton Company, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07074a.htm> (дата обращения: 08.10.2015).
 365. *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France: Depuis La Chute de L'Empire Romain. T 2-3. Paris: Hachette livre-BNF, 2013.
 366. *Guizot F.* Notice sur les Annales de Saint-Bertin // *L'Antiquité Grecque et Latine du Moyen Age* [Электронный ресурс]. URL: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/anonyme/annales.htm> (дата обращения: 26.06.2015)
 367. *Guizot F.* Vie de Louis le Debonnaire, par l'Anonyme dit l'Astronome // *L'Antiquité Grecque et Latine du Moyen Age* [Электронный ресурс].

- URL: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/nithard/anonyme.htm> (дата обращения: 12.06.2015).
368. *Gobry I.* Pepin le Bref: père de Charlemagne, fondateur de la dynastie carolingienne. Paris: Pygmalion/G. Watelet, 2001. 248 p.
 369. *Godman P.* Poetry of the Carolingian Renaissance. Norman: University of Oklahoma Press, 1985. 364 p.
 370. *Godman P.* Poets and emperors: Frankish politics and Carolingian poetry. Clarendon: Clarendon Press, 1987. 199 p.
 371. *Goetz H.-W.* Der fränkische maior domus in der Sicht erzählender Quellen. // Vielfalt der Geschichte. Lernen, Lehren und Erforschen vergangener Zeiten. Festgabe für Ingrid Heidrich zum 65. Geburtstag / Hrsg. S. Happ, U. Nonn. Berlin: Wissenschaftliche Verlag Berlin, 2004. S. 11–24.
 372. *Goetz H.-W.* Leben im Mittelalter: vom 7. bis zum 13. Jahrhundert. Munchen: C.H.Beck, 1994. 302 S.
 373. *Goetz H.-W.* Moderne Mediävistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. 412 S.
 374. *Goetz H.-W.* Nithard // Lexikon des Mittelalters. Bd 6. München/Zürich: Artemis & Winkler, 1993. S. 1201.
 375. *Goetz H.-W.* Proseminar Geschichte. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2006. 400 s.
 376. *Goetz H.-W.* Regnum: Zum politischen Denken der Karolingerzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1987. №104. S. 188-189.
 377. *Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W.* Regna and Gentes: The Relationship Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Leiden; Boston: Brill, 2003. 704 p.
 378. *Goffart W.* Barbarians and Romans. Princeton: Princeton University Press, 1980. 296 p.
 379. *Goffart W.* The Narrators of Barbarian (A.D. 550-800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton: University of Notre Dame Press, 1988. 536 p.
 380. *Goldberg E.J.* More Devoted to the Equipment of Battle than the Splendor of Banquets»: Frontier Kingship, Martial Ritual, and Early Knighthood at the Court of Louis the German // Viator. 1999. № 30. P. 41–78.
 381. *Goldmann L.* Epistémologie et philosophie. Paris: Gonthier, 1978. 244.
 382. *Görich K.* Friedrich Barbarossa: Eine Biographie. München: Beck, 2011. 782 S.
 383. *Green J.P.* Medieval monasteries. New York: Bloomsbury Academic, 2005. 255 p.
 384. *Grier J.* Adémar de Chabannes, Carolingian musical practices, and «Nota Romana» // Journal of the American Musicological Society. 2003. Vol. 56. P. 43-98.

385. *Haas J.* Zum Plan einer wikingischen Herrschaft am Mittelrhein und an der Mosel. Ein historischer Kommentar zu Regino, *Chronicon ad annum 885* und zu Notker, *Gesta Karoli Magni imperatoris II*, 13 // *Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte*. 2008. №34. Koblenz, 2010. S. 7–16.
386. *Hack A.T.* Alter, Krankheit, Tod und Herrschaft im frühen Mittelalter. Das Beispiel der Karolinger. Stuttgart: Hierseemann, 2009. 506 s.
387. *Haefele H.F.* Studien zu Notkers *Gesta Karoli* // *DA*. № 15, 1959. S. 390.
388. *Haefele H.F.* Einleitung // Notker der Stammeler. Taten Kaiser Karls des Grossen / Herausgegeben von H.F. Haefele // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series*. Berlin: Weidmansche Verlagsbuchhandlung, 1959. S. VII-XLVI.
389. *Hägermann D.* Karl der Große. Herrscher des Abendlandes. Berlin: Propyläen Verlag, 2000. 736 s.
390. *Halphen L.* *Etudes Critiques sur l'histoire de Charlemagne*. Paris: Ulan Press, 2012. 338 p.
391. *Halphen L.* Le moin de Saint-Gall // *RH*. №128, 1918. P. 260-298.
392. *Hampe K., Naumann H., Aubin H., Lintzel H., Baethgen F., Brackmann A., Erdmann C., Windelband W.* Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin: Mittler, 1935 122 S.
393. *Hanley S.* The lit d'justice of Kings of France: constitutional ideology in legend, ritual and discourse. Princeton: Princeton University Press, 1983. 358 p.
394. *Hanning J.* Consensus fidelium. Frühfeudale Interpretation des Verhältnisses von Königtum und Adel am Beispiel des Frankenreiches. Stuttgart: Hierseemann, 1982. 343 S.
395. *Haripzanov I.H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston: Brill, 2008. 394 p.
396. *Hartmann L.M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. 1: Das italienische Konigreich. Gotha: G.H. Wigand, 1897. 409 S.
397. *Hartmann W.* Karl der Große. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 333 S.
398. *Hartmann W.* Kirche und Kirchenrecht um 900: Die Bedeutung der spätkarolingischen Zeit für Tradition und Innovation im kirchlichen Recht. Hannover: Hahn, 2008. 376 S.
399. *Hartmann W.* Ludwig der Deutsche. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 264 S.
400. *Haskins C.H.* The Normans n European history. Boston; New York: Houghton Mifflin company, 1915. 260 p.
401. *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands. T. 2. Leipzig: Hinrichs, 1912. 859 S.
402. *Healy J.* The Ancient Irish Church. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 116 p.
403. *Heffernan T.J.* Sacred Biography: Saints and Their Biographers in the Middle Ages. Oxford: Oxford University Press, 1992. 352 p.

404. *Heinzelmann M.* Gregory of Tours: history and society in the 6th Century. Cambridge: CUP, 2001. 235 p.
405. *Hély V.* Eusèbe de Césarée, premier historien de l'Église. Paris: Bloud et Barral, Libraires, 1877. 263 p.
406. *Henning F.-W.* Deutsche Agrargeschichte im Mittelalter: Deutsche Agrargeschichte des Mittelalters. 9. bis 15 Jahrhundert. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 1994. 368 s.
407. *Hentschel G.* Saul. Schuld, Reue und Tragik eines Gesalbten. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2003 (Biblische Gestalten, Bd 7). 244 S.
408. Herrschaft und Staat im Mittelalter / Ed. H. Kampf. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 412 s.
409. *Holder-Egger O.* Prefatio // Einhardi Vita Karoli Magni / Post G..H. Pertz recensuit G. Waitz. Ed. VI. Curavit O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover; Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1911. S. V-XXIX.
410. *Hölkeskamp K.-J.* Der Triumph – «erinnere Dich, daß Du ein Mensch bist» // Erinnerungsorte der Antike. Die römische Welt. München: Beck, 2006. S. 258-276.
411. *Holstein H.* Hiérarchie et peuple de Dieu. Paris: Beauchesne, 1970. 200 p.
412. *Holtzmann.* Die Italianienpolitik der Merowinger und des Königs Pippin. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1962. 42 S.
413. *Hotman F.* La Gaule française. Paris: Fayard, 1991. 185 p.
414. *Hube H.-J.* Beowulf: das angelsächsische Heldenepos; neue Prosaübersetzung, Originaltext, versgetreue Stabreimfassung. Wiesbaden: Marixverlag, 2005. 300 S.
415. *Hunt A.* The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 254 p.
416. *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // Past and Present. № 158, 1998. P. 3-36.
417. *Innes M.* State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400-1000. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 336 p.
418. *Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // The Uses of the Past in the Early Middle Ages / Ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 227-249.
419. *Innes M., McKitterick R.* The Writing of history // Carolingian Culture: Emulation and Innovation / Ed. R. McKitterick. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 193-220.
420. *James E.* The Franks. Oxford: Basil Blackwel, 1991. 264 p.
421. *James E.* The Origins of France: Clovis to the Capetians, 500–1000. London: Macmillan, 1982. 253 p.
422. *Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768–771) // Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur

- Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65. Geburtstag / G. Jenal and S. Haarländer. Stuttgart, 1993. S. 165–176
423. *Kaiser R.* Das römische Erbe und das Merowingerreich (Enzyklopädie deutscher Geschichte 26). München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2004. 212 S.
424. *Kampers G.* Geschichte der Westgoten. Paderborn: Schöningh, 2008. 347 S.
425. *Kampers F., Löffler K.* Notker (1911) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11125b.htm> (дата обращения: 05.06.2015).
426. *Kampers F.* Pepin the Short (1911) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11662b.htm> (дата обращения: 23.06.2015).
427. *Kantorowicz E.H.* Kaiser Friedrich der Zweite: Hauptband. Stuttgart: Klett-Cotta, 2010. 572 S.
428. *Kasten B.* Königssöhne und Königsherrschaft: Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover: Monumenta Germaniae Historica, 1997. 648 s
429. *Kästner H.* Fortunatus - Peregrinator mundi: Welterfahrung und Selbsterkenntnis im ersten deutschen Prosaroman der Neuzeit. Freiburg: Rombach Verlag KG, 1990. 340 S
430. *Keil V.* Quellensammlung zur Religionspolitik Konstantins des Großen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 244 S
- Kerner M.* Ideologie und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. 507 S
431. *Keys D.* Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World. New York, 2000. 368 p.
432. *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 612 S.
433. *Kiernan K.* Beowulf and the Beowulf Manuscript. An Arbor: University of Michigan Press, 1996. 360 p.
434. *Kirsch J.P.* Hincmar (1910) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (дата обращения: 05.06.2015).
435. *Koziol G.* Review article: the dangers of polemic: is ritual still an interesting topic of historical study? // EME. №11. 2002. P. 367–388.
436. *Koziol G.* The Politics of Memory and Identity in Carolingian Royal Diplomas: The West Frankish Kingdom (840-987). Turnhout, 2012 (USML, 19). 661 p.
437. *Kleinberg A.* Histoires de saints: leur rôle dans la formation de l'Occident. Paris, 2005. 368 p.

438. *Kleinclausz A.* Eginhard. Paris: Société d'édition Les Belles lettres, 1942. 279 p.
439. *Kränzle A.* Theodulf. // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 11. Herzberg: Bautz, 1996. S. 1003–1008.
440. *Knofel A.-S.* Dynastie und Prestige: Die Heiratspolitik der Wettiner. Köln: Böhlau Verlag, 2009. 614 S.
441. *Krebs C.B.* A Most Dangerous Book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich. New York: W.W. Norton, 2012. 304 p.
442. *Kreuzer S.* Salomo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 8. Herzberg: Bautz, 1994. S. 1236–1246.
443. *Kreuzer S.* Saul // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 8. Herzberg: Bautz, 1994. S. 1423–1429.
444. *Krusch B.* Prefatio // Gregorii episcopi Turonensis historiarum libri X / Editionem altera. Curaverunt B. Krusch et W. Lewison // Scriptorum rerum Merovingicarum. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1951. S. IX-XXXVIII.
445. *Künzl E.* Die Germanen. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2006. 192 S.
446. *Kurze F.* Einhard (1899). Berlin: Kessinger Publishing, 2010. 94 S.
447. *Kurze F.* Praefatio // Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Alahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. S. V-XIII.
448. *Kurze F.* Praefatio // Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiorea et Eihardi / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. S. V-XIX.
449. *Kurze F.* Praefatio // Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1890. S. V-XVII.
450. *Lachaud F.* L'Ethique du pouvoir au Moyen Age: L'office dans la culture politique (Angleterre, vers 1150-vers 1330). Paris: Editions Classiques Garnier, 2010. 712 p.
451. *Lake J.* Richer of Saint-Remi. Washington: CUA Press, 2013. 321 p.
452. *Lamprecht K.* Deutsche Geschichte. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1912. 324 p.
453. *Lançon B., Moreau T.* Constantin, un Auguste chrétien. Paris: Armand Colin, 2012. 256 p.
454. *Landes R.* Relics, Apocalypse, and the Deceits of History: Ademar of Chabannes, 989—1034. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 416 p.
455. *Laudage J.* Friedrich Barbarossa. Eine Biographie. Regensburg: Pustet, 2009. 384 S.

456. *Laudage J., Hageneier L. und Leiverkus Y.* Die Zeit der Karolinger. Darmstadt: Primus, 2006. 208 s.
457. *Laurence A. Sinclair C.T.* David // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 8 (1981). S. 378-388.
458. *Lebecq S.* Les origines franques: Ve – IXe siecle. Paris: Seuil, 1990. 318 p.
459. *Le Brun J.* La spiritualité de Bossuet prédicateur. Paris: Klincksieck, 2002. 325 p.
460. *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIème-Xème siècle). Essai d'anthropologie sociale. Paris: Publications de la Sorbonne, 1995. 571 p.
461. *Le Jan R.* La société du haut Moyen Age. VI-IX siècle. P: Armand Colin, 2006. 304 p.
462. *Lehmann P.* Das literarische Bild Karls des Grossen vornemlich im lateinischen Schrifttum des Mittelalters. Bd. 2. Stuttgart, 1941. S. 109-138.
463. *Lepree J. F.* Sources of spirituality and Carolingian exegetical tradition. New York: City University of New York, 2008. 240 p.
464. *Levillain L.* Compte-rendu de B. Krusch, Fredegarius Scholasticus-Oudarius? // Bibliothèque de l'école des chartes. №89. 1928. P. 89-95.
465. *Lintel M.* Die Entstehung von Einhards Vita Karoli // Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin: Akademie, 1961. S. 27-41.
466. *Lord Reglan.* The Hero: a study in tradition, myth and drama. New York: Vintage books, 1956. 310 p.
467. *Lorenz F.* The Life of Alcuin. London: T. Hurst, St. Paul's Churchyard, 1837. 288 s.
468. *Lortz J.* Geschichte der Kirche in ideengeschichtlicher Betrachtung. Bd. 1. Altertum und Mittelalter. Münster: Aschendorf, 1962. 526 S.
469. *Lot. F.* La France des origines à la guerre de cent ans. P.: Librairie Gallimard, 1941. 278 p.
470. *Lot. F.* Naissance de la France. P.: Librairie Artheme Fayard, 1948. 794 p.
471. *Lowe H.* Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters. 1983. № 39. H.1. S. 85-103.
472. *Löwe H.* Einhard // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 7. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1989. S. 20–22.
473. *MacLean S.* History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe: the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester: Manchester University Press, 2009. 328 p.
474. *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century: Charles the Fat and the end of Carolingian Empire. New York: Cambridge University Press, 2003. 266 p.
475. *Malinowski B.* Coral gardens and their magic. V.2. The language of magic and gardening: Reimpression. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1965. 356 p.

476. *Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1-2. München: C.H. Beck, 1911.
477. *Mariković A., Vedriš T.* Identity and alterity in Hagiography and the Cult of Saints. Zagreb: Hagiotheca, 2010. 290 p.
478. *Marrou H.I.* Saint Augustin et la fin de la culture antique // Journal des savants Année. 1938. Vol. 4. №1. P. 145-154.
479. *Marti H.* Klosterkultur und Aufklärung in der Fürstabtei St. Gallen. St. Gallen: Verlag am Klosterhof, 2003. 236 S.
480. *Mayr-Harting H.* Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800 // The English Historical Review. 1996. №111. P. 1113–1133.
481. *McGlean S., Woodacre E.* The Image and Perception of Monarchy in Medieval and Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 330 p.
482. *McKenzie S.L.* König David. Eine Biographie. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. 253 S.
483. *McKitterick R.* Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 209–211.
484. *McKitterick R.* Charlemagne: The Formation of a European Identity. New-York: Cambridge University Press, 2008. 476 p.
485. *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian World. New-York: Cambridge University Press, 2004. 328 p.
486. *McManus S.M.* Byzantines in the Florentine Polis: Ideology, Statecraft and Ritual during the Council of Florence // Journal of the Oxford University History Society. №6 (Michaelmas 2008/Hilary 2009). P. 1-23.
487. *Methodios von Olympos* // Deutsche Enzyklopaedie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Methodios+von+Olympos> (дата обращения: 01.03.2016).
488. *Meier M.* Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500 / Hrsg. S. Patzold. Stuttgart: Steiner, 2014. 622 S.
489. *Merkatanti G.C.* Cronaca sassone: Appunti stilistici // Weber G.W. Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichts mythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neu zeit / Intr. by M.C. Ross. Trieste: Edizioni Parnaso, 2001. S. 307-322.
490. *Merrington J.* Town and Countryside in the Transition to Capitalism // The Transition from Feudalism to Capitalism / Ed. P. Sweezy et al. London: 1976. P. 170-195.
491. *Meyvaert P.* Medieval notions of publication: the "unpublished" "Opus Caroli regis contra synodum" and the Council of Frankfort (794) // Journal of Medieval Latin. №12. 2002. Toronto: Michael W. Herren, 2002. P. 78-89.
492. *Minois G.* Philippe le Bel. Paris: Perrin, 2014. 797 p.
493. *Mitchell S.* A history of the later Roman Empire, AD 284-641: the transformation of the ancient world. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 488 p.

494. *Mitchell K.* The World of Gregory of Tours / Ed. I. Wood. Leiden: Brill Academic Pub, 2002. 448 p.
495. *Mitteis H.* Die Rechtsidee in der Geschichte. Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1957. 752 S.
496. *Mitteis H.* Lehnrecht und Staatsgewalt – Untersuchungen zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte. Darmstadt: WBG, 1958. 714 S.
497. *Modzelewsky K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa: Iskry, 2004. 519 S.
498. *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht. Bd. II. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 747, 840, 872-873.
499. *Montesquieu C.* De l'esprit des lois / Ed. V. Goldschmidt. T.1. Paris: Flammarion. 1993. 486 p.
500. *Montlosier F.-D. de R.* De la Monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours. 7 vv. Paris: H. Nicolle [etc.], 1814-1824.
501. *Moraw P.* Gesammelte Beiträge zur Deutschen und Europäischen Universitätsgeschichte. Strukturen – Personen – Entwicklungen (Education and society in the Middle Ages and Renaissance. Bd. 31). Leiden: Brill, 2008. 620 S.
502. *Muller E.* Prefatio // Nithardi Historiarum Libri IV / Post G..H. Pertz recognovit E. Muller. Accedit Angelberti rhythmus de pugna fontanetica // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1907. S. V-XIV.
503. *Mussot-Goulard R.* Charlemagne. Paris: Presses universitaires de France, 1992. 128 p.
504. *Mussot-Goulard R.* Les Goths. Biarritz: Atlantica, 1999. 323 p.
505. *Nahmer D.* Die lateinische Heiligenvita. Eine Einführung in die lateinische Hagiographie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. 202 p.
506. *Neff K.* Die Gedichte des Paulus Diaconus. Kritische und erklärende Ausgabe. München: C.H. Beck, 1908. 231 S.
507. *Neidorf L.* The Dating of Beowulf: A Reassessment. Cambridge: DS Brewer, 2014. 262 p.
508. *Nelson J.* The Annals of St. Bertin. Manchester, 1991. P. 7-19.
509. *Nelson J.* Charles the Bald. London: Routledge, 1992. 364 p.
510. *Nelson J.* England and the Continent in the Ninth century: IV, Bodies and Minds // Transactions of the Royal Historical Society. 2005. №15. P. 1-27.
511. *Nelson J.* Kingship and empire in the Carolingian world // Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge: Cambridge University press, 1994. P. 52-87.
512. *Nelson J.* La mort de Charles le Chauve // *Medievales*. 1996. № 31. P. 61-66.
513. *Nelson J.* Legislation and Consensus in the Reign of Charles the Bald // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society / Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill, P. Warwald, D. Bullough, R. Collins, eds. London: Blackwell, 1983. P. 202-227.

514. *Nelson J.* Ninth-century knighthood: the evidens of Nithard // *Studies in Medieval Hystory presented to R.A. Brown.* 1989. P. 255-266.
515. *Nelson J.* Public Histories and Private History in the Work of Nithard // *Speculum.* № 60/2. 1985. P. 251-293.
516. *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History.* V. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 110–141.
517. *Nitsche S.A.* König David. Sein Leben – seine Zeit – seine Welt. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2002. 300 S.
518. *Ochsenbein P.* Das Kloster St. Gallen im Mittelalter. Die kulturelle Blüte vom 8. bis zum 12. Jahrhundert. Stuttgart: Konrad Theiss, 1999. 280 S.
519. *Oexle O.G.* Aspekte der Geschihte des Adels im Mittelalter und in der Fruhen Neuzeit // *Wehler H.U.* 1990. *Europäischer Adel 1750-1950.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 21-24.
520. *Oexle O.G.* Die Karoliger und die Stadt des heiligen Arnulf // *Frühmittelalterliche Studien.* Bd. 1. Muenster, 1967. S. 250-364.
521. *O'Donnel J.J.* Cassiodorus. Berkley; Los Angeles: Univ of California Pr, 1979. 300 p.
522. *O'Neal M.J.* Charlemagne: Great Capitulary (802) // *Milestone documents* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.milestonedocuments.com/documents/view/capitulary-of-charlemagne/> (дата обращения: 16.04.2015).
523. *Opitz-Belakhal C.* Das Universum des Jean Bodin. Staatsbildung, Macht und Geschlecht im 16. Jahrhundert. Frankfurt/M: Campus Verlag, 2006. 207 S.
524. *Östenberg I.* Staging the world. Spoils, captives, and representations in the Roman triumphal procession. Oxford: Oxford University Press, 2009. 344 p.
525. *Ott M.* St. Bertin (1907) // *The Catholic Encyclopedia* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02522b.htm> (дата обращения: 01.05.2015).
526. *Quidde L.* Karl der Grosse – der Sachsenschlächter? // *Pariser Tageblatt.* Jg. 3. Nr. 491 vom 17. April 1935. S. 4
527. *Page R.B.* The Letters of Alcuin. New York: The Forest press, 1909. 106 p.
528. *Patze H.* Justitia bei Nithard // *Festschrift fur Hermann Heimpel.* Bd. 3. Gottingen, 1972. S. 147-165.
529. *Patzelt E.* Die karolingische Renaissance. Beiträge zur Geschichte der Kultur des frühen Mittelalters. Vienne, 1924. S. 9-31.
530. *Penndorf U.* Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843): Untersuchungen zu den späten Karolingern. München : Argeo-Gesellschaft, 1974. 204 S.
531. *Périn P.* Clovis et la naissance de la France. Paris: Denoël, 1990. 128 p.

532. *Pichon B., Barat C.* La puissance royale: Image et pouvoir de l'antiquité au moyen age. Rennes: PU Rennes, 2012. 260 p.
533. *Pigaillem H.* Les Guises. Paris: Pygmalion, 2012. 517 p.
534. *Pinoteau H.* Saint Louis: son entourage et la symbolique chrétienne. Paris: Éditions du Gui, 2005. 240 p.
535. *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. Paris: PUF, 1937. 207 p.
536. *Premenstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Munchen, 1937. S. 22-32.
537. *Press V.* Das alte Reich. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, 2000. 688 S.
538. *Prinz F.* Hagiographie und Kultpropaganda. Die Rolle der Auftraggeber und Autoren hagiographischer Texte des Frühmittelalters // Zeitschrift für Kirchengeschichte. №103. 1992. S. 174–194.
539. *Pritsak O.* The Slavs and the Avars // Kroraina [Электронный ресурс]. URL: http://www.kroraina.com/slav/op/op_slavs_avars_1.htm (дата обращения: 16.10.2015)
540. *Prou M.* Annales // La Grande Encyclopedie inventaire raisonne des sciences, des letters et des arts par une societe de savants et de gens de lettres. T. 3: Animisme - Arthur. Paris: H. Lamirault et Cie, 1885. P. 21.
541. *Prou M.* Introduction // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P.: F. Wieweg, libraire-editeur, 1885. P. I-XLI.
542. *Ratzinger J.* Volk und Haus Gottes in Augustins Lehre von der Kirche (Münchner theologische Studien 2/7). München: Karl Zink Verlag, 1954. 331 S.
543. *Reviron J.* Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son De Institutione regia: étude et texte critique. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1930. 197 p.
544. *Reuter T.* The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories. V. II. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 1-14.
545. *Riché P., Verger J.* Des nains sur des épaules de géants. Maîtres et élèves au Moyen Âge. Paris: Tallandier, 2006. 351 p.
546. *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. Paris: Fayard/Plurel, 2012. 496 p.
547. *Ruthless G.* Odinism: Ideology, Customs, and Practices // Viking World Wiki: hisroty, myth and culture [Электронный ресурс]. URL: <http://thevikingworld.pbworks.com/w/page/4717689/Odinism%3A%20Ideology,%20Customs,%20and%20Practices> (дата обращения: 20.05.2015).
548. *Rufin d'Aquilée* // Encyclopedie Larousse [Электронный ресурс]. URL: http://www.larousse.fr/encyclopedie/litterature/Rufin_dAquil%C3%A9e/176660 (дата обращения: 28.05.2014).
549. *Saint Cyprian* // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/biography/Saint-Cyprian-Christian-bishop> (дата обращения: 02.03.2015).

550. *Sauer E.* The archaeology of religious hatred in the Roman and early medieval world. Stroud: Tempus Books, 2003. 176 p.
551. *Scholz B.* Carolingian chronicles: Royal Frankish annals and Nithard's Histories. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. 248 p.
552. *Simek R.* Die Germanen. Stuttgart: Reclam Verlag, 2006. 216 S.
553. *Simek R.* Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2006. 573 S.
554. *Simson B.* Prefatio. II. Annales vedastini // Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover et Lipsia: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909. S. VIII–XVI.
555. *Simson B.* Über Thegan den Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 10. Göttingen: Dieterich, 1870. S. 325–352.
556. *Singer B.* Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation. München: Wilhelm Fink Verlag, 1981. 358 S.
557. *Shaefer F.J.* Capitularies: collections of laws or ordinances, chiefly of the Frankish kings // The Original Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://oce.catholic.com/index.php?title=Capitularies> (дата обращения: 02.03.2015).
558. *Shippey T.* Tolkien and the Beowulf-poet, Roots and Branches. Zollikofen: Walking Tree Publishers, 2007. P. 172–196;
559. *Schaller D.* Beobachtungen und Funde am Rande des Waltharius-Problems // Borgolte M., Spilling H. Litterae Medii Aevi. Festschrift für Johanne Autenrieth. Sigmaringen: Thorbecke, 1988, S. 135–144.
560. *Schaller D.* Von St. Gallen nach Mainz? Zum Verfasserproblem des Waltharius // Mittellateinisches Jahrbuch. 1990/91. №24–25. S. 423–437.
561. *Schaller O.* Die deutsche Literatur des Mittelalters // Verfasserlexikon. 1983. №4. S. 1041–1045.
562. *Scharer A.* Charlemagne's Daughters // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. S. Baxter, C. E. Karkov, J. L. Nelson, D. Pelteret. Farnham, 2009. P. 269–282.
563. *Scheibelreiter G.* Gegenwart und Vergangenheit in der Sicht Fredegars // The Medieval Chronicle. Amsterdam; New York, 2002. S. 212–222.
564. *Schramm P.E.* Die Anerkennung Karls des Grossen als Kaiser. Ein Kapitel aus der Geschichte der mittelalterlichen «Staatssymbolik» // Sonderdruck aus Historische Zeitschrift. 1951. H. 172/3. S. 449–515.
565. *Schramm P.E.* Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit 751–1152. München: Prestel, 1983. 516 S.
566. *Schieffer R.* Die Karolinger. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 266 S.
567. *Schieffer R.* Väter und Söhne im Karolingerhause // Schieffer R. Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum: Referate beim

- Wissenschaftlichen Colloquium zum 75. Geburtstag von Eugen Ewig am 28. Mai 1988. Sigmaringen: Thorbecke, 1990. S. 149–164.
568. *Schlager P.* Einhard (1909) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. New York: Robert Appleton Company. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/05366b.htm> (дата обращения: 26.06.2015).
569. *Schlager P.* Rudolf of Fulda (1912) // The Catholic Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/13218a.htm> (дата обращения: 12.06.2015).
570. *Schmal S.* Tacitus. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2005. 240 S.
571. *Schmidt H.-J.* Fürstenspiegel // Historisches Lexikon Bayerns [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historisches-lexikon-bayerns.de> (дата обращения: 23.02.2014)
572. *Schunck K.D.* König Saul – Etappen seines Weges zum Aufbau eines israelitischen Staates // Biblische Zeitschrift, N.F. 36 (1992), S. 195–206.
573. *Schlesinger W.* Bauerliche Gemeindebildung in de mittelelbischen Landen in Zeitalter der deutschen Osbewegung // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. T. I. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1963. S. 212-274.
574. *Schneidmüller B.* Sehnsucht nach Karl dem Großen. Vom Nutzen eines toten Kaisers für die Nachgeborenen. Die politische Instrumentalisierung Karls des Großen im 19. und 20. Jahrhundert // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2000. №51. S. 284–301.
575. *Schwarz J.* Das Europäische Mittelalter. T. 1: Grundstrukturen - Volkerwanderung – Frankenreich. W. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 2006. 136 p.
576. *Skinner Q.* Renaissance Virtues: Visions of Politics. V. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 478 p.
577. *Smalley B.* Historians in the Middle Ages. New York: Thames & Hudson Ltd, 1974. 200 p.
578. *Socrate le Scholastique* // Encyclopedie Larousse [Электронный ресурс]. URL: http://www.larousse.fr/encyclopedia/personnage/Socrate_le_Scholastique/182545 (дата обращения: 28.05.2014)
579. *Sot M.* Richer de Reims // Dictionnaire du Moyen Âge / Dir. C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink. Paris: PUF, 2003. P. 1219.
580. *Speidel M.P.* Ancient Germanic warriors. Warrior style from Trajan's Column to Icelandic sagas. London; New Yrok: Routledge, 2004. 328 s.
581. *Sprigade K.* Zur Berteilung Nithards als Historiker // Hdj. Bd. 16. 1972. S. 95, 105.
582. *Springsfeld K.* Karl der Große, Alkuin und die Zeitrechnung // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. 2004. №27. Lubeck: Wiley-VCH Verlag, 2004. S. 53–66.

583. *Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton: Princeton University Press, 1994. 302 p.
584. *Staab F.* Klassische Bildung und regionale Perspektive in den Mainzer Reichsannalen (sog. Annales Fuldenses) als Instrument der geographischen Darstellung, der Bewertung der Regierungstätigkeit und der Lebensverhältnisse im Frankenreich // *Gli umanesimi medievali: atti del II congresso dell'Internationales Mittellateinerkomitee.* Florenz, 1998, S. 637–668.
585. *Stagner R.* Egocentrism, ethnocentrism, and altrocentrism: factors in individual and intergroup violence // *International Journal of Intercultural Relations.* 1977. Vol.1. P. 9-29.
586. *Starostine D.* "...in die festivitatis - Calendar and the Ritual Structuring of Time and Space in the Middle Ages". PhD. Ann Arbor: University of Michigan, 2002. P. 143-217.
587. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T.2. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. 464 p.
588. *Steinsland G.* Norrøn religion: myter, riter, samfunn. Oslo: Pax forlag, 2005. 488 s.
589. *Stella F.* Autore e attribuzioni del «Karolus Magnus et Leo Papa» // *Vorabend der Kaiserkrönung: Das Epos «Karolus Magnus et Leo Papa» und der Papstbesuch in Paderborn 799* / Ed. P. Godman, J. Jarnut und P. Johanek. Berlin, 2002. S. 19–33.
590. *Stengel E.* Kaisertitel und Souvrenitatsidee // *Deutsches Archiv.* Bd. 3. 1939. S. 49-56.
591. *Storgaard B., Thompsen L.G.* The spoils of victory: the North in the shadow of the Roman Empire. Copenhagen: Nationalmuseet, 2003. 451 p.
592. *Study of the Bible in the Carolingian Era* / Ed. C.M. Chazelle, A.T. Edwards. Turnhout: Brepols Publishers, 2003. 258 p.
593. *Syme R.* The Roman revolution. Oxford: The Clarendon Press, 1939. 568 p.
594. *Tellenbach G.* Königtum und stämme in der werdezeit des deutschen reiches. Weimar: H. Böhlau nachfolger, 1939. 108 S.
595. *Tellenbach G.* Vom Karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // *Herrschaft und Staat im Mittelalter* / Ed. H. Kampf. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. S. 191-242.
596. *The Cambridge history of medieval political thought c. 350 – c. 1450.* / Ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988. 818 p.
597. *The Septuagint with apocrypha: english* / Ed. L.C.L. Brenton. London: <http://ecmarsh.com>, 2010. 1108 p.
598. *Theuerkauf G.* Lex, Speculum, Compendium iuris. Rechtsaufzeichnung und Rechtsbewußtsein in Norddeutschland vom 8. bis zum 16. Jahrhundert. Köln: Bohlau, 1968. 376 S.
599. *Thiebaux M.* Introduction: Duoda of Uzes and the Liber Manualis // *Dhuoda. Handbook for her warrior son* / Ed. And trans. M. Thiebaux. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 1-39.

600. *Thorpe L.* Introduction // *Life of Charlemagne by Einhard the Frank.* London: Folio Society, 1970. 88 p.
601. *Tichler M.M.* Einharts Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption (MGH. Schriften. Bd. 48). Bd. 1-2. Hannover: Hahnsche Buchh, 2001.
602. *Timpe D.* Romano-Germanica: gesammelte Studien zur Germania des Tacitus. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1995. 228 S.
603. *Tolkien J. R.R.* Beowulf: The Monsters and the Critics. London: HarperCollins, 2007. 240 p.
604. *Trempe E.* Astronomus // *Thegan. Gesta Hludowici imperatoris.* Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Hahnsche Bushhandlung, 1995. S. 53-155.
605. *Trempe E.* Thegan // *Thegan. Gesta Hludowici imperatoris.* Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Hahnsche Bushhandlung, 1995. S. 1-52.
606. *Trempe E.* Thegan und Astronomus, die beiden Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // *Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840).* Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 691-700.
607. *Tyrann* // *Deutsche Enzyklopaedie [Электронный ресурс].* URL: <http://www.enzyklo.de/suche.php?woord=Tyrann> (дата обращения: 26.04.2015).
608. *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France. P.: Sautet et Compagnie; Ponthieu et Compagnie, 1859. P. 107.
609. *Ubl K.* Die Karolinger. Herrscher und Reich. München: C.H.Beck, 2014. 128 s.
610. *Ullmann W.* History of Political Thought: The Middle Ages. London: Penguin Books Ltd, 1970. 253 p.
611. *Ullmann W.* The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. Oxon: Routledge, 2010. 216 p.
612. *Ullmann W.* The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Power. London: Methuen, 1962. 496 p.
613. *Urbainczyk T.* Socrates of Constantinople. An Arbor: University of Michigan Press, 1997. 232 p.
614. *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age: d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Roma: Ecole française de Rome, 1988. 771 p.
615. *Vliet E. van der.* Polis. The Problem of Statehood. In: *Social Evolution & History.* 2005. Bd. S. 120–150.
616. *Vogüé A. de.* Benedikt von Nursia. Ein Lebensbild. München: Verlag Neue Stadt, 2006. 160 S.

617. *Wagner D.* Geist und Tora. Studien zur göttlichen Legitimation und Delegation von Herrschaft im Alten Testament anhand der Erzählungen über König Saul. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2005 (Arbeiten zur Bibel und ihrer Geschichte, Bd 15). 464 S.
618. *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3. Kiel: E. Homann, 1860. 538 S.
619. *Waitz G.* Prefatio // Annales Bertiani / Recensuit G. Waitz // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. V-X.
620. *Wallace-Hadrill D.S.* Eusebius von Caesarea. // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 10. Berlin; New York: De Gruyter, 1982. S. 537.
621. *Wallace-Hadrill D.S.* The Long Haired Kings and Other Studies in Frankish History. New York: University of Toronto Press, 1962. 261 p.
622. *Wallraff M.* Der Kirchenhistoriker Sokrates. Untersuchungen zu Geschichtsdarstellung, Methode und Person. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. 372 S.
623. *Walsh J.R., Bradley T.* A History of the Irish Church 400-700 AD. Dublin: Columba Press, 1991. 128 p.
624. *Walter R.* Fortunatus. München: Fink, 1984. 120 S.
625. *Wattenbach W.* Angilbert // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1875. S. 459.
626. *Wattenbach-Lewison-Lowe.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 2. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1953. 87 S.
627. *Wattenbach W.* Prefatio // Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum // Scriptores rerum Merovingicarum. T.2. Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani, 1888. S. VII-VIII.
628. *Watts E.J.* City and school in Late antique Athens and Alexandria. Berkeley CA: University of California Press, 2006. 304 p.
629. *Weber G.W.* Mythos und Geschichte: Essays zur Geschichtsmythologie Skandinaviens in Mittelalter und Neuzeit / Intr. by M.C. Ross. Trieste: Edizioni Parnaso, 2001. 196 S.
630. *Wehlen W.* Geschichtsschreibung und Staatsauffassung in Zeitalter Ludwigs des Frommen. Lubeck: Matthiesen, 1970. 143 S.
631. *Weinfurter S.* Das Reich im Mittelalter: kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München: C.H.Beck, 2008. 320 S.
632. *Weinfurter S.* Karl der Grosse: der heilige Barbar. München: Piper, 2013. 352 S.
633. *Weinfurter S.* Stauferreich im Wandel. Ordnungsvorstellungen und Politik in der Zeit Friedrich Barbarossas. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 2002. 323 S.
634. *Wells P.* Barbarians to Angels: The Dark Ages Reconsidered. New York: W.W. Norton, 2009. 256 p.
635. *Wendel M.* Der Kriegszug der Awaren im Jahr 586/87 n. Chr. durch Nordthrakien // Pontos Euxeinos. Beiträge zur Archäologie und Geschichte

- des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes. Langenweissbach: Beier & Beran, 2006. S. 447-461
636. *Werner K.-F.* Karl der Große oder Charlemagne - Von der Aktualität einer überholten Fragestellung // Vorgelegt von Horst Fuhrmann am 17. Februar 1995. München: Beck, 1995. 62 S.
637. *Werner K.-F.* Naissance de la noblesse. Paris: Fayard; Pluriel, 2012. 600 p.
638. *Wesseling K.G.* Walafrid Strabo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 13. Bautz: Herzberg, 1998. S. 169–176.
639. *West A.F.* Alcuin and the rise of the Christian schools. New York: Charles scribner's sons, 1912. 212 s.
640. *Wickert L.* Neue Forschungen zur romische Prinzipatus// ANRW. Bd. II. T. 1. New-York, Berlin, 1974. S. 1-76.
641. *Wickham C.* Early Medieval Italy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981. 230 p.
642. *Wiesehöfer J.* Die altorientalische Stadt – Vorbild für die griechische Bürgergemeinde (Polis)? // Die Urbanisierung Europas von der Antike bis in die Moderne / Hrsg. G. Fouquet, G. Zeilinger. Frankfurt am Main: Lang, 2009. S. 43–61.
643. *Wilentz S.* Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics Since the Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. 344 p.
644. *Wilmot-Buxton E.M.* Alcuin. New York: P.J. Kenedy & sons, 1922. 226 p.
645. *Winkelmann F.* Euseb von Kaisareia. Der Vater der Kirchengeschichte. Berlin: Verlags-Anstalt Union, 1991. 195 S.
646. *Wohletz K.* Were the Dark Ages Triggered by Volcano-Related Climate Changes in the 6th Century? // URL: <http://www.ees1.lanl.gov/Wohletz/Krakatau.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
647. *Wolfram H.* Die Germanen. München: C.H. Beck, 2005. 128 S.
648. *Wolfram H.* Die Goten und ihre Geschichte (Beck'sche Reihe). München: C.H.Beck, 2009. 127 S.
649. *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples / Trans. T. Dunlap. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. 361 p.
650. *Wood I.* Deconstructing the Merovingian family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts / Edd. Richard Corradini, Max Diesenberger, Helmut Reinitz. Leiden: Brill, 2003. P. 149–171.
651. *Woodwarth J.* The Theatre of Death: the Ritual Management of Royal Funeral in Renaissance England 1570-1625. Woodbridge: Boydell Press, 1997. 280 p.
652. *Würthwein E.* Die Bücher der Könige. Das erste Buch der Könige, Kapitel 1–16 (ATD 11,1). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 515 S.

653. *Zettler A.* St. Gallen als Bischofs- und Königskloster // Alemannisches Jahrbuch 2001/2002. S. 23–38.
654. *Zimmerman J.-R.* Les Vosges: Merveilles de la nature, de Saverne au Ballon d'Alsace, des Mille-Etangs au Donon. Paris: Place Stanislas Editions, 2009. 150 p.